

Бро

люд

Ока

Брацкои

аски.

ди

Браской

Острог



СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»

*Документы
и материалы*



П. А. МУХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ, ПИСЬМА

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство 1991

Издание подготовлено
Г. В. ЧАГИНЫМ

Ответственный редактор
В. А. ФЕДОРОВ

Рецензент *А. В. СЕМЕНОВА*

ДЕКАБРИСТ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ МУХАНОВ

Петр Александрович Муханов (1799—1854) относится к числу заметных, хотя и не главных, деятелей декабристского движения. В 19-летнем возрасте он вступил в Союз благоденствия, был связан с Северным и Южным обществами, в декабре 1825 г. принимал активное участие в совещаниях московских декабристов на квартирах М. Ф. Орлова и М. Ф. Митькова, где обсуждались планы поддержки «петербургских товарищей». Здесь Муханов заявил о своей готовности отправиться в Петербург, убить Николая I и освободить из Петропавловской крепости участников восстания 14 декабря. Этот «вызов» на цареубийство» явился в ходе следствия главным пунктом обвинения Муханова: он был приговорен к 15-летней каторге с последующим пожизненным поселением в Сибири.

П. А. Муханов был известен современникам как литератор и военный историк. Его повести и рассказы, путевые очерки, статьи по военной истории и статистические обзоры губерний часто публиковались в тогдашних журналах и литературных альманахах. Свои литературные занятия Муханов продолжал и в тяжелых условиях каторги и ссылки. К сожалению, большая часть литературных трудов, написанных им после 1825 г., утрачена.

В обширной декабристоведческой литературе пока еще нет обобщающей работы о жизни и деятельности декабриста П. А. Муханова[1]. Имеющиеся статьи и докумен-

---

[1] В художественной форме, но на документальной основе биография П. А. Муханова изложена в кн.: Медведкова Т. Ф., Муравьев В. Б. Повесть о декабристе Петре Муханове. М., 1975.

тальные публикации освещают лишь отдельные периоды и факты биографии этого декабриста[2]. Не претендует на монографическое изучение и данная работа, имеющая целью лишь познакомить читателя с основными фактами биографии П. А. Муханова. Его творческое и эпистолярное наследие, впервые здесь собранное, даст, надеемся, исследователям материал для изучения его творчества, мировоззрения, воссоздания цельного облика декабриста.

Петр Александрович Муханов родился 7 января 1799 г.[3] в родовитой дворянской семье[4]. Отец его, Александр Ильич Муханов (1766—1815), служил в конной гвардии, после женитьбы в 1797 г. на Наталье Александровне Саблуковой (1779—1855) вышел в отставку в чине полковника, но вскоре был назначен новгородским вице-губернатором, потом был губернатором в Полтаве и Казани. В 1801 г. А. И. Муханов, якобы за «упущения по службе», был отстранен от должности, но через три года вновь восстановлен в ней. У Александра Ильича и Натальи Александровны Мухановых кроме Петра были еще два умерших детьми сына, сын Павел (1797—1871), впоследствии известный историк, председатель Археографической комиссии, и две дочери: Екатерина (1800—1876), впоследствии замужем за ректором Московского университета А. А. Альфонским, и Елизавета (1803—1836), вышедшая в 1824 г. замуж за кн. В. М. Шаховского.

Мухановы были крупными землевладельцами. Имения их находились во Владимирской, Могилевской и Тамбовской губерниях. Как вспоминала М. С. Муханова, Мухановы «часто живали» в своем родовом имении Успенском, находившемся в Александровском уезде Владимир-

---

[2] Укажем некоторые из них: Сиверс А. А. Материалы к родословию Мухановых. Спб., 1910; Цявловский М. А. Дневник Е. А. Шаховской. 1826—1827 // Голос минувшего. 1920—1921; Попов П. Н. П. А. Муханов в Сибири: Материалы для биографии // Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925; Чернов С. Н. Следствие о московских событиях в декабре 1825 г. // Старая Москва. М., 1929. Вып. 1; Салинка В. А. К вопросу о литературном наследстве декабриста П. А. Муханова // Рус. литература. 1969. № 1.

[3] В литературе приводятся разные даты рождения декабриста: 1798, 1799 и 1800 гг. В формулярном списке от 1 января 1826 г. указан возраст «28 лет», сам Муханов на следствии показывал, что ему «от роду 29 лет» (*ВД*. Т. 3. С. 134, 180). Здесь принята дата, обоснованная в 1926 г. А. А. Сиверсом.

[4] Сведения о роде Мухановых восходят к XVI в.

ской губернии, в 70 верстах от Москвы[5]. С тех пор навсегда полюбилось П. А. Муханову Подмосковье, где в дворянских усадьбах проживало немало его близких и дальних родственников и друзей. Впоследствии, в сибирской ссылке, П. А. Муханов в письмах с теплотой будет вспоминать о днях своей юности, проведенных в Подмосковье: «Это по сие время любимое нами место ... Я бы исходил пешком на поклонение каждому кусту и не знаю, не умер бы я в первый же день от радости или от множества самых живых воспоминаний»[6].

Семьи отца и матери П. А. Муханова издавна были связаны с царским двором. Его прадед, Ипат Калинович Муханов, был слугой и товарищем по детским играм юного Петра I, потом в качестве первого морского офицера участвовал во многих морских сражениях во время Северной войны, был шафером при венчании Петра I и Екатерины I, дослужился до чина контр-адмирала. Дядя декабриста Сергей Ильич Муханов был обер-шталмейстером русского императорского двора и ближайшим другом императрицы Марии Федоровны. Другой дядя, по материнской линии — генерал-лейтенант Николай Александрович Саблуков был приближенным императора Павла I. Он — автор «Записок» о времени Павла I и о дворцовом перевороте 12 марта 1801 г.

О своем образовании Муханов писал в показаниях Следственному комитету: «Воспитывался сначала дома у родителей, наставники были иностранец Лардиллион, словесных наук профессора Духовной академии Орловский и Сперанский (что ныне архимандриты Феоктист и Гермоген), после сего обучался в Московском университете российскому красноречию, истории и статистике. Принят по экзамену в учебное заведение для колонновожатых, где учился военным наукам, математике, геодезии, физике и астрономии»[7].

В Московском университете в качестве вольнослушателя по отделению словесных наук Муханов обучался, по-видимому, с середины августа 1813 г. (со времени возобновления занятий в университете после возвращения его из Нижнего Новгорода в Москву) по апрель 1815 г., т. е.

---

5 Из записок Марии Сергеевны Мухановой // Рус. архив. 1878. № 1. С. 209—215.

6 Письмо 179.

7 *ВД.* Т. 3. С. 180.



ГЕРБ РОДА МУХАНОВЫХ

до того момента, когда он и его старший брат Павел подали прошения о принятии в только что учрежденное Н. Н. Муравьевым, отцом декабристов Александра и Михаила Муравьевых, Московское училище для колонновожатых. В университете Муханов также посещал лекции по курсу «подземных укреплений» у профессора Г. И. Мягкова. «Но как я сам знал более его, то скоро перестал ездить к нему»,— писал он в своих показаниях [7].

Московский университет был в то время одним из идейных центров «вольнодумства»: не случайно из университета и состоявшего при нем пансиона вышло около 60 будущих декабристов. Здесь преподавало немало молодых профессоров, придерживавшихся передовых взглядов: преподаватель «права естественного» Л. А. Цветаев,

профессор эстетики П. А. Сохацкий, профессор российской поэзии и красноречия А. Ф. Мерзляков, историки М. Т. Каченовский и Н. А. Черепанов. В университетских аудиториях проходили горячие споры вокруг насущных проблем современности, устраивались политические диспуты. Об одном таком диспуте рассказывает в своих «Записках» Д. Н. Свербеев. Диспут состоялся 3 апреля 1815 г. и был связан с защитой диссертации М. Я. Маловым «Монархическое правление есть самое превосходное из всех правлений». На диспуте первыми с возражениями диссертанту выступили «молодые студенты», подготовленные старшими «вольнодумцами». Затем «в атаку» на диссертанта выступила «фаланга передовых мужей» во главе с будущим декабристом С. М. Семеновым, «и тяжкие удары из арсенала XVIII века посыпались на защитника монархии самодержавной». Диссертант смешался, но тут на выручку ему пришел декан Н. Н. Сандунов, объявивший о «закрытии диспута». «В этот день,— вспоминает Свербеев,— я первый раз в жизни познакомился с либеральными мыслями и публичным их выражением»[8]. Вполне вероятно, что на этом диспуте, собравшем большую аудиторию, мог быть и молодой студент П. А. Муханов. Надо полагать, что в университете Муханов мог познакомиться с обучавшимися в нем тогда же будущими декабристами П. С. Бобрищевым-Пушкиным, С. Н. Кашкиным, С. Е. Раичем, Ф. П. Шаховским, С. И. Кривцовым и М. П. Бестужевым-Рюминым.

18 июня 1815 г. П. А. Муханов был принят в муравьевскую школу колонновожатых. В 1816 г. она была преобразована в Московское учебное заведение для колонновожатых, получившее значение государственного учреждения, хотя и на полном содержании Н. Н. Муравьева, а преподаватели и обучавшиеся считались состоявшими на военной службе. Училище давало основательную военную и общеобразовательную подготовку. Наряду с изучением военных дисциплин будущие колонновожатые должны были быть «сведущи» во французском, немецком и английском языках, знать «географию астрономическую, физическую и политическую историю, арифметику, алгебру, плоскую и сферическую тригонометрию, аналитическую и начертательную геометрию, дифференциальные и интег-

[8] Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799—1826). М., 1899. Т. 1. С. 105—108.

ральные исчисления, механику, гидродинамику, оптику, физику, полевую фортификацию и артиллерию»[9]. Каждое лето воспитанники училища отправлялись в подмосковные деревни и села для топографической съемки местности. Крайняя бедность крестьян, жестокое угнетение их помещиками производили сильное впечатление на будущих молодых офицеров. Воспитанник муравьевского училища колонновожатых декабрист Н. В. Басаргин впоследствии показывал на следствии: «В 1819 году, будучи на съемке в Московской губернии, мне случилось стоять в деревне у одного помещика, коего обращение с крестьянами дало мне первую мысль или, лучше сказать, желание сделать их свободными»[10]. Муравьевское училище колонновожатых не только давало солидную профессиональную подготовку, но и явилось школой гражданского воспитания: духа товарищества, подлинного патриотизма и готовности к беззаветному, бескорыстному служению отечеству. Тот же Басаргин писал в своих воспоминаниях: «Без преувеличения можно сказать, что все вышедшие из этого заведения молодые люди отличались — особенно в то время — не только своим образованием, своим усердием к службе и ревностным исполнением своих обязанностей, но и прямотою, честностью своего характера. <...> все они — я уверен — честно шли по тому пути, который выпал на долю каждого, и с достоинством сохранили то, что было посеяно и развито в них в юношеские лета»[11]. Сам основатель Московской школы колонновожатых Н. Н. Муравьев был высокообразованным человеком своего времени, воспитанным на передовых идеях века Просвещения. В марте 1816 г. помощником отца в руководстве училищем становится Михаил Муравьев; в то же время преподавателем фортификации и истории сюда назначается и Петр Колошин. Из среды воспитанников училища только за семь лет муравьевского руководства (1816—1823) вышли 24 будущих декабриста[12].

---

[9] *ЦГВИА*. Ф. 911. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

[10] *ВД*. Т. 12. С. 310.

[11] Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 310—311.

[12] Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 102. По последним разысканиям выявлено до 28 декабристов — воспитанников Московского училища колонновожатых (Чагин Г. В. «Своеобразно по происхождению...» // Куранты. М., 1987. № 2. С. 131.

Среди близких друзей Муханова, впоследствии декабристов, в училище колонновожатых были Захар Чернышев, Николай Воейков, Николай Загорецкий, Василий Зубков, Алексей Шереметев и Александр Корнилович. С последним Муханова связывали и общие интересы к литературе и истории. В то время Корнилович был занят копированием документов в московских архивах для военного историка Д. П. Бутурлина, а впоследствии сам опубликовал ряд исторических изысканий из эпохи Петра I.

Служебная карьера П. А. Муханова складывалась удачно. По окончании училища колонновожатых и успешной сдачи выпускного экзамена (экзамен принимал сам начальник Главного штаба кн. П. М. Волконский) Муханов 30 августа 1816 г. был произведен в прапорщики и определен в свиту его величества по квартирмейстерской части. 6 мая 1818 г. он был произведен в подпоручики с назначением по высочайшему повелению во 2-й пионерный батальон. 14 октября 1819 г. «за отличие» был переведен в лейб-гвардии Саперный батальон, а высочайшим приказом 9 марта 1821 г.— в лейб-гвардии Измайловский полк. 1 января 1822 г. произведен в поручики этого полка. Приказом 15 апреля 1823 г. Муханов был назначен адъютантом к прославленному герою войны 1812 г. генералу Н. Н. Раевскому. 1 января 1824 г. он произведен в штабс-капитаны.

Во время военной службы Муханов продолжал заниматься самообразованием. На вопрос Следственного комитета «В каких предметах старались вы наиболее усовершенствоваться?» он писал: «Преимущественно занимался военными науками, историей и статистикой»[13]. Свои ученые занятия Муханов соединял с литературной деятельностью.

Когда и при каких обстоятельствах П. А. Муханов вступил в тайное декабристское общество? Один из основателей первой декабристской организации Союза спасения полковник гвардейского Генерального штаба А. Н. Муравьев познакомился с Мухановым еще летом 1816 г., но тогда не привлек его в тайное общество. В 1817 г. Муханов был отправлен по делам службы на юг России. «<...> я весь 1817 и часть 18 [года] находился при преобразовании Бугских козаков в уланы и тогда не имел никакого

---

[13] *ВД*. Т. 3. С. 180.

сведения о тайных обществах»,— показывал он на следствии[14]. В мае 1818 г. Муханов возвратился в Москву и здесь снова сблизился с А. Н. Муравьевым. В показаниях Следственному комитету декабрист писал: «Был принят в члены Союза благоденствия в Москве в 1818 или 1819 году двоюродным братом моим отставным гвардии полковником Муравьевым (Александром)[15], которому по установленному обряду и дал расписку в том, что обязуюсь по сделанному мною выбору из трех отделений (1 — человеколюбия, 2 — просвещения и 3 — правосудия) принадлежать ко второму»[16]. Сам А. Н. Муравьев на следствии подтверждал, что Муханов был им принят в тайное общество «в начале 1819 года»[17]. Но скорее всего это произошло несколькими месяцами ранее: дело в том, что 25 сентября 1818 г. А. Н. Муравьев женился на кн. П. М. Шаховской и поселился в деревне, а в мае 1819 г. объявил о своем решении выйти из общества и возвратил все хранившиеся у него, как бывшего руководителя Московской управы, документы[18].

Вступление П. А. Муханова в тайное декабристское общество было подготовлено характером воспитания и образования будущего декабриста, атмосферой его ближайшего окружения и самим «духом эпохи» — пробуждением оппозиционных и революционных настроений в передовых кругах русского общества, в особенности среди военной молодежи. Муханов вступил в тайное общество с вполне сложившимися убеждениями горячего патриота, нетерпимого ко всяким проявлениям беззакония, насилия и произвола.

Как известно, в Союзе благоденствия на первое место была поставлена задача создания передового «общественного мнения» — необходимого условия революционных преобразований. Тезис об «общественном мнении» — двигателе исторического прогресса, выдвинутый французскими просветителями, был широко распространен в европейском революционном движении конца XVIII — начала

[14] Там же. С. 140.
[15] Бабушка А. Н. Муравьева (по отцу) была родной сестрой бабушки П. А. Муханова (по матери).
[16] *ВД*. Т. 3. С. 138.
[17] Там же. С. 20.
[18] Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 25.

XIX в. Решающее значение «общественному мнению» в историческом процессе придавали не только революционеры; оно, например, получило отражение в известных проектах М. М. Сперанского.

Союз благоденствия сочетал в своей деятельности самые разнообразные пути и методы: принимал активное участие в благотворительных и просветительных обществах, сам создавал свои легальные и полулегальные «управы» и литературные общества, ланкастерские школы взаимного обучения, вел обширную устную и письменную пропаганду, призванную содействовать распространению передового «общественного мнения». И здесь первостепенное значение придавалось просветительской деятельности в духе тайного декабристского общества. Конкретные средства и методы этой сферы деятельности были подробно изложены в «законоположении Союза благоденствия» (уставе этого общества) — в разделе «Отрасль просвещения» (или «образования»). Согласно уставу Союза благоденствия, деятельность по «отрасли образования» предусматривала «распространение правил нравственности», «воспитание юношества» и «распространение познаний». В частности, «отдел распространения познаний» призван был заниматься «сочинением и распространением книг» по «умозрительным» (философским), «естественным», «государственным» (правовым) и «словесным» наукам. «Отрасль просвещения» была выбрана П. А. Мухановым не случайно. Блестяще окончив муравьевское училище, он тяготел к научной деятельности в области российской истории и статистики, мечтал о литературной работе. Он обладал и хорошими педагогическими способностями. Этим Муханов вплотную займется при своем переезде в Петербург в конце марта 1819 г., где примкнет к членам управы И. Г. Бурцова, в которой находились в основном его близкие знакомые по Москве—П. И. Колошин, М. М. Нарышкин, И. И. Пущин, А. В. Семенов и Е. П. Оболенский. По свидетельству Оболенского, в управе как раз и занимались самообразованием, посещали частные лекции, читали новейшую литературу, вели просветительские беседы [19]. Просветительство — основная сфера деятельности Муханова как декабриста, причем не только в годы существования Союза благоденствия. Она выражалась в са-

[19] *ВД*. Т. 1. С. 252.

мых разнообразных сферах: в педагогике, литературных занятиях, в попытках создать свой печатный орган.

Показания Муханова о его пребывании в Союзе благоденствия крайне скупы. «В сем обществе числился до 1820 года, в которое время общество рушилось. Все данные расписки были сожжены. Поводом сему служило отречение нескольких членов по примеру полковника Муравьева [А. Н.], приславшего письменное отречение в 1818 или в 1819 году <...>. С того времени ни к какому обществу не принадлежал»[20]. Нет данных о его деятельности в Союзе благоденствия и в показаниях декабристов. Надо заметить, что следствие менее всего интересовалось ранними декабристскими организациями; в центре внимания его были «преступные замыслы» тайных обществ, возникших после 1821 г. Кроме того, при роспуске Союза благоденствия в 1821 г. все его материалы были уничтожены самими его участниками. Отсюда скудость сведений о составе членов и конкретной деятельности этой самой широкой декабристской организации, существовавшей три года.

Пребывание Муханова в Москве после принятия его в Союз благоденствия было непродолжительным. Назначенный приказом 27 марта 1819 г. во 2-й пионерный батальон, он был переведен в Петербург. Инженерные части, главным образом пионерные и саперные батальоны, в то время занимались укреплением западных границ России, оборудованием ее крепостей. Вскоре из Петербурга Муханов был направлен в Динабург — уездный город с крепостью в Витебской губернии. Но через полгода (в октябре 1819 г.) в связи с назначением в лейб-гвардии Саперный батальон он снова возвращается в Петербург. Гвардейский Саперный батальон, где служили и будущие декабристы М. А. Назимов и М. И. Пущин, размещался в казармах лейб-гвардии Преображенского полка. Кроме несения караульной службы у офицеров не было иных занятий, так что оставалось немало свободного времени для самообразования, посещения петербургских салонов, завязывания дружеских связей.

Весной 1821 г. гвардия была направлена из Петербурга в Белоруссию на летние маневры. Этому предшествовали волнения в лейб-гвардии Семеновском полку в ок-

---

[20] Там же. Т. 3. С. 138.

тябре 1820 г. и происходившие под влиянием этих волнений брожения в других гвардейских частях. Александр I и его ближайшее окружение приписывали эти волнения действию тайных обществ. Как раз в конце 1820 — начале 1821 г. поступили доносы на Союз благоденствия. Летние маневры 1821 г. и явились предлогом для того, чтобы «проветрить гвардию», выведя ее на некоторое время из столицы. В составе гвардейских полков в Могилевскую губернию был направлен и подпоручик П. А. Муханов, назначенный адъютантом к генерал-адъютанту П. В. Кутузову (впоследствии петербургский военный генерал-губернатор и член Следственного комитета по делу декабристов). 19 сентября 1821 г. состоялся царский смотр гвардии в местечке Бешенковичи и «примирение» с гвардией. Тем не менее, как свидетельствуют современники, «неудовольствие, вызванное происшествием в Семеновском полку, не было еще забыто», и гвардия получила приказание «зимовать в Литве»; в Петербург она была возвращена в начале 1822 г.[21]

С конца 1821 г. вплоть до декабрьских дней 1825 г.— период наиболее плодотворной научной и литературной деятельности П. А. Муханова. На этой почве он знакомится с А. С. Пушкиным, К. Ф. Рылеевым, А. А. Бестужевым, В. К. Кюхельбекером, с издателями Н. А. Полевым, Н. И. Гречем и Ф. В. Булгариным, печатает свои исторические и статистические труды, рассказы и повести в «Северном архиве», «Сыне отечества», «Московском телеграфе». Он посещает заседания Вольного общества любителей российской словесности, по его заданию в 1823 г. подготовив доклад «О числе поляков в Российской империи».

Как известно, осенью 1818 г. в Союзе благоденствия возникла идея создания литературно-политического журнала, который отражал бы основные требования этой организации и концентрировал бы вокруг себя общественные силы. В связи с этим предполагалось создать новое вольное общество — Журнальное. Реализовать эту идею, однако, не удалось[22]. Муханов, имевший обширные связи с литературными декабристскими и околодекабристскими

---

[21] Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1898. Т. 4. С. 226.
[22] Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. С. 247—248.

кругами, видимо, знал об этом неудавшемся намерении. Поэтому он тоже решился выступить инициатором издания журнала, о чем мы узнаем из его письма от 9 сентября 1821 г. к Н. Н. Муравьеву-младшему (сыну генерала Н. Н. Муравьева)[23]. Как видно из содержания письма, Муханов уже несколько месяцев вел переговоры с петербургскими литераторами и историками об издании с «будущего» (1822) года журнала, в котором предполагалось помещать статьи о российской истории, географии, статистике, хозяйственно-статистические описания отдельных губерний и уездов. Муханов просил Н. Н. Муравьева содействовать ему в этом предприятии своими статьями.

Среди литераторов, к которым обращался за содействием Муханов, по-видимому, были находившиеся с ним в то время в дружеских отношениях Николай Греч и Фаддей Булгарин, которые и стали издателями задуманного Мухановым журнала. Под названием «Северный архив», или «Журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правоведения и нравов» журнал стал выходить с начала 1822 г. Первый номер журнала открывался статьей «Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году (отрывок из Истории Петра Великого, сочиненной генералом Аллартом)», которую по архивным материалам подготовил Муханов, снабдив ее интересными примечаниями. В дальнейшем Булгарин представлял читателям Муханова как «одного из почтеннейших наших корреспондентов»[24].

Посещая «Кружок любителей театра», Муханов сблизился с адъютантом генерала Н. М. Бороздина Александром Алябьевым, начинающим композитором, с которым познакомился еще в Москве. Алябьев уговорил П. А. Муханова и его друга преображенского офицера П. Н. Арапова (впоследствии известный историк русского театра) написать либретто оперы или водевиля на сочиненную Алябьевым музыку. Совместными усилиями была создана комическая опера «Лунная ночь, или Домовые», впервые поставленная в Петербурге 19 июня 1822 г. в бенефис известной актрисы Е. С. Сандуновой[25]. В «Кружке любителей театра» Муханов близко познакомился с друзьями

---

[23] Письмо 1.

[24] Сев. архив. 1822. Ч. 1. № 1. С. 3.

[25] Арапов П. Н. Летопись русского театра. Спб., 1886. С. 320.

А. С. Пушкина П. Я. Чаадаевым, П. А. Катениным, А. А. Дельвигом.

В Петербурге Муханов часто встречался со своим другом А. О. Корниловичем, который с 1822 г. преподавал в Корпусе топографов и в петербургском училище колонновожатых. Муханов подал Корниловичу идею — к сожалению, не реализованную,— написать учебник по географии, курс которой Корнилович вел в Корпусе топографов. В то время Корнилович начал сотрудничать с журналом «Сын отечества», где публиковал свои исторические исследования. Он был в этом не одинок. В журнале, основанном в 1812 г. Н. И. Гречем, печатались исторические и военно-мемуарные очерки прогрессивно настроенных офицеров, с 1816 г. там публикуют свои произведения Ф. Н. Глинка, П. А. Катенин, К. Ф. Рылеев, А. А. и Н. А. Бестужевы. В 1823 г. и Муханов опубликовал в этом журнале ряд переводных и собственных статей: «Замечания на статью «Бой под Смоленском», «Замечания на ответ господина «К», «Нечто о Наполеоне и Фридрихе II», «О военном глазомере». Взгляды, высказанные им в названных статьях, отражали представления передовых людей России того времени. Замечательны его слова в «Замечаниях на ответ господина К.»: «Царство, где господствуют безнравственность и безначалие, должно пасть при первом ударе. Упадок гражданских добродетелей, без сомнения, уничтожает дух и достоинство воинов[26].

Насколько позволял официальный статус журнала, допускавший проповедь гражданских добродетелей, Муханов сумел выразить в этой статье открытое осуждение именно существующих в России безнравственных порядков. Читателю же не трудно было их обнаружить в зависимости от своего социального положения и степени образованности или в самодержавном строе («царстве»), или в крепостном строе, или в усиливающейся реакции во внутренней и внешней политике. В отличие от других пропагандистов идей тайного общества, избравших сферой деятельности и литературу (Ф. Н. Глинка, В. Ф. Раевский, К. Ф. Рылеев и др.), П. А. Муханов обнажал пороки в духовно-нравственной сфере жизни, расширяя тем самым поле формирования передового общественного мне-

[26] Наст. изд. С. 65.

ния. Как известно, проповедь гражданских добродетелей занимала важнейшее место в деятельности Союза благоденствия, и Муханов неуклонно следовал этому требованию.

К 1823 г. относится знакомство Муханова с К. Ф. Рылеевым. Трудно установить, когда конкретно и при каких обстоятельствах оно состоялось. Можно лишь предположить, что Муханов познакомился с Рылеевым либо у Корниловича, у которого часто бывал Рылеев, либо через Ф. В. Булгарина, постоянно поддерживавшего связи и с Рылеевым и с Мухановым. Знакомство перешло в тесную дружбу. Впоследствии Муханов возьмет на себя заботы о публикации произведений Рылеева в Москве, а Рылеев с признательностью отзовется о нем как о «человеке редкой души и отличных правил»[27].

Хотя служба в Петербурге в качестве гвардейского офицера и адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова давала немало преимуществ, она, по-видимому, тяготила Муханова. При первой же представившейся возможности он решил переменить место службы — перейти в адъютанты к генералу от кавалерии Н. Н. Раевскому, командиру 4-го пехотного корпуса, главная квартира которого находилась в Киеве. О своих хлопотах с переводом Муханов подробно писал родным[28]. Трудно судить, чем диктовалось желание Муханова переменить службу. Возможно, здесь имели место трения между великим князем Николаем Павловичем — шефом 2-й гвардейской бригады, где служил Муханов, и передовыми офицерами — «людьми», в глазах великого князя, «совершенно вредными», которых он «гнал без милосердия и всячески старался от оных избавиться»[29]. 14 апреля 1823 г. был получен приказ о его переводе, а в мае он уже был в Киеве, заехав перед этим к родным в Москву.

В Киеве Муханов близко сошелся со многими декабристами — видными деятелями тайного общества. «Быв адъютантом у гене[рала] Раевского в Киеве,— показывал Муханов на первом допросе,— я был в ежедневном сношении с генер[ал]-май[ором] Орловым, бывал у к[нязя]

---

[27] Пигарев К. В. Жизнь Рылеева. М., 1947. С. 137.
[28] Письма 2 и 3.
[29] Междуцарствие 1825 года в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 16.

Сер[гея] Волконского, близко знаком с Сергеем Муравьевым, с коим учился вместе в корпусе ген[ерала] Муравьева, знал к[нязя] Трубецкого, сверх сего был в сношении со всеми моими товарищами по службе»[30]. В дальнейших своих показаниях Муханов признается, что бывал у Василия Давыдова, встречался с Пестелем и князем Барятинским[31]. Муханов пытался уверить следователей, что «участия в обществе <...> решительно не имел», но лишь «слышал от Сергея Муравьева и Трубецкого о существовании оного и о намерении произвести улучшения в правительстве»[32]. Однако показания других членов Южного общества определенно свидетельствуют об участии в нем Муханова. М. И. Муравьев-Апостол показывал, что «штабс-капитан Муханов был принят в члены общества братом Сергием или Бестужевым», был с ними «в сношениях по обществу», а когда в начале 1825 г. уезжал в Грузию, то обещал оттуда писать С. И. Муравьеву-Апостолу[33]. Важные показания о Муханове как члене Южного общества дал следствию М. П. Бестужев-Рюмин: «Муханов принят мною 1824 года в Киеве и был причислен ко 2-й управе. Порученности ему были даны две: 1-я. Узнавать о злоупотреблениях правительства, также о степени и причинах народного негодования в губерниях, кои он объезжал со своим генералом. 2-я. Распространять общество»[34]. Как видим, на Муханова возлагали важную миссию сбора сведений о деятельности местных властей и о настроениях народных масс (используя его служебное положение как адъютанта командующего корпусом). Из других показаний М. П. Бестужева-Рюмина мы узнаем, что о готовящемся Васильковской управой Белоцерковском заговоре (1824 г.) он говорил и с Мухановым[35]. А. П. Барятинский показывал, что он видел Муханова у Волконского в Киеве, и «Волконский сказывал», что «Муханов сочинил или намерен был сочинить что-то, кажется, либеральное»[36].

---

[30] *ВД*. Т. 3. С. 136.
[31] Там же. С. 141.
[32] Там же. С. 136.
[33] Там же. С. 142.
[34] Там же. С. 143.
[35] Там же. Т. 9. С. 110.
[36] Там же. Т. 3. С. 147.

В ноябре 1823 г. в Воронеже состоялся царский смотр корпуса Раевского. Муханову было дано поручение принять участие в открытии Военно-приютского училища в Воронеже, составить его учебную программу и начать первые занятия по географии, истории и тактике. Муханов блестяще выполнил поручение.

В Одессе, куда на несколько дней Муханов сопровождал Раевского, он встретился со ссыльным Пушкиным. Здесь он прочитал ему рукопись неоконченной поэмы Рылеева «Войнаровский». Познакомил он с ней и находившегося в то время в Одессе опального М. Ф. Орлова. Как видно из письма Муханова Рылееву от 13 апреля 1824 г., «Войнаровский» был принят строгими ценителями благосклонно. Орлов и Пушкин советовали дать больше описаний природы Сибири, «занятий ссыльных и жителей»[37]. В свою очередь Пушкин прочел Муханову первую и отрывки второй глав «Евгения Онегина», начало поэмы «Братья-разбойники» (а затем подарил Муханову рукопись этой части поэмы), первую песнь «Вадима». В конце января 1824 г. Муханов возвратился в Киев. Здесь он рассказал друзьям о написанных Пушкиным новых произведениях. Об этом стало известно и в Петербурге, что вызвало досаду Пушкина, который пока не собирался обнародовать написанного[38].

В Киеве Муханова ждали письма друзей, пачки книжек «Полярной звезды» от Рылеева с просьбой распространить их среди киевских книготорговцев. Муханов с энтузиазмом принялся за дела Рылеева, окунулся в переписку с петербургскими друзьями, занялся своими литературно-издательскими делами.

Случай вновь привлек внимание Муханова к древностям. Один из жителей Киева неожиданно обнаружил клад старинных вещей и монет. О находке Муханов известил в подробном письме от 29 мая 1824 г., с описанием клада, А. О. Корниловича[39]. Тот передал письмо Ф. В. Булгарину. В июньской книжке «Северного архива» появилась статья «Письмо из Киева о найденных там древностях». Публикация заинтересовала известного знатока русских

[37] Письмо 11.

[38] См. письма Пушкина к брату Льву и к П. А. Вяземскому: Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1. С. 196; Т. 2. С. 50.

[39] Письмо 12.

древностей графа Н. П. Румянцева. В дальнейшем, в результате переписки Румянцева с Мухановым, которая шла через К. Ф. Калайдовича[40], Румянцев приобрел часть старинных вещей киевского клада для своей знаменитой коллекции (впоследствии ставшей основой Румянцевского музея в Москве).

Во второй половине 1824 г. в «Северном архиве» были опубликованы три статистические статьи Муханова о Курской, Могилевской и Тамбовской губерниях. В статьях содержались ценные сведения о составе населения, состоянии сельского хозяйства, промышленности и торговли в этих губерниях, о местных достопримечательностях. Муханов отмечал «неудовлетворительное состояние» земледелия и промышленности в описываемых им губерниях, бедность населения, хищническое ведение помещиками своего хозяйства. Так, в описании Могилевской губернии Муханов указывал на частый «недостаток хлеба на продовольствие» вследствие плохой обработки земли и ее удобрения. Но даже «в самые урожайные годы,— писал Муханов,— недостаток хлеба в сей губернии весьма ощутителен, ибо помещики, в руках коих находится большее число хлеба, предпочитают перегонять оный в вино, и в сем искусственном виде сбывают оный за большую цену». Отмечая падение доходности помещичьих имений, Муханов писал: «Помещики, без всякого расчета уничтожая большое количество старого лучшего своего леса, хотят сим средством заменить малый доход, получаемый с их имения». Он сообщал о тяжелом положении крестьян вследствие «дурных распоряжений помещиков», призывал помещиков «вознаградить промышленностью неудобства хлебопашества» — давать возможность крестьянам зарабатывать на жизнь работой на местных фабриках и заводах. «Это средство доставило бы крестьянам вернейшие способы иметь всегдашнее занятие, способ добывать необходимое и исправно платить казенные и земские повинности, между тем как ныне помещики <...> заставляют их толпами ходить в отдаленные губернии для отыскивания работы и за свой труд довольствоваться малою платою»[41].

Так, в сущности, Муханов печатным словом помогал

---

[40] Бессонов П. И. Константин Федорович Калайдович. М., 1862. Вып. 2. С. 180—181.
[41] Наст. изд. С. 79.

членам общества, состоявшим в отрасли «Общественное хозяйство», добиваться от помещиков улучшения положения крепостных крестьян, осуждал отжившие феодальные хозяйственные отношения, покоящиеся на «дурных распоряжениях помещиков», и предлагал пути к выходу крестьянского хозяйства из тяжелого положения. Сфера хозяйственных отношений давала членам отрасли «Образование и воспитание юношества» большие возможности для формирования передового общественного мнения, которому декабристы придавали особое значение в революционном перевороте.

Еще во время преподавания в 1822—1823 гг. в учебных заведениях истории и географии у Муханова возникла мысль об издании «Военного журнала». 11 октября 1824 г. он обратился в Московский цензурный комитет с прошением о разрешении издания журнала и приложил его программу. Ежегодно должно было выходить 12 книжек журнала по 6—7 печатных листов каждая, с планами и картами. В журнале предполагалось публиковать статьи и материалы по «древней и современной» военной истории, описания знаменитых походов и сражений, биографии «лучших полководцев», специальные «военные обозрения», «ученые известия» обо всех «новых изобретениях и исследованиях в Европе по части военной», о состоянии армий в иностранных государствах, описания военных заведений, статьи по стратегии, тактике, артиллерии и инженерному искусству, критику и библиографию[42]. Московский цензурный комитет в ответе от 20 октября 1824 г. писал: «Судя по цели, предполагаемой г. Мухановым, не находим со своей стороны никакого препятствия к изданию военного журнала», и 25 октября попечитель Московского учебного округа представил программу журнала на усмотрение министра народного просвещения А. С. Шишкова. 4 ноября 1824 г. Муханов направил начальнику Главного штаба И. И. Дибичу прошение о разрешении издавать «Военный журнал», в котором писал, что «несколько известных военных людей обещались способствовать предприятию»[43]. Среди них был известный военный историк А. И. Михайловский-Данилевский. К сотрудниче-

---

[42] Гирченко И. В. Неудавшаяся попытка издания «Военного журнала» // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 261.
[43] Там же. С. 263.

ству были приглашены и другие военные специалисты; уже были написаны первые статьи для журнала, даже приготовлены бланки со штампом «Редакция Военного вестника» с указанием адреса редакции. Но последовал отказ. Формальным поводом явилось несоблюдение Мухановым военной субординации. Дибич расценил обращение Муханова с прошением в гражданские инстанции помимо своего ближайшего военного начальства как нарушение воинской дисциплины. Через Н. Н. Раевского Муханову был передан выговор Дибича. Но, по-видимому, решающую роль здесь сыграло следующее обстоятельство. 30 марта 1824 г. генерал-полицеймейстер Ф. Ф. Эртель донес командующему 1-й армией графу Ф. В. Сакену о существовании в Киеве вопреки указу от 1 августа 1822 г. о запрещении масонских лож и тайных организаций «масонского общества», к которому, по его сведениям, принадлежали генерал Н. Н. Раевский и его адъютанты П. А. Муханов и В. А. Капнист. Сакен препроводил донесение Эртеля со списком киевских масонов генерал-адъютанту И. И. Дибичу, добавив, что один из видных масонов граф Густав Олизар поехал в Петербург с целью отвратить меры, которые будут приняты против киевских масонов по донесению Эртеля. В. И. Семевский, приводя эти сведения, пишет: «На этот раз донесение Эртеля о киевских масонах осталось без более тяжких последствий, но после событий 14 декабря через несколько дней оно было препровождено преемнику Н. Н. Раевского в командовании четвертым корпусом кн. Щербатову, причем гр. Сакен сообщил ему повеление государя «принять самые деятельные, но осторожные меры к открытию дальнейших отраслей союза», цель которого «клонилась к ниспровержению законной императорской власти и части коего существуют точно в 4-м пехотном корпусе»[44]. Хотя в 1824 г. делу и не был дан ход, это донесение Эртеля определенно могло сыграть роль в отставке Н. Н. Раевского.

Одновременно с хлопотами об издании «Военного журнала» Муханов стал собираться в отпуск в Москву, где предстояла свадьбы сестры Елизаветы и близкого его друга князя В. М. Шаховского. Приехав в Москву в нояб-

---

[44] Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909. С. 307—309.

ре 1824 г., Муханов по поручению Рылеева наблюдает за изданием его «Дум» и «Войнаровского» известным московским издателем С. И. Селивановским. Цензурные условия в Москве были не столь строги, как в Петербурге, почему Рылеев и решил обратиться к московскому издателю. Муханов вручил Селивановскому рекомендательное письмо и доверенность Рылеева[45]. Впоследствии Рылеев в знак благодарности Муханову посвятит ему свою думу «Ермак».

В Москве Муханов знакомится с редакторами и издателями «Московского телеграфа» Н. А. Полевым, «Мнемозины» — В. К. Кюхельбекером, альманаха «Урания» — историком М. П. Погодиным. Через Полевого Муханов свел знакомство и с редактором сатирического приложения к «Московскому телеграфу» В. Ф. Одоевским — руководителем московского философского кружка «любомудров».

Вскоре после свадьбы сестры, состоявшейся в конце 1824 г., Муханов уехал к месту службы в Киев. Перед отъездом он передал Е. П. Оболенскому дела по изданию произведений Рылеева в Москве. В Киеве Муханова ожидали неблагоприятные для него известия — еще 24 ноября 1824 г. последовала отставка генерала Н. Н. Раевского, и для его адъютантов начались долгие дни ожидания нового назначения. Муханов решил использовать это время для занятий литературой. В феврале 1825 г. он сообщает одному из литераторов, что «отыскал осьмнадцать прозаических и три стихотворных сочинений Ломоносова, поныне не напечатанных, которые и намерен издать особою книжкою»[46]. Вероятно, эти рукописи были получены им из семейного архива Раевских — жена Н. Н. Раевского, Софья Андреевна, была внучкой М. В. Ломоносова.

После отставки Н. Н. Раевского командиром 4-го пехотного корпуса был назначен А. Г. Щербатов. В феврале 1825 г. на должность дежурного штаб-офицера корпуса в Киев прибыл С. П. Трубецкой. У него на квартире поселились С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы и М. П. Бестужев-Рюмин. Там проходили частые совещания членов Южного общества, там же был принят в члены тайного

---

[45] Пигарев К. В. Жизнь Рылеева. С. 137.

[46] Сев. пчела. 1825. 14 марта. № 32.

общества близкий друг Муханова А. О. Корнилович. Вполне вероятно, что эти собрания посещал и принятый ранее в члены Южного общества Бестужевым-Рюминым Муханов, получая самые последние сведения о делах Южного и Северного обществ.

22 мая 1825 г. последовал приказ о возвращении Муханова «во фронт». Но еще до этого он выехал на Кавказ, надеясь стать адъютантом командующего Отдельным Кавказским корпусом А. П. Ермолова. В конце мая 1825 г. Муханов прибыл в с. Менглис, где служил Н. Н. Муравьев-младший. «26-го числа,— писал в своих воспоминаниях Н. Н. Муравьев,— приехал сюда, против чаяния моего, Измайловского полка шт[абс]-кап[итан] Муханов, родственник мой, который воспитывался и учился в доме отца моего. Будучи адъютантом у Раевского, он приехал сюда, дабы повидаться с княгиней Мадатовой и искать место адъютанта у Ермолова до получения капитанского чина, для того, чтобы перейти ко мне подполковником. На сей случай он привез письмо от генерала Раевского к Алексею Петровичу, но ему было отказано»[47].

Давало ли руководство Южного общества Муханову какие-либо поручения в связи с его поездкой на Кавказ, нам неизвестно. Из следственного дела Пестеля видно, что Южное общество имело сведения о существовании Кавказского тайного общества и пыталось установить связь с ним, для чего в 1824 г. под видом лечения на Кавказ был отправлен С. Г. Волконский. Об этой миссии Волконского подробно говорится в материалах его следственного дела[48]. Вопрос о существовании Кавказского общества до сих пор остается открытым. Следствие признало его «мнимым»[49].

С отъездом Муханова на Кавказ всякая связь его с Южным обществом прервалась. Как свидетельствует Л. А. Медведская, С. И. Муравьев-Апостол досадовал, что Муханов не подавал о себе весточки и не возвращался. Заметим, что Муханов был одним из близких и доверенных лиц Сергея Муравьева. Уже при первом их знакомстве в 1823 г. у Раевских в Киеве Сергей Муравьев

[47] Муравьев-Карский Н. Н. Записки // Рус. архив. 1888. № 11. С. 386.

[48] *ВД*. Т. 10. С. 111—112, 124—125.

[49] Федоров В. А. Следствие о Кавказском тайном обществе. Декабрь 1825 — март 1826 // Литературная Грузия. 1985. № 4.

нашел в нем не только интересного собеседника, прекрасно разбиравшегося в литературе и военной истории, но и единомышленника. Впоследствии Сергей Муравьев, приезжая в Киев, даже останавливался на квартире Муханова. «В Киеве около декабря месяца свиделся с подполковником Сергеем Муравьевым, которого после и видал всякий раз, когда приезжал он в город для покупок, и иногда он останавливался у меня. Говаривали иногда о правительстве между собою без свидетелей»[50]. В Киеве Муханов играл роль связующего звена между С. П. Трубецким, приезжающим из Петербурга, членами Северного общества и членами Васильковской управы Южного общества. Надо сказать, что к Муханову его товарищи относились с полным доверием. Он умел хранить тайну. Сергей Муравьев возлагал на него большие надежды, ждал его возвращения с Кавказа и писал брату Матвею, что Муханова крайне необходимо «использовать здесь», т. е. в Киеве[51].

Как уже говорилось, несмотря на рекомендательное письмо Н. Н. Раевского, Муханову было отказано в должности адъютанта А. П. Ермолова. Из переписки сестер Муханова Екатерины и Елизаветы мы узнаем, что он не сожалел, «что не устроился на месте, которое надеялся получить», и намеревался «провести некоторое время на кавказских водах»[52]. Исхлопотав себе отпуск по болезни, Муханов решил посетить имение своей тетки С. А. Мадатовой в Карабахе, в 350 верстах от Тифлиса. Свои впечатления от поездки по Кавказу Муханов изложил в незавершенной рукописи «Поездка в Грузию и Карабах», три отрывка из которой («Красный мост.— Воспоминание о Гильденштедте», «Елисаветпольская долина» и «Взятие Ганжи» были опубликованы в 1825—1826 гг. в «Московском телеграфе» в виде «Писем из Грузии». Это яркие путевые зарисовки о природе Кавказа и быте его народов. В изложение вплетаются рассказы о военных событиях, связанных с присоединением Грузии к России. Особенно интересен очерк «Взятие Ганжи»[53], который был

---

50 *ВД*. Т. 3. С. 138.

51 Медведская Л. А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М., 1970. С. 102.

52 Сиверс А. А. П. А. Муханов: Материалы для биографии // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1. С. 174 (далее: *Сиверс*).

53 Имеется в виду взятие в 1804 г. русскими войсками крепости Ганджи.

написан со слов участника этого события князя В. Г. Мадатова. В очерке много подробностей осады этой древней крепости, имен и названий. Кавказские очерки Муханова можно отнести к так называемому «романтическому путешествию» — жанру, возникшему в русской литературе в начале 1820-х гг. В нем объединялись история и современность, описания природы и воспоминания, поэтические предания и конкретная действительность.

В 1825 г. в «Московском телеграфе» и «Прибавлениях» к нему публикуется серия сатирических рассказов П. А. Муханова на бытовые темы: «Разговор двух покойников», «Женские слезы», «Сборы на бал», «Первый выезд на бал», восточная повесть «Ули», в 1826 г. в альманахе «Урания» — очерк «Светлая неделя». Это была часть готовившихся в 1825 г. к изданию художественных произведений Муханова. В архиве П. А. Муханова хранится составленный им список из девяти произведений, которые автор предполагал издать отдельным сборником. Помимо уже указанных рассказов в списке значатся: «Барские толки», «Три генеральши», «Ходок по делам», «Филантропия», «Дядюшка». В этом же архиве М. К. Азадовский обнаружил черновые наброски очерков: «Три генеральши», «Журналы», «Гришка — байкальский разбойник»[54]. Впоследствии В. А. Салинка дополнил этот список еще двумя названиями — «Визитные карточки» и «Воскресенье»[55]. Трудно установить, были ли написаны все включенные Мухановым в список произведения или список содержит и не реализованные пока его литературные замыслы. Очевидно лишь, что список этот свидетельствует об интенсивных литературных занятиях Муханова в 1825 и последующие годы. То же, что сохранилось из его литературного наследия, позволяет отнести Муханова к числу наиболее одаренных декабристов-литераторов.

Муханов, как и некоторые из его старших товарищей по перу, был одним из предшественников «физиологического очерка», занявшего позднее важное место в формировании критического реализма. С серии бытовых рассказов под общим названием «Провинциал в Петербурге»

---

[54] *ЦГАОР*. Ф. 1707 (П. А. Муханова). Оп. 1. Д. 2. Л. 9 об., 11, 13, 20 и 36.

[55] Салинка В. А. К вопросу о литературном наследстве декабриста П. А. Муханова. С. 90.

начинал свою литературную деятельность Рылеев, бытовые очерки писали тогда В. К. Кюхельбекер, А. А. и Н. А. Бестужевы, К. Н. Батюшков, В. Ф. Одоевский, Н. А. Полевой и другие. Бытовой очерк тогда уже ставил перед собой задачи критического отношения к действительности и тем самым приобретал граждански-публицистический характер.

С большим сочувствием Муханов относился к так называемому «маленькому человеку» — солдату, отпущенному на оброк крестьянину, бедной девушке-гувернантке, больной офицерской вдове. Наблюдательный Муханов был мастером тонкого психологического анализа. В своих очерках и рассказах он раскрывает чистоту и благородство характеров бедных людей, спесь, пустоту и ограниченность московского барства.

Затрагивает Муханов и проблему «отцов и детей» — противоречий между старшим поколением, тормозящим все новое, передовое, и ищущими, смотрящими вперед молодыми. «Старики, вооруженные против молодежи,— пишет Муханов,— представляются нам старыми предрассудками в просвещении: они похожи на глухих и слепых, которые живут, не внимая прописным и развитым истинам и не замечая, что скоро веку перемениться»[56].

По симпатиям и антипатиям Муханова, так ярко выраженным в его очерках, не трудно увидеть ту линию поведения, которой должен был держаться каждый член тайного общества и которую Ф. Н. Глинка для себя определял как задачу, что следовало порицать, чего желать и что хвалить.

13 октября 1825 г. Муханов добился продления своего отпуска «по болезни» и отправился для лечения на минеральные воды в Кисловодск. Во второй половине ноября он приехал в Москву, пока решался вопрос о его переводе в один из армейских полков; одновременно он был занят делами издания своих литературных произведений, встречался с московскими декабристами П. И. Колошиным, С. М. Семеновым и М. М. Нарышкиным.

29 ноября в Москву пришла весть о кончине Александра I. Сразу же по получении этого сообщения члены Московской управы провели ряд совещаний. В Петербург для координации действий московских членов тайного общест-

[56] Наст. изд. С. 151.

ва с петербургскими был отправлен И. И. Пущин. Свои обязанности руководителя Московской управы он передал С. М. Семенову. Квартиры М. М. Нарышкина, М. А. Фонвизина и М. Ф. Митькова стали местами совещаний декабристов. Здесь были не только члены тайного общества, но и близкие к ним люди. В Москве, в тревожные дни конца ноября — начала декабря 1825 г., по свидетельству А. И. Кошелева, «толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе управления». Передовая московская молодежь в эти дни ждала «благоприятных известий из Петербурга». Кошелев вспоминает, как на одном из собраний на квартире его дяди М. М. Нарышкина адъютант командующего московским гарнизоном молодой офицер Н. И. Трубецкой (не состоявший даже членом тайного общества) «брался доставить своего начальника связанным по рукам и ногам»[57]. Как вспоминает И. Д. Якушкин, «на этих совещаниях все присутствовавшие члены, казалось, были очень одушевлены и как будто ожидали чего-то торжественного. Нарышкин, недавно приехавший с юга, уверял, что там все готово к восстанию и что южные члены имеют за себя огромное количество штыков. Митьков, с своей стороны, также уверял, что петербургские члены могут в случае нужды рассчитывать на большую часть гвардейских полков»[58].

15 декабря С. М. Семенов получил из Петербурга письмо И. И. Пущина, который информировал его о готовившемся в самые ближайшие дни восстании в Петербурге и предлагал членам тайного общества в Москве «содействовать петербургским членам, насколько это будет возможно»[59]. Семенов ознакомил с письмом М. Ф. Орлова, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, М. Ф. Митькова. Поздно вечером 17 декабря на квартире Митькова московские декабристы занялись обсуждением плана действий. Но уже утром следующего дня они узнали о приезде в Москву из Петербурга генерал-адъютанта Е. Ф. Комаровского с приказанием привести Москву к присяге Ни-

---

[57] Кошелев А. И. Записки. Берлин. 1884. С. 13.

[58] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 56—57.

[59] Порох И. В. Деятельность декабристов в Москве (1816—1825 гг.) // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 100—101.

колаю I. Одновременно были получены сообщения о восстании и его поражении в Петербурге. Несмотря на изменившуюся обстановку, решено было вечером 18 декабря снова собраться у Митькова. Якушкин по просьбе Фонвизина посетил Михаила Орлова, чтобы пригласить его поехать к Митькову. На квартире Орлова Якушкин впервые увидел Муханова. Вот что он рассказывает об этой встрече в своих «Записках». «Взошел человек, высокий, толстый, рыжий, в изношенном адъютантском мундире без аксельбантов и вообще наружности непривлекательной. Я молчал, он также. Орлов, возвратясь, сказал: «А! Муханов, здравствуй, вы не знакомы?» — и познакомил нас». Говоря об участниках восстания в Петербурге, с которыми Муханов был «коротко знаком», он сказал: «Это ужасно лишиться таких товарищей; во что бы то ни стало надо их выручить: надо ехать в Петербург и убить его [Николая I]».

Отказавшись ехать к Митькову, Орлов «обратился к Муханову и сказал: «Поезжай, Муханов, к Митькову». Потом сказал мне: «Везите его туда, им все останутся довольны». Такое предложение меня ужасно удивило, и на этот раз я совершенно потерялся. Вместо того, чтобы сказать Орлову откровенно, что я не могу везти Муханова, которого я совершенно не знаю, к Митькову, который его тоже не знает, я вышел вместе с Мухановым, сел с ним в мои сани и повез его на совещание. Митьков принял его вежливо; Муханов почти никого не знал из присутствующих, но через полчаса он уже разглагольствовал, как будто был в кругу самых коротких своих приятелей. Он был знаком с Рылеевым, Пущиным, Оболенским, Ал. Бестужевым и многими другими петербургскими членами, принявшими участие в восстании. Все слушали его со вниманием: все это он опять заключил предложением ехать в Петербург, чтобы выручить из крепости товарищей и убить царя. Для этого он находил удобным сделать в эфесе шпаги очень маленький пистолет и на выходе, нагнув шпагу, выстрелить в императора. Предложение самого предприятия и способ привести его в исполнение были так безумны, что присутствовавшие слушали Муханова молча и без малейшего возражения»[60].

---

[60] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. С. 59—60.

И. Д. Якушкин точен в своих «Записках». Правдивость его рассказа подтверждается показаниями как его самого, так и других участников декабрьских совещаний в Москве. Вместе с тем эти показания содержат существенные дополнительные сведения о поведении Муханова на этих совещаниях, в частности на квартире у М. Ф. Митькова. Следствие установило, что у Митькова Муханов говорил: «Ужасно! Если все они погибнут; чтобы помешать сему и отомстить за них, он знает нескольких человек, готовых убить ныне царствующего государя, и что сам он готов убить его». Среди участников этого совещания М. М. Нарышкин, «с своей стороны, также соболезновал о их участи», но считал «что всякое действие для них будет вредно и пагубно». Из показаний Нарышкина узнаем, что Муханов, помимо слов о готовности убить царя, еще «прибавил»: «По крайней мере, вместо того чтобы терять время на словах, надобно поспешить уведомить о случившемся членов Южного общества, дабы они не обнаружились, ибо там есть люди решительные, которые готовы все предпринять для спасения сих несчастных». Нарышкин «против сего сделал возражение, тем разговор прекратился»[61]. Это подтвердил М. Ф. Митьков, а затем под угрозой очной ставки и сам Муханов. После совещания 18 декабря у Митькова Муханов еще раз был у него, а также и у Семенова[62].

После, во время следствия, участники московских совещаний декабря 1825 г. будут объяснять сделанное Мухановым предложение поехать в Петербург и совершить акт цареубийства с целью выручить своих товарищей его «запальчивостью», «несдержанностью в словах», «минутным порывом». Сам Муханов будет уверять следствие, что «дерзкие слова сии сказаны были без злого умысла и в минуту горячности»[63]. Однако тот факт, что предложение высказывалось Мухановым несколько раз — и у М. Орлова, и у М. Митькова, позволяет в этом усомниться. Вообще Муханов в принципе был против всякого террористического акта. На совещании у Митькова он заявил: «Le titre d'assasin est trop horrible pour qu'on le brigue» («Звание убийцы слишком гнусно, чтобы оного до-

[61] ВД. Т. 14. С. 422.
[62] Там же. Т. 3. С. 152, 161.
[63] Там же. С. 182.

могаться»)[64]. Но, заявляя о своей готовности покуситься на жизнь Николая I, Муханов превыше всего ставил чувство долга перед своими «погибающими» товарищами, которых необходимо любым способом спасти. Это было направлено против конкретного монарха, но не монархии вообще. Поэтому вряд ли заявление Муханова можно квалифицировать как доказательство его республиканских взглядов, точно так же, как его друга Рылеева, строившего планы цареубийства, нельзя безоговорочно считать республиканцем (позиция Рылеева в этом вопросе до сих пор вызывает споры у декабристоведов)[65].

Московские декабристы не приняли всерьез предложения Муханова о цареубийстве. Надо сказать, что у них и не было необходимых сил и возможностей, чтобы предпринять какие-либо конкретные действия. 21 декабря начались аресты. Первым был арестован М. Ф. Орлов. В ожидании арестов московские декабристы лихорадочно уничтожали компрометирующие их документы.

О Муханове, как принадлежавшем к тайному обществу, следствие впервые узнало из показания В. И. Штейнгейля 6 января 1826 г. На вопрос «кого вы знали из сочленов?» Штейнгейль отвечал: «Еще припомню адъютанта Муханова, который находится еще в Москве и о котором наверное знаю, что обществу принадлежит»[66]. В тот же день было отдано распоряжение об аресте Муханова. Муханов был взят в Москве 9-го и доставлен в Петербург 11 января. На первом допросе он решительно отрицал свою принадлежность к тайному обществу: «Я ни к какому обществу не принадлежал и о намерении оного ничего не знал, буде есть обвинители меня, я прошу с оными очной ставки»[67]. После этого допроса Муханов был отправлен в Петропавловскую крепость с запиской Николая I: «Присылаемого шт[абс]-к[апитана] Муханова содержать под строжайшим арестом и поместить по усмотрению»[68].

В течение последующих двух недель следствие собирало данные о нем. 27 января Муханов был вызван на за-

---

[64] Там же. Т. 16. С. 194.

[65] См. недавно опубликованную работу о Рылееве: Патрик О'Мара. К. Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста / Пер. с англ. М., 1989. Гл. 4.

[66] *ВД*. Т. 14. С. 150.

[67] Там же. Т. 3, С. 136.

[68] Щеголев П. Е. Декабристы. М., 1926. С. 272.

седание Следственного комитета, где ему было прямо заявлено: «<...> показания других, в том числе барона Штейнгеля, утвердительно говорят, что вы были член общества и разделяли его намерения и действия»[69]. Муханов вынужден был сознаться, что был принят в Союз благоденствия, но активного участия в делах его не принимал, да и само это общество не считал «преступным»: «общество сие вовсе не имело вида злоумышленного», «будучи едва принят, часто отъезжая из столицы, я видел занятия именованных членов не только невинными, но и похвальными»[70]. Как верно заметил С. Н. Чернов, Муханов с первых же допросов повел «политику достаточно осторожного и умного полузапирательства»[71]; для всех его показаний характерна большая осторожность и продуманность.

В эти дни М. Ф. Митьков в своих ответах на предъявленные ему 24 января вопросы о совещаниях на его квартире в декабре 1825 г. показал: «Также приезжал ко мне Муханов»[72]. Показания Митькова, прочитанные на заседании Следственного комитета 2 февраля, определили ход дальнейшего следствия о Муханове. Речь шла уже не просто о принадлежности Муханова к ранней декабристской организации, а об участии его в «преступном заговоре» членов Московской управы Северного общества. 4 февраля Следственный комитет запросил руководителей и наиболее видных деятелей Северного и Южного обществ Рылеева, Пестеля, Трубецкого, Василия Давыдова, М. П. Бестужева-Рюмина, М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов, какое участие в делах этих обществ принимал Муханов. От М. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина были получены важные показания о принятии Муханова в Южное общество и о данных ему поручениях. Остальные спрошенные отозвались незнанием [73]. В тот же день был допрошен Митьков, от которого потребовали сведений, «какого рода предложения и по чьему поручению» в декабре 1825 г. ему делал Муханов. Митьков показал, что Муханов, приехав к нему на квартиру с Якушкиным, рассказы-

[69] *ВД.* Т. 3. С. 137.
[70] Там же. С. 138, 140.
[71] Чернов С. Н. Следствие о московских событиях в декабре 1825 г. С. 51.
[72] *ВД.* Т. 3. С. 199.
[73] Там же. С. 142—147.

вал о происшедшем 14 декабря в Петербурге «неустройстве», сожалел об аресте тех, «которые произвели сие возмущение», говорил о необходимости их «освободить» и «искать за них отомстить»[74]. 7 февраля Следственный комитет, заслушав ответ Митькова, положил: «Дознаться о справедливости сего разговора у Якушкина, который был свидетелем»[75]. Однако вызванный к допросу Якушкин решительно заявил, что «никого обвинять не хочет».

В середине февраля наступил перелом в поведении Якушкина. Как он писал в своих воспоминаниях, обстановка тюремного заключения, железные оковы «и другого рода истязания произвели свое действие». Существенную роль сыграл и посещавший декабристов духовник П. Н. Мысловский, которому удалось обратить «безбожника» Якушкина к религии. Этим и воспользовалось следствие. Якушкин стал давать «откровенные» показания. 20 февраля он показал, что Муханов «предложил Митькову, чтобы нескольким человекам отправиться в Петербург, дабы покуситься на жизнь царствующего государя императора». 22 февраля в дополнительном показании и в направленном в тот же день императору письме он старался всю вину взять на себя[76]. Следственный комитет потребовал от Якушкина «пояснений» об обстоятельствах «предложения» Муханова убить императора и об отношении к этому предложению присутствовавших на совещании лиц. 24 февраля Комитет получил от Якушкина подробный ответ, содержание которого в значительной степени совпадает с теми сведениями, которые приведены в его воспоминаниях, цитированных нами выше.

Показания Якушкина от 20—24 февраля существенно отяготили вину Муханова. С начала марта следствие о Муханове пошло по двум направлениям: с одной стороны, решено было опросить всех свидетелей «преступного предложения» Муханова, с другой, опираясь на полученные от Якушкина сведения и показания других участников совещаний, добиться признания самого Муханова. Спрошенные 2—3 марта Орлов, Нарышкин и Фонвизин заявили, что они либо «не слыхали», либо «не помнят» того, что говорил тогда Муханов. Митьков сознался, что Муханов

---

[74] Там же. С. 148.
[75] Там же. Т. 16. С. 89.
[76] Там же. Т. 3. С. 149—153.

действительно изъявлял готовность «убить государя», но «сие сказал в горячности»[77].

2 марта Муханов был вызван в Следственный комитет. В журнале заседания Комитета за этот день записано: «Допрашивали: капитана Муханова для пояснения сделанного на него показания о известном преступном намерении: не сознался. Положили: дать допросные пункты»[78]. Пространный ответ Муханова на «допросные пункты» сводился к доказательству отсутствия у него какого-либо обдуманного намерения покуситься на жизнь императора, лишь «в пылу горячности» у него вырвались слова: «конечно, они погибли, их ничто не спасет, кроме смерти государя». В заключение Муханов писал: «В дерзких же и неприличных выражениях, мною сказанных, сознаю себя виновным и обвиняю горячность и неумеренность разговора и собственную запальчивость и повторяю просьбу мою: да не будет мне вменено неумышленное слово в дело или покушение злоумышленное» [79].

2 апреля Муханов был вновь вызван на допрос. Как на допросе в Комитете, так и в ответе на присланные ему в каземат «допросные пункты» он продолжал доказывать отсутствие каких-либо своих связей с членами Южного и Северного обществ, незнание их целей и намерений, случайность своего присутствия на совещаниях московских членов в декабре 1825 г. и особенно отрицать какой-либо «умысел» против царя[80]. В журнале заседания Следственного комитета от 14 апреля, когда были зачитаны эти показания Муханова, значится: «Слушали [ответы] капитана Муханова; повторяет объявленное уже прежде насчет сделанного им в Москве у Митькова вызова посягнуть на жизнь ныне царствующего императора, что сие было не что иное, как слова, произнесенные в пылу разговора без всякого настоящего умысла; весьма распространяется в доказательствах к своему оправданию»[81].

3 мая следствие решило дать Муханову очную ставку с Якушкиным и Митьковым. Не допуская очной ставки, Муханов согласился с показаниями обоих подследственных, но продолжал уверять следователей, что «преступ-

---

[77] Там же. С. 153—155, 162—165.
[78] Там же. Т. 16. С. 120.
[79] Там же. Т. 3. С. 156—162.
[80] Там же. С. 166—173.
[81] Там же. Т. 16. С. 168.

ные» слова были «сказаны без всякого <...> умыслу, в пылу разговора»[82]. На этом следствие по делу Муханова было закончено. Однако 2 июня Муханов направил в Следственный комитет (с 29 мая переименованный в Следственную комиссию) «рапорт», в котором весьма туманно объяснял, почему он вынужден был согласиться с показаниями Митькова и Якушкина, и доказывал свою непричастность к замыслам тайного общества[83]. Ответа не последовало, и «рапорт» Муханова был приобщен к его следственному делу.

«Главные виды преступлений» Муханова сводились к следующему: «Произносил дерзостные слова в частном разговоре, означающие мгновенный порыв на цареубийство, и принадлежал к тайному обществу, хотя без полного понятия о сокровенной цели относительно бунта». Суд отнес его к IV разряду и приговорил к каторжным работам сроком на 15 лет с последующим пожизненным поселением в Сибири. Высочайшим указом 10 июля 1826 г. срок каторжных работ был определен в 12 лет[84], а коронационным манифестом 22 августа того же года — 8 лет.

По окончании следствия некоторым ближайшим родственникам были разрешены свидания с заключенными. 2 июля 1826 г. Муханова посетила его сестра Е. А. Шаховская. Она нашла его побледневшим, осунувшимся, с «убитым видом». При разговоре с сестрой Муханов все время опасался, как бы у него «не вырвалось лишнее слово». Шаховская узнала от него, что он «5 месяцев провел в подземелье, куда не проникал луч света и где лишь горела тусклая свеча, где ему почти ничего не давали есть и где единственною книгою у него была Библия»[85]. 23 сентября 1826 г. состоялось свидание Муханова с матерью.

23 октября 1826 г. Муханов был переведен из Петропавловской крепости в Свеаборгскую. Там уже двумя днями ранее были помещены М. С. Лунин и М. Ф. Митьков. Условия содержания декабристов в крепости были ужасны. Они размещались в мрачных, сырых и холодных казематах. Здесь Муханов заболел ревматизмом ног, отчего жестоко страдал в Сибири. 23 февраля 1827 г. он был пе-

---

[82] Там же. С. 194.
[83] Там же. Т. 3. С. 181—182.
[84] Там же. Т. 17. С. 231, 244—245.
[85] Дневник Е. А. Шаховской. 1826—1827. С. 101, 109.

реведен из Свеаборга в Выборгскую крепость, а оттуда 8 октября того же года отправлен в Сибирь вместе с И. И. Пущиным и А. В. Поджио (по дороге он несколько дней — до 12 октября — находился в Шлиссельбургской тюрьме). На каждого декабриста, отправляемого на каторгу или в ссылку, составлялось описание его «примет». О Муханове было записано: «рост 2 арш. 9 вершков [182 см], лицо белое, круглое, несколько рябоватое, глаза темно-карие, нос широковатый, волосы на голове и бровях темно-русые»[86].

Путь следования декабристов проходил через Ярославль, Тобольск, Томск, Иркутск в Нерчинские рудники — место отбывания каторжных работ. 31 октября Муханов, И. И. Пущин и А. В. Поджио были в Тобольске, а 14 ноября — в Томске. В Томске произошла у них встреча с сенатором Б. А. Куракиным, посланным в Сибирь — официально с ревизией, а в действительности для ознакомления с настроением декабристов и отношением к ним местных властей. О своих встречах с осужденными декабристами Куракин подробно доносил шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу. В одном из донесений он описывал Муханова: «Представьте себе голову льва, лежащую на плечах толстого и большого человека,— и вы получите полное представление о личности, у которой видны только глаза, нос, совсем маленькая часть губ и едва-едва рот <...>. Остальная часть его головы — положительно грива самого яркого рыжего цвета. Борода его, закрывающая часть лица и окружающая всю переднюю часть шеи, ниспадает вплоть до середины груди, усы его, очень густые и без преувеличения каждый длиною по меньшей мере в 4 вершка, свисают по бороде, а волосы невероятной густоты покрывают сверху его лоб, окружают всю голову и падают густыми локонами гораздо ниже плеч. Вот точный физический портрет этого человека»[87].

Б. А. Куракин спросил Муханова, «доволен» ли он сопровождающими его офицерами. На провокационный вопрос Муханов насмешливо ответил: «Доволен ли я офицерами? Мой бог, вполне, да я всем вообще доволен». Далее, как передает Куракин, Муханов «устало прогово-

---

[86] Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 123.

[87] Декабристы: Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 125.

рил»: «В конце концов вы подумаете, что у меня медный лоб? Нет, у меня просто большая сила характера; я сознаю свое положение, подчиняюсь велениям провидения и полагаю, что не будучи в состоянии изменить своей участи, лучше переносить ее с мужеством, чем позволить дать унизить себя малодушием, недостойным человека и к тому же ни к чему не служащим. Я прекрасно знаю, что я отправляюсь в каторжные работы,— и прекрасно! Бог дал мне силу и моральную и физическую, и я буду работать, это меня поддержит и поможет мне забыть мое положение»[88]. В этом исполненном достоинства ответе царскому сановнику весь Муханов — мужественная и несломленная личность, готовая перенести все предстоящие невзгоды и испытания.

24 ноября Муханов и его товарищи прибыли в Иркутск, о чем он сообщает матери в посланном с оказией коротеньком письме[89]. Наконец 4 января 1828 г. Муханов был доставлен в Читинский острог, входивший в Нерчинский горный округ. Тюрьма острога состояла из четырех больших камер, каждая из которых была рассчитана на 15—20 узников. Здесь была размещена основная масса отправленных на каторгу декабристов.

В сентябре 1830 г. Муханов вместе с другими осужденными на каторгу декабристами был переведен в специально выстроенную для них тюрьму в Петровском заводе. Здесь он содержался около двух с половиной лет — до момента своего перевода на поселение.

В Чите и Петровском заводе декабристы жили дружной семьей. Изолированные от внешнего мира, находясь «за затворами тюрьмы», они не пали духом, интенсивно занимались самообразованием, были в курсе событий, происходивших не только в России, но и за рубежом.

В Чите и Петровском заводе действовала «каторжная академия» декабристов: проводились регулярные занятия, на которых каждый декабрист делился своими познаниями с товарищами. А. Е. Розен вспоминает: Никита Муравьев, имев собрание превосходнейших военных карт, читал нам из головы лекции о стратегии и тактике, Ф. Б. Вольф — о физике, химии и анатомии, П. С. Бобрищев-Пушкин 2-й — о высшей и прикладной математике,

[88] Там же. С. 125—126.
[89] Письмо 28.

А. О. Корнилович и П. А. Муханов читали историю России, А. И. Одоевский — русскую словесность»[90]. Через жен декабристов, прибывших вслед за своими мужьями на каторгу, посылали списки необходимых книг. Такие списки отправлял своим родственникам и Муханов. Эти списки свидетельствуют о его разносторонних научных интересах: в них значатся книги по русской и западноевропейской истории, статистике, географии, топографии, иностранные словари[91].

Муханов продолжал свои литературные занятия и знакомил с написанными им повестями и рассказами своих товарищей. По инициативе Муханова, как вспоминает М. А. Бестужев, «раз в неделю происходили литературные вечера», на которых читались декабристами «как собственные свои сочинения», так и «вновь появившиеся в печати оригинальные произведения русского пера». «Муханов, как председатель нашего общества и как истый любитель русской литературы и компетентный ценитель ее, упросил некоторых дам написать в Петербург к родным и попытать, не будет ли позволено нам печатать наши сочинения, т. е. сочинения всего нашего литературного кружка, так как, по его мнению, уж очень довольно было написано очень дельного по всем отраслям литературы»[92]. В начале 1829 г. Муханов задумал составить альманах «Зарница» и выпустить его «в пользу невольнозаключенных», т. е. декабристов. Правда, эта идея не была реализована, но Муханову удалось переслать П. А. Вяземскому «тетрадочку» стихотворений А. И. Одоевского. Стараниями П. А. Вяземского и А. А. Дельвига все присланные стихотворения Одоевского, кроме одного, были изданы в 1831 г. в «Литературной газете» и в альманахе «Северные цветы», разумеется, без указания имени их автора.

Декабристы высоко оценивали литературные произведения Муханова, видя в нем талантливого литератора. «Как литератор,— писал о нем А. Ф. Фролов,— он высказывал несомненный талант. Повести его, с описанием русского быта и нравов наших, представляли увлекательный рассказ. Не знаю, в чьих руках остались произведе-

---

[90] Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 234.
[91] Письма 31 и 32.
[92] Воспоминания Бестужевых. М., 1951. С. 292.

ния его легкого и даровитого пера, но они были бы ценной находкой для любого журнала»[93]. К большому сожалению, почти все произведения, написанные Мухановым на каторге и в ссылке, не сохранились — они были уничтожены самим автором перед обыском.

Несмотря на запреты, декабристы в Петровском заводе занимались и обучением местных детей. Под предлогом «обучения церковному пению» была создана школа, в которой обучали грамоте 30 мальчиков. Обучением их занимался и Муханов. Он участвовал в создании «артели» для материальной взаимопомощи декабристам в Петровском заводе и на поселении.

Во внутреннем дворе Петровской тюрьмы у некоторых декабристов были свои небольшие огороды. Был такой и у Муханова, любимым занятием которого было разведение цветов. Он восхищал своих товарищей умением выводить новые сорта растений. Этому занятию Муханов отдавал много труда и времени и на поселении.

Указом 8 ноября 1832 г. Муханов в числе восьми узников его разряда был освобожден от каторжных работ и обращен на поселение. В Петербурге первоначально предполагалось поселить Муханова в Верхоянске Якутской области, но потом, по выбору генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского, местом поселения декабристу был определен Братский острог Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. В начале января 1833 г. Муханов вместе с П. И. Фаленбергом, К. Г. Игельстромом и А. И. Одоевским выехал из Петровского завода. По дороге они 19 января остановились в Иркутске. 21 января Муханов писал матери: «<...> еду 22 генваря в Братский острог Нижнеудинского округа. <...> Это деревня, селение на реке Ангаре. Место пустынное, мрачное». Впрочем, он полагал, что «после тюрьмы все, что не огорожено частоколом, покажется сносным»[94]. Но уже первые впечатления при прибытии в Братский острог вызвали у Муханова растерянность и отчаяние. «<...> хуже Братского острога места я никогда не видел, несмотря на то, что проехал Россию по обоим ее диаметрам <...>,— писал он матери.— Всех поселенцев здесь

---

[93] Фролов А. Ф. Воспоминания: Декабристы в Чите и Петровске. 1826—1839 // Рус. старина. 1882. Т. 34. № 6. С. 713.
[94] Письмо 82.

пять или шесть старых, и те живут, чтобы не умереть с голоду. Здесь нет горизонту. Лес стоит вокруг, как живой частокол. Мужики почти ничего не сеют, ибо пашни нет; все они звероловы»[95]. Селение находилось в 400 верстах от ближайшего города (Иркутска) — неоткуда ждать в случае болезни медицинской помощи, связь с внешним миром практически отсутствовала. «Без сомнения,— писал Муханов матери,— я желал бы быть поселен в Западной Сибири, в уездах южных, где климат здоров, почва хороша и существовать дешево: важные преимущества для человека небогатого и нездорового, но весьма естественно, что места сии назначаются не по нашему выбору. Впрочем, прошу вас устранить всякое беспокойство на сей счет. Одно, что я желаю, это не быть причиною новых тревог и печалей»[96].

Муханов решил сам ходатайствовать о переводе в другое место поселения. В феврале 1833 г. он через свою тетку Е. А. Бакунину направляет прошение об этом А. Х. Бенкендорфу. Оно было «оставлено без производства». Но одновременно и ближайшие родственники Муханова начали ходатайствовать о переводе его из Братского острога. В марте 1833 г. с таким ходатайством обратилась к Бенкендорфу мать Муханова. Она получила такой же ответ, как и ее сын. 26 июля того же года с просьбой уже к самому Николаю I о переводе Муханова обратился дядя декабриста обер-шталмейстер С. И. Муханов. Его ходатайство также оказалось безуспешным. Резолюция гласила: «Отвечать, что этого сделать нельзя, ибо очень дурно себя ведет и недостоин снисхождения». По-видимому, поводом к отказу послужило следующее. По доносу провокатора Романа Медокса был перехвачен ящик с семенами, под двойным дном которого были обнаружены письма Е. А. Шаховской к брату. Письма были «чисто семейного характера, не заключающие в себе ничего преступного», но нарушающие запрет «вести скрытно от правительства переписку с государственными преступниками». Письма были представлены тобольскому гражданскому губернатору А. Н. Муравьеву и были расценены как доказательство упущений Муравьева по службе (поскольку посылка Муханову была отправлена семьей

---

[95] Письмо 83.
[96] Письмо 82.

А. Н. Муравьева). Муравьеву припомнили и другие его упущения по службе: он был отстранен от должности тобольского гражданского губернатора и переведен в Вятку, где назначен председателем уголовной палаты на «низшую против прежнего должность».

В это время Муханов пережил и глубокую личную трагедию. Уже давно он был страстно влюблен в сестру своего друга (а с 1824 г. зятя) кн. В. М. Шаховского княжну Варвару Михайловну Шаховскую. Чувство Муханова не осталось без ответа. Когда Варвара Шаховская узнала об аресте любимого человека, она твердо решила не оставить его в беде. Она — тоже из тех «русских женщин», которые последовали за своими мужьями и любимыми в далекую сибирскую ссылку, чтобы разделить с ними их судьбу. Под предлогом «приискать кормилицу» для детей своей сестры Полины, бывшей замужем за декабристом А. Н. Муравьевым, она отправилась с их семьей в Сибирь, чтобы быть поближе к Муханову. В годы отбывания Мухановым каторжных работ Шаховская жила в семье Муравьевых, сначала в Верхнеудинске, затем в Иркутске, потом в Тобольске. Муханов надеялся, что по окончании срока каторжных работ, выходя на поселение, «возьмет позволение от губернатора» на вступление в брак с Варварой Шаховской, и заранее просил у матери благословения [97].

31 августа 1833 г. Муханов обратился к иркутскому гражданскому губернатору И. Б. Цейдлеру с прошением о позволении вступить в брак с В. М. Шаховской. В тот же день он отправил письмо к матери, в котором просил ее ходатайствовать об этом перед высшим начальством. Еще ранее (12 июля 1833 г.) сама В. М. Шаховская обратилась из Тобольска с письмом к А. Х. Бенкендорфу о разрешении вступить в брак с П. А. Мухановым. Муханов надеялся на положительное решение, его лишь беспокоило «ужасное местожительство» его будущей жены в Братском остроге. Шаховская готова была к любым лишениям. «Милый друг, ты знаешь, я ничего не страшусь и готова к любым испытаниям», — писала она Муханову [98]. Однако надеждам не суждено было сбыться. 6 нояб-

---

[97] *Сиверс.* С. 186—187.

[98] Герасимов В. Декабрист П. А. Муханов в Братском остроге // Сибирь. 1975. № 6. С. 112.

ря 1833 г. Бенкендорф предписал генерал-губернатору А. С. Лавинскому передать Муханову, что тот не может вступить в брак «по причине родства его с княжной Шаховской»[99]. По правилам православной церкви запрещалось вступать в брак, если брат невесты был мужем сестры жениха.

Этот отказ явился для Муханова тяжелейшим ударом. «Отказом, мне объявленным, все законные пути для меня закрыты»,— в отчаянии писал он родным[100]. Все его жизненные планы были расстроены. Он никак не мог примириться с церковными правилами, ставшими неодолимым препятствием его личному счастью. «Покориться провидению легко,— писал он,— но покориться монашеским причудам тягостно и невозможно <...>. Эта жертва <...> слишком велика»[101]. Варвара Шаховская писала ему горестные письма. Убитая горем, она заболела чахоткой и 24 сентября 1836 г. умерла в Симферополе, куда переехала с семьей А. Н. Муравьева. Печальные вести приходили к Муханову одна за другой. Через месяц после кончины Варвары Шаховской скончалась (23 октября) его любимая сестра Елизавета.

Родственники, как могли, поддерживали Муханова и морально и материально, посылали ему деньги, книги, журналы. Так, 20 февраля 1834 г. он сообщает, что получил часы, календарь, роман Бальзака, иностранную периодику[102]. В письмах к А. А. Альфонскому (женатому на сестре Муханова Екатерине) он просил словари, комплекты журнала «Библиотека для чтения», «Ученых записок Московского университета», работы по экономике[103], просил прислать мемуары Сильвио Пеллико. Итальянский поэт-романтик, участник итальянского национально-освободительного движения против австрийского гнета, редактор центрального органа карбонариев, Сильвио Пеллико провел в заточении 10 лет. Его мемуарная книга «Мои темницы» вышла в 1833 г. и имела большой общественный резонанс. Она была переведена почти на все европейские языки, в том числе и на русский (в 1836 г.). «Я получил книгу Пеллико,— писал Муханов родным,— и

[99] *Сиверс.* С. 202.
[100] Письмо 97.
[101] Письмо 98.
[102] Письмо 97.
[103] Письмо 99.

пробежал ее с жадностью. Ко всем достоинствам присоединяется однообразие нашей судьбы, и вы можете представить, как мне книга и автор по душе. Я только не испытал чувств, с которыми въезжают на родину»[104].

«Никакие тюрьмы, ни ссылки, ни Братский острог, никакие лишения в мире не могут заставить меня мучиться, роптать, негодовать, впадать в черную немощь»[105],— писал Муханов сестре Елизавете в ответ на ее сочувствия. Стремясь трудиться, чтобы не быть «в тягость» родным, содержавшим его на каторге, он намерен был завести конную «мукомольную мельницу», заняться переводами («переводы для меня занятие прибыльнее и приятнее»), для чего просит присылать «по одному тому сочинений, но стараясь, чтобы оно не было огромно». В одном из писем Муханов сообщал, что собрал 600 слов для «Академического русского лексикона», намеревается переписать их и послать для публикации в «Ученых записках». Написал для детей сестры «краткую историю русскую», но «в одно холодное утро подтопил ею сырые дрова»[106].

Весной 1834 г. Муханов начинает обзаводиться собственным хозяйством. Он получил разрешение на строительство своей избы, которая была готова к осени; сообщает родным: «если будет земля, стану пахать». В ту же весну ему удалось взять в аренду на 12 лет четыре десятины пашни у «ясачного Николая Петрова сына Попова», а в декабре он снял пустошь и еще десятину пашни у брата этого крестьянина[107]. В 1837 г. у Муханова было уже 17 десятин посева на арендованной (на 20 лет) земле. Как видно из его переписки, хозяйство велось с помощью наемных работников, с расчетом производства хлеба на рынок. Однако оно не вознаграждало затрат по причине «худых хлебов», а главное — из-за трудностей сбыта и недобросовестности перекупщиков хлеба, бессовестно обиравших Муханова, принуждавших продавать им хлеб по заниженным ценам. Существенно подрывал земледельческое предпринимательство Муханова и начавшийся золотопромышленный бум в крае. Цены на наемных работников резко поднялись, так как золотопромышленность отвле-

---

[104] Письмо 109.
[105] Письмо 90.
[106] Письмо 95.
[107] *ЦГАОР*. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

кала их к более выгодному занятию. «Хлебопашество без успеха и дохода,— сообщает Муханов в своих письмах родным в 1839 г.,— кажется, скоро кончится. Работники стали очень дороги, кругом ищут и находят золото». Он жалуется на «плохое, дорогое хлебопашество, решительно не возвращающее расходы»[108]. Уезжая из Братска, Муханов писал 27 марта 1842 г.: «Теперь конец хлебопашеству, оно меня часто оставляло без хлеба. Не знаю, чем буду заниматься»[109]. Характерно, что земледельческие занятия Муханова надолго остались в памяти местных жителей. «Муханову падь», или «Муханиху», где он пахал и сеял хлеб, крестьяне Братского острога помнили до тех пор, пока над нею не заплескались волны Братского моря.

Кроме земледелия Муханов с разрешения гражданского губернатора занимался мелкой торговлей, которая давала ему хотя и небольшие, но дополнительные средства существования. Занимался он охотой и рыболовством. Ему, как и М. С. Лунину, было разрешено иметь охотничье ружье. Он страстно любил охоту и был отличным стрелком. Будучи не менее страстным рыболовом, он просил в своих письмах к родным присылать ему рыболовные принадлежности. На ялике часто ездил на Падунские пороги Ангары, ежегодно занимался обмером уровня реки, разрабатывал проект проведения обводного канала, минуя пороги, составил даже чертеж плотины на Ангаре. Муханов был профессиональным топографом. Характерно, что его гидрометрические обмеры и расчеты совпали впоследствии с расчетами инженеров при строительстве плотины Братской ГЭС[110].

Совершенно одинокий, в отдаленном углу Сибири, Муханов заботился о других попавших в беду людях. Еще не успев обосноваться в Братском остроге, он спешил успокоить мачеху Д. И. Завалишина, сообщая ей о занятиях и добром самочувствии ее пасынка. В письмах к родным он неоднократно напоминал о бедственном положении М. М. Спиридова, прося повлиять на совершенно забывших его родственников. В середине 1840-х гг. Муханов, зная тяжелое материальное положение братьев Борисо-

---

[108] Письма 127, 128.
[109] Письмо 142.
[110] См. статью «Проект декабриста» в «Советской России» от 3 авг. 1986 г.

вых, заказал младшему из них, талантливому художнику, альбом с рисунками флоры и фауны Сибири, что явилось существенной материальной поддержкой Борисовых. По свидетельству Н. А. Белоголового, в конце 1840-х гг. он приютил у себя больного ссыльного старика Гаевского, хотя сам жил в это время крайне бедно. Находясь в Братске, Муханов хотел усыновить двух крестьянских детей, но не получил разрешения от властей.

Здоровье декабриста, с трудом переносившего суровые климатические условия жизни в Братском остроге, было расстроено. Семья Муханова настойчиво ходатайствовала о переводе его из Братского острога в более сносное для его здоровья место жительства. По ее ходатайствам и по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского А. Х. Бенкендорф в феврале 1837 г. заготовил докладную записку царю о возможности перевода Муханова в г. Туринск, но дело было и на этот раз приостановлено Николаем I. Лишь после неоднократных прошений матери Муханова последовало 19 ноября 1841 г. разрешение о его переводе в с. Усть-Куда Иркутского округа.

Муханов прибыл на новое место поселения в конце апреля 1842 г. Усть-Куда в то время была небольшим селением из 50 дворов, расположенным при впадении р. Куды в Ангару, в нескольких верстах от Ангарского тракта. После Братского острога новое место поселения явилось для Муханова благом. Здесь он оказался среди своих старых друзей: в восьми верстах в с. Урике жили Волконские, Н. А. Панов, доктор Ф. Б. Вольф, братья Александр и Никита Муравьевы, в Малой Разводной— Юшневские, А. И. Якубович, А. И. и П. И. Борисовы, в самой Усть-Куде А. В. и И. В. Поджио, которые и приютили у себя Муханова на первое время. «Я ставлю в милость божью, что я выезжаю <...> в Усть-Куду, а не в бедлам»,— писал Муханов В. М. Шаховскому[111]. По приезде в Усть-Куду 27 апреля он писал: «Мне здесь веселее. <...> Я был встречен здесь с дружбою. И также здесь я могу увериться, что я жив, голова моя цела, что я не погиб в Братском остроге. <...> Здесь живу у товищей. Они приняли меня весьма гостеприимно. Избы

[111] Письмо 141.

своей нет и, кажется, не скоро заведу. Не по деньгам»[112]. Правда,— писал он в следующем письме (26 мая),— «это перемещение» его «со стороны финансовой <...> совершенно расстроило». Средств у него было мало, так как все свое имущество он продал в Братске за бесценок. «Братья Поджио дали мне комнатку, где я и живу до тех пор, пока буду в состоянии выстроить себе избу»[113].

Летом 1842 г. Муханов получил разрешение для поездки на лечение на минеральные воды (водолечебница у водопада на р. Икэ-Угун в Саянах). Кратковременное лечение, однако, мало помогло Муханову. «Здоровье мое весьма мало поправилось от вод»,— писал он родным 1 августа 1842 г.— Но боль несколько уменьшилась»[114]. По возвращении с минеральных вод Муханов начал строить собственную избу. Деньги на это были получены по разделу имущества с старшим братом Павлом. В январе 1843 г. Муханов писал родным, что обосновался в «прелестном сельском домике, <...> две маленькие комнаты и при оных кухня»[115]. Он сообщал, что завел пару лошадей, корову, птицу, свиней, стал заниматься огородничеством, продавал овощи на рынке (это приносило ему небольшой доход в несколько сот рублей) и вообще «пришел в порядок». «Следовательно, мужик я не худой»,— писал он своей сестре Е. А. Альфонской[116]. «Крыша и печь для старости», по его выражению, были, наконец, обеспечены.

Конечно, небольшое хозяйство и государственное пособие для ссыльного были крайне недостаточны, и Муханов тяготился мыслью, что живет «на вспоможение» семьи Шаховских. У него возникла мысль просить власти о перечислении его в состояние государственных крестьян. «Рад был бы возвести себя в чин крестьянина, ни в какой более, кроме этого скромного звания,— писал он в 1842 г. Шаховским.— Оно дало бы возможность освободиться от <...> вспоможений денежных»[117]. «Крестьянское сословие», как считал Муханов, давало возможность получить определенную самостоятельность и «заниматься

---

112 Письмо 143.
113 Письмо 144.
114 Письмо 147.
115 Письмо 156.
116 Письмо 160.
117 Письмо 143.

промышленностью, свойственной ей здешнею местностью»[118]. 9 августа 1844 г. он подал иркутскому гражданскому губернатору А. В. Пятницкому прошение о перечислении в государственные крестьяне, мотивируя свою просьбу тем, что уже 12 лет находится на поселении и исправно платит государственные подати. Прошение было направлено в Петербург, где было рассмотрено начальником III отделения А. Ф. Орловым и доложено царю. В результате Муханов получил казенный ответ: «Высочайшего соизволения на означенную просьбу не воспоследовало». В начале 1847 г. тетка Муханова С. А. Мадатова обратилась к властям с просьбой разрешить ему заняться ведением дел по управлению пожалованными ей золотыми приисками. И эта просьба была отклонена со ссылкой на высочайшее повеление от 1831 г., воспрещавшее «государственным преступникам» вступать в услужение к частным лицам [119].

В 1844 г. проходила ревизия Восточной Сибири сенатором И. Н. Толстым. Чиновник Безобразов, входивший в состав канцелярии сенатора, привлек к составлению записок о состоянии Сибири некоторых ссыльных декабристов, в том числе и Муханова, которому было поручено составить записку о судоходстве по Ангаре. К сожалению, в материалах этой ревизии записки декабристов не сохранились [120].

С помощью друзей по поселению Муханов гораздо лучше, чем в Братском остроге, освоился на новом месте. Особенно частым гостем Муханов был у С. Г. Волконского и Н. М. Муравьева («муравьевская библиотека» была в полном его распоряжении). В 1847 г. Муханов учил арифметике известного впоследствии врача и публициста Н. А. Белоголового. В памяти Белоголового запечатлелся образ Муханова как «человека могучего сложения, широкоплечего и тучного, с большими рыжими усами и несколько сурового в обращении»[121]. Теплые воспоминания о встречах с Мухановым и его другом А. В. Поджио оставил Б. В. Струве. «Петр Александро-

---

[118] Письмо 158.
[119] *Сиверс*. С. 213.
[120] «...В потомках ваше племя оживет...»: Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986. С. 315.
[121] Там же. С. 42.

вич Муханов и Александр Викторович Поджио просвещенным своим умом, приветливостью обращения и выработанностью взглядов на условия сибирской жизни более всех пленяли нас своими беседами»[122].

Муханова интересовали вопросы просвещения, развития хозяйства, усовершенствования административного устройства Сибири, правового положения ссыльных. Сохранилось несколько неопубликованных черновых набросков статей Муханова по некоторым из этих вопросов. Чрезвычайно обстоятельна в этом отношении его статья «Просвещение и образованность (о постановке народного образования в Восточной Сибири)»[123]. Цель статьи — показать, «какую существенную пользу принесли в течение многих лет учебные заведения сего края и каково нынче их состояние, вместе с тем и какие меры необходимы для большего развития образованности в Восточной Сибири». Муханов отмечает, что местное духовенство «далеко различествует в образованности и нравственности с духовенством русских губерний» (это различие далеко не в пользу местного духовенства). В Сибири «никаких удовольствий просвещенной жизни, отсутствие врачебных и учебных пособий, дороговизна на все предметы». Поэтому,— пишет Муханов,— дельный, благонамеренный, образованный чиновник «не захочет добровольно оставить Россию, чтобы искать службы в Сибири». «Необходимо,— рассуждает автор,— изменить юное поколение, доставить средство к образованию чиновников, служащих в Сибири», чтобы получить «деятельный, чистый класс чиновников, способный порадеть для благоустройства Сибири». Однако постановка дела просвещения в Сибири «крайне недостаточна». Отсюда его вывод, что «усиление общественного образования необходимо в Сибири более, чем в других частях России». Особенно важно требование Муханова не только готовить образованных чиновников для сибирских учреждений, но и дать бесплатное образование простому народу: материально обеспечить учителей, «дозволить производить первоначальное обучение свободным», предоставить право подготовки к учительскому делу всякому, «из какого бы звания он ни был».

Свои прогрессивные для того времени взгляды Муха-

---

[122] П. Н. Попов. П. А. Муханов в Сибири. С. 241.
[123] Наст. изд. С. 164—177.

нов изложил в статьях «О влиянии золотопромышленности...», «О том, чтобы не было дороговизны в хлебе...», «Положение политических ссыльных в Иркутской губернии», отмечая, что золотопромышленность, получившая наиболее интенсивное развитие в Сибири в 1830—1840-х гг., практически попала в руки отдельных воротил-золотопромышленников, от которых сильно страдает местное крестьянство. Хищнически эксплуатируются земли, дорожают жизненные припасы, возросла преступность. Поэтому Муханов выступает за передачу всего золотопромышленного дела в руки государства. Интересны его предложения в статье «О том, чтобы не было дороговизны в хлебе...». Видя, как обирают местных крестьян скупщики, забиравшие осенью у крестьян хлеб за бесценок и продававшие его им же весной втридорога, Муханов предлагает самой казне в сезон «дешевого хлеба» наполнять им казенные хлебные «магазейны», а во время недостатка хлеба снабжать им крестьян по умеренной цене. Тем самым будет соблюдена выгода и казны и землепашца. Муханов выступал и за изменение статуса политических ссыльных. В 1840-х гг. последовали новые стеснения в передвижении ссыльных декабристов, положение которых оказалось тяжелее положения находившихся на поселении «обыкновенных» ссыльных, которым в последнее время было дано право перехода в другие сословия, больше свободы в передвижении. Все эти стеснения Муханов испытал на себе.

Однако в конце 1840-х гг. режим ссылки декабристов все же был несколько ослаблен. Передвижение в пределах губернии стало свободнее. Волконские и Трубецкие перебрались на постоянное жительство в Иркутск, приобрели там собственные дома. В октябре 1848 г. покупает небольшой одноэтажный дом в Иркутске и Муханов. Сохраняя свой прежний дом в Усть-Куде, он теперь чаще всего жил в Иркутске. Здесь он, частый гость Волконских и Трубецких, вошел в круг местной интеллигенции, познакомился и с духовными лицами (иркутским архиереем Нилом). Интересовался Муханов и состоянием просвещения в Иркутске, и на этой почве он познакомился с начальницей Иркутского женского института М. А. Дороховой, которая впоследствии стала его верным другом. Она предоставляла ему и материалы для публикуемой в настоящем издании статьи «Просвещение и образованность».

В 1848 г. Муханову снова было дано разрешение на поездку для лечения, на этот раз на Туркинские минеральные воды (на юге Иркутской губернии). Однако здоровье его слабело, ухудшалось зрение, так что он вынужден был ограничить себя «в главном удовольствии жизни» — чтении. Тяжким ударом для Муханова явилась весть о скоропостижной кончине В. М. Шаховского. Теперь из близких родных у Муханова остались только престарелая мать, сестра Екатерина Альфонская и сестра В. М. Шаховского Елизавета, с которыми он и поддерживал переписку в последние годы своей жизни.

В августе 1853 г. Муханов написал Екатерине Альфонской о своем намерении вступить в брак с М. А. Дороховой — женщиной 42 лет, «отлично доброй души», пользующейся доброй репутацией и большим уважением в Иркутске. Хотя «я стар для брака,— писал он,— но и невеста немолода. <...> Дело не в страсти пламенной, несвоевременной обоим лицам, но в тихой, смирной жизни двух пожилых людей, в общем перенесении недуга и в сердечном утешении». Оба «много страдали в жизни» и, «соединясь вместе», желали отдохнуть[124].

Дорохова писала родственникам Муханова, что почитает его, «как отца, уважает, как друга, и любит, как мужа». «Я хотела бы окружить его своими заботами, как любимое дитя»[125].

В начале 1853 г. М. А. Фонвизину в результате длительных ходатайств его брата было дано разрешение вернуться из ссылки на родину. Это, по-видимому, подало Н. А. Мухановой надежду добиться у царя помилования и ее сына. 8 июля 1853 г. она обратилась к Николаю I и наследнику престола Александру Николаевичу с прошением разрешить ее сыну приехать в Москву или Московскую губернию, чтобы в последний раз перед смертью увидеть его. Прошение было доложено императору шефом жандармов А. Ф. Орловым 13 июля. Характерна резолюция императора на доклад Орлова: «Согласен, ежели Закревский согласится, все-таки надо будет за ним строжайше смотреть, ибо я знал лично его скрытый характер, не заслуживающий никакого доверия, что и дока-

---

[124] Письмо 191.
[125] *Сиверс*. С. 219.

зал»[126]. На это московский генерал-губернатор А. А. Закревский в своем ответе от 3 августа писал, что в принципе он согласен предоставить Муханову право жить «безвыездно» в имении своей матери с. Оглоблино Коломенского уезда, но «по известной государю императору неблагонадежности Муханова» требуется, помимо «общего полицейского надзора» за ним, еще и наблюдение «надежного агента со стороны корпуса жандармов». 17 августа Орлов докладывал императору, что таковой надзор можно было бы поручить генерал-майору корпуса жандармов Верстовскому. Однако Николай I все-таки решил отказать в просьбе Н. А. Мухановой. Рукой Орлова на его докладе царю наложена резолюция: «Высочайшего соизволения не последовало»[127].

В надежде на успех ходатайства матери Муханов строил и планы своей личной жизни: как только будет получено положительное решение, должно состояться бракосочетание его с Дороховой, после чего она сразу же должна была отправиться к его родным, не дожидаясь, когда будут завершены все формальности с его отъездом на родину.

3 декабря 1853 г. Н. А. Муханова через генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева подает новое прошение о переселении сына «во внутренние губернии» России. Муравьев передал ее прошение А. Ф. Орлову. Орлов ответил ему, что затрудняется в успехе ввиду отказа на аналогичную просьбу в августе, хотя заверил, что все же попытается доложить об этом императору. Это ходатайство Мухановой также осталось без последствий.

Последние письма декабриста полны трагической безысходности. «От брата ни гроша, и просто нечего есть, должен был продавать сани и другие вещи, чтобы кормить людей»,— писал он Е. А. Альфонской[128]. Здоровье Муханова резко ухудшилось. Утром 12 февраля 1854 г. он скоропостижно скончался. А. В. Белоголовый писал в тот день А. А. Альфонскому: «Вчерашний день утром он был у меня, долго сидел, говорил о делах княгини Мадатовой и казался совершенно здоровым, вечером был

---

[126] *ЦГАОР.* Ф. 109. I эксп., 1826 г. Д. 61. Ч. 73. Л. 50.
[127] Там же. Л. 53—56.
[128] Письмо 193.

в гостях, почувствовал себя нехорошо, приехал домой, лег спать, уснул. Сегодня в 4 часа утра услыхали, что он хрипит, пошли посмотреть и нашли его без чувств, послали за медиком, и, несмотря на медицинское пособие, в 5-ть часов он скончался»[129].

19 апреля 1854 г. А. В. Белоголовый писал Е. А. Альфонской: «<...> достойнейший друг мой Петр Александрович оставил здесь по себе самую прекрасную память, никто иначе не отзовется об нем, как с сожалением и искренним уважением, ум и доброта души его создали себе самый прочный и великолепный памятник. Ликвидацию дел его принял на себя товарищ его С. Г. В[олконский], и по расчету, им сделанному, всех долгов неоплаченных остается за покойным до 4 т[ысяч] рублей сер., и если продадутся подаренные ему княгиней Софьей Александровной 7 паев в ее приисках, так суммы этой будет с преизбытком, и тогда прах покойного будет упокоен. Тело Петра Александровича похоронено в ограде Знаменского девичьего монастыря, и над ним памятник и чугунная решетка заказаны Марьей Александровной, и она нипочему не хочет принять в этом ничьего участия, а делает все от себя, следовательно, могила его сохранится очень, очень надолго»[130].

Перед выходом на поселение Муханов писал матери: «Придет время, когда можно будет употребить мне свои способности, мою ревность, мою честность на пользу других, и тогда чувства мои выразятся не пустыми словами, а делом»[131]. Надежду принести пользу отечеству при обретении свободы Муханов сохранил до конца своей жизни.

В данном томе публикуются все обнаруженные произведения П. А. Муханова (за исключением его переводов), 193 письма за 1823—1853 гг. из 260 выявленных к настоящему времени, а в приложении — важные для биографии декабриста официальные документы. Исключение из публикации остальных 67 писем диктовалось тем, что они практически полностью повторяют содержа-

---

[129] Наст. изд. С. 417.
[130] Там же. С. 419.
[131] Письмо 82.

ние печатаемых: Муханов часто писал своим родственникам письма одинакового содержания. Главными его адресатами были мать — Н. А. Муханова, сестры Елизавета и Екатерина, зять В. М. Шаховской.

Сохранившиеся письма Муханова — лишь часть его обширной переписки с родными, с декабристами и лицами, близкими к декабристским кругам. До 1825 г. Муханов постоянно переписывался с К. Ф. Рылеевым, А. О. Корниловичем, В. Ф. Одоевским, П. А. Вяземским, М. Ф. Орловым, А. Н. и Н. Н. Муравьевыми, С. И. Муравьевым-Апостолом, М. П. Бестужевым-Рюминым, возможно, с А. С. Пушкиным и другими литераторами, учеными, декабристами. Однако за это время сохранилось всего 25 его писем, из них четыре к Рылееву, два к И. И. Пущину, два к Завалишиным и одно к П. А. Вяземскому. Не сохранилось ни одного личного письма Муханова к его невесте В. М. Шаховской.

Тексты публикуемых в данном томе сочинений и писем П. А. Муханова воспроизводятся в соответствии с правилами издания исторических источников, принятыми в серии «Полярная звезда», по правилам современной орфографии и пунктуации, но с сохранением языка и стиля документа. Собственные имена даны в написании автора. Слова и части слов, прочтенные предположительно из-за неразборчивости почерка автора, заключены в квадратные скобки. Подчеркнутые слова выделены курсивом. Под строкой помещены примечания Муханова, пометы адресатов, резолюции, перевод иностранных и пояснение архаичных слов. Как и предшествующие тома данной серии, публикуемый том снабжен обширным комментарием, именным указателем и списком сокращений.

Выражаем искреннюю признательность за помощь в работе и благожелательные советы З. И. Перегудовой (ЦГАОР), М. Н. Волковой (ГБЛ), И. С. Калантырской (ОПИ ГИМ), И. И. Ростунову, С. В. Житомирской, С. Ф. Ковалю, И. Я. Розенталь, И. В. Будовниц, А. В. Семеновой.

Г. В. Чагин, В. А. Федоров

СОЧИНЕНИЯ

ВОЕННО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ЗАМЕЧАНИЯ НА СТАТЬЮ «БОЙ ПОД СМОЛЕНСКОМ»

В 12 книжке «Сына отечества» сего года[1] помещено описание боя под Смоленском, отрывок из истории походов Измайловского полка, составляемой однополчанином моим г. К. Я считаю нелишним сообщить замечания мои на вышесказанную статью.

Прошедшего года в 44 книжке сего же журнала помещен был отрывок из *«Истории о нашествии Наполеона на Россию»*, соч. г. Бутурлина[2]. Отрывок сей заключал в себе также описание Смоленского боя.

По сличении кажется, что новое описание сходно со старым, с тою только разницею, что первое писано пером воина, обстоятельства изложены просто, ясно, без лишнего набора слов; движения войск пояснены достаточными причинами*. Второе же есть более литературная статья: в ней огромность выражений, странные эпитеты, восклицания заменили или, лучше сказать, заглушили изложение самого действия. Во всех рассуждениях г-на К. о действии и движении войск есть разительное сходство с рассуждениями г. Бутурлина. Жаль, что некоторые из них перемещены из своего настоящего места и поэтому иногда вовсе не у места. Вот несколько переряженных мыслей сего последнего:

У г-на Б: «Чрезвычайный успех обороны Смоленска подавал надежду, что в следующие дни новые усилия, которые неприятель будет делать для овладения оным равномерно, останутся тщетными».

---

* Несмотря на посредственность перевода. (Примеч. П. А. Муханова.)

У г-на К.: «Примерная оборона Смоленска дала право мыслить о торжестве русских в следующий день, об отражении вторичного покушения повелителя французов, который, кипя желанием нового боя, открытою силою хотел овладеть городом, кровию врагов своих смыть стыд прошедшей неудачи».

Кажется, сии отрывки между собою весьма знакомы.

У г-на Б.: «Город сей (Смоленск), лежащий на скате высот левого берега Днепра, огражден был каменною стеною, имевшею 25 футов высоты... Сия ветхая ограда, во многих местах разрушившаяся, снабжена была тридцатью башнями и пр.»

У г-на К. то же, да не так: «Смоленск лежит на хребтах левого берега Днепра, имеет твердыни древних укреплений, полтора века служащие добычею времени: полуразрушившиеся стены города, простираясь на семь верст, и пр.»

Посмотрим на собственные рассуждения автора, которые должны быть основаны на правилах военных наук.

«Наполеон, идя по следам русских, не воспользовался их разделенным отступлением; напротив, дав соединиться, решился или принудить их к сражению, или овладеть источниками подкреплений».

Наполеон, может быть, дурно сделал, что шел по следам русских. Корпусы Даву и бывший под командою короля Вестфальского, надзиравшие за движениями 2-й армии[3], действовали медленно, не с должною решительностью; но к чему было Наполеону изнурять войско свое усиленными маршами и решительными сражениями, когда предвидел он возможность овладеть без боя Литвою и Белоруссиею? Притом трудно вынудить отступающую армию к сражению. Малочисленная армия удобнее может маневрировать и отклониться от боя. Наполеон, конечно, мог бы воспользоваться разобщенным движением армии генерала Барклая де Толли на Свинцианы и Дриссу[4]. По занятии Вильны следовало ему быстро идти ближним путем на Витебск и массою своей армии занять промежуток Днепра и Двины между Витебском, Бабиновичами и Оршей. Тогда бы находился он во флангах двух русских армий, овладел бы сообщениями, воспрепятствовал бы соединению оных в Смоленске и даже мог бы первую армию оттиснуть совершенно к северу. Хороший

генерал для достижения великой военной цели редко прибегает к сражению. Искусные стратегические движения суть лучшие и вернейшие к тому способы. Притом для исполнения великих замыслов его гения выигрыш двух или трех сражений не доставил бы ему удовлетворительного успеха. Наполеону нужно было не истребление малочисленной армии, но покорение Москвы: ее считал он сердцем России. Углубляясь неосторожно внутрь государства, продолжая свою операционную линию, он сделал бы еще новую ошибку, если бы обессилил свою армию; ибо он и без оного ослабевал по мере отделения своего от своего базиса; армия же русская приближалась к резервам и подкреплениям. В Смоленске Наполеон отнюдь не вынудил русских к сражению; напротив, они в свою выгоду принудили его силою оружия довершить замысел, основанный на хитрых соображениях науки. Не зная плана и объема сочиняемой г-ном К. книги, не могу решительно сказать, необходимо ли для истории Измайловского полка подробное описание Смоленского боя, тем более, что полк сей (равно как и вся гвардия, кроме Егерского полка) не был здесь в огне и оставался зрителем. Если же описание сего славного сражения есть эпизод в истории для придания ей занимательности, то не мешало бы описать сражение с большей точностью. Сражение имеет начало, завязку и конец: зачем же не упомянуть о обстоятельствах, предшествовавших сражению или вынудивших оное? Как не описать одного из искуснейших соображений Наполеона во время сей кампании? Автору должно бы быть известно, что после дела при Молеве-болоте[5] Наполеон сделал демонстрацию на Поречье, которая заставила главнокомандующего 1-ю армиею Барклая де Толли думать, что он намерен обойти правый фланг нашей армии; почему приказано было ей принять вправо к дороге из Поречья в Смоленск. Едва сие выгодное для Наполеона движение произведено было, как он предпринял обойти левый наш фланг; почему с 230-тысячною армиею форсированными маршами пошел на Любавичи и, переправляясь через Днепр на четырех наведенных им мостах близ Лядов, вознамерился завладеть Смоленском в тылу наших армий. Он исполнил движение сие с удивительным искусством и быстротою: прибыл к Смоленску прежде нашей армии и успел бы завладеть оным, если бы не встретил его генерал-майор Неверовский[6], который вместе с генералом Ра-

евским[7] воспрепятствовал произвесть намерение, могшее иметь самые пагубные последствия.

После описания Смоленского боя, списанного у г. Бутурлина, но умноженного и украшенного, автор делает следующее рассуждение:

«Нет ничего лучше в пределах обширного государства, как углублять неприятеля во внутренность земли своей, увеличивать пути его движений, удалять от средств вспомогательных и сим образом приготовлять его низложение». Далее г. К. утверждает, что Дарий[8] не утратил бы венца, если бы завлек неприятеля в недра Персии.

Это прекрасно, но не всегда. Г-н К. напрасно упрекает Дария в том, что сей не следовал его правилу в войне с Александром Македонским. Сам Квинт Курций[9] не знал хорошо военных обстоятельств обоих полчищ, и поэтому в военной истории основательнее приводить примеры из походов новейших, в которых обстоятельства известнее, подвержены здравому разбору и могут быть применены к правилам науки. Притом судить о поступках Дария 2000 лет спустя было бы судить слишком задним умом. Вышеприведенное мнение автора о выгодах углубления неприятеля внутрь государства подвержено сильному возражению. В военной истории такое истребление неприятельской армии есть новизна. Если сочинитель со вниманием рассмотрит историю отечественной войны, тогда уверится, что быстрое отступление русской армии было не преднамеренное, но вынужденное обстоятельствами. Какой военачальник решится основать план войны на беззащитном уступлении нескольких губерний, на разорении миллионов жителей? Разве предназначение армии не есть сохранение своего государства? В достаточное подтверждение сего напоминаю г-ну К., что пространство между укрепленным лагерем у Дриссы, Динабургом, мостовым прикрытием у Борисова и Бобруйском было, кажется, предположенною оборонительною линиею. Обильные заготовления, в литовских губерниях сделанные, также доказывают, что в плане войны не только не было предположения отступать внутрь России, но намерение главнокомандующего было защищать государство. Различные обстоятельства, малочисленность и квартирное расположение армий, равно как и преднамеренное сосредоточие оных, были причинами поспешного отступления до Смоленска, оттуда на Москву, дабы приблизиться к резервам и подкреплениям. Выгоды,

полученные от сего отступления, суть случайные, и поэтому предположение г-на К. не может служить правилом. Необдуманное намерение Наполеона зимовать в Москве и напрасное ожидание мирных предложений много способствовали к окончательному успеху нашего отступления.

«Местность у Царева-Займища[10] не могла сравниться с местностию перед Смоленском: воинство, став перед городом, было совершенно безопасно в отношении крыл своих, могло уменьшить или увеличить боевое протяжение по произволу, не покоряясь случайности земной поверхности».

Сие также не весьма справедливо. Описание местности около Смоленска писано, кажется, не с натуры, не с карты, но со слов какого-нибудь незнающего очевидца. Если фланги небольшой линии прикрыты, то боевое протяжение увеличиться не может, ибо то, что прикрывало фланги, будет разрывать линию, а фланги будут открыты. Сие довольно ясно, разве на сей раз фланговые прикрытия были подвижные. Выгода местности при Смоленске состояла в том, что малочисленная армия, выводя в дело один только корпус, могла удобно защищаться против многочисленного войска, как то действительно было, ибо корпус генерала Дохтурова[11] состоял не более как из 30 тысяч, между тем как у французов было в деле 72 тысячи и местность никоим образом не позволяла неприятелю развернуть всех своих сил.

После сдачи Смоленска, говорит г-н К., следовало бы «принять новый бой между Вязьмою и Можайском. Выдержав два главные сражения, Наполеон принужден бы был или остановиться, или отступить, тем более, что граф Витгенштейн[12], поражая левый бок французов, южная армия[13], обходя справа, грозили стать на черте его сообщений».

Сдача Смоленска действительно была преждевременная, но сражение под Бородином дано было, кажется, совершенно на других соображениях. Неприятель вдвое многочисленнее корпуса графа Витгенштейна, вероятно, воспрепятствовал бы произведению в действо лучших его намерений. Но сдача Москвы без боя была мысль ужасная: нравственное состояние армии и жителей столицы того положительно требовали, хотя все выгоды дела должны были быть на стороне французов. Если бы даже, по мнению г-на К., император французов был совершенно разбит между Вязьмою и Можайском и отступил к Смо-

ленску, то обстоятельства российской армии не только не переменились бы в пользу, но имели самые дурные последствия. Наполеон не пошел бы в Москву, занял бы зимние квартиры между Днепром и Двиной, около Смоленска, Могилева и Витебска. Тогда проигранное им сражение способствовало бы ему сосредоточить свои войска в земле, представляющей все местные и нравственные удобства. Он избрал бы самый лучший базис, а нас отвлек бы от наших резервов. С покорением Смоленска отступление на Москву было необходимо; даже пожар Москвы оправдывается последними происшествиями кампании.

Жаль также, что в рассуждениях автора встречаются иногда противоречия, как, например, в одном месте сказано: «Князь Багратион напрасно хотел перейти реку в Катани: он только подвергал себя опасности и пр.» А в другом: «Намерение князя Багратиона перейти Днепр у Катани, заслонить Наполеону Смоленск было превосходно и пр.» Чему верить? Коль напрасно, так не превосходно, а коль превосходно, так не напрасно.

Нельзя также не заметить, что автор жертвовал приятным порывам воображения точностью рассказа. Желая красноречием своим увеличить ужасы Смоленского боя, он говорит: «Ядра, гранаты, бомбы, картечи градом сыпались на защитников». Вероятно, г-н К., писав сие, не вспомнил, что бомбы бросаются из мортир, а не из ружей и пушек. Мортиры принадлежат к осадной артиллерии, а ее при французской армии не было: она оставалась в Данциге.

Автор решился заменить иностранные технические слова коренными российскими, вероятно, в угождение какому-нибудь варяго-россу. Замен сей не всегда удачен. Г-н К. называет артиллерию огнестрельным снарядом. В начальных правилах артиллерии убедиться можно, что под названием огнестрельных снарядов разумеются ядро, книппель, граната, брандскугель, ракета, фитиль, пыж и пр.; под названием огнестрельных оружий — ружье, штуцер, карабин и пр.; под названием огнестрельных орудий — пушка, единорог, гаубица, мортира и пр. Поэтому ясно, что снаряд, оружие и орудие не суть синонимы.

Что касается до литературного достоинства статьи г-на К., то, мне кажется, слог ее свойственнее какому-нибудь старинному рыцарскому роману, нежели истории походов Измайловского полка.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ОТВЕТ ГОСПОДИНА К.

Долг вежливости заставляет господина К. отвечать на замечания мои[1]. Благодарю; но сожалею, что долг справедливости не заставил его отвечать с большею точностью.

Я сказал, что слог г. Бутурлина прост, ясен; обстоятельства изложены без лишнего набора слов. Г. К. возражает, что он не читал сочинений его на русском языке — я говорил о свойстве слога, а не о языке. Поэтому, отстраняя выражение г. К., предоставляю ему самому ведаться с г. Б.*

1) Я сказал, что во всех рассуждениях г. К. о действии и движении войск есть разительное сходство с рассуждениями г. Б.— «Немудрено,— отвечает г. К.,— действие и движение суть происшествия исторические; они только тогда описаны справедливо, когда согласны с настоящим ходом событий». Дело идет не об описании происшествий, но о рассуждении о происшествиях, и, по-моему, мудрено, чтоб суждения разных лиц об одном и том же предмете были всегда сходны. Описывать и рассуждать не все равно. Сотни писателей описывают происшествия — но немногие судят об оных. «Наполеон такого-то числа был там, делал то-то, войска его двигались по такому-то направлению». Так пишут на заказ для иных книгопродавцев. Сочинитель, знающий правила военных наук, изложив движение войск, ход происшествий, покажет причину оным, поставит читателей в возможность судить о положении армии, о мерах, которые главнокомандующий мог бы принять, и пр. Так пишет г. Бутурлин. Не зная, какое издание сочинений находится в руках г-на К. из тех, которые я имею, несправедливо было бы заключить, что автор сей «излагает происшествия просто, не рассуждая об оных»; напротив, критический разбор его показывает большие познания в стратегии и тактике**.

2) Г. К. говорит, что я с восклицанием привожу несколько переряженных им мыслей г. Б.— г. К. ошибается: восклицать мне было ни к чему, но нельзя было не уди-

* Каким же образом г. К., не читав на русском языке сочинения г. Б., сознается, что сходится мыслями со статьею его, напечатанною в «С[ыне] о[течества]»? (Примеч. П. А. Муханова.)

** Кампания 1813 года, описанная г. Бутурлиным, печатана в Париже тремя изданиями, и многие военные люди приписывали сочинение сие генералу Жомини[2]. (Примеч. П. А. Муханова.)

виться сему маскараду. Если г. Б. не может приписать себе исключительного права на описания и рассуждения о Смоленском бое, как то утверждает г. К., то хоть по праву давности они принадлежат ему непрекословно. Вновь сделанная приправа полдюжиной предлинных прилагательных не дает г-ну К. права на присвоение оных себе. Литературные набеги и литературная пожива всегда прикрываются пословицею: les beaux esprits se rencontrent* — наши мнения сходны, мы сошлися — это аксиома!

3) Наполеон дурно сделал, что шел по следам русских,— сказал я.— «Можно ли, преследуя русских, идти не по следам их?» — возражает г. К.— Не только можно, но и должно. Неприятеля преследуют по следам после выигранного сражения. Но в продолжительных больших отступлениях по следам идти не должно, а выгодно различными маневрами вынудить неприятеля переменить операционную линию, угрожать его флангам, заставить его взять другое намерение и пр. Знакомство с Жомини и с эрцгерцогом Карлом[3] должно было убедить г. К. в сем правиле военной науки. (Не смею думать, чтобы кто-нибудь осмелился писать о военном деле, не изучив военных классиков.) Происшествия отечественного похода доставляют образец сего непонятного преследования не по следам. Параллельное преследование французской армии приносит великую честь соображениям фельдмаршала Кутузова и уважается всеми военными людьми. Преследование же по следам есть верная примета посредственности или необдуманности генерала и может нравиться только приверженцам всего старого, дедовского. Г. К. спрашивает, откуда я взял, что «Наполеон должен был изнурять себя усиленным ходом** и сражениями». Я сказал: «Наполеону не для чего было изнурять войско свое усиленными маршами и решительными сражениями, когда он мог без боя овладеть Литвою и Белоруссиею».

Я бы не имел нужды упоминать о сем, когда бы г. К. не упрекал Наполеона в том, что он «ранее не воспользовался разделенным движением русских, но по соединении их решился вынудить к сражению». Если бы в голову На-

* Свой своего видит издалека (франц.).

** Автор называет марш ходом. Говорится: усиленный ход машины, ход часов, ход корабля; но ход Наполеона — новизна. (Примеч. П. А. Муханова.)

полеона залетела ненароком такая мысль и он, перейдя через границу, вздумал бы тотчас принудить к сражению армию генерала Барклая де Толли, то каким бы ходом должен он был идти, чтоб догнать поспешно ретирующееся войско, взяв в рассуждение и удобство, какое имеет отступающая малочисленная армия маневрировать и уклоняться от боя? Не видно ли из сего, что я отнюдь не соглашался, как то утверждает г. К., но опровергал мнение его, соображаясь с правилами военной науки? Написанные мною о сем две страницы возражают, а не означают три слова г. К. Он говорит, что «я хотел высказать все, что знаю». Напротив, намерение мое было — высказать то, чего он не знает; а что знает — то с помощью лежащих пред глазами статеек. У нас не много военных писателей; но бедность сия не дает право писать кое-как.

Наполеону нужно было не истребление малочисленной армии, но покорение Москвы: ее считал он сердцем России,— сказал я в своих замечаниях. «Странно,— отвечает г. К.,— и признаюсь, что это мнение ни у кого не заимствовано и принадлежат г. Муханову!» — точно, ни у кого, милостливый государь, в том ручаюсь! — «Смешно было бы,— продолжает он,— смотреть на полководца, который, вступя в неприятельскую землю, предположил бы пройти тысячу верст, не стараясь уничтожить защитительных мер... Тем менее возможно думать, что Наполеон, не истребя 150 тысяч мужественных ратников, хотел войти в Москву». Покорение столицы всегда входило в план походов Наполеона. Когда бы он не считал взятия Москвы необходимым, что бы заставило его после занятия Смоленска идти прямо на нее? Когда б ему преимущественно нужно было истребление русского войска, имевшего 150 т[ыс]. мужественных, но разделенных ратников, тогда б, вероятно, он принял для сего нужные меры. Г. К. из замечаний моих мог видеть, что я отнюдь не выхвалял намерения Наполеона углубиться внутрь земли неприятельской, но только показал, что в том состояла главная цель его. Главнокомандующий должен действовать сообразно с принятою целию, а для достижения оной Наполеону сохранение целости армии было необходимо; поэтому уничтожение защитительных мер русских, обессилив Наполеона, отняло бы у него возможность исполнить предначертанное им намерение.

4) Описание боя под Смоленском г-на К. началось об-

щим взглядом на военные действия Наполеона до сего дела в следующих словах: «Наполеон, идя по следам русских, не воспользовался раздельным их отступлением, напротив, дав соединиться, решился или вынудить их к сражению, или овладеть источниками подкрепления».— Вот цель намерений Наполеона! — «Для сего, совокупя страшные силы свои около Бабиновичей, Орши и Дубровны, грозил левому краю противников, расположенных у деревни Волковой и села Надвы».— Вот средство, коим Наполеон хотел исполнить свое намерение! — «1 августа французы перешли Днепр при Росасне и Хомине и пр.» — Не вправе ли я был сказать, что следовало бы описать сражение с большею точностию? Каким образом Наполеон, угрожая левому флангу русской армии около Волковой, вдруг очутился на правом фланге в Росасне? «Росасна не за геркулесовыми столпами»,— скажет г. К.— Но чтобы шагнуть за 120 верст, надобно быть Геркулесом, да и в сапогах-скороходах. Сия неточность в рассказе заставила меня спросить: зачем не упомянул г. К. об обстоятельствах, предшествовавших или вынудивших сражение под Смоленском? «Затем, что не хотел!» — отвечает автор. Причина не совсем удовлетворительная. Впрочем, нельзя поверить нехотению сему: в таком случае г. К. не сделал бы общего взгляда на действия Наполеона до Смоленского дела; сделав же оный, надлежало сказать, каким образом очутился Наполеон в том месте, где началось сражение,— ведь не с неба же свалился. Отрывок не дает права разрывать нити происшествий. «Я называю те только движения превосходными, которые достигли предполагаемой цели»,— продолжает г. К.— Я говорил о превосходном соображении Наполеона, а не о превосходном движении. Самое превосходное соображение может не достигнуть своей цели, может быть дурно приведено в действо, но тем не теряет своего превосходства. Переход через Березину есть одно из тех соображений, которые не умрут в военной истории, которые придают блеск подвигам фельдмаршала Кутузова; но, несмотря на превосходство свое, оно не достигло предполагаемой цели, ибо не было исполнено с надлежащею точностию.

5) Г. К. находит великие выгоды в углублении неприятеля внутрь государства обширного, утверждая притом, что «Дарий не утратил бы венца, если бы завлек Александра в недра Персии, окружив вождя сего опустошени-

ем». Я сказал ему, что выхваленные им выгоды основаны на разорении миллионов жителей, на опустошении нескольких губерний, на неисполнении предназначения армий, на упадке духа и бодрости воинов. Ныне г. К. утверждает, что я повторил, списал им сказанное: в чем же нашел он сие сходство? Боже избави меня ныне и навсегда от сего сходства! Далее уверяет г. К., будто я ему приписываю мнение, что отступление русских было преднамеренное, а не вынужденное обстоятельствами. Но не вправе ли я был вывести сие заключение из великих похвал, делаемых им углублению неприятеля внутрь государства обширного, сопровождая оное опустошением? Что мы выхваляем, то, конечно, входит в собственное наше соображение. Что же касается до приведения примеров из древней военной истории, то я, упрекая г-на К. в приведении в пример поступков Дария и похода Александра Македонского, никак не думал, чтоб он со сведениями своими поставил войны Александра, Аннибала и Юлия Кесаря на одном ряду. Набеги Александра, Чингисхана и Тамерлана ничего не имеют сходного с учеными войнами Аннибала и Юлия Кесаря[4]. Падение же Персии произошло не от невежества Дария в военном деле, как то утверждает г. К., но от плохого знания в управлении государством, от внутренних возмущений и бунтов сатрапов, чрезмерной роскоши и всеобщего развращения нравов. Царство, где господствуют безнравственность и безначалие, должно пасть при первом ударе. Упадок гражданских добродетелей, без сомнения, уничтожает дух и достоинство воинов. Г. К. говорит, что «Александр при углублении своем внутрь земли опустошенной, не имея ни подкрепления, ни продовольствия, должен был или погибнуть, или возвратиться. Худой успех с тощим желудком!» Александр дошел до Инда — желательно бы знать, были ли фурштатские батальоны при войске его и в каком состоянии находился желудок победителя и его огромного полчища за несколько тысяч верст от своего государства!

6) Г. К. сознается, что выразился темно при описании местности около Смоленска. Сознание убавило б половины вины, если б он не сбросил ее на меня. Г. К. в ответе своем говорит, что я не прав. «Наполеон стоял перед Смоленском, опираясь правым и левым крылом о Днепр; если бы он немного ближе подвинулся к городу или далее от оного, он все бы концами боевой своей линии примыкал к

Днепру», но в отрывке его сказано: «хотя местность наша при Цареве-Займище выгодна была для оборонительного сражения, но, мне кажется, она не могла сравниться с местностью при Смоленске: войско, став пред городом, было совершенно безопасно в отношении крыл своих, могло увеличить или уменьшить боевое протяжение по произволу». Из сего видно, что дело шло о русской армии, а не о Наполеоне. Г. К. выразился так темно, что и сам во второй раз не понял себя.

7) Я сказал, что «сдача Москвы без боя была мысль ужасная; нравственное состояние армии и жителей столицы того положительно требовали, хотя все выгоды должны были быть на стороне французов, если бы даже, по мнению г. К., император французов был совершенно разбит между Вязьмою и Смоленском, то наши обстоятельства имели бы самое дурное последствие». Из сего заключает г. К., что для «погибели французов должно было ввести их в Москву». Напоминаю то, что я в замечаниях своих сказал: с покорением Смоленска отступление на Москву было необходимо; даже пожар Москвы оправдывается последними происшествиями кампании. Если г. К. не читал сего условия, то советую взглянуть на соответствующую страницу. И, вероятно, он сознается, что несправедливо упрекать меня в противоречии, и мнение его об углублении неприятеля внутрь государства мне вовсе не пригодилось. После сего г. К. утверждает, будто он сказал, что «углубление неприятеля внутрь государства превосходно только в обществе слабом, изнеможенном, а не в царстве русском». В одном из отрывков сказано было: «Мера сия превосходна в пределах обширного государства». Г. К., вероятно, сознается, что нет в мире государства, обширнее России. В слабом же, изнеможенном государстве исполнение сей восхваляемой меры вовсе невозможно. Там столица есть центр силы и всех способов народа. С падением Берлина пала Пруссия, с падением Вены пала Австрия, с падением Парижа пали империя и император. Нет сомнения, что правило неположительное не должно быть принято в военных соображениях: успех от него есть успех случайный.

8) Г. К. сказал сначала, что не только действия превосходны, которые могут быть увенчаны совершенным успехом. Намерение князя Багратиона перейти чрез Днепр близ Катани, по словам самого г-на К., не могло быть

увенчано успехом без содействия 1-й армии; поэтому намерение князя Багратиона было не превосходно, а напрасно. «Оно было напрасно при изложении происшествия,— говорит г. К.,— оно было превосходно при рассуждении об оном». Не знаю, может ли одно и то же происшествие иметь различное достоинство в изложении и рассуждении.

9) «Бомбы перед вами, г. критик!»,— говорит г. К., остроумно сознаваясь в ошибке. Мне остается пожалеть, что бомбы сии каким-то чудесным образом перелетели из Данцига в Смоленск, чтобы несколько лет спустя обрушиться в Петербурге!

10) Сознаваясь в поверхностном знании артиллерии, г. К. благодарит меня за урок, но в порывах горячего патриотизма дает клятву все-таки «называть артиллерию огнестрельным снарядом, как ее называли прадеды наши». Напрасно забывает он, что название артиллерии огнестрельным снарядом столь же неприлично в книгах нашего времени, как мало пристала бы окладистая, курчавая борода дедов и прадедов наших к щегольскому одеянию нынешнего франта.

Имев случай заметить, что рассуждения г-на К. о военных действиях основаны не на известных правилах военных наук, но на собственных оригинальных понятиях, и притом отъезжая отсюда, я вынужден сим прекратить шермицию* нашу, от души желая почтенному г. К. счастливого хода по литературному поприщу[5].

СТАТИСТИКА РОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ

НОВЕЙШИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ[1]

Поверхность сей губернии содержит в себе:

По Зябловскому[2], 770 г. квадратных миль[3].
По Вихману[4], 701 г. квадратную милю.
По Арсеньеву[5], 670 г. квадратных миль.

Таковое различное показание служит доказательством,

* Шермициею называли прадеды наши сшибку, стычку. См. книгу Марсову и формуляр Суворова, напечатанный в № 2 и 3 «Северного архива», 1823. (Примеч. П. А. Муханова.)

сколь мало русские ученые обращали внимание на изыскание и точнейшее описание внутренних стран нашего государства, равно как недостоверны источники, откуда вышеозначенные статистики почерпали свои сведения.

По собранным сведениям, почерпнутым на месте, народонаселение сей губернии в 1821 году было следующее:

Звание	Города	Уезды
1. Курск	19 270	87 882
2. Льгов	990	75 939
3. Рыльск	5 675	
4. Путивль	6 328	69 408
5. Суджа	6 931	83 521
6. Хотмышск	2 362	88 398
7. Белгород	8 350	84 295
8. Новый Оскол	5 000	79 155
9. Короча	2 185	71 248
10. Обоянь	—	140 000
11. Староскол	4 415	77 810
12. Тим	1 064	84 768
13. Щигры	1 650	83 853
14. Фатеж	—	—
15. Дмитрев	1 258	76 023
Итого	68 470	1 102 321

Из сей таблицы явствует, что всех жителей в Курской губернии, как в городах, так и в уездах, 1 170 791, не включая непоказанного числа жителей в двух городах и двух уездах.

Для получения оных возьмем порознь среднее число между остальными 12 уездными городами и 13 уездами и таким образом приближенно определим число всех жителей. Сложность сия составит 1 348 579 душ, что выйдет на каждую квадратную милю 1 751 душа, приняв показанное господином Зябловским пространство земли.

Взглянем на народонаселение, показанное в прежних статистиках:

По Вихману, в 1808 году 739 000, или 1 053 на к[вадратную] м[илю].

По Зябловскому, в 1814—1 424 000, или 1849 на к[вадратную] м[илю].

По Арсеньеву, в 1818 — 1 400 000, или 2 125 на к[вадратную] м[илю].

По нашему исчислению в 1821 году 1 348 579, или 1751 на к[вадратную] м[илю].

Из сего видно, что народонаселение в продолжение 3-х лет уменьшилось на 52 000. Таковое уменьшение едва ли могло существовать, ибо губерния сия в течение сего времени никаких насильственных происшествий ни от природы, ни от внутренних обстоятельств не испытала, и поэтому надлежало бы еще быть значительному приращению народа. Гораздо вероподобнее предположить, что прежние сведения не весьма достоверны, тем более, что источники оных не показаны.

Здесь нелишне упомянуть, что в 1794 году считалось в Курской губернии 220 т[ысяч] однодворцев.

Леса в сей губернии состоят по большей части из малого чернолесного кустарника, употребляемого казенными крестьянами единственно на отапливание и редко годного для строений. Строевой дуб и сосновый лес принадлежат большей частию помещикам, но оного столь немного, что даже недостаточно и на собственное употребление. По неимению полных сведений о количестве леса, находящегося во владении помещиков, прилагаем только ведомость о казенных, находящихся в ведении обер-форштмейстера[6]:

Звание уездов	Число десятин[7]	и сажен
В Курском	5 678	8
— Щигровском	766	765
— Обоянском	699	1 315
— Суджанском	531	617
— Фатежском	3 414	2 022
— Рыльском	618	2 287
— Льговском	5 477	1 802
— Путивльском	4 022	562
— Дмитревском	5 049	1 150
— Старо-Оскольском	1 078	95
— Ново-Оскольском	1 695	84
— Корочанском	28 296	2 227
— Белогородском	21 088	176
— Хотмышском	21 220	1 983
Итого	99 134	593

В статистике господина Зябловского показано вообще лесов, казенному ведомству принадлежащих, 100 591 десятина, 231 сажень, следовательно, 956 десятин и 2 038 са-

женей более. Количество сие составляет почти 105[-ю] часть всего и показывает уменьшение в течение 8-ми лет, то есть с 1814 по 1821 год, не полагая в то число промежуточную вырубку. Из числа сих лесов по тому же показанию находится несколько более 3 500 десятин, состоящих в ведении Адмиралтейства, которые весьма удобно было бы сплавливать по Днепру к черноморским верфям, если бы устроенные плотины и мельницы по рекам Сейму, Псиолу, Свопе, Осколу и Северному Донцу не препятствовали оному. Вышеупомянутые леса состоят из ясеня, дуба, ольхи, клена, осины и растут большею частию по именованным рекам.

Почва земли в Курской губернии большею частию чернозем, почему хлебопашество составляет важнейшую часть народного занятия и с большим избытком награждает труд земледельцев. Губерния сия могла бы весьма легко снабжать разного рода хлебом другие прикосновенные, кои по разным причинам, происходящим сколько от местности, столько и от дурного распоряжения помещиков, чаще претерпевают недостатков, как, например, Смоленскую, Белорусскую, часть Черниговской и проч.; но сухопутный вывоз большего количества хлеба чрезвычайно затруднителен и непомерно должен увеличить цену на оный; почему хлебопашец не может решиться на таковой торг без опасения, что не выручит издержек провоза и денег, необходимых для получения пашпортов. Количество посева и урожая в 1821 году можно видеть из прилагаемой таблицы. Но предварительно скажем, что год сей считался не из числа урожайных лет:

Звание уездов	Посев	Урожай
В Курском	152 943	800 395
— Льговском	82 498	—
— Рыльском	79 667	389 765
— Путивльском	71 947	233 565
— Хотмышском	—	50 000
— Суджанском	93 944	469 720
— Белгородском	33 225	69 101
— Новооскольском	159 002	459 114
— Корочанском	155 003	467 709
— Обоянском	101 810	—
— Старооскольском	91 068	146 252
— Тимском	113 435	—

— Щигровском	140 976	200 000
— Фатежском	—	—
— Дмитревском	—	—
Итого	1 286 448	3 285 621

За невозможностью получить надлежащих сведений не показано посева в трех, а урожая в пяти уездах; но дабы получить хотя приближенное количество того и другого, возьмем средние числа, то есть посев трех уездов 321 612, а урожай пяти 1 624 810; тогда сложность посева на 1821-й год составит 1 608 060 четвертей[8], а урожай 4 928 431; почему и урожай превзойдет посев более чем в три раза: прибыль по обыкновенному хлебородию не весьма значительная, что единогласно приписывают неурожаю. Но и в таком случае за посевом того же числа четвертей на следующий год и за исключением нужного на продовольствие наличного числа 1 348 579 душ (полагая на каждую 2 четверти) 1 699 156 четвертей, останется в избытке 624 213 четвертей. Оценив оный по средней цене, т. е. в 5 рублей, выйдет всего избытка на 1 321 665 рублей. Жители сей губернии сверх того весьма тщательно занимаются разведением коноплей и льна, и хотя мы не можем определить количества посева и урожая, но жители, имея оных в большом количестве, отправляют избытки оных к Балтийским портам.

Фабрики и мануфактуры находятся также в значительном числе и заслуживают особенное внимание по цене получаемых с оных изделий. Заведения сии не довольствуются обработкою произведений, единственно из Курской губернии доставляемых, но получают произведения в единственном их виде из соседственных губерний, где по малому числу рук и по недостатку способов сбывать оные они получаются за низкую цену, отчего фабриканты, переработав их, получают от своей промышленности значительную выгоду.

Из приложенной таблицы видно число фабрик и заводов в Курской губернии и сумма, на которую вырабатываются на оных различные произведения:

Какого рода	Число	На какую сумму
Суконных	12	3 108 750 руб.
Писчей бумаги	1	246 840 »
Свекловичного сахару	2	12 000 »

Кожевенных	23	845 640	»
Рукавичных	1	20 000	»
Бечевных	7	49 000	»
Кисевых	2	34 000	»
Мыловаренных	36	524 840	»
Салотопенных	99	1 780 000	»
Медеплавильных	6	1 075 000	»
Воскобойных	17	292 800	»
Постного масла	276	104 568	»
Свечных	10	85 650	»
Винокуренных	22	1 360 717	»
Пивоваренных	13	106 500	»
Солодовных	3	4500	»
Водочных	2	116 000	»
Селитряных	26	202 000	»
Изразцовых	5	25 000	»
Горшечных	5	1700	»
Кирпичных	49	26 704	»
Конских	1	—	»
Силезских и гишпанских овец	5	14 163	»
Итого	624	10 023 000	»

По избыткам различных произведений и по склонности жителей к торговым оборотам губерния сия могла бы принадлежать по сей части к первоклассным, если бы различные причины тому не препятствовали. Торговые обороты с некоторого времени стали чрезвычайно затруднительны и произвели весьма дурное влияние на все торгующее сословие людей. Многие из богатейших купцов, пришед сами в расстройство, вовлекли в оное множество других, торгующих на меньшие суммы; впрочем, здесь некстати было бы исчислить причины такого положения. Это заметно и в Курской губернии. Купцы, сделав заготовления, не имеют способа сбывать товары, и капиталы их остаются не только без приращения, но от необорота терпят ущерб, ибо купцы платят большие проценты своим поставщикам.

Оборотливость, избыток произведений и склонность жителей к торговле были причиною, что купцы здешние сами открыли сухопутные сношения с Балтийскими портами и австрийской границей: к первым доставляют они сало, пеньку, щетину, постное масло, воск и мед; на второй сбывают скот, воск, мед и малую часть сала; в обе

столицы отправляют садовые продукты, рогатый скот, мыло, воск, мед и хлеб. Получают взамен с австрийской границы оптом, ценою более нежели на 1 миллион железные косы, которыми снабжают все внутренние губернии России. Города Рыльск и Курск принадлежат к числу самых торговых; некоторая часть произведений сбывается на Коренной ярмонке[9]; и хотя торговые обороты, делавшиеся на оной, в последние годы были затруднительны и не могут сравниться с предыдущими, однако ярмонка сия снабжает Курскую губернию и соседственные привозными шелковыми, бумажными, суконными и бакалейными товарами.

Жители Курской губернии могли бы производить большие обороты как произведениями земли, так изделиями своих фабрик, если бы она не была совершенно отдалена от всякого водного пути. Если учредится судоходство по реке Сейму и возобновится проект канала, соединяющего реки Болву и Жиздру или Оку с Десной, тогда благодетельные меры сии откроют водяное сообщение к портам Черного и Балтийского морей, облегчат внутреннее обращение произведений, умножат и усовершенствуют фабрики и доставят земледельцам новые средства сбывать свои избытки в те губернии, которые терпят недостаток.

НОВЕЙШИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ*

Поверхность сей губернии содержит в себе:

По Зябловскому, 868 г. кв. миль.
По Вихману, 867 г. кв. миль.
По Арсеньеву, 870 г. кв. миль.

По собранным мною сведениям из самых достоверных

---

* Сообщая сию полезную статью нашим читателям, мы надеемся, что многие из гг. помещиков Белорусских губерний воспользуются справедливыми замечаниями автора. Благодеяния попечительного правительства, изливаемые на сии губернии, как то видно из именных указов прошлого, 1823 года должны внушать помещикам желания вознаградить промышленностью неудобства хлебопашества. Вернейшее средство к достижению благосостояния есть уменьшение роскоши и потребностей; труд и постоянство. Лучший пример Финляндия, где на самой неблагодарной почве люди живут в довольстве. (Примеч. П. А. Муханова.)

источников, народонаселение сей губернии в 1822 году было следующее:

	В городе		В уезде	
1. Могилев	10 243	души	69 327	душ
2. Сенино	1140	душ	64 265	»
3. Мстислав	3492	души	41 584	души
4. Орша	1736	душ	54 258	душ
5. Чаусы	3400	»	60 000	»
6. С. Быхов	3111	»	43 450	»
7. Новая Белица	2250	»	70 000	»
8. Чириков	—		60 392	души
9. Рогачев	1456	душ	80 000	душ
10. Климовичи	955	»	49 258	»
11. Копыс	770	»	57 120	»
12. Бабиновичи	500	»	—	

Из сего показания явствует, что всех жителей в Могилевской губернии как в городах, так и в поветах 678 417 душ, не включая непоказанного в одном городе и в одном уезде. Для получения их возьмем порознь среднее число между остальными 10 уездными городами и 11 уездами и таким образом приблизительно определим число всех жителей 738 448. Из сего выйдет на каждую квадратную милю по 850 душ, приняв показанное господином Зябловским пространство земли.

Взглянем на народоисчисление, показанное в прежних статистиках:

По Вихману, в 1808 году 708 500, или 816 на кв. милю.

По Зябловскому, в 1814 году 1 000 000, или 1752 на кв. милю.

По Арсеньеву, в 1818 году 1 000 000, или 1270 на кв. милю.

По нашему исчислению в 1822 году 738 448, или 850 на кв. милю.

В исчислениях сих видно большое различие и чрезвычайное уменьшение народонаселения в последние 4 года, именно 261 552 душами. Но в вышеозначенных статистиках не показаны источники, из коих почерпнуты сии сведения; потому решительно предположить их достоверными было бы не весьма основательно. Однако во всяком случае можно сказать, что народонаселение в сей губер-

нии чувствительно уменьшилось от продолжавшегося несколько лет сряду совершенного неурожая, последовавших от того смертности и переселения в другие губернии. Могилевская губерния вообще покрыта мокрыми лесами и болотами и потому имеет грунт земли иловато-глинистый, болотистый и частию песчаный. По сим естественным причинам земледелие находится в самом дурном состоянии. К удивлению нашему, господин Зябловский, вероятно, не имев точных сведений, поместил губернию сию в число плодороднейших. Г. Арсеньев в своей статистике говорит, что «с низменного пространства, заключающего в себе Белоруссию и Литву, начинается земля, удобная к хлебопашеству. Сельская промышленность, коей благоприятствует местное водяное сообщение, находится здесь в лучшем состоянии, нежели в северном Алаунском[1] и Балтийском пространствах». Мнение г. Арсеньева столь же ошибочно, сколько и замечание г. Зябловского. Оно произошло от систематического разделения России на пространства в рассуждении разности климата и почвы, равно как и от недостатка наблюдений и достоверных сведений. Мы ниже сего покажем влияние водяного сообщения на сельскую промышленность; теперь заметим только, что в Балтийском пространстве искусственное и даже ученое хлебопашество несколько заменило дурную почву земли; в Алаунском же прилежание и труды хлебопашцев вспомоществуют произрастанию хлеба. О настоящем состоянии сей отрасли сельских занятий можно судить из следующего показания на 1822 год.

Уезды	Посев	Урожай (в четвертях)
Могилевский	105 357	223 724
Копысский	63 890	172 825
Оршанский	45 941	104 144
Бабиновичский	161 681	217 668
Сеннинский	81 330	167 145
Быховский	36 460	73 134
Рогачевский	83 997	175 092
Белицкий	89 477	223 841
Чириковский	78 688	126 856
Климовичский	27 675	58 733

Мстиславский	68 694	99 682
Чаусовский	42 431	95 900
Итого	885 621	1 739 744

Из сего видно, что в том году урожай был в 1 9/10 более посева: прибыль ничтожная; ибо если из того числа употребить для следующего года на посев одинаковое количество с прошлогодним, т. е. 885 621 четвертей, и ежели бы даже все количество хлеба было собственностью крестьян, осталось бы на годичное продовольствие 738 448 душ только 854 123 четверти, между тем как по сделанному наблюдению необходимо нужно на прокормление каждой души не менее двух четвертей в год; следовательно, недостает на продовольствие 622 773 четверти. Здесь надлежит заметить, что в вышеприведенном исчислении показан озимый и яровой хлеб в сложности; а как яровой доставляет более урожаю, то настоящее число озимого едва ли станет на продовольствие жителей, не оставляя ничего для посева и продажи, необходимой для прочих потребностей гражданской жизни.

Весьма странно, что хлебопашцы, заметив обыкновенный дурной урожай и часто недостаток хлеба на продовольствие, старались заменить оный не улучшением малых участков, но обрабатыванием большого пространства земли, несмотря на то, что почва в естественном ее виде совершенно не вознаграждает труды земледельца. Без сомнения, если бы они обратили внимание на лучшую обработку своих участков, на лучшее удобрение оных, в таком бы случае урожай с меньшим трудом возвысился. В самые урожайные годы недостаток хлеба в сей губернии весьма ощутителен, ибо помещики, в руках коих находится большее число хлеба, предпочитают перегонять оный в вино и в сем искусственном виде сбывают оный за большую цену. Система винокуренной промышленности находится в большом употреблении. Корчмы сверх продажи вина доставляют владельцу другие выгоды, а винокурение способствует к содержанию скота.

Еще две причины умножают неудобства по части продовольствия. Могилевская губерния положением своим находится в центре самых неурожайных губерний: Витебской, Псковской, Смоленской, Черниговской и Минской. Это препятствует ей заимствоваться хлебом и менять

свои произведения на чужие, для нее необходимые. Вторая же причина, что нет по Днепру во весь год постоянного судоходства, и торговля хлебом по сей системе вод отнюдь не в той степени деятельности, как в Алаунском и Окском пространствах. Это происходит, вероятно, от необоротливости купцов, малых их капиталов или потому, что купцы по недостаточному состоянию жителей тех губерний не уверены в возможности сбыть даже необходимое для них с выручкою купеческих процентов.

Теперь следует обратить внимание на то, что в Могилевской губернии $^1/_5$ или $^1/_6$ часть всех жителей состоит из жидов. Продовольствие сих праздных 148 тыс. возлежит на остальной части, и если вычесть весь класс непроизводителей, состоящий в сложности с жидами из 241 427 душ, тогда останется настоящее число производителей 497 тыс. обоего пола, из которых, вероятно, третья доля по молодости и старости лет и по другим, не менее уважительным причинам к земледелию неспособны. И так сей малый остаток, дабы посеять 885 621 четверть, должен вспахать 393 609 десятин: труд значительный, особенно при других сельских работах.

Сенокосы в Могилевской губернии находятся в изобилии, особенно по берегам рек Днепра, Сожи, Прони, Ирпени и других рек и речек. Со всем тем, по чрезвычайно дурному свойству травы, крестьяне кормят скот резкою или сечкою, состоящею из соломы и части сена.

Бесплодный грунт земли понудил было помещиков обратить внимание на умножение рогатого скота. Значительное количество барды, остающейся от винокурения, способствовало к прокормлению оного; но в несколько сряду неурожайных лет много скота истребилось.

Торговля находится также не в отличном состоянии. Купцы, помещики и вообще все сословие людей, в продолжение нескольких лет не имея избытков, получая малые доходы, принуждены были употреблять свои капиталы на самое необходимое. В губернии сей много было торговых местечек, как-то: Шклов, Хиславичи, Гомель, Белица, Варкалабово и проч., в которых большею частию жиды производили посредственно торговые обороты. Но ныне торговля в большом нерадении, и капиталы в 1821 году ограничивались суммою 392 тыс. Главная промышленность сей губернии состоит в лесе. Значительное количество оного отправляется Днепром в Малороссию и

к прибрежьям Черного моря. Но усиленная торговля лесом есть также уничтожение капиталов. Помещики, без всякого расчета уничтожая большое количество старого лучшего своего леса, хотят сим средством заменить малый доход, получаемый с их имения, от дурного состояния хлебопашества и недостатка фабрик. Если бы подробным изысканием привести в известность ежегодно вырубаемый лес для топления, винокурения, постройки, сплавки, гонки смолы, делания угольев и на расчистку земли для пашни, тогда бы число сие изумило каждого и открыло бы, до какой степени невежество в науке хозяйства пагубно для общего благосостояния. Губерния сия может быть причислена к обильнейшим лесами областям в Российской империи. По недостатку полных сведений мы не решились определить число десятин, находящихся во владении помещиков; количество же казенных, находящихся в ведении обер-форштмейстера, можно видеть из приложенного счета:

Уезды	Число десятин	и сажен
Могилевский	2387	1068
Быховский	7492	19
Рогачевский	15572	1852
Чериковский	1597	—
Белицкий	1657	511
Чаусовский	252	1913
Мстиславский	2497	760
Копысский	6	2175
Сеннинский	417	—
Итого	32 880	1098

Из сего числа только 2956 десятин дровяного, большая же часть оного состоит из лучшего соснового и дубового.

Казалось бы, что бесплодный грунт земли и слабое состояние хлебопашества должны были бы внушить помещикам мысли о заведении фабрик. Губерния сия, изобилуя лесом, имея множество небольших речек, находясь на выгодном месте, дабы сбывать свои произведения, имеет все нужные условия для заведения всякого рода фабрик и заводов. Это средство доставило бы крестьянам вернейшие способы иметь всегдашнее занятие, способ добывать

необходимое и исправно платить казенные и земские повинности, между тем как ныне помещики, не имея, может быть, сами средства делать им вспомоществование, заставляют их толпами ходить в отдаленные губернии для отыскивания работы и за свой труд довольствоваться малою платою. Вероятно, недостаток капиталов, малое внимание, обращаемое помещиками на устройство имений, и, может быть, непредприимчивость суть главные причины слабого состояния сей важной отрасли народного обогащения. Из приложенного исчисления можно видеть род и число существующих заводов и фабрик:

Какого рода	Число	Количество выработки	На сумму
Суконных	3	—	27 562
Полотняных	3	—	65 180
Парусиновых	1	75 000	56 250
Бумажных изделий	2	18 612	18 612
Парусных	1	15 000	60 000
Винокуренных	220	219 213	1 315 278
Стекольных	7	325 220	92 645
Пивоваренных	1	500	3 500
Свечных	1	2500	37 500
Кожевенных	1	300	3600
Медеплавильных	3	1550	62 000
Кирпичных	2	15 000	450
Итого	245	—	1 742 575

За исключением из сего сумм, на которые выкуривается вино, останется только 427 197 руб.: сумма весьма маловажная и показывающая, что промышленность находится еще в младенчестве.

НОВЕЙШИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Поверхность сей губернии содержит в себе по статистикам:

Вихмана	1072	квадратные мили
Зябловского	1072	»
Арсеньева	1070	»

По новому исчислению в 1821 году 1158 к[вадратных] м[иль].

Следовательно, по последнему исчислению 88 к[вадратных] м[иль] более; что составляет 13[-ю] долю всего пространства. Из того числа находится:

под городами, слободами и выгонами	136 140	десятин
поселениями	60 948	»
уездами	5 776 088	»
пашнями	2 117 401	»
лугами	1 637 943	»
лесами	1 774 031	»
неудобной	321 905	»

Всего же 10 824 456 д[есятин] указ[анных] мер.

Народонаселение сей губернии по разным показаниям было следующее:

По Вихману, в 1813 году 1 023 000 душ, или 953 души на к[вадратную] м[илю].

По Зябловскому, в 1815 году 1 226 700, или 1 182½ на к[вадратную] м[илю].

По Арсеньеву, в 1818 году 1 300 000, или 1180 на к[вадратную] м[илю].

По новому исчислению в 1821 году включительно 1 290 811, или 1115 душ на квадратную милю.

Из сих различных показаний видно:

1. Что с 1813 по 1815, т. е. в течение полутора года, народонаселение увеличилось 203 700 душами, т. е. пятою долею всего числа. Такое приращение превосходит всякое вероятие, ибо оно противуестественно.

2. С 1815 по 1818, т. е. почти в три года, прибыло 74 700.

3. С 1818 по 1822, т. е. в продолжение 3 лет, убыло 9 789. Уменьшения сего быть не могло, ибо губерния сия в течение сего времени никаких насильственных потрясений ни от природы, ни от внутренних обстоятельств не испытала, а поэтому надлежало бы быть обыкновенному приращению.

Таковой ход прибыли и убыли народонаселения заставляет усомниться в верности показаний. В доказа-

тельство сравним три последние ревизии, и хотя в оных полагается только мужеский пол, платящий оклад, но как остальные сословия и женский пол следуют почти одному изменению, то мы можем безошибочно сделать общее заключение.

По пятой ревизии, бывшей в 1795 году, состояло 502 571.

По шестой ревизии, бывшей в 1811 году, состояло 621 631.

По седьмой ревизии, бывшей в 1816 году, состояло 623 330.

И так в течение почти 21 года народонаселение постепенно увеличилось 120 759 душами. Ныне состоит по сословиям:

а) Не платящих податей:

	Мужеск[ий]	Женск[ий]
1. Духовенства	7970	8837
В том числе монашества	108	39
2. Дворянства	3730	4225
3. Разночинцев	8349	8011
4. Ямщиков	2318	2494

б) Платящих подати:

1. Купцов	3041	3050
2. Мещан и цеховых	17 698	18 277
3. Крестьян казенных	258 470	264 113
» удельных	29 016	33 315
» помещичьих	306 502	296 032
4. Свободных хлебопашцев	223	245
5. Приписных к заводам	3048	3101
6. Мурз и татар	4416	4327

		В них церк[вей]	домов
Городов штатных	12	57	10 461
» заштатных	5		1355
Селений	2564	832	147 808
Всех		—	159 624
Монастырей мужеских			5
женских			2
Часовен			24
Старообрядских			4
Мечетей			14

Почва земли в Тамбовской губернии большею частию чернозем, особенно в южной части губернии. По мере приближения к северу грунт земли становится хуже, а по луговой стороне реки Оки состоит единственно из песку и частию глины.

Урожай в сей губернии был следующий:

По Зябловскому, в 1804 году посеяно 1 828 420, урожай 10 432 933.

По Вихману, в 1808 г. урожай 9 523 796.

В 1821-м году посеяно 1 989 868, урожай 5 523 796.

В сложности нескольких лет средний урожай можно полагать 9 000 000; и так в 1821 году вообще урожай был несколько менее чем в три раза, и год сей считался нехлебородным. Из числа родившегося хлеба должно было употребить для посева на следующий год равное число четвертей с предыдущим, то есть 6 989 868, и оставить на годовое продовольствие жителей, полагая на прокормление каждой душе по две четверти, всего же 2 581 622 четверти. Останется в избытке только 952 306 четвертей. Из сего следует еще исключить нужное число на продовольствие лошадей.

Запасные магазейны, учрежденные в 1799 году, имели общую участь с таковыми и в других губерниях. В 1817 году обещаны были новые правила для устройства сих запасов, и впоследствии сия часть изменилась. В 1821 году находилось в Тамбовской губернии 558 магазейнов; в оных 27 669 четв. различного хлеба. В 1822 году сделаны местным начальством новые распоряжения для составления и содержания таковых запасов в исправности, тем более, что неурожай, бывший в Белорусских губерниях, доказал, сколь полезно пещись об обеспечении народа на будущее время необходимым числом хлеба.

Мельниц в сей губернии состоит: водяных — 630, ветряных — 2 663, на оных обработано хлеба 1 244 016 четв., лесу 12 753 бревна, сукна 368 030 аршин. Получено доходу 510 905 рублей.

Винокурение в сей губернии составляет важную отрасль сельского хозяйства; достаточное количество собственного хлеба и лесу доставляют к тому большие способы, а судоходство рек — средство сбывать вино в другие губернии. Всех заводов в сей губернии 35; на оных выкуре-

но вина 1 551 231 ведро[1] ценою на 4 011 268 руб.; употреблено хлеба 276 694 четв., полагая за каждую по 8 руб., всего на 2 213 472 руб. Истреблено дров 57 163 саж.; цена оным была от 4-х до 22 руб. с доставкою, взяв среднее число, т. е. 13 руб., всего на сумму 744 429 руб. Работало 2 714 рабочих людей; полагая каждому в месяц по 15 руб., всего за 6 рабочих месяцев 244 260 руб.; за доставку вина в магазины водою и извозом, полагая за каждое ведро по 20 коп., всего 310 246 руб. Итак, не считая различных необходимых расходов, как-то на поправку завода, на содержание мастеровых, покупку бочек и проч., осталось доходу 809 157 руб. Взяв же в расчет значительную сумму, необходимую на вышесказанные издержки, окажется, что выгоды, получаемые с винокуренных заводов, весьма малы. Заводчики, поставляя вино пенное от 2 руб. 55 коп. до 3 руб. 26 коп., а полугарное от 2 руб. 5 коп. до 2 руб. 80 коп. за ведро, едва возвращают свои издержки. С уменьшением выгод, конечно, должны бы уменьшиться и заведения; но самая продажа хлеба чрезвычайно затруднительна. Поэтому заводчики содержат свои заводы единственно для того, чтобы иметь постоянное средство сбывать свой хлеб, который за неимением покупателей часто остается у них на руках. Количество казенного леса в сей губернии по разным показателям было следующее:

По Вихману, в 1806 году	154 370	десят[ин]
Зябловскому, в 1814	952 001	»
новому исчислению в 1821	752 181	»

А всего лесу казенного и помещичьего 1 774 031 десятина.

Г. Зябловский показывает, что он пользовался ведомостью, находящеюся в Департаменте государственных имуществ; то из сравнения его показания с последним видно, что в течение почти 7-ми лет леса мало-помалу истребляются. Впрочем, несмотря на это, губерния Тамбовская и ныне еще может почесться довольно изобильною лесами. Из нее ежегодно вывозится гужом и водою в другие губернии большое количество строевого лесу, досок и разных деревянных изделий. Также высиживается много смолы и дегтю.

Значительнейшие леса растут по рекам Цне, Мокше, Оке, Ваду, Выше, Виндрею, Евасу, также по Воронежу и Вороне. Господствующие роды дерев в северных уездах суть: сосна, ель и дуб, а в южных дуб, береза, липа, вяз, осина.

Главнейшие казенные леса находятся в уездах: Тамбовском, Моршанском, Елатомском, Спасском и Темниковском, частию в Козловском, Липецком и Лебедянском.

Все сии леса изобилуют отчасти строевыми деревьями, годными даже на артиллерийские потребности; они-то преимущественно истребляются хотя для пользы общей и по необходимости. В Темниковском и Спасском уездах по рекам Ваду, Выше и Вындрею растут леса, годные на корабельное строение. Таковых лесов считается в нынешнем истребленном положении до 131 161 десятины. Корабельные деревья растут по всему пространству, но весьма редко, большая же часть дерев тонких и кустарнику.

Лучший из помещичьих лесов принадлежит графу Кушелеву в Борисоглебском уезде на реке Вороне. Он составлял прежде часть Теллерманского леса (пожалованного покойным императором Павлом I во владение помянутому графу), изобилует строевыми деревьями и заключает в себе пространства до 11 000 десятин.

Немаловажны также помещичьи леса в уездах Елатомском, Темниковском, Шацком, Тамбовском, Спасском и Моршанском.

Конских заводов считается здесь 68; на оных лошадей 4 495. Южная часть губернии более удобна для заведения конских заводов, ибо верхняя обильнее лесами, имеет много оводов, слепней и других мух, вредных для лошадей; притом для разведения лошадей лучшей породы нужны сухие и хорошие пастбища, которых нет в северной части губернии. Всех лошадей в губернии считается до 390 716.

Скотоводство, по изобильной тучности пастбищ, есть после земледелия главнейшая отрасль сельского хозяйства; рогатого скота считается до 347 168 штук; овец лучшей породы было в 1821 году 3 908 штук; лучший овчарный завод находится в Борисоглебском уезде при деревне Павловка, принадлежащей графу Кушелеву. В нем находится до 1 000 овец силезской и испанской породы, волны сбирается до 70 пуд; всей же волны продано из губернии на 10 440 руб.; а доход от скотоводства был до 4 1/2 миллиона.

Жители сей губернии занимаются садоводством; плоды отправляются в Москву; садов считается 4 914; огородов 109 435; продано плодов и овощей на 71 700 руб.

Пчеловодство, имея все необходимые выгоды, составляет важную часть частного богатства. Ульев находится

здесь 146 816; меду и воску добывается 37 469 пудов: из того числа продано 30 807 пудов на сумму 366 692 руб.

Рыбные ловли производятся по реке Оке, особенно в Елатомском уезде; их считается до 52; рыбы поймано в сем году 22 259 пуд[ов]; продано ценою на 25 850 руб. за исключением домашнего употребления.

Прочие статьи народного богатства составляют железные рудники, коих два; на оных разработано руды 114 549 пуд[ов]. Каменоломней 38; добыто разного рода камней на 25 500 руб. Хмелю продано 180 пуд[ов], пеньки 160 312, масла 6 816, сена 33 734 500, дегтю и смолы 53 000 пудов, уголья 9 500 четвертей, доход со всех сих статей 2 339 000. С звериной и птичьей ловли 17 910 руб. В губернии сей считалось в 1821 году до 391 различных заводов и фабрик, кузниц 1 021, на оных:

Употреблено дров	63 530 саж[еней].
Рабочих было	8 938 чел[овек].
Продано разных изделий на	4 264 660 руб[лей].

А) Заводов: чугуноплавительных — 5, литейных — 10, кожевных — 29, салотопных — 111, клеевых — 1, воскобойных — 7, купоросных — 2, квасцовых — 1, водочных — 1, пивоваренных — 23, кафельных — 1, кирпичных — 181.

Унженский чугунный и железный завод состоит в Елатомском уезде при р. Унже. Он построен в 1755 году заводчиком Батничевым, ныне же принадлежит малолетним помещикам Шепелевым. На нем имеется 1 домна и 10 молотов, также резная и катальная фабрика. На сем заводе выливаются из чугуна превосходной работы разные машины и прочие изделия. В 1821 году выплавлено всего чугуна 88 232 пуда, из которых выковано железа разного сорта 74 676 пудов; руда до 226 000 пудов получается из Меленковского уезда Владимирской губернии.

Фабрик суконных 17, шерстопрядильных 2. Суконная фабрика коммерции советника Лиона, состоящая в Тамбовском уезде при селе Бондарях. На оной имеется 300 станов и значительное число трепальных, прядильных и прочих машин. Сукна делаются солдатские разных цветов до 300 т[ыс]. аршин в год, из коих поставляются 250 т[ыс]. в комиссариат, а остальное число продается. На фабрике капиталу обращается 740 т[ыс]. руб.; чистой прибыли получается до 80 т[ыс]. рублей.

Главный торг в сей губернии производится хлебом,

медом, скотом, салом, шерстью. В оной находится рынков и торгов 47, ярмонок 81, лавок 179, хлебных анбаров 225.

Оборот капиталов был в сем году:

1. Оптовой и лавочной торговли	7 863 000 руб.
2. Ярмоночной	11 907 000 »

Государственный доход состоит из

А. Подати.

1). Процентной. 2). Подушной. 3). Остаточной. 4). Прибыльной. Всего 2 779 665 рублей.

В. Питейные сборы.

1). Продажа вина. 2). Акциз. 3). Пошлины с свидетельств и ярлыков. 4). Доход за штофы и полуштофы, продаваемые с вином. 5). Плата с найма разных питейных домов. Всего на 5 320 186 рублей.

Продано вина	630 750	ведер
На сумму	5 021 387	руб.
Капиталу употреблено на покупку вина	1 546 399	»
Различных расходов	189 212	»
До 1818 года откупная сумма была	2 648 406	»
Затем против откупной суммы прибыло	637 376	»

С. Соляная часть.

Нужная для продовольствия соль доставляется из саратовских и нижегородских запасов и продается казною и вольными промышленниками.

Соляных магазинов — 81.

В них:

Осталось соли от 1820 года	339 805	пуд.
Поступило в 1821 году	318 941	пуд.
Капитал, ассигнованный на соль	253 091	руб.
Продано на генварь 1822 года	184 347	пуд.
Выручено денег	266 300	руб.

Цена составила от 1 руб. 30 коп. до рубля 80 коп. за пуд.

Вольные промышленники продают весьма значительное количество соли, которую получают прямо из главных казенных запасов. Невозможно определить, почему производится ими сия продажа, ибо оная зависит от расходов, ими сделанных, от количества продавцов и требований; но цены сии иногда бывают менее казенных по причине необходимости казны содержать чиновников и магазины.

Д. Прочие статьи государственного дохода.

1. Лесной сбор. Происходит от продажи из казенных рощ леса по установленным в 1810 году ценам и от штрафа за самовольную порубку. Состоит из 33 396 руб.

2. Почтовый из 183 083 руб.

3. Сбор с оборочных статей, как-то: домен, мельниц, лугов и проч.— состоит из 313 902 руб.

4. Разные неопределенные сборы с гербовой бумаги, с пашпортов, подорожных, за право торговли, с купеческих жалоб, штрафных по делам и неплатеж в срок податей, всего 447 929 рублей.

Всего государственного дохода в сей губернии было в 1821 году 9 345 845 рублей, сравнение суммы сей с суммою дохода частного богатства (определенного здесь столь верно, как то возможно было) изобразит оборот капиталов и степень избытка частных лиц.

Доход сей, будучи постоянным и непостоянным налогом, не определяет еще всю подать, платимую жителями, ибо за оным следуют сборы за городские, земские и мирские повинности, которые по раскладкам, бывшим в 1821 году, были следующие.

На земские повинности купцы платили по 1/2 процента с объявленного капитала, с мещан и всех крестьян по 10 копеек с души. Предмет сей повинности: а) содержание почтовых лошадей; б) отапливание и освещение военно-сиротских отделений; с) отапливание воинских штабов. Сбор на оные был 96 390 руб.

Сбор на городские повинности, имеющие в предмете: 1. Содержание города. 2. Украшение его. 3. Содержание полиции. 4. Наем квартир для генералов. Доход — 916 112. Расход — 116 391.

Мирские повинности: на содержание волостных правлений 20 596 рублей; на содержание удельных приказов 38 124 рубля.

Содержание мостов, дорог, перевозов, гатей, подвод для разъездов земской полиции, препровождение арестантов и воинских команд производится натурою; сверх того, в губернии расположено 12 697 квартирующих войск и 3 460 других воинских людей. Весь же денежный сбор сей губернии состоял в 1821 году около 10 милл[ионов].

Войск квартировало, как мы выше сказали, 12 697 челов[ек]. Сверх того, 3 460 других воинских людей. Для удобнейшего исполнения службы имеется 9 кавалерийских

конюшен, 11 манежей, 2 гошпиталя, 12 лазаретов, 8 пороховых погребов, 8 сараев для орудий, 11 провиантских магазейнов, 1 комиссариатская и 1 провиантская комиссия.

Известные липецкие воды открыты были еще в царствование императора Петра I, и тогда многие испытали целебную силу их. Петр I, которого благодетельную деятельность определить трудно, обратил на оные особенное внимание; но потом они были вовсе оставлены. В 1801 году вторично доведено было до сведения правительства о пользе оных, и, наконец, в 1803 году медицинская коллегия занялась исследованием; но первый опыт сей не был достаточен, и в 1804 году сделано было вторичное и основательнейшее исследование.

По химическому разложению, сделанному аптекарем Швенсоном, дознано, что они содержат в себе большую часть угольной кислоты, углекислой извести и железного оксида; они весьма полезны в нервных и геморроидальных болезнях, но вредны в чахотках и в грыжах всякого рода.

Источники сии находятся внутри самого города Липецка, по обеим сторонам реки Липовки; их числом три, не в дальнем расстоянии один от другого. При сих источниках устроена больница, ванна, галерея и три сада. Акушер Амбодик пожертвовал библиотеку в пользу сего заведения; в 1805 году число приезжающих простиралось до 208 семейств, да сверх того бедных разного звания до 280 (смот[ри] Зябловского); в 1821 году посетителей было до 103 человек, от коих жители получили примерно выгоды до 38 тысяч. Доходы от вод получаемые: 1) от ванн; 2) от сбора поземельных денег с поселившихся на местах, принадлежащих водам; 3) за содержание галереи и проч. простираются от 4 до 5 тысяч рублей. Сверх того, в Заемном банке обращается капитал до 15 тысяч.

Тамбовская губерния принадлежит к Казанскому учебному округу; потому и гражданские училища состоят в ведении Казанского университета. Здешнее главное народное училище содержится за счет Приказа общественного призрения.

Уездных училищ 4, приходских 3, в них учащихся 412. Доходы 19 070. Капитал 42 370 руб.

Военные училища состоят из дворянского корпуса и военно-сиротского отделения, в коих учащихся 1204. Капитала 71 900. Духовных училищ: семинарий 1. Уездных 5. Приходских 1. В них учащихся 1385.

Приказ общественного призрения имел к генварю 1821 года капиталов:

Собственного, Приказу принадлежавшего	574 885
Постороннего	402 126
Доходу на 1821 год	58 908
Расходу	62 371

Состоящих капиталов к генварю 1822 года:

Собственного, Приказу принадлежавшего	571 422
Постороннего	366 077

Заведения, подведомственные Приказу, суть следующие: Воспитательных домов 1. Умалишенных 1. Богаделен 1. Больница 1. Содержание их стоит 27 235. Число призреваемых — 240.

Сверх сего, имеются следующие богоугодные и человеколюбивые заведения, неподведомые:

Богаделен 65. Больниц 2. Женские общины 3. Аптек 6. Библейских отделений и сотовариществ 8, у коих капиталу 51 т[ыс]. руб. Исправительные домы: тюремных замков 5. Острогов 3. Тюремных изб 12.

КАВКАЗСКИЕ ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ПОВЕСТЬ

КРАСНЫЙ МОСТ.— ВОСПОМИНАНИЕ О ГИЛЬДЕНШТЕДТЕ[1]

*(Письмо к Р***)*

Недолго продолжалась прогулка наша по очаровательным прибрежиям Куры — мы миновали сады, расстались с висящими скалами. Река повернула влево, течение ее определялось виднеющимися тутовыми деревьями, растущими по берегам ее. Вправо тянулся хребет Грузинских гор. Переехав речку Алгетку, мы въехали в огромную долину, образованную восточным Кавказом и Араратским хребтом. Глаз получил более свободы, но наслаждения его уменьшились... Мы наехали на покинутое татарское селение Байдары. Приближавшееся лето, горящее небо изгнали жителей в горы.

Проехав верст восемь, прибыли мы к Кции, Нахетиру или Храму, одной из значительнейших рек, впадающих в Куру. Источники ее в Араратских предгориях; она течет по степи на юго-восток, принимает Борчалу, Казарет и другие потоки и впадает в Куру около самой оконечности Барчалинского уезда, верстах в 5 от большой дороги. Во-

ды ее, собирающиеся в горах, падая с утесов, влекут с собою обломки медных и железных руд; течение Храма, как и всех горных рек, быстро. Корыто неожиданно наполняется от прибыли вод в горах. Река сия была некогда границей Грузии.

Переезд через Храм устроен через большой каменный мост, называемый Красным. Это образец азиатской архитектуры. Наружность его прелестна. Он сделан на 4 сводах, имеет около 300 шагов длины и 20 ширины. Размеры соблюдены с удивительною точностью, украшения доказывают вкус, и все здание делает честь азиатскому зодчию. Любуясь наружностью, я удивился и искусству строения. Если бы рассмотрел его со вниманием инженер или архитектор, может быть, он покраснел бы от прочности строения. Около 500 лет поддерживают арки сии переход через довольно широкую и весьма быструю реку и мост, построенный без куска железа, существующий без поправок и ремонтных сумм долговечным и невредимым. Наши путешественники приписывают строение его царю Ростану[2], который заменил им прежний, развалившийся, остатки которого и теперь видны. Мне не удалось проверить сие предание.

Желая осмотреть здание сие с большим вниманием, я сошел по сделанному скату к реке и был удивлен, заметив вход под мост. Под остроконечными сводами его на обоих концах устроены два караван-сарая, освещенные узкими, продолговатыми окнами. Двойное предназначение сего здания приносит двойную честь его устроителю. В цветущее время торговли караваны, следующие из Персии, могли находить безопасный ночлег и кров от знойного солнца. Ныне они почти не используются.

Посередине моста в небольшой башенке со входом сделана узкая извилистая лестница. С трудом сошел я по ступенькам и очутился внизу, под сводами моста, в большой нише, обращенной на юг. Каменный пол находился от уровня воды не более полутора сажен. Чистота отделки, красота плафона, сделанного с резьбою и другими высеченными азиатскими украшениями, а также камин обратили мое внимание. Вероятно, небольшая комната сия, имеющая вид полукруга, служила в прежние времена для отдохновения знаменитых путешественников, а в камине, аналогично устроенным в татарских домах, готовили они свои походные пловы и шашлыки. Ныне предназначение

его другое: он служит хранилищем имен путешественников. Стены исписаны грузинскими, армянскими, французскими, немецкими и русскими надписями, множеством персидских и арабских стихов. Многие имена пережили и людей, и деяния их.

Признаюсь, мне было досадно найти имена, начертанные путешественниками, принадлежащими к сословию ревнивых торговцев обеих гемисфер[3]. Англичане с досадой смотрят на возрождающуюся торговлю нашу с Востоком, страшатся ее и стараются происками своими у персиян остановить ход ее. Мне сказывали, что множество чиновников Индийской компании[4] живут беспрерывно в столице шаха и не теряют из виду выгод своей нации. Прежде были они учителями их в военном деле; теперь под формою дружбы сторожат они торговые сношения их с русскими. Но генералу Ермолову поручено охранение выгод сей области[5]. Меч и перо — орудия страшные в знающей руке.

Разбирая подписи, испещряющие стены, я был проникнут чувством глубоким, увидя между множества имен имя Гильденштедта. Ученый академик сей посетил Красный мост 25 мая 1772 года. Отсюда направил он путешествие свое к юго-западу, в казахскую дистанцию. Заслуги его велики. Он первый проложил путь к недоступному Кавказу во времена смутные, когда горцы еще не скрывались в ущельях, когда Россия и Персия решали участь мелочных царств, но еще не произнесли приговора. Благодарность образованных соотчичей должна увеличиться к превозмогшему трудности природы, неустрашенному опасностью. С тех пор никто не последовал ему по пути уже проложенному. Удивительно, что пространство между двух морей, прославленное в древние времена и баснословием, и историей, не было заманчиво для ученых исследователей. Современники совершили исполинские путешествия в бореальные страны. Они стали знакомы с полюсами, но Кавказ остался неизвестным. Его никто не исследовал, никто не мерил*, никто не посетил сего края, богатого природой и историческими воспоминаниями, края, где рев-

* В одном из предыдущих писем изложены заслуги Клапрота[6]: они ничтожны в сравнении с его путеводителем Гильденштедтом. Отчет его путешествия занимателен для лингвистиков. (Примеч. П. А. Муханова.)

ностным изыскателям откроются источники ко всем отраслям наук, где природа рассыпала и ужасы, и прелести, где люди столь же новы и малоизвестны, как и темные пропасти — хранилища подземных сил природы, высокие скалы — неиссякаемые питалища вод и вершины гор, плавающие в облаках: Кавказ, место, могущее сделать славу ученому. Он столь же мало проникнут, как и внутренность Африки, менее описан, чем Кордильеры*. Он ждет Гумбольдта-Протея[7] на поприще изысканий. И науки должны будут увенчать знаменитостью иноземца и наложить на него тот венец, который по праву собственности должен бы принадлежать нашим соотечественникам. Пора бы исполнить огромные предприятия Екатерины, желавшей видеть Россию состязающеюся и на поприще наук со всеми государствами Европы, предприятия монархини, прославленной, великой и на строгих скрижалях храма просвещения. Если ученые не любят делать наблюдений своих при неприятном запахе пороха, то ныне не страшно препятствие сие: можно ручаться за безопасность путешествующих.

Мы были свидетелями происшествия нового, необыкновенного в летописях наук, могущего служить примером для всех ученых исследований в земле воинственной. В наш век слава и науки сочетались. Честолюбивый герой, стоящий на меже двух столетий, равно озаряющий оба, сдружил воинственную грозу с светом учения. Наполеон присоединил к египетской армии своей общество ученых. Оно составило описание края, видевшего знаменитые подвиги оружия его. Ученые труды сии пережили завоевания колыбели мудрости. Они оправдали сей пример новый, небывалый, блестящий, и под покровительством орудий совершился подвиг знаменитый. Монж, Бертолет, Фурнье, Нури, Ноэль, Лариель, Жирард, Андреосси, имена славные в ученом мире, составили Египетский институт[8]. Они были сподвижниками двойственной цели оживотворенного гения и трудами своими состязались с подвигами детей победы — одни пожинали лавры, другие ветви дуба, чтобы сплести полный венец славы.

Но воскресим смолкнувшую славу человека, оказавшего истинные услуги ученому свету: изложим жизнеописа-

---

* Парижское географическое общество задало задачи на 1825 год для описания малоизвестных стран света: Киринеи, Карамании. (Примеч. П. А. Муханова.)

ние члена Петербургской Академии, еще юной, но уже знаменитой, цветущей, подвизавшейся в соперничестве со всеми палладиумами Европы*.

1. А. Гильденштедт родился в Риге 26 апреля 1745 г. Отец его был секретарем императорской обер-консистории и после асессором Гоф-Герихта. Оа был первым учителем нашего академика[10]. В школе юноша отличался прилежанием и понятливостью и скоро поступил в высший класс Рижского лицея, где и продолжал свое учение с успехом под руководством ректора и пастора Лодера[11]. В 1765 году отправился в Берлин, где и поступил в тамошнюю Медико-хирургическую коллегию.

Делает честь берлинским учебным заведениям, что столь славный муж, каков был Гильденштедт, в одном только Берлине приобрел все свои огромные познания в медицине, ботанике и естественной истории. Мекель[12] и Гледич[13] были главными его наставниками. Он поехал во Франкфурт-на-Одере, где, по кратком пребывании, получил степень доктора на 22 году жизни. Тамошнее общество испытателей природы еще прежде наименовало его своим членом.

Вскоре открылось Гильденштедту поприще, на котором суждено ему было прославиться. По повелению императрицы Екатерины в 1767 году положено было нарядить ученые путешествия во все области русской империи, частию для наблюдения прохождения Венеры в 1768 году, в особенности для описания земель в географическом отношении и по естественной истории. Гильденштедт призван был Академиею по рекомендации Гледича. В апреле 1768 года он приехал в Петербург. Сначала ему предписано было ехать в Астраханскую губернию, но после, по предложению Гмелина[14], который распространял сие путешествие на Персию и Грузию, назначение переменено.

Путешествие Гильденштедта, продолжавшееся семь лет, составляет главную эпоху в его жизни и потому заслуживает общий обзор.

Он отправился в половине июня 1768 года из Петербурга, осмотрел места, из коих вытекают Двина, Днепр, Волга, Дон, и перезимовал в Москве. В марте 1769 года

* Краткое известие сие почерпнуто из современного Петербургского журнала Академических актов и сочинения Палласа[9]. (Примеч. П. А. Муханова.)

поехал через Воронеж, Новохоперск и Царицын в Астрахань и оттуда, зимой, отправился в Кизляр, на Терек, куда прибыл 23 января 1770 года. В эту же зиму он сделан был адъюнктом Академии. Он объехал земли, лежащие при реках Тереке, Кумбелее, Сундже, Аксае, осмотрел ключи и нефтяные источники и всю северо-восточную часть Кавказа. Весною 1771 года посетил он Осетию и собрал много сведений географических, описал тамошние народы и первый во всей Европе представил замечания об их языках. В апреле того же года Академия наименовала его своим членом и профессором естественной истории. В мае отправился он к горячим ключам, близ Терека, и занялся испытанием оных. В июле и августе с кабардинским князем Арелан-беком Тау-султаном и родственником его Давлетук-Келеметом был он в Малой Кабарде и объехал кругом Дугорский округ. В сентябре благополучно прибыл через горы в Грузию, где имел торжественную аудиенцию у царя Ираклия[15]; он принял его благосклонно, полюбил его, особенно за медицинские познания. Ученый-профессор ездил с царем в лагерь, вдоль по Куре; в Тифлисе занимался он до половины февраля 1772 года и поехал с царем в Кахетию. В мае ездил с князем Давидом Эристовым[16], знатным магнатом грузинским, который пользовался его медицинскими познаниями, в Терекименскую область, на юг от Тифлиса. В июне объехал он еще часть Кавказских Альпов и 7 июля вступил во владения имеретинского царя Соломона[17]. Летом объезжал он округ Раджинский, нижнюю Имеретию, границы Мингрелии и Грузии, восточную часть Имеретии и среднюю Грузию. Западная часть Мингрелии и Имеретии особенно хорошо описана в его путешествии. Наконец, после многих опасностей, благополучно приехал в русские владения, в Моздок, 7 ноября.

Зимою дополнил он свои сведения о Кавказских народах.

В апреле 1775 года по случаю жестокой лихорадки он отправился для поправления здоровья к Петровским ключам. В июне пустился он вверх по Малке в сопровождении кабардинского Узденя и кабардинского князя Кургока Татарханова; проехал Большую Кабарду, возвратился к Бештовым горам, осмотрел окружающие страны и Маджарские развалины на Куме; потом через степи поехал он к Дону и в июле месяце прибыл в Черкасск. Отсюда сде-

лал он поездку в Азов, к устью Дона, объехал некоторую часть берегов Азовского моря и осенью достиг Кременчуга. Здесь и пробыл он зиму и часть лета 1774 года и делал поездки по Новороссийскому краю и Екатеринославскому наместничеству. Он хотел ехать в Крым, но тогдашние военные обстоятельства ему в том воспрепятствовали, а вскоре получил он повеление возвратиться в Петербург. Желая сколько можно воспользоваться оставшимся временем, Гильденштедт объехал тогдашнюю Украинскую линию, был в Бахмуте, в Киеве. 2 марта 1775 года возвратился он в Петербург. Во время своего отсутствия Гильденштедт был выбран в члены Свободного вольного экономического общества, Берлинского общества испытателей природы и Эрфуртской академии.

Стремление к общей пользе, бывшее главною чертою характера сего ученого, заставило его в 1779 году основать библиотеку для чтения без всяких корыстолюбивых видов, которая после поддерживалась другом его Эйлером[18]. С таким же бескорыстием работал он и для Экономического общества.

Любовь к общей пользе была причиною и ранней смерти Гильденштедта. В 1781 году в Петербурге свирепствовала гнилая горячка. Он помог многим, но вскоре слег сам и умер 23 марта 1781 года на 56 году жизни.

Не многие ученые оказали в столь краткую жизнь так много важных заслуг.

ЕЛИСАВЕТПОЛЬСКАЯ ДОЛИНА

(Письмо из Грузии)

Красный мост был межой величественной природы. Мы въехали в Елисаветпольскую равнину[1], и я пожалел о вековых гранитах, о темных ущельях, о вечных снегах подоблачных гор, об аромате долин, прикрытых виноградниками и пурпуром гранатовых кустов. Какая неожиданная ужасная противоположность! Глаз не встречает ни одного возвышения, ни дерева, ни зелени, ни одного дышащего предмета: он видит одно пространство, одну печальную даль. Палящее солнце все сожгло, земля суха и превратилась в пыль; пасмурный беловатый цвет ее, иссушенный зноем и сорванный ветром ковер ее — все представляет печальное обнажение, один бездыханный труп природы.

Жители, страшась сего отсутствия жизни, покинули пустыню — скрылись в горы искать прохлады, а стадам своим пищи; звери прячутся в норы, в дальние камыши и ждут вечернего сумрака, чтобы пуститься на ловитву; одни легкие джейраны, любители зноя, скачками мчатся по полям, ища иссохшей травы. Путешественник один в стране омертвения, затерян в пустоте пространства: ничто не напоминает ему о жизни — он сам не существует. Удивление и наслаждение смолкли, одно сожаление приводит в движение его душу, одно страдание заставляет его чувствовать! Солнце отыскало новую добычу: оно печет его, жажда его мучит, и он не смеет утолить ее в текущих изредка ручьях, боясь неминуемой болезни. Воздух душен, губителен, прохлады нет, место отдохновения под тем же палящим небом; одно редкое облако, едва заметное в пространстве небес, изредка тенит клочок земли. Ветер, дыша с гор, не освежает путника, но делается резким, губительным... Настает вечер, и луна, получившая первенство над солнцем, является на небе и дарит землю отрадным, благодатным мраком.

Вот картина огромной равнины, заключенной между араратским предгорием, течением Куры и до самого Аракса. Неприятно путешествие сие по стране печальной, и я несколько раз сожалел, что не поехал по новой верховой дороге[2], вновь проложенной генералом Ермоловым. Болезни, которым подвергаются путешественники при утолении жажды и при невоздержании в пище, ужасная смертность людей на постах заставили его перенести дорогу в горы, и, несмотря на большие трудности, ее делают удобною и для повозок. Устройство сообщений, столь необходимых в богатом краю, есть особенное попечение главного начальника Грузии, и жители хотя принимают участие в многотрудной работе, но обязаны ему большой благодарностью, как первому озаботившемуся о внутренних сообщениях. Сбыт произведений сего богатого края, без сомнения, станет удобным и поощрит распространение разных отраслей внутреннего богатства.

Желание увидеть Ганжу[3], славную во время владычества персиян, и познакомиться с разными ужасами края малоизвестного и неописанного заставили меня ехать по старой дороге. Горы, шаткие мостики, устроенные над ревущими, упрямыми реками, висящие граниты, обещающие падение, тропинки, высеченные копытами лошадей по ко-

согорам скал, бездонные ущелья казались мне ужасными, но действие солнца еще ужаснее.

От Загамского поста вправо лежит Шамгорская немецкая колония[4], состоящая из вюртембергских выходцев. Немцы, вероятно, у бездомных жителей Востока приобрели вкус к переселениям и расселяются по свету. Хребет Кавказа не удержал германских выходцев: они поселились здесь на житье в 1818 году. Пользуясь обыкновенными преимуществами, доставленными разноплеменным выходцам в нашем отечестве, колония сия скоро дошла до степени довольства, до которой тщетно будут достигать местные жители. Колонисты занимаются земледелием, ремеслами и извозом.

Долго немцы не могли привыкнуть к воздуху и зною Азии. Многие дома опустели: в них не осталось ни отца, ни детей, и на все требующие доказательства медленные немцы печальным опытом уверились в пользе данного им совета — носить теплое платье и меховую шапку, одежду, предостерегающую от воспаления, которому все без исключения подвержено.

Верст 10 от колонии, на большой Карабахской дороге видны развалины древнего города Шамгора[5]. Остатки огромного моста, груды каменьев показывают окружность и величину его. Древний минарет, имеющий до 23 саженей высоты при 5 саженях поперечнику, устоял от времени и вечных браней: он гордо возвышается над грудами каменьев и удивляет путешественников красотою отделки. Он сложен со всею расчетливостью строительного дела, и наружный вид соответствует его предназначению.

ВЗЯТИЕ ГАНЖИ

*(Письмо к Р***)**

Развалины и опустошенные дома возвещают плачевные события города. Крепость, почитавшаяся лучшею во всем Азербиджане, не охранила, но пережила его. Она еще возвышается над остатками прежде цветущей Ганжи и как печальный мавзолей напоминает и судьбу побежденных, и имя грозного победителя[1], не существующего более.

Русские взяли Ганжу в первый раз в 1796 году, во

* Отрывок из рукописи: Поездка в Грузию и Карабах. [Примеч. Н. А. Полевого.]

время своего похода через Дагестан и Ширван в Грузию; но в следующий год она была оставлена. Все пребывание русских за хребтом Кавказа было похоже на кочеванье. Со времени похода Петра Великого[2] было несколько экспедиций; многократно ходили за Кубань, в Грузию, Имеретию, Мингрелию, узнали берега Каспийского моря, но походы сии походили более на военные прогулки. Князь Цицианов явился завоевателем: он уничтожил торжество властителей Востока.

В 1803 году ганжинский хан Джеват с 15 т[ысячами] татарского войска, 9 т[ысячами] жен, собранных в залог верности мужей, заперся в крепости. Клятва повелителю и безусловная защита жен, сообразно обыкновению жителей Востока и уставам Корана, служили хану несомненною порукою в храбрости и верности его орды. Действительно, Ганжа сделалась Сарагосою[3] татар.

Главнокомандующий Грузиею князь Цицианов подступил к ней с 3-мя тысячами солдат и обложил ее. Войско его не раз переходило вершины Кавказа и брызгами крови воинственных горцев пятнало вековые скалы его. Не раз и на знойных степях ратники снеговой полосы степной встречали тучи крылатых азиатцев. И здесь слава их всегда передила. Как предвестника гибели, как божьего гнева ждали Цицианова. Но Джеват, славный оружием в своем краю, хотел еще померяться с новым врагом, славным уже своими подвигами.

Осадили крепость; целый месяц теснили ее войском. Бивуаки тянулись цепью; огни их освещали высокие, красные стены Ганжи. Солдаты меряли их глазами завистливыми, с досадою смотрели на развевающиеся бунчуги[4], на толпы гордых азиатцев, собиравшихся на стене как бы дразнить их; кипела алая солдатская кровь — поговаривали о лестницах, шептали о штурме, жаловались на медленность. Солдат не любит проволочек: огонь, картечь, смерть сноснее вблизи; терпение, ожидание тягостны. Но русский генерал берег горсть храбрых сподвижников; он не хотел усеять костями их стены татарского укрепления, на которых пятеро ждали одного. Они нужны ему были на славную даль. Между тем солдаты рубили деревья, отводили потоки, малыми отрядами нападали на толпы наездников, лишая осажденных средств добывать продовольствие.

Действительно, крепость пришла в состояние бедствен-

ное: нуждались дровами; запас провианта был велик, но не было ячменя — лошади падали; водопроводы, которых русским не удалось отвести, были запружены мертвыми телами: жители черпали воду вредную, губительную; воздух был заражен, нужда и болезни увеличивались; но ничто не колебало татар. Пять раз русский генерал требовал сдачи города, и последнее предложение, сделанное хану,— остаться владельцем и данником России, не могло превозмочь упорства и решительности Джевата. «Я возьму приступом город, полоню тебя и предам позорной смерти»,— писал к нему главнокомандующий. «Ты найдешь меня мертвым на стене»,— ответствовал ему гордый Джеват.

Надменный ответ сей был для города приговором гибели. Притом позднее время года, умножение больных в войске русском, недостаток продовольствия принудили князя Цицианова прибегнуть к приступу без отлагательств. Решительная мера сия была необходима и для дальнейших видов главнокомандующего. Отступить от крепости, не взяв ее ни тем, ни другим образом,— небывалое дело для русских солдат. Сила оружия упала бы в глазах воинственных соседей, определяющих поведение свое одним страхом сильного, чтящих один закон меча.

Накануне боя приготовление к штурму есть праздник в стане. Наряд сделан, пробуждаются от продолжительного бездействия. Солдаты радуются предприятию, хвалятся своею догадливостью, событием первых своих предсказаний. «Давно бы так, не век глазеть нам на бусурманов, пора потешиться штыком»,— говорят солдаты. Целый день лагерь кипит деятельностью: одни готовят лестницы, другие наметывают заленившуюся руку, вставляют кремни, стирают ржу, наводят блеск на штыки. Молодые солдаты не дремлют, работают горячо; старые, вслушиваясь в толки, пришептывают прибаутки, рассказывают про старинную солдатскую жизнь, про походы, приступы... и засыпают, чтобы освежиться, помолодеть к завтрашнему бою.

3-го января 1804 г. на рассвете двинулись две колонны. Одну вел генерал-майор Портнягин, другую — полковник Корягин[5]; войско шло быстро, дружно. Неприятель, заметя движение противников, уставил стену меткими стрелками; орудия собрали на пункт атаки. Долго не подпускали русских... встретили их тучей пуль, градом ка-

меньев... Татары держались упорно, отчаянно. Но после кровопролитного приступа, продолжавшегося два часа, русские колонны влезли на стену: одни по лестницам, другие в брешь. Храбрый Джеват-хан выполнил свое обещание: тело его нашли на стене, возле орудия — он пал, защищая главную точку натиска. Сын его Гасан-Кули-Ага, гордый соперник в храбрости, повергнут был вместе с отцом.

Русские солдаты, как львы разъяренные, ворвались в город — смятение было ужасно. Толпы татар пеших и конных носились по городу, ища ханского бунчуга, воинственного их маяка, малодушные искали ворот. Жены высыпали на площадь и боязливым, пронзительным криком оглашали воздух. Солдаты начали очищать улицы — кровопролитие соответствовало приступу. Но никто не коснулся ни женщины, ни младенца. Сам генерал удивлялся человеколюбию и повиновению солдат, неслыханным в подобных случаях. К полудню стихло. Внутренность города была покрыта мертвыми телами. Солдаты с лошадей снимали золотые уборы...

Добыча превосходила число самих победителей. Она состояла: в 12 пушках, 6 фальконетах, 1 штандарте, 8 знаменах, 55 пудов пороха, запасе хлеба, 5850 пленных мужского и 8 640 женского пола. Местное положение Ганжи, держащей в страхе весь Азербиджан, и крепость, между азиатцами слывшая оплотом, сделали приобретение сие важным для России. Ганжа почиталась ключом северных провинций Персии; на нее глядели властители прилежащих ханств, и русское знамя, развевающееся на обагренных магометанскою кровию стенах крепости, было вестником гибели для всех окрестных владельцев. Князь Цицианов дал Ганже имя Елисаветполя, в убеждение постоянного пребывания русских в сей покоренной земле.

В числе пленных приведена была ханская семья в жалком состоянии. Князь Цицианов, столь же страшный, как и великодушный, столь же храбрый воин, как и тонкий политик, дал ей денег, одежду, пищу, отвел покойный дом, снабдил его коврами, войлоками и другими восточными украшениями. Неслыханное в сем краю снисхождение сие произвело благотворное влияние. В соседстве Ганжи возглашали о поступке сем, как о неслыханном доселе. Пленные оставлены были при их жилищах, имущество их было неприкосновенным; ни русские, ни грузины под опасением

казни не отваживались увлекать с собою пленных по обычаю, искони существующему в Азии.

Оставшиеся два сына Джеват-хана при самом начале приступа бежали через стену и с небольшим отрядом татарской конницы пробрались к самугскому владельцу Шерим-беку, вассалу ганжинского хана. Князь Цицианов написал ему следующее письмо:

«Шерим-беку со мною, высокославных российских войск главным начальником, переписываться и пересылать послов некстати и низко для меня, а вы должны были тотчас сами приехать с покорностью. Когда вы боялись Джеват-хана, как же вы меня не боитесь? И как вы смели принять к себе детей его, бежавших отсюда, которых вы должны без всякой отговорки сюда представить? Им худо не будет сделано. Если б отец их послушался меня и отдал бы мне крепость, то он остался бы здесь ханом навеки. Таковы были последние предложения мои ему на письме. Оставьте все персидские обычаи и знайте, что вам меня не обмануть. Приезжайте тотчас с покорностью ко мне и привезите детей ханских; тогда я приведу вас к присяге и приму в подданные его величеству. А если вы замедлите, то я вас и на земле, и в воде найду. Вспомните только то, что я слово свое держать умею: сказал, что царскую провинцию сокрушу, и сокрушил; сказал, что царскую фамилию, раздирающую Грузию, из Грузии вывезу, и вывез; сказал, что Ганжу возьму, и взял! Теперь судите: можете ли вы равняться с нами? И неужели вы думаете, что я поверю вашим отговоркам? Впрочем, вас уверяю, что будете довольны русским правлением и моим приемом, если вы только через день приедете для того, что после мне дожидаться вас некстати будет».

Ответ отгадать не трудно. Настоятельность, важность, изъявление воли безусловной, не подверженной изменению,— вот характер всех письменных сношений князя Цицианова. Он твердо опирал их на прежние славные дела свои, на страх, внушенный храброю горстью им предводительствуемых. Он был уверен в исполнении своих намерений. Воля его была возможностью, грозная молва о нем, везде его опережающая, заставляла нечестивых заранее бледнеть при его имени и его требовании.

УЛИ

(Восточная повесть)

Я любил Ули. Он был счастливейший из бедных путников бедной земли. Небесные духи радовались его блаженству; лицо Ули было весело, как весел пробуждающийся день. Воспоминание прошедших горестей миновалось... ожидание делало его счастливым, и он с юным восторгом ждал приготовляемого для него пира. Так радуют изнемогающего путника зеленеющие вдали пальмы, предвестницы его отдыха, так шум ручья придает бодрость и силу верному коню, сподвижнику странствователя!

День соединения Ули с любимою Рами приближался. Рами слыла красавицей во всей области. Ни одна дева не была так стройна, ничьи глаза не горели таким огнем, ничей голос не был так сладостен, ни одна дева не была так горда. Рами для Ули была весь мир: для нее забыл он своего скакуна, призыв бранного тимпана[1] стал ему невесел, колчан его опустел, лук отдыхал без тетивы, булат и пищали пылились, и золотые бунчуги украшались дарами милой. Мысль и ожидание соединения изгнали все мечты о славе, желания ратных подвигов, гордые намерения; так светлая, игривая радуга гонит черную тучу и открывает безоблачное небо!

Ули был небогат, но имел друзей. Он чтил дружбу, не требовал жертв от благодарности и пренебрегал неблагодарных; но кто знал, как отрадно было для него добро, тот, верно, последовал бы его примеру.

Дела звали меня в Испагань[2]. «Ты увидишь,— говорил мне Ули,— жителей песков и жителей зеленых полей; ты увидишь богатых купцов и бедного дервиша[3] и услышишь везде одни жалобы: все ропщут на людей; но скажи им, что надобно любить людей, чтобы ждать от них отплаты: любовь требует заслуг, чувств сердечных. Скажи им, что Ули имеет друзей, потому что любит их искренно, что Рами мне верна и я любим ею, потому что люблю ее, как ни один поклонник Магомета не любил юной девы. Богатство купцов приобретено разорением бедных, слава мирзы[4] — кровью соседей, и многочисленные стада кадиев[5] — продажею совести и правосудия, и самый блеск шахова дворца — темнотой в жилищах его подданных. Но друзей Ули приобрел собственным его чувством, и скромный угол

его помещает более друзей, чем высокие палаты властелина и волшебные сады его поместить могут.

Я проехал Харасан, я видел Карборех и счастливый Кашемир[6]; я удивлялся огромным стенам Испагани, очаровательным садам Багдада и с трепетом заглянул в Ширасе[7] во дворец могучего царя Востока — и все это не сравнилось с жилищем добродетельного, счастливого Ули! Наконец я возвратился на родину и поспешил к своему другу.

«Куда бежишь ты? — сказали мне.— Ули потерял свою веселость, свою доброту: он стал угрюм и суров, как наш блюститель правосудия...»

Как в каменистых ущелиях берегов моря раздается грозный удар грома, так раздалась весть сия в моем сердце. Мысль о переменчивости счастья друга не выходила из головы моей. Мне стало жаль, что путешествие отняло у меня утешение отереть первую слезу его печали и что из множества друзей Ули один я был розно с ним — я спешил к нему... Я видел уже дом его... Он казался пустыннее жилища дервишей! Замечаю человека... печаль мертвила лицо его... глаза его бродили безнадежно, ища чего-то знакомого... Я подошел к нему; он взглянул без ласки, без привета: холодный, недоверчивый взгляд отражал самое сострадание. Это Ули. «Что сталось с тобой? — сказал я ему,— ты изменился».— «Я все тот же,— ответствовал он,— но я один, потому что я несчастлив; я думал, что надобно только любить друзей — и они будут». Но все скрылись с тех пор, как горесть неразлучна со мною, и все, все без исключения! Али ни разу не пришел навестить меня; на лице Барнасара я только один раз прочел участие; один Баку сказал мне: мы будем вместе вздыхать о твоем горе. Но Баку не слушает меня более, Баку не понимает более моих горестных вздохов, Баку любуется великолепными садами шаха, Баку катается с толпой ласкателей в золоченых ладьях и редко когда придет ко мне, придет только для того, чтобы выхвалять свою черноокую Амиру, и хочет, чтобы я любовался его счастьем: этот бедный остаток дружбы только множит мое терзание!»

«Ули, ты несправедлив. Если ты не можешь разделить с Баку его счастия, как хочешь ты, чтобы он делил с тобою твою горесть? Не забудь, что и в горести мы имеем обязанности!» — «Человек без надежды и утешения, оставленный всеми, не имеет никакой обязанности! Вы, любим-

цы счастья, можете восхищаться блаженством, душа ваша способна веселиться на торжествах, принимать участие в веселье и забавах; но счастливые не понимают чувства страдальца... они бегут его... Видал ли ты на полях наших одинокую пальму? Когда она цвела, когда красивая вершина зеленела и в знойный полдень бросала тень — сколько странствующих садилось под ее тенью, сколько бедных путников благословляло ветвистое дерево, сколько несчастных покоилось на ее корнях... но гибельный гром разбил ее, красивые ветви слетели... нет тени — и она забыта, и никто не коснется ее. Ты знаешь, что с детства я был игралищем злой судьбы; ты был свидетелем, как любовь Рами облекла забвением все прошедшее — любовь прояснила мое небо. Сеид, которому я поверил свое небольшое имение, плыл скорее, чтобы скорее утвердить мое счастье. Но увы! И любовь, и клятвы верной Рами, и дружба верных друзей, и будущее счастье, все, что было мне мило,— погибло с куском погибшего в море золота! Мой дом, сперва посещаемый многими, стал пуст, как дикое ущелье, стал одинок, как разбитая громом пальма, и я один, и ни один из тех, которые рассыпали свои клятвы, не постучится в дверь к несчастному: люди не смеют, боятся взойти в ту дверь, в которую уже взошло горе!..

«Моли пророка, надейся, друг!» — «Молитвы несбыточны, пророк неумолим, надежда — пустой сон... Я видел, как араб, пробитый боевою стрелою, зашатался, упал, но не дал своего коня товарищу, еще надеясь на свою силу, на собственное мщение; но вскоре ветер засыпал прах его песком».— «Не переставай любить людей».— «Я их люблю, но они того не стоят: они так же неверны, как море, поглотившее у самой пристани мое счастие! Молук! Для несчастных объятия мои не будут чужды, и закраснеет булат мой за бедного, гонимого людьми и судьбой. Теперь помоги мне в последний раз натянуть тетиву лука, набить колчан — оседлай неизменного скакуна и сними с бунчука подарки верной Рами: отдай ей, скажи, что я все люблю ее, как ни один поклонник Магомета не любил юной девы. А Баку скажи, что презренный им друг простил ему, и не забудь, что не довольно любить людей, чтобы быть любимому, и что часто дружба и любовь погибают с куском погибшего в море золота!

МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЗАИКА

Часть очерков были читаны публикой в журналах и альманахах и заслужили похвалу. Перепечатываю оные с добавкою новых, еще неизвестных, найденных в большом портфеле.

П. Муханов

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД НА БАЛ

«Иголку, нитку!» — и весь дом в тревоге. Бабушка бранится, маменька побледнела, Наташа перед трехаршинным зеркалом, в слезах, а из рук испуганной служанки посыпались булавки.

Что делать — такова судьба девушек! Часто от одной лишней складки на платье зависит их успех в свете...

«Ножницы!» — провозгласила бабушка. «Ножницы!» — повторила матушка. «Ножницы!» — раздалось по всем углам дома, и опытные родственницы режут, пришпиливают, шьют, подшивают, и из Наташиного длинного платья сделалось платьице...

Наташе исполнилось шестнадцать лет — с обыкновенными учетами, вычетами и снисходительными выкладками малопамятных старушек. Нечего думать! Наташе пора видеть свет, Наташе пора завиваться. С утра послали за парикмахером, с утра наехали тетушки и давно завитые кузины для важного семейного совета. Артист явился, систематически расставил помаду и духи, разложил разнообразные щеточки и гребенки, фальшивые косы и букли. Усадили Наташу. Заволновались, зашумели советницы, разбирая кипу рисованных головок, привезенных в портфеле угодником-парикмахером... Тут оживились воспоминания, и каждая в рисунке по своему вкусу, в знакомой прическе увидела давно прошедшее. Одна выхваляла прибор головы à la Sevigné, другая a la Ninon, третья тяжко вздохнула над убором a la Semiramis. Долго не совершился бы над забытою Наташей приговор, если бы образованный парикмахер с язвительной улыбкой не разбудил мечтательниц, раскинув по плечам красавицы длинную шелковую ее косу. Несмотря на то, оскорбленная кузина, скрывавшая бедность своих волос под узорным чепчиком, усиленно требовала фальшивых буколь и накладной косы, а бабушка кричала: причесать с ту-

пеем![1] К счастью, парикмахеру-философу давно знакомы женские головы. Он знал, что женщинам свойственно забывать настоящее и жить одним прошедшим, и потому решился причесать Наташу по последней моде. «Бумаги на папильотки!» — сказал парикмахер. «Извольте»,— отвечала сметливая служанка, подавая толстую тетрадь — трофеи наставника-мучителя: на ней еще видны были слезы ребяческой лености. В одно мгновение растерзаны древности, и державный Рим повис на папильотках, и Аннибал с римлянами соединены миролюбивой рукой парикмахера... Наташа нечаянно подняла усталую голову, взглянула в зеркало, вспомнила об истории, о географии, об учителе и — улыбнулась...

Прическа кончена, парикмахер отпущен. Скоро промчалось время в приготовлениях и советах — бьет 9 часов.

«Вот и мой Блестов»,— сказала матушка. «Дядюшка, дядюшка»,— закричала Наташа и прыгнула бы от радости, если бы в корсете прыгнуть было возможно. Щеголь, забыв, что он в родной семье, рисуется, как рисовался, бывало, в петербургских гостиных.

«А главное забыто»,— воскликнул он. «Что?» — подхватил хор испуганных наставниц. «Помилуйте! возможно ли, не стыдно ли так явиться на бал, в круг бон тона: она будет предметом язвительных лорнетов — бедненькая, ее осмеют...» — «Да что же, батюшка? Не мучь и говори скорей».— «Ах, тетушка,— жонкилевый[2] букет на левое плечо...» Приговор диктатора исполнен. В одно мгновение с окошек исчезли цветы и переселились на плечо Наташи.

Карета подана. «Есть ли с нами гофманские капли?»[3] — спросила матушка, садясь в карету. «Целый флакончик спирту к вашим услугам».— «Как мил, как догадлив наш Блестов!»

Забавно было бы заглянуть в карету героев, путешествующих на бал! Они едва говорили, едва дышали, едва шевелились, боясь измять — Наташа свое платьице, матушка огромный ток[4] с разноцветными перьями, а Блестов систематическое жабо. Из скважин каретного окошка оставался в атмосфере след помадного запаха...

Не доезжая нескольких шагов до дома барона Бирюлина, заботливый Блестов велел остановиться и послал длинного лакея узнать, начинают ли съезжаться. К счастью, у подъезда было множество карет, музыка гремела,

зала была уже полна — иначе Блестов готов был возвратиться назад или, по крайней мере, ждать на улице. «Приехать первому — зажигать свечи»,— говорят законодатели большого света.

«Помни мои советы, Наташенька»,— с нежным вздохом сказала маменька, пробираясь под покровительством Блестова сквозь толпу полусонных лакеев. Вошли.

Шум от всеобщего разговора, от шарканья, от шпор, от музыки оглушил Наташу. Блестящая толпа разнаряженных красавиц изумила ее; она смешалась, побледнела, дрожащая прижалась к матушке, и все прочитали — семнадцать лет на миленьком личике ее. Несмотря на замешательство дочери, матушка, по совету Блестова, повлекла ее к баронессе. Ловкая хозяйка взяла Наташу за руку, прошептала ей обыкновенные, никем не слышимые приветствия и между тем окинула быстрым взором трепещущую красавицу. Стан, глаза, платье и огромный жонкилевый букет — все было замечено, все было оценено: так несчастный скульптор разбирает недостатки в Венере Медицейской[5]; так дюжинный стихотворец водяной критикой хочет залить поэтический огонь волшебника Пушкина.

Желаете ли вы подслушать шепот танцовщиц? Хотите ли узнать впечатление, произведенное вновь появившейся девушкой? Одни находили Наташу неповоротливою, неловкою, другие смеялись над свежестью ее румянца, иные замечали безвкусие в буклях, еще иные хладнокровно сознавались, что она молода и хороша, да, верно, провинциалка.

Между тем как продолжался строгий смотр нашей героини, между тем как испуганная Наташа проходила сквозь ряды язвительных замечаний, заботливый дядюшка, душистый Блестов уже промчался по зале, собрал обещания друзей-танцоров и сам поспешил воспользоваться первым бальным подвигом Наташи. Кончив польский, довольный сам собою, шепнул он маменьке: Je l'ai introduit!*

Взволновались друзья-танцоры, обступили Наташу. После неловкой нерешительности выбор пал на гусара á la fleur d'orange...** Сделан первый шаг, и — Наташа

---

* Я его представил! (франц.).

** Как на возможного жениха (франц.).

не сходила с паркета: и мило, и странно было смотреть, с каким старанием неопытная красавица выделывала трудные па эфирного своего танцевального учителя, с каким невинным, безрасчетным жаром вертелась она в котильоне! Незнакомая с танцорами, она выбирала иногда неуклюжего провинциала, простреленного героя-дуэлиста и гастронома-подагрика.

Насилу вырвали измученную Наташу из котильона. Приехали домой, вошли в спальную бабушки, и из рук ожидавшей их старушки выпал «Разбойник шварцвальдских лесов»![6] Явились нянюшки, матушки, горничные, начались расспросы, рассказы, толки.

Но сон превозмогает и женскую говорливость. Простились с бабушкой, с Наташи сняли бальные оковы, и она, уже поутру, заснула девушкой большого света в сладостных мечтах. Маменька пошла в свой кабинет, а Блестов уехал...

— Каково-то будет пробуждение? Каков-то будет день? Каков-то будет новый образ жизни Наташи? Угадать нетрудно. Вместо географии — мадам NN., вместо ландкарт — выкройки, вместо истории — городские вести, вместо Расина — Россини[7], вместо покойного сна — бессонница, вместо свежего румянца — бледность и расслабленные нервы...

РАЗГОВОР ДВУХ ПОКОЙНИКОВ

Двух покойников везли на кладбище хоронить. Гроб одного, поставленный на парадных дрогах под богатым бархатным балдахином, тихо везли шесть вороных лошадей, покрытых черными попонами.

Множество людей окружало гроб: одни шли с зажженными факелами, другие стояли вокруг гроба на дрогах, держали золотые кисти и поддерживали богатое покрывало. Знать, привыкшая лежать в богатых колесницах, ленивым шагом шла за гробом богатого покойника; длинный ряд карет, колясок, дрожек и проч. заключали шествие. Народ толпился и любовался великолепием похорон, ибо для того, кто не умер, похороны богатого человека — любопытное зрелище.

По той же самой дороге на дурной кляче извозчик вез простой, некрашеный гроб, за которым шли рыдающие друзья умершего старого солдата и бедная семья, после

него оставшаяся. Старые гренадеры поддерживали гроб своего бывшего товарища, и каждый утирал глаза рукавом своей серой шинели.

Извозчик опередил богатые похороны, но в самых воротах кладбища лошадь его, утомившаяся от дальней езды, остановилась — и ни с места! Церемониальное шествие, ехавшее по следам, должно было также остановиться. Услужливые родственники засуетились, подбежали к извозчику, торопят, понуждают ехать — но кляча его ни с места! Что делать? Извозчика бранят, даже грозят палками, но все тщетно — бедняк (что никогда не случалось с ним в жизни) загородил дорогу богачу.

— Сбросьте с дороги гроб нищего! — закричал богатый покойник.

— Зачем? — отвечал бедный,— разве ты забыл, что мы теперь равны? Разве ты не знаешь, что в царстве мертвых нет ни чинов, ни почестей; что у царя небесного ни порода, ни богатство не дают первенства? Ты в последний раз окружен теперь великолепием и толпами услужливых наследников; но и они спешат отдать последний долг твоей гордости, тщеславию, высокомерию! В последний раз ты предмет удивления бедняков — но уже не за́вісти их. Жена, дети и добрые мои сослуживцы с бо́льшим участием плачут над моим гробом, нежели твои наследники радуются твоему бесчисленному богатству! Я прежде тебя подъехал к воротам кладбища и в первый раз хочу оставить тебя за собою. Здесь оканчиваются все светские преимущества: умерь гнев твой, порывы твоей гордости! Терпение! Дай отдохнуть моей лошади, и ты поедешь за мной.

— Как смеешь ты, пресмыкающееся животное, входить со мной в разговор? Разве ты забыл, кто я?

— Узнай, что ты теперь, и забудь, что был прежде! Да простит тебе бог твои грехи! Да помилует твою душу! Я знал тебя, твое поведение, твои поступки: ты был человек знатный, я был простой солдат, но я всегда исполнял свои обязанности, всегда повиновался гласу моей совести.

— Молчи, бедняк, и повинуйся!

— Теперь твои угрозы ничтожны! Там, за этой оградой, ляжем мы рядом; земля покроет наши гробы без различия, червь без различия источит наши тела: они оба превратятся в ничтожный прах. Жена и дети мои, добрые мои товарищи, поплачут на моем гробе и меня забу-

дут; на твоем — неумолимое предание расскажет твои поступки! Тяжелый мрамор не скроет твоих дел, и похвала наемного поэта не выяснит твоей памяти! Сын твой с горестью будет думать: «Низкими пронырствами сделался отец мой знатным; для собственного обогащения он притеснял бедного, отнимал последнее у подчиненных; он не любил, боялся истины; он продавал правосудие, забывая закон всевышнего, закон человечества; он не щадил ближнего за то, что блестящая одежда покрывала его тело, а ближний его одет был рубищем!» Кто не исполнил обязанностей своих перед богом и отечеством, кто заглушал глас совести, кто на личные свои выгоды менял кровь и покой своих подчиненных — тот давно умер для чести. Вот одни отношения, которые мы будем иметь с живыми! Повторяю: великолепие твоих похорон есть последнее право богатства и знатности; за этой дверью — поле равенства! Там поставят рядом и утеснителей, и утесненных; и богатый, и бедняк судятся там за другие заслуги: там другой судия».

Между тем отдохнувшая лошадь повезла бедняка в последнее его жилище; двинулась и погребальная колесница богатого. Между множества могил гробокопатели изготовили две ямы; гробы опустили, одною землею засыпали покойников, и первые стали последними.

ЖЕНСКИЕ СЛЕЗЫ

— Что ты скажешь мне о нашем утре? — спросил меня мой приятель Н. Н., выходя из гостиной общего нашего знакомого.

— То, что никогда не надобно навещать женатых людей поутру, ибо нередко нежданные гости бывают зрителями трагических сцен...

— Которых всегда виною мужья.

— Всегда, сказать много; но иногда.

— Нет, сударь, всегда! Я уверен, что никогда не бывало столько холодных, беззаботных мужей, которые целый день проводят в палатах, судах, клубах, разводах, манежах; говорят о лошадях, экономии, службе, политике; играют в карты и, к стыду своему, вовсе не заботятся о чувствительных своих женах.

— О чувствительных женах, которые начинают утро ссорой со своими горничными, там мучат своих лакеев

разноской цидулек к бальным сообщницам; в полдень летят на Кузнецкий мост, обрыскают все лавочки и магазейны; оттуда пускаются с одного конца города в другой завозить визитные карточки и бальные донесения; там являются домой и тотчас после обеда ложатся спать для приобретения к вечеру минутной свежести; там оперы, там парикмахер, там наряды, там бал, а после того трехдневные толки и несносные сплетни.

— Ты сознаешься, однако, что женщинам нельзя же отказаться от света: это долг обществу.

— Да, мужья и дети — то их заботы. Они едва видят первых и едва знакомы с последними. Признайся, ревностный защитник нежного пола, что мужья недурно делают, дезертируя от своих чувствительных жен.

— Прекрасные правила, господин Z. Z.

— Прекрасные, и по неволе, и по нужде прекрасные до тех пор, пока долг обществу будут они ставить выше священных обязанностей жены и матери! Заметил ли ты, что самые ревностные танцовщицы женщины: они являются на бал из первых, уезжают из последних, танцуют целый вечер, а девушки сидят чинно около стенки, оттого что многие из них не могут так хорошо занимать молодых людей разговорами, часто довольно свободными. Верь мне: хорошая жена привязывает мужа к дому; он, верно, не переступит за порог, если она умеет сосредоточить удовольствие в четырех стенах своего дома. Человек, без лести уважающий прекрасный пол, посоветовал бы им лучше жить и лучше исполнять свой долг! — Какое оригинальное уважение к женщинам! Позволь тебе сказать, что ты цензуруешь женщин, как в Японии цензуруют книги, придираешься к безделицам, к словам, находишь все дурным, не хвалишь ничего, и я уверен, что самая совершенная женщина не покажется совершенною при твоей строгой цензуре. Например, скажи: как хочешь ты, чтобы жена любила такого мужа, каков наш приятель, от которого мы сейчас вышли?

— Позволь мне спросить, почему же она должна его ненавидеть? Он человек с благородными правилами...

— Потому, сударь, что он требует много, ни в чем не хочет угождать, отказывает ей в самых безделках и вместо утешения заставляет ее с утра плакать.

— Любезный друг, угождать жене — значит потакать ее своенравию; отказывать ей в безделках — значит при-

учать ее к обязанностям нежной жены и заботливой матери, а это, сам ты сознаешься, не безделки и требуют всего ее внимания. Безделки доставляют минутное удовольствие; долг мужа помышлять о продолжительном счастии: оно невозможно без желания исправления и нравственного усовершенствования. Обязанность мужа изыскивать и представлять к тому способы и отдалять все то, что может иметь вредное влияние на ее нрав и душу; притом я удивляюсь, как ты, который так давно обращаешься с женщинами и так много их видал, еще заботишься и страдаешь от их слез!

— Послушай, я знаю тебя: ты человек с чувством — уважаю тебя за это; но ненавижу за то, что ты всегда готов утверждать парадокс единственно из желания высказать какую-то непонятную для меня ненависть к женскому полу! Свойственно ли мужчинам зажать свое сердце и с холодным рассудком так строго и взыскательно аристархить[1]? Возможно ли упрекать женщин даже за слезы, упрекать это прелестное и нежное творение за то, что оно обнаруживает свою горесть, свою чувствительность слезами? Ужели ты хочешь, чтоб сердца их были мраморные, металлические...

— Ошибаешься! Я отнюдь не запрещаю женщинам плакать, но хочу, чтобы мужчины с холодным рассудком, с ясными глазами, с истинным желанием совершенства видели причину их слез. Неужели ты думаешь, что женщина, которую муж упрекал за то, что она целый бал протанцевала и целый котильон прошептала с молодым офицером, плачет от чувствительности? Неужели ты думаешь, что девушка, возвращаясь с вечеринки без победы и успеха, плачет от чувствительности? Неужели ты думаешь, что молодые жены, которым мужья не позволяют переводить деньги свои к г-же Арманд, Мегрон и их заманчивым сообщницам[2], плачут от чувствительности? Неужели ты думаешь, что девушка, слушая советы благоразумной матери, плачет от чувствительности? Неужели ты думаешь, что жена перед отъездом в деревню, разлучаясь со столицею, с оперой, с балами, с бульварами и гуляньями, с модными лавками и с вздыхательными селадонами[3], плачет от чувствительности? Женщины плачут оттого, что платьем не угодили и не ту шляпку купили; оттого, что на одной бриллианты и жемчуг, а на другой простые бусы; оттого, что исчез природный румянец,

что явилась новая морщинка, что спала с голосу, что на бале часто сидит без движения. Одна плачет оттого, что женихов нет, другая оттого, что у мужа мало денег и нечего расточать. Женские слезы можно разделить на три рода: 1-е, слезы нервические — слезы самые легкие: они падают как частый дождь в ненастье; но за ненастьем — ведро, за слезами — смех. Стакан холодной воды имеет чудотворную силу! 2-е, слезы самолюбия — самые обыкновенные у прекрасного пола; они текут, как ручьи — и столь же вредны для души, как быстрый поток, падающий с горы и все разрушающий; они текут от досады, от упрямства, от советов, от неудачи; они, как громовой отвод, часто отводят самые благие наставления бесхарактерных мужей и матерей! 3-и, слезы сердечные: редки, тяжки, падают каплями! Священна слеза, извлеченная несчастием другого! Священна слеза, выражающая горесть и сострадание души пламенной, непорочной — и, может быть, ни одна из них не висела на ресницах наших прелестных и плаксивых красавиц. Счастлив тот муж, счастливы дети, у которых жены и матери иногда проливают слезы сердечные! Почтенна та жена, у которой сердечные чувства превышают испарения ума и порывы воли! Но, по несчастью, мало счастливых мужей, мало добрых жен и почти всегда женская слеза, как говорит пословица,— вода.

НЕВЕСТЫ

Миловзор: Я слышал, Ленский, что ты стараешься нравиться женщинам?

Ленский: Подражать нашим модникам я вовсе не имею желания.

Миловзор: Я слышал даже, что ты имеешь намерение жениться?

Ленский: Сознаюсь, на сей раз городские слухи справедливы.

Миловзор: Не смею требовать твоей откровенности; но кто, как я, принят во всех лучших домах, кто знает все подробности большого света, тому отгадать твой выбор нетрудно. Все лучшие невесты у меня наперечет: я заметил, что на последнем бале Софьина преимущественно привлекала твое внимание; она прекрасна и свежа, как Геба, ловка, полувоздушна, как Терпсихора — какой стан, какая

легкость, какие выразительные движения![1] Она восхитительна — она была душою бала.

Ленский: Да, я надеюсь, что Софьина еще усовершенствуется. Частное упражнение придаст ей более уверенности в движениях, и скоро она может смело оспоривать первенство у знаменитой танцовщицы нашего балета; но я женюсь не для того, чтобы вальсировать.

Миловзор: Так, верно, ты ей предпочитаешь Ларину, которой гибкий и приятный голос, соединяясь со звуками арфы, прельщает всех без исключения.

Ленский: Точно, она поет прелестно; я готов восхищаться, но пусть женятся на ней другие: не все хорошие певицы бывают хорошими женами.

Миловзор: Теперь не удивляюсь неудаче моей отгадки: ты, без сомнения, ставишь ум выше других способностей? Так, верно, Милена... воспитанная, образованная Милена! Как милы последние ее романсы: они дышат чувством, страстью, воображением, мечтательностью!

Ты задумался; поздравляю, верно отгадал?

Ленский: Не лучше ли бы ей сидеть за чулком, чем за рифмой? Избави бог от домашних поэтов!

Миловзор: Но колкостью ответов, остроумием, блестящим разговором, живостью ума, красотой выражений Лелева превосходит всех наших красавиц. Когда она говорит — все слушают, все удивляются. Заметил ли ты, что все лучшее и умное от нее в восхищении? Иностранцы утверждают, что и в Париже у нее не было бы соперницы.

Ленский: Знаю, но для меня прелестная душа лучше острого ума.

Миловзор: Признайся, верно, и тебя сокрушило честолюбие, верно, ты метишь далеко и высоко? Правда, с твоими способностями, с твоим именем, с твоим достатком ты можешь иметь виды на связи с знаменитейшими семействами, ты можешь занимать важное место! Женившись на Аглаевой, у которой несколько тысяч душ и сверх того, под спудом билеты Лондонского банка, ты...

Ленский: Я слыхал, что

От денежных невест накладны барыши
И часто при душах невеста без души,

и потому не намерен на опыте поверять сего замечания.

Миловзор: Ты некоторым образом прав. Я знаю бла-

городство твоих мыслей и возвышенность твоих чувств: девушка, воспитанная в правилах, столь противоположных твоим, тебе нравиться не может; итак, верно, добродетельная, сострадательная, набожная Онегина — предмет твоих желаний? Можно сказать, что она посвятила жизнь свою для пользы человечества! Занятия, разговоры, все клонится у нее к одной, возвышенной цели. Если бы я хотел рассказать тебе все ее добрые дела...

Ленский: Полно! Об ее добродетелях и то уже слишком много говорят: нет ни одной газеты, ни одного журнала, в котором бы мы не нашли имени ее в числе благотворительниц. Признаюсь, мне не весьма нравятся записные благотворительницы. Для них и сострадание есть мода — точно так, как для других наряды, танцы, россиниевские арии и английская литература.

Миловзор: Правда, женщина, о которой грезит молва, не всякому может понравиться; но неужели деревенская Людмила?..

Ленский: Ты угадал — Людмила!..

Миловзор: Возможно ли?..

Ленский: Да, Людмила, бесценная Людмила есть осуществление моего идеала! Душа ее прелестна, как душа ангела, нрав ее тих, приятен, кроток; она не любит большого света, и если кто встретит ее в большом обществе — то не желание пленять привлекло ее, но желание исполнить волю родителей, для счастия которых она существует. Ты заметишь в ней приятную неловкость, столь противоположную с ловкостью опытных красавиц; ты не увидишь ее на ваших шумных гульбищах, окруженную толпой модных воздыхателей; в одежде ее нет роскоши — она всегда скромна и никогда благопристойностью не пожертвовала моде; все изящное пленяет ее, но прелестные дарования для нее не средства гордости и самолюбия. Она умна и образованна, но ты не услышишь тех колких, остроумных выражений и насмешек, которыми обыкновенно обращают внимание в гостиных и получают всеобщее одобрение. Исполнение своих обязанностей есть первая ее забота! Она набожна без суеверия и наружных форм; она сострадательна и благотворительна без хвастовства, и, не вмешиваясь в политические толки, она с горячностью любит свое отечество! Прельщать, обворожать, пленять — чуждо ее намерениям: ей свойственно жить для одного существа — муж и семейство будут для нее весь мир.

СВЕТЛАЯ НЕДЕЛЯ

Что может быть шумнее и любопытнее Москвы в Светлую неделю?[1] Здесь несколько провинций соединены в одном городе, несколько веков видишь в один день — и старина, и новость, и моды, и странности, и высшее сословие, и простой народ... Все составляет картину разительную, восхитительную, но столь обширную, что одним взглядом ее окинуть трудно.

Первый день праздника посвящен властям и родственникам. С утра заложены кареты, с утра старики облекаются в разноцветные и разнопокройные мундиры трех царствований, с утра молодые франты душатся и надушенные офицеры затягиваются. Наконец, поехали. Величавый швейцар вельможи, гордящегося прошлыми заслугами, с важностью помещает в список имена поклонников.

Законы света и обыкновений в наше образованное время везде одни, может быть, с некоторыми оттенками. И на больших улицах, и в переулках, и в центре города, и в Замоскворечье — везде разные актеры разыгрывают одну и ту же пьесу... Все заняты одним делом... Толпа подсудимых и тяжущихся является к крыльцу судей, и каждый из них, целуясь с привратником, дает ему красное яйцо, часто завернутое в красную бумажку, приговаривая: не забудь доложить, что сам приезжал... Искатели мест и должностные чиновники, которые выслуживаются или прислуживают, согнувшись в пять изгибов, ползком пробираются в приемные, где, по обыкновению, заставляют их дожидаться. Но самое ожидание сие для ревностных обожателей и передних, и поклонов есть усугубление удовольствия. Они люди привычные: терпение их выше всех опытов. На досуге толпа людей, однородных по чувствам, цели и душе, толкует между собою. Иной страдающий подагрой обтирает белую краску стены... Другой, нечто значащий в своем мире, присев на окошко, с важностью цицеронит в кругу людей, подлежащих его влиянию. Третий, важный некогда, в старое время, сообщает устарелые свои мысли... Иной, довольный и собой, и своими заслугами, подымается на ходули между людей ничтожных... одному благосклонно кивает головой, другому — два слова, иному жмет руку... и многим шепчет с видом покровительства. Но дверь скрыпнула... призывный глас для

жителей передних пробудил их: все засуетились, захлопотали, взволновались. Мелкие, забыв о титлах и пользуясь своею гибкостью, проникают вперед... другие с важностью напоминают чинопочитание, требуют учтивости и плюмажной шляпой очищают себе путь... Всякий старается попасть в первый ряд, всякий толкается, забыв извиниться, всякому сто раз наступают на ногу, не производя боли... Но дверь отворилась — мелькнул ловкий камердинер, предвестник вельможи, и панорама сделалась еще любопытнее. Забавно видеть волнение блестящей толпы... Забавно смотреть на движение, шаркания, на подобострастные целования... Забавно прислушиваться к шептаниям и приветствиям, поздравлениям и ответам... Забавно читать торжество на лицах разъезжающихся, которые пламенно, с восторгом пересказывают два слова, кои удостоились послушать от важной особы... Но кто это дряхлый, как быстроногий юноша, бежит по лестнице, бледный, запыхавшийся, пудра оставляет облачный след в воздухе; негодование, отчаяние рисуется морщинами на лице, уста без слов ропщут пени, мрачная мечтательность отыскивает наказание и слуге, и кучеру, и лошадям...— это в первый раз в жизни опоздавший поклонник. Тщетен твой бег... не воротить минувшего... в зале пусто, разъезд начался, уже сели в рыдваны, уже потянулся длинный ряд экипажей. Каждый направил свой путь к крыльцу того, кто сродни начальнику его сына... Каждый заехал к тому, кто может быть полезен делом, письмом, словом...

Какая суета на улицах! Какой шум, какое волнение! Какое разнообразие! Вот парадный цуг тащит огромную колымагу, воскрешающую давно прошедшее... Вот бедный лакей погоняет измученную клячу, спеша развезти сотни три визитных билетцев из края в край города. Вот артель полицейских служителей, которые усердно поздравляют с праздником и убедительно требуют возмездия... Вот великолепное 12-стекольное ландо, усаженное матушкой и полдюжиной минувших роз, которые едут разгавливаться к столетней бабушке... Трубочисты, почтальоны, певчие, барабанщики — все спешат с добродушными поздравлениями с крыльца на крыльцо; но как часто расчеты их исчезают при грозном изречении привратника: «Дома нет». Но кто это несется по улице? Чьи кони едва дышат, оставляя в воздухе пар, подобный густому дыму? Чей исполинский лакей трясется как в ли-

хорадке и к каждому толчку пришептывает упреки барину?.. Это, верно, какой-нибудь победитель сердец, любезный услужник дамского пола, душа общества, краса бала, предмет тайных вздохов прелестного пола — отпускной офицер. Он развозит визитные карточки: щедрая оплата за балы, обеды, вечера, ласки добродушных москвичей...

Праздник уравнял все возрасты и звания. Мастеровые, лакеи, крестьянки, герои гостиных, красавицы, матушки, бабушки и даже столетние старики, все в новых или поновленных платьях. Даже на лошадей простирается закон праздничного времени, и они под Новинским[2] франтят в новых блестящих уборах. Ничто не может быть забавнее семейных сцен. Какое истязание для гарпагонов![3] Сколько трогательных разлук с вечно милым, вечно прелестным существом — деньгами за поновление кареты, за сделание новой ливреи из старой!.. Никогда ласки жены не были столь нежны, никогда муж не был столь невнимателен, никогда требования жены не были столь огромны, никогда обращение мужа не было столь сурово... Я за неделю перед праздником зашел по делам к господину... Но назовем его мистическими и необидными буквами NN... Ему возвестили мое прибытие... меня провели темными и тайными переходами на антресоли...— «Давно ли вы переселились так высоко?»—«Недавно».— «Надолго ли?»—«До праздника».—«Понимаю, вероятно, вы прячетесь от скучных гостей нынешней недели?»— «Нет, просто от жены, от сына, от дочерей».—«Как вы бесчувственны, суровы к своему семейству!»—«По несчастию, на нынешней неделе изъявление супружеского и отцовского чувства все металлическое».—«Что делать, скоро праздник».—«Кому праздник, а мне горе! С утра начинаются нападения, просьбы, слезы. Сущая беда — сын просит модный фрак, модный галстук, палочку с лапой или носом, булавочку с алмазом; жена — капот, ток, чепчик; дочка — платья, шляпку, гирлянду, бог знает чего, целую лавку... хоть со двора беги, да и то нельзя... никогда семья так рано не вставала... лишь глаза открыл, уже все собрались, обступили...»

Но кому расход, кому доход. С тех пор как число честных секретарей, беспристрастных судей, бескорыстных лекарей размножилось, с каким нетерпением ждут они приближения праздника!.. С тех пор как уже не в моде

брать в судах, с тех пор как доктора лечат из одной филантропии или по дружбе, на заднем крыльце их расставлены приниматели поздравлений. На заднем крыльце нежная и попечительная супруга ждет подсудимых и тяжущихся со свертками, пакетами, ящиками и кулечками. И беда тому, кто забыл праздничное яичко!.. Доктор, выезжая позднее обыкновенного, провел утро, систематически расставляя серебряные чайники, фарфоровые чашки, золотые табакерки, бронзы, хрустали... Все изъявления чувства дружбы и благодарности его приятелей чахоточных, подагриков, лихорадочных...

Утро проходит, и настало время обеда, накрыт длинный стол, и съезжаются родственники. Между тем как старики обступили стол с куличами и пасхами, дочки, внучки, племянницы перебирают разноцветные карточки, сложенные горой на ломберном столе, и, пользуясь занятием благочестивых и хладнокровных родственников, шепотом хвалят между собою вкус работы, выбор цвета. Но злые наблюдатели женских сердец постигают, что дело идет не о карточках, но о тех особах, кем присланы карточки. Обед возвещен: потянулись пары в хронологическом порядке, уселись, принялись за дело, состязание для аппетита открыто, огромные блюда исчезают, и сокрушен суточный труд измученного повара.

Москва, исполненная странностей в обычаях, в которых нынешние модники ее ежедневно упрекают, имеет и свои собственные странные добродетели, которые редко встречаются в образованных городах. Самая привлекательная картина для глаз человеколюбца происходит при дверях городской тюрьмы. Нельзя без особенного чувства благоговения смотреть, как толпится народ к кружке, чтобы уделить часть своего достояния в пользу несчастных затворников. Однажды, в первый день праздника, провел я часть утра у входа в тюрьму. Мне хотелось узнать, какое сословие людей сохранило более чувств, самых естественных природе человека,— любовь к своим собратьям, сострадание... Я видел толпы мужиков, клавших деньги и хлебы; я видел и бедного солдата, уделявшего часть своего состояния для человека, который беднее его... Я видел купцов, привозивших коробами съестные припасы; но, сознаюсь, замечания мои были оскорбительны для других сословий. Счастливцы не помышляют о бедном. Может быть, иной бы и уделил несколько денег;

но есть ли у людей большого света время думать о тех, которые живут не в светлых гостиных, но под темными сводами темницы? Притом на что благотворение людям, которые могут представить печатные доказательства своего доброго сердца, своего человеколюбия, которые могут с самохвальством показать титлы многих филантропических обществ как право на бездействие, на отверждение слезных просьб просящего во имя Иисуса Христа? Нелюдим скорее помирится с человечеством в низких хижинах, чем в блестящих чертогах вельмож... Там будет он иногда сам свидетелем трогательных сцен, там в простом гражданине найдет он прекрасные порывы души, стесненные в образованных людях самолюбием, гордостью и всеми светскими чувствами.

Между тем граждане модного тона проводят праздник в пиршествах, на торжественных съездах, за родственными обедами, в богатых экипажах и стараются умножить число своих увеселений... Утром длинный ряд карет с детьми является под Новинским... Наряженные няньки и мамки веселятся вместе с малютками и любуются шумными качелями и праздничным веселием паяса с его сослуживцами. Народ с утра толпится и составляет одну семью, в которой удовольствие, свобода являются целью. Вырвавшись из мастерских, передних, освободившись от своих занятий, все дышит одной веселостью; никто не думает о прошлых работах; все ловят минуты удовольствия; разнообразные качели, шутки веселых паясов и гаеров тешат народ. Одни с женами, другие с праздничными подругами качаются на качелях; мальчишки наездничают на деревянных лошадях; старики под шатром, увенчанным елками, молодеют и еще раз веселятся жизнью. Писцы, канцеляристы чинно прогуливаются с женами, облеченными в обновки яркого цвета. Фабричные с расстегнутым поясом, в красных рубашках напевают отечественную песню, не смея, однако, возвысить голоса без нарушения общего спокойствия — одним словом, удовольствие есть цель всех гуляющих. Но для богатых и людей высокого сословия гулянье под Новинским есть средство тщеславия: там взаимно выказывают экипажи, лошадей, себя, жену, дочерей, там гордо любуются толпой. Но часто и сами они служат утехою простому народу, который делает язвительные замечания на красоту экипажей и на бедность сидящих в них... Народный праздник есть, без сомнения, одно

из привлекательных зрелищ. Кто видел английские скачки, кто видел венецианский карнавал, пир шведских рудокопателей, русскую Светлую неделю, тот может иметь полное понятие о прелестях веселия народного.

ТРИ ГЕНЕРАЛЬШИ

Чужие хлебы приедчивы: даром
дадут ломоть — да надо неделю молоть...

Несмотря на вопиющие жалобы на мужиковый неурожай и ломбарды, маклеры, всегда готовые к услугам, продолжают заносить в шнуровые книги заемные письма. Графиню Софьину посетил один из них, она расписалась и на другой день отправила двух лакеев с длинным списком звать всю Москву на бал. Составила список на тех, которых лет десять сряду подразумевала под всей Москвой. Я тоже получил приглашение и явился не рано, чтобы не зажигать свечи, и не поздно, чтобы не следовать обыкновению зазнавшихся модниц. Зал был уже полон блестящей юностью. Музыка гремела. Легкие пары летели одна за другой. Одни останавливались и расходились, и новые, сойдясь, быстро увлекались дружбою. Мундиры придавали этой волнующейся толпе столько же пестроты и блеска, сколько и бриллианты и наряды красавиц. Это были нимфы на стане воинском или воины на веселом и пышном празднике Киприяды[1]. Кругом залы сидели старушки, и казалось, они одни были не гости, но принадлежности стен. С первого взгляда их можно было принять за фигуры старинных французских обоев. Все, кроме них, дышало беззаботною веселостью. Вот дева, украшенная с роскошью цветника. Стан — стройный, обвит тройным шелковым кольцом, грудь пышная, на щеках играет свежесть и румянец, улыбающийся рот, как юная и несорванная роза за мгновение до полдня. Глаза ласковые синеют и палят, как летнее небо, и когда она, как легкий джин, изредка касается пола, летит по зале, русые кудри развеваются...

— В вист с сенатором Брылевым,— сказал мне хозяин дома, подавая туза.— Прошу смилостивиться графа хоть на полчаса,— отвечал я.

— Очень рад,— отвечал он, но сквозь эту радость проблеснула обыкновенная досада хозяина на нескладывающийся вист. Впрочем, он понес туза далее и оставил

меня в созерцании диковин природы. Мимо меня проходила красавица, у которой черные с отблеском волосы, перевитые ветвями молодого, цветущего померанца, повесились над величественным челом. Два мрачных локона льстились около шеи, белой, как шея лебедя. Глаза огневые, уста без улыбки, стройная, как пальма.

— Кто это танцует с моей дочерью? — спросила меня старушка в чепце, на котором дрожали три букета маргариток. Я сначала не расслышал, но она, дернув меня за полу фрака, повторила вопрос и указала перстом на свое единородное чадо.

— Что Бубнов, какого чина?

— Майор гусарский.

— Богат? — 600 душ.

— В какой губернии?

— В Тамбовской...— И старушка, повернувшись налево, начала шептать с соседкой, тоже старушкой, с пионами на чепце.

Я только что стал вглядываться в девушку, похожую на те воздушные нетленные существа, которых поэты умилительными хорами сзывают на нашу планету, как блестящая молодая женщина, сосватанная заочно, вышедшая замуж нечаянно, подозвала меня и усадила возле себя.

— Вы знаете Брянского?

— Знаю.

— Говорят, он человек умный.

— Вам сказали истину.

— Его рекомендуют к мужу в адъютанты.

— Я поздравляю вашего мужа с таким хорошим сослуживцем.

— Говорят, он очень мил?

— Для этого нужен приговор приметного пола.

— Но не ветрен ли он? Постоянен ли он в...

Но в это время какая-то пожилая дама шла мимо, ища или дочь, или стул. Я предложил ей стул, она воспользовалась, и хоть разговор наш был прерван, но я отгадал остальную часть вопросов. Этот разговор, как и все предыдущие, немилосердно напоминал мне год и день моего рождения. На пути жизни есть вершина, когда ты быстро спускаешься с блестящей сцены в толпу набитого партера, когда попечительное время выводит нас из круга веселящейся юности и указывает нам на место в ряду стульев, тесно уставленных около стены танцевальной залы. Я

тоже стал существо лишнее в обществе, где молодые ноги составляют достоинство. Я стал тяжел для котильона и слишком мудр для котильонных разговоров. И девицы юные, как майский цвет, и легкие, как серны, только пользовались моей услужливостью. Они заставляли меня подвигать стулья, ходить за лимонадом и накидывать шаль, не подозревая в моих глазах даже и остатка любопытства. У старушек я тоже потерял доверие. Они вымарали имя мое из списков женихов и превратили меня в какую-то справочную контору. Мне вменялось в обязанность знать чины, доходы, лета, родню тех, которые были в состоянии жениться, и иметь готовые кондуитные списки тех, на которых метили сами старушки. Молодые женщины хоть обиняками, но требовали от меня удостоверений в скромности, верности, постоянстве молодых мужчин и часто вверяли мне свои тяжелые тайны.

Хозяин же дома стал уже преследовать меня с тузом и предавал терпение мое испытанию длинного виста. Я видел, что приговор мой был подписан единогласно, и волею или неволею мне должно было покориться ему и занять последнее место в длинной шеренге стариков. К счастью, между головой и сердцем есть какая-то необъяснимая симпатия. С появлением каждого бального вальса рвется струнка в нашем сердце. Не дожив полвека, мы почти перестаем жить чувствами и начинаем жить привычками. Призма наша постепенно тускнеет, наслаждения жизни и юности улетают одно за другим, как птицы от неба зимнего в страну теплую. Оставляя паркет, сознаюсь, что мне горестно было оставлять моих ровесниц. Увы, мои ровесницы-сокотильонки, мне тяжело корпеть за вистом между чепцов и париков, а вам еще тяжелее быть свидетельницами первенства других. Но всякому своя очередь, и счастливы те, которые умели воспользоваться своею очередью.

Между тем хозяйка дома пробралась сквозь толпу гостей, вербуя на вист.

— Вот вам туз, и в маленькой гостиной вас ожидает стол, карты и Онютина,— сказала мне она.

— Графиня, увольте меня от стола карт и от Онютиной и позвольте налюбоваться французской кадрилью,— сказал я голосом просителя, но она им не тронулась и с язвительной усмешкою сказала: «Будьте милы с Онютиной».

Я вышел из залы и вдруг погрузился в XVIII век. В огромной гостиной по разным направлениям стояли столы. Около каждого стола сидело столько свидетелей и судей, сколько было действующих лиц. Тут был весь Сенат, все военачальники, градоначальники и все московские мафусаилы и мафусаильши. С первого взгляда трудно было различить лица, потому что головы были несколько склонены и глаза впились в карты. Но седые головы были перемешаны с чепцами, покрытыми пионами, колосьями и блестящею канителью. Лысые чела лоснились между пунцовых кремовых токов, с которых спадывали и колыхались огромные и разноцветные перья. Тут косы лежали на спинке кресла, там из-за спинки кресла выходил огромный, вечно трясущийся чепец. Иногда царствовала глубокая тишина. Вдруг разносились скрипучие и хриплые голоса, просвистывающие сквозь остатки зубов,— бостон при мизере! Этот переход из шумного, блестящего веселого пиршества богини красоты на мрачную вечеринку Сатурна[2] меня опечалил. Я все мнил мою красавицу с померанцевыми ветвями. Еще несколько лет, и она будет развалина. А из всех развалин самая безобразная развалина — человек.

Но я явился в малую гостиную и уселся на месте, определенном тузом,— против Онютиной, между сенатором и вдовой какого-то военного наместника. Оставив свои мечтания, я принялся за карты. Счастие валило мне и моей партнерше, потому что один из противников принимал все фигуры за королей, открывал свою игру, а противница при каждом ходе пришептывала и рассказывала свои карты. Мы сыграли 6 роберов и едва стали приниматься за 7-й, как в гостиной сделалась тревога. Онютина стала бледнеть, бледнеть, руки ее задрожали — карты выпали, и вслед за ними упала и она.

— Скоропостижная смерть,— сказал сенатор с пристойным своему званью хладнокровием.

— Не мудрено, покойница не берегла себя,— прибавила наместница.

Я отправился за хозяйкой и холодной водой. Мне пришла в голову странная мысль. На вечере, где собраны все старики и старухи, где все не может состоять благополучно,— позвать бы лекаря, аптекаря и следственного пристава. Однако во всем доме сделалась тревога. Толпа молодежи стеснилась в комнату. Старушки перепугались,

выскочили из виста. Ловкая хозяйка приказала заиграть котильон. Молодежь опять бросилась в залу, двери затворили. Я тоже хотел выйти, но графиня попросила меня отыскать на окошке нужную банку с каплями. Между тем она, ощупав пульс Онютиной, натерла ей нос и виски спиртом. Она приписала бедственное ее состояние обмороку, происшедшему от слишком стянутого корсета. Положено было разрезать шнуры. Горничная, прибежавшая на тревогу с пособиями, накинула на нее шаль и принялась за спину, и в мгновение ока исполнилось в природе то, что делают бедным тарабарам днепровские русалки. Онютина из статной, стройной старушки сделалась тучнее старухи. Однако разрушение корсета было полезно. Дыхание показалось. Оно постепенно оживало, но как бы не доверяло еще снисходительности гения жизни. Старушка не посмела заговорить и тихо левой рукой указала на правую. Мы взглянули друг на друга и долго не могли понять темной мимики больной.— Верно, паралич разбил,— сказала вдова.— Верно, она потеряла браслет,— сказала графиня. И Онютина кивнула головой в знак одобрения.

Хозяйка дома просила меня остаться и окончить часть вечера в должности кавалера бедной больной и сделать поиски браслета. Я повиновался. Осмотрев безуспешно на ковре, под столом, на диване, я пошел в большую гостиную. Тут по-прежнему играли в карты, и притом комната была так загромождена столами и креслами, что объемистая Онютина не могла бы здесь ходить и поэтому не могла потерять своего браслета. Я отправился в залу. Там продолжали котильон, продолжала веселиться цветущая юность. Она не помышляла, что браслет и корсет могут быть пагубны для старухи.

Но Онютина должна была по обыкновению московскому обойти кругом залы и расцеловаться со всеми маменьками. Поэтому и я должен был обойти залу и обеспокоить старушек. Но и тут не было браслета. Оставалась передняя, там должна была решиться судьба Онютиной. Браслет или еще один обморок, дух вон — и похороны. Группы лакеев лежали, как груды мертвых тел на Бородинском поле. Скука навеяла на них такой ужасный сон, что ни музыка, ни пушечная пальба, ничто, кроме голоса и имени господина, не могло бы их разбудить. У иных салопы старых барынь и молодых лежали под головами. Другой, благодаря семи дочерям барыни, сделал из их

шуб мягкую постель. Все храпели безбожно. Но я не нарушил их сон — я осмотрел всю переднюю, не нашел ничего, и, когда эти добрые люди узнали о пропаже, они замерли от страха. «Побывать нам завтра в полиции»,— заговорили они. И немудрено, когда мысли остаться без вины виноватыми, мысли о расправе без суда всегда первыми являются людям их звания. «Поищите в карете»,— сказал мне лакей Онютиной, который в покойном сне не подозревал о готовящейся грозе по него и всею его собратью.

Ночь была холодная, кучера забились в сани. Мы отыскали кучера Онютиной и пошли по улице, составленной из двух длинных рядов карет. Никакая улица не была так хорошо освещена, как эта. Свет каретных фонарей перекрещивался. Несчастные форейторы хлопали руками или, сидя на лошади, качали сонными головами.

Наконец мы дошли до кареты Онютиной. Человек, провожавший меня, открыл дверцы, я сунул руку в волчий мех, и вдруг вместо браслета попалась мне нога. Я повторил поиск, и мне попались еще две ноги. И, наконец, я кроме ног ничего не находил. Все ноги по башмакам были женские. «Странный случай»,— думал я и продолжал в недоумении искать браслет.

— Ах, греховодники,— вскричало какое-то существо впросонках. Я велел снять с кареты фонарь. И каково было мое удивление, когда я увидел трех стариц, лежащих в тесной и теплой кучке, завернутых в черные салопы и прикрытых волчьею полостью. Старушки закричали громче, вскочили на лавочку и, поджав ноги, целомудренно уселись.

— Ах, батюшки, я в жизни не видела таких проказ, и с кем еще? С генеральшей! — сказала одна.

— Вы забываетесь, сударь, мы не из таких... Мы генеральши, сударь,— повторили они хором.

Но роковой браслет был у меня в руках, расспрашивать трех генеральш было мне некогда и невозможно, потому что я зубов не сводил от холода. Убедив их в непорочности моих намерений, я пожелал им доброго сна и отправился воскрешать мою Онютину.

— Что это за генеральши? — спросил я у сопровождавшего меня лакея.

— Живут у барыни ради хлеба,— ответил он.

— Но где она их набрала?

— Мудрено ль, барин, набрать генеральш без хлеба. Нынче голодных всякого чина много.

— Что они у вас делают?

— Барыня страх боится кикимор и домовых и возит генеральш с собою на балы ради страха.

Итак, это призрение бедных генеральш основано на страхе кикимор и домовых. А в Москве Онютина слыла за благодетельницу. Случай был удобный, чтобы разоблачить Онютину от покрова, которым она прикрывала свои причуды. Я объявил человеку внезапную болезнь его барыни и приказал подвести карету. Я знал, что возлияние гофманских капель штука жуткая, и румянцы были повреждены, что нужно было привести в порядок корсет и что Онютина ни за что в мире не решится явиться в залу в природном своем состоянии. Следовательно, приготовить все к выходу моей героини было даже необходимо.

Когда карета подъехала к крыльцу, я объявил генеральшам о потере и бедственном положении их покровительницы; извинился в нарушении их покоя и именем хозяйки просил их войти в дом обогреться. Они без больших возражений согласились на мое предложение, и я ввел их в залу. Котильон прекратился, все толпою бросились к моим дамам. На одной из старушек сквозь дыроватую мантилью просвечивало платье яркими пятнами. На голове был чепец с фалдами, вероятно споротыми со старых подушек Онютиной. На руке висел нанковый ридикюль величиною с добрый мешок; в нем хранились кусочки сахара, банки и склянки со спиртами и другими сильно пахучими веществами, могущими возвратить всякого из обморока. Вторая генеральша была в клетчатом тафтяном капоте. По неправильному расположению клеток можно было убедиться, что капот ее составлен был из пяти или шести разных капотов. На голове ее была соломенная искривленная, погнутая и прорванная шляпка с искусственными цветами, похожими более на искусственное сено. У ней был в присмотре ларец с зеркалом, белилами, румянами, булавками и другими припасами, необходимыми для исправления внезапного повреждения красоты. Но, охраняя Онютину от кикимор, она должна была охранять себя от холода волчьей полостью, потому что в уважение будто бы ватного капота ей не было отпущено. Третья генеральша по слабости здоровья была в фризовой муж-

ской шинели, в старом бархатном капюшоне и в порванных вязаных шерстяных сапогах. Сверх ее обязанности сопутствовать Онютиной для охранения от черных сил, она возила огромную табакерку с березинским табаком, до которого Онютина была большая охотница. Она нюхала его только в переездах из дома в дом.

— Что это за люди, откуда вы взяли этих старушек,— спрашивали меня со всех сторон; одни смеялись, другие сожалели, глядя, как эти ветхие существа в ветхой своей одежде дрожали от холода.

— Эти три генеральши в должности телохранительниц госпожи Онютиной,— сказал я.— Талисман, ее браслет, чудесным образом открыл мне их, скрывавшихся в карете.

— Возможно ли,— закричали многие, но другие отвернулись и бросили на меня взгляд гневный и выражавший нечистую совесть.— Вы шутите,— сказала мне молодая женщина,— благотворительность госпожи Онютиной известна всей Москве. Дом ее есть приют для бедных.

— Вы видите, милостивая государыня, что не только дом, но и даже карета и есть приют для бедных,— сказал я.

— Верно, они сами пожелали сопутствовать своей благодетельнице,— сказала другая. Но графиня уже не сердилась на меня и уже заботилась о своих нечаянных гостях.

Действительно, мои старушки сидели уже в углу залы и отогревались чаем. Руки их так окоченели, что им невозможно было держать чашки, и две молодые красавицы взялись их угощать. Я решил вручить Онютиной браслет только тогда, когда они совершенно согреются и будут в состоянии исполнять свою службу. Притом, оставляя Онютину в долгом неведении насчет своей дорогой потери, я думал ее наказать за замороженных генеральш.

Между тем музыка опять заиграла, и модный, остроумный зачинщик катильона предложил новую фигуру, имевшую достоинства своевременности и язвительности,— ее прозвали *браслет или сострадание.* Дама его сняла с руки свой браслет и так отдала его одной из нетанцующих, завялых заслуженных девиц. Кавалер ее должен был отыскивать браслет и вальсировать со всеми полустарушками, к которым он, ошибаясь, подходил.

— Разве у вас сохранилось еще обыкновение средних

веков — звать нищих на праздники,— спросил меня англичанин, который до сих пор оставался глухим и немым зрителем, стоя у сцены, и спросил меня с нескромным любопытством путешественника, ищущего предмета для своего дневника.

— Нет,— отвечал я,— мы тоже, как и вы, давно перестали делать нищих участниками в наших пиршествах. Но у нас есть аристократы, которые, изгнав осмеянных сатирами и комедиями дураков, шутов, карликов и комиков, заменили их ранеными офицерами, вдовами и сиротами.

— А, понимаю,— сказал англичанин,— вы хотите сказать, что теперь позорящие причуды прикрыты личиною благотворительности.

— Вы правы, эти благотворители похожи на охотников до ученых чижиков, которых обращают на забаву себе потребностью в пище несчастной птицы. Как чижик с обрезанными крыльями должен когтями и носиком таскать тележку с зерном и наперсток с водой, так изувеченный воин делается потешником своей благотворительницы за кусок черствого хлеба.

Я видел, как вельможа бросает по паркету серебряный рубль и бедная вдова догоняла его единственно потому, что муж передал ей единственный обременительный чин без средств, и этот чин не позволял ей вступить в должность, унизительную для памяти покойного мужа.

Само общее мнение восстает против генеральши за прялкой, поэтому ей остается только стоять на страже против кикимор. Я видел, как бедная, хорошо воспитанная сиротка ходила за мопсом своей покровительницы или заменяла детям ее деревянную куклу, потому что она получила воспитание барское, потому что ей внушили неуважение к трудам из любви к своему столбовому дворянству. Ныне это дворянство сделалось синонимом...

СБОРЫ НА БАЛ

C'est au bal, au bal fillettes,
Qu'on fait des conquêtes...*

Иван! Сходи к мадам Мегрон, узнай, готово ли платье моей Лизаньки. Федор! поди к г-же Риес, выбери пару

* Это на балу, девочки, совершаются победы (франц.).

белых атласных башмаков, как можно у́же — что за дело, если они будут жать ногу. Беда, у Лизаньки такая большая нога!.. Алексей! попроси г-на Франка, чтобы он сам пришел примерить корсет, который я ему заказала; но, бога ради, чтобы шнурки были двойные: крепче и прочнее; скажи ему, что они всякий раз рвутся. Беда, если Лизаньку не стянут: она похожа на раскормленную купчиху. Кондратий! зайди в косметическую лавку, попроси самого г. Розенштрауха, чтобы он отпустил по записке банку помады à la tubèreuse*, склянку духов au reseda**, притиранья lait virginal*** и хороших румян rouge vegetal****. Скажи ему, что Лизанька очень недовольна его огуречной водой: она вовсе недействительна — сколько ни мойся, все то же, все тот же вялый цвет лица, все те же веснушки, та же несносная бледность; скажи, что я на него очень сердита. Прокофий! Скажи Афанасью, парикмахеру, что Лизанька ждет его непременно к 6-ти часам. Напомни ему, что скоро 12 лет, как он ее убирает, и, верно, сего дня придет к ней прежде других; если же некогда, то пусть придет хоть до обеда; да чтоб не забыл принести две косы и 18 буколь, слышь ли? — Слышу-с! — Помнишь ли ты? — Помню-с! Ну, что я вам приказывала? Сходишь к Мегронше за платьем, взять у Рисши узких башмаков. Франку прийти примерить корсет да самого просить, у господина Косметико взять духов и румян по записке. Афанасью, парикмахеру, сказать, чтоб пришел хоть поутру. Ну, хорошо! Не забудьте же! Подите же! Подите и приходите поскорее!

Беда с дочерьми!.. хлопочи с утра; обо всем надобно подумать самой. Как редки хорошие матери! Все думают о себе — и не заботятся о дочерях своих! У меня этого нет на совести; меня никто не может упрекнуть. Другим матерям дела нет: принесут платье — девка оденет, парикмахер причешет, и она только поедет на бал. Я для Лизаньки ничего не жалею, обо всем сама забочусь: все сама закажу, десять раз заеду посмотреть, десять раз примеряют, перешивают; цветы сама выберу, сама наколю, сама и нарумяню; при себе причешу, зашнурую и одену, а за

---

* Тубероза (франц.).
** Резеда (франц.).
*** Молоко девственницы (франц.).
**** Растительные румяна (франц.).

всем тем никогда не опоздаю — являюсь на бал первая. Да жаль, все понапрасну! 12 лет вывожу! Нынешний свет не умеет ценить истинных достоинств. Лизанька ли не невеста? На воспитание я ничего не жалела: она говорит по-французски хорошо и без ошибки напишет записочку к кому угодно, играет на клавикордах даже — Di tanti palpiti * с вариациями, училась танцевать у Ламираля; всякий вечер вожу ее или в Итальянскую оперу, или в Русский театр; не пропускаю ни одного бала; на гуляньях являюсь в прекрасном ландо; притом Лизанька хорошей фамилии: мой муж бригадир и дает в приданое степную деревню! Да, впрочем, нынче она не одна сидит в девках: женихи перевелись — не за кого отдать! Все женятся для поправления обстоятельств, и все разборчивы, мудрены. Нарочно подслушиваю разговоры мужчин — что за толки, что за претензии — ничем не угодишь! Если девушка худа — так говорят: больна и недолговечна; если здорова — так жирна и раскормлена; если чувствительна — так начиталась романов и Дамского журнала[1]; если умна — так злоязычна и болтлива; если простодушна — так просто глупа! Прошу угодить...

— Здравствуйте, маменька! — Так рано? Кто тебя разбудил? Я не велела никому входить в комнату, велела запереть ставни, опустить шторы; я велела тебе спать и встать к обеду! Ты поздно приехала, а теперь только второй час. Что за цвет лица! Что за бледность! Вся в морщинах! На кого ты похожа! Ты, верно, больна? Что мне с тобой делать! Должна буду посоветоваться с доктором. Поди, умойся новым притиранием, которое прислала тебе твоя кузина из Петербурга. Что за талия! Вся распущена: нельзя ли зашнуроваться покрепче! Если бы ты больше слушала советы попечительной матери, то не была бы так толста, неуклюжа, неловка. Вчера ты была еще несноснее: бледна как тень, глаза впалые, скучна. Ты целый вечер не танцевала: ты всегда умеешь сесть там, где тебя никто не заметит. Мне надоело 12 лет сряду возить тебя на балы без всякой пользы. Ты приедешь, сядешь в угол, повесишь нос, нахмуришь брови, когда к тебе подходят; не скажешь двух слов, не можешь попросить кавалера сесть возле тебя, не можешь заговорить с ним о танцах, спросить, с кем он танцует котильон: тогда

* Всеми пальцами (франц.).

иной, может быть, из учтивости попросил бы тебя танцевать с ним. Граф Чванов подошел к тебе — ты отвечала ему так сухо, что он повернулся и ушел, а, может быть, он имел на тебя виды. Князь Блестов смотрел на тебя в лорнет, верно, с намерением; а ты не поправилась, не только не подняла головы, но глаза опустила, точно как провинциалка. Миленов позвал тебя на польский [2], может быть, с тем, чтоб изъясниться: ты пошла как будто поневоле и, верно, не открыла рта, не сказала ему ничего приятного, привлекательного. За ужином села со старыми девушками, точно как будто ты сама сознаешься, что им погодка! Ну скажи мне откровенно: к чему послужит тебе воспитание, которое мне стоило столько тысяч; советы мои, которые я ежедневно так щедро и охотно рассыпаю; наряды, для которых я продала подмосковную; убытки, которые я потерпела от вечеров и балов?.. Прошу сего дня вести себя хорошенько: мы едем на бал, в Собрание. Ты знаешь, что я отдала о тебе записку Панкратьевне, доброй этой торговке, у которой я купила жемчуг; она показывала ее майору, который приехал с решительным желанием — жениться, а я тебе решительно объявляю, чтобы ты непременно ему понравилась. Если он на тебя взглянет, то старайся на него посмотреть так, чтобы ваши глаза встретились, и в это время улыбнись, потому что улыбка изображает небесную душу; сделай какое-нибудь движение, чтобы показать, что ты ловка. Если он тебя позовет на польский, то встань с приятностью, дай руку с ловкостью, взгляни приветливо, говори с ним много, особенно о сельской жизни, о семейственном счастии, о скуке большого света, но все это умненько, так, чтоб он не мог заключить, что свет тебе знаком уже 12 лет. Скажи ему, что твой отец тоже служил в военной службе и страх любит военных, что я любезная и гостеприимная женщина и всегда по вечерам бываю дома. Если же к тебе подойдет Миловзор, петербургский этот красавец, тоже уведомленный о тебе с весьма хорошей стороны, то заговори ему об опере, о балах, о гуляньях, танцах; скажи ему, что ты страх желала бы жить в Петербурге; скажи ему, что ты любишь бульвары, тротуары, что ты рада быть у двора, познакомиться с иностранными министрами; поговори ему о литературе, о модах, книгах; дай ему почувствовать, что на доходы твоей степной деревни ты бы могла жить открыто; скажи ему, что тебе надоела

Москва, где столько причуд и причудников...

Будь уверена, любезная Лизанька, что я, с своей стороны, сделаю все, что могу, но нельзя выйти замуж без собственных забот, без желания нравиться, без заманчивых достоинств. Если бы ты была замечательна, ты бы видела все средства, которые употребляют другие девушки, и старалась им подражать: с умными — нравилась бы колкостью ответов, остроумными замечаниями на присутствующих (простительно даже посмеяться над нами, старушками); городским жителям говорить должно об увеселениях, об удовольствиях городской жизни, о снисходительности к проступкам мужа; военному о славе, рыцарских временах, об удовольствиях делить опасности с человеком, который любим; деревенскому жителю — о прелестях уединения, о супружеской верности, о хозяйственных распоряжениях. Лизанька! если бы ты хотела, ты могла бы нравиться; ты бы давно вышла замуж: ты умна, недурна собой, хорошей фамилии, имеешь степную деревню. Ты знаешь, сколько у тебя было женихов, и если им отказывали, то, верно, оттого, что они были недостойны тебя: я искала жениха с основательными достоинствами. Могла ли я выдать тебя за человека без имени, без чинов, без крестов, когда ты знаешь, что в свете достоинство мужа определяет ту степень уважения, которым должна пользоваться жена. Могла ли я тебя выдать за человека, у которого двести душ и то в Белорусских губерниях? Могла ли я тебя выдать за человека, у которого все достоинства: какая-нибудь честность, доброта сердца да любовь, которой пламя — я знаю по опыту — весьма непродолжительно. Но тебе нечего отчаиваться — ты будешь замужем во что бы то ни стало. Я приложу все мое старание; да притом известно, что невесты со степными деревнями не увядают, не стареют и не выходят из моды.

Заботливая матушка долго говорила, услаждая дочь надеждою, которая не покидает и пожилых весталок[3]; напоминала множество свадеб, которые устроены посредством добрых тетушек, услужливых Панкратьевн, записок, и самыми красноречивыми доводами уверяла, что долг девушки нравиться всем и всеми способами, чтобы одним каким-нибудь прельстить одного.

После обеда девицу намазали различными веществами, раз пять вымыли притираньем, которого чудовищную силу испытала добрая кузина, и уложили спать. Не знаю,

приобрела ли она белизну, свежесть и румянец, но бедная Лиза спала неспокойно: в ушах ее звенели добрые советы матери; ей снились и майор, и Миловзор, и хлопотунья Панкратьевна; то думала она о котильоне, который почти разучилась танцевать; то представлялся ей жених, которому в дни юности поторопились отказать; то, утопая в сладостных мечтах, видела она предмет своих желаний, горела любовью, дышала страстью; но скоро исчез призрак — возвестили приход парикмахера. Лизанька вышла в уборную полусонная, полуодета в легком коленкоровом капоте[4], который почти ничего не скрывал и в котором видят девушек одни горничные и — хладнокровные парикмахеры. Ее посадили перед зеркалом, окружили полдюжиною девок, осветили свечами. Искусная гребенка пробежала по собственным ее волосам; к ним присовокупили две купленные косы и множество буколь, насадили кустарник цветов, вплели бус и шнурков, а заботливая маменька раз десять переделывала все труды парикмахера и все находила, что прическа не к лицу. Но время приниматься за шнурованье. Франк сам примерял выразительный корсет, лишнее ушил и урезал; две смены самых здоровых горничных затянули двойные шнурки; Лизанька худела в одном месте, чтобы в другом сделаться роскошнее. Прическа и шнурованье составляют два важные отделения женского убора. Как часто головы ожидают всего от искусства и воображения парикмахера! Как часто за бальные успехи обязаны хорошо расположенным цветам, хорошо заплетенной косе, приятному падению буколь! Парикмахер придает красоты красавице и скрывает настоящую цену неприятной физиономии. Но и для парикмахера есть неблагодарные головы! Нередко ревностный их труд и все прилагательные украшения не в силах изменить природу; тщетно искусство, труды — все причешешь не к лицу! Но принесли чудесное произведение модного искусства — прозрачное флёровое[5] платье, обшитое атласными фигурами, изобретение которых, составляющее предмет гордости модных торговок, есть доказательство гения и совершенства вкуса. На Лизаньку с почтением надели эфирное вещество сие...

Но возможно ли? О горе! о мадам Мегрон! о злодеяние!.. Оно длинно! Заботливая мать приходит в бешенство, весь дом в смятении, все горничные в слезах, несчастная Лизанька страдает, служительницы падают ниц, под-

шивают платье и открывают ноги, которые уже не раз привлекали злодейские лорнеты. Щеки покрыты румянцем; на шею Лизаньке надели заимообразные бриллианты, опрыскали и окурили благовониями. И 30-летнюю нимфу с полуоткрытыми красотами привели в гостиную, заставили под звук матушкиных советов протвердить на всякий случай па из французской кадрили, которой уже давно Лизанька не имела случая употребить кстати. «Не забудь мои советы»,— грозно сказала матушка, садясь в карету. «Пошел!» — закричали трехаршинные лакеи; «счастливый путь»,— прошептали утомленные служанки...

ДЯДЮШКА, ИЛИ В НАШЕ ВРЕМЯ ВСЕ БЫЛО ЛУЧШЕ

— Так, братец! Всегда за французскими книгами! — сказал Ленскому старик дядя, посетив его поутру.— Да скоро ли вы начитаетесь? Что за охота молодым людям набивать свои головы галиматьей одурелых французов? Вот и мой сын Сенюшка, точь-в-точь такой же. Пора бы выучиться. В наше время все было лучше. Я, братец, сам учился... Ведь был старший сын в дворянской фамилии, а потому покойный батюшка нанял для меня учителя из бывшей землемерной школы: тогда учителя были лучше, да и дешевле. Фома Тарасич был нрава тихого, человек дородный, капли в рот не брал и обучал меня грамоте, арифметике и даже отчасти полевой фортификации. Я потом поступил в службу, был гвардии офицером и божией волею теперь бригадир[1] и без вашего французского языка и без траты денег на книги. От них, братец, вам вред, отцам разорение, а только французам нажива! Нынче, братец, скажи мне, был ли ты вчера в...?

— Нет, дядюшка!

— Стыдно, братец, стыдно, весьма стыдно! Там собирается все лучшее, и вам, молодым людям, не худо бы почаще являться. Вы бы могли знакомиться с людьми деловыми; ну от книг, брат, пользы мало, а люди всегда полезны: и в службе, и в отставке, и в случае тяжбы, то ж и для женитьбы! Мы в наше время никогда ничем не пренебрегали. Правда, вчера я сам в продолжение двадцати лет моего пребывания в Москве пропустил вечер; да что делать? Граф Феклист Федорович звал меня на вист, засиделся... Славный человек, братец! Таких немного: с весом, с знатными в родстве, одних медалей три; ну

был, знаешь, хорошо принят везде и может быть полезен во всяком случае: все его любят, уважают. Мы служили вместе; правда, он двумя годами старше меня. Он был выпущен в армию секунд-майором[2], а я щедротами благодетелей был тогда генеральс-адъютант[3], во второй кавалерийской инспекции... Ба, ба! Да скоро час, братец! Где ты обедаешь?— По обыкновению дома.

— Братец! Это предурное обыкновение и стыдно молодому человеку обедать дома... в наше время этого не бывало! Здесь не Петербург: у всех есть обед; все рады молодежи; да, правда, ведь наш московский обед вам не по вкусу... Не удивительно; нынче и желудки не те, что были в старые годы. Все вам надобно французское... супы с вином, соусы с приправами, все трюфели... Ну, братец, так я тебе сегодня удружил. Я тебя повезу к князю Сидору Сидорычу: он хлебосол, у него и дом с хорами, и по четвергам стол, славный повар, 20 блюд, полпиво мартовское, а вино прямо из Риги.

— Рад сделать вам угодное,— почтительно сказал Ленский, видя невозможность отказаться от предложения дяди, которое у стариков всегда походит на требование. Впрочем, Ленский любил иногда своим днем жертвовать старым московским родственникам, хотя ни от кого не ждал наследства. Виды корыстолюбия были всегда чужды благородной душе его; но он любил наблюдать и замечать образ жизни, образ мыслей, нравы и просвещение. Дядюшка Ленского сверх обыкновенной страсти старика хулить современное, хвалить свой век принадлежал еще к числу (так называющих себя) политиков, резонеров, и часто собирался около него кружок, когда он критически перебирал и людей, и деяния их. Мнения его имели некоторую важность между современниками. Он любил толковать о политике; в газетах выискивал чего и не бывало в них и с важностью повторял при самой невинной статейке: «Хм! Тут что-то есть!» Часто пускался он в предсказания... хотя все его влияние на других было основано только на том, что во время Отечественной войны у него первого после генерал-губернатора были реляции в прибавлениях к «Сыну отечества». На деле доказывал он любовь свою к отечеству тем, что любил все русское, все народное: квас, ботвинью, пироги и донское вино предпочитал шампанскому. Сверх того, по древнему обычаю, он держал иноходцев, рысаков; в одной деревне была у него

огромная псарня и на всех деревнях много долгов; он ничего не читал, кроме газет и газетных объявлений, вечера проводил за вистом, был горд с людьми небольшими, искателен и услужлив между знатными. Одним словом, он полагал, что имел все права на общее уважение, и горделиво называл себя настоящим русским барином.

Почтенный бригадир замолчал и начал смотр книгам Ленского. Переворачивая листки, к каждой книге пришептывал он свое бригадирское суждение.

— Вот это, верно, о каком-нибудь сорванце-французе! Вот это, верно, сочинение безбожника Руссо! [4]

И вдруг, подхватя толстую астрономию с рисунками, старик голосом обиженного воскликнул: «О! Это проклятый Вольтер![5] Вместо красного переплета надел бы я на него красную шапку!» Такова бывает участь наук, ученых и людей высшего сословия, на которых лежат своды общественного здания! Если бы люди, ознаменовавшие себя на поприще ума, сочиняли книги о псовой охоте, о лучших средствах гнать вино из меньшего количества хлеба, об удобнейших мерах сбирать оброк, то благородные читатели часто не имели бы о них оскорбительного мнения, прославляли бы их имена и воздвигали бы им памятники, как блюстителям выгод капитальных.

Между тем Ленский одевался, а старый дядя продолжал делать свои замечания и бранить все, что встречалось его глазам.

— Зачем, братец, эти баночки, эти скляночки? Зачем, братец, эти гребенки, щеточки? Зачем мыться такими душистыми водами? Зачем эти модные галстуки, эти куцые фраки... Ну зачем, братец, ты надеваешь калоши?

— Я думал, дядюшка, что вы перед обедом любите походить? — Знаю, молодые люди! Хочется забежать на Кузнецкий мост, к какой-нибудь мадаме... Оно и простительно... да зачем же уверять нас, что гулянье нужно для здоровья? Вздор, братец! В наше время мы были здоровы и без гулянья. Поедем! У меня есть карета. Дворянину стыдно ходить пешком; в наше время и на ординарцы езжали мы в экипажах.

На дядюшку надели черные плисовые сапоги, огромную медвежью шубу, на которой во многих местах немилосердная рука времени сделала такие же лысины, какая была на голове хозяина шубы; он прикрыл свою тумаковым картузом, на макушке которого висела большая шел-

ковая кисть. С лестницы повели его два парные лакея в гербовой ливрее весьма сомнительного цвета, обшитой галуном весьма сомнительного металла. С трудом посадили его в карету, похожую на те экипажи, в которых возят в театр контр-бас.

— Братец, в наше время все было лучше,— продолжал старик,— например, вот эта двухместная карета. Я купил ее за 200 рублей в Петербурге, когда щедротами благодетелей произвели меня в гвардии офицеры. Я жил тогда в полку в 13-й роте; у меня был цуг маренкопф. И, братец, бывало, поедешь к выходу с гусарами, гайдуками, скороходами! Всякий видит, что едет русский дворянин, а ныне на что похоже? И немец-дядька, и дворянин, и камердинер, и сын заслуженного бригадира едут — все одно! Для нас, стариков, удивительно и обидно... Никуда не годится образ ваших мыслей: нет той благородной гордости, которая всегда отличала русских дворян; проклятый Вольтер всех сравнял: все французы... все Кузнецкий мост! Ну вот, в наше время жила в Петербурге мадам Н. Н., на Фурштадтской, женщина прекрасная собой (да это другое дело). Она была в связи с графом Звоновым, который был тогда в случае; к ней собирались гвардии офицеры... ну, все лучшее дворянство, и в день ее именин, рождения и перед новым годом каждый привaживал ей богатый подарок. Часто, братец, мадам Н. Н. изволила кататься в моей двухместной карете... Это ведь была особенная милость ее и доказательство...

— Антон Антонович приказал вам кланяться, узнать о здоровье и приказал спросить: изволили ль вы, дескать, быть вчерась на аукционе?— громогласно прокричал лакей, остановив карету против другой, поравнявшейся с нею. Старики раскланялись.

— Скажи Антону Антоновичу, что Сидор Семенович приказал доложить, что ему есть легче, а на аукционе, дескать, он был. Говорят, лошади не те, что были в наше время, а мне, дескать, Антон Антонович, самому привели из деревни ремонт[6] от Эклипса, Трофониуса и Синкбара, которого покойный граф по особой своей милости ко мне изволил мне подарить. Да, кстати, братец, попроси Антона Антоновича прислать Лазарыча... хочется сбыть Гришку-повара: запил, проклятый, а здоровый собой... годится в лакеи.

Старики поклонились, карета тронулась.

— Скучно, братец, и лакеи-то стали хуже, не то, что в наше время. Велел было Гришке изготовить обед, хотелось угостить двух советников, а он мертвецки напился. Загадка, где берет деньги? Только два с полтиной жалованья получает. У меня, братец, исковое дело, а нынче не то, что в старые годы. Хоть и говорится пословица: не бойся судьи, бойся закона; ну, да, бывало, в наше время попросим генерал-прокурорскую родню или мадам Н. Н., и дело в шляпе! И немудрено — люди были из лучших русских фамилий. Я знаю по опыту. Мне досталось наследство после покойницы сестрицы, нашлись другие родственники, дело шло своим порядком, а я, будучи щедротами благодетелей гвардии офицером, имел вход в лучшие домы. Мне посоветовали подарить графу Н. Н. курьезную моську и Тишку, моего карлу, а камердинеру его сиятельства — гарнитуру на кафтан — и, братец, дело решили в мою пользу. А ныне судись, судись... судьи и прокуроры какие-то парвеню *; иные даже и по-русски плохо говорят: некого позапросить. Ныне уже протекция ни к чему: говори судье про графа и про князя, а у него все свое: закон! закон! Нет, братец! В наше время все лучше было... Теперь все говорят: отечество! И разговоров только, что Бонапарт да Бонапарт! Вольнодумство, сударь, вольнодумство! Гей, гей, малый, постой, постой! Кажется, карета князя Дениса Денисовича.

— Так точно, сударь!

— Подъезжай к меняльной лавке, отвори, выпусти... Здравствуйте, почтеннейший, сиятельнейший князь!

— Здравствуйте, Сидор Семенович! Какова ваша подагра?

— Плоха, батюшка, плоха; а вы как-с?

— Да мучит порой, а теперь слава богу!

— А я все-таки с просьбой к вашему сиятельству, с покорнейшей, всенижайшей; надеюсь, по милости вашего сиятельства, не откажете.

— А в чем, любезнейший? Рад служить...

— Завтра пожаловать на перепелки.

— Буду-с, почтеннейший Сидор Семенович, буду-с.

---

* Парвеню (франц.).— выскочка, человек незнатного происхождения, пробившийся в аристократическое общество и подражающий аристократам.

— Славные, жирные, из рязанской деревни привезли, удостойте!

— Буду-с, буду-с, непременно буду-с.

— Вот, братец, человек нашего века,— продолжал старик, усевшись в карете.— Он старее меня двумя годами, человек — ума палата! Он, братец, служил сначала в лейб и по протекции покойного светлейшего выпущен майором в Пикинёрный[7] полк. Был человек небогатый, и по просьбе тетушки его княгини Ульяны Дементьевны ему скоро дали полк, служил на линии, был декур-майором[8] и всемилостивейше уволен от исполнения воинских должностей вскоре. По прошению одного родственника помещен он потом по провиантским делам. Он, братец, ничего, кажется, так, но в 1812 году, когда Бонапарт наступил с двунадесятью языками, его сиятельство, несмотря на седины свои и сильную подагру, немедленно ополчился. Приятно было видеть в серенькой черкеске готового лезть на батарею! Вот патриотизм, вот любовь к отечеству! За то и удостоился получить дворянскую медаль, с ношением на Владимирской ленте. Что, братец, у вас нынче хвастаются службой? Все не то, как было в наше время... Пугачев-то, братец, не то что Бонапарт, да был русский, так мало и говорят. Наш образ мыслей у вас теперь вовсе негожий, а в старину иначе думали, и мы в чести были. Я помню, братец, как, бывало, покойный граф Ястребов (который был тогда в форсе) пришлет мне скорохода с своеручной запиской (да, с своеручной, сударь!) попросить меня на травлю — это ведь была особая милость его сиятельства, приглашались гвардии офицеры и лучшее дворянство. Как теперь помню, у его сиятельства был любимый полово-серый кобель (помнится, Быстрый или Залетный). Его подарил ему в знак совершенного почтения Шучкин, служивший тогда в камеральном суде, а так как граф-то не любил быть в долгу, то Шучкин скоро и получил воеводство в Нижнем, помнится... Вельможа был, братец!— Ах, ах! — вдруг закричал старик, не докончив своего разговора.— Карета лежала на боку, и немудрено: задняя рессора изломалась. Ленский попался вниз и страдал от дяди и тяжелого его медведя; с великим трудом слуги вытащили своего барина.

— Вот нынешние распоряжения,— горячо воскликнул старик,— я давно говорил, что не должно делать этих тряских мостовых! Ездить невозможно в каретах; мой

двухместный дормез 40 лет служил без починок, не выскочил ни один винт, а теперь хоть брось. О, добрая старина! То ли было тогда: бывало, катаешься без мостовых как по столу, а теперь по новому манеру в Москве все переделали, вымостили, пришлось на старости лет ходить пешком. Да и как не ходить? Все для пешеходцев, везде эти бенуары...

— Вы хотите сказать тротуары?

— Все равно, братец, я всегда путаю тротуары, бульвары, бенуары! И улицы-то переименовали на французский лад...

К счастью, дом князя Сидора Сидоровича был уже близок, и Ленский порадовался, видя путешествие свое оконченным. Говорят, что он закаялся в другой раз пускаться в путь со своим дядюшкой.

ВИЗИТНЫЕ БИЛЕТЫ

Обычай напоминать о себе в большие праздники именными визитными карточками давно существует в Петербурге. Московские жители долго сохраняли свое на этот случай приличие: лично объезжать с поздравлением в торжественные дни всех родственников и людей случайных; это приличие с населением отдаленных частей Москвы почти что вывелось. Небольшие его неудобства заключались в следующем: в новый год, например, всякий благовоспитанный человек обязывался поздравить свою тетушку на Разгуляе (у кого бы их и не было, то в Москве сыщутся), от нее по дороге желать нового счастья какому-нибудь внучатому дяде на Ордынке; побывать у полдюжины рассказчиц-старушек, у которых итог годов равняется числу дней високосного года: такое внимание к сим прародительницам необходимо, ибо они составляют репутацию молодых людей в свете; крестят, женят, хоронят, жалуют чинами и лентами кого рассудят, и все это, не сходя с софы, за гран-пасьянсом. Да и живут все по-соседству: одна на Покровке, две в Кудрине и остальные за Калужскими воротами [1].

Сначала развозили визитные билеты в Москве ливрейные лакеи [2], которые обыкновенно посылались в карете; они со всею важностью исполняли поручение своих господ по регистру. Тут целые коллекции пожилых дам, подобно стае птиц, испуганных приближением стрелка, зашумели,

заспорили и возражениями огласили общество: «Это ни на что не похоже: привезут холопа четверкою под окошко, и он выбросит карточку столбовой русской дворянке»,— говорит старая бригадирша, поправляя свой ровесник, тюлевый чепец. «До чего мы дожили! Нет уважения ни к летам, ни к достоинству!»,— продолжает жеманная чиновница десятого класса, рыцарша ломберного стола. C'est affreux! C'est indigne!* — жалобно взывает молодая смиренница, привыкшая встречать и провожать своих угодников.

Как бы то ни было, обряд рассылки визитных билетов принят в белокаменной столице, принят, говорю, теми, которые не любят каретной жизни. Все граверы и литографы завалены работою: около рождества и святой недели это время у них и в типографиях, печатаются разноцветные билеты готическим, прописным и курсивным шрифтами. Современники моды и вкуса стараются один перед другим возвышать достоинство своих карточек; некоторые передают свои фамилии рукам швейцаров и темным ящикам, куда все почти билеты переходят серебряными и золотыми литерами. Сказывают, что один бесклассный дворянин, желая казаться интересным в публике, изобразил на визитном билете герб своих предков красками; другой, подражая иностранцам, которых честолюбие нередко исчисляют ученые общества на визитных билетах, поставил на своем: такой-то член Московского английского клуба. И, наконец, весьма достоверно, что некто, аккредитованный адвокат или забавник, на розовой карте прописав весь свой титул и жительство, на обороте поместил следующее четверостишие:

Любя меня, ты сей билет
Запрешь в свою конторку
И в час, когда мне дела нет,
Зайдешь в мою каморку.

Ныне разносчики визитных билетов не так, как бывало, от знатных гостей ездят по Москве верхом, от не весьма богатых путешествуют по улицам, на собственной паре. Есть условленные места в городе, где эти посланники сходятся и размениваются билетами, чем они сокращают себе время ходьбы. Но от сего размена происходит

* Это ужасно! Это оскорбительно! (франц.).

иногда чувствительное зло: тут того и смотри, что какая-нибудь превосходительная, урожденная княжна или графиня с дочерью попадет к смотрителю тюремного замка на Бутырках[3].

Многим еще памятен следующий анекдот. Г-жа, назовем ее хоть Прокуратовой, уезжая ко всенощной в день Пасхи, говорит своей горничной девушке: «Возьми визитные карточки со стола в гостиной и отдай Семену, чтоб он их разнес, как сказано...»

Обрадованная служанка отбытием госпожи, спеша выпроводить старого аргуса[4], в ожидании тайного свидания схватила второпях вместо визитных билетов лежавшие с ними гадательные карточки, которые маленькая внучка Прокуратовой раскладывала накануне, и отдала слуге. Усердный Семен, не жалея ног, в два-три часа времени измерил Тверскую, Арбат и Остоженку. Все билеты разнесены, но каково было удивление их получивших? Даме почетной и уважаемой подают фальшивую женщину. На стол председателя кладут бестолкового волокиту. Ханжеством и злоречием приветствуют набожную тетку Прокуратовой, за минуту до того углубившуюся в чтение благочестия. Ложные вести досталися одной барыне, любившей их рассказывать. Печальная дорога — Степаниде Павловне Мотыльковой, которая только что свою дочь помолвила. Подозрительная кокетка явилась в будуар княжны Ф., и старые погудки на новый лад, грустная пословица для пожилых щеголих, очутилась подле шотландской табакерки самой княгини и т. д. Г-жа Прокуратова скоро сведала о грубой ошибке; ее знакомые до сих пор не могут равнодушно вспомнить ее визитов. Уверяют, что с тех пор, как в Москве это случилось, исчезли у конфетчиков прежде печатанные маленькие гадательные карты; они больше не продаются, но остались многим памятны по г-же Прокуратовой, которая до сих пор еще извиняется в обществе, особенно председатель никак не может ей простить неосторожного применения.

МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ В ДУХЕ ЛАБРЮЙЕРА[1]

Часто порыв к высокому принимают за чувство высокое, но порывы сии похожи на французские духи: их запах вылетает, и остается ни к чему не годная жидкость.

Предметы вдали являются нам в меньшем виде и растут по мере приближения к ним; с людьми бывает противное: издали они велики; вблизи многие — почти неприметны.

Добродетели, подобно языкам, разделяются на древние — мертвые и живые — новейшие. Герои Плутарха[2] погибли с их языком, и если бы один из них явился ныне, его почли бы за актера, бежавшего со сцены.

Деньги самое многотрудное дружество: целый век их ищем, с трудом находим — и на другой день они изменяют.

Самые корыстолюбивые и докучливые кредиторы — благодетели.

Люди деловые (и в большом, и в малом виде) имеют сходство с ремесленниками: часто весьма плохой мастер обязан своею знаменитостью искусству своего подмастерья.

Людей, исполненных высоким чувством, мало: они на свете как чужестранцы, они имеют другие желания — цель жизни их иная, они говорят другим языком, и их немногие понимают.

Как взыскательны зрители в театре, как строго судят они игру актеров! Незнание роли, дурная игра, невежество, напевная дикция возбуждают негодование, шум, свист; но как снисходительны те же самые зрители к актерам большого света! Сколько дурных, бесталанных являются на сцене в ролях, им не свойственных, противоположных, и зрители терпят их, рукоплескают им, восхищаются...

ПИСЬМО М. В. ЛОМОНОСОВА К И. И. ШУВАЛОВУ[1]

Некоторые повременные издания известили уже публику о драгоценной находке П. А. Муханова[2]. Счастливый случай доставил ему несколько подлинных и доныне бывших неизвестными писем и небольших сочинений Ломоносова. Не смея предупреждать читателей о содержании, скажем только, что г. Муханов вскоре издаст все найденные им рукописи вполне, с любопытными примеча-

ниями, жизнью Ломоносова и, может быть, с приложением рассуждения о характере Ломоносова.

Все, что относится к великому человеку, достойно особенного внимания нашего: и Ломоносов ли не заслуживает его вполне! На жизнь его доныне не взглянули еще надлежащим образом. Желаем, чтобы нам изобразили, наконец, этого чудного человека, по внушению гения шедшего путем необыкновенным. В его сочинениях, известной доныне переписке и некоторых преданиях, переданных его современниками, находятся материалы, из которых будущий биограф может составить картину, где гений Ломоносова явится в истинном свете.

Надобно уметь понимать великих людей, надобно приучаться судить о них, как о необыкновенных явлениях нравственного мира,— и тогда только можем оценивать их дела, слова, предприятия.

Как велик тогда покажется нам Ломоносов! Сын грубого простолюдина, чувствующий тревожное стремление в душе своей, он всю жизнь отдал удовлетворению этого стремления души, не довольной жизнию гражданина обыкновенного,— он отдал ее за нашу славу. Цицерон [3], низлагая врагов отчизны, признавался, что слава — первый предмет его подвигов. В этом отношении Ломоносов выше Цицерона. Он не думал о своей славе, когда в овчинном тулупе бежал в Москву, не думал и на смертном одре, говоря Штелину [4]: «Рано умираю, мой друг! Я не кончил того, что предпринял было для славы отечества». При дверях гроба человек не лжет.

Письмо Ломоносова, которое по дружбе своей сообщил нам г. Муханов и которым спешим украсить наш журнал, есть одно из доказательств, как сильно горело в душе Ломоносова желание распространить блага наук в отечестве. Он чувствовал, что душа его вознеслась выше других потому, что «жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей». И Ломоносов хотел, чтобы все умели разделять величие души, которое придает ей удовлетворенное стремление к познаниям — тяжкое, если оно не удовлетворено.

Письмо это можно почесть дополнением к истории Московского университета. Оно должно быть писано в 1754 году. Мы видим из него, что Шувалов послал к Ломоносову доношение, изготовленное им для представления в правительствующий Сенат, и что Ломоносов спешит со-

ветовать Шувалову «не поторопиться, чтобы после не переделывать». Указ об учреждении Московского университета последовал 24 января 1755 года. Вот письмо Ломоносова, списанное со всевозможною верностью и даже с соблюдением его правописания.

Милостивый Государь Иван Иванович.

Полученным от Вашего Превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату, к великой моей радости, я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет Вашему Превосходительству не бесполезен будет, которые сверх того университеты нетокмо видали но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо как на картине представляются. Того ради ежели Московский Университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, Вами сочиненной. Но ежели ради краткости времени, или ради других каких причин того не удостоюсь, то уповая на Отеческую Вашего Превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще.

1) Главное мое основание сообщенное Вашему Превосходительству весьма помнить должно, чтобы план университета служил во все будущие годы. Того ради не смотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане Профессоров и жалованных Студентов довольное число... Сначала можно проняться[5] теми сколько найдутся. Со временем комплект наберется. Осталую с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание Университетской Библиотеки; нежели зделав ныне скудной и ускoй план по скудости учоных, после как размножатся оной снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2) Профессоров в полном университете меньше двенатцати быть не может, в трех факультетах.

В Юридическом три.

I. Профессор всей Юриспруденции вообще, которой учить должен натуральные и народные права, так-же и узаконения Римской древней и новой Империи.

II. Профессор Юриспруденции Российской, которой кроме вышеписанных должен знать и преподавать внутренния Государственныя права.

III. Профессор Политики, которой должен показывать взаимныя поведения, союзы и поступки Государств и Государей между собою, как были в прешедшие веки и как состоят в нынешнее время.

В Медицинском 3 же

I. Доктор и профессор Химии.
II. Доктор и Профессор Натуральной Истории.
III. Доктор и Профессор Анатомии.

В Философском шесть

I. Профессор Философии } *
II. » Физики }
III. » Оратории } **
IV. » Поезии }
V. » Истории
VI. » Древностей и критики ***

3) При Университете необходимо должна быть необходимо Гимназия[6], без которой Университет, как пашня без семян. О ея учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить но времени краткость возбраняет.

Не в указ Вашему Превосходительству советую не поторопиться: чтобы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целой полной план предложить могу непременно с глубоким высокопочитанием пребывая

Вашего превосходительства
Всепокорнейший слуга Михайло Ломоносов.

---

* Здесь (кажется, рукой Шувалова) поставлено против обеих строк: 1. [Примеч. П. А. Муханова].

** В этом месте также написано против обеих строк: 1. [Примеч. П. А. Муханова].

*** Шувалов против обеих строк подписал: и Герольдику. [Примеч. П. А. Муханова].

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

1

Сверх обыкновенных наслаждений, происходящих от веников и пара, в которых, по словам летописца, упрекал наших дедов славный сам апостол Андрей[1], баня имеет много других наслаждений, неизвестных людям лишь ненаблюдательным. Она то же, что для купцов биржа, для аристократов — английский клуб[2], для молодежи — балы. Это одно место, куда могут непротивозаконно собраться более 7 человек, чтобы потолковать о своем житье-бытье, пожаловаться на то время. Туда из всех сторон городских слетаются вести. Там рассказывают причуды барина, плутни дворецкого, хитрость хорошенькой горничной. Там можно иметь самые достоверные сведения о верности и неверности молодых супругов, о происшествиях на задних крыльцах судей и секретарей. Там слуги ищут и обещают покровительства, новые разведывают, другие отделывают свои дела. Вообще все эти рассказы, которыми добрые русские отводят горе от души, имеют особенную красоту. Они ясно понимают, чувствуют глубоко выраженную иносказательную насмешку, и при говоре просвечивает глубокая, долгая печаль души...

— Пару поддай, пару,— закричал кучер, желая нахозяйничать на свою гривку.— Наше дело идет на лад,— продолжает он, обернувшись к Лукичу, старику,— я замолвлю слово, выйди завтра до обедни к угольной лавочке, сведу тебя к молодому барину, и дело будет в шляпе.

— Слава тебе, пресвятая Каплуновская божья матерь,— проговорил старик,— да ведь ты, Федотушка, обещал поместить меня к старой барыне.

— Не то вышло на деле, что было на уме, старина. Я давно на всякий случай покумекал с дворецким и теперь узнал от него повернее, что на место старого дворника везут из саратовской вотчины другого из неплательщиков.

— Кажись бы, сходнее взять за малую плату готового, чем за тридевять земель тянуть мужичка?

— На наше простого ума тако — а на барский иначе. Из-за семисот душ не след держать наемных. Я-де хочу, говорит барыня, чтобы мои люди ходили *по струнке*, а наемный попробует да со двора долой. Уже, дедушка, что год, то приходит подвода с ребятами да с девками. Новых навозят да отдают в мастеровые и возчики, а старых от-

возят да отдают в рекруты. А твой за мужиков, за то, что избаловались в Москве.

— А разве у молодого барина житье другое?

— Он с тех пор, как женился и отдалился от матери, в доме ни единой крепостной души не держит, а вольному и жалованье большее и пища сытая.

— Да, брат Федотушка, недаром говорится, вольному привольно, холопу слезы,— сказал старик, вздохнув тяжело.

После бани Лукич пригласил своего покровителя на спасибо, т. е. выпить по стаканчику. И, распрощавшись между собой, они разошлись. Первый шаг, самый трудный, самый важный, о делах мира сего, был сделан. Лукич приобрел покровителя, и ожидаемое счастье начинало уже мелькать, блестеть в туманной дали. И кто бы поверил, чтобы знакомство с кучером одной из тысячи московских графинь стоило Лукичу двухмесячного искательства и много денег на угощение. Впрочем, покровители одинаковы везде. И в чертогах, и в тюрьмах их слова с правдой доходят к нам медленно, ползут по узеньким, извилистым тропкам.

С поступлением денег искатель идет скоро и смело, и деньги образуют симпатию между двумя лицами. Старик Лукич был очень доволен своим днем. «Кучер замолвил за меня слово,— думает он,— и дело будет в шляпе. Хорошо, но если бы поскорее,— думает Лукич. На обратном пути он уже останавливался, крестился против каждой церкви и клал земные поклоны и ни за что не был более благодарен, как за сближение его с кучером графини Заминой.

На другой день первый утренний колокол приходской церкви поднял его, и он явился к условной угольной лавочке, долго ждал кучера и, наконец, отправился с ним к молодому его барину. Условия были скоро сделаны, потому что Лукич искал места, а не гнался за деньгами, и он уже ночевал не в таганском подвале, но в людской графа. И так сладко спал он, и всю ночь ему грезились какие-то птицы в дубравах, перелетавшие с ветки на ветку, своим щебетом воздавая благодарение богу.

С рассветом Лукич уже был за метлой. На него возложено было мести крыльцо, двор, улицу и тротуары, отворять и затворять ворота и ездить за водой по три раза. Работа эта была тяжела для человека его лет, но

воспитание, полученное им у мелкопоместного барина, развернуло все телесные силы его, притом он трудился с целью, а собственная выгода была и будет всегда причиною усиленной человеческой деятельности. Старик боялся поспешить, чтобы обдумать все, и решил целый месяц мести улицы. Притом, как человек недоверчивый к похвале, он представлял себе всех господ похожими на своего херсонского подпоручика Дудкина, и все чувства, и все душевные качества своего помещика он считал принадлежностью людей его сословия. Но это заблуждение скоро открылось, и он увидел между барином, которому он служил по найму, и тем, кому он принадлежал душою, такое же различие, как между ангелом и чертом. Это сравнение было светочем для его понятия, и он пошел смелее к цели.

Поутру, взяв кипу бумаг, составлявших все его имение, он явился в кабинет графа. Граф сидел за столом и читал толстую выписку из дела, продолжавшегося более сорока лет. Дело это взад и вперед прошло три раза все инстанции. Росло, росло и из листа гербовой бумаги выросло до того, что стало уже ездить на подводе из инстанции в инстанцию. Поэтому мудрено ль, что на выписку из него пошла стопа бумаги. Мудрено и то ль, что чиновники в канцеляриях читают дело через лист, а судьи, не расслушав, слушали и приказали. Несмотря на все требования свои нового начальника, желавшего перевернуть губернию, как он иногда вертел пехотным полком, граф продолжал писать. Решения не по диктовке, со слов истца, по его глубокому размышлению...

2

Что нужно, чтобы быть журналистом? Деятельность для действия и нещекотливое самолюбие после действия. В самом объеме столичного журнала нет ни одной статьи, которая была [бы] производством ума. Самые стихи переводят, проза переводится почти без разбора. Между тем желательно было, что[бы] во всех разнородных частях его господствовал один дух. Издатель с купеческой предприимчивостью может быть человек вовсе безграмотный, он может набрать переводчиков из недоучившихся и нуждающихся студентов, выписать по объявлению газеты и старые журналы и наудачу из каждого перевести по одной статье. Когда попадет то ли на социализм и когда на

идеализм, иногда на эклектизм, тогда статьи той и нет; это все равно может быть книга, состоящая из 5 листов, слава богу, или переводчик подобрал по предметам. Случается иногда, что за 1200 рублей мы нанимаем артельщика, который должен переводить, что велят, разбирать книги, в которых он не имеет понятия. Одни только деньги... ему объявляют свою вражду против такого-то журналиста...

3

Я думаю, нигде не служат долее, чем в России, и нигде нет более офицеров бесполезнейших, как в России. Большая часть из них образованна для одного своего ремесла. Они, кроме учения солдатского и занятий [с ними], ничего не знают, и, сделавшись совершенно неспособными к войне, они остаются в войсках потому, что они неспособны ни [к] чему более. Что делать им и как найтить занятие во время мира, какое удовольствие в мире без солдат, что будем мы делать после 25-летней службы, когда учебные биваки, парады, смотры, маневры были предметами нашего мышления. Я уверяю того воина, который посвятил защите отечества силы свои, который любит славу восторга, который усилиями в оных жертвовал всем, я понимаю, что можно скучать вне атмосферы пороховой, вне шуму боевого, истинный воин не может жить покойно, как и моряк. Но это люди редкие, большая часть были в рядах и суждены не выходить из рядов. Истинному воину скучны парады, он не любит солдат в покое или в параде щегольском...

4

Старики, вооруженные против молодежи, представляются нам старыми предрассудками в просвещении: они похожи на глухих и слепых, которые живут, не внимая прописным и развитым истинам и не замечая, что скоро веку перемениться. У них время царствующей Екатерины еще не стерто в памяти великими событиями и истинами нового века. Они ничего не забыли и ничему не научились, но всегда отвечают на свою старую, заморенную мысль. Они жили в своем сословии, не замечая, что ныне живут в человечестве, эта огромная пропасть, которой разделены были сословия, сравнялась философиею, промышленностью и другими [науками], принадлежащими

веку человечества. Эта борьба глухонемых старцев, возникающая с юным поколением, приближается к концу, и одна старость должна рушиться, все причуды, [ею] творимые, опора личной выгоды. В другой возникает самоотверженность, ведущая к пользе общей. Одни служат в гробе глухими к крику человеческому, требующему своих прав, другие будут опорой любого правительства для будущего образования.

Старики похожи на глухих, которые всегда слушали собственную мысль. Они прошли и не заметили никакой перемены — они похожи на путешественников, которые, объехав всю Европу, помнят только те места, где они ели, пили и спали, и не помнят никаких знаменитых предметов. Они не чувствуют то, что вовеки славно, [это] мало памятно для них...

5

В русском народе рассеяны весьма глубокомысленные истины. Они выражены всегда пословицами. Две из них пришли мне на ум: Каково в колыбельке, таково и в могилке; и — горбатого могила исправит.

6

Есть овцы простые и мериносы[1] и люди простые, и люди мериносы...

7

Почему жалобы на кредиторов находят справедливыми и кредиторы об должниках не смеют и рта раскрыть. Кажется, занимать деньги с тем, чтобы не платить оных, презрительнее, чем давать свои [панталоны] в рост и требовать уплаты...

8

«Для истинных (нетленных) красавиц нужен стих Пушкина или резец Кановы»[1],— говорила одна красавица-кокетка.

9

Да, их труд был не их, их нивы зеленели, и золотились колосья, но серп не для себя жал то, что посадила рука. Я не смел радоваться при рождении моего сына...

10

Нищенке гривенник: Вот тебе, бедной,— больше бы дал, да, право, все тут. Водка разорила. Дорога, проклятая!

ЗАПИСКИ О СИБИРИ

МОРСКОЕ ПЛАВАНИЕ НАМОЛЛОВ НА БАЙДАРАХ

Для летних путешествий намоллы имеют байдарки длиною от 20 до 25 футов[1], шириною в 4, глубиною в $2^1/_2$ фута, плоскодонные, прямостенные, нос и корма острые. Основание сделано из тонко выделанного наносного леса, за которым они должны ездить далеко, что жители губы Св. Лаврентия и Мечнемежской получают оный из губы Камчатской; ребра байдарки укрепляются моржевыми костями и связываются китовым усом. Решетку эту обтягивают кругом моржевою дымленою кожею, которую для сего распластывают, смотря по толщине, на два куска. Байдарка имеет вид ткацкого челнока. В средине, корме и на носу в равном расстоянии делаются отверстия, куда намоллин садится, и в таких байдарках отправляются только в тихую погоду. Но когда бывает ветер, особенно восточный, то на корме и на носу сидящие намоллы скрываются внутрь байдарки, и эти люди плотно закрываются особою кожею. Сидевшие на корме и на носу ложатся головами один в корму, а другой в нос, оставшиеся же в середине заменяют собою и кормщика, и гребца. Когда ветер попутный, тогда ставят яхточные паруса. Байдарки эти бывают так легки, что два человека удобно могут их перенести чрез косы, мысы и прочие препятствия, отчего путешествие водяным путем чрезвычайно скоро. На этих лодках намоллы переплывают не только на острова, но и через Берингов пролив на американский берег. Чтобы они не были валки, то под борты подвязывают надутые нерпичьи или моржевые пузыри. Американские байдарки у мыса Роднея совершенно одни и те же. Вообще устройство таких байдарок удивительно; ибо как бы ни были велики волны, как бы ни был страшен бурун, но их редко опрокидывает, в опасное время довольно одного поворота весла, чтобы восстановить равновесие. Оне пристают к берегу, когда ни одна лодка этого сделать не может. Часто выбрасывает ее волнами на берег, и думаешь, что она

расшибется вдребезги, но кожа байдарки так крепка, что в нее не попадает даже и капли воды. Их можно по справедливости назвать морскими чайками.

Есть байдарки, коих величина более обыкновенной. Оне помещают до 10 человек кроме детей и собак и служат у намоллов для перевозки груза с Анадырской ярмарки и для большей перекочевки. Груз кладут посредине байдарки фута на 4 или на 5 выше бортов. К обоим бокам приделываются лахтаки[2], которыми покрывается груз, крепко привязанный к байдарке. К бортам подвязываются пузыри. Где надо плыть вверх по реке, то выпускают собак, которые на бечеве очень легко тащат байдарку.

Впрочем, байдарка может на парусе идти только с попутным ветром. Четырехугольные паруса сделаны из лахтаков, и плоскость лодок препятствует ходу в бейдевинд[3]. Намоллы с удивлением смотрят на ход русских судов при боковом ветре.

МАМОНТОВАЯ КОСТЬ

Мы видим, что с самых древних времен русское правительство имело в виду при открытии земли чиукчей учинять добытие мамонтовой кости и промышленности. По сие время колымские купцы ездят за костью к чиукчам и выменивают оную на русский товар. Теперь клык становится реже и реже. Между тем есть еще богатые копи челюстей и ребер, которые находил и капитан Врангель[1] во время своего путешествия. Кости мамонтовы лежат обыкновенно покрыты рыхлою землею или слоями вечного льда. Они обнаруживаются при обрыве берегов рек и моря от напора воды, и когда солнце растопит лед, они обнажаются из-под глыб падающей земли. Решетников[2], Сипягин[3] и Врангель удостоверяют согласно сведениям, полученным ими от самих промышленников, что есть клыки весом 12 пудов. Почему попадаются кости этих ископаемых единственно более к Северу, не разбросанные по всему пространству, но на известных пунктах слоями, большими грудами, глубоко покрытыми землею; почему в слоях этих находят соответственные части полного остова или множество рогов и мало других костей или одни черепа без рогов и ребер; почему огромные табуны этих зверей сошлись у северных льдов; каким образом эти звери могли обитать в безводной полосе северного

шара, в климате суровом, тогда как теперь этот край служит [обитанием] нескольких родов пушных зверей. Немало этих четвероногих гигантов прошли такое огромное расстояние с Юга на Север, через бесплодные степи, высочайшие хребты гор и сотни губерний, не остановленные людьми, чтобы найти скудное пастбище на тундрах и болотах, едва доставляющих ныне пищу оленям. Сколько нужно было времени для совершения этого путешествия зверям, которых каждая кость свидетельствует их огромный размер и медленность их движения. Если кости эти занесены сюда во время общего потопа, то мертвые тела мамонтов неслись по страшной высоте вод скорее всякого парусного судна, скорее американского пироскафа[4]. Если верить, что в сих местах, где теперь 46° мороза, был климат благодатный, то нужно изменить ныне принятую систему мира и сократить шестимесячные почти столь вредные программы...

О ТОМ, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ДОРОГОВИЗНЫ В ХЛЕБЕ, ТО ЗАКУПАТЬ ЕГО НА ДВА ИЛИ НА ТРИ ГОДА

Столько же для пользы земледелия, сколько для выгоды казны и обеспечения народного продовольствия необходимо постановить правилами, чтобы правительство делало заготовления на два и даже на три года, когда цена на хлеб низкая, т. е. когда она не превосходит 20 к. серебром [за пуд]. В эту цену хлеб можно купить только при сильном урожае, и весьма ясно, что казна выигрывает 1000% или сделает тогда усиленные запасы, ибо достаточно одного мороза, одной засухи, чтобы возвысить на следующий год цену до 2 рублей. Местное начальство в этом не наблюдает простых физических явлений, имеющих столь сильное влияние на изменение цен. Если оно не имеет причин оным, то могло бы удостовериться в истине об сих гибельных следствиях от неурожаев из простых ведомостей о ценах. Правительству не время покупать хлеб тогда, когда он дорог. Кроме излишних значительных расходов, оно выбирает из общего продовольствия для частных потребностей, как, напр[имер], винокурения, для продовольствия военного и пр. хлеб, когда бедные люди не имеют средств к пропитанию.

Покупка — полезная мера для обеспечения народного продовольствия, это увеличение сельских запасных мага-

зейнов. Закон определил 4 четверти на душу, и тогда прекращается сбор хлеба. За душу привыкли принимать только мужскую и то ревизскую, поэтому продовольствие женское и неревизские души оставляют необеспеченными. При этом сделаны склады крестьянские и магазейные столь ничтожны и польза от магазейнов столь бедна для поселян, что продовольствие складывать на неопределенное время нисколько для них не обременительно.

Но самые благодетельные узаконения гибнут от худых и бессмысленных исполнителей, от ясных наставлений, когда и каким образом выдавать хлеб из магазейнов. Между тем хлеб выдают людям в большом или малом количестве, несмотря на урожай или неурожай. Это отучает крестьян от бережливости. Он берет хлеб взаймы без всякой существенной надобности. Даже богатый предпочитает право себе на излишки хлеба. Таким образом в одной волости в 1832 году при цене на хлеб в 25 к. магазейны были опростаны; зато на следующем году цены на хлеб поднялись до 1 р. 20 к. и крестьяне не только должны были заплатить 1 р. 20 к. вместо 25 копеек, но и остались в крайней нужде. Между тем тогда каждый существенно нуждавшийся мог в день заработать по 3 пуда (рабочие брали по 30 к. за пуд). Рождается вопрос, как употреблять крестьянин должен часть хлеба, когда он дешевый? Он почти весь поступает служителям питейного откупа и малая часть лицам, торгующим хлебом. Крестьянин пьет вина столько, сколько нужно, чтобы прийти в некоторую степень захмеления. Ему нужна только одна ходячая монета — хлеб. Цена вина постоянно высока, а цена хлеба при своем падении влечет к большему расходу оного. Помещики не имеют никакой власти в Сибири, которая воспрещала бы питейным откупам приводить в нищенство крестьян. Известно, что когда хлеб дорог — крестьяне пьют более и на деньги; когда хлеб дешев — и крестьянина давит всякий. Тогда откуп питейный дает повеление сидельцам пустить вино на хлеб и $1/2$ штофа продается за пуд хлеба. Трудно поверить, чтобы в такой год факторы-сидельцы кабаков могли иметь в собственном распоряжении до 20% хлеба и сохранять его к дорогому году, не говоря уже о том хлебе, который здесь же пустили покрыть за излишки крепкого вина — истинный вред казне и народу...

Здесь есть еще особенные местные важные соображе-

ния, которые необходимо должны побуждать к этому потворству. Известно, что посевы озимого хлеба в России начинаются 1 и оканчиваются 15 августа. В Сибири же морозы начинаются ранее. Необходимо было бы и сеять раньше, зерно должно иметь время укорениться и покрыть землю. Крестьянин, не имевший запаса семени и не получивший его от магазейнов, молотит новый хлеб и не успевает сеять в надлежащий срок. Здесь это невозможно, потому что хлеба поспевают позднее. В 1844 году по случаю отказа выдать хлеб из магазейна озимый хлеб посеяли 20 сентября. Следовательно, здесь все для худого упадка.

Обширность уезда и отдаленность для производства, невозможность получить вовремя убеждения об урожае хлеба заставляет земское начальство часто решаться на ссуду хлеба, когда не должно, и отказывать, когда необходимо должно бы дать хлеб. Замечательнее всего, как каждый раз эти ссуды влияют на ценность хлеба и благосостояние жителей. В 1833 году в одной волости при цене на хлеб 20 и 25 коп. хлеб по магазейнам был выдан на пропитание массы до последнего зерна. В 1835 году цены хлеба возвысились до 1 р. 60 к., поэтому крестьянин за долг в 25 к. уплатил 1 р. 60 к.

Обыкновенно долг в магазейны составляет огромную массу хлеба, выходящего из употребления. Излишки хлеба должно почитать излишними не в отношении всего народонаселения края, но только в отношении жителей хлебопашествующей части оного. И они должны покрыть совершенно недостатки хлеба для жителей северной части. Следовательно, благосостояние тем лучше, сколько меньше степень их удовольствия зависит от ценности этих излишков. (В этом и состоит ошибочность суждения.)

Земледелец имеет надобность сбыть излишки, и тогда ценность им определяют различные причины. Они происходят от необходимости продажи. Когда хлеб дешев — оно требует тогда хлеба дорогого — от взаимной необходимости продать и купить — тогда будут средние цены.

а) Крестьянство заниматься одновременно желало извозным промышлением при упадке звероловства и, не имея никаких других фабричных повинностей, имеет только один способ платить подати и повинности и приобретать необходимые для себя предметы — это запродажа хлеба. Следовательно, итоги суммы податной определяет

количество хлеба, которое не только должен он продать, но и время, когда именно должен он его продать, ценность этого хлеба определяет собственное его благосостояние и запас оставшегося хлеба, ибо для пополнения потребностей неизменная цифра податей от данной продажи хлеба. Плохо, когда хлеб дешев, и легче, когда хлеб дорог. Таким образом, в 1832 году при цене за пуд 25 к. работник, чтобы уплатить подать за 32 души, должен был продать 200 пуд., т. е. уплатил $2^1/_2$ десятины и остался в совершенном запущении и прибегнул к [помощи] магазейнов.

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Государственные преступники поселены в Иркутской губернии в разное время. Неизвестно, почему до сих пор было почтено генерал-губернатором Восточной Сибири за исключительно полезное посылать государственных преступников в Иркутскую губернию по селениям и часто весьма отдаленным, между тем как в Западной Сибири и даже Енисейской губернии принято полезным назначать им места поселения преимущественно в городах и даже губернских *. Произвольное различие сие, будучи, увы, сравнительно несправедливым к людям одного значения, весьма невыгодно для поселенных в Иркутской губернии. В случае болезни они лишены в деревнях всякой возможности прибегать к пособиям врачебным, от которых не изъято ни одно сословие, кроме государственных преступников. Они лишены средств приобретать нужнейшие для существования предметы, и таким образом стеснение распространяется внутрь самой далекой их жизни.

Занятие, которое одно было им подручным в селениях, где они водворены, есть хлебопашество. Многие из государственных преступников, имея хорошие, основательные агрономические сведения, занимались земледелием с усердием, с успехом и даже с пользою для края. Они распахали земли пустопорожние, земли, покрытые вековыми лесами, вводили новые орудия землевладельческие, но-

* Причина представления последних могла быть благостью надзора — причину прочих отгадать трудно. (Примеч. П. А. Муханова.)

вые способы обрабатывания ради хлебов, картофелей и прочее. Но и эту отрасль промышленности должны были они совершенно оставить, когда в 1843 году неожиданно объявлено было им воспрещение отлучаться из места их водворения. Как все стеснительные меры исполняются в Сибири с большим рвением, чем благодетельством, то местное правительство определило место водворения государственных преступников не волостию, где они причислены, но местом, где они живут, и ограниченною чертою отведенных им полей. Люди эти, не желая дать малейшей пищи к прицепкам мелких местных властей, предпочли с ущербом денежным, с потерею удовольствия и пользы отказаться из-за гонений, которые влекли бы хотя малейшие отступления от требований правительства. И не могло быть иначе, ибо для всех занимающихся земледелием, равно как и для государственных преступников, необходимы сношения с волостным правлением для заключения условий с работниками, для явки с ними на подряды, для принесения жалоб и прочее, им необходимы сношения с городом для покупок орудий и потребностей земледельческих, одежды работникам и главное — для сбыта произведений своей пашни.

а) Коренные условия землепашества

Запрещение сие несправедливо в кругу самих государственных преступников, ибо оно падает только на тех из них, которые, будучи поселены в селениях, уже тем самым лишены выгоды, которой пользуются поселенные в городах товарищи их. Оно несправедливо и потому, что по сей многолетней ссылке воспрещение это могло бы служить только мерою наказания за новые вины; между тем как поведение государственных преступников не подлежит ни малейшей укоризне, и каждый из них мог бы полагаться на справедливость ближайших хранителей их поведения, отдания не новых карательных мер, но предстательствовать под выгоды и покровительство общих законов сословия, к которому они подлежат и приговорены [волею] Верховного уголовного суда и волею государя-императора[1]. Действовать иначе есть вынуждать в них безнадежность.

Многие из государственных преступников совершенно нищи, следовательно, отъятием у них той небольшой свободы, которая необходима для трудолюбия, для приобре-

тения куска хлеба, они приговорены не только к ссылке, но и к мучительнейшей бытности. Денежная помощь, которую дает им правительство, будучи скудна, доходит до них медленно то от проволочки, то от неисправностей канцелярских. Мерою этою доведены до крайности в особенности те, которые, не предвидя его и полагаясь на плоды трудолюбия своего, имели неосновательность жениться. Так, г[осударственный] преступник Колесников[2] не имеет куска хлеба, чтобы дать детям своим, пошел просить его у ближайшего товарища и за это предан военному суду. Следовательно, и приобретение куска хлеба способом нищего — за неимением другого — сделалось для него преступлением.

Это стеснительное распоряжение правительства не сообщено с другими мерами его. В 1840 году по приказанию господина министра внутренних дел и сходно с уставом о ссыльных все государственные преступники по прошествии 6 лет бытия их на поселении должны быть помещены в податные, обложены государственными податями. Если сам г. министр внутренних дел признал их подлежащими общим законам о ссыльных для платежа податей, то тем самым определил он принадлежность их и к остальным статьям того закона, ибо исполнение обязательств без пользования прав быть не может. Польза закона сего слишком явна в Сибири. Он побуждает каждого ссыльного трудолюбием, неукоснительным поведением достигать постепенно улучшения своей участи и определяет 10-летнюю ссылку временем перехода в крестьянское общество.

Сообразив существенное положение государственных преступников, на ссылке которых лежит 18-летний слой времени, и почитая полезным сохранить в них верование в милосердие и справедливость государя императора, я полагаю долгом совести ходатайствовать:

1. Чтобы г[осударем]-и[мператором] поселенным в Иркутской губернии позволено было свободно заниматься промыслами, законом предоставленными ссыльным на поселении по Иркутской губернии.

2. Тем из них, которым поселение было 10 лет, обложенных податями, предоставить свободный переход в крестьянские общества, с приобретением прав оного на основании существующих законов с ограничением только на Восточную Сибирь.

О ВЛИЯНИИ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЦЕННОСТЬ ХЛЕБА, ПРИПАСОВ СЪЕСТНЫХ И РАБОТНИКОВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Два мнения существуют о золотопромышленности: одно в пользу, другое — против. Одно защищается мгновенно и легко обогатившимися хозяевами промыслов, людьми, вступившими в обязательства употреблять свою власть, способствовать и хвалить все их действия толпой их нахлебников, людьми, употребляемыми хозяевами для производства золотопромышленности, т. е. поставщиками, извозчиками, приказчиками и рабочими.

Второе мнение есть мнение людей, нисколько не участвующих в выгодах золотопромышленности, горожан, чиновников, мимо которых производятся все дела, людей военного звания, купцов, имеющих заведения, всех, терпящих стеснение от возрастающей ценности на припасы и работников.

Защита в пользу производства громогласна. Золотопромышленник, заплатив 25% с огромных сумм, им легко приобретенных, почитает себя полезным сыном отечества. Мнение его, воля, власть — непогрешимы. Приезд его есть торжественный въезд, присутствие в городе — важное, отъезд сопровождается проводами. Иного мнения голоса противников похожи на тихие жалобы, жалобы, которые никто не торопится говорить.

Между обеими [сторонами] много нужных посредников, и, несмотря на великую важность вопроса, на большой переворот, сделанный золотопромышленниками в Сибири, не все рады промышленности, с жизненными способами которой никто не выступал с суждениями перед лицом публики, как будто страшась выставить свое беспристрастие между золотом и бедностью. Как будто писать против вновь рожденной денежной аристократии в пользу усиливающейся бедности опасно и невозможно.

Развитие золотопромышленности началось в Сибири с 1833 года. С того времени она идет шагом быстрым. Первый голос в пользу разработки этих богатств, таящихся в недрах Сибири, был подан бывшим в Сибири генерал-губернатором Соймоновым[1], человеком весьма умным. Он предполагал найти золото и предложил искать его для казны.

Конечно, золотопромышленность, будучи расположен-

ная в местах малонаселенных, набирает людей в округах, волостях чрезвычайно отдаленных. И эти люди должны следовать до места более месяца и столько же обратно. Многие из них делают беспорядки, поджоги, грабежи и всегда убийства. Кроме вреда это плохо, что многие из них остаются без надзора, крыши и провизии, многие искаемы правительством.

При благополучном и славноцарствующем государе Николае суждено было частным людям дать жизнь скрытому методу и содействовать сильному приращению металлических денег. Ежегодное поступление их в казенное ведение, на выработку которых употребляется едва ли 8% количества золота, превышает то, которое когда-либо доставлялось в счастливое время. Следовательно, сословие купцов, ведающих в объеме кяхтинской торговли и пользу государственную, и пользу краю, должны бы наконец убедиться, что *золотопромышленность полезна государству*, в чем многие еще сомневаются.

Любопытно заметить, что ни один природный сибиряк не принял участие в первых розысках и что все открытия, сделанные по части золотопромышленности, принадлежат природным русским. Следовательно, сибиряки, так сказать, отдали золото, бывшее у них под носом, людям, приехавшим за несколько тысяч верст. Недостаток предприимчивости, сведений, закоснелость смелых мнений, недостаток мелочных торговых цен, необыкновенная скупость, робость в расчетах и оборотах — причины этому. Немногие из искателей пострадали: только те, которые шли сами, действовали без знания дела и местности, или те, которые доверили управление дел своих людям, искавшим собственной выгоды, а не пользы хозяев. Расходные книги, образ жизни довершили явно их обман. Золото находят знанием местности, или случайной деятельностью и настойчивостью, или глупым счастием. В числе богатейших золотопромышленников есть такие, которые приобрели прииски с весьма ничтожными расходами.

ЗАМЕТКИ О СИБИРИ

Самое любопытное известие, которое на сей раз могу вам сообщить, касается данного года. Нынешний год у нас нет снега, ни мороза, мы продолжаем ездить на колесах, и только лица, страдающие болезнью, являются

в шубах. Термометр очень лениво опускается от —1° до —5° градусов. Впрочем, эта температура производит много недовольных. Сибиряк любит сани — и для Сибири снег есть условие благоденствия. К полудню санями вполне можно оставить огромные расстояния, на которые действует самая малая промышленность. Подвоз везде тяжел и медленен — почта опаздывает на 7 дней. Путевой тряской сельские работы затруднены. Птица, рыба, мясо — все это на радость в морозы, чтобы вовремя на базары — одним словом, Сибири необходимы снег и морозы.

Купеческие известия, полученные из Кашгара [1], порадовали всех торгующих в этом отдаленном крае, что нигде торговля не шла так хорошо, быстро и выгодно, как в сей год. Наши купцы не только продали и променяли все свои товары, но некоторые сбыли выгодно всю старую заваль, весь старый сор своих лавок. Нет сомнения, что этим обязаны они оживлению, которое дано этому краю со времени преобразования в Камчатской области.

Торговля на Якутской ярмонке шла не равно успешно. Лисицы и белки продавались не бойко и [по] ценам низким. Зато цены на соболей были нормально велики. Что же касается до хлеба, то были цены по хорошо рассчитанным мерам начальства. Якутские жители купили его за цену столь выгодную, как это никогда не было. Это было неприятно только некоторым торгующим купцам, торгующим по старым магазинным понятиям и обычаям.

Мыслимо ли, что китайцы привезли до 10 т[ысяч] мест кирпичного чая. Этот привоз довольно невыгоден для торгующего сословия, потому что ко времени Кяхтинского разлива они пропустили и остаток народному довольствию и промышленности.

Нынешнего лета обременительные условия торговли с Кяхтой заставили некоторых купцов вывести из Кяхты чисто русские товары и отправить их с большими расходами обратным путем через Чу-чу-чан. Попытка увенчалась успехом, через это предприятие товары были хороши, кроме цены на чай, который отправили до предела в Москву.

Золотопромышленный год обыкновенно оканчивается между 5 и 10 сентября. В это время прекращаются на приисках все работы, работники выходят из тайги и большими партиями тянутся в дома свои на краткосрочный отдых. Шествие это в старинное время было шумно, буй-

но и зачастую сопровождалось разными горестными происшествиями.

Никогда не было у нас менее увеселений, как теперь. Обществу скучно на балах, ни музыки, ни веселья... Один только <...>* и везде ералаш. Театр открыт очень кстати, а благотворительным целям обязаны мы означенному почтенному Дикарту... Старые наши знакомые актеры и актрисы много исполняли под его руководством...

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ОБРАЗОВАННОСТЬ

(о постановке народного образования в Восточной Сибири)

Годичные отчеты начальника учебного округа дают полные сведения о числе учителей, преподавателей и учащихся в Восточной Сибири. Но сведения о действительном состоянии просвещения могут быть выведены только из пристального наблюдения степени образованности и нравственности разных классовых сословий.

Только эти выводы могут указать, какую существенную пользу принесли в течение многих лет учебные заведения сего края и каково ныне их состояние, вместе с тем и какие меры необходимы для большего развития образованности в Восточной Сибири.

Правительство давно заметило, что Сибирь довольно управляема исключительно постоянно. Огромные размеры, протяженность, малые и разнообразные народности выводят ее из общих постановленных правил администрации. Еще Сибирь перестала быть только колониею, в которой без большого устройства населения были поселенцы, сосланные за прегрешения из всей России, азиатцы разных племен, переселенцы из России, большею частию из коммерческого и служебного сословия. Духовенство, далеко различествующее в образованности и нравственности с духовенством русских губерний... В Сибири у туземцев еще сильны народные обычаи.

Эта смесь еще не совокупилась в одно целое. Здесь казенные жители имеют каждый свою особенность, еще помнящие свое прошлое начало, своих предшественников. Эти замечания относятся равно ко всем сословиям. Ду-

* Одно слово неразб.

ховное сословие, составленное из лиц разных других сословий, не имеет своего отличительного нравственного и образованного характера и поэтому не имеет превосходства над низшими сословиями. Просвещение его, можно сказать, положило прочное начало весьма недавно, и только недавно стало определяться должное развитие в его образе жизни, занятиях и обычаях с низшими классами. До сих пор оно проявлялось только в одежде и исполнении обрядов высшего значения.

В Сибири дворянства нет, нет людей, отмеченных высшим образованием, с высшими сведениями свитских благородных обычаев, состоянием самостоятельным. Почти все управление производится выдвинутыми чиновниками туземными. Сословие чиновников с образованием казачьим, из разночинцев и подьячих и весьма мало из духовного. Имея надобность в приготовлении мелких чиновников при частой замене праздных и с непопулярными качествами на более извергов, старательных, вынуждены были брать в службу гражданскую более извергов, чем людей дельных. А тех без чувствительного ущерба могли уволить.

Большая часть из этих сборных чиновников ничему не училась, кроме грамоты и приобретений сведений, необходимых для службы с данными навыками, постепенно возвышаясь в присутственных местах и пользуясь некоторыми, более вредными, чем полезными, служебными преимуществами, составила сословие личных дворян, без собственности, или, лучше сказать, случайных людей, живущих служебной промышленностью.

Дети их также никогда не кончают не только гимназического курса, но даже и уездного. Родители почитали полезным для себя и для них самих как можно ранее поместить их в действительную службу для помощи их семействам. Нравственное состояние этих чиновников ведет к весьма печальным заключениям, но, по несчастью, служба всегда имеет надобность в чиновниках. Несмотря на то что число их ежегодно приращается, числительная их наличность все же очень мала для Восточной Сибири. До какой степени это справедливо, можно видеть из того, что некоторые непотребные чиновники Западной Сибири всегда находят места в Восточной. Если чиновник признается неспособным или же негодным в одном присутственном месте, в самом непродолжительном времени нахо-

дит свободное помещение в другом; многие нетяжелые места занимаются казачьими офицерами и урядниками почти совершенно беспрепятственно. Канцелярии большею частию замещены вольными писцами, которые при неисполнении своих обязанностей могут быть свободно замещены.

Несмотря на то что управление Восточной Сибирью гораздо много сложнее и разнообразнее, чем управление другим российским губернаторством, начальники должны избирать чиновников для замещения мест только из известного, определенного одного числа — именно из чиновников, рожденных и воспитанных в Сибири. В России нет необходимого условия, чтобы губерния управлялась чиновниками туземными, назначенными на места своего производства министром по способности искателя места, а не по соображению о месте их родины. Места, занимаемые в русских губерниях почти свободно, должны в сибирских быть замещены правительством лишь из имеющихся в наличии местных чиновников. В России есть большое количество отставных военных и других административных лиц, воспитанных в высших учебных заведениях, ищущих службы в губерниях, которые получат с наибольшей пользой занимаемые места гражданские, но ни один из них не явится искать место в Сибири. Их так далеко, предвидя все лишения образованного общества, все невзгоды личные и семейные, к которым служба в Сибири неминуемо бы их заставляла, не заманишь. В Сибирь являются из России только чиновники бездомные и промышляющие себе посредственную будущность и состояние; также и те, которые не имеют возможности и надежды найти для себя помещение ближе. Этих людей в Сибирь может завлечь и надежда довольно свободного лихоимства, большое снисхождение к их способностям, знаниям, нравственности, на очень ленивое делопроизводство и невзыскательность службы.

Не представляется никаких выгод и в части множества лишений. Как мало, существенно никаких удовольствий просвещенной жизни, отсутствие врачебных и учебных пособий, дороговизна на все предметы, места жительства уединенны, дики, не представляющие никаких удобств для семейства; награды за службу сравнительно тяжело приобретаемы и ограничены одним знаком беспорочной службы, отсутствие поземельной собственности. Все эти

взятые соображения делают, что ни один дельный и образованный, честолюбивый, благонадежный чиновник не захочет добровольно оставить Россию, чтобы искать службы в Сибири, не представляющей благородных выгод ни для него лично, ни для семейства. Притом рушатся связи, недостаток средств к высшему образованию детей будет всегда существенным помешательством к подобной благородной решимости. Из всего сказанного выступает, что на службу в Сибири будут всегда иметь надобность чиновники-туземцы за малым исключением и что начальник губернии может определить к местам людей только из данного числа чиновников, без всякого выбора. Явственно, что это крепко стеснительно для благонамеренного начальника. Скорее увольнение среднего чиновника есть только неотвратимость, ибо его можно заменить только другим, имеющим почти все те же нравственные недостатки. Поэтому единственно из служебной экономии чиновник вредный перемещается туда, где он может делать менее вреда, чем делал вред более гласный. Какие же ближайшие средства для укрощения этого вредного для управления Сибири положения? *Изменить юное поколение, доставить средства к образованию детей чиновников, служащих в Сибири.* Но разве они не даны? Нет сомнения, что они существуют, но выше сего я имел честь донести, что правительство по другим частям управления давно заметило, что обширность Сибири и разнообразие народонаселения требовало для благоустройства Сибири особенных условий. Я обязан доказать, что и в управлении народного просвещения это становится так же необходимо.

Те общие способы к образованию, которые правительство устроило в Сибири, для нее крайне недостаточны. Понятие о пространствах Сибири всегда должно входить на основании всех суждений об управлении этим краем. Число училищ, которых совершенно достаточно для известного числа учащихся в хорошо населенном крае, будет очень неудовлетворительно для максимально обширного края. Число преподавателей, положенных в учебных заведениях в России. исполняемое вполне требования правительства в России, будет слишком ограничено в Сибири. Здесь один приход протяжением равняется целому уезду в России и один уезд — прямо губернии Великороссийской. Поэтому те же самые меры, которые достигает положительным путем правительство во внутренних губерниях, не приносят никакой

пользы в Сибири. Уездное училище, возведенное с хорошей степенью, всегда может быть полезно и уезду, и городу, детям чиновнического и купеческого сословий, ибо оно находится в том самом месте, где служат и живут родители этих детей, и может быть посещаемо. Но степени учения, преподаваемого в этом училище, недостаточно для требований службы, для знаний коммерческого сословия. Поэтому необходимо обязать и при случае сказать, сделать возможным переход юношества в гимназии, который до сих пор осуществить невозможно. Во всей Восточной Сибири только одна гимназия. В ней, в особенности, определенно учатся люди высших сословий в Сибири, поэтому для достижения прав служебных детям чиновничьего и коммерческого сословий учиться негде. Всех чиновников в Восточной Сибири, купцов 3-й гильдии определенное число. Положим, в сложности у каждого из них по 2 сына. Следовательно, это равно числу, которое не может, а должно бы получить воспитание в сем учебном заведении, кроме детей других сословий, посещавших оную. Но если учесть всех, соответственно с начальным числом, показанным в отчетах начальника учебного округа, следовательно, на оставшихся в гимназии 40 учеников—один чиновничий ребенок поступает в службу, а остальные возвращаются в семьи, не окончивши курса гимназии.

О причинах этого вреда в образовании детей коммерческого сословия, может быть самого образованного и нравственного в России, я буду иметь честь донести ниже сего. Но сначала должно обратить внимание той занятости, которой предназначено занимать места в управлении Восточной Сибири. Не поступают и мало поступают в гимназии дети чиновников, по роду службы живущих на огромном пространстве. Помещение детей из Норильска, Якутска, Камчатки, Туруханска и других отдаленных городов сопряжено с такими неудобствами и такими сильными расходами, что эти расходы невольно удерживают родителей от посылки детей. Требуется правительственное образование детям их, которые ныне выгодно продолжать службу не могут; положим, что они, родители, может быть, и нашли возможность снабжать издержками детей своих на путь следования, но, кроме этого, они и во время учебного курса должны содержать детей на вольных квартирах в Иркутске, платя только за одно продовольствие по высокой цене и столько же на одежду по 100 р. в

год — суммы весьма значительные для чиновника, получающего скудное жалование. Нельзя не сознаться, что хозяева вольных квартир держат нахлебников из собственной выгоды, без разбора, не представляют им ни приятного продовольствия, ни должного надзора и никаких нравственных обеспечений для детей сих. Как большая часть чиновников сих не имеет средств даже к поддержанию семей собственных, тем более на путешествие детей в Иркутск и содержание их там, поэтому дети остаются недовоспитанными в городах, где живут их родители.

Дети вступают в службу в те присутственные места, где их родители служат, и под надзором их начинают службу, в которой продвигаются со временем и посредством доможительства. Самая нравственность семейства их заставляет желать, чтобы дети как можно ранее были удалены от родителей. Следовательно, *усиление общественного образования необходимо в Сибири более, чем в других частях России.*

Теперь должно открыть к этому средства.

В пансион при Иркутской гимназии помещаются только 45 пансионеров на казенное иждивение. Явственно, что число это очень недостаточно с потребностью служебною и ожиданием родных, особенно в том краю, где гимназия есть единственное учебное заведение, где ныне ни военных, ни других специальных казенных заведений и ни одного частного мужского заведения. Пансион сей необходимо усилить до 150 воспитанников. К оному присоединить училище канцелярских служителей и поместить в нем низшие классы сего заведения, т[ак] к[ак] оное заведение оказывается вовсе бесполезным, ибо для губернских и окружных присутственных мест Восточной Сибири нужны не писцы, а чиновники, и расходы, употребленные на образование последних, принесут более существенную пользу. Тем более самая стоимость обучения от соединения двух училищ под одно управление может быть уменьшена. Каждый поступивший в это заведение должен кончить курс гимназический и не может быть взят обратно родителями (кроме неспособности и болезни). Ученик за худое поведение должен быть исключен в податное сословие. Все окончившие курс должны быть переведены, судя по степени звания, в университет и другие высшие специальные учебные заведения на казенное содержание с обязанностью по выпуску служить в Восточной Сибири. При

учении иметь двойное число надзирателей, не соединенных званиями с преподавателями, и стараться, чтобы по крайней мере половина из оных была из иностранцев. Дозволить при ней [гимназии] иметь вольных пансионеров на максимальных правах, но без ограничений в условиях.

Для помещения сего заведения из низших классов испросить здание, принадлежащее канцелярскому училищу, где должны жить также заведующий или помощник инспектора. Для помещения высших классов очистить комнаты директора гимназии, для которого приобресть или нанять особое помещение. Недостающее на содержание пансиона прибавить из сумм по усмотрению правительства. В случае недостатка помещений и сада для прогулок, то приобрести должно из соседствующих домов.

Тогда казённое воспитание сделается доступным каждому, откроет возможность жителям Сибири пользоваться правом, предоставленным всем гражданам России,— воспитывать детей в высших учебных заведениях и пользоваться преимуществами, которые до сих пор остаются недоступными по причинам удаленности от сих заведений.

Иркутская гимназия обречена занимать место высшего учебного заведения в сибирском крае до того времени, пока правительство не почтет нужным выстроить университет. Она должна приготовить наибольшее число юношества для поступления в университет и в другие высшие специальные учебные заведения. Оканчивая курсы в гимназии, они сдают экзамены на право означенного класса. Поэтому: А) Необходимо было бы усилить средства оной к преподаванию. Необходимо, чтобы директор гимназии был назначен из заслуженных профессоров. Успехи учения и самое благополучие управления требуют, чтобы главноуправляющий имел ученое превосходство над преподавателями, чтоб и он мог руководить самим преподаванием наук. Необходимо прибавить старшего учителя русского языка и старшего учителя истории, 1-го немецкого, и 1-го французского языков. Во-первых, потому, что один и тот же учитель не может быть занят во всех классах, так и потому, что в случае болезни и отпуска он никем не может быть заменен; этим составом доставляется и возможность заниматься чистыми уроками, к чему теперь они не имеют времени. (Не ставить за непременное правило, чтобы при выборе преподавателей места в народные гимназии почитались для молодых учителей местами наказа-

ния, для старых — богадельнею. Одним словом, чтобы выбор учителей был сделан в равноправных условиях начальством в пользу гимназии.)

В) Число надзирателей очень недостаточно не только для надзора за предполагаемым немалым числом учеников. Должность надзирателя соединяется теперь с должностью учителя, по вызову желающих на гуляние, и это совмещение для исполнения обеих невыгодно. Полезно было бы иметь преподавателей из Остзейских губерний для усовершенствования преподавания и чтобы надзиратели были репетиторами немецкого языка. Для сего необходимо увеличить содержание оных, ныне очень нужных.

С) Преподавание правоведения полезно устроить, особенно для 8 класса, для тех учеников, которые не будут отправлены в высший класс. Учебные заведения не пожелают содержать оканчивающих экзамены на 14 класс. Экзамен сей производить в присутствии председателя палаты и приказа. В сей класс перевести преподавание бухгалтерии, геодезии и архитектуры. Сделать сей класс приуготовительным к служебным классам. Отделение сего класса облегчится для других в преподавании прочих наук.

Д) При гимназии завести больницу и особенно штатного врача, ибо были случаи, что иногородние ученики в болезнях страдают без всякого пособия и призрения на своих квартирах.

Е) До сих пор известно, что из 7 классов поступало не более одного лучшего ученика в университет из казенных воспитанников. Предоставить оной избирать из выпускных учеников лучших в университет и всех остальных в другие специальные учебные заведения (даже не обидеть художественные, ибо в Сибири также нужны художники, как и чиновники). Дать также право снисхождения продолжить науки на казенном иждивении с выслугою 4 лет в Восточной Сибири, распространив право сие не только на детей чиновников, но и детей инородцев и детей другого сословия, учением достигнуть до 7 класса, не требуя от общества их увольнения с свидетельством.

Ж) При гимназии завести Музей натуральной истории, в котором представлены были [бы] богатства этого края, новые и малоизвестные. Составление для оного довольно удобно при попечительстве начальства там, где очень удобно составлять кабинеты истории.

З) Наконец, составить при оной гимназии Комитет на

протяжение [нескольких лет], которому обязанностью было [бы] снабжать С.-Петербургскую академию учеными известиями о Сибири. И для сего устроить ученые поездки, которые можно возлагать на учителей, отправляющихся для ревизии училищ.

Наконец, настала потребность в заведении новой гимназии в г. Красноярске. Большое развитие золотопромышленности и потребность в Енисейской губернии увеличить класс людей, нуждающихся в образовании. Дети же чиновников в сей губернии должны послужить средством к ближайшему деятельному образованию. Поэтому полезно было бы преобразовать существующее ныне там уездное училище в гимназию с утверждением при ней пансиона на 50 человек.

Неоспоримо, что уездные училища наиболее достигают своей цели и доставляют жителям находить полную возможность дать приуготовительное образование их детям. Желательно, чтобы они доставляли сих учеников, могущих вступить в 4 класс, что бы составило экономию худого содержания пансиона.

Число приходских училищ чрезвычайно мало, и действие оных очень слабо. Большая часть волости и степных дум не имеют оных. Учреждение сих училищ не было общею мерою правительства. Из большего числа ныне существующих на пожертвования частных людей, искавших наград, или, лучше сказать, они жертвовали только одним детям. Устройство первоначальных училищ останется еще будущим действием правительства, но необходимым, и польза оных несомненна. Крестьяне и другие жители деревень не имеют никаких постоянных средств учить грамоте детей своих. Церковнослужители вовсе не занимаются этим добрым делом и столько же мало служат орудием распространения просвещения, как и нравственности. Уже имею честь сказать, что сословие это не имеет никакого сходства с духовенством русским, и поэтому не только не посвящает больших досугов своих общеполезному делу народного образования, но и собственных детей представляет в подведомственные училища без всякого прилежания.

Прежде сего первые начальные успехи производились очень свободно. Учили тех, кто знает грамоту и хотел заняться этим делом. Отставные и престарелые чиновники находили в учении этом средства к пропитанию. Разжало-

ванные и сосланные на поселение офицеры и чиновники, не имея средств приобрести себе хлеба тяжелыми сельскими трудами, им не свойственными, находили приют у зажиточных крестьян и в возмездие обучали грамоте их детей. Большая часть грамотных, ныне взрослых или устаревших крестьян обязаны им умением читать, писать и прокладыванием на счетах, чем обыкновенно оканчивается курс этой учебы, и люди сии впоследствии занимали преимущественно служебные сельские должности. Способ учения сего был весьма удобным, потому что учение производилось в самом селении и в самих семействах. Дети во время сельских работ были дома и в свободное от уроков время могли быть полезными своим семействам. *Оно было самое дешевейшее,* потому что учителю сего рода крестьянин давал кров, хлеб насущный и бедное одеяние. Правительство ничем не способствовало сему учению. *Вредных правил с азбукою* люди сии преподавать не могли; конечно, многие из сих учителей имели порочные наклонности, но с ними иные не могли быть долго терпимы, принимали самые действенные меры наказания, лишали куска хлеба. Впрочем, вредных примеров и без сих учителей весьма много, ибо нравственность их если вообще не выше, по крайней мере, нисколько не ниже той, которую дети ежеминутно находят в селениях. Тут нигде нет места учению — на виду есть школы разврата: питейные дома.

Издание узаконений, которыми воспрещено ссыльным и всем другим сословиям свободно заниматься обучением чтению и письму, положит предел дальнейшей грамотности в Восточной Сибири. Сии способы учения найдены предосудительными и вредными для народной нравственности, но, по несчастию, они не были заменены другим законным и полезнейшим. Я имел честь сказать, что приходских училищ почти нет, приискание патентованных учителей из свободного звания затруднительно и ценно. Помещение детей в городские училища невозможно по большим размерам округи, потребовало бы содержания учеников на счет общества и отлучения детей от семейства.

Приходское училище должно быть так близко, чтобы дети могли ходить в него пешком, и первоначальное учение должно быть такой продолжительности, чтобы не требовать от родителей чувствительных для состояния их пожертвований. Притом крестьянин дорого ценит свое время

и время своего сына, с ранних лет приносящего пользу сельской работой. Заочное помещение сына в отдаленное училище почтет он за казенную и общественную службу. Расходы на сына налогом сделаются отяготительны тем, что они будут падать на одно семейство его. При этом положении число грамотных в семействе крестьянском ежегодно уменьшается, несмотря на то что потребность грамотности ежегодно увеличивается.

Я удаляюсь от общего вопроса о пользе распространения грамотности в народе, но ограничиваю себя рамою необходимости оной для пользы гражданского управления. В одной волости, взятой мною наугад и состоящей из 3600 душ, оказалось грамотных только 8 человек, и то взрослых и учение которых должно отнести ко времени сего бедного преподавания. (Число грамотных в других волостях редко выходит из того же отношения.) Если от снижения этого учения и передачи оного в руки распоряжения правительства оно видело пользу, то та же мера передала все производство письменной части волостных и сельских управлений в руки людей, которых именно они страшились, т. е. в руки поселенцев, или, что еще хуже, в руки мещан, самого развращенного класса людей в Сибири. Волостные и сельские начальники, не умея читать и писать, будут всегда в зависимости от писарей и их помощников; остальные — перед судебными местами, в прямой ответственности за их злоупотребления. Сбор податей и хлеба в экономические магазины, продажа соли, учет людей, рекрутские, подводные и все натуральные повинности состоят за сельским управлением. Отношение оного к выше подлежащим присутственным местам подлежит бессознательному действию безграмотных начальников и прямому действию писарей, обыкновенно не принадлежащих управляемому ими обществу. Зато нет нигде такого огромного содержания, как при волостных правлениях и частных доходах, как в Сибири. Грамотность и небольшое опытное знание хода делопроизводства есть редкие, поэтому и дорогие товары.

Самое рукоприкладство к делам судным, от которого зависят честь и состояние гражданские, производится людьми, не принадлежащими к их обществу. Часто производитель следствия и чиновник по закупу хлеба, имея надобность в рукоприкладстве, отыскивают грамотного. Обыкновенно для выигрыша времени они везут его с со-

бою или содержат под караулом до окончания делопроизводства, и тогда он прикладывает руку и за истца, и за ответчика, засвидетельствует и за депутата. Какая сия беда для производства следствия и какое отсутствие охранения приносит лицам, подлежащим суду. От этого нигде нет столько запирательства от рукоприкладства, столько злостных подписей, как в делах, производимых в делах Восточной Сибири. Столько неправильных поборов и недоимков, добавочных податей, сборов хлеба и прочих беспорядков и злоупотреблений в учетах общественных. По несчастью, все эти направленные действия, сильно и безгласно чувствуемые рабочим сословием, не могут быть скоро прекращены. На умножение грамотных людей нужно время, по крайней мере, необходимо положить будущему сельскому благоустройству прочные начала. Правительству остается выбрать из двух способов, какое благонадежнее, или временно допустить оба. *Дозволить производить первоначальное обучение свободно или учредить при каждой церкви и в каждой степной думе приходские училища.*

Я имел честь представить наблюдения опытные, что сегодня учение есть самое действительное и самое дешевейшее, и если местное учебное начальство обратит на него более внимания, то оно может предупредить вред, который справедливо опасается правительство. Я полагаю, что сначала нужно: 1) Определить, в чем именно должно состоять это обучение: в изучении чтения, письму, первому счислению и прокладыванию на счетах. 2) Назначить общенародные буквари и прописи для непременного следования им и несколько книг для чтения. 3) Назначить в каждом округе особенного смотрителя сельских училищ, которому предоставить право — дозволять желающим занимать должность сельского учителя из какого бы то звания ни было, выдать казенное свидетельство, получив предварительно общественное на то лицо одобрение. Смотритель сей, объезжая раз или два в год, может иметь надзор и за успехами учеников, и за самими преподавателями. 4) Подчинить сельских учителей ответственности и наградам, устанавливаемым для поселян. (При таком направлении и надзоре свободное учение может быть только полезным.) Что касается до заведения приходских училищ, то польза от оных, конечно, не подлежит никакому возражению, и должно признать сие начало, учи-

лище должно быть при каждой церкви, при каждой степной думе и городской управе.

Но рождается вопрос, а на какой счет должны быть они устроены и откуда доставить достаточное число учителей:

1) Здания школы, судя по народонаселению селения, должны разделяться на большие и меньшие. Они его устанавливают с самым простым фасадом и планом, могут быть выстроены за счет единовременных сборов и пожертвований, к которым заботливое начальство может привлечь зажиточных крестьян. На содержание училищ определить: 1) Сборы с лавок, с купцов за право торговать в селениях, с оброчных сельских и частных мельниц, с торгующих граждан, с общего одобрения получивших свидетельства на право торговли; с других статей, как-то: покосов, пиления каменных комлей, рыбных промыслов. 2) С увольнительных паспортов и билетов, штрафы с непозволительного корчебства*. 3) Поголовно со всех свидетельствуемых контрактов и условий в ведомственных правлениях и земских судах. 4) Каждому учителю дать две десятины пахотной земли во временное пользование и покос на одну душу для домашнего скота, и, наконец, 5) Обложить школьною пошлиною по 3 пуд. хлеб с каждой ревизской души. Сложность сего сбора будет совершенно достаточна для среднего содержания учителя, приобретения учебных пособий и освещения, если притом каждое училище будет иметь сторожа и отопление из натуральной повинности. (Что касается до заведения школ в степных думах и иногороднических управах, то кроме вышесказанных средств можно изыскать другие пособия, ибо иногородцы, занимая лучшие пахотные и пастбищные места, нисколько не будут угнетены окладным сбором в пользу училища.) 6) Требования от сельского училища весьма небольшие: читать, писать и считать и умение передать эти сведения другим. (С подобными назначениями людей можно найти без затруднения.) В начале сего донесения имел честь изложить, что личное дворянство Восточной Сибири не имеет никакой самостоятельности, и служба для них не имеет высокого значения. Это промышленность, доставление средств к содержанию

* Здесь в смысле содержания корчевен (харчевен) — кабаков, питейных заведений.

себя и семейств своих. Весьма часто по неспособности и другим причинам чиновники сии выходят в отставку и, не имея никакой поземельной собственности, делаются пролетариатом. Примечательно: 1) В 1846 году на золотых приисках по одной системе было 26 отставных чиновников в простых рабочих. 2) Многие из них поступают в те же присутственные места, в питейные конторы, в частные службы простыми писцами, в первое — из-за дохода, в последние — за скудное жалование.

Должности учителей могут принять отставные офицеры, писаря, канцеляристы. Желательно, чтобы священнослужители, особенно дьяконы, принимали на себя обязанности за общее определение возмездия. (Не допускать сведение учительских мест с другими должностями.) Утверждение и увольнение сельских учителей должно быть поручено учебному начальству и должно быть как можно более упрощенным. Обществу полезно предоставить право избирать оных с общественного одобрения, общими формами, употребляемыми при избрании сельских служебных лиц.

ПИСЬМА

1. Н. Н. МУРАВЬЕВУ[1]

С.-П[етер]бург, 9 сентября 1821

Любезнейший Николай Николаевич!

Два известные в Германии и здесь ученые[2] и я имеем намерение на будущий год издавать здесь журнал, в коем будет помещаться все, что российской истории и статистических описаний ее касается,— одно же отделение предназначено для открытий и путешествий русских. Мы имеем много материалов и достали таких статей, коих достоинство, конечно, больше всех тех, кои помещаются у Греча[3] и проч[их] и даже в других журналах помещались. Возвратившийся из Бухарии Мейндорф[4] даст нам часть своего описания сей земле. Капитаны Беллинсгаузен и Лазарев[5], с месяц приехавшие из путешествия кругом света, вверяют нам свои записки. Если все сие, моя просьба и желание делать пользу обществу могут тебя согласить прислать твои тетради ко мне, то ты, конечно, обяжешь много меня, моих ученых — журнал, читателей его и всех добромыслящих людей. Один из сотрудников имеет поручение перевести твое путешествие в Хиву[6] на немецкий язык и до выхода на российском языке получил за немецкий уже знатную сумму. Я видел рисунки отпечатанные, они, конечно, могли бы быть лучше, но и теперь еще порядочные. Надеюсь, любезнейший друг, что ты не оставишь сего письма без внимания и удовлетворения и доставишь нам еще все то, что может дать нам понятие об азиатских землях, в коих ты был и имеешь сведения,— равно о Кавказе и Грузии, сих двух исторических землях, о коих, однако, сведения мы имеем весьма ограниченные. С. Н. Корсаков[7] также обещал нам несколько статей.

Все ждут войны с турками — гвардейский корпус воз-

вратится в Петербург не в нынешнем году[8]. Мейндорф за путешествие свое произведен в полковники — Хатова[9] гнев на тебя и на твое путешествие не прекратились. Самойлов[10] сделан флигель-адъютантом, а Воейков[11] на его место адъютантом. Теперь желаю тебе здоровья, спокойствия и приятных надежд — то, как говорит Гораций[12], [что] ни жемчугом, ни золотом купить невозможно. Желаю, чтобы ты скорее нас увидел и променял пенаты незнакомых пустынь на пенатов мирных, домовитых. Те, которые тебя любят, часто о тебе вспоминают и с восхищением обнимут. Прощай, жду твоего ответа и твоих тетрадей.

Твой преданный брат, друг и слуга

Петр Муханов.

2. Н. А. МУХАНОВОЙ[1]

[Петербург,] 23 марта [1823 г.]

Любезная маменька.

Опять от вас не имею писем, ожидаю с нетерпением Валентина[2], надеюсь, что он привезет мне от вас письменные и личные известия, желаю, чтобы они были благоприятны, ибо если верить слухам, то я боюсь очень за сестру[3], говорят, что она больна и весьма плохо лечится, я надеюсь, однако, что вы исполнили мою просьбу и сделали консультацию, на которую я просил вас пригласить Шнауберта и Пикулина[4], сделайте одолжение, уведомьте меня, мне весьма любопытно знать, кто ее лечит, что с ней сделается, и прочее.

Дела мои с Раевским не приведены к концу, поэтому не могу вам ничего сказать, все меры хорошие, которые я мог взять, взяты, и я надеюсь иметь решительный ответ[5].

Деньги от брата[6] получил, весьма рад, что мог заплатить Жилинским[7], ибо присылали много раз и очень были довольны получить мой долг, тем более я рад сему, что ибо деньги, когда я брал, были мне благодеяние, я должен был извозчику 110 рублей за поездки в Царское и Петергоф, которых поездок пользу теперь извлекаю, ибо Дибич, Меньшиков, Закревский и Депрерадович ходатайствуют о моем деле[8]. Я брату не пишу, ибо некогда, но весьма желал бы знать, что сделали с деньгами,

куда их положили, напишите вы, брат от любви часто бывает ветрен и забывает. Жаль, что он влюблен в девушку, которая имеет здесь репутацию не лучше Майковой [9].

Доверенность дать Филату можно, только весьма ограниченную [10].

3. Н. А. МУХАНОВОЙ

[Петербург, 6 апреля 1823 г.]

Я получил письмо ваше через Томсона [1], любезная маменька. Весьма сожалею, что сестра все хворает, впрочем, совершенно уверен, что вы доставляете ей всевозможные способы, чтобы поправиться. Доктора и спокойство, как вы знаете, одни могут сделать ей много добра. Спокойствие же должно бы увеличиться, ибо, по крайней мере, денег довольно, чтобы тратить на нужные вещи. Да и мой отъезд тоже хорошая к тому причина, ибо часто невольно и невинно был я причиною шумов, которые делали большой вред здоровью Катеньки. Что же касается до дел, то очень согласен, что надобно принять большие меры, ибо когда придется платить в ломбард, поздно будет думать о средствах. Касательно же расходов предваряю вас, что мне будут необходимы деньги для отъезда отсюда. Надеюсь к Святой [2] получить назначение, и поэтому нужно теперь думать о бричке и проч[их] необходимостях. Дедушка [3] и все ваши здоровы. У нас стоит предурная погода: то дождь, то снег, мороз и тепло — все что угодно. Шаховской живет здесь очень скучно, я весьма сожалею, что не могу сказать комплимента вашей родне — но это почти общий глас людей, которые живут не интригами и не для того, чтобы тратить деньги. Все это время я был чрезвычайно занят, и поэтому мало писал к вам, но долг платежом красен, вы все время тоже плохо пишете.

Будьте здоровы и веселы.

Ваш покорный сын П. Муханов.

4. ЕКАТЕРИНЕ И ЕЛИЗАВЕТЕ МУХАНОВЫМ *

[Киев, 26 сентября 1823 г.]

Я только что получил ваше письмо от 12-го, дорогие сестры, и вот доказательство моей аккуратности. Ответ

* Подлинник на франц. яз. (перевод А. А. Сиверса).

отправляется в тот же день. Я хотел бы служить вам примером, по крайней мере, в единственном этом добром качестве. Будьте снисходительны, если мои письма недостаточно интересны — пустынники[1] не отличаются любезностью, и не в том их добродетель. Уединение дает рассудительность в ущерб блестящим салонным качествам. Жизнь, которую я веду здесь, гораздо монотоннее вашей. Вы сажаете цветы в надежде воспользоваться ими в будущем году, а я не имею никаких проектов, мои горизонты ограниченны — я ничего не хочу, ощущая недостаток во всем. Я очень благодарен Катеньке — она создает за меня проекты, освобождая меня самого от заботы их создавать и видеть, как они рушатся. Замки в Испании приятны в данную минуту — это занятие для деревни, в особенности на время, когда лишены прогулок. По правде сказать, я нахожу, что между братьями и сестрами можно было бы установить очень выгодное соглашение — делать друг для друга разные проекты, но чтобы придать им больше основательности, нужно без церемоний договориться относительно предварительных условий. Вот в двух словах мои. Со времени нашей разлуки я приобрел удивительное хладнокровие — следовательно, мне не хотелось бы иметь жену, которая заставила бы меня растаять. Я не хотел бы, чтобы меня стесняли, и не хотел бы стесняться ради нее. Так как единственное мое желание быть самому возможно более покойным, я бы хотел, чтобы у нее были необходимые для того качества и чтобы, сверх того, она умела бы приготовить хороший чай, так как давно я уже его не пил. Таковы мои условия, но я забыл самое главное — если эта милая дама молода, красива и любезна, мне хотелось бы, чтобы она немного хромала, так как я чересчур стар, чересчур ленив и недостаточно любезен, чтобы сопровождать ее на балы. Одна нога короче другой не является в женщине крупным недостатком, так как это облегчает в то же время применение на практике домашних добродетелей. Человек, который хромает, является часто поэтом; будучи лишен возможности танцевать и состязаться в этом отношении с салонною молодежью, он сочиняет романсы, акростихи и т. п., он читает целые поэмы, у него целый запас стихов на всякого рода случаи и для разных лиц. Говорят, что горбуны обычно умны, хромые, несомненно, отличаются любезностью. Так как Лиза ценит ум, то я желаю ей мужа горбуна, а дорогой

Катеньке хромого, который, между прочим, может быть ей очень полезен, так как ничто так не облегчает физические страдания, как поэзия. Вы спрашиваете меня, как обстоит дело с моим сочинительством. Никогда не спрашивают у автора, хорошо или плохо он пишет. Скромность не позволяет ему делать себе похвалы, самолюбие мешает ему сознаться в недостатках. Одно могу сказать вам, что на бумаге я вымещаю скуку. Я настоящий истребитель [бумаги], и целые томы появятся скоро к великому удовольствию публики. Я воскрешаю героев и их великие деяния, но я не могу уничтожить скуку, в особенности с тех пор, как гнусное потомство эскулапов мстит мне за то великое пренебрежение, которое я к нему питал до сего времени. Я взаперти в своем замке, как птица в клетке. Я гуляю взад и вперед по своим салонам, я размышляю о прошлом и остерегаюсь будущего. Вместе с тем я большой любитель природы, моя комната наполнена животными, живыми птицами, чучелами и в клетках, цветами, которые забывают поливать, и т. д. Лиза спрашивает у меня известий о князе[2] — я очень огорчен, что не могу ее удовлетворить, единственно я могу ей сообщить, что он совершенно предался лени: он проследовал через Киев, как планета, которая не возвращается,— и не пишет мне ни слова. Мне докладывают о графе Завадовском[3], который только что приехал из Петербурга. Будьте моими адвокатами перед маменькой, я буду писать ей со следующей почтой. Прощайте, да сохранит вас господь.

П. Муханов.

5. А. О. КОРНИЛОВИЧУ[1]

Воронеж, 26 ноября [1823 г.][2]

Любезный Корнилович, на прошедшей почте отправил я тебе свою статью[3]; прошу, если пройдет через цензуру, напечатать только до флангового марша русских, ибо в нем я намерен сделать некоторую перемену и открыть маленькое заблуждение военных людей на сей предмет. Жизнь, которую я веду, меня восхищает: я получил книги генеральской библиотеки[4] и был более рад, чем Безбородко, получивший ключ на...[5]

Сделай одолжение, перешли мне Алексея, соч. *Корниловича*[6], формуляр Фигнера[7] и, если можно, географические твои тетради, которые мне будут необходимы, ибо я,

овладев или получа доверие начальника штаба, работаю об учреждении юнкерской школы, где буду учить географии и высшим наукам[8]. В непродолжительном времени доставлю тебе *«Совет о сдаче Москвы»*, где много будет нового и достоверного, лишь бы пропустила цензура[9]. Равно как и военно-статистические записки об южных наших губерниях приведены мною к концу, и первая тетрадь уже в переписке. Мне бы весьма хотелось доставить что-нибудь Соревущим. Прошу тебя, с совета Булгарина[10], кой-что вымарать и поправить слог и больше смотреть за исправным печатаньем. Ибо во Фридрихе много ошибок[11]. Не знаю, отчего забыл меня Булгарин, отчего не нравятся ему описания колоний, отчего не пишет ко мне, зачем не присылает Архива.

Ты малым чем лучше его, но надеюсь, что исправишься. Я теперь в поездке по смотру корпуса и ужасно похудел от трудов, забот и дела. Всем помнящим меня кланяйся. Прощай. П. Муханов.

Пиши в Киев.

[*На обороте третьего листа адрес:*] Его высокоблагородию Александру Осиповичу Корниловичу, в С.-Петербурге, в канцелярии генерал-квартирмейстера штаба его императорского величества.

6. К. Ф. РЫЛЕЕВУ[1]

[Киев, 24 января 1824 г.]

...принадлежности; описание воспитания героя, столицы, портреты людей, коих ты узнаешь с первого разу, все прелестно; стихи так музыкальны, что, прочтя раз, заучишь наизусть[2]. Пушкин гигантски идет к совершенству[3]. Жаль, что ваш северный изгнанник не подражает южному — и пишет все инвалидные статейки[4]. Полярную звезду получил в Киеве[5], прошлогодняя была лучше; стихи очень плохи; образчики твоей поэмы мне очень понравились. Кланяйся Бестужеву[6] и всем нашим общим приятелям и не забывай меня.

Преданный тебе Петр Муханов.

7. К. Ф. РЫЛЕЕВУ

[Киев.] 31 января [1824 г.]

Ты мне прислал столько экземпляров «Звезды»[1], сколько нет и на нашем небе. Но мне весьма жалко, что путешествие твоей «Звезды» было столь же медленно, как движение Юпитера. Контракты[2] наши кончились, народы разъехались; и в Киеве, кроме солдат и жидов, нет никого. Книгопродавец предлагает мне по 7 рублей за все, говоря, что Четминей[3] и киевские святцы лучше твоей книги. Я же озлобился за такое обидное для издателей мнение, отобрал у него и положил во все наши модные лавки, положа цену по 9 р. (а один рубль сверх того за комиссию). Я надеюсь, что будет толк, ибо книга нового фасона.

Дело твое, о котором отчет я послал тебе недавно, идет черепахиным маршем и злобит твоего ревностного и преданного адвоката[4]. Маршал, судья и подсудки беспечно отъедаются в своих деревнях, как свиньи за корытом. Я употребил все средства, чтобы придать ходу, и заставил губернатора дуть в паруса поветового суда, но суд, как линейный корабль, севший на мель, трещит, но не подвигается. Через три недели все Кривосудовы и Цапалкины съезжаются, присягают на правосудие, принимаются за суд и расправу и дебютируют твоим делом. Что касается до 10-летней давности, то будь покоен: 1-е прошение подано было в 1819 году, мое в мае 1823 г., и потому 10-летняя давность не может иметь влияние на уплату по твоим векселям.

Спасибо за экземпляр «Звезды», мне назначенный. С удовольствием читаю отрывки из твоей поэмы[5]. Без лести — лучшие стихи в «Звезде». И они придают интерес в ожидании всей поэмы. Если бы ты так хорошо писал письма ко мне, как стихи, то соединил бы к званию поэта и звание исправного друга. Жаль, что вы в «Звезду» поместили много стихов цеховых поэтов, можно бы было довольствоваться первостатейными. Пиши мне, как идет твой Войнаровский. Я боюсь, чтобы ты, как киевские судьи, не загулял и твоя поэма не пошла бы таким же шагом, как и твое дело. Впрочем, за хорошими стихами столько же труда и хлопот, как и за деньгами, с тою разницею, что стихи хорошего автора попадутся к бессмысленному читателю, а дела о деньгах к бессмысленному адвокату и к беспечным судьям.

Скажи мне, изменилось ли твое намерение путешествовать по южной части России и когда едем мы в Крым. Я, несмотря на твою ветреность, на непостоянство, столь свойственное людям твоего ремесла, тешу себя мыслью, что мы будем вместе вскарабкиваться на крымские утесы, купаться в целительной грязи — я для истребления фрянок[6], а ты для компании. Вот длинное письмо; надеюсь, что, по крайней мере, ты из учтивства напишешь мне ответ одной меры. Впрочем, будь весел и здоров. Преданный тебе П. Муханов.

До сих пор не имею твоего адреса. Не знаю, есть ли он в указателе жилищ г. Аллера[7]. Поэты суть важные люди, и Аллеру стыдно, если он не указует их квартир.

8. К. Ф. РЫЛЕЕВУ

Киев, 30 марта 1824

Любезный друг Рылеус.

Письмо твое ожидало меня в Киеве: а я весьма рад был получить от тебя известия, но жаль, что ты их пишешь из кровати. Ты был миролюбив, будучи воином, и, сделавшись поэтом, стал воевать[1]. Но поделом, я всегда ожидал от тебя решимости в важных делах — выздорови к праздникам или занемоги так, чтобы тебе посоветовали теплый климат, и тогда киевские эскулапы и дядя Муханов тебе помогут. Весьма сожалею, что Архипыч стал таким иезуитом. С нетерпением желаю прочесть Войнаровского, но написанного. Старайся сделать описания оригинальнее, все то, что было напечатано хорошо, особливо бегство Мазепы[2] и Якутск. Тебе рассказал, верно, мнение Пушкина о тебе Корней[3], которому я сообщил его.

Касательно твоего дела скажу тебе, что оно в шляпе. Вексель мне выдан, и я порядочно надул суды, оставя вместо половины запрещения только 1 т[ысячу] рублей — в обозначение же 10-летней давности я завтра получу из опеки свидетельство, что вексель был признан действительным, что квитанционный лист представлен был еще в 1823 году и проч.

Но теперь предстоит другое затруднение. Могилянский[4] потерял у Оболенского 90 т[ысяч] руб[лей] и поэтому, может быть, откажется скоро платить те деньги, то мой совет с уступкою даже до 1 тысячи продать его афе-

ристам, ибо лучше получить менее, но сейчас; также он не согласится заплатить проценты на проценты, я полагаю так, то пришли мне без замедления доверенность передать вексель другому, ибо сего не прописано в моем, а я буду делать все возможное, чтобы более получить денег. Кланяйся, любезный друг, всем знакомым нашим — будь здоров. Пиши иногда.

П. Муханов.

Я по сие время не знаю твоего адреса. Я боюсь одной вещи: был указ, что если кто в течение 1 года не обменит вексель на старой бумаге, то оный считать недействительным.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его высокоблагородию Кондрату Федоровичу Рылееву в С.-Петербурге, в книжной лавке Сленина у Казанского моста.

Письмо сие нужное.

9. ЕЛИЗАВЕТЕ МУХАНОВОЙ *

[Киев, 7 апреля 1824 г., понедельник пасхальной недели]

Мисс Лизе[1].

Валентин попросил меня оставить для него немного места, а сам занял большую часть моего письма. Но из-за моего красноречия, а также еще из-за того, что я точно рассчитываю размер своих писем, в которых мне всегда есть о чем вам рассказать, и именно о том, что представляет для вас большой интерес, мне приходится сделать добавление**.

Петр разрешил мне добавить несколько строк. Я прочитал ваше последнее письмо к нему. Возможно ли, мой друг, чтобы вы усомнились в моем чувстве к вам. Я был бы не в состоянии выразить свою печаль, вызванную этим письмом. О друг мой, заклинаю тебя, заглуши сомнения в своем сердце, не усиливай страдания, которые я испытываю в разлуке и ожидании ужасной мысли о том, что ты не уверена в моей преданности. Подай мне хотя бы слабую надежду на то, что недоверию не может быть места между нами. О друг мой, время испытаний скоро кончится, и я буду так счастлив сказать всем, что я люблю те-

* Подлинник на франц. яз.
** Далее написано В. М. Шаховским.

бя, что буду обожать тебя всю жизнь. До этого момента будем молить бога, чтобы он послал нам сил безропотно перенести нынешнее наше положение.

Прощайте. Надеюсь увидеть по вашему следующему письму к Петру, что вы успокоились.

10. А. О. КОРНИЛОВИЧУ

[Киев,] 11-го апреля [1824 г.]*

На письмо твое от 8-го февраля не отвечал потому, что был в походах и получил его по возвращении. Благодарю тебя за оное, тем более, что ты, роясь в своих старых бумагах, находишь минуты свободные писать или отвечать на мои письма. Надеюсь, что ты получил мое предлинное и, по крайней мере, извлек хоть что-нибудь любопытного. Последняя книжка Архива служит явным доказательством, что ты усердный сотрудник Булгарина[1]. Я думаю, что из Кожуховского похода ты мог бы извлечь что-нибудь для Русской старины[2]. Потешный поход сей служит также образцом военных занятий старого времени и тем более достоин внимания, что в невежественное время служил он для образования войск в военном деле, между тем как ныне служат наши лагери для изнурения оных.

Не оставляй своего намерения касательно издания Русской старины. Я весьма буду рад, увидев моего дедушку[3] героем одной страницы. Но дед мой, служа во флоте, плохо танцевал и на маскарадах не бывал. Воспитанный в Голландии, он променял все увеселения на математику и навигацию; особенно великую имел приверженность к Эвклидовым проблемам[4], которые первый он ввез в Россию. Ему поручено было написать наставление морским офицерам, в котором изложил он необходимые правила математики, астрономии и навигации (рукопись сия сохранилась). Часто имел он большие распри с Петром, который сам сознавался, что [дед] знал лучше его оснастку корабля, а в науках, нужных моряку, отдавал первенство русскому голландцу. Не помню, каким он судном командовал. Н. Бестужев[5] скажет тебе. Но один раз после обеда вышел у них большой спор, который положено было разрешить на море. Дед мой командовал кораблем, Петр был лейтенантом, и мой старик одержал верх, за какое преимущест-

---

* Помета А. О. Корниловича: «Отвеч[ено] 2-го мая».

во царь подарил корабль образом Спаса, который и поныне находится в семье нашей, а в память того, что он спал в одной каюте с моим дедом, он дал ему свою рубашку, которая и теперь цела. Вот все, что я знаю о старине и что я читал в письмах Петра к нему; не имея их под глазами, не могу сообщить подробности, но воображение часто заменяет документы. Я знаю только, что было много народу и почетных особ на состязании, что после много пили и что старик знал навигацию очень хорошо.

Но поговорим о внуке. Отъезд мой в Петербург отложен потому, что у нас корпус весь собирается и будут большие маневры.

У меня есть кое-какие стихи Пушкина, которые, по дружбе к тебе, желал бы переслать, но боюсь изменою своего слова рассердить волшебника. Весьма сожалею, что не скоро увижусь с тобой, надеюсь, по крайней мере, что ты хоть изредка будешь ко мне писать, и более, что, занимаясь стариной, должен заниматься старыми своими друзьями.

П. Муханов.

Всем общим приятелям поклон.

Скажи Плетневу[6], А. Бестужеву и братьям Пушкина[7] и Туманского[8], что есть у меня к ним письма от волшебника и Туманского; не знаю, как переслать, жду человека, вернее, почты.

11. К. Ф. РЫЛЕЕВУ

[Киев,] 13 апреля [1824 г.]

Ты привык получать от меня письма об делах твоих, но на сей раз не ожидай ничего нового. Дела твои в том же виде, потому что Могилянского нет в городе. Войнаровский, твой почтенный дитятко, попал к нам в гости; мы его приняли весьма гостеприимно, любовались им; он побывал у всех здешних любителей стихов и съездил в Одессу[1]. Я тебе говорю об отрывках, которые завезены сюда не знаю кем. Я весьма сожалею, что ты не считаешь меня достойным познакомиться с твоим сыном, но я не пропустил случая сего сделать. Войнаровский твой отлично хорош. Я читал его М. Орлову[2], который им любовался; Пушкин тоже, и тебе стыдно, любезный друг, что ты спишь, а не пишешь. Пора докончить[3]. Вы, жители Петербурга, со всяким днем становитесь ленивее. Если ты поз-

волишь сказать тебе то, что юго-западные русские литераторы говорят о твоем дитятке, то слушай хладнокровно и меня не брани, ибо я то говорю, что подслушал.

1. Описание Якутска хорошо, но слишком коротко. Видно, что ты боялся его растянуть, между тем как эпизод сей новостью предметов был бы очень оригинален. Представя разительно Сибирь, ты бы написал картину новую совершенно.

2. Описание охоты Войнаровского должно быть тоже несколько пространнее, ибо ты можешь изобразить дикую природу, занятие ссыльных и жителей, которые проводят свои дни с зверями, и тем более выказать род жизни Войнаровского. Тогда прекрасное описание бега оленя будет более кстати. Теперь он кажется выведенным на сцену как бы нарочно, чтобы заставить познакомиться Миллера[4] с Войнаровским.

3. Пушкин находит строфу «и в плащ широкий завернулся» единственною, выражающею совершенное познание сердца человеческого и борение великой души с несчастьем. Но рассказ пленных, сам по себе будучи очень удачен, требовал бы некоторого введения, ибо «я из Батурина недавно» могло бы быть предшествуемо описанием пленных и, сверх этого, представить картину людей, толпящихся узнать о своем отечестве. Стих «дивились мы его уму» очень нехорош, ибо можно было дивиться его характеру, духу и пр., а не уму. Вообще находят в твоей поэме много чувства, пылкости. Портрет Войнаровского прекрасен. Все это шевелит душу; но много нагих мест, которые ты должен бы украсить описанием местности. Орлов говорит, что, соединив высокие твои чувства с романтизмом, ты бы чрезвычайно украсил свою поэму. «Он, верно, боялся растянуть действие, но эпизоды в моде. С его сильным чувством можно бы оригинальными красками представить картину земли изгнанья».

Вот, любезный друг, что я подслушал. Да откровенность моя не рассердит тебя: дитя моего друга и для меня должно быть очень мило, тем более, что я с живым удовольствием слушал все похвалы ему. Надеюсь, что к новому году, а может быть, и ранее, мы будем читать не краденые списки, но печатную книжку. Из «Литературных прибавлений» Булгарина я вижу, что ты Баратынского печатаешь[5]; поздравляю тебя с сей покупкой. Постарайся сделать хорошее издание, ибо я надеюсь приобрести элегии

и мелкие стихотворения А. Пушкина и буду просить тебя наблюдать за печатанием оных — под одну форму с Баратынским. Не выдавай секрета; жду из Одессы решительного ответа по сей почте[6].

У меня есть начало «Разбойников» и первая песнь «Вадима»; прислал бы тебе, но автор их назначил к истреблению и поэтому не хочет, чтобы ходили по рукам и даже говорили об оных. Но, зная твою аккуратность, может быть, сдамся, получа убеждение в сохранении их в тайне. Будь здоров и покоен.

[П. Муханов.]

12. А. О. КОРНИЛОВИЧУ[1]

Киев, 29 мая [1824 г.]

Спешу уведомить тебя, как ученого любителя древностей, что вчера сделано здесь весьма драгоценное открытие. Близ Михайловского монастыря, что на старом Киеве, здешний мещанин, возвращаясь домой, внезапно провалился и почувствовал под ногою сосуд; взяв его, он нашел разные вещи чрезвычайной древности. Не желая пропустить почты, я не имею время подробно описать все, но на будущей приложу тебе описания и рисунки[2].

1. Круглая золотая дощечка в 1 вершок в диаметре, края оной имеют кайму филигранной работы и с небольшими камешками; на середине дощечки изображен портрет, вероятно Владимира, ибо в руке у него крест. Портрет сей сделан не из финифти или эмали, но работы мозаической; сверху сего кружка приделано на шарнире кругленькое ушко.

2. Два позолоченные украшения в виде серьги. На оных по обеим сторонам изображен зверь с длинным хвостом и рогами, работы мозаической; верхняя часть опирается; сверху другое кольцо с возвышениями филигранной работы.

3. Крест каменный, обделанный в золото; по концам оного обыкновенные слова И[и]с[ус] Хр[истос], славянские; в середине была надпись, но от времени остались только три или четыре буквы славянские.

4. Большой перстень филигранной работы.

Всех вещей я еще не видал, но надеюсь прислать верный рисунок оных к Булгарину, ныне же советую объя-

вить вкратце, ибо открытие весьма важно и любопытно. Оно сделано 26-го мая вечером.

Муханов.

13. ЕКАТЕРИНЕ МУХАНОВОЙ *

[Киев, конец июня 1824 г.] [1]

Дорогая Катенька. Вопрос, который ты мне задаешь, очень затруднителен для ответа ввиду его ответственности. Однако из всех доводов, которые ты мне приводишь, только два достойны внимания, да и они требуют еще обсуждения. Прежде всего я нахожу, что ты и Александр Бакунин[2] совершенно неправы, возмущаясь предложением, которое сделала тебе армянская тетушка, конечно, не для того, чтобы увеличить свою свиту или заполнить пустое место, оказавшееся в одном из ее экипажей, а в силу привязанности к семье и из желания сделать добро. Я считаю, что за доброе желание быть полезным не следует отплачивать насмешками и что тут нечем возмущаться. Вот мое мнение по поводу того предложения, которое тетя Софи имела доброту тебе сделать. Зачем же было тут приходить в смущение и возмущаться. Вы, женщины, вместо того чтобы рассудить, всегда делаете истории, вы начинаете возмущаться, потом плачете и, наконец, хвораете. Вот что случается с дочками, а мамаши, вместо того чтобы их направлять, делают то же самое и осложняют это положение огорчением по поводу того, что они не были в состоянии воспользоваться выгодами и отстранить неудобства, которые неизбежны во всяких предприятиях. Я знаю, что если бы тебе предложили поехать в Коломну, у тебя явился бы страх покинуть родину. Не для того, чтобы обидеть тебя, говорю я все это, но если ты привязана к старому капоту, с которым ты не можешь расстаться без слез, то естественно, что тебе очень трудно даже подумать о путешествии в Грузию. Если ты посмотришь стр. 243 географии России, ты увидишь, что Грузия — это провинция России, а не в Африке, следовательно, выражение покинуть родину совершенно неуместно. Необходимо выяснить, в состоянии ли ты совершить путешествие в 1600 верст, т. е. позволят ли это тебе твои физические силы, так как, зная твой предприимчивый характер, мне не трудно познать

---

* Подлинник на франц. яз. (перевод А. А. Сиверса).

твою силу моральную. Вам нужно (всем троим)[3] десять дней, чтобы решиться поехать в Витовку на полчаса. Если твои силы позволят тебе предпринять путешествие в 1600 верст, ты недурно бы сделала, если бы поехала, во-первых, потому, что климат Грузии, как климат Италии, во-вторых, потому, что ты получишь развлечения, которые принесут тебе больше пользы, чем монотонная жизнь в Спасском[4], в-третьих, потому, что деятельная жизнь Софьи Саблуковой, ныне грузинской, армянской княгини или ханши, тебя растормошит и придаст тебе сил, в-четвертых, потому, что, как ты знаешь, Грузия — это Колхида, откуда привозят золотое руно, в-пятых, потому, что ты устроишь благодаря своему красноречью так, что у меня будет полдюжины лошадей, в-шестых, потому, что ты выйдешь замуж за хана, или за шаха, или за грузина с красивыми черными глазами, и вместе со своей тетей Софи вы населите славными потомками великолепную страну.

Итак, моя дорогая и любезная сестра, будущая обладательница Имеретии, или Гурии, или необитаемых степей Хивы, будущая царевна или княжна, у тебя есть две основательные причины не ехать: во-первых, недостаток физических сил и, во-вторых, большое огорчение расстаться с матушкой и оставить ее одну. Все остальные приводимые тобою доводы только химеры или результат воображения, которое работало на свободе в голове немного больной, и расстроенных нервов. Ты не Тезей[5], чтобы ехать за золотым руном, и не испанец, чтобы искать золото, нужно, следовательно, иметь в виду здоровье, ведь у тебя будет всегда достаточно средств, чтобы наполнить желудок и прикрыть свое тело в Спасском. Я предполагаю, как я уже сказал, что путешествие, климат и более деятельная жизнь Софи, жены грузинского креза, могли бы принести тебе пользу, и, если ты решишься поехать, я предваряю тебя, что мы проведем вместе, по крайней мере, половину будущего года.

Генерал Раевский решительно покидает службу в октябре 1824 г., и так как у меня нет в виду места, я хочу отправиться на Кавказ под покровительство Ермолова. Если же задержат генерала на службе, что, впрочем, маловероятно[6], я поеду с ним на Кавказ и в Грузию, куда он собирается предпринять путешествие для здоровья.

Вот все, что я имел тебе сказать. Чтобы действовать в таких случаях, нужны не советы, а решимость, особенно

когда знаешь, что есть два брата и, следовательно, один всегда будет готов извлечь тебя из Грузии, если бы ты там соскучилась ранее назначенного срока. Я не стану тебе говорить, как матушка, что ты проведешь всю свою жизнь в Спасском, берегись, тебе, может быть, придется раскаяться в том, что ты отказалась от таких больших богатств ради постоянных лишений, но я скажу — я опасаюсь, что ты можешь раскаяться в том, что не поехала с тетушкой, так как ее предложение доставляло тебе удобство и возможность провести два года в теплом климате и воспользоваться кавказскими водами, которые близко. Я рекомендую тебе только одно — не думать об этом тысячу лет, не волноваться без причины и не расстраивать своего здоровья. Не многого нужно, чтобы решиться, если ты примешь во внимание лишь основательные резоны и не станешь пугать себя соображениями; покинуть родину, оставить семью, обогатиться, покинуть мать — слова больше всего пугают. Матушка думает, что ты вернешься оттуда богаче Рюмина[7] и что вся страна наполнена женихами, столь же богатыми, как милейший дядюшка Мадатов, который, в сущности, только храбрый солдат, богатый невежда...

14. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ[1]

Москва, 19 октября 1824

Намереваясь издавать на будущий год военный журнал и имея уже значительное число материалов, я не осмеливаюсь вступить на поприще сие, не исходатайствовав предварительно содействия и покровительства военных людей, постигших всю важность военных наук. Обращаюсь к вашему превосходительству, как к просвещенному и многоученому соотечественнику, с покорнейшей просьбой украсить периодическое издание сие вашими сочинениями. Я получил весьма лестные отзывы почти от всех известнейших наших военных писателей.

Прежнее благорасположение вашего превосходительства ко мне, а особенно высокое просвещение и любовь к наукам, убеждают меня, что вы поощрите предприятие, считающее целью распространение военных познаний в армии.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга Петр Муханов.

15. Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Редакция Военного журнала
Москва, на Молчановке, № 24.
27 ноября 1824 *

Любезный Николай Николаевич.

На родинах дают червонцы, на родины журнала дают статью. Прошу тебя принять в свое благорасположение дитя мое, которое еще ношу во чреве и которое 15 генваря увидит свет. Но если ты сохранил память о[бо] мне, то надеюсь, что не откажешься содействовать предприятию моему и доставить статейку и поболее на обзаведение Военного журнала. Посылаю тебе программу и прошу не оставить твоими великими милостями. Если б ты сообщил кой-что о военной характеристике разных ваших народов — о средствах вести войну, об ваших экспедициях — о топографии Кавказа и проч[ее], каким бы подарком подарил издателя и читателей. Ты не можешь сказать, что нет ничего — ибо В. Ф. Тимковский[1] мне объявил, что ты имеешь много кой-чего и в 10 лет накопил разной всячины. Будь милостив — щедр и проворен, а я скажу от души спасибо. Бурцов[2], Д. Давыдов[3], Бутурлин[4] и еще кой-кто обещались и доставили много хорошего.

Я имел известия об тебе через Александр[а] Николаевича[5]. Отец твой строит и роет в Осташеве[6]. И надеюсь, что ты, подобно им, будешь ко мне милостив и будешь верить преданности тебе душой преданного

Петра Муханова.

Если можно выхлопотать у ваших офицеров кой-что, сделай одолжение — доставь! Ваш край, ваша война, ваши народы неизвестны и возбуждают любопытство.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву в Тифлисе. Г. полковому командиру 7-го карабинерного полка.

16. П. М. СТРОЕВУ[1]

Москва, 24 декабря 1824

Милостивый государь Павел Михайлович.

Во-первых, вам угодно знать, почему я не принял вас сегодня?.. Потому, м[илостивый] г[осударь], что я не имею

---

* Текст адреса печатный. Число, месяц и год вписаны от руки.

привычки принимать людей малознакомых без порток, и надеюсь, что вы извините меня единственно в уважение желания моего быть вежливым и учтивым. Касательно следующих вам денег, я весьма сожалею, что до сих пор не имею их, чтобы доставить к вам, и теперь не могу сего же сделать; но причина тому неисправность моего приятеля Рылеева, которому я писал в тот же день, в который вы мне объявили сумму в мзду за труд ваш. Надеюсь, что в непродолжительном времени буду в возможности доставить вам оную. А теперь, сознаюсь, мне весьма желательно было бы знать, что неисправный платеж 100 рублей не может быть причиной взаимного неудовольствия между нами? Тем более, что, кроме уважения, которое я имею к вам, как к человеку, известному своей ученостью, мне было весьма приятно с вами познакомиться и не думаю, чтобы «Думы»[2] могли быть причиною неприятностей.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга

Петр Муханов.

17. Ф. В. БУЛГАРИНУ

Киев, 16 февраля [1825 г.]

Любезный Булгарин, благодарю тебя за письмо твое, которое, совершив путешествие, подобное добродушному Ципульскому[1], наконец, прибыло в Киев. Подвиги Ципульского приобрел я партизанским образом в Москве... и если ты хочешь сделать доброе дело, то отпечатай несколько экземпляров особо и пусти в продажу в пользу бедного русского Жоконды[2], у которого отечественными морозами отнято средство странствовать — сиречь... отморожены пальцы... он слишком легко оделся. Отдай Слёнину[3] на продажу и, что будет выручено, отошли в Москву Степану Дмитр[иевичу] Нечаеву[4], который там записной благотворитель.

Благодарю тебя за обещания доставлять мне три журнала журналистов-близнецов и прошу тебя присылать их в Киев, а в знак благодарности к твоим щедротам и к тому, что ты вспоминаешь иногда киевского отшельника, посылаю тебе письмо знаменитого Ломоносова к Ив[ану] Ив[ановичу] Шувалову. Прошу тебя напечатать оное в одном из журналов и при оном приложи объявление, не именуя меня.

В бытность мою в Москве Полевой[5] познакомился со

мной, мы говорили о тебе, и я знаю, что он совершенно хотел сохранить дружбу и мир с вами[6], как по доброму прежнему знакомству, так более из политики, из расчета, чтоб его не задели. Я знаю даже, что он много делает, чтобы усмирить гнев издателей «Мнемозины», ибо они сильно восстали на тебя, вооружились перьями и злыми намерениями[7], и Полевой старался их унять. Жаль, любезный друг, что от физики своей, от многокровия,—слишком решительно, откровенно и даже дерзко напал на них и из острого словца ты сказал нестерпимую грубость Одоевскому и Кюхельбекеру, привел в насмешку публично его несчастия, которых виною единственно его благородная душа. На кавказского воробья не постыдился напасть кавказский проконсул[8]. Зачем же в литературных битвах напоминать гонения, почти всегда несправедливые, и мщение, всегда отвратительное и постыдное, когда мстит сила на человека беспокровного. Не думай, чтобы я омосковился и хотел тебя укорять, чтобы выставить других. Я знаю их обоих. Одоевский (кн. Вл[адимир] Фед[орович]) молодой человек, любящий учение без разбору, всякого рода — философию, литературу, медицину и генерал-бас; у него рано рука зачесалась — черт дернул,— стал писать, и поэтому часто в его повестях говорится о черепе и жилах... Но Кюхельбекер человек благородный, с душой, с странностями и с горем... вот заслуги и право на уважение. Впрочем, Полевой за все берется, во всех имеет нужду, его, может быть, можно будет осадить, чтобы молчал. И, не открывая ему нашей переписки, посоветую не задевать вас и не дразнить близнецов, которые хороши, покуда не раздразнены и не рассердились.

Весьма сожалею о твоей ссоре с Рылеевым, нельзя ли помириться? Жаль мне особенно потому, что ты, сколько я вижу из твоего письма, имеешь о нем справедливое мнение,— и, уважая друг друга, вы ссоритесь.

Корниловичу весьма кланяюсь и прошу извинения за то, что по сю пору не писал, но был весьма занят: в Москве сестру замуж отдавал, Журнал Военный издавал, объезжал свои владения,— и другие причины; но моя Herzlichkeit* к нему не переменилась. Скажи, чтобы прислали Старину[10].

Напрасно ты думаешь, что Полевой с Воейковым в

* Сердечность, дружеское расположение (нем.).

дружбе. Я знаю, что в Телеграфе будет даже статья «Литературный Макар» на Оленина[11] и на него. Впрочем, бог знает... У Полевого нет оседлости, зато его легко оседлать.

Т[анте] и Линхен[12] кланяюсь и надеюсь летом на Черной речке есть вашего супу. Преданный тебе Петр Муханов.

18. ЕКАТЕРИНЕ МУХАНОВОЙ *

[Киев.] 4 марта [1825 г.]

Дорогая Катенька. Я должен бы краснеть, что ни разу не написал тебе со дня своего отъезда, но мною овладело скверное расположение духа: находясь в весьма дурных обстоятельствах, я, быть может, даже хорошо сделал, что лишил тебя писем, которые были бы только очень неприятными... и теперь пишу лишь под влиянием стыда и благодарности. Благодарю тебя за сведения, которые ты сообщаешь о Шаховских, т. е. о Лизе. Я полагаю, что ты видишь их достаточно часто, и мне любопытно было бы знать, какой образ жизни они ведут,— ты сообщишь мне об этом подробности в общих чертах. Напиши мне, дорогая Катенька, меньше ли теперь хлопот дома, спокойнее ли тебе и лучше ли твое здоровье. Была ли ты на семейных обедах и т. д.

Ты спрашиваешь у меня новостей по поводу моей службы — до сих пор никаких результатов, дело находится в том же самом положении, как обстояло четыре месяца тому назад. Потребуй от Павла[1] копию с письма генерала к Дибичу, оно очень лестно для нас, но, по крайней мере, если бы было больше последствий. Впрочем, я об этом не думаю, мне досадно заниматься вещами, которые не доставляют мне ни выгоды, ни удовольствия. Поблагодари Александра Бакунина за точность, с которой он исполнил мое поручение, и передай миллион приветствий его жене[2]. Будь здорова, дорогая Катенька, и пиши мне чаще. Мне очень радостно получать известия от тебя, и я сам постараюсь посвящать тебе минуты своего хорошего настроения. Будь здорова. Прощай.

Я не поручаю тебе ничего передавать другим... так как это средство заставит о себе вспомнить.

---

* Подлинник на франц. яз. (перевод А. А. Сиверса).

19. ЕКАТЕРИНЕ МУХАНОВОЙ *

Киев, 18 марта [1825 г.]

Ты, кажется, дорогая Катенька, хочешь отомстить за неаккуратность, которую я внес в нашу переписку, или, быть может, ты таким образом думаешь подбить меня написать тебе. Но твои письма для меня гораздо приятнее, чем мои к тебе. Я нахожусь в невозможности дать тебе даже сведения, касающиеся меня лично, вследствие зависимости, в которой я нахожусь теперь. Никакого ответа из Петербурга, никаких известий по поводу нас, бедных адъютантов. Генерал, который относится к нам с удивительной добротой, начинает беспокоиться за нашу судьбу... Не подумай, дорогая Катенька, что эта неопределенность приводит меня в дурное расположение духа, совсем нет... отсутствие усердия и любви к службе дает мне покой, и что бы ни случилось, будет ни чересчур приятно, ни чересчур скверно. Поговорим о погоде, она ужасна, идет снег, дождь, сыро, мы сидим взаперти в комнатах. Сообщи мне, дорогая, как твое здоровье. Лучше ли тебе, выходишь ли, бываешь ли у сестры, как идет их семейная жизнь: передай Вало [1], что граф Воронцов [2] только что проехал через Киев, направляясь в Петербург, где он предполагает остаться до 10 апреля, а потом он проведет еще месяц у своей тещи [3] — следовательно, у него еще два свободных месяца. Напиши мне, что делается у вас, остановились ли вы на Спасском в качестве летнего местопребывания, и вообще о разных других вещах, которые меня интересуют. Поцелуй ручки у матушки и передай привет людям, которые еще окончательно меня не забыли.

Преданный тебе брат Петр.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее превосходительству Катерине Александровне Мухановой. В Москве на Молчановке в доме священника прихода Николая на Песках.

20. Н. А. МУХАНОВОЙ

[Киев,] 22 марта [1825 г.]

Любезная маменька, поздравляю вас с наступающим праздником [1] и желаю, чтобы вы его провели весело и

* Подлинник на франц. яз. (перевод А. А. Сиверса).

приятно. Давно не имею от вас известия, если вы хотите наказывать меня за мою неаккуратность, то дурно делаете: часто писать письма зависит не от нас, для сего нужно кроме желания писать и доброе расположение, а я по многим обстоятельствам нахожусь в таком духе, который и мне скучен. Еще ничего нет об моей службе, бог знает, будет ли что, но сие меня еще не много беспокоит, потому что есть куда деваться. Прошу покорно вас сообщить Валентину, что граф Воронцов проехал в Петербург, где должен пробыть 1 месяц и по возвращении своем останется еще один у тещи. Поэтому может он быть покоен на два месяца, после чего его, как кажется, ждут — по крайней мере, так говорил мне его товарищ Франк[2].

Сестру целую и поздравляю с праздником; дай бог, чтобы она провела его на гулянье.

Ваш многолюбящий сын Петр Муханов.

21. Н. Н. МУРАВЬЕВУ[1]

Чина Хчи, 7 июня [1825 г.] *

Любезный Николай Николаевич.

Как разрушаются все проекты наши. Какой труд нашего воображения, все ночные беседы наши; с прискорбием уведомляю тебя, любезный друг, что дочь адмирала — замужем. Вот извлечения из письма Бакуниной <...>[2]. Давно ли мы толковали об этом. Любезный Николай, я думаю возвратиться скоро из Карабаха и быть у тебя на всякий случай. Если бы я нашел серую лошадь в Приютине к 19 июня, был бы очень доволен, дабы скоро приехать к тебе, не останавливаясь ночевать.

Все другие проекты столь же неудачны. И мы снова будем изыскивать средства улучшить и устроить наше настроение. Уверен, что тебе не только прискорбно должно быть известие, но, по крайней мере, оно решительно. Прощай, будь здоров. Преданный тебе Петр Муханов.

22. Н. Н. МУРАВЬЕВУ

[Начало июля 1825 г.] **

Любезный Николай Николаевич.

Прошу тебя прислать мне верховую лошадь, дабы во

* Помета Н. Н. Муравьева: «Пол[учено] 21 июня».
** Помета Н. Н. Муравьева: «Пол[учено] 6 июля».

вторник мог я выехать в Май Глис[1]. Другую прошу выставить в Приютине[2].

Многолюбящий тебя П. Муханов.

Вели рисунок кузова коляски сделать Романову[3] по размерам.

23. М. П. ПОГОДИНУ[1]

[Москва, октябрь — не позднее 26 ноября 1825 г.][2]

Известия от г. Булгарина нет никакого, но надеюсь, что скоро получу ответ, и, может быть, и сам он вам напишет. Надеюсь, что дело сладится. Очень покорно прошу, когда возможно, доставить книгу.

Вам много преданный Петр Муханов.

24. М. П. ПОГОДИНУ

[Москва, октябрь — не позднее 26 ноября 1825 г.]

Не можете ли вы, почтенный Михайло Петрович, прислать ко мне знаменитого зубного врача вашего или сказать подателю сего, где он живет. Один знакомый мой страждет от зубной боли и, испытав недействительность лекарства, прибегает к силе слова.

До свидания. Вам преданный Муханов.

25. М. П. ПОГОДИНУ

[Москва, октябрь — не позднее 26 ноября 1825 г.]

Вот вам «Новый год» и «Визитные карточки». Делайте, что хотите,— соедините, разлучите, выправьте,— но прошу вас возвратить оригинал «Воскресенья», ибо подаю в цензуру в понедельник. Равно и «Светлую неделю», которая гораздо лучше всего стала.

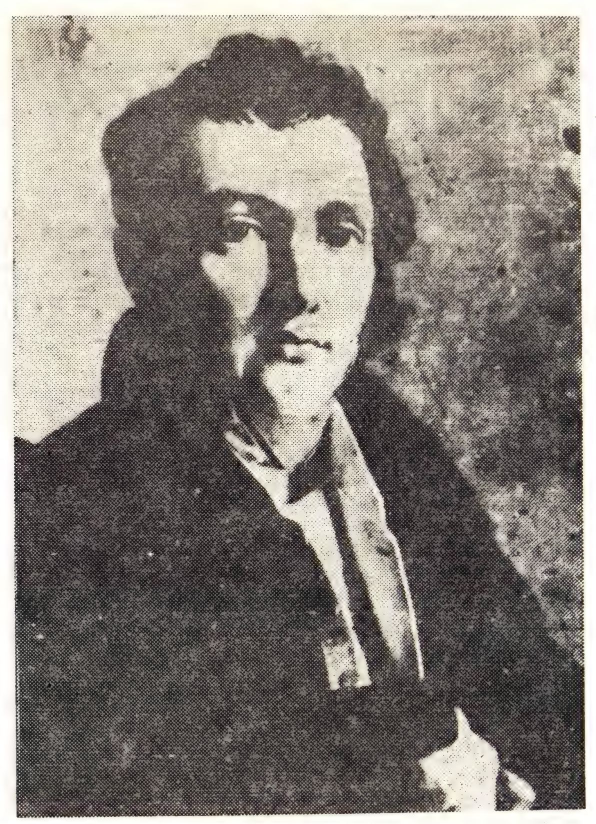
Пришлите обещанные стихи — поболее.

Z. Z.[1]

26. Е. А. и В. М. ШАХОВСКИМ

[Петропавловская] крепость, 19 июня [1826 г.]

Любезные друзья. Удивлению и радости моей нет меры. Тем более, что я получил письмо ваше в самое



В. М. ШАХОВСКОЙ, МУЖ СЕСТРЫ ДЕКАБРИСТА
Художник Ф. А. Тулов. 1830-е гг. ГИМ

мгновение, когда и прошлое и будущее — все скопилось и сильно налегло на сердце. Благодарю вас за ваше попечение. Какая недоверчивость устоит от доказательств вашей дружбы... но не надобно вас хвалить, чтобы вы не зазнались.

Без сомнения, общая и многочисленная благодарность всех родных служит лучшим утешением почтенного генерала Левашова [1], умевшего соединить звание судьи с благотворителем. Жаль, что он не видит излияния радости, им произведенной в темнице.

Я еще цел — терплю, страшусь, скорблю беспрестанно.



Е. А. ШАХОВСКАЯ, СЕСТРА ДЕКАБРИСТА

Художник Ф. А. Тулов. Конец 1820-х гг.
Музей декабристов (Москва)

Друзья мои, тщеславие в сторону, здесь поколеблется и философ, когда скопятся тьмы забот за себя и за других. Кто переменит природу человека, всегда заглядывающего за темную завесу будущего, а сквозь темную дверь не видно ничего. Если бы не было помощи Всевышнего, ощущающего молитвы каждого, кто бы уцелел, особенно кто с живым сердцем. Философствуешь — а мысли являются, кто их удержит? Не все Сократы[2]. Впрочем, если бы вырвать у человека эту мучительную заботливость о людях, близких к сердцу, и наполнить его одною фило-

софиею—это была бы сухая книга, годная в шкап. Притом вы сами знаете, что я хоть провел жизнь свою скитаясь, но гляжу все в одну сторону. Бог знает, приведет ли бог когда-нибудь быть там, т. е. дома.

Весьма сожалею, что [ты] была больна и принуждена дочь свою [3] уступить другой матери. Впрочем, если здоровье твое и ее стало прибывать, то хорошо быть благоразумными. Здоровье сестры твоей [4] меня много тревожило и тревожит, сожалею, что она еще в С.-П[етер]б[ур]ге. Дай бог, чтобы обстоятельства благоприятствовали ей скорее уехать. Это желание без всякого себялюбия, как и все, что я делаю, ибо иначе мог бы и я ее увидеть хоть мельком. Кланяйся ей, я искренне желаю ей прежнюю тишину и прежнее благополучие. Из известий о поездке сестер твоих я заключаю, что они поправились здоровьем, и душевно рад за них. Напиши им и особенно к[няжне] В[арваре] М[ихайло]вне [5], уверяй в моей искренней к ней привязанности. Попроси от меня Lili [6] сделать то же, она, без сомнения, с радостью исполнит этот труд, которого я хотел, но не мог 5 месяцев найти возможность (по праву искренней дружбы) [исполнить]. И верно, она не поскупится в горячности выражений, впрочем, все еще скудно выражающих то, что бы я сам хотел сказать.

Прошу ее не обижаться, но я имею явное и яркое доказательство ее дружбы и весьма был бы рад, если бы она воспользовалась небольшим белым пространством, оставшимся в твоем письме. Надеюсь, что теперь ты чаще будешь видеться с ними. Целую вас от всей души. Еще раз благодарю вас, мои милые друзья, и желаю, чтобы вы зажились в П[етер]б[урге], дабы как-нибудь встретить вас. Бог да хранит вас.

Вас обнимающий брат Петр Муханов.

Прошу вас кланяться дядюшке Николаю Александровичу и жене его и благодарить за его участие и снабжение меня вещами, ежедневно мною употребляемыми. Равно и Николая Муханова [7], который мне оказал большую услугу.

Брата нашего Александра Ботова [8] я встретил мельком у дверей судилища от его [зоны], по несчастью, не мог его расцеловать и сказать двух слов. Он не изменился, кроме бакенбард огромных. Пиши матери разных утешительных известий. Ты знаешь, что я ничего не могу ей сказать, кроме фраз, плохо выдуманных. Постарайся ее утешить

чем-нибудь — она беспокоит меня, а помощи нет в моих руках.

27. Н. А. МУХАНОВОЙ

[Петропавловская] крепость, 4 июля 1826

Любезная матушка. Предоставляю Лизе сообщить вам подробности нашего свидания[1], уверившего ее, что я довольно здоров и довольно бодр духом. Бог посылает крепость, и, без сомнения, удовольствие видеть ее еще подкрепило меня. Надеюсь, что и вы ищете утешения в том же неисчерпаемом источнике с уверением, что самые сильные несчастия всегда оставляют большую пользу. Берегите ваше здоровье и бедную сестру. Старайтесь развлекать себя от пасмурных мыслей и не вдавайтесь в горе. С нетерпением ожидаю ваших писем и надеюсь получить утешительные известия об вашем здоровье. Дай бог, чтоб воздух имел хорошее влияние и исправил хворую сестру.

Прощайте, любезные мои, да хранит вас бог своим милосердием.

Ваш многолюбящий сын П. Муханов.

Брату кланяйтесь и еще более любите Лизу и Валентина за их привязанность ко мне в дни горя.

28. Н. А. МУХАНОВОЙ

Иркутск, 24 ноября [1827 г.]

Любезнейшая матушка.

С восхищением пользуюсь случаем написать вам два слова. Может быть, через несколько дней и сего будет невозможно сделать, притом изъявление моего чувства вам сопряжено с такими опасностями, что вы сами, может быть, отречетесь от сего желания. Впрочем, ручаюсь вам, что я все буду делать, чтобы не оставить вас в неизвестности и беспокойстве о[бо] мне. Успокоить вас — во что бы то ни стало — мой долг. Особенно теперь, когда ужасные слухи о будущем нашем жилище должны уже дойти до вас и вас ввести в сильнейшую печаль. Но если большая часть из них и справедлива, вы, без сомнения, будете продолжать верить, что бог помогает в напастях и облегчает всякого роду страдания. Помощь его явна, и молите бога, чтобы он двигал и укреплял мой дух в продолжение

долгого поприща горести, мне предстоящего. Уверяю вас, что не только язык мой, но и в глубине сердца моего не было произнесено ни одного слова ропота против судьбы моей. Я так уверен в премудрости того, кто блюдет над людьми, что слагаю в сердце мое благословение ему. Его [не] пустые утешения, которыми забавляют слух матерей, но правда — истина. Бог да хранит вас.

Ваш многолюбящий сын Петр Муханов.

29. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Читинский острог. 24 марта 1828

Милостивая государыня Елизавета Александровна![1]

Зная, сколь утешительно иметь в общей горести вашего семейства хоть самое ограниченное известие о вашем брате, мне особенно приятно успокоить вас тем, что мне известно от товарища участи его и заточения, моего мужа[2].

Здоровье его в хорошем состоянии, и постоянные известия о вас успокаивают, сколько возможно, беспрерывную о вас заботливость. Он слишком много любит вас и слишком явно представляет себе еще ничем не изменившееся ваше огорчение, чтобы быть покойным насчет вас. К сожалению, вы не можете иметь собственных от него свидетельств самой нежнейшей к вам привязанности, но уверенность ваша в неизменяемость его чувств совершенно подтверждает то, что я вам пишу. Петр Александрович усерднейше благодарит матушку и сестрицу за извещение их о себе, в котором, кажется, они постояннее вас. Удостоверяю вас, что он ни в чем не имеет надобности, ничего не желает, кроме известия о тех, которые ему всегда и везде любезны и бесценны, впрочем, все родные его совокупляют доказательства своей живейшей о нем заботливости.

Братец ваш просит изъявить особенную его дружбу сестрице мужа вашего Елизавете Михайловне. Исполнив священную обязанность, известив вас о любезном вам брате, честь имею желать вам твердости и спокойствия души, столь необходимых в нашем положении.

С искренним почтением до гроба душою вам преданная Александра Ентальцева.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству, ми-

лостивой государыне княгине Елизавете Александровне Шаховской на Пречистенке в собственном доме в Москве.

30. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Читинский острог, 22 апреля 1828

Я очень рада [1], милая моя Лиза, что, находясь столь далеко от вас и несмотря на трудности моего положения, у меня еще есть возможность иногда вам писать. Теперь я постараюсь успокоить вас по поводу вашего несчастного брата Петра. Он вполне здоров. Я твердо это знаю, т[ак] к[ак] мой муж [2] передал мне недавно подробные известия о нем. Вашего брата только что перевели в ту же самую тюрьму, где находится мой муж. Они живут там в большой тесноте, но, по крайней мере, есть просторный двор, где можно подышать воздухом. Вы должны были бы, дорогая Лиза, писать вашему брату чаще, чем вы это делаете. Здесь это единственное для него утешение.

Господин Муханов просит вас получить у его брата Павла все книги, которые я вам назову:

1. Словарь английского и французского языков Сэлмона, 24 издание, переработанное Стоуном [3].

2. Краткое изложение истории Франции и Англии Бодэна [4], изд. в Брюсселе.

3. Статистика русского государства [5].

4. Древняя русская география Сиверса и Погодина [6].

5. Песнь о полку Игореве [7].

6. Сочинения Спасского и при оных карту топографического дела [8].

7. О древних русских обычаях. Соч. Успенского [9] и другие книги о России, которые отданы были Николаю Алексеевичу Луговому [10].

Вы понимаете, мой добрый друг, что я очень рада воспользоваться случаем и выразить вам еще раз чувство своей женской преданности. Поверьте, дорогая Лиза, ничто на свете не сможет изменить моей дружбы к вам, на которую, как мне хотелось бы думать, вы захотите ответить столь же искренне. Передайте мое почтение вашей маменьке. Обнимаю любезную Катрин и вас, милая моя Лиза. Прощайте. Привет от меня вашему милому мужу.

Елизавета Нарышкина.

---

* Подлинник на франц. яз.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству княгине Елизавете Александровне Шаховской в Москве на Пречистенке в собственном доме.

31. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Чита, 28 июля 1828 **

Я очень рада, мой добрый друг Лиза, что известия о вашем брате, сообщенные мной ранее, дошли до вас. Это побуждает меня писать вам чаще. Сегодня я могу снова уверить вас, что ваш милый Петр чувствует себя прекрасно. Он благодарит ваше дорогое семейство за бесценные письма, которые от него получает. Он глубоко тронут заботой, которую вы все проявляете по отношению к нему. Всем сердцем он искренне и нежно остается навсегда вам предан.

Поскольку мои невестки [1] еще не вернулись из деревни, я хотела бы обратиться к вашему мужу с небольшим поручением. Речь идет о передаче приложенного сюда письма господину Саймонову [2] или его поверенному Василию Семеновичу Кушаковскому. Я обращаюсь к вашему мужу, зная о присущей ему любезности, а также и то, что даже сейчас ему не захочется мне отказать. Передайте ему мой привет, а от вашего брата самые нежные и дружеские пожелания. Всякий раз, когда ваш брат передает через моего мужа, что он хочет, чтобы я служила ему секретарем и выражала бы чувства, которые он питает к своему семейству, он не забывает никогда при этом добавить: «пожалуйста, чтобы она писала моей милой Лизе и ко всем родным понежнее, как можно понежнее». Таким образом, мой дорогой друг, вы должны упрекать не вашего брата, а меня за то, что от писем, которые я пишу от его имени, не воспламеняется бумага. Я еще очень неумело выражаю мысли и чувства других, хотя упражняюсь в этом искусстве уже целый год. Милая моя Лиза, я вынуждена попрощаться с вами, мне надо еще тысячу писем отправить сегодня утром. А если бы я заговорила о своей дружбе к вам, вы нашли бы все это ничтожным после всех уверений в безграничной привязанности, горячей любви и преданности и т. д., которые я попыталась вам передать от

---

* Подлинник на франц. яз.

** Помета Е. А. Шаховской: «Получено 1-го октября».

имени вашего брата Пьера. Прощайте, мой добрый друг. Передайте мое почтение вашей милой маменьке и скажите вашей сестре, что я прошу ее иногда вспоминать обо мне. Чуть не забыла вам сказать, что ваш брат получил только что посланные ему 15 томов.

Еще раз прощайте.

Елизавета Нарышкина.

Только что мне передали письмо от вашей маменьки с несколькими строками, написанными дорогой Катрин. Успокойте ее, что я чувствую себя хорошо и что я глубоко тронута участием, которое они обе во мне принимают. Надеюсь, что госпожа Муханова уже получила все мои известия о вашем брате.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству княгине Елизавете Александровне Шаховской в Москве на Пречистенке в собственном доме.

32. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Чита, 1 сентября 1828

Ваш брат просит меня передать вам, мой добрый друг Лиза, миллион нежностей и сердечных пожеланий вам и вашему мужу. Вы оба так дороги ему, что этого не выразить словами. Он даже заверяет, что ваш муж внушает ему более глубокое чувство дружбы, чем то, которое он испытывает к вам. Думаю, что вы не будете завидовать мужу, не поспешите занять его место в сердце вашего брата и не будете недовольны признанием, которое только что было вам сделано. Петр умоляет вас не отчаиваться так из-за него. Он стойко переносит свою судьбу и хотел бы, чтобы вы свыклись с мыслью о том, что он в Сибири. Он обращается к вашей сестре Катрин и хвалит ее за силу характера и за мужество, с которыми она переносит все свои несчастья. Ваш брат просит вас, дорогая Лиза, повергнуть его к стопам вашей матушки, чтобы сказать ей, как он тронут всеми знаками ее любви и нежной заботы, которую она неустанно выражает. Он говорит, что то единственное, к чему он никогда не привыкнет,— это знать, что она столь несчастлива из-за него. Господин Муханов просит вас послать ему в этом году все книги, которые я сейчас укажу. Но он умоляет вас не посылать

* Подлинник на франц. яз.

их все одновременно, чтобы не разориться из-за этого. Ему известно, что у вас есть такая благородная привычка. Вы возьмете все эти труды у Граева[1]. Вот о чем идет речь:

— Шлоссер[2]. История XVIII века, перевод с немецкого, в 2-х томах.

— Сарторисье[3]. История <...>* городов, перевод с немецкого, в 1 т.

— Семиоре[4]. Размышления о причине величия и упадка испанской монархии.

— Гизо[5]. История Англии от пришествия на престол Карла...

— Холлау[6]. Европа в средние века, перевод Дезре, в 2-х томах.

— Лалеман[7]. История Колумбии, в 1 томе.

— Бодуи[8]. Краткое изложение истории Франции, в I томе.

— Барто[9]. Краткое изложение истории Соединенных Штатов.

— Пеше. Современное положение колоний в Индии, представляющее продолжение Рейналя, в 2-х томах[10].

— Тьерри[11]. История завоевания Англии норманнами. 3-е издание, в 3-х томах.

— Путь к Христу[12].

— Учебник Эпиктета[13] (краткое изложение учения...)

Сможете ли вы разобрать мое писание? Простите меня, что я посылаю его в таком неаккуратном виде, но я очень плохо себя чувствую. Прощайте, покидаю вас без промедленья, но уверена, что вы на меня не обидитесь. Обнимаю вас.

Елизавета Нарышкина.

Мое почтение вашей матушке, передайте привет вашему мужу и дорогой Катрин. Забыла ей сказать, что брат поздравляет ее с наследством, которое она только что получила**.

Покорнейше прошу приказывать хорошенько закупривать [письма] и делать надпись, чтобы не могло произойти какого-либо затруднения.

---

* Одно слово неразб.

** Далее по-русски.

33. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Чита, 16 сентября 1828

Ваш брат просит вас, мой дорогой друг Лиза, выразить всю его признательность вашей милой маменьке за ее полные любви письма. Он говорит, что отдал бы жизнь свою за то, чтобы она была спокойнее и счастливее. Ваш брат также чрезвычайно тронут всеми любезными и нежными пожеланиями, которые вы и дорогая Катрин ему выражаете. Он вас благодарит за посылки, которые вы ему все время отправляете. В них он находит все, в чем мог бы нуждаться. Но он все время уверяет, что имеет все необходимое и желает получить лишь книги, названия которых я вам указала в предыдущем письме, и то не все сразу, а в течение этого года. Не откажите в любезности добавить к уже названным трудам еще и «Историю Голландии» Шиллера[1], словарь английского языка Уолкера[2] и эссе о «Духе и влиянии реформации» Виллерса[3], в 1 т., в 12°. Месье Пьеру не терпится узнать о вашем благополучном разрешении от бремени. Он желает всевозможного счастья всему семейству, кланяется Лили и шлет тысячу любезных пожеланий вашему мужу, которого он очень любит. Сейчас, дорогая Лиза, пришла моя очередь поблагодарить вас за ваше письмо, свидетельствующее о том, что вы испытываете по отношению ко мне былое чувство дружбы. Я никогда не сомневалась в ваших чувствах и уверяю вас, что отвечаю вам тем же. Прощайте, мой добрый друг, продолжайте иногда писать мне. Поверьте, что я остаюсь нежно вам преданной.

Елизавета Нарышкина.

Мое почтение вашей маменьке и тысяча приветствий от моего имени Катрин и вашему мужу.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству княгине Елизавете Александровне Шаховской в Москве на Пречистенке в собственном доме.

34. Е. А. ШАХОВСКОЙ**

Чита, 3 ноября 1828

Прошу тысячу извинений, мой добрый друг Лиза, за то, что так долго вам не писала. Но в этом, признаюсь

---

* Подлинник на франц. яз.
** Подлинник на франц. яз.

вам, я так же виновата, как и ваш брат. Представьте себе, что он начал церемониться со мной, делал вид, что неохотно пользуется моими услугами для передачи вам его поручений. С тех пор, как вашего брата перевели в другую тюрьму, мой муж больше не видит его на работах. Но я узнала определенно, что чувствует он себя хорошо и что ваши письма радуют его и утешают. Дорогая моя Лиза, на этот раз я вас быстро покину, так как уже поздно и я должна тотчас же отправить свою почту. Прощайте. Очень нежно обнимаю вас и посылаю привет вашему мужу.

Е. Нарышкина.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству княгине Елизавете Александровне Шаховской в Москве на Пречистенке в собственном доме.

35. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Чита, 10 ноября 1828**

Ваш брат был очень счастлив, милая моя Лиза, узнав новость о вашем разрешении от бремени[1]. Он приветствует вашего новорожденного со всей радостью и удовольствием, с надеждой, что господь сохранит его для вас и ниспошлет ему безоблачное счастие. Вот уже две недели, как ваш брат не имеет от вас никаких вестей. Он начинает беспокоиться, а я начинаю винить неаккуратность почты, чем строить предположения, что с кем-нибудь из вас случилась неприятность. Примите, мой дорогой друг, мои пожелания благополучия всему вашему семейству и поздравления по поводу появления на свет вашего маленького Петра. Господин Муханов просит вас выразить всю его сыновью нежность матушке и самую искреннюю преданность сестре Катрин, письма которой непременно доставляют ему истинное удовольствие. По-видимому, он сильно привязан ко всему семейству, а к вам и вашему мужу, дорогая Лиза, он испытывает безграничную нежность. Он обнимает вас обоих от всего сердца. Я вынуждена тотчас вас покинуть, так как мне надо написать еще много писем. Но прежде я хочу уверить вас в моей неру-

* Подлинник на франц. яз.
** Помета Е. А. Шаховской: «Получено 18 янв[аря]».

шимой дружбе. Прощайте, добрый мой друг. Вспоминайте иногда обо мне.

Е. Нарышкина.

Передайте тысячу пожеланий вашему мужу и милой Катрин от моего имени, а вашей матушке засвидетельствуйте мое почтение. Я только что узнала, что ваш брат получил сейчас письмо и деньги от вас. Дорогая моя Лиза, я советую посылать вам письма губернатору Иркутска [2], а не на имя генерала Лепарского [3], как вы это делаете.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству княгине Елизавете Александровне Шаховской в Москве на Пречистенке в собственном доме.

36. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Чита, 30 декабря 1828 **

Ваш брат вам очень признателен, милая моя Лиза, за ваши любезные письма и просит вас обнять за него вашего замечательного мужа, к которому он сохраняет чувства былой дружбы. Он искренне желает, чтобы дети были для вас радостью и утешением. Выражая нежнейшие пожелания своей матушке, он очень просит ее больше заботиться о своем здоровье, чем о его, ибо здоровье у него прекрасное, несмотря на суровые здешние холода. Он благодарит вас за все ваши посылки, но не может на них согласиться, зная ваше стесненное положение. Чтобы успокоить вас по этому поводу, он напоминает вам, что его нужды сводятся здесь к самому малому. Он настаивает на том, чтобы вы посылали ему только самое необходимое для его существования. Он восхищается своей замечательной кузиной Лили, но упрекает ее за некоторые слишком грустные размышления, а также сердится на свою сестру Катрин, которая недостаточно щадит себя, принимая все слишком близко к сердцу. Я имела удовольствие получить сегодня ваше письмо, дорогая Лиза. Оно огорчило меня, когда я дочитала до того места, где вы подробно рассказываете о ваших страданиях и трудностях вашего выздоровления после родов. Надеюсь, что сейчас вы чувствуете себя уже вполне хорошо, чтобы отдаться целиком заботам, которых требует ваше маленькое семей-

---

* Подлинник на франц. яз.

** Помета Е. А. Шаховской: «Получено 2 марта 1829».

ство, Я желаю ему всевозможного благополучия. Обнимаю вас, дорогой друг, от всего сердца.

Е. Нарышкина.

Передайте привет вашему мужу.

[*На обороте второго листа адрес:*] Княгине Елизавете Александровне Шаховской, Московской губернии в гор. Волоколамске.

37. В. М. ШАХОВСКОЙ *

Чита, 12 генваря 1829

Как я счастлива, дорогая княжна, милый ангел мой Варенька, что я имею возможность выразить вам свою признательность за вашу заботу о всех нас; ваша настойчивость в исполнении наших малейших пожеланий давно уже вызывает мое восхищение[1]. Поверьте, милая княжна, если я не выражаю свои чувства привязанности и преданности вам в письмах, которые просматриваются властями, то просто из-за собственного эгоизма. Если там догадаются об одной из наших частных связей, мы, узники, лишились бы утешения, а вы сами, посвятившая всю себя облегчению страданий всех тех, кто погибает от враждебного отношения, что испытали бы вы сами? Ваша миссия утешительницы слишком важна для нас, чтобы я ею злоупотребляла. Что касается тайных путей, то нас о них никогда не предупреждают. А этот я знаю только благодаря милому Муханову. Он чувствует себя очень хорошо, ведет ограниченный образ жизни <...>**. Иногда узники навещают друг друга, переходя из одной тюрьмы в другую, устраивают вечера. Но Муханов слишком серьезен для таких развлечений. Что касается меня, то я всегда одна, вижусь очень редко с моими подругами. Смерть моего сына[2] подействовала на меня ужасным образом. Никто меня не может развлечь. Мысль об одиночестве в будущем меня угнетает. Я не представляю себе, что со мной будет, когда мои подруги будут нянчиться со своими детьми, а у них у всех будут дети[3], за исключением Каташи[4] и, может быть, еще госпожи Н[5].

Милая княжна, молитесь за меня, да окажет господь мне милость быть [поддержкой] для моего несравненного

---

* Подлинник на франц. яз.

** Одно слово неразб.

Сергея[6]; можно быть счастливым всюду.

Мой милый Сергей — мой ангел-хранитель. Как бы он вам понравился, если бы с ним познакомились. Муханов очень дружен со мной, я часто хожу повидаться с ним к ограде. Я его очень люблю, у него открытая, прекрасная душа. Он постоянен в своих привязанностях и ведет себя по отношению к друзьям с большим тактом. Он обожает Гектора[7], защищает его от всех и добился, чтобы его здесь оценили по заслугам. Скажите мне, милая Варенька, кто теперь является цензором наших писем. Признаюсь вам, что у меня сердце кровью обливается, когда я думаю о том, что письма, которые я здесь получаю, просматриваются. Представьте себе, что кто-то отсюда пересказал слово в слово Александрине[8] письмо, которое мне папа написал из России. И она была вынуждена выслушать, как он его повторял по памяти какому-то служащему из Кяхты. Поверьте, что мне это очень тяжело. Соединимся ли мы когда-нибудь с нашими мужьями? Что говорят о нас женщины у вас? L. на меня разгневался из-за шутки моей матушки, которая утверждала, что S[on] Ex[cellence]* украл штуку грубого полотна, полученного для меня[9]. Наш старик добр, но тонкий политик; он ведет себя достаточно умно, держит нас в неизвестности и заставляет верить, что 14 часов — это полдень**.

Как я благодарна милому Петру за то, что он указал мне способ вам писать, дорогой и милый друг. Я не могу называть вас иначе, продолжая обращаться к вам как к княжне. Вы своими действиями доказываете мне, что вы сестра не только Муханову, но и всем нам.

Знаете, чем занята Пашенька?[10] Делает мне повозку. Она утверждает, что колеса уже готовы. Эти господа из острога делают часы, браслеты, папки, медали, люстры — все это из старых обломков дорожных сундуков, ламп.

Я прощаюсь с вами, милая моя Варенька, прошу вас обнять ваших сестер со всей нежностью от моего имени. Мое почтение и дружеский привет вашему зятю[11]. Я писала вам два раза официальным путем: первый раз когда посылала 25 руб. на тулуп, второй раз — заставя успешно попросить L. передать вам письмо в собственные руки. Прощайте. М. Волконская.

---

* Его сиятельство (франц.).

** Франц. пословица: невозможно искать полдень в 14 часов.

Пошлите мне облепиху и фунт зеленого чая для <...>*. Я сделаю ликер из ягод и буду пить его с Мухановым за ваше здоровье. Я совсем не писала вам на этой неделе, так как потеряла записку, которую он составил для меня. Напишу в будущую субботу. Нежно целую вашу прелестную племянницу[12]. Молитесь за то, чтобы мы с мужем были вместе, милая моя Варенька, ваши молитвы доходят до [небес?] Я очень рада, что вы написали М.[13] Он был в полном отчаянии, не имея от вас известий.

38. Е. А. ШАХОВСКОЙ**

Чита, 1 февраля 1829

Дорогая моя Лиза, ваш брат получает теперь все ваши письма с безукоризненной аккуратностью и очень быстро, благодаря зиме. Он счастлив, что все спокойны и здоровы. Ему хотелось бы знать, что его сестра Катрин уцелела после всех своих докторов. Он надеется, что из чувства признательности к его лечению и из уважения к его учености, она [выздоровеет]. Ваш брат поздравляет вашего мужа с новой службой[1], которая, наверное, не лишит его удовольствия трудиться на благо своего семейства. Он благодарит свою матушку, пославшую ему табак по почте. Он прибыл вовремя, еще бы немного и ваш брат остался без табака. Он вас предупреждает, что не хочет больше пользоваться дорогим табаком и что надо посылать ему такой, что продается по три рубля за фунт у Симеоновского моста в Петербурге. О его здоровье я могу вам сообщить удовлетворительные известия. Чтобы доказать вам, что он сохраняет прежние размеры, он замечает, что вы посылаете ему белье разного размера, а он советует придерживаться прежнего. Он шлет вам миллион нежных и сердечных пожеланий, которые вы передадите каждому члену вашего семейства. Он тронут дружбой его любезных кузин Лили и Клеопатры.

Перед тем, как запечатать письмо, дорогая Лиза, сердечно обнимаю вас. Передайте мой привет Катрин и вашему мужу. Прощайте.

Е. Нарышкина.

---

* Одно слово неразб.

** Подлинник на франц. яз.

Отправляйте ваши письма на имя губернатора Иркутска.

[*На обороте второго листа адрес:*] Княжне Елизавете Александровне Шаховской, Московской губернии в гор. Волоколамске.

39. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Чита, 16 марта 1829

Мне нет нужды говорить вам о том, дорогой друг, как я разделяю ваше горе со смертью вашего второго сына[1]. Я восхищена вами за то безупречное смирение, которое вы проявляете. Ваш брат получил ваше письмо от 4 февраля. Ему непонятно, как так происходит, что вы не получаете о нем вестей, потому что кроме писем, которые пишу вам я, княгиня Волконская каждый месяц пишет вашей маменьке. Ваш брат чувствует себя хорошо. Он так счастлив, получая все ваши добрые и нежные письма. А Катрин развлекает его рассказами о всех родственниках. Он просит ее выразить его благодарность всем тем из них, кто его не забыл. Он благодарит свою добрую маменьку за ее нежную заботу, целует у нее ручки, обнимает Катрин, а вам и вашему мужу говорит, что будет вас всегда любить, как нельзя более нежно.

Прощайте, дорогая Лиза. Господь с вами! Привет вашему мужу.

Е. Нарышкина.

Если бы вы были для меня чужой, я бы не осмелилась послать это письмо с чернильными пятнами. Я пишу с трудом, вот уже четыре месяца я не выхожу из комнаты, т[ак] к[ак] здоровье мое расстроено уже давно.

[*На обороте второго листа адрес:*] Княгине Елизавете Александровне Шаховской, Московской губернии в гор. Волоколамске.

40. Е. А. ШАХОВСКОЙ**

Чита, 20 апреля 1829

Ваш брат благодарит вас, дорогая Лиза, за ваше письмо от 3 марта. В нем, как всегда, он нашел много самых

---

* Подлинник на франц. яз.

** Подлинник на франц. яз.

нежных пожеланий. Он очень тронут теми чувствами, которые выражает ему ваш замечательный муж. К нему ваш брат также испытывает чувства самой искренней дружбы. Ваше пребывание в Москве, несмотря на его краткость, было очень приятно для вашей маменьки и милой Катрин. Ваш брат не находит слов, чтобы поблагодарить вас за любезные утешения, которые вы в себе стараетесь для него отыскать. Скажите им, что господин Муханов им неизменно и искренне предан, что он страдает от бесполезности своих пожеланий и оттого, что ни в чем не может им помочь.

Вы жалуетесь на то, мой добрый друг, что я не сообщаю вам никаких подробностей о положении и образе жизни вашего брата, но размеры писем могут быть только очень ограниченными. Надо, чтобы вы примирились с их краткостью и незначительностью. Только такие письма можете от меня получать. К тому же, дорогая Лиза, вы не узнаете из них ничего нового и приятного о жизни, которую ведет ваш брат. Тюремная жизнь всегда однообразна, грустна и несчастлива. Он часто бывает на воздухе, в тюремном дворе. Конечно, он может совершать лишь маленькие прогулки, но это лучше, чем ничего. Он много занимается историей России, читает по-английски и сетует на свою тетушку Юлию[1], которая могла бы послать ему вместе с приветом краткие издания трудов английских историков.

Ваш брат благодарит маменьку за табак и за зимнюю одежду, которая вскоре ему пригодится, т[ак] к[ак] наша зима никогда не заставляет долго себя ждать.

Дорогая моя, милая Лиза, благодарю вас за ваше последнее письмо, из которого я вижу, как искренна ваша дружба ко мне. Я уверена, что обрадую вас, сообщив, что около месяца я вижусь с Михаилом[2] каждый день. Следовательно, исполнилось мое самое заветное желание. Здоровье мое восстанавливается с трудом после того, что я выстрадала в течение этого года, и особенно во время зимы. Но я надеюсь летом прийти в себя. Вот видите, на этот раз я выполняю то, что вы так любезно требуете от меня, дражайшая Лиза, в ваших письмах я рассказываю о себе.

Мой муж очень тронут вашим приветом и посылает вам тысячу пожеланий. В то время как я пишу вам это письмо, он рядом со мной. Это так ново для нас. Прощай-

те, любезнейшая моя Лиза, нежно обнимаю вас и приветствую вашего мужа.

Е. Нарышкина.

Мое почтение вашей милой маменьке и нежные приветы Катрин. Как она сейчас себя чувствует?

[*На обороте второго листа адрес:*] Княгине Елизавете Александровне Шаховской, Московской губернии в гор. Волоколамске.

41. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Чита, 25 мая 1829

Дорогая моя Лиза, ваш брат настаивает, чтобы я начинала свои письма с выражения его преданности вам и вашему мужу. Он хотел бы получать от вас известия только о том, что вы здоровы и счастливы. Он просит засвидетельствовать его милой матушке все его почтение и нежность. Ее огорчения причиняют ему много страданий. Он также очень опечален, узнав о болезни своей дорогой Катрин. Ваш брат вполне здоров. В конце весны он оставит свою работу мельника и займется работами на земле. Вот все, что я могу вам сообщить о его жизни. У нас все дни похожи один на другой, и даже самые интересные занятия не что иное, как просто средство провести время. Ваш брат просит отправить ему одежду позже, а сейчас он просит вас прислать ему только шкатулку с туалетными принадлежностями, со всем, что в ней есть: с гребнями, щетками и т. д. Пошлите ему также сапоги на очень толстой подошве личные** и английские подошвы толщиной в $6^3/_4$ вершка для нескольких пар сапог, галоши и 4 козырька. Вот и все его поручения. Что касается меня, то я так плохо себя чувствую, что пишу с трудом. Поэтому я поспешно покидаю вас, нежно обнимаю. Привет от меня вашему мужу. Михаил шлет вам тысячу приветствий.

Е. Нарышкина.

[*На обороте второго листа адрес:*] Княжне Елизавете Александровне Шаховской, Московской губернии в гор. Волоколамске.

---

* Подлинник на франц. яз.

** Слово по-русски.

42. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Чита, 15 июня 1829

Мой дорогой друг Лиза, ваш брат получил ваше письмо от 13 апреля. Он искренне благодарит вас за добрые вести, которые вы ему сообщаете о всех ваших, а также за вашу горячую дружбу, явствующую из всего, что вы говорите. Даже ваши пожелания, которые так мало сочетаются с реальными обстоятельствами, являются для него доказательством силы вашей преданности ему. Вы должны каждый месяц получать от него известия; они, может быть, не могут удовлетворить вас в достаточной степени, но все же должны уменьшить ваше беспокойство. Тем более, вы уже не надеетесь получать о нем более подробные вести и без посредника.

Передайте вашей маменьке и Катрин выражение искренней преданности от имени вашего брата, а также что он чувствует себя хорошо. Если он никак не может привыкнуть к этой праздной жизни, на которую он обречен, то, по крайней мере, он в силах выдержать все страдания, посланные ему судьбой. Вот и все, что я хотела рассказать вам на этот раз о вашем брате, мой дорогой друг. Прощаясь с вами, я обнимаю вас со всей нежностью.

Е. Нарышкина.

Пошлите по почте вашему брату 7-е издание Буаста [Boiste][1].

[*На обороте второго листа адрес:*] Княгине Елизавете Александровне Шаховской, Московской губернии в гор. Волоколамске.

43. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ[1]

Читинский острог, 12 июля 1829

Вот стихи, писанные под небом гранитным и в каторжных норах[2]. Если вы их не засудите — отдайте в печать. Может быть, ваши журналисты-Гарпагоны[3] дадут хоть по гривенке за стих. Автору с друзьями хотелось было выдать альманах «Зарница»[4] — в пользу невольно заключенных. Но одно легкое долетит до вас; не знаю, дотащится ли когда-нибудь подвода с прозой. Замолвите слово на

* Подлинник на франц. яз.

Парнасе: не подмогут ли ваши волшебники блеснуть нашей зарнице? Нам не копить золота; наш металл — железо и желание заработать — Say, Constant, le comte Sismondi etc*; впрочем, воля ваша, только избавьте стихи от «Галатеи»[5].

44. Е. А. МУХАНОВОЙ **

Читинский острог***, 25 октября 1829

Я перестану на вас сердиться, милая мадемуазель Катерина, за то, что вы перестали мне писать, если только вы будете регулярно писать своему брату; на мне по-прежнему будет лежать обязанность отвечать на ваши письма, и этим путем я буду иметь известия о вас; но с 12-го августа Петр Александрович**** не имеет от вас ни строчки, и он просит меня сделать вам за это упрек. Я исполняю это поручение не без некоторого удовольствия, так как знаю, что вы здоровы и что только немного лени причина того, что вы нам не пишете.

Ваш брат получил письмо вашей сестры княгини Шаховской от 3-го сентября, в котором были вполне успокоительные известия о здоровье вашей матушки и вашем. Его очень трогает то, что содержит это письмо хорошего и нежного по отношению к нему, и просит вас передать дорогой сестре и ее мужу, которых он любит от всего сердца, его признательность. Только после того, как он получил уверенность в том, что вы здоровы, решился он поручить мне сделать вам упрек. Пишите же ему аккуратнее, милая мадемуазель Катерина, ему так дороги ваши письма. Его здоровье вполне хорошо, как сообщает мне мой муж, который видит его часто и никогда не упускает случая лично спросить его указаний перед тем, что я вам пишу, чтобы не упустить ничего, что могло бы интересовать вашу матушку и всех других членов вашей семьи.

Мы начинаем страдать от холода, зима уже установилась, хотя и без снега, что делает климат еще суровее. Мне очень жаль, что на этот раз мне не приходится передать вам от имени вашего брата столько же, как в предшество-

* Сэй, Констан, граф Сисмонди и т. д. (франц.).

** Подлинник на франц. яз. (перевод А. А. Сиверса).

*** Эти слова по-русски.

**** «Петр Александрович» здесь и далее по-русски.

вавших письмах, но, кажется, он просил ответить вашей сестре пространным письмом м[ада]м Нарышкину, здоровье которой совсем поправляется. Пеняйте же на Петра Александровича за мою краткость, вы знаете, как он скуп на слова, но, поверьте мне, он чувствует при этом только сильнее. Я прощаюсь с вами, повторяя еще раз свою просьбу писать нам аккуратно. Передайте вашей матушке выражение моего уважения и считайте меня навсегда искренне к вам расположенной

Марией Волконской.

45. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Чита, 30 ноября 1829

Моя дорогая Лиза, ваш брат получил ваше письмо от 8 октября и письмо от своей матушки от 5-го. Оба письма были грустными. Он не знает, чем объяснить эту неаккуратность, появившуюся недавно в переписке с княгиней Волконской. Она никогда не прекращала писать письма по поручению вашего брата, адресуя их все, как всегда, в дом Мухановых. Теперь она будет посылать их на ваш адрес в Москве. Вы примите меры, чтобы они передавались вашей матушке тотчас же по получении. Ваш брат чрезвычайно огорчен беспокойством его бедной матушки и Катрин и теми горестными предположениями, которые они строят из-за отсутствия от него вестей. Он считает, что вы не должны так мучаться из-за него. Поразмыслив о его положении, вы могли бы легко утешиться тем, что еще многое может с ним случиться. Он рад, что у вас добрые вести о путешествии Павла[1] в Грецию. Если бы вы могли удовлетворяться всем тем, что касается Павла, и меньше беспокоиться по поводу вестей от вашего брата Петра. Он чувствует себя хорошо, любит вас от всего сердца и твердо уверен в вашей дружбе. Вот и все, к несчастью, что я могу рассказать о нем. Он считает необходимым вам сказать о своем желании получать денежную помощь от своей матушки и сестер. Он может ее принимать только от тех, кто проявил к нему чувство искренней и неизменной преданности. Ему так мало надо, и он просит вас не уступать никому это право, принадлежащее только вам. Ваш брат верен себе. Он обидчив и требователен к друзьям. Эту его

---

* Подлинник на франц. яз.

просьбу я передаю вам дословно. Прощайте, мой добрый друг. Благодарю вас за известия о моих невестках. Обнимаю вас. Передайте привет вашему мужу и Катрин и мое почтение вашей маменьке.

Е. Нарышкина.

46. Е. М. ШАХОВСКОЙ[1]

Читинская тюрьма, 7 генваря 1830

Лили.

Мне невозможно на вас сердиться долго. Но вы заслужили множество упреков от меня. И всегда, когда вы были *налицо* при отправке писем моею сестрой, вы сделались виновны не ко мне, ставя в нем ваши имена. Впрочем, я имел об вас известия от В[арвары] М[ихайловны], которая знает, что нужно мне, и ценит мою привязанность к вам лучше вас самих. Вам некогда вздумать о нас. Вы завели себе это на всех друзей — потому что вы без друзей не бываете. Мне завидно, и я только оттого на вас гневаюсь. Впрочем, дай бог всем друзей, но хороших. А старых вы за старую дружбу можете подарить иногда ласковым словом. Я надеюсь, что вы не смеялись за такое мое незначительное требование. Не считайте, чтобы сто лет тюрьмы могли высушить мое сердце и чтобы я когда-нибудь перестал требовать от вас... такого доказательства дружбы, которое вам стоит листа бумаги и четверти часа времени.

Ваше письмо тем драгоценнее для меня, что из него я узнаю все, что доложено о вашей семье. В ней никого нет, кого бы я не любил всей душой. Поэтому вы невольно не только за себя, но и за них виноваты. Я надеюсь, однако, что вы исправите свою вину и начнете тем, что вы возьмете на себя труд засвидетельствовать меня усерднейшим почтением и мою искреннюю привязанность вашей матушке[2]. Во все, что до меня доходило, я принимал одно участие, которое могу принять теперь. Все дурные вести мне драли сердце. И право, я так печалился об вас — как ваш искренний друг. Скажите к[няжне] Марфе Тихоновне[3], что я на нее гляжу как святую в венчике и в окладе — и с лампадкою перед ней. Но это все не отнимает у меня охоты позлословить и посмеяться с ней. Странная вещь — она в святости своей, а я в тюрьме. Не потерплю эту охоту натешиться насчет ближнего. Но мы избрали бы теперь не Госса и не Левштама[4], но нечто получше. Двум *ма-*

леньким сестрам[5] мой поклон, я думаю, они уже выросли. Но как в нашем дворце время идет очень тихо, так мне кажется, что и они не подвигаются. Поклонитесь им хорошенько. Я с большой радостью узнал, что к[няжна] К[леопатра] Мих[айло́вна] стала мила, любезна, умна и хороша. Впрочем, я это напророчил давно, сравнивая ее с другою вашею сестрою[6], которая почти все эти и множество других качеств соединяет. Следовательно, к[няжна] К[леопатра] М[ихайловна] только стала больше похожа на нее. Я нечувствительно заговорил вам о другой вашей сестре и вижу за 7000 верст, что вы немного поморщились. Но не пугайтесь — говоря об ней, я не обязан всегда себя сопричислять к ней. И притом я-таки стал мало откровенен — так скрытен, что не проговорюсь и не обеспокою ни вас, ни других своею исповедью. Отверстие моего сердца заткнуто наглухо хладнокровием. Но говоря о ней — отвлеченно от меня — я могу вас утешить. Ее почитают ангелом-утешителем нашей тюрьмы — избранным с моим провидением здесь, где строго судят и мужчин и женщин, требуют от тех и других героизма и самоотверженности. Наши дамы, которые получили право быть судьями, ставят ее так высоко, как, верно, никогда ее не ставили у вас. Впрочем, у вас ей и мало удивлялись и мало любили. В своем народе нет пророков. Уверяю вас — не заботьтесь о ее здоровье. Столько над главой ее собрано благословений, что она должна быть цела и в несносной Сибири. Вы все думаете, может быть, что я получил хорошую плату за похвальное слово,— нет, я боюсь заслужить наказание. Хвалы ей мало. Но, любезная Лили, по старому праву называю вас этим дружеским именем и целую вашу руку сто раз. Мне редко случается это делать и письменно — поэтому повторяю и пользуюсь ими еще раз сто, целую вашу руку, добрая, милая и любезная моему сердцу Лили. Поручаю вам сделать то же у вашей матушки, ваших сестер. Не желал бы кончить непротивными для вас воспоминаниями — поберегите добрые существа от гнусной атмосферы шпиона-злодея[7]. С умом можно надеть маску дружбы — но ничто не смоет черных пятен с сердца. А раз черно на сердце, мы будем чернить и других. Прощайте.

[*Надписи на полях:*] Доброму и бедному Богдановичу[8] мои пожелания. Вы захотите знать что-нибудь обо мне — тяжело, но моя душа привыкла к тяжелому.

47. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Чита, 20 марта 1830

Мой дорогой друг Лиза! Ваш брат получил ваше письмо от 9 февраля. Его очень обеспокоила ваша болезнь. Он благодарит бога за то, что вам сейчас лучше и вы уже можете ему писать. Вашему брату так же необходимы вести о вашем здоровье, как и о состоянии ваших дел и семейных отношений. Сделайте все возможное, чтобы писать ему подробнее. В вашем письме от 9 февраля вы отвечаете возражением на его мнение, которое он просил передать вам в письме от 30 ноября. Ему досадно, что на этот раз он вынужден сказать, что вы совсем не поняли, каков должен быть характер тех отношений, которые он хотел бы сохранить со своими знакомыми в России. Он оставляет за вами право выполнять свой долг по отношению к нему, но он никого не может приравнять к своей матушке и любимым сестрам. Вы трое доказали к нему такую искреннюю и неизменную преданность, что получили исключительные права по отношению к нему. Ваш брат просит вам еще сказать, дорогая Лиза, чтобы вы не подумали в какой-то момент, что он в своем чувстве привязанности отделяет вас от вашего мужа. Ваш муж его названный брат, самый его дорогой друг и даже его покровитель. Именно ему он передал заботу о своем дорогом семействе и обо всем, что было у него самого дорогого. А ведь свое все самое святое завещают лишь тому, кто заслужил нашу дружбу и наше доверие. У вашего мужа есть еще и другие права на уважение и любовь господина Муханова. И так как патетический стиль не подходит для писем, которые просматривают, вам дается возможность самой попытаться заполнить этот пробел. Ваш брат чувствует себя вполне хорошо для своего образа жизни. Он страдает все время от боли в ногах, которыми его наградила свеаборгская тюрьма, где он находился в заключении. Это единственное его недомогание.

Благодарю вас, мой добрый друг, за ваше дружеское письмо. Зная о вашем искреннем внимании ко мне, я думаю, что обрадую вас, если скажу вам, что чувствую я себя лучше, правда всего как две недели. Я выхожу подышать свежим воздухом, но не смею и думать, что улучше-

* Подлинник на франц. яз.

ние моего состояния продлится: это неслыханно, до какой степени здешний климат вреден для такой нервной конституции, как моя, а мои страдания были настолько сильны, что я состарилась раньше времени, и волосы у меня очень поседели. Прощайте, у меня нет больше возможности продолжать письмо. Нежно вас обнимаю и приветствую вашего мужа. Михаил благодарит вас за привет и просит принять выражение почтения.

Е. Нарышкина.

48. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Читинский острог, 11 июня 1830

Любезная Лиза... У меня всегда руки чешутся тебе писать, но страх повредить вам и любезнейшей вашей сестре[1] меня всегда останавливает. Но теперь дела доставляют вам удовольствие. Я исполняю неотступные ее приказания с неохотностью пользоваться великодушием других, но не желаю заслужить от вас упрека, а от вас гнева и подозрения, что я вас не люблю*. Напротив, наилюбезнейшие и братолюбивые друзья мои, если я боюсь жандармов (каких в селе нашем несть числа), то боюсь для бога и для вас. Мне не страшны тюрьмы и все, что за ними следовать может. Особенно веревка с петлей. Это скоро окончится длинной, между нами сказать, несносной жизнью. Она была бы многими с радостью принята в качестве жилища. Вы знаете уже из прилагаемой приписи письма, что мы на походе в новую тюрьму, в которой благотворение камеры еще более<...>**.

Перед ответами моими мне хотелось поблагодарить всех за вашу дружбу. Она для меня драгоценна и утешительна, но я чувствую, что пользуюсь правами ее, я истончал ваш кошелек и действую не с совершенным бескорыстием. Я прошу вас не баловать меня. Я говорю откровенно — мне нужно 360 рублей в год, чтобы есть, в том я благодарен вам. Сверх стало мне надобно сто рублей на разные расходы. Вы мне присылаете 100 ассигнациями. Они, правда, хорошо употребляемы, но ручаюсь вам, что вы не в состоянии давать мне сто. С моею умеренностью и с моею ненавистью к игрушкам мне они не нужны, и содержать дру-

---

* Так в подлиннике.

** Одно слово неразб.

гих стольких голодных и голых, как я, мне невозможно, особенно на счет вас.

Ваши письма были для меня всегда утешенчеством. Но постепенно (и вы сему не виноваты) в них много горя. Кто-нибудь болеет или реляция о ваших худых делах. Для сердца моего это убийственно, ваше слово для меня драгоценно, и я с огорчением вижу ваше горе. Страшился я очень, чтобы вы за долги и деньги не расстроили гармонию вашего семейства. Но как кажется, по крайней мере по первому толкованию, которое я сделал вашим письмам, дела семейные, т. е. сердечные, а не денежные, [как] нельзя лучше. Дай бог, чтобы мои догадки были справедливы. Моя любезная соседка никогда не извещает меня о сем любопытном для меня предмете. Кажется, она неохотно говорит о всем другом, кроме вашего здоровья и счастья, которыми вы пользуетесь. Дай бог, впрочем, чтобы об другом и речи не было. Не думаю, чтобы я мог удовлетворить вас о себе. Никогда нельзя, опасно, невозможно и нечего. Тюрьма ужасна столько, сколько и комендант. Ноги мои очень слабы, и если образ моей жизни продолжится, надеюсь года через два вести сидячую жизнь. Лежать невозможно, скучно, дорого и недолго. Другие мои недуги ограничиваются сединой и старостью и иногда со скучившимися моими сотрудниками. Впрочем, против недостаточно всего, что нужно для сердца и души моей, противу сколько будет способности души — терпение, мужество и чувство самодовольства. Кажись, что могу быть искренним, но не отчаянным. Со всем этим ничего не предвижу лучшего для своей жизни, даже и в тюрьмах, ибо те, которые обитающие, будут гробницы на ста саженях, даже без отдушины. Существенность наша всем плоха — и не вообразить, и не описать в лицах. Для занятий нет средств, писать можно с трудом, ибо стража глазаста. Весьма редко, раз в месяц, хожу к кн. Волконской, с которой я живу ладно только по несчастию. Эти свидания похожи на любовные. Они делаются тайно, ибо польская душа коменданта прыгает от страха не получить Владимира[2] к звезде за таковую смелость, несмотря на то, что она за 7 тысяч верст. Я не пишу к вам через Нарышкину, потому что, занята любимейшим своим супругом, она более не заботится о нас, кроме тех, кто ищет ее высокого благоволения. Женатые составляют особое сословие, пользующееся большими выгодами, и поэтому все они, кроме Волконского и На-

рышкина, зазнались — и последний натирает жену спиртами и целый день глядит ей в глаза, тоже на пути к зазнайству. Впрочем, я всегда пишу им свою долю — половину письма, и вам не скажут. Я прошу вас кланяться всей вашей почтенной семье, которая, как я думаю, сосредоточилась в Колпи. Дай бог, чтобы все они были здоровы и чтобы отсутствующие собрались. Говорят, что вторая дочь вашей сестры[3] — ангел красоты и должна быть ангел и душой, ибо похожа на мать и воспитывается теткой... Жаль мне, что вместе, а не врозь — ты не чувствуешь другой боли в желудке, и твоя семья может поместиться в двухместной карете. А я всегда надеялся, что у вас будет огромная семья и, по крайней мере, полдюжины сыновей. Дай бог, чтобы мои надежды сбылись. Поцелуй за меня Вало[4], только так, чтобы это не было ему обидно. Я его люблю столько, что это становится смешно. Надеюсь, что его уезды не мешают ему иногда вспоминать обо мне, кроме того дня, когда он везет на почту 250 руб. По опекунской части я уверен, что он очень хороший, ибо испытываю это на себе. И благодарю его за все присылки его. Попрошу убедительно, чтобы он, кроме табаку, ничего не присылал, ибо, право, мне ничего не нужно. Я просил вас прислать розовых вощин[5], в предыдущем письме масла, но теперь, накануне вступления в новую тюрьму, прошу вас ничего не присылать, потому что там еще менее просто будет их употребить.

Скажи Лили, что я ей кланяюсь и целую у нее руки, но правом, которым я почитаю не пользоваться... Я ее очень люблю, равно и Милу и к[няжну] Клеопатру, болезни которой навели на меня тоску, сплин. Надеюсь, что ты, любезная Лиза, друг и благодетельница моя, будешь здорова и не дашь нам горевать об тебе. Если бы ты знала мою дружбу к вам, вы бы поверили, что всегда в тюрьме за 7000 верст можно заботиться и тосковать об вас — особенно на это много досугу. Но что делать с сестрой моей Китти? Письма ее очень печальны, и как же не засумлеваться [причине], которой я оказываюсь для ее здоровья. Сожалею, что так мало знаю подробностей о вашем житье — в 5 лет много изменилось. Может быть, одни имеют причину тосковать, другие радоваться. Но о семейных тайнах я желал бы, чтобы они [миновали] моих сотрудников и сотюремщиков. Они все люди достойные уважения, но у меня только один друг по сердцу, которого я люблю всеми чувствами

своими и которого достоинства и хорошие дела наводят на меня улыбку,— это твой муж. Я здесь не по летам дружествен, и теперь понятна мне одна связь — связь по однообразности мнений. Вот все, что я вам могу сообщить о себе без нескромности, много было бы вещей для всех любопытных, но я к ним пригляделся и поэтому об них не любопытен. Признаюсь, ожидаемый поход делает дурные впечатления на тех, которые идут хоронить себя там. Я не знаю, может быть, и мне не удастся выйти из той гробницы, но для тюрем я неразборчив, в них нет ни лучшего, ни худшего, в каждой одно существенное — это недостаток свободы. Эта тюрьма будет шестая. Надеюсь, что не дойдет до десяти. Мне бы хотелось, чтобы было постоянство хоть в тюрьмах. <...>* Но пора вас расцеловать и прижать к моему сердцу. Прощайте, будьте здоровы и да хранит вас бог в мире, любви и счастии душевном. Прощайте.

Лили и всем остальным поклоны. Надеюсь, что поручения мои скоро умножатся, ибо ждем, что все разбросанные ваши сестры соберутся в одну семью и в один угол. Прощайте.

[Приписки:] Кланяйтесь Павлу Богдановичу.

Вы спросите, есть ли надежда для выхода из каторги — у нас слово «надежда» вымарано из лексикона — нет, кажется, надежды умереть, ибо все живут.

49. Е. А. ШАХОВСКОЙ**

Чита, 5 июля 1830

Мой дорогой друг! Ваш брат был очень доволен вашим письмом от 18 мая и поздравляет вас с выздоровлением. От всего сердца он желает, чтобы ничто не нарушало бы вашего счастья. Он надеется, что вы теперь снова сможете ему писать так же часто, как и раньше, и просит вас все так же рассказывать о всем вашем семействе, о радостных сторонах вашей жизни. Ему это бесконечно приятно, и он все больше испытывает чувство любви и уважения к вашему мужу. С чувством большого удовольствия он узнал почерк своей дорогой кузины Лили, в дружбе которой он начал уже сомневаться. Он никогда не забудет тех нежных ее слов утешения, которые были ему сказаны.

---

* Далее франц. фраза неразб.

** Подлинник на франц. яз.

Он не думает услышать когда-нибудь чего-либо подобное, но его преданность ей, хотя он сам стал равнодушнее, от этого не станет ни менее нежной, ни менее искренней. Княгиня Волконская заболела, поэтому она не сможет писать вашей матушке. Вы сами теперь позаботьтесь о том, чтобы передать ей, что ваш брат чувствует себя очень хорошо и что ноги его в состоянии теперь выдержать переход, который ему предстоит совершить через некоторое время при переводе его в новую тюрьму в Петровском. Он целует вашу малютку, но упрекает вас за то, что вы обременяете ее память именем дядюшки, которого она никогда не увидит. Ваша матушка сообщила, что она получила одновременно пять писем от княгини Волконской еще от прошлого года, но знайте, что письма задерживаются не местными властями. Теперь, вероятно, моя очередь, милая моя Лиза, поблагодарить вас за ваше любезное письмо. К моему большому сожалению, я никогда не смогу выразить все те чувства, которые вызывают во мне ваше искреннее участие, ни описать то неизменное и истинное, что свойственно моему дружескому отношению к вам. Итак, думаю на этом кончить. Прошу вас полагаться на мою преданность и передать мое почтение вашей матушке и мой привет Катрин и вашему мужу. Чувствую я себя все время плохо. Я лечусь примерно так, как вы мне любезно посоветовали. Но в моем случае результат не может сказаться быстро, так как спазмы укоренились в моей груди уже более двух лет тому назад. К тому же обстоятельства становятся все труднее. Позавчера я порезала себе руку, вам будет трудно разобрать мое письмо. Прощайте, обнимаю вас от всего сердца.

Е. Нарышкина.

50. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Читинский острог, 19 июля 1930

Ваш брат вам очень благодарен, дорогая княгиня, за то, что вы посвятили его более подробно в семейные тайны. Этим он обязан вашей дружбе, которую очень ценит. Он уверяет вас, что вашего чувства дружбы к сестре и ваших мудрых советов, которые вы ей даете, совершенно достаточно, чтобы она приняла правильное решение и чтобы

* Подлинник на франц. яз.

запрет, произнесенный в результате равнодушных рассуждений вашими стариками, был бы снят.

Человек, о котором вы говорите в письме к вашему брату, ему известен с положительной стороны[1]. Его карьера ему кажется, по крайней мере, так же достойна уважения, как и служба вашего брата. Сестра ваша должна сама решить свою судьбу, но несомненно с одобрением такой матери, как ваша, и такой сестры, какою вы являетесь. Давая ей истинно дружеские советы, вы сумеете мудро отдалить предрассудками и выдумки старых времен. Имейте в виду только счастье вашей сестры.

В моем письме нет вступления. И если я, знакомясь с вами, не употребляю принятых в языке учтивых фраз, то это только потому, что мне не терпится, дорогая и милая княгиня, выполнить свой долг во имя того чувства дружбы, которое испытывает ко мне ваш брат, но еще и потому, что сейчас я больна, слаба и жестоко страдаю, узнав о смерти моего ребенка[2], на которого мы с Сергеем возлагали все наши надежды.

Примите, милая княгиня, выражение искренней дружбы, которую я давно испытываю к вам, хотя не имею никакой надежды не только ее доказывать вам, но даже засвидетельствовать лично.

Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Княгине Шаховской, урожденной Мухановой.

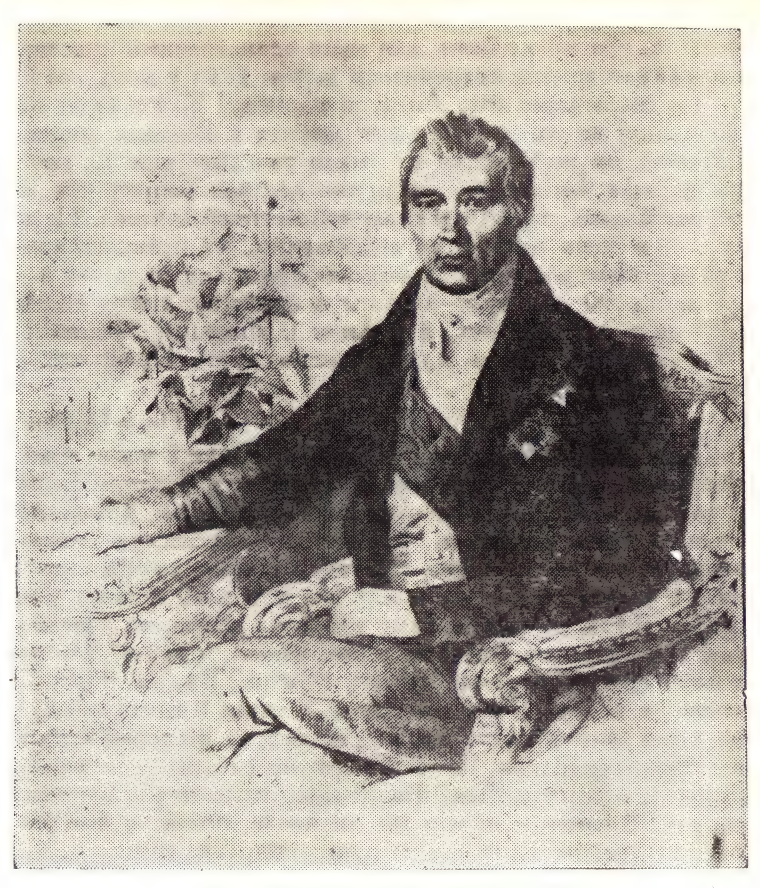
51. Е. М. и К. М. ШАХОВСКИМ

[Во время перехода из Читы в Петровский завод],
14 августа [1830 г.]

Я сейчас получил письмо ваше, Лили и кн. Кл[еопатра] Мих[айловна], писанное в день моих именин! Благодарю вас, что вы празднуете день сей[1]. Но лучше было бы петь по мне панихиду — есть кутью, чем пировать и делать желания, превосходящие возможность исполнения. Все ваши желания, все ваши надежды — не что иное, как игра воображения, разгоряченного добрыми вашими сердцами. Мне тяжело слушать, когда мне говорят о лучшей будущности — и, признаюсь, жалею, что вы обманываетесь и не можете привыкнуть знать меня в тюрьме... Она моя стихия... И, кажется, я больше буду в ней, чем вы полагаете. Впрочем, вы знаете меня и можете быть уверены, что я умею жить

везде, где мне приходилось жить. Вся моя жизнь была длинным и тяжелым приготовлением к тюрьмам. И с моими неумеренными желаниями, которые заложены в моем сердце, я ничего не ожидаю другого, того, чего я достиг. Все, что я чувствовал, не может измениться. Я стар, прожил большую половину своей жизни — и [не] теперь ожидать того счастья, которым я бы мог наслаждаться в цветущих летах. На мою долю тюрьма, нищета и болезни — вот что всегда будет составлять предметы моей жизни. И меру им можно еще желать, но ожидать лучшего стыдно и неблагоразумно. Что прошло, того не воротишь, и не здесь, в Сибири, в моих обстоятельствах могу я найти то, чего я напрасно искал в благоприятном времени моей жизни. Привыкайте меня знать тем, что я есть. Не разлучайте меня от тюрьмы — она может измениться на берег Ледовитого моря. И на нищету и болезни, которые нас испытывают. Есть те, которые мне предшествовали туда и достигали свое определение, принимая его за знаменный крест, возложенный на человека...

Мне остается сделаться достойными их и благодарить бога за его избрание. Мне никогда не случалось слышать от вас откровенного желания и мнения касательно того, что могло бы составить мне счастие, поэтому я не могу и мне было бы непристойно говорить о простодушии. Но после того счастия, которого я не достиг, я почитаю величайшим [счастьем] сидеть в тюрьме до конца моей жизни. Вот все, что я могу сказать. И как мы не должны желать другому, чего от самих себя не желаем, то вы хорошо сделаете, если станете соотносить свои желания с моими собственными. Я дорожу этим однообразием, потому что знаю уже — вы всегда любили меня от полноты чувств. Уверяю вас, что я спокойно и хладнокровно смотрю и слышу близость других. Завидовать я никому не могу — и все то, что я бы мог найти в России, было ничтожно в сравнении с тем, чего я желал и чего я желаю, не может быть достигнуто мною. Теперь поздно думать об этом. Вот вам объяснение, из которого вы увидите не все, но более, чем [можно] бы знать. Вот каким образом понимаю я свое счастие и как странно ничтожна для меня была *всякая перемена* в моем быте. Это первый раз, что я вам пишу так. Я сделал это из сострадания, желать искренно, заботиться об ком-нибудь — тяжело. Мне жалко видеть, что вы любите меня мучительно. Теперь, увидя, что мне ничего не нужно, вы станете меньше



С. И. МУХАНОВ, ДЯДЯ ДЕКАБРИСТА
ИРЛИ

хлопотать обо мне. Скажу вам между прочим, что если когда-нибудь будет употреблено ходатайство шталмейстера обо мне — я почту это за величайшее оскорбление[2]. Судьба сама совершилась надо мной, я, не будучи никому в жизни обязан ничьими (кроме насущного хлеба и то всем моим друзьям), я не буду и не хочу быть обязан шталмейстерам — а богу. Тем более, что мои мысли и желания совершенно противны тем, [которые] вздумали бы делать мне добро. Я слишком отвлекся от других. И в прошедшие вре-

мена то, что могло быть для меня единственным счастием, заставляло волосы становиться дыбом даже у моих друзей.

Но благодарю вас, Лили, и к[няжну] Клеоп[атру] Мих[айловну] за то, что вы меня любите и помните обо мне. Впрочем, от этой любви вам мало удовольствия. И, право, вы хорошо бы сделали, если бы любили больше тех, которым ближе увеличить ваше собственное счастие. Не находите в моем письме ни меланхолии, ни нелюдимства — это действие рассудка. И моя любовь к вам ручается всегда, сколь вы для меня близкие и приятные моему сердцу. Обнимаю и целую вас, а у Лили и к[няжны] К[леопатры] М[ихайловны] целую дружественно руки. Прощайте, да хранит вас бог.

Петр Муханов.

Пишу вам с похода, из юрты, мы вышли 7 числа и идем окружным [путем]. Силы мало, казакам и бурятам [легче], и по сию пору я не могу высушить свое белье. Дожди проливные, юрты скверные. Дожди идут два месяца сряду — везде сыро, дурно. Наше шествие странно, важно и тяжело. Ноги мои болят, но я иду сколько могу *пешком* и надеюсь дойти до места, если здоровье позволит. Посылаю вам 5 сердоликов, которые я *сам нашел*, и прошу вас приказать сделать 6 колец матери, к[няжне] Вар[варе] Мих[айловне], вам двум, Китти и Лили. Я хотел бы, что[бы] кольца были тонкие чугунные или железные и сверху вставлены были сердолики. Если это можно сделать, *исполните* и *носите* на память. Все, что дорого, мило и близко моему сердцу, заключено в том малом числе людей, и мне хотелось бы, чтобы вы имели на руки сибирские камешки. Найденное мною к[няжне] Вар[варе] Мих[айловне] прошу вас переслать ей от меня. А придя в Петровскую, [сделаю] каждой из вас по кольцу своей собственной работы.

Прощайте.

52. В. М. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 27 сентября 1830

Дражайшая моя Варенька, вот я и устроилась в номере, где живет мой Сергей. Я не чувствую себя от радости, мне кажется, что я живу в волшебном дворце. Я не смею

* Подлинник на франц. яз.

так об этом писать в России, так как там надо мной бы посмеялись. Но вы меня понимаете и поступили бы так же, как и я. Уверена, что вы меня одобряете. Госпожа Розен[1], госпожа Якушкина[2] тоже будут жить в остроге. Что касается других, то ничего еще не решено, так же, как неизвестно, что будет с детьми. Сырой и холодный воздух в тюрьме может повредить их здоровью. Мы все приехали сюда здоровыми. Дай бог, чтобы так продолжалось и дальше. Вид нашего ужасного жилища нам этого совсем не предвещает. В тюрьме очень темно, сыро и холодно. Даже среди дня невозможно читать, если только не держать дверь открытой, а это не всегда удобно. Я выхожу каждое утро по хозяйству и надеюсь иметь возможность пойти <...>*. Милая моя Варенька, когда я получу известия от вас и от Полины?[3] С некоторого времени вы начали лениться. Я на вас в обиде. Как мне кажется, вы скучаете без моих поручений. Вы мне пишете только в тех случаях, когда отправляете посылки или список покупок. Так вот, я вам поручаю поцеловать от моего имени новорожденного[4]. Муханов чувствует себя хорошо. Я покажу ему свое письмо, чтобы он добавил от себя нежные приветствия, оставляю ему две следующих чистых страницы. Вместо выражения знаков его нежности я вынуждена передать вам его жалобу на вашу переписку. Вот уже несколько месяцев, как ваши письма стали приходить реже и проделывают столь короткое путешествие в течение очень долгого времени. Последние из них настолько были для него приятны, что он с нетерпением ждет следующих. Ему хотелось бы получить известия о новорожденном. Это будут первые новости о нем. Муханов чувствует себя неплохо. Для него новая тюрьма, уже третья по счету[5], хотя она и ужасна, но на него не произвела никакого впечатления. Он будет моим самым близким соседом, т[ак] к[ак] занимает номер рядом с моим. Тогда я смогу наблюдать <...>**. Его привязанность к вам так горяча и постоянна, в этом я убеждаюсь все более. Пока он просит уверить вас в том, что никогда он с таким нетерпением не ждал исполнения своих пожеланий, обращенных к вам. Он целует ручки Полины и просит передать свой дружеский привет его замечательному кузену. Мы с нетерпением ждем новых вестей о дорогом

* Одно слово неразб.
** Одно слово неразб.

Дружинине[6], этот милый молодой человек оставил здесь о себе приятные воспоминания.

Я прощаюсь с вами, дорогой друг, и прошу вас передать тысячу дружеских приветствий от моего имени Татьяне Андреевне[7]. Предупредите ее о моем переселении в острог. Мне хочется ни в чем ее не обманывать. Лучше пусть она знает заранее то, что ждет ее здесь. Сейчас она находится в заблуждении, представляя себе, что мы живем в доме. Пока жилище отвратительно, но постройка продолжается, и тогда она прекрасно устроится с жильем.

<...>* 22-го этого месяца был отправлен на Байкал, в Удинск, он оставил в нас нежные воспоминания о себе и следы глубокой признательности. Я нежно обнимаю мою милую Полину. Как она себя чувствует? Мы много говорили о вашей сестре Катрин.

Прощайте, ангел мой, милая моя Варенька. Сергей целует ваши ручки и выражает вам свое почтение от всей души.

[М. Н. Волконская.]

53. В. М. ШАХОВСКОЙ**

Петровский завод, 19 октября 1830

Я получила, милая моя Варенька, ваше короткое письмо, немного предшествующее посылке с моими книгами. Они прибыли в прекрасном состоянии. Я счастлива, мой дорогой друг, что смогла доставить вам этим минуты истинного наслаждения. Вы, любящая серьезные занятия, я часто себе представляю, как бы вы чувствовали свое одиночество, если бы не ответы библиотек Читы и Петровска[1]. Я также очень рада, что смогла достать для господина Лавинского «Наставления о выезде, переселении», и пошлю вам в понедельник новые книги, которые можно здесь найти.

Ваше милое письмо от 2 октября прибыло 10[-го] этого месяца. Как видите, наша переписка налаживается, и ваши письма доходят до меня быстрее.

Дорогая Варенька, как вы добры, как ваши слова проникают в самое сердце. Сергей очень тронут вашим пос-

---

* Фамилия неразб.

** Подлинник на франц. яз.

ледним письмом, о вас он не говорит иначе, как со слезами на глазах. Вы его глубоко растрогали еще и тем, что благодаря вам моя свекровь[2] очень быстро добилась для меня и тотчас сообщила о том, что его величество хотел, чтобы мне воздали должное в моем страждущем состоянии.

Мой Сергей — лучший из сыновей, и сердце его матери полно заботой о нас. Мне многого стоит это возвращение к грустному прошлому. Никогда, никогда я не забуду, что могла бы провести целый месяц с моей милой Варенькой в Удинске и что я упустила эту счастливую возможность. Я могу сказать, что правдивость моих слов не будет вам очень приятна.

Будущее еще принадлежит нам, мой добрый друг, надежда, по моему мнению, бесконечно служит нам утешением. Не беспокойтесь о моем здоровье, замечательная моя Варенька, оно полностью зависит от настроения, лишь бы я могла его побороть. Когда я рассудительна и спокойна, все идет хорошо. Но пора мне прекратить говорить о себе. Я боюсь, как бы это не стало моей слабостью, которую, я уверена, вы бы мне простили.

Муханов, который из-за своей чрезмерной ревности тотчас же заметил, что ни в вашем последнем письме, ни в письме вашей сестры не было к нему обращено ни единого слова, ни даже вежливого приветствия, решил, что у вас было доброе намерение обратиться непосредственно к нему. Но видя, что ошибся, в ожидании он принял мудрое решение подождать до следующей почты. Он просит вас, дорогой друг, как ту, которая может лучше всех это сделать, поздравить вашу сестру по случаю ее именин и повторить ей пожелания, которые он непременно выражает ей со дня, ставшего событием в его жизни. Он утверждает, что до конца дней своих он будет преследовать ее этим поздравлением, внешне кажущимся обыкновенным. Но сердце само подскажет ей всю полноту нежных чувств, которые Муханов к ней испытывает.

Вам же, дорогая Варенька, все то, что он просит меня вам передать, все это не выразило бы никогда его чувства, которые, к несчастью, он не может засвидетельствовать вам лично. Он счастлив, что может оказать вам ту небольшую услугу, о которой вы его просите. Как только представится случай, он обратится через меня к господину коменданту, рассчитывая на его любезность, с тем, чтобы послать вам английские романы, о которых вы говорите.

Он будет иметь полное право одолжить эти романы тем, кто может найти удовольствие в их чтении.

М. Волконская.

Я благодарю вас за то, что вы послали деньги мне в тайгу. Уже давно я обещаю их моим сестрам. <...>* у вас плохая привычка заболевать в начале этого времени года. Мы надеемся, что вы помните о нашем беспокойстве, когда не было от вас вестей. Прощайте, милая моя Варенька, обнимаю вас миллион раз.

54. Е. А. ШАХОВСКОЙ **

Петровский завод, 9 ноября 1830

Моя дорогая Лиза, я только что получила ваше письмо от 17 сентября, полное упреков в том, что я небрежно отношусь к переписке с вами. Надо вас предупредить, что это происходит в большей степени по вине вашего брата, а не по моей. Я много раз спрашивала его во время нашего пребывания в Чите, есть ли у него поручения для вас, но он всегда молчал. Я думала, что он не хочет больше видеть меня в роли секретаря и что не следует ему надоедать. К тому же я знала, что княгиня Волконская часто писала вашей сестре, и я не думала, что мои письма вам еще нужны. Сейчас вы мне решительно высказали мнение, противоположное моему, и я приму меры к тому, чтобы в дальнейшем посылать вам известия о вашем брате с большей аккуратностью. Вот то, о чем он просит вам сказать. Он благодарит вас за ваше письмо от 17 сентября и за добрые вести в нем о вашем семействе. У него нет другого желания, как только знать, что вы счастливы, и он думает, что свадьба вашей сестры[1] этому содействует. Он не сожалеет об одиночестве своей милой матушки, так как радость, которую она испытывает, видя счастье обеих дочерей, должна утешать ее и дать возможность менее остро чувствовать все другие огорчения. Ваш брат вполне здоров, он находится в новой камере, но ему кажется, что он провел в ней уже 5 лет. Однако он не может сдержать улыбку, когда в вашем письме он доходит до того отрывка, в котором вы обращаетесь к нему с пожеланиями счастья, стараетесь так все предвидеть,

---

* Фраза неразб.

** Подлинник на франц. яз.

представляя картину, совершенно противоположную его нынешнему положению.

Передайте от его имени нежные приветствия вашему замечательному мужу, его подлинному другу, он также кланяется всему вашему семейству.

Я думаю, что ваш брат уже просил вас прислать «Историю русских», но, щадя ваши деньги, он просит вас обратиться непосредственно к автору этого труда и попросить для него один экземпляр в знак памяти об их прежнем знакомстве[2]. Мне больше нечего вам сказать о господине Муханове, и остается только вас обнять, перед тем как проститься с вами. Я искренне поздравляю дорогую Катрин и желаю ей безоблачного счастья. Здоровье мое восстановилось с тех пор, как я здесь, и пребывание в тюрьме пока меня не беспокоит.

Преданная вам навсегда Е. Нарышкина.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне княгине Елизавете Александровне Шаховской в Волоколамске, Московской губернии.

55. В. М. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 15 ноября 1830

Я передала ваше письмо от 30 октября своему соседу, дорогой друг. С того момента, как он получил известие о вашей болезни, вы понимаете, с каким нетерпением он ждал от вас вестей. Невозможно описать, как он был счастлив, узнав о вашем выздоровлении, так как невозможно быть более преданным человеком, чем он. Петр Александрович опасается, как бы новости о приближении холеры к Москве не причинили бы вам слишком сильного беспокойства, а страх за здоровье других не повредил бы вашему. Вести, которые он имеет из Москвы, не слишком тревожны. В остальном родственники оберегают его самым смешным образом, судя по тому, как он об этом говорит, как если бы они оберегали его счастье и боялись бы его нарушить неприятным известием. Во всех письмах, которые он получает, он находит только выражение чувств и нет ни слова ни о холере, ни о делах. Позже вы ему сообщите более свежие новости о всех, кто вам взаимно дорог. Но вы знаете о том, что самые приятные для него

* Подлинник на франц. яз.

известия приходят к нему совсем не издалека, и среди всех тех, кого он любит, есть одна особа, которую он любит по-особому. Приветствуйте от его имени вашу сестру и зятя, он надеется, что они чувствуют себя хорошо. Но именно Пашеньку он просит поцеловать у вас ручки и поблагодарить вас за всю вашу доброту. Если вам не хватает книг, то не обижайтесь на нас, казаки больше не приезжают, а у меня нет никакой возможности послать вам те, которые я берегу именно для вас. Вероятно, вы скучаете без чтения.

Муханов по просьбе своего товарища по заключению и приятеля (Ивашева)*[1] обращается к вам с просьбой о том, чтобы вы позаботились о мадемуазель Камилле Ледантю[2], его будущей супруге. Она очень интересный человек и вызывает во мне чувство восхищения. Беда наших русских в том, что именно иностранки подают нам пример подлинной преданности, мужества и истинного отказа от светских предрассудков. Что касается нас, мы сами приезжаем только потому, что связаны узами брака. Кто сказал бы, сколько есть таких невест, которые уже утешились, устрашились, окунулись в светскую жизнь! Я говорю вам об этом потому, что у меня болят пальцы от моей усердной переписки. Я отношусь с чувством долга ко всему тому, что касается связей с нашей Сибирью.

Но вернемся к нашей дорогой Камилле. Если бы вы могли ей чем-то помочь, то хотелось бы, чтобы ее не задерживали в Иркутске. Надеюсь, что господин комендант[3] отдаст свои распоряжения на этот счет. Что касается меня, я боюсь беспокоить господина губернатора[4], <...>** или, как лучше сказать, я не уверена, ибо он никогда не отвечает на мои письма.

Я часто думаю о затруднительном положении мадемуазель Камиллы. Невозможно сказать вам, чего бы я не сделала, чтобы помочь ей выйти из него как можно быстрее. Все, что я о ней узнаю, укрепляет мое мнение о благородстве ее чувств и характера. Ее жених показал мне письмо, написанное ею госпоже Ивашевой-матери[5], где она ей заявляет о своем твердом решении ехать в Сибирь. Это письмо продиктовано самыми щедрыми и вместе с тем очень тонкими чувствами: и в то же время оно написано

* Фамилия в скобках по-русски.
** Одно слово неразб.

с такой сдержанностью, какая подобает женщине, особенно такой молодой особе при условиях, в которых она находится.

Однако надо кончать на этот раз, дорогой друг. Вы с таким истинным участием спрашиваете обо мне самой и так горячо просите писать о себе, что я не могу более этому сопротивляться. Если я не всегда рассказываю о себе, то только потому, что хочу уберечь вас от бесполезного беспокойства. Я слаба грудью, так слаба и очень худею. Но болезнь моя нервного свойства, скажу я вам. Только что я сообщила об этом также и Катрин Альфонской. Я не пугаюсь боли в груди, но она мне досаждает. Господин Вольф [6] думает, что это невралгия, но я утверждаю, что я еще не настолько страдаю, чтобы мой случай представлял интерес для медицины. Тюрьма мне полезна и даже очень. Как всякая болезненная узница, я предаюсь самым мрачным мыслям, и тогда я чувствую себя уничтоженной. Сергей проводит со мной гораздо больше времени, так как у него постройки нет, больше затруднений и забот по хозяйству и по <...>*. У меня есть возможность видеться с узниками, которых я люблю и уважаю еще с самой ранней молодости, и, конечно, с моим милым и дорогим Мухановым.

Я много занимаюсь музыкой. Известно вам или нет, но это моя стихия, и ничто на свете меня так не волнует и не убеждает в истинности, как музыка. В этих моих занятиях участвуют госпожа Н[арышкина] и ее муж. У нее прекрасное контральто; госпожа Анненкова и ее муж [7]; госпожа Розен обещает к нам присоединиться и господин Ивашев, человек талантливый и очень любезный, который прекрасно играет на пианино. Видите, мой добрый друг, как острог сближает меня с моими подругами, дает возможность развлечься; и хотя веселой я не бываю никогда, я очень приятно провожу время. Только Петр Александрович меня огорчает иногда. Он настолько безразличен и нечувствителен к музыке, что я тотчас же прекращаю игру, как только он появляется.

Я не могу сообщить вам точную цену столового серебра. Вы знаете, что в английском магазине оно продается по 120 рублей за фунт, это на 10 процентов дороже, чем во всех других местах. Таким образом, от 100 до 110 л [8]

---

* Одно слово неразб.

я хотела бы, чтобы была <...>*, оставляя за вами полную свободу назначить окончательную цену. Что касается цены за позолоченное серебро, Сергей может указать вам только о ящике с 24 приборами. За него в свое время было уплачено 1800 л. Я знаю, что сейчас нельзя получить эту цену, но вы мне сообщите, какую вам предложат, и тогда я должна решиться или на его продажу, или на отправку обратно в Россию. <...>**.

Нет больше места, чтобы попрощаться с вами, но прежде, чем вас покинуть, мне надо выполнить еще одно поручение, речь идет о господине С.[9] [М. Н. Волконская.]

56. Е. А. ШАХОВСКОЙ***

Петровский завод, 30 ноября 1830

Я получила ваше любезное письмо от 29 сентября, дорогая и милая княгиня, и вижу, что нельзя пренебречь тем чувством зависти, которое вызывает в вас моя переписка с вашей сестрой. Я постараюсь удовлетворить тот живой интерес, который вы проявляете к вашему брату, но таким образом, чтобы ваша сестра не явилась к вам требовать справедливости по праву старшинства. Поверьте, дорогая княгиня, мне давно хотелось это сделать, и не выполнила я это не по своей вине. На этот раз я не хочу больше ограничивать себя сдержанностью вашего брата. Он всегда слишком скромен в своих собственных просьбах. Вот что он просит передать вам дословно: чувство дружбы, проявляемое вами и вашим мужем к нему, которое стало еще крепче даже при таких тяжелых обстоятельствах его жизни, вызывает в нем восхищение и благодарность. Он часто просил меня передать выражение его чувств вам, и для меня это истинное удовольствие об этом говорить. Столь постоянные, благородные и щедрые чувства сейчас редки, и надо воздать им должное. Очень немногие люди относятся с сочувствием к тем, с кем они навеки разлучены, они привыкли считать сосланных родственников умершими. В конце моего письма вы найдете доказательство того, о чем я говорю сейчас. Весть о бедствии, свирепствующем в Москве[1], встревожила всех нас,

---

* Одно слово неразб.

** Фраза неразб.

*** Подлинник на франц. яз.

и вашего брата в частности. Она дошла до него другим путем, а не из ваших писем. До сих пор из его семейства никто ему об этом не сообщает. Наверное, вам хотелось пощадить его, но молчание не ослабит его беспокойства о любимой матери и сестрах, находящихся в центре событий. Наконец, ему известно, что дом, прекрасное призвание и воодушевление его нового зятя[2] призывают его к служению, где он, как никогда, подвергается большой опасности. Ваша сестра хранит на этот счет поразительное молчание. Пожелания и молитвы вашего брата о сохранении дорогого ему семейства сливаются с молитвами о благополучии его края. Услышав эту грустную новость, его товарищи собрались, чтобы присоединить свои молитвы, обращенные к родине, которую они никогда не увидят.

Теперь ваша очередь, дорогая княгиня, передать Катрин приветствие от ее брата, от его имени обнимите ее и вашего мужа, а также целуйте ручки у его милой матушки со всей нежностью вашего сердца. Присоедините к этому добрые вести о состоянии его здоровья. Переход, хотя и утомительный, был для него полезен. Бескрайние горизонты, великолепные ландшафты, свежий воздух — все это заставляет вновь вернуться к жизни после долгого и сурового заключения. Вот и сейчас у нас пробиваются лучи солнца. Однако пора перейти к поручениям. Петр Александрович просит сказать вам следующее: генерал Муравьев[3] опубликовал прекрасный перевод Тэера[4]. У нас нет денег, чтобы выписывать сюда книги. Нам едва их хватает, чтобы удовлетворить самые скудные желания. Однако узники, уезжающие отсюда на поселение к месту назначения, расположенному не слишком далеко на севере, не имеют иных средств существования, кроме сельского хозяйства. Они приезжают туда без денег и без всяких знаний об этом крае. Прибегните к помощи генерала от имени вашего брата и попросите у него этот труд, который послужит учебным пособием для всех тех, кто надеется выжить в заточении, а затем обрабатывать землю.

Второе поручение совсем другого характера и очень неприятное. Ваша сестра, дорогая княгиня, не раз хотела заинтересовать семью Спиридовых судьбой их несчастного брата[5]. Трудно себе представить, что мои письма и любезное вмешательство Катрин могли бы внушить чувство долга тем, кто старается о нем забыть. Ваша матушка, несмотря на состояние ее здоровья, тоже сделала все, что

смогла. Это еще одна попытка, чтобы ваш брат чувствовал исполненным свой долг по отношению к своему товарищу по тюрьме. Господин Спиридов не просит своих братьев о том, чтобы они относились к нему с прежними чувствами, он просит у них хлеба и одежду. Что бы стало с ним без братской помощи его товарищей по тюрьме? Вне тюрьмы у него нет никого, кто бы заботился о самом для него необходимом, и никаких возможностей, чтобы трудом заработать себе самому на хлеб. Напишите в последний раз Софье Спиридовой. Пусть она поговорит со своими зятьями, пусть похлопочет о пособии хотя бы минимальном, но регулярном. Ваш брат чувствует, что дает своей матушке и сестрам очень неприятное поручение — обратиться за помощью к людям, столь безответственным в выполнении своего долга. Для вашего брата было бы невозможно взывать о денежной или какой-либо другой помощи или быть обязанным чьему-то состраданию. Но что касается товарищей по тюрьме, то он неустанно будет передавать их просьбы. Он надеется, что вы употребите все свое красноречие при свидании с госпожой Спиридовой.

Вот и все, о чем, моя милая княгиня, меня просили вам сказать. Усердие, с которым я вам все подробно изложила, лишает меня истинного удовольствия ответить на ваше прелестное письмо. Я лишь еще раз благодарю вас за его приятное содержание. Ваш брат передал мне ваше письмо, написанное ему в то же время, тем самым доказав свою истинную дружбу ко мне. Я была как нельзя более взволнованна, читая то, что ваше очаровательное и счастливое дитя просит передать своему дядюшке. Я прощаюсь с вами и прошу сказать Катрин, что ее очередь получать известие о брате наступит через две недели. Это его собственное решение. Что касается меня, я хотела бы писать вам каждую неделю, то одной, то другой.

Мария Волконская.

57. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Петровский завод, 28 декабря 1830

В вашем письме, дорогая княгиня, ваш брат, как ему кажется, нашел истинное выражение всех ваших чувств;

* Подлинник на франц. яз.

ваши пожелания, ваши сожаления и даже ваши несбыточные мечтания отражены в нем. Он не перестает восхищаться вашей пылкостью и постоянством. Его глубоко трогает то, что эти чувства обращены к нему. Но если воспоминание о брате и различия между желаемым и действительностью столь тягостны для вас, ему остается лишь сожалеть, что он вызывает к себе такие дружеские чувства. Согласно его образу мысли, вы не вольны омрачать ни на один момент вашу жизнь, воспоминания о брате не должны нарушать вашего счастья.

Его положение, его будущее не должны ни занимать вас, ни печалить до такой степени. Разрешите ему, как и прежде, наблюдать за вашим счастьем и счастьем его друга.

Он осмеливается остановить порывы вашего сердца, дорогая княгиня, ибо они вызывают в нем слишком много сожалений. Когда же он позволяет себе увлечься до такой степени, что выражает никогда не осуществимые пожелания, они могут показаться неприятными самым дорогим и близким для него людям и даже навлечь на него их неодобрение. Его беспокоит то, что вы посылаете ему деньги. Вы отправляете ему средства существования, а у вас самих их немного. Вы считаете это мелочью, но иногда мелочь становится необходимой. Будьте действительно другом для вашего брата. Ознакомьте его с вашими счетами, этим вы не можете ухудшить его участь или изменить мнение о вас. Оно у него неизменно. Он просит вас о том, чтобы вы были рассудительны в вашей дружбе к нему, иначе ваши заботы о нем в ущерб своему благосостоянию превратятся для него в страдания. Письмо вашей сестры от 5 ноября с добрыми известиями о здоровье ее самой и горячо любимой матушки вызвало у вашего брата истинную радость. Он восхищен поведением своего зятя, который, забыв об опасности, видел лишь страждущий род людской[1]. Передайте ему сердечный привет от вашего брата. Он отдает должное его чувствам и действиям. Долг, исполненный с такой глубокой преданностью, должен придать счастья вашей сестре. Вашему брату любопытно было бы узнать, проявляют ли ваши дядюшки все в той же степени неприязнь к этому достойному человеку из-за его происхождения. А может быть, его мужество, преданность и служение своему делу заставят замолчать голос потомственного тщеславия.

Передайте почтительный привет от его имени его милой матушке. Он не может просить вас выразить ей другие знаки нежности, так как, согласно ее письму от 5 сентября, она была еще в Москве.

Мне остается лишь уверить вас, дорогая княгиня, в том, что ваш дорогой Пьер чувствует себя хорошо, что он горячо любит вас и часто мне рассказывает о вас и о вашем муже. Я прощаюсь с вами, повторив вам выражение счастья, которое я испытываю всякий раз, когда ваш брат просит меня вам в письме выразить его чувства, так хорошо известные вашему сердцу.

Мария Волконская.

[*На обороте третьего листа адрес:*] Ее сиятельству княгине Елизавете Александровне Шаховской. Моск[овской] губ[ернии] в г. Волоколамске.

58. В. М. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 19 генваря 1831

Дражайшая моя Варенька, я получила ваше милое и нежное письмо через Марфушу **[1], а также все ваши посылки. Дорогой друг, я не могу ответить на это бесценное для меня письмо, ибо сердце мое переполнено всем тем, о чем вы мне говорите, к тому же я никогда не смогу соперничать с вами в красноречии. Муханов необычен во всем. Он прочитал все то, что относилось ко мне, и я держу пари, что он обращается к вам с упреками, но с нежными упреками. Он чувствует себя очень хорошо. Каждый раз, как я вам уже говорила, получив тайным способом известия от вас, он запирается в своем номере и предается размышлениям в одиночестве, а я слышу лишь звук его шагов.

После того как он пришел и передал мне для вас письмо, вы его узнаете сразу по этой черточке, он сказал: «Скажите, княгиня, когда это со мной случалось, чтобы я с восторгом говорил с вами о к[няжне] В[ареньке]? Почему она боится того, что мои похвалы будут слишком лестны для нее?» Не буду вам говорить о моем впечатлении от этих слов. «Вы никогда не говорили об этом подробно,

* Подлинник на франц. яз.

** Имя по-русски.

Петр Александрович, но то, что проскальзывает в ваших разговорах о ней, даже ваш взгляд, звучание вашего голоса...— благодаря всему этому я и узнала о силе вашего нежного чувства к ней».— «Ну, это другое дело. Но вы признаетесь мне, княгиня, что я не щедр на откровения и что я обо всем этом говорил только в той мере, которой требует от меня долг вежливости по отношению к вам и вашему мужу».

Этот милый Муханов даже не подозревает, что его горячая и прекрасная душа проявляется в каждом его действии, в каждом слове. Дорогой друг, вы просите меня подробнее рассказать о тюрьме. Уверяю вас, что нам здесь очень хорошо. У каждого своя комната с высоким потолком, довольно большая, и после того, как прорубили окна [2], мы живем как нельзя лучше. Только что прибыла странная бумага, в которой речь идет о тюрьме. Император велит сказать Старику [3], что он удивлен тем, что женщины, добившись переселения в тюрьму, заявив, что хотят разделить участь своих мужей, пришли в такое отчаяние из-за неудобств тюремной жизни, что взволновали не только своих родственников, но и всех тех, с кем они состоят в переписке. Что касается участи детей, ввиду того, что невозможно отвечать за количество этих жертв любви*, которые еще появятся в будущем, его высочество** не может содействовать их размещению в остроге. Что касается нашего [Лепарского], он самый хитрый из всех стариков, которых я знаю. Он ведет себя удивительно неправильно, если только он не несправедлив, то это связано с его преклонным возрастом, его можно соблазнить чем-либо, у него есть любимцы и любимицы. Александрина [4] делает с ним все, что хочет. Что касается меня, то я держусь с ним всегда на расстоянии. Если колесо судьбы повернется в нашу сторону, он будет за нас. Он поразительно хитер. В момент разговора с вами можно подумать, что он проявляет к вам особое внимание. Он знает характер каждого из нас, знает обо всем, что происходит в остроге, до самых незначительных разговоров.

Дорогой друг, как бы не забыть поблагодарить вас за все ваши хлопоты и труды по продаже столового серебра и позолоченного серебра. Умоляю, составьте на досуге

* Два слова по-русски.
** Ошибка. Речь идет о его величестве Николае I.

официальный счет для меня за все произведенные платежи на мое имя, <...>* покупок и всего, что вам придет в голову. Деньги на сахар, которые вы должны были получить, приложите к остальным и сохраните до более подходящего момента. Пока они мне не нужны.

Татьяна Андреевна мне очень нравится, я сделаю все возможное, чтобы она не очень скучала здесь. Она сама себе хозяйка, может делать все, что захочет. Если заботы по хозяйству ей наскучат, она может читать польские романы, шить и жить так, как она этого желает. Если бы господь захотел услышать мои молитвы, я могла бы быть более требовательной к ней. Я не рассказываю вам о Муханове, так как вот уже два дня, как он пишет вам сам. Дорогой друг, я пишу вам бессвязно, как никогда. Я так взволнована тем, что происходит в Польше[5]. Я совершенно потеряла разум, не сплю по ночам и сама не знаю, что говорю. Да поддержит господь их великую душу. А как подумаешь, что русские идут против них, душа наполняется смертельным ужасом. Мой муж сердечно тронут вашим приветом ему в моем письме, дорогая Варенька. Он по-настоящему преклоняется перед вами.

Дорогой друг, я вручила <...>** все письма, полученные нашими дамами, надеюсь, что они на них ответят. Госпожа Ф[онвизина][6] будет иметь счастье стать матерью. И, несмотря на частые приступы ужасной болезни, она в своем положении ни в чем себя не ограничивает. Она должна родить <...>***.

Дорогой друг, я прошу вас передать выражение моих чувств Полине и добиться у нее для меня прощения за то, что я не отвечаю на ее любезное письмо. Вы сами видите, в состоянии ли я это сделать. Я так слаба, что мне стыдно перед самой собой. Я не знаю, что со мной, я только и делаю, что плачу в то время, как в этом письме нет ничего трогательного. Действительно, я очень расстроена и хочу спрятаться ото всех, так как для меня пытка, если видят меня в таком состоянии, даже мой муж.

Прощайте, моя милейшая и достойнейшая Варенька. Прошу вас передать тысячу и тысячу нежных приветов вашим милым сестрам[7], особенно Полине. Прощайте, мо-

---

* Одно слово неразб.

** Одно слово неразб.

*** Далее неразб.

жет быть, я не должна была бы посылать вам это письмо, но уже поздно, пусть лучше я покажусь вам глупой и странной, чем равнодушной по отношению к вам, которой я стольким обязана, и неблагодарной, оставив вас без ответа.

М. В[олконская].

Я прилагаю письмо для Екатерины Орловой[8]. Можно осведомиться в их магазине хрусталя в Москве, в городе ли господин Проялов[9]. Тогда надо совершенно секретно вручить ему пакет и предупредить соблюдать осторожность.

59. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 29 генваря 1831

Вы можете винить только вашего брата в задержке этого письма, дорогая княгиня. Он попросил меня его отправить на этой неделе. Однако в общем вы ничего не теряете, так как, откладывая письмо до следующей почты, у меня никакого нет намерения уменьшить количество моих писем к вам. Ваш брат вас слишком любит, чтобы умышленно огорчать; что касается меня — я люблю вам писать. Я печалюсь, что не могу устранить из своих писем все досадные помехи посредничества, но они неизбежны. Ваш брат самостоятельно не смог бы удовлетворить тот горячий интерес, который вы к нему проявляете. Однако я взяла себе за правило сообщать вам от имени вашего брата, насколько это возможно, все то, о чем он меня просит вам сказать. В этом моя заслуга.

Оба ваших последних письма № 24 и № 25, которыми ваш брат был доволен во всех отношениях, свидетельствуют о самой сердечной вашей привязанности к нему. Он отдает должное преданности ему всего семейства; события доказали независимость и силу ваших чувств. Ему приятно видеть, что для вас он остается тем же, каким и был раньше. Ваше поведение заслуживает только его уважение и признательность. Вы сделали для него все, что были должны, и, конечно, сделаете все зависящее от вас, если когда-нибудь ему понадобится, ваша поддержка. Он в этом не сомневается, но срок выхода на поселение еще слишком далек, а, кроме того, при его нынешнем бездеятельном

---

* Подлинник на франц. яз.

существовании будущее видится ему совершенно подобным его прошлому. Вторая половина срока его заключения еще так же длинна, как и первая, но труднее переносима. И, по-видимому, вы можете лишь помочь ему в его жизни, так как ничего не можете сделать для его счастья. Он не склонен к мечтам. Все, чего ему хотелось,— это сохранить достаточно сил, чтобы потом обрабатывать землю. Вы не любите, когда ваш брат пытается проверить ваши доходы. Однако он считает это своим долгом по отношению к детям своих друзей и благодетелей. В этом нет ничего такого, что могло бы оскорбить ваши благородные чувства.

Поблагодарите от имени вашего брата Клеопатру за ее письмо от 4 декабря. Оно доставило ему невыразимое удовольствие и запомнится надолго. Ей удалось выразить свое внимание к нему таким деликатным и любезным образом, что ваш брат был тронут до глубины души. Характер ее чувств делает еще более разительным ее сходство с вами, проявившееся еще в детстве. Ваш брат просит вас передать тысячу пожеланий его доброй и горячо любимой матушке. Он надеется, что ваша малютка обрадуется ее приезду и найдет в ней защиту. Кажется, ее надо защищать от той строгости, которую от вас требует мадам де Кампан[1]. Но он надеется, что вы будете удачливее в воспитании, чем те, кто растят кукол. Скажите Катрин, что брат горячо благодарит ее за подробное письмо от 20 декабря, за все то, что она передала от имени мужа. Ваш брат никогда не поручает мне отвечать на письма своих зятьев, так как он считает, что его ответы им содержатся в письмах к сестрам. Катрин несомненно выполняет все поручения мужа, ваш брат выражает ему чувство особого уважения.

Ваше письмо от 20 декабря доставило мне истинное удовольствие, дорогая и милая княгиня. Я счастлива, что мои письма вам нравятся, и мне приятно знать, что вы воздаете должное моей точности, когда я передаю вам поручения вашего брата. Признаюсь, что иногда я должна себя останавливать, когда пишу вам. Я так боюсь показаться вам неделикатной, беседуя с вами о самых интимных отношениях в вашем семействе. Но единственная мысль меня во всем этом поддерживает: вы находите во всем том, о чем я вам рассказываю, подлинные слова вашего брата.

Тысячу раз благодарю вас, милая княгиня, за ваше

прелестное письмо. Оно меня очень обрадовало. Благодаря ему я не буду чувствовать смущения, будучи иногда посвященной ввиду сложившихся обстоятельств и положения вашего брата в интимные отношения. Хотя я была бы готова на все на свете, чтобы самой заслужить доверие дорогой сестры нашего господина Муханова. Надо вам сказать, дорогая княгиня, что он здесь лучший друг Сергея, а следовательно, и мой друг. Я с ним знакома с ранней молодости, и я считаю, что наша встреча — это божья милость. Только в нашем положении понимаешь цену дружбы, столь постоянной и испытанной. Именно такую дружбу мне хотелось бы продолжить с вами. Мой муж поручает мне выразить вам его признательность за все пожелания, которые вы были столь добры ему послать. Соблаговолите передать вашему мужу мой любезный привет. Мы с ним давние и, надеюсь, добрые знакомые. По крайней мере, за себя — я отвечаю. Я кончаю и прошу вас выразить мое почтение вашей матушке и сказать ей, что ее сын чувствует себя хорошо. Я часто вижусь с ним. В тюрьме мы с ним соседи, и мне нет нужды сообщать вам, как мы много говорим о вас. Я обнимаю мою любезную и дорогую Катрин и обещаю написать ей письмо в будущую пятницу. Здоровье госпожи Нарышкиной гораздо лучше, чем было все эти годы. Она получила ваши письма и надеется вам ответить. Госпожа Розен чувствует себя очень хорошо. Она очень ласковая, добрая женщина, и очень грустно будет с ней расставаться. Правда, это эгоистическое чувство, ведь она будет свободна на поселении. Впрочем, мы будем наслаждаться ее обществом еще полтора года. Прощайте.

Преданная вам Мария Волконская.

60. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Петровская тюрьма, 31 генваря 1831

Я давно хотел расцеловать тебя, любезная и умная моя Китти. Но и в изъявлении своих чувств я радовался твоему счастию молча, ибо не мог писать тебе. Но я радовался потому, что условия, необходимые для твоего счастия, ты нашла в своем муже. И нашла сама, без помощи застарелых в причудах теток. От всего сердца желаю, чтобы ты была счастлива столько, сколько ты того достойна. Мне

жаль было, что это сбылось без моей помощи. Но что сделать, как кажется, мне не суждено быть ни содействователем, ни свидетелем твоего благополучия. Обнимаю тебя, и если ты передашь половину любви твоей ко мне твоему мужу, то будет довольно. Я надеюсь, что вы вдвоем станете меня любить, как ты меня любила в старые годы.

Мне бы надлежало попросить извиниться у твоего мужа за глупость моих старых дядей и теток, но вы добрее меня, вы им давно простили. Я строг и суров!.. и мое прощение сего куплено с презрением. Впрочем, я рад буду, если дни вашего счастия никогда не кончатся*.

Я не отвечал прямо на ваше письмо, любезнейший брат. Я соединил вас под единым параграфом с вашею женою — во-первых, для того, чтобы вы являлись всегда в памяти моей неразлучно, во-вторых, чтобы прямые письма к вам не повредили вам. Я откровенен в мнении и прям в своих поступках. А гласное и похвальное честному человеку может быть вредом для него. Письма мои к жене вашей пишут с моих слов, и прежде чем вы их получите, они оставляются в полицейских станциях, их читают, толкуют и в бок, и вкось и могут растолковать вам во вред. Но это объяснение некстати после всего, что ваша жена могла сказать вам в пользу моих мыслей и моих чувств. Следовательно, вы должны меня любить, и признаюсь, мне будет весьма приятно, если вы изрядно припишете в письме вашей жены, но без тех условий, которые водятся между людьми, не весьма знакомыми. Мы знакомы через сестру мою — и вы должны быть со мной так же просты в обращении, как и она. Но если для меня приятно видеть ваши дружеские два-три слова, то пусть они вас не отягощают, ваши полезные и уважительные занятия, конечно, важнее в моих глазах пустых писем.

Все, что ты можешь узнать от меня лично, почти одно и то же с официальными известиями. Здоровье мое довольно хорошо в отношении бездвижимой жизни. Тюрьма моя мне не надоела потому, что это моя стихия, и потому, что ближе в моем сердце, не подчиненном зданиям, в которых я жить должен. Будущность моя весьма определенна и заставляет меня много заботиться о себе. Благодарю тебя за похвальную твою исправность в переписке. Будучи не оторван сердцем моим от вас, мои любезные

* Следующий абзац — приписка А. А. Альфонскому.

друзья, мне необходимо иметь от вас известия, и вы это исполняете прекрасно. Дай бог, чтобы ты мне писала только о своем счастии. Я рад, что твое хворое здоровье исправилось, но ты так долго была больна, что мне не верится, когда ты храбришься. Дай бог, чтобы ты толстела. Иногда тебе случается беспокоиться обо мне. Это нехорошо. Тебе пишут в сроки, исправно. И я терпеть не могу, чтобы заботились обо мне. Ты удивишься, увидя, что я никому не плакаюсь. Но мне некому плакаться. Всех вас, кого я любил, немного. И потому я прошу тебя никому не сообщать радости твоей при получении сего письма. Ты знаешь, что я подвергаюсь величайшему русскому наказанию за изъявление тебе своей дружбы. Но, благодаря бога, я отрекся от всех дядей с их чадами, и вот тебе причина не говорить им обо мне.

Но, несмотря на желание удвоить величину моего письма, я это сделать не могу, ибо я узнал о возможности писать к вам только сейчас и хочу написать несколько слов матушке. Прощайте, мои любезные и драгоценные. Дай бог, чтобы вы были здоровы и счастливы. Будьте уверены в моей дружбе к вам — она постоянна, как и все мои чувства. Еще раз прошу тебя, любезная Китти, чтобы не беспокоилась обо мне и верила, что никакие злоумышления не могут быть тяжки для меня. Если ты не получишь писем, не вини нас. Мы сделаем все, что можем... И писать иначе не смеем. Прощай, обнимаю тебя и уверяю, что я люблю тебя не только по-старому, но больше с тех пор, как ты стала умной и доказала независимость своих чувств. Прощай, любезнейший брат, но не до свидания. Я не надеюсь перейти через порог своей тюрьмы и поэтому не доживу быть свидетелем вашего счастия.

61. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Петровская тюрьма, 31 генваря 1831

Я рад бы писать вам часто, но с тем, чтобы не подвергать никого [опасности]. Есть одна причина, почему вы никогда не пеняете на мои слова. Но вы, конечно, не станете судить мою привязанность к вам по моей осторожности к тем, кого я люблю и кого беречь есть моя святая обязанность. Впрочем, все, что я могу сказать вам тайно, может быть сказано в явных письмах к вам. Я жив и больше ничего, здоровье мое не худо, но я приметно дряхлею —

впрочем не я один, все, кто сидит в русских тюрьмах. Впрочем, если я сказал *приметно*, это не должно вас пугать, равно как и оно меня нисколько не пугает. Благодаря большому опыту, я более понимаю худшую сторону жизни со всеми ее тягостями, чем чувствую ее. День за днем прошли 5 лет, и что только изменялось в моем существовании, это одни тюрьмы. Надеюсь, что и в остальной части жизни не будет больших изменений. Я одного желаю, чтобы была сила, чтобы на поселении пахать землю — ибо состояние всех сосланных туда ужасно. Все известия от них, несмотря на свою официальность, изображают бедственность их жизни и иногда заставляют желать возвращения из 4 разряда в 1-й. Ну да будет, что предназначено... и думать за три года вперед о будущей жизни своей не стоит труда. Вот превосходство нашего образа жизни, будущее не завлекательно и не заботливо. Тюрьма моя есть темная комната, несколько сырая. Мы получили милостивое великодушное приказание пропустить в нее свету, а может, она обсохнет. Соседкой у меня Волконская. Но, несмотря на ее дружеское расположение ко мне, я не очень пользуюсь ее близким жительством. Вообще женский пол для меня нисколько не гармонический. Тюремное заточение с живущими в темной тюрьме и с ежедневными петербургскими грубостями и едиными притяжениями дает мне в глазах всех вид достоинства и важности. Я отдаю ей полную справедливость, но, способный выказать [ее] достоинства, я неспособен пользоваться удовольствиями и предпочитаю свою камеру, уединенную и тихую... всякому сообществу. Благодарю бога, но много связей осталось, которыми я дорожу, и сердце ноет грустно, но вольно. Может быть, это равнодушие есть последнее дыхание сие и всех чувств, но что сделать? Может быть, и мне предназначено никогда не пробудиться. Письма ваши для меня всегда приятнее, хотя из них мне трудно что-нибудь заключить о вашей жизни. Я люблю видеть собственными глазами счастие и несчастие моих друзей... Из ваших писем ничего не увидишь, и я, удовлетворяя несколько любопытство, нисколько не удовлетворяю сердца. Но и то хорошо. Особенно когда Лиза не клевещет как бы ничего дурного и хочет верить, что кроме самой горячей любви и заботливости сердечной она ничего еще не доказывает. А прочие все изъяснения неуместны. Вы меня любите, как только можно любить, и я признаю вас за моих друзей и благо-

детелей. Я откровенен в своих чувствах, если бы я сколько-нибудь мог подозревать в вас недостаток дружбы, я с суровостью моего обращения отвергнул бы ваши благодеяния. Мне слишком было бы тяжело есть хлеб тех, кто сделал мне зло или кто дает его рукой сострадания, а не любви. Если долг не основан на любви, я не буду никогда обязан ему. Поэтому я прошу Лизу верить мне, что она кроме добра мне ничего не делала во всю свою жизнь, а не мучить меня письмами, в которых она себя упрекает бог знает в чем. По крайней мере, я ее всегда любил и никогда не упрекал. Благодарю Китти за ее письма. Она всегда доставляет мне удовольствие, когда приписывает в ваших письмах. Надеюсь, что она верит неизменности и моих чувств. Но признаюсь, что письмо к[няжны] Клеоп[атры] Мих[айловны] от 4 д[екабря] меня чрезвычайно обрадовало. Я жаждал такого приятного письма. Она сделала все, чтобы меня обрадовать им, пожелания ее будут искренни, совершенно сердечны, равные ее дружбы, превосходят все возможное. Ваши желания должно ограничивать... чтобы у меня были щи, сальные свечи, квас и немного божественного в моей камере. Остальное — все оставим игре воображения, беспокойство сердца тягостно для вашей дружбы ко мне. Впрочем, можно дожить до того, что сердце скорбит, но скорбит без желаний. Это мое состояние. Все похождения вашей малютки меня очень забавляют, особенно мне понравились ее справедливые понятия о тюремном заключении... Я боюсь, чтобы ваша строгость не сделала вреда ей и чтобы ваша цель не была сделать из 5-летнего ребенка куклу злющую и послушную. Но это не мое дело. Замужество сестры меня обрадовало, впрочем, будучи в душе демократ, я не смею мешать ей и поощрять матушку на согласие. Мой бывший лангерской товарищ Норов[1] его коротко знает и хвалил мне много раз. Дай бог, чтобы они были счастливы. Но я боюсь, чтобы сестры не надоели ей своими занятиями, которые отвратительны для русских женщин. Впрочем, если это одно препятствие к счастию, то вина будет на стороне сестры. Что касается до 6 детей, то это беда для женщины, любящей жить в гостиной или в карете <...>*. Пора спуститься с аристократических ходулей — и жить благоразумием. Но вы все-таки боготворите ваших дядей, что они могут сбить с толку сестру.

---

* *Далее неразб.*

Если возможно вам написать мне по справедливости ваши заключения о их счастии и несчастии к Вар[варе] Мих[айловне], она скажет мне это после, из письма вашего изложит тайну. Не знаю, откровенность эта может ли быть с вашей стороны, но с моей она уже приобрела самую полную. Но по почте я не люблю, чтобы вы писали откровенно. Письма ваши учат наизусть в Иркутске... А вводить в семейные тайны всех подьячих неприятно. Впрочем, если я любопытный, то ограниченно, мало лиц имеет право на скупое мое сердце. Моя семья с исключением мужеского пола — и твой драгоценный и наилюбезнейший муж с его семьей. Остальное составляет человечество, масса огромная пораздольная, которой пользы я желаю, но раздробленно ни в чем не ставлю. Что касается до сестры Китти, то я прилагаю к ней письмо, но прошу вас отдать ей, если муж ее достоин откровенных с нами действий. У каждого мужа есть родня, а большая часть родни в Москве жандармы, шпионы, трусы и болтуны — след[овательно], будьте осторожны, и скорее вы все во всю вашу жизнь останетесь без письменного лоскута от меня, чем вынудите меня подвергать [опасности] тех, за которых я сто раз отдам свою жизнь. У вас так все породнились с полицией, что надобно отрекаться от родни, как от сатаны. Благодарю вас за ваш хлеб, но опять повторяю вам, чтобы вы нисколько не отступали от правил, постановленных вами и по присылам мне более того, что мне нужно. Если вашей дружеской заботе я обязан своим пропитанием, то не забудьте, что излишество заставит меня вменить оное не в дружбу, а в тщеславную охоту благодетельствовать. Хлеб я от вас должен получать, но столько, сколько мне нужно, а не столько, сколько вы хотите. Я упрям, и мои правила не изменятся. Даете мне 500 р., а я бы желал получать 400, ибо мне довольно стало даже *350*. Следовательно, вы должны уменьшить. А не то вы заставите меня упрекать себя в грабительстве имения вашей дочери. Не мучьте же мое сердце деньгами. В общем, и вашу личную бедность я знаю. И если я не могу принимать участие в ваших радостях, то хочу чувствовать ваше бедственное положение. Откуда вам взять 500! Это капитал 12 т[ысяч]. Будьте разумны и знайте, что денежные доказательства дружбы для меня несносны. Правда, здесь половина и даже две трети без гроша, половина не моя, я не имею и собственности из того, что вы присылаете. Но разорять вас для них я не хочу.

Тем более, что их родственники дают рекрут, шьют себе мундиры, разоряются ради службы, а не хотят кормить детей своих, лишенных и пищи, и средств приобретать ее. Мне желательно, любезные други мои, чтобы вы были уверены в моей дружбе, и [я] хорошего мнения о вас. Оно независимо от обстоятельств. И будьте же уверены, что ваш брат не любит тешиться игрушками. То, что нужно ему, огромно — и это заставить его ничего не желать, ни в чем не иметь надобности, ни в чем не терпеть недостатка. И даже быть нечувствительным для всех страданий — безделки терпеливы в моих глазах. Прошу вас кланяться любезным и милым сестрам вашим, но в особенности Лили и к[н]. К[леопатре] Мих[айловне], поцелуй у них руки и скажи им, что мои чувства к ней так же сильны, как они были всегда, и одно мое желание, чтобы она скорее последовала совокуплением всего вашего разбросанного семейства. Прощайте. Да будет же благословение божье на вас и на все, что принадлежит вам. Целую вас от всей души, будьте здоровы и благоразумны.

Письмо сие надежно быть твоему брату.

В уведомлении получения оного... бога ради, чтобы ничьи друзья не знали об оном, ни Пучковы[2], ни Верещагины[3].

[*Надписи на полях:*] Тетушке <...>* кланяйтесь. Все письма из Сибири отдавайте Нарышкиной сестре Голицыной[4] для отсылки на адресат.

62. Е. А. ШАХОВСКОЙ**

Петровский завод, 19 февраля 1831

Дорогая княгиня, вот уже два раза почта не принесла писем вашему брату. Он привык к вашей аккуратности и потому вправе беспокоиться о вас. Дай бог, чтобы с вами не произошло ничего неприятного. В его положении он никогда не осмелился бы представить вас в неблагоприятном свете, ваша дружба к нему прошла много суровых испытаний.

Если вы и ваша матушка здоровы, если никакое неприятное событие не нарушило ваше мирное и счастливое существование, он будет этим вполне доволен. Что касается

---

* Одно слово неразб.

** Подлинник на франц. яз.

мелких или серьезных беспокойств, которые он испытывает за вас, так это результат его чувств к вам.

Ваш брат чувствует себя хорошо. Постоянно суровая зима, бездеятельное существование могут оказывать на него влияние, но сердце его, тысячу раз закаленное, вынесет любое испытание. Стало быть, не упадка духа у него вы должны были бы опасаться. Вы знаете его характер и поэтому утешьтесь и прекратите выражать неуместные жалобы, которыми наполнены ваши последние письма. Я надеюсь, что вы узнаете вашего брата по этому выражению. Не тревожьтесь о перемене тюрьмы, по поводу всех других изменений, которые еще могут произойти в его жизни. Эта часть письма скорее обращена к вашей замечательной матушке, так как нет никаких других истинно приятных впечатлений, способных отвлечь ее от горестных чувств. Вашему брату хотелось бы, дорогая княгиня, чтобы она больше жила непосредственными впечатлениями от счастливой жизни своих дочерей.

Поблагодарите от имени вашего брата Лизу[1] за ее любезное письмо, за выражение ее искренних чувств. Их сила способна лишь печалить сердце, понимающее всю невозможность исполнения наших пожеланий.

Вот и все то, дорогая княгиня, что мне было поручено вам передать. Нет нужды уверять вас в том, как я всегда счастлива передавать вам выражение чувств вашего брата. Он чувствует себя очень хорошо, много гуляет во дворе и следит за собой во имя любви к вам всем. Мы часто беседуем с ним о вас, о его уважаемой матушке, о его милой и нежной Катрин. Прощайте, дражайшая моя княгиня.

Вся ваша Мария Волконская.

63. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 20 марта 1831

Ваш брат получил ваше письмо от 9 февраля, а также письма от обеих ваших сестер. По всей вероятности, все те, кого он любит, дали друг другу слово отправить ему письма одной и той же почтой. Он получил также письмо от своей милой матушки и сестры Катрин. Все эти любезные письма свидетельствуют о вашей преданности ему. Ваш брат просит вас, дорогая княгиня, поблагодарить их и сказать, что он им обязан минутами истинного и глубо-

* Подлинник на франц. яз.

кого удовольствия. К тому же те чувства, которые он к вам испытывает, вы более чем заслужили. Вы знаете, как он ценит эти единственные сохранившиеся у него узы, которые его связывают с вами и которые невозможно разорвать. Ваш брат чувствует себя хорошо. Вы прекрасно его знаете, чтобы понять до конца, какие чувства им здесь владеют. Он благодарен вам за внимание, которое вы проявили, послав ему историю Полевого[1], если только она ничего не стоит, иначе весь этот труд вам обойдется слишком дорого. Он обещает вам заняться Тэером[2], приобрести необходимые знания, чтобы стать хорошим пахарем. Лишь бы у него была возможность применить свои знания на практике. Было бы очень грустно, если бы пришлось после 9 лет тюремного заключения провести свою старость за описанием собственных наблюдений над северными сияниями и над образованием льдов. Поэтому поблагодарите генерала Муравьева за его любезное обещание[3]. Он может надеяться, что ваш брат, а также еще и многие из его бывших учеников, находящихся здесь, еще раз воспользуются тем, что он так усердно рекомендует.

Ваш брат, дорогая княгиня, вынужден отложить до следующего раза свой ответ на многие разделы вашего письма. Хотя господин [Муханов] живет по соседству с нами, сегодня он уделил мне мало времени. Но он говорит, что не может отложить до следующей почты удовольствие поблагодарить своих кузин Лили и Клеопатру за их бесценные письма и пожелания. Он может выразить лишь одно страстное желание — видеть их дружбу всегда такой же горячей и нежной, как сейчас.

Дорогая княгиня, осталось время лишь попрощаться с вами, у меня просят мои письма. Я должна вас поблагодарить тысячу и тысячу раз за ваше письмо, только что мною полученное.

Нежно преданная вам Мария Волконская.

64. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 18 апреля 1831**

Ваш брат, дорогая княгиня, уже давно не имеет от вас вестей. Прямая связь с Иркутском прервана, почта объез-

* Подлинник на франц. яз.

** Пометы Е. А. Шаховской: «Получено 26 июня, пятница»; М. Н. Волконской: «Написано в пасхальную субботу».

жает вокруг Байкала и прибывает к нам на две недели позже. Эта задержка не по душе вашему брату, дорогая княгиня, и он горячо желает получить от вас на будущей неделе добрые вести. Он просит вас сообщить его замечательной матушке, что он чувствует себя очень хорошо. К несчастью, он не может доставить ей никакого другого удовольствия. Он надеется, что ваш муж, дорогая княгиня, сможет теперь искупить перед ним свою вину: давно уже он не писал вашему брату. Однако он так же справедлив в отношении вашего мужа, как и вы сами. И, жалуясь на него <...>*, он винит [тех], которые лишают вас его общества, а его самого — обязанностей. Ваш брат просит вас, дорогая княгиня, передать самые любезные приветствия вашим сестрам и особенно той, которую он не может не любить сильнее других. Поэтому передайте его милой Катрин и ее мужу самые нежные пожелания от его имени. Он посылает вам, так же, как и всему своему семейству, поздравления по случаю праздника. Я давно уже не видала Петра Александровича. Дорогая княгиня, скажите вашей прелестной малютке: «Это в остроге делают окошечки, это у дядюшки будет светлее»**. Пока перестраивали тюрьму, я провела все это время в доме, вне тюрьмы. Мои подруги тоже все оттуда переехали. Я прощаюсь с вами, дорогая княгиня, и повторяю еще раз, что ваш брат вполне здоров.

Преданная вам Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне княгине Елизавете Александровне Шаховской. Моск. губернии, в г. Волоколамске.

65. Е. А. ШАХОВСКОЙ***

Петровский завод, 25 апреля 1831

Я передала вашему брату, дорогая княгиня, ваше письмо от 2 марта. Если бы оно было обращено только к нему, оно не доставило бы ему такого удовольствия. Как видите, вы не должны раскаиваться в вашей искренности. Вашему брату нравится говорить с вами о чувстве дружбы, которое вы к нему проявляете. Ему недостаточно через меня передавать свою признательность вам, он хотел бы, чтобы

---

* Одно слово неразб.

** Фраза в кавычках по-русски.

*** Подлинник на франц. яз.

все те, кого он ценит, могли бы восхищаться щедростью ваших чувств, вашим поведением по отношению к нему, которое является самым истинным выражением. Вы находите ваше поведение совершенно естественным, а все другое было бы в ваших глазах достойно порицания. Но ему известно, сколько чувств исчезло, сколько дружеских связей оборвалось с тех пор, как тюрьма стала нашим домом и нашим будущим. Ваш брат никогда не сможет забыть того, что забота о средствах его существования являлась долгом других людей, а не вашим. Но вы всем сердцем устремились к исполнению этого долга и делаете это без всяких усилий. Быть может, дорогая княгиня, осыпая вас похвалами, я затрагиваю вашу скромность, но даже если бы это было так, я никогда не лишила бы вашего брата истинного удовольствия, которое он испытывает, воздавая должное своей сестре, своему другу, своей благодетельнице.

Ваша последняя посылка — это еще одно доказательство горячей и сердечной заботы о нем. Он надеялся от вас ее получить. Однако ваш брат никогда не хотел бы дать вам такое поручение, которое могло бы вас поставить перед выбором между ним и теми, кто заслуживает во многих других отношениях гораздо больше вашу любовь. Мысль о том, что можно нанести хотя бы малейший ущерб вашему счастью, любви, которой вы окружены и которой вы достойны, эта мысль будет всегда вынуждать его на то, чтобы останавливать вас в ваших щедрых намерениях. В роли судьи вы были бы слишком пристрастны, в роли адвоката — слишком усердны и неосторожны. Кроме того, вашему брату предстоит пережить еще три года тюремного заключения. Кто знает, сможет ли он воспользоваться всем тем, что вы намерены для него еще сделать. Размеры этого письма, пределы для выражения своих искренних чувств, которые ваш брат может себе позволить, чтобы вам их засвидетельствовать официальным образом — все это вынуждает меня ограничиться немногими словами. Когда люди так хорошо понимают свое нынешнее положение и свое будущее, мало чем отличающиеся друг от друга, а ваш брат это понимает, вы согласитесь с тем, что долг вашего брата — останавливать вас в ваших щедрых порывах. Он умоляет вас заботиться о счастье своего семейства, о вашем уже укрепившемся столь желанном для него счастье и уменьшить такие пылкие и искренние стрем-

ления, которые сами по себе должны тревожить ваше сердце.

Благодаря вам он никогда не умрет с голоду. И если бы однажды обстоятельства изменились к худшему, полезно всегда это предвидеть, если бы они помешали вам помогать ему, если он, не выдержав долгого и сурового заключения, не сможет зарабатывать себе на хлеб самым благородным способом — собственным трудом, не забудьте, что у него достаточно достоинства, чтобы не оттолкнуть милосердную руку, предлагающую ему средства к существованию.

Он просит вас, дорогая княгиня, передать самый искренний привет вашему мужу и сестрам. Он уверен, что вы также выражаете их чувства к нему, и он никак не может себе представить, чем он эти чувства заслужил.

Вот, дорогая княгиня, слово в слово то, о чем ваш брат просил вам сказать. Это не вполне отвечает вашему ожиданию, но он слишком уважает семейные тайны, чтобы вам их здесь излагать и говорить с вами начистоту. Поверьте, милая княгиня, что я счастлива и горда тем, что могу вам быть полезной тем, что пишу письма от имени вашего брата.

Ваше письмо меня наполнило чувством горячей признательности к вам. Я горжусь вашим доверием. Когда-нибудь я смогу, быть может, доказать вам, как я умею его ценить. Передайте, милая княгиня, нежнейшее почтение вашей матушке. Обнимаю от всего сердца мою дорогую Катрин. Ваш брат чувствует себя очень хорошо, по словам Сергея. Мне кажется, что я вам писала о своем переезде и, следовательно, о разлуке с нашим милым и дорогим соседом. Прощайте, дражайшая княгиня. Скажите вашей сестре, что я надеюсь написать ей в будущий четверг и что я не могу уговорить вашего брата писать чаще. Мне хотелось бы писать каждую неделю то одной, то другой из вас.

Нежно преданная вам Мария Волконская.

66. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 5 июля 1831

Ваш брат, дорогая княгиня, с некоторого времени получает от вас по нескольку писем одновременно. Письмо от

* Подлинник на франц. яз.

13 апреля не опередило ваше последнее от 3 мая, другие уже от 13-го. Он благодарен вам за ваше письмо. Письмо его зятя и друга доставило ему одно из самых истинных удовольствий. Он просит вас поблагодарить его за выражение чувства дружбы, которое ему очень дорого, а также за добрые, но нескромные новости, касающиеся вас самой.

Ваш брат разделяет его радость. Да сохранит вас господь в добром здравии, да исполнятся ваши надежды. Это постоянное и искреннее желание Петра Александровича. Передайте самую искреннюю признательность его замечательным и горячо любимым кузинам Лили и Клеопатре за их прелестные письма. Ваш брат глубоко тронут свидетельствами их дружбы к нему, для выражения которой они нашли вполне приятный для него способ выражения. Он не должен был бы возвращаться к уверениям, но ему приятно признаться в том, что их бесценные письма доставляют ему истинное наслаждение, что он восхищен их пожеланиями, в которые они вкладывают самоотверженность, достойную всяких похвал.

Ваш брат получил посланные вами деньги. Вы заблуждаетесь, милая княгиня, удивляясь тому, как он может довольствоваться столь маленькой суммой. Он даже намеревается попросить вас убавить ее. По его мнению, 400 рублей в год на содержание бездельника — это слишком дорого стоит. Он еще не получил белья, которое вы послали ему зимой. Вероятно, оно еще прибудет. Посылки часто доходят до нас спустя 6 или 8 месяцев. Так как вы не сообщаете имени человека, взявшего на себя доставить посылку господину губернатору, мы не можем осведомиться на этот счет. Ваш брат чувствует себя хорошо. Ваша сестра ошибается, объясняя его хорошее состояние частыми прогулками на свежем воздухе. Она основывается на ложных сведениях. Распорядок в тюрьме все тот же. Оттуда нельзя уйти на охоту или выйти погулять по горам, как она думает. Из тюрьмы идут на казенные работы, на мельницу, чтобы молоть зерно. Ваш брат совершает частые прогулки, но в духе графа де Местра[1], т. е. прогулки вокруг комнаты. По крайней мере, вы видите, что от этого настроение у него не портится и сам он не меняется.

Дорогая княгиня, огорчаюсь, что не могу сообщить вам о нем более подробно. Что можно еще сказать, не видя его, кроме лишь того, что он вполне здоров,— Сергей мне

это повторил несколько раз — и что он любит вас всем сердцем.

Я прощаюсь с вами, посылая вам самые искренние пожелания счастливого разрешения от бремени. Уверяю вас в искренней преданности.

Мария Волконская.

Я получаю все ваши письма. Но так как тотчас же после их прочтения я передаю их вашему брату, я вам не могу обстоятельно ответить. У меня остается лишь неясное воспоминание о тех ласковых и любезных словах, с которыми вы ко мне обращаетесь и за которые я вас нежно благодарю.

67. Е. А. и В. М. ШАХОВСКИМ

Петровский завод, 17 августа 1831

Я сию минуту получил исполненное любви письмо ваше от 29 июня, любезнейшие друзья, и оно заставляет меня лично ответить вам. Отъезд няньки[1] есть случай не весьма верный, ибо, несмотря на уважение, которое пол ее заслуживает, ее будут карантинным образом осматривать во многих полициях. Я от всего сердца желаю, чтобы письмо мое дошло до вас — вас утешило и было безвредно мне и няньке. Увидим, удачлива ли мне моя хитрость, внушенная единственным желанием сколько-нибудь возблагодарить вас за вашу дружбу, сто раз испытанную и доказанную. Вы и все ваше семейство с первого дня нашей разлуки и до сего мгновения были драгоценные для меня, и все, что вы для меня делали, глубоко ложилось в мое сердце. Мне всегда тяжело говорить вам о любви моей. Вы слишком живы, близки для меня. Одна уцелевшая связь доставляет мне удовольствие, горести и радости, заставляет меня мыслить о вас, воспоминать многие драгоценные минуты, проведенные с вами. Все персональные письма, получаемые вами от к[нягини] В[олконской] и писанные от моих [поручительниц?], похожи на похвальные слова, но что делать, если в средствах любви и похвалы я без ума от вас и мне приятно похвалить вас. Вы ничего не делали из сухой и обременительной обязанности, из принужденного сострадания, я во всем видел вашу дружбу, ваши раскрытые для меня сердца. И каким образом вы поддерживали остальную теплоту моего сердца — без вас бы оно остыло. Из ваших писем я вижу, что вы почитаете меня чрезвычайно невежливым. Мне приятно вас разуверить. Вы зна-

ете, что я во всю мою жизнь не был балован счастьем — ее переменой, случившейся с нею, я ничего не помышлял, все осталось по-старому. Я не был оторван ни от счастья, ни от пассажей, ни даже от самых надежд. Откровенно говорю вам, что для меня изменились одни кулисы. Это точно такие старые ощущения — теперь нет только тех воображаемых фантастических наслаждений, которые, обманывая, нисколько не счастливили меня. Но одни потери существенные производят истинную печаль. Впрочем, клетка моя мне часто очень не нравится, то это естественно. Во мне есть деятельность, которая мучительна в стенах. Но эта сама боль дает жизнь моему безжизненному существованию, это лучше сна, омертвения. Когда мне больно, тяжело, я чувствую, что я еще живу. Когда голова моя еще создает — и хоть изо всего стало выходить ничего,— но я вижу, что я еще годен на что-нибудь. Только, кажется, не насчастье. Для него я отжил, стар, пасмурен. Я коснулся этой струны нечаянно, но очень рад случаю попросить вас думать настолько не так, как я. Из боязни объяснений, откровенности — я сознаюсь вам в этом — мне всегда тяжело, когда я слышу от любезнейшей для меня Лили желания, совершенно сходные с теми, которые одна [дама] делала мне (хоть негромко) в старину. Я вижу, какое живое участие она принимает во мне; с ней так же редко случается, чтобы в дружеских сношениях надобно было воздерживаться чувства и желания. Но с ней я не нахожусь в схожем положении. Я отжил лучшую и большую половину жизни, будучи подчинен самоуправству, угнетениям всякого рода, остальное будет тяжелее. Сибирь, невозможность употребить в пользу своих способностей, старость и проч.— все это совершенно изменило мою жизнь и должно бы изменить желание любезной Лили. То, что могла она желать мне в старину, теперь поздно, ибо сам я уже не имею тех условий, без которых счастие бывает весьма плохое. Я признаюсь, если бы я каким-нибудь чудом получил бы весть, что нужна для меня, я бы так удивился, что долго бы не мог пользоваться благополучием. Поздно, и не в Сибири могут исполняться желания доброй Лили. На это много причин. Прежде я от одной Лили мог слышать эти желания, она часто помогала мне надеяться, но признаюсь теперь, мне тяжело слышать это и от нее. И я прошу ее как друга никогда мне не говорить об предмете, раздирающем мне сердце. Мне невозможно забыть 15 лет

моей жизни. Но мне тяжело слушать, когда говорят об них друзья, люди, близкие мне. Я хочу, чтобы все молчали — кроме стихотворных воспоминаний. И вот почему я всегда избегаю откровенности изъяснений, обещаний желаний. Мне тяжело слушать, больно, когда мне намекают. Надеюсь, что наилюбезнейшая для меня Лили не рассердится и не опечалится от этого. Я хотел бы послать какой-нибудь подарок вам и к[няжнам] Л[или] и Кл[еопатре] Мих[айловне], но кроме немного резеды ничего не нашел достойного вас и возможного для меня. Я хотел вам послать через наших дам из китайских модных лавок какой-нибудь наряд — но мне по силам одна *резеда*. По счастию, ее не убило вчерашним морозом. И так эта нянька приедет с пустыми руками. Если вы ее увидите, она может вам рассказать много об Ирк[утске] и Петров[ском заводе], но, думаю, в красках довольно черных. По несчастию, она знает слишком много подробностей об жизни ваших сестер, а я ее не люблю за то, что она уверяла Волх[онских], что Колпинские всякое утро румянятся. Это меня взбесило, и хоть я видел ее иногда у кн[ягини] В[олконской], но избегал говорить о ваших сестрах. Будучи хозяином артели, или, как здесь называют, старостой секретных, я хожу два раза в неделю с кулечками на базар и могу тайно заходить к к[нягине] В[олконской]. Но я стараюсь сделать это раз или два в месяц, потому что мне там скучно и я боюсь подвергаться опасности от подмастерьев нашего тюремщика, который хитр, лукав и совсем не так добр, как он выдает себя. Тюрьма наша довольно сносна, снаружи желта, внутри бела — частоколов множество, замков еще больше. Происшествия польские, вести о холере и бедности русской доходят до нас, а что все это производит внутри нас — для вас должно быть понятно без объяснений. Письма ваши доставляют мне величайшее утешение, каждое всегда увеличивается приписками Лили и к[няжны] К[леопатры] Мих[айловны]. Я благодарю бога, что вы и все ваши счастливы. Что вам одному без другого грустно, тяжело — это доказательство, что вы всегда будете вместе. Дай бог, чтобы отсутствующие съехались и опять жизнь семьи вашей была так же приятна, как прежде. Жаль только, что ваши денежные дела идут плохо — и я, тунеядец, тоже истощаю ваш кошелек. Вы берете это у ваших детей и сестер — правда, даете брату, но брат ваш существо, не приносящее пользы ни

себе, ни друзьям. И право, Марья Авдеевна[2] больше меня заслуживает вашего внимания. Всегда, когда вы мне присылаете деньги, я краснею от стыда. Тяжело жить и ничего не делать.

Кланяйтесь самым дружеским образом всем вашим без исключения, ибо все, что близко вам, столь же близко и моему долгопамятному сердцу. Сделайте одолжение — не печальтесь обо мне, почитайте меня в числе путешествующих, а не страждущих — ибо откровенно говорю вам, что благодаря бога никогда не ропщу на существование мое. Тем более, что не чувствую себя достойным на исключительное право быть несчастным. Письма сестры Китти что-то несколько пасмурны. Оба они не умеют сладить со своими детьми, и страшно, что проффиори[3] там мало заботится об их воспитании и не находит средства их учения. Притом сестре, как кажется, хочется чаще быть с мужем, для этого одно средство — надобно, чтобы она ездила вместе с ним лечить больных и на кафедру в универ[ситет]. Это требование дворянской любви, и если она не будет благоразумна, и если он беспощадно предает ее своим детям, то это кончится жалобами и несчастием. Вы бы поучили их, как живут счастливо. Перед прощанием обнимаю вас, любезнейшие друзья мои, и уверяю вас, что вы одни составляете связь мою с Россией. Кроме вас не осталось в ней ни одного лица, которые бы имели малейшее чувство в моем сердце. Прижимаю вас к нему дружески и желаю, чтобы вы, все ваше и ваше счастие было всегда хранимо богом. Любезную Лизу прошу поцеловать руку у княгини[4], которую я столько и так же люблю и уважаю, как ты, и желаю ей, чтобы она увидела всех своих детей, соединившихся около нее. А добрую и любезную Лили прошу впредь, что я также не изменчив к ней, как и она ко мне. Что я и люблю ее нежно за все ее достоинства, за ее дружбу, за то, что я люблю ее всегда. Прощайте же, любезные друзья, теперь не скоро будут отправлять <...>*, поэтому я не скоро буду вам писать. Будьте здоровы и счастливы так, как вам желает ваш друг и брат. Да хранит вас господь. Желаю, чтобы дочь ваша была всегда похожа на свою семью и чтобы бог дал тебе сына, похожего на моего брата и друга, которого обнимаю.

---

* Три слова неразб.

[*Приписка на полях:*] При сем письмо к Барышникову[5] от Басаргина[6], доставь его, и, если он тебе даст денег, купи по приложенной записке вещи — и доставь на имя его по почте. Барышников молодой, честный, и тебе опасаться его нечего, но предвари его в секретах.

68. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Петровское, 11 сентября 1831

Некоторое время тому назад я имела удовольствие получить ваше письмо, милая моя Лиза. На этот раз я не хочу навлекать на себя ваши упреки за то, что я обычно в письмах храню молчание о себе самой. Но сначала, поблагодарив вас за проявленное ко мне внимание, я должна выполнить поручение вашего брата, предназначенное для вас. Это и составит наиболее важную часть моего письма. Господин Муханов вас горячо благодарит за все, о чем вы ему написали 3 июля, и хочет сказать, что он был счастлив узнать, что вы находитесь в добром здравии и что в вашем семействе все пока без изменений. Ему так нравятся все ваши письма, свидетельствующие о вашем счастье. По случаю ваших именин он не сможет просить судьбу ни о чем другом, как только о том, чтобы ваше безоблачное счастье длилось и далее. Им полна ваша жизнь, а для вашего брата оно служит утешением в его невзгодах. Он искренне рад за вас, и любовь его к вам становится еще сильней. Чувствует он себя хорошо. Вот все то, о чем он просит меня вам сказать, ибо все остальное в его существовании не представит для вас ничего нового. Видите, как он избегает выражения его дружбы к вам. Его удерживает от этого ваша несправедливость по отношению к нему. Те слова, с которыми он к вам обращался, он употребил недаром. Вы имеете на это полное право. Но ваша скромность, испугавшись, побудила вас осыпать вашего брата упреками. Ему их было трудно пережить. Поэтому сейчас он лишает себя удовольствия повторить вам еще и еще, что вы его любимая сестра, его друг и его благодетельница. В то время, как у вас есть столько способов доказать ему вашу заботу и неизменную преданность, вы должны были бы терпеть то, что он пользуется, в свою очередь, единственной имеющейся у него

* Подлинник на франц. яз.

возможностью выразить вам свою благодарность и искреннюю преданность.

Теперь необходимо, чтобы я, наконец, сообщила некоторые подробности о своей несчастной персоне. Вы так любезно и сердечно меня об этом просите, что я больше не могу откладывать. Но, признаться, не представляю, как за это взяться, не имея сказать ничего такого, что бы заслуживало труда быть изложенным. Жизнь моя здесь однообразна. Монотонность нашего существования нарушается лишь прибытием почты. Часто и ее ждут с чувством тревоги, так как что касается меня, о многих несчастьях я узнала из писем с тех пор, как живу в Сибири. Я очень слаба здоровьем. Спазматическая астма, с которой я, к несчастью, познакомилась вскоре после моего прибытия в этот край, не покидает меня надолго. Однако в течение последней зимы и весны она меня не беспокоит, и я даже подумала, что отделалась от нее навсегда. Но плохая погода вернула мне мой недуг, мучавший меня около трех месяцев. Только лишь последнюю неделю я чувствую себя лучше. Я не имею счастия, как вы, мой дорогой друг, быть матерью и поэтому придаю слишком большое значение своему собственному самочувствию. В доме у меня никого нет, кроме чужого ребенка, которого я воспитываю уж год. Мать принесла мне его перед моим отъездом из Читы. Это маленькая девочка, зовут ее Юлианой, она мила, хотя сердце мое не занято ею так, как это было бы с собственным ребенком, но она вызывает во мне участие, и я к ней привязалась. Благодарю бога, что он послал мне случай быть полезной этой сироте. Я буду воспитывать ее так, чтобы она была доброй и способной служить всевышнему. Да благословит он меня на это мое занятие! Вы еще спрашиваете меня, мой дорогой друг, кто эти дамы, с которыми я ближе знакома. Так вот, я бы вам сказала, что, несмотря на то что я имею счастье жить со всеми в мире, вот те особы, общество которых мне подходит во всем: госпожа Трубецкая, госпожа Муравьева и госпожа Фонвизина. За все четыре года, что я их знаю, я не обманулась в их доброте и приятности характера и вижусь с ними всегда с истинным удовольствием. Я не могу сказать, что отношения у меня с ними необыкновенно теплые, как это бывает в 14 лет, но они разумны и по своему характеру соответствуют нашему возрасту. Ведь это все женщины, имеющие истинных друзей в лице своих

мужей, а в сердцах еще тысячу других крепких и естественных привязанностей. Мы не замираем от восхищения друг перед другом, но готовы разделить горе и радость друг с другом самым чистосердечным и искренним образом.

Я также в дружбе с госпожой Розен. Она живет с нами всего год, но уже проявила себя человеком надежным. Я буду крестной матерью ее сына, которого зовут Кондратий[1]. Госпожу Давыдову[2] ни с кем не сравнить по доброте. Я вижу ее реже, однако она мне нравится. Несмотря на то что я с удовольствием нахожусь среди стольких добрых особ, признаюсь вам, что еще лучше я чувствую себя в своем уголке, наедине с мужем. К этому человеку я привязана больше всех, как это и должно быть. Вы в состоянии понять эту склонность моей души (совершенно естественную), так как ваш муж также достоин уважения. Мне очень не хватает моего семейства. Смерть моего брата Петра[3] была для меня тяжелым ударом. Что делать? Такова воля божья. Так суждено, что должны существовать несчастные люди в этом мире, чтобы еще заметнее было счастье тех, к кому жизнь более благосклонна. К тому же все не кончается только с этой жизнью, и это счастье знать, что нас ждет там, на небе, другая родина, к которой каждый из нас призван стремиться. Я очень благодарна вам, милая моя Лиза, за вашу дружбу и отвечаю на нее, уверяю вас, со всей искренностью моей души. Боюсь, как бы такое длинное письмо вас не утомило. Прощайте, будьте всегда счастливы и любите меня немного.

Е. Нарышкина.

Я приветствую вашего мужа и сестру. Мое почтение вашей маменьке и поцелуй вашей малютке. Мой муж кланяется вам. Да пошлет господь свое благословение всему вашему семейству. Еще раз прощайте. Обнимаю вас со всей нежностью.

69. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Петровский завод, 8 октября 1831

Ваш брат имел удовольствие получить ваше письмо от 20 августа, моя милая и дорогая княгиня. Ему было приятно получить известия о вас и обо всех ваших. Он не

* Подлинник на франц. яз.

разделяет вашей радости в том, что касается вашей сестры Полины, так как эта перемена[1] не была согласована с ее желаниями. Ваш брат чувствует себя хорошо, и вы можете не беспокоиться по этому поводу. Ему бы вообще хотелось, чтобы вы спокойнее относились к его состоянию. Ему еще три долгих года предстоит провести в заключении, а вы уже мучаетесь при мысли, что его сошлют на поселение слишком далеко на север. Вы напрасно так огорчаетесь, дорогая княгиня. Ваше письмо его глубоко тронуло. Он недоволен тем, что вы так мучаете себя, но счастлив видеть доказательства столь драгоценной для него дружбы. Ваш брат просит передать от него тысячу любезностей вашей матушке, а также его сестрам. Он хотел бы выразить им всю силу своего дружеского чувства и сказать, что он всегда о них помнит.

Я получаю все ваши письма, милейшая княгиня, и не сумела бы лучше ответить на вашу благосклонную дружбу ко мне ничем иным, как своими известиями о вашем замечательном брате, сообщая о нем подробности, столь дорогие вашему сердцу. Но прошло уже шесть месяцев, как я не вижу более Петра Александровича[2]. Мне удается лишь узнавать через третье лицо, что он чувствует себя хорошо, а кроме этого он передал несколько кратких строк для вас и для моей дорогой Катрин.

В тюрьме, несмотря на всю сдержанность его характера, мне удавалось заставить его говорить от всего сердца о вас, обо всем, что ему дорого, а сейчас мы должны довольствоваться тем, что он просит нам передать. Не обижайтесь на меня за краткость писем, что могла я вам рассказать, сознавая <...>*, что говорю только о себе. Я чувствую себя очень хорошо, жизнь моя течет медленно и однообразно к общей нас всех ожидающей участи. Мне ничего не уготовано в будущем; я уверена, что если бог продлит мои дни, через год я буду занята тем же, чем сейчас и чем занималась пять лет тому назад. Ничто не может изменить наше существование, здесь оно окончится так же тихо, как и началось.

Я прощаюсь с вами, милая моя княгиня, прошу извинить меня за каракули, хотя понимаю, что извинения мне нет. Если это просто лень, то она непростительна для здешней жизни, где времени более чем достаточно. Прошу

---

* Одно слово неразб.

вас передать от меня нежные приветы дорогой Катрин и добрые пожелания вашей матушке. Правда, нет нужды ей напоминать обо мне, так как я вижу доказательства того, что она помнит обо мне, и в каждом вашем письме, и в письмах вашей сестры. Поэтому прошу вас передать ей выражение моего почтения. Дорогая и любезнейшая княгиня, обнимаю вас от всего сердца.

Мария Волконская.

70. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Петровский завод, 6 ноября 1831

Ваш брат, дражайшая княгиня, получил от вас письмо и деньги. Он просил вашу сестру сообщить вам об этом. Вы напрасно не придерживаетесь пожелания вашего брата, о котором я вам сообщила в прошлую зиму. По его мнению, у него есть достаточно веские причины для того, чтобы вы уменьшили сумму денег, которую вы ему посылаете. Он вас просит никогда не посылать больше, чем он просит. Вам кажется, что эта сумма очень мала, но для него она достаточна. Петр Александрович** не хотел бы больше возвращаться к этому, он надеется, что сможете его избавить от неприятной для него темы.

Ваш брат очень беспокоился за вашу матушку и Катрин, не получая от них писем в течение шести недель. Он продиктовал тогда госпоже Ивашевой письмо для Катрин, которое может ее огорчить. Скажите ей, что он раскаивается в этом, так как двумя днями позже прибыло от нее старое письмо, успокоившее его. Петр Александрович получил очень приятное письмо от своей матушки, от 8 сентября. Поблагодарите ее от его имени и скажите ей, что он чувствует себя очень хорошо.

Я начала свое письмо, милая княгиня, может быть, не самым любезным образом, но я была вынуждена считаться с настроением вашего брата. Он сидит рядом со мной и взглядом следит за моим пером. Я заканчиваю совсем по-другому, а именно выражением вашего взаимного чувства преданности друг другу. Вы для него самый близкий человек. Он объясняет ваше непослушание той сердечной заботой, с которой вы к нему относитесь. Понадобится

---

* Подлинник на франц. яз.

** «Петр Александрович» здесь и далее по-русски.

совсем немного времени, чтобы восстановить согласие между вами. Ваш брат просит меня передать вам приятные пожелания, а вам поручает дружески приветствовать вашего мужа и вашу сестру Лили. Они ленивы на письма, а вы усердны. Петр Александрович надеется получить от них известия и без вашей помощи. Что касается вашей сестры Клеопатры, она ему пишет только по большим праздникам, а так как скоро приближается один из них, у него есть надежда получить от нее письмо, столь же приятное, как и предыдущее. С глубокой болью ваш брат узнал весть о несчастии, случившемся с его дядюшкой Николаем[1]. Дай бог, чтобы он остался в живых. Петр Александрович испытывает к нему самое горячее чувство дружбы. Он всегда о нем помнит. Уже давно ему хочется написать ему, и я с истинным удовольствием сделаю это за него и пошлю это письмо вам, так как ваш брат не знает адреса дядюшки, а вы передадите ему это письмо.

Вот слово в слово все, что ваш брат-чудак только что мне продиктовал. Простите мне мой сплин и слегка возвышенную речь. Мне не требуется повторять вам, что все это исходит из его уст и иногда из самого его сердца. Что касается денег, то вы выдадите следующую отправляемую сумму за посылку от имени какой-нибудь тетушки или другого выдуманного лица, так как ему часто не хватает денег. Только не выдавайте меня, иначе я буду навсегда лишена удовольствия писать вам. Петр Александрович чувствует себя очень хорошо. Он продолжает жить в соседнем с нами номере, а я с ним вижусь раз десять в день, и часто мы гуляем вместе с ним в нашем унылом дворе.

Прощайте, моя милая княгиня, я получила письмо от моей дорогой Катрин, но так как сегодня ваша очередь, я откладываю свой ответ ей на будущую неделю.

[Мария Волконская.]

71. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 16 декабря 1831

Ваше письмо от 7 октября, дорогая княгиня, и письмо вашей сестры от 21[-го] были получены вашим братом в один и тот же день. Вы знаете из моего предыдущего письма, что у него не было от вас никаких вестей уже

* Подлинник на франц. яз.

более месяца. Зная о том, что вы были больны и что вскоре наступает срок вашего разрешения от бремени, он очень беспокоился о вас. Вот все просто объяснилось: ваше письмо было в пути на месяц больше, чем полагается. Вы легко можете представить себе его радость, когда рассеялись все его опасения. Он был рад узнать о ваших хороших отношениях с тетушкой Юлией [1]. Ее письма, должно быть, вам приятны, особенно благодаря подробностям, которые она сообщает о своей жизни. Петр Александрович * просит вас передать ей самые любезные пожелания от его имени, особенно подчеркнув, что он, как всегда, относится с чувством почтения и признательности к ее мужу. Госпожа Брашкова [2] милая старая женщина, которая любит вас с вашего детства. Ваш брат не знал, что она в Лондоне и что ваша дружба с ней преодолела столько препятствий. Он был тронут до глубины души письмами, которые вы ему передали. Вы не можете себе представить то глубокое волнение, овладевшее им, когда он увидел свидетельство, как столько сердец в едином порыве шлют ему свои наилучшие пожелания. Ему тяжело оттого, что он ограничен в своих ответах на письма, а он хотел бы ответить на каждое из них и со всей искренностью, которую ему хотелось тотчас же выразить. Вы понимаете, милая княгиня, что в письмах, которые просматриваются, было бы непростительно распространяться о семейных делах, вот почему вы вынуждены оставаться в неведении о мнении вашего брата по одному тоже важному обстоятельству. Ваша сестра Лили, правда, могла бы вас осведомить о многом, но ваш брат отказывается от такого адвоката, он будет слишком к нему благосклонен. Никто из вас не видит неблагоприятную сторону этого обстоятельства, как ваш брат собственной персоной. Ему хотелось бы изложить вам причины, по которым он желает остановить решимость одного сердца, столь способного на жертву и слишком щедрого, так как он боится последствий подобной решимости. Но это невозможно для вашего замечательного брата, если только он не откажется от бескорыстия, которое вы всегда за ним признавали. Он далек также от стремления казаться более эгоистичным, чем он есть. Но ему тяжело видеть в себе причину стольких жертв. У него разрывается сердце при мысли, что в

---

* «Петр Александрович» здесь и далее по-русски.



П. А. МУХАНОВ
Неизвестный художник. *ИРЛИ*

данном случае он в какой-то степени посягает на ваше благосостояние[3]. Жертвы Сезама ужасны для того, кто вынужден их принимать, когда человек сам чувствует себя недостаточно достойным и слишком слабым для той серьезной ответственности, которая легла бы на него[4]. Однако, высказав все это, ваш брат не считает себя вправе говорить с вами категорически по этому поводу. Вот все, что можно противопоставить тем, кто слишком его любит, и заставить их рассмотреть неблагоприятную сторону данного обстоятельства.

Если бы у вас были более подробные сведения о его нынешней жизни и о той, которая его ждет, вы бы согласились с ним. Его будущее не стоит труда, чтобы о нем беспокоиться, а тем более не стоит приносить жертвы во имя этого будущего. Ваш брат хочет жить сегодняшним днем, иметь лишь самое необходимое и не более того. Он делает это, исходя из своих принципов, а не по капризу. А вы, будучи его доброй сестрой, не должны были бы ему противоречить. Вы думаете, что из-за упрямства он отказывается от ваших посылок. Ваш муж приписывает этот отказ условиям, повлиявшим на характер вашего брата. Вот нелепые предположения! Вы оба неправы, и Петр Александрович считает, что его друг и брат обманывает себя, чтобы быть заодно со своей супругой. Ваш брат всю жизнь будет гордиться вами, но никогда не будет высокомерен по отношению к вам. Что касается обстоятельств, то, как вам известно, он наделен, благодаря богу, такой силой воли, что они не смогли бы на него повлиять.

Он нежно вас обнимает и желает благополучного разрешения от бремени. Петр Александрович посылает это письмо вашей сестре, так как не знает, где вы сейчас живете. Катрин получит также <...>* от госпожи Ивашевой. Прощайте, дражайшая княгиня, я не даю дополнительных объяснений к этому письму, так как ваш брат около меня и я пишу под его диктовку. Кроме того, я уверена, что вы сердцем различите, когда он говорит из чувства долга, а когда по щедрости своей души. Прощайте, да сохранит вас господь, да пошлет он вам счастливое материнство.

Жду с нетерпением ваших писем.

Мария Волконская.

Ваш брат чувствует себя хорошо. У него совсем другой вид после получения ваших писем. Он счастлив. Дай бог, чтобы это чувство укрепилось в нем.

[*На обороте третьего листа адрес:*] Ее высокоблагородию милостивой государыне Катерине Александровне Альфонской для доставления княгине Шаховской. На Малой Дмитровке, близ Николая Чудотворца в Москве.

* Одно слово неразб.

72. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 1 генваря 1832

Ваше письмо Петру Александровичу было от 17 октября, а последняя почта из Москвы — от 18 ноября. Как видите, дорогая княгиня, вы ему не писали в течение шести недель. По всей вероятности, аккуратность корреспондента страдает от его пребывания в Москве. Ваш брат ему это прощает, так как вы впервые нарушаете порядок, но не подумайте, что после первого прощения он станет менее требователен. Если послезавтра он не получит от вас вестей, я возьму на себя труд передать вам совершенно достоверно все то, что внушает ему гнев. У вас уже есть пример этому в письме госпоже Мухановой. Это адресовано вашей сестре, которой не очень легко преодолеть свою лень. Но если он получит по почте старое письмо, надолго затерявшееся в бумагах какой-нибудь канцелярии, ваш брат огорчится за свое несправедливое обвинение и возьмет обратно свое прощение, оскорбляющее вашу дружбу к нему. Он поздравляет вас с Новым годом и просит вас передать наилучшие пожелания всем вашим. Как видите, я начинаю год с письма к вам. Стало быть, вы можете рассчитывать на мои письма, которые вы будете продолжать получать.

Ваш брат чувствует себя хорошо. Передайте от него самые нежные пожелания его милой и почтенной матушке, а также его сестре и всем вашим. Постарайтесь сделать так, чтобы ваша малютка была послушной в дни отправления почты и не мешала бы вашей матушке писать своему сыну.

На этом ваш брат распрощался со мной, сказав, что ему больше нечего вам сообщить, дорогая княгиня. Он ленив на письма в высшей степени. Клянусь вам, если бы он только хотел, я могла бы писать вам каждую неделю. На этот раз у него есть благовидный предлог, ввиду того что его ждут к общей молитве.Сегодня канун Нового года, а не первый его день, как указано в письме. Но так как я должна буду отправлять почту только завтра утром, я поставила дату отправления письма. Ваш брат молится именно сегодня. Он чувствует себя очень хорошо. Мы только что вернулись. Я совершала свою прогулку по

---

* Подлинник на франц. яз.

двору. Прощайте, моя милая княгиня. Я не прошу у вас извинения за свое бессвязное письмо. Я уверена, что вам нравятся мои письма именно такими, какими они у меня получаются в данную минуту и какими время позволяет мне их написать, так как длинные письма было бы также утомительно вам читать, как ему и мне их сочинять.

Я прощаюсь с вами еще раз и обнимаю вас от всего сердца.

Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне Елизавете Александровне Шаховской. В г. Москве, на Малой Дмитровке, в доме его высокоблагородия г. Альфонского.

73. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 7 генваря 1832

Петр Александрович ** не получил вашего письма, дражайшая княгиня, от 20 октября. Но так как у вас нет привычки говорить о политике или размышлять о чем-то в этом роде, то, следовательно, ваше письмо не могло быть предано сожжению. Вероятно, оно затерялось, и это очень его огорчает. Ваше письмо от 17 ноября и посланное ему письмо на имя госпожи Нарышкиной от 25[-го] прибыли 5 января. Его сердце жестоко страдает о потере, которую оплакивает все ваше семейство. Это большая потеря. Вы знаете, как Петр Александрович любил вашу матушку [1] и как он привязан ко всем, кого она оставила в горе, поэтому вы поймете, что он чувствует. Ваш брат ждет от вас известий, хоть бы они были утешительными, он так беспокоится о вас и ваших бедных сестрах.

Еще никогда дочернее чувство не проявлялось с такой силой, как у них. Они убиты горем. Дай бог, чтобы их здоровье выдержало, чтобы они нашли истинное утешение в нравственных принципах, которым они всегда будут следовать, и в нежной дружбе, связывающей всех вас. Петр Александрович обнимает вашего мужа, своего друга. Да поможет ему бог исполнить свой долг, дорогая княгиня, я не осмеливаюсь ничего добавить от своего имени к это-

---

* Подлинник на франц. яз.

** «Петр Александрович» здесь и далее по-русски.

му письму. Я знаю, что вы в глубокой скорби, и я боялась бы докучать вам в такой момент, когда не действуют утешения даже самых близких людей. Ваше горе ужасно и непоправимо. Самым тяжелым является положение вашего замечательного мужа. Да поможет господь вам обоим. Ваш брат глубоко опечален, несмотря на все его самообладание, которое он старается проявить в этом письме. Он страдает за вас всех, но в особенности за тех, кто остался без всякой опоры. Бедная Катрин. Каково будет ей по возвращении в дом ее матушки[2]. Она может не почувствовать всей меры своего несчастья до того момента, пока не переступит порог комнаты своей матушки, которая не выйдет к ней, чтобы встретить ее и благословить. Дорогая княгиня, я вынуждена вас покинуть, думайте о своем здоровье. Ваш брат очень опасается за вас, и ваше состояние его сильно беспокоит. Да пошлет вам бог благополучное разрешение от бремени.

Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне Елизавете Александровне Шаховской в Москве в доме господина Альфонского на Малой Дмитровке у Николы Чудотворца.

74. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Петровский завод, 29 генваря 1832

Ваш брат, дражайшая княгиня, благодарит вас за ваше письмо от 9 декабря и поздравляет вас с благополучным разрешением от бремени[1]. Вы можете себе представить, какое чувство радости вызвало в нем это известие. Он надеется, что ужасное событие[2], случившееся до рождения вашего ребенка и повергшее вас в глубокую скорбь, не помешало вам испытать счастье, посланное вам богом, и что все ваше семейство несомненно разделило вашу радость.

С того времени, как вы сообщили вашему брату о смерти вашей замечательной свекрови, он не знает, как поживают ваши замечательные сестры. Он просит вас сообщить ему о них. Если вы не можете написать сами, предложите это сделать Лили или Клеопатре.

Вы знаете, как он их любит и с каким нетерпением

---

* Подлинник на франц. яз.

ждет от них вестей. Петр Александрович* благодарит свою милую и почтенную матушку, а также свою сестру Катрин за их письма от 9 января. Он рад, что они здоровы, и хотел бы никогда не получать от них других известий. Передайте тысячу любезных приветствий всем вашим, а также и вашему мужу, его другу, которого он любит всем сердцем и глубоко уважает.

Я присоединяюсь к поздравлениям вашего брата, дражайшая княгиня. Да сохранит вам господь вашего Александра. Как должны мы быть ему благодарны за то, что он сохранил вас в добром здравии, вас, пережившую глубокое горе. Вы вызывали у нас так много опасений из-за вашего плохого состояния.

Я прощаюсь с вами, дражайшая княгиня, говоря с уважением, что ваш брат чувствует себя прекрасно. Прошу вас передать вашей матушке выражение моего искреннего почтения. Тысячу нежных приветов от меня вашей милой сестре.

Мария Волконская.

75. Е. А. ШАХОВСКОЙ**

Петровский завод, 25 февраля 1832

Ваш брат, дорогая княгиня, благодарит вас за ваше письмо от 19 января. Сегодня он спешит, поэтому ждите от него более подробного письма через неделю, тогда он еще вернется к вашему письму. Он считает, что задолжал вам на один ответ. Все, что вы сообщаете ему о состоянии здоровья всех в его семействе, его бесконечно радует. Вы не смогли бы доставить ему ничего более приятного, прислав письмо вашей несчастной сестры. Он от всей души благодарен вам за это. Он часто думает о ней и о своем несчастном друге[1]. Письмо это принесло ему успокоение. Ваш брат получил деньги. Он восхищен вашей аккуратностью, которая его поражает. Петр Александрович просит обнять его милую матушку, сестру и ее мужа. Ваш брат только что попрощался со мной, утверждая, что у него больше нет времени продолжать разговор с вами. Он ленится, но я знаю, что влечет его покинуть свой номер. Причиной этому яркое солнце, которое сияет в течение

* «Петр Александрович» здесь и далее по-русски.
** Подлинник на франц. яз.

нескольких последних дней. Вашему брату не хотелось бы возвращаться в свой унылый угол, хотя прогулка во дворе, обнесенном забором, не самое приятное из того, что может представиться взору. Он прекрасно себя чувствует. Не беспокойтесь о нем по этому поводу.

Дорогая княгиня. Я получаю все ваши письма. Если я не отвечаю на них так же аккуратно, как вы мне, то это только потому, что Петр Александрович едва дает мне время, чтобы их прочитать, и тотчас забирает обратно. К тому же я уверена, что те письма к вам, которые он мне диктует, как бы кратки они ни были, приносят вам гораздо больше облегчения, чем все то, что я могла бы рассказать вам, даже самого приятного и достойного вашего внимания.

Вот уже некоторое время он больше не просит меня писать моей милой Катрин. Скажите ей, что это не моя вина. Госпожа Ивашева лишила меня этого удовольствия, которое я не хочу терять. Но это не всегда. Я не знаю, известила ли я Катрин о получении инструмента, <...>*, ножниц и перочинного ножа. Будьте любезны передать ей миллион благодарностей от нашего имени.

Я прощаюсь с вами, дорогая княгиня. Прошу вас поцеловать от меня вашего новорожденного. Да сохранит его вам господь.

Преданнейшая вам Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне княгине Елизавете Александровне Шаховской в Москве.

76. Е. А. ШАХОВСКОЙ**

Петровский завод, 4 марта 1832

Петр Александрович***, которому я передала ваше письмо от 27 генваря, дорогая княгиня, был очень обрадован добрыми вестями о состоянии вашего здоровья. Он просит меня сердечно поблагодарить вас от его имени за все то, что вы ему говорите и делаете для него. Благодарность — это не совсем подходящее слово, так как за такую любовь не благодарят, ее чувствуют, и в ней сердце

* Одно слово неразб.

** Подлинник на франц. яз.

*** «Петр Александрович» здесь и далее по-русски.

находит утешение. Вот какие чувства вы вызываете у вашего брата, и это вам еще приятней, чем множество слов его благодарности.

Передайте, милая княгиня, тысячу любезных приветов от его имени вашему мужу. Ваш брат всегда обращается одновременно к вам обоим.

Петр Александрович с прискорбием узнал о смерти своего дядюшки[1]. Однако он восхищен этой достойной смертью, венчающей столь длинную и вызывающую чувство уважения жизнь. Он оставил своих детей в скорби, но не должны ли они благословлять небо за 90-летнюю жизнь их отца.

Ваш брат, дорогая княгиня, чувствует себя хорошо. Он просит вас передать его милой матушке самые нежные приветствия. Ее письма, которые он аккуратно получает, доставляют ему много приятных минут. Обнимите ее со всей сердечностью от его имени. Дай бог, чтобы вы могли всегда рассказывать ей о счастье и согласии, которые царят в вашем семействе. Он надеется, что вы будете продолжать сообщать ему о вашей сестре Лизе и что скоро вы вновь соберетесь все вместе, что, без сомнения, необходимо для вашего покоя. Поблагодарите ее за все то, о чем она говорит. Но, как вам известно, он не любит, когда размышляют и говорят о его будущем. Попросите вашу милую сестру не беспокоиться о нем и не выражать ему надежд, слишком тягостных для такого любящего сердца, как ее, и не оставляющих в нем ничего, кроме сожаления. Ваш брат благодарит Катрин за ее письма. Я надеюсь ей написать подробнее в будущую пятницу. Ваше письмо от 27[-го] меня растрогало. Милая княгиня, вы сообщаете в нем подробности о моей сестре Орловой[2], которые меня очень заинтересовали. Надо вам сказать, что она терзается сомнениями, рассказывать ли мне о своем счастье и особенно о своих детях. Напрасно я старалась, я не могла никогда о них узнать ни малейшей подробности. Вообразите себе, сколько радости и счастья вызвало во мне ваше прелестное письмо. Я прощаюсь с вами. Обнимаю вас от всего сердца. Уверяю вас, что ваш брат чувствует себя превосходно.

Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне княгине Елизавете Александровне Шаховской в Москве.

77. Е. А. ШАХОВСКОЙ *

Петровский завод, 25 марта 1832

Петр Александрович **, дорогая княгиня, получил ваше письмо от 3 февраля. С истинным удовольствием он узнал о вашем добром здравии, а также и о том, что вы получили хорошие известия от ваших сестер. Это единственное, что приносит ему радости. Дай бог, чтобы до него и далее доходили добрые вести от вас. Он много думает о вас и ваших сестрах, обращаясь к вам с самыми сердечными и искренними пожеланиями. Ему хотелось бы знать, что вы собрались уже все вместе. Вы были бы большим утешением для ваших сестер. Он благодарит вас за все то, о чем вы ему говорите. Ваш брат чувствует себя хорошо. Боже мой, как, должно быть, вы недовольны моими письмами. К несчастью, я не могу вам сообщить ничего приятного. С того времени, как эти господа находятся в тюрьме, они больше не выходят из нее, чтобы работать на мельнице. Я вернулась к себе три недели тому назад, поэтому больше не вижу вашего брата. К тому же мне было бы трудно что-либо вам сообщить нового и приятного по этому поводу. Он просит вас передать тысячу приветствий вашему мужу и поцеловать ручки у его милой и нежной матушки от его имени.

Вот и все то, дражайшая княгиня, что ваш брат поручил мне вам сказать. Мой муж мне все это с точностью передал. Я кончаю свое письмо и, зная о вашем внимании ко мне, сообщаю вам новость, которая, без сомнения, доставит вам радость. Вот уже две недели, как я имею счастье, будучи матерью, самой кормить моего дорогого Михаила, у которого до сих пор прекрасное здоровье [1]. Я так счастлива, никогда не испытывала ничего похожего на то, что чувствую сейчас. Я могу лишь благословлять бога за его доброту и благодарить его за милость. Да поможет он мне сохранить моего малютку, на его милость я уповаю в мыслях о будущем сына.

Я прощаюсь с вами, дорогая княгиня. Прошу вас сообщить нашей милой Катрин все, что я только что вам рассказала. Я не могу сегодня ей написать. К тому же я знаю,

---

* Подлинник на франц. яз.
** «Петр Александрович» по-русски.

что это делает Камилла. Обнимаю ее от всего сердца, как и вас.

Преданнейшая вам Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне княгине Елизавете Александровне Шаховской в Москве на Малой Дмитровке в доме г. Альфонского.

78. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Петровский завод, 6 мая 1832

Вы с нетерпением ждете, дорогая Лиза, вестей от вашего брата. Вы не получали писем уже шесть недель. Несомненно, одной причиной больше для страстного желания их получать. Ваш брат хотел бы увериться в том, что за это время вы страдали лишь от нетерпения. Для того чтобы предупредить всякое беспокойство, госпожа Ивашева вам сообщила заранее об этом перерыве и успокоила вас, что ваш брат будет, как всегда, здоров. Я могу вас успокоить, что это предвидение оправдалось: он чувствует себя хорошо.

Вчера он был обрадован вашим письмом от 12 марта. Как видите, письма доходят сейчас не так быстро. Почта идет, огибая Байкал, и прибывает к нам с другой стороны, на две недели позже.

Ваш брат с удовольствием узнал, что у вас все идет хорошо. Он просит вас передать тысячу пожеланий вашему мужу, которого он искренно любит. Передайте также тысячу приветов от его имени вашим сестрам и не забудьте сообщить ему о них. Он переживает радостные минуты, когда вы ему рассказываете о своем небольшом семействе, о своем счастье. Вы напрасно (его любимое выражение, если заметили) возвращаетесь все время к мысли о десяти годах тюремного заключения. Точный подсчет этих лет вызывает лишь горестные чувства. Но пусть это будет для вас единственной печалью. Этого брат вам искренно желает. Если Петр Александрович** не поздравил вас по случаю именин вашего мужа, его друга, вы можете быть уверены в том, что он много думал о вас.

Теперь моя очередь, милая моя Лиза, поблагодарить

---

* Подлинник на франц. яз.

** «Петр Александрович» по-русски.

вас за то, что вы взяли на себя инициативу отбросить в сторону церемонный стиль нашей, хотя и официальной переписки, которая становится все более интимной. Я давно уже хотела этого, но ждала лишь вашего сигнала. Ваше длинное, любезное письмо прелестно и настолько наполнено чувством дружбы, столь доверительной ко мне, что я была тронута до глубины души. Подробности вашего нынешнего положения с момента ужасного несчастья, обрушившегося на всех вас, которые вы мне сообщаете, ожидались мной с нетерпением.

Я не вижу больше вашего брата после моего переезда из тюрьмы, поэтому не могу даже узнать что-либо вас интересующего. Это настоящая утрата для моей души. Я получила также очень длинное письмо от вашей сестры. Сегодня не отвечу ей, так как ваш брат считает, что сегодня ваша очередь. Нежно обнимаю мою любезную и милую Катрин и тысячу раз благодарю ее за инструмент <...>*, который я получила, а также за ножницы. Я покидаю вас, милая моя Лиза. Мишенька меня зовет. Он целует у вас ручки и просит выразить свое сожаление по поводу того, что слишком поздно появился на свет, чтобы записаться в список претендентов на руку вашей прелестной дочери, которую я целую от всего сердца.

Неизменно преданная вам М. Волконская.

79. Е. А. ШАХОВСКОЙ **

Петровский завод, 28 мая 1832

Ваш брат был рад, дорогая Лиза, получить ваше милое письмо от 20 марта. Он благодарит вас за добрые вести о его семействе. Письма его милой матушки и Катрин, полученные им, подтверждают ваши известия. Как кажется, похищение маменьки, совершенное вами самым искусным способом, огорчило вашу сестру. Но Петр Александрович *** счастлив, что вы обе так ревниво относитесь к тому, чтобы матушка была с одной из вас. Он полагает, что вы сможете поделить это удовольствие между собой по всей справедливости. Ваш брат чувствует себя хорошо. Он огорчен, узнав о вашем беспокойстве за него.

---

* Одно слово неразб.

** Подлинник на франц. яз.

*** «Петр Александрович» здесь и далее по-русски.

Но когда вы находитесь так далеко друг от друга, то справедливей винить расстояние или медлительность почты, чем считать вас неправой.

Ваш брат на этот раз не хочет слышать ни о плохих успехах вашей фабрики, ни вообще о плохом состоянии ваших дел. Вы простите его, если он, зная об отсутствии у вас каких-либо доходов, все же обратится к вам с просьбой об одной книге. Это «Введение в историю» Лерминье[1], в 1 томе, издано в Брюсселе, цена 7 л., смотрите 26[-й] каталог Граева, и продолжение этого труда, объявленное в № 1 «Телескопа»[2] за 1832 год. Как видите, это всего лишь Введение, и оно стоит недорого. Поэтому он решается нанести удар по вашим капиталам. Так как ваша милая матушка находится в пределах досягаемости для вас, чтобы выражать ей нежные чувства, Петр Александрович просит вас обнять ее тысячу и тысячу раз от его имени, а также он приветствует ваших сестер. Он огорчается, что вы удивлены тем, как он называет вашего мужа. Что вы видите в этом необычного, кроме того, как, кажется, это вам приятно.

Я кончаю, милая Лиза. Еще раз уверяю, что ваш брат чувствует себя прекрасно. Верьте в искренность моей дружбы к вам. Передайте выражение моего почтения вашей матушке и мои нежные чувства вашей сестре.

Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне княгине Елизавете Александровне Шаховской в Московской губернии в г. Волоколамске.

80. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Петровский завод, 6 июля 1832

Ваш брат, дорогая Лиза, намеревался попросить меня написать его дядюшке,[1] о чем я сообщила вам в предыдущем письме. Но так как я не смогла с ним повидаться, я решила коротко написать вам о состоянии его здоровья и отложить упомянутое письмо до будущей недели. Я получила ваше письмо от 7 мая и тотчас передала его Петру Александровичу**. Он обрадовался, узнав о вашем приближающемся скором отъезде и вашей надежде найти в

* Подлинник на франц. яз.

** «Петр Александрович» по-русски.

имении все семейство. Хотя это первая встреча после совершенного вами бегства будет нелегкой, он уверен, что вы все будете рады увидеться после столь долгой разлуки. Он просит передать тысячу дружеских приветов вашим сестрам, особенно Клеопатре, которую он нежно благодарит за ее милое письмо. Ваш брат вполне здоров. Всего несколько дней прошло, как он перестал дрожать от холода перед самым началом осени, так как вернулась хорошая погода. Он просит поцеловать ручки у вашей милой матушки и предполагает, что вы сделаете все на свете, чтобы сообщить ей о нем; прошлым летом в деревне вести о нем до нее не доходили.

Ваш брат просил Катрин поблагодарить вас за посылку денег. Передайте тысячу пожеланий от его имени вашему мужу. Сообщите вашему брату о здоровье Лили. Вот и все, добрейшая моя Лиза. Он чувствует себя хорошо, повторяю вам это еще раз, много занимается своим садом, и цветной горошек у него самый красивый во всей тюрьме. Есть розовый, белый, голубой — последний очень редкого цвета. С того времени, как я покинула каземат, он часто заходит к госпоже Ивашевой, так как они живут в одном отделении. Он дружит с ее мужем, а Камилла знакома с нашей Катрин. В этом я ей завидую.

Тысячу раз благодарю вас, дорогая Лиза, за подробности, которые вы мне сообщаете о вашем сыне. Как мать — вы очень скромны. Признаюсь вам, что своего сына я считаю прелестным, умным, одним словом, я не могу сравнить его ни с каким ребенком из тех, кого я знаю. Вот уже две недели, как у меня есть замечательная няня из России, которая мне помогает по уходу за ним. Это очень полезно и для меня, и для ребенка, ввиду того, что я слишком утомилась в роли кормилицы. Прощайте, дорогая моя Лиза; дружеский привет вашему мужу. Я знакома с ним еще с Одессы[2], если он об этом помнит, и истинно ценю его. Ваш брат внушил мне чувство уважения к характеру своего зятя и друга. Прощайте, тысяча и тысяча нежностей вашей сестре.

Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне княгине Елизавете Александровне Шаховской в Московской губернии в г. Волоколамске.

81. Е. А. ШАХОВСКОЙ*

Петровский завод, 28 июля 1832

Дражайшая моя Лиза, после вашего письма от 25 мая ваш брат не получал от вас никаких известий. Он предполагает, что причина этому ваш отъезд в деревню. Он очень доволен тем, что вы, наконец, у себя, в особенности все семейство собралось, и если те новые чувства, которые вы должны испытывать, не слишком тягостны для вас. Последние ваши известия о сестрах не совсем приятны. Ваш брат рассчитывает, что вскоре вы сможете сообщить ему об их здоровье и душевном состоянии. При его привязанности к ним вы понимаете, как он о них беспокоится. Он просит передать им его приветы и сказать, что он надеется получить письмо от них. Вы не сообщаете ничего определенного о службе вашего мужа, если только не затерялось какое-нибудь из ваших писем. Петр Александрович** просит передать своему дорогому брату и другу самые любезные пожелания. Он любит его, как и прежде, и объясняет его нерадивость в переписке большой занятостью служебными делами, которых у него очень много, а особенно вашей услужливостью и рвением выражать Петру Александровичу чувства вашего мужа к нему.

Петр Александрович здоров, но последнее время его одолела лень. Он говорит, что стыдно было бы чем-либо заниматься в то время, когда светит солнце. Впрочем, солнце, сияющее здесь, не очень ему нравится, так как до сих пор оно ни разу не заставляло нас хотя бы на один момент забыть про Сибирь.

Мы попрощались сегодня с госпожой Розен, ее мужем[1] и господином Глебовым[2], которого мы очень любим. Одному богу известно, как этот последний будет жить на поселении. Уезжающих отсюда ожидает совершенно иная жизнь. Образ жизни настолько зависит от места поселения, что к этому трудно приготовиться заранее. Уезжают отсюда часто совсем без денег, неизвестно куда, неизвестно кем станут — пахарем, рыбаком, торговцем. Единственно, что не вызывает сомнение,— это то, что ждет одиночество. Отъезд господина Глебова вызвал у нас чувство глубокого сожаления.

---

* Подлинник на франц. яз.

** «Петр Александрович» здесь и далее по-русски.

Что касается господина Розена, он повсюду будет счастлив, имея такую добрую и достойную уважения супругу.

Все, что вы рассказали Петру Александровичу о его старшем брате[3], было для него очень приятно. Ему никогда не было безразличным все то, что касалось его брата. Сначала он был огорчен, узнав о его стесненном положении из-за плохого состояния дел, а теперь он вместе с вами радуется, когда наконец его дела приняли счастливый оборот. Он рад его успехам по службе. Вы доставили ему истинное удовольствие, поделившись с ним своими впечатлениями о пребывании старшего брата у вас. Сообщайте о нем Петру Александровичу как можно чаще. Он надеется, что сможет сам ему написать, будучи на поселении. Одно из первых писем он, несомненно, напишет ему.

Милая моя Лиза, вы слишком скромничаете, говоря о вашем сыне. Признаюсь вам, что мой сын мне кажется очаровательным. У него восхитительные черные глаза, милая улыбка, прекрасный цвет лица и здоровый вид, поэтому я чувствую себя счастливой. Я бы продолжала расхваливать своего сына, если мое письмо могло бы ускользнуть от цензуры вашего брата. Но с того момента, как он заметил, что я только и занята тем, что говорю о Мишеньке и что можно подумать, слушая мои восторги, что до рождения моего сына ни у кого никогда детей не было, и тому подобное... Став более благоразумной, я прощаюсь с вами, дорогая моя Лиза; обнимаю вас и ваше дитя от всего сердца. Прошу вас выразить мое почтение и чувство истинной преданности вашей маменьке, а Катрин передать мои самые нежные приветствия.

Мария Волконская.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству государыне Елизавете Александровне Шаховской в Московской губернии в г. Волоколамске.

82. Н. А. МУХАНОВОЙ

Иркутск, 21 генваря 1833

Я должен отвечать вам на все ваши письма и благодарить вас за любовь, которую вы мне оказывали постоянно в течение 7 горестных для вас и тяжких для меня лет. Но я не думаю, чтобы я успел написать вам много, а чувства благодарности моей к вам у меня недостает сил выразить. Всякое слово ваше было для меня драгоценно и



ПАВЕЛ А. МУХАНОВ, БРАТ ДЕКАБРИСТА
Неизвестный художник. 1827 г. ИРЛИ

отрадно. Вы и добрые сестры мои делали для меня все, что было в ваших силах, и я вполне знаю и меру, и цену вашим действиям и вашей любви. Один из семьи отстал от вас[1], но я уверен, что занятия, дела и, может быть, другие причины отвлекли его, и сколь мне сие ни горестно, но я забыл его обеспечить. Я пишу ему: я исполняю свой долг, и довольно было одного слова Лизы, чтобы заставить меня забыть то, что так долго меня печалило. Впрочем, оставим похвалы, которые для вашего доброго сердца могут быть тяжелы, и неприятные воспоминания, которые пройдут или даже прошли. Я обнимаю вас с сердцем, полным любви, и готов обнять его с сердцем, с которого первая ласка сотрет все.

Я приехал сюда 19 и еду 22 генваря в Братский острог Нижнеудинского округа. Не думайте, чтобы это действительно острог. Это деревня, селение на реке Ангаре. Место пустынное, мрачное. Впрочем, я, приехав на место, уведомляю вас подробно. По образу будущей нашей жизни почти все места в Сибири равны. Без сомнения, мне желательно было бы жить поюжнее и позападнее: в месте, где климат сноснее,— но после тюрьмы все, что не огорожено частоколом, покажется сносным. Чистый воздух, даль, широкое небо вместо лоскута неба -- все это оживило мою душу, несмотря на то что сильная и продолжительная болезнь препятствует мне вполне пользоваться той маленькой свободой, которую я приобрел. Вам кажется, что, выйдя из тюрьмы, я не скоро войду и в комнату; но вы ошибаетесь: вот три дни, как я живу здесь, и я не выходил по доброй воле из своего угла. Впрочем, довольно тяжело понять то, что чувствует человек, выходящий на волю после семилетнего заточения. Я думаю, что я слишком слаб, чтобы разом надышаться вольным воздухом и после долгой сидячей жизни ходить. Ноги мои очень слабы. Я жду весны и солнца. Они мне нужны, может быть, я оживу, теперь все еще какая-то безжизненность во мне. Не знаю ни хорошей, ни худой стороны острога Братского, но меня ужасает ужасная отдаленность от медицинских пособий. Деревня эта в стороне и в 400 верстах от города и врача. Но я запасусь здесь кое-какими лекарствами и просил уже сестру, чтобы она прислала мне лечебник. Только когда болезнь моя возобновится в сильной степени, буду я просить позволения ехать в город. Все эти поездки для человека неимущего разорительны; особенно здесь и в нашем положении, поэтому эту невыгоду моего будущего места жительства исправить мне нельзя. Все просьбы и домогательства с моей стороны были бы неуместны и казались бы неблагодарностью и беспокойством, а я не хочу придавать себе таких пороков, которых у меня нет. Без сомнения, я желал бы быть поселен в Западной Сибири, в уездах южных, где климат здоров, почва хороша и существовать дешево: важные преимущества для человека небогатого и нездорового; но весьма естественно, что места сии назначаются не по нашему выбору. Впрочем, прошу вас устранить всякое беспокойство на сей счет. Одно, что я желаю, это не быть причиною новых тревог и печалей. Везде можно жить, можно жить хорошо. Сообщество

людей мне не нужно — я мудрен на выбор, и, несмотря на безгражданственность мою, я сохраняю права выбора людей и лучше желаю быть ни с кем незнакому, чем быть в знакомстве с кем-нибудь. Что я буду делать там? Вот вопрос, который разрешить трудно. Делать мне необходимо, бездействие для меня яд. Но что делать — я не знаю. Мои расспросы о крае том меня привели в отчаяние. Там занимаются стрельбой, но нам запрещено стрелять. И хоть я стрелок хороший, но в звероловы попасть мне нет охоты. Хлебопашеством занимаются мало — нужно большой капитал. Торговать невозможно, ибо ездить не позволено, а письма наши идут через Петербург. Итак, я в недоумении, и, признаюсь, тунеядство для меня эшафот. Я рад, что мой старый товарищ и приятель Розен счастливее меня, ибо он женат и имеет детей, но место, где он живет, имеет большие выгоды на сей счет. Впрочем, и я могу быть женат. Но об этом поговорим после. Прошу вас быть весьма умерену в ваших ходатайствах. По материнской любви вашей вам весьма естественно делать все, чтобы улучшить судьбу вашего сына, но мне тяжело быть вечным предметом ваших забот, ваших трудов и причиною вашего душевного беспокойства. И сознаюсь, я люблю вверяться провидению. До сих пор все, что со мной было, не извлекло из меня ни одной жалобы. Уныние для меня неизвестно. Семилетний поход мой был поход трудный, но я шел полон надежд на всевышнего. И благодарю бога за то, что все, кого я любил, целы, все, что дорого мне, сохранено им. Я не могу вас обнять, но могу излить вам все мои чувства. Письма мои так публичны, как газеты, но тайн у меня никаких нет, и стыдиться моим чувствам мне нечего. Письма мои будут похожи на любовные изъяснения, но вы знаете, как я вас люблю, и мне приятно, чтобы вы читали на бумаге то, что вам читать нельзя из дел моих. Вам я ничем другим, как на этом листе бумаги, не могу доказать любовь мою; но не менее того я вас люблю страстно — всех вас, моих добрых сестер, и я рад, что я был в тюрьме, ибо видел, как много вы заботились обо мне. Эти семь лет были испытанием чувств и людей.

Теперь осталось мне желать одного. К счастию, это желание старое и общее желание обоих наших семейств. Я ожидаю решительного известия от моей неоцененной невесты[2]. Она не видала железных решеток, и я благодарю ее, что все, что она сделала, было совершенно в согласии с

желаниями моими. Милосердное провидение приблизило день нашего соединения, и я уверен, что все вы будете благодарить бога за милость его и будете содействовать к скорейшему окончанию дела, которое продолжается так долго по собственному нашему желанию. В письмах, полученных мною здесь, я имею все уверения, что скоро мы будем писать вам вдвоем. Те препятствия, которые я почитал важными,— это тюремное тяжелое и неприятное существование — исчезли, и мой радостный день, день новой жизни для меня будет также первым счастьем, которое вы получите от меня. Выезжая отсюда, я возьму позволение от губернатора на вступление в брак, ожидаю собственных писем от нее; теперь прошу соединить над ней и надо мной ваше благословение.

Вы удивитесь, что в письме моем нет ни слова никакого признака чувства благодарности к императору за уменьшение моего срока, тогда как вы все говорите мне об этом с сердечной признательностью. Но письма из тюрьмы и Сибири могут быть просты или хитры, и я не хочу, чтобы то, что сказано из простосердечия, принимали за расчет лукавый, чтобы ложно толковали мои побуждения. Отдать солнце, дать средство дышать каким бы ни было воздухом, есть благодеяние, и я могу дарованную мне свободу употребить в собственное счастье, следовательно, я знаю всю цену оной, но я не хочу отдавать на кривой суд и ложное толкование своих чувств. Бог даст, придет время, когда можно будет употребить мне мои способности, мою ревность, мою честность, все то, что дал мне бог на пользу других, и тогда чувства мои выразятся не пустыми словами, а делом. Может быть, исполнятся все теперешние виды моего самолюбия — заменить какого-нибудь плута.

Поручаю вам обнять моих сестер и их мужей. На будущей почте буду писать им особо, теперь я принялся поздно... и еще не имею ни пера, ни бумаги. Обнимаю вас; письмо недлинно, но я должен его отправить.

Ваш сын Муханов.

[*На обороте третьего листа адрес:*] Ее превосходительству милостивой государыне Наталье Александровне Мухановой в Волоколамске Моск. губ.

83. Н. А. МУХАНОВОЙ

Братский острог, 28 генваря 1833

По несчастию, любезная матушка, пишу вам из места, которое мрачно, худо, бедно и гнусно, и если письмо мое покажется вам слишком грустным, то вы сами ясно увидите причину оному. Я прибыл сюда вчера не болен, но хвор. Я сильно простудился: дорогой у меня сделалась лихорадка и нарыв в горле. Теперь мне лучше, кроме ног моих, которые продолжают страдать. Но в месте, в котором я нахожусь, и ноги не весьма нужны. Деревня маленькая, на берегу Ангары, вокруг лес дремучий, непроходимый, не видно ни пашни, ни луга. Пустыня дикая, ненаселенная, место самое отвратительное. И г. генерал-губернатор сказал мне, что я поселен в самом худшем месте, сказал совершенную правду, ибо хуже Братского острога места я никогда не видел, несмотря на то что проехал Россию по обоим ее диаметрам. Но отчего я поселен так худо и что руководствовало при избрании и назначении мне сего места, я определить не смею. Я знаю только то, что милость государя, пройдя только через одну инстанцию, дошла до меня не в полноте. А в доказательство того, как это место худо, то в этой половине, в Братской волости, в которой я живу, перестали селить других преступников... Всех поселенцев здесь пять или шесть старых, и те живут, чтобы не умереть с голоду. Здесь нет горизонту. Лес стоит вокруг, как живой частокол. Мужики почти ничего не сеют, ибо пашни нет; все они звероловы. Я говорю вам, что деревня эта навела на меня такое уныние, какого ни одна тюрьма еще не наводила на меня. Все 9 тюрем, в которых я жил, были лучше этого поселения. Мне еще не совершенно известно, состою ли я на обыкновенных правах поселенца или есть какие-нибудь исключительные? Желаю от души, чтобы их не было: до сих пор не было ни одного в нашу пользу. Приведя все это в ясность, уведомлю о сем подробно. Но вообразите мое состояние, я, который семь лет сряду, по крайней мере 8 месяцев в году, болен и должен лечиться теперь у здешней повивальной бабки и просвирни. В случае болезни могу я написать губернатору, письмо мое пролежит в волостном правлении, оттуда пойдет к окружному начальнику, от него к губернатору и ответ тем же порядком назад, так что если и найдется лекарь, то он может приехать сюда или после моей болезни,

или после смерти... И где возьму я средства, чтобы удовлетворить его за услуги и проезд около 1000 верст. Впрочем, я полагаю надежды свои на бога и надеюсь, что тот, кто избрал это место, избрал его, верно, по ошибке и может исправить ее. И когда мне мочи не станет, я буду просить о переводе в лучшее место. Может быть, приедет в Иркутск жандармский офицер. Я ему напишу, и он, вероятно, захочет увидеть это гнусное место, которое может привести человека в отчаяние или свести его с ума. В восточной Сибири сошли с ума двое[1]; я надеюсь не быть третьим, несмотря на то что все, чем я окружен, содействует этому. Но здесь живут люди, да только дикие и пользуются свободой работать, торговать, действовать, звероловствовать, а мне все запрещено. Благодаря бога, у меня есть нравственная сила, чтобы бороться со всеми бедствиями. Но и терпению есть конец и можно из сил выбиться. Впрочем, старайтесь быть сколько возможно покойнее. Может быть, это состояние временное. Как обязанность всякого человека охранять жизнь свою и способности, данные ему от бога, поэтому я буду просить постепенно всего начальства. Я буду просить о переводе моем со временем. Тут ничего нет противозаконного, ибо поселенцам по Положению о ссыльных позволено переселяться в другое место. И тот, кто взглянет в это убийственное место, согласится, что из него проситься должно, что селить в него не следовало бы. Генерал-губернатор лично изъявил мне соболезнование, что мне досталось жить в сем гнусном месте, и сказал, что он надеется, что по просьбе родственников я могу быть переведен. Я в этом нисколько не сомневаюсь, но сожалею, что он с первого раза не назначил мне такого места, где можно жить и есть какое-нибудь средство трудами или деньгами доставать себе по крайности необходимое для существования — а здесь этого нет.

Письмо мое вас растрогает, состояние опечалит, но что делать — может быть, моя судьба так черна, что и улучшение моей участи милосердием государя могут еще испортить другие. Но успокойтесь, и если вы надеетесь, что ваше ходатайство может быть полезно мне, просите, чтобы меня перевели из северной и восточной Сибири в южную и западную, туда, где я могу вылечиться от семилетней мучительной болезни моей и где бы я мог существовать, не обременяя моих родственников, столь долго меня содержащих. Впрочем, если бог продлит мою жизнь, я уверен, что

первый офицер жандармский будет, сам вызовется быть моим ходатаем и лично убедится, что здесь не только больному, но и здоровому существовать невозможно. Мне стыдно себя. Первый раз на меня напала грусть, но бог даст, она скоро пройдет. Целую вас, наилюбезнейшая матушка, обнимаю вас нежнейшим образом. Да хранит вас бог. Вручите письмо, при сем прилагаемое, Лизе. Я писал брату из Иркутска. Надеюсь получить ответ. Я поручаю вам благодарить всех тех, которые меня любят и доказали это заботливостью своею. Не присылайте мне ничего. Я просил у сестер разных безделок, но здесь мне ничего совершенно не нужно. Это могила, окруженная соснами, в которой нет сил ничем заниматься. Решительно прошу вас ничего мне не присылать.

Ваш многолюбящий сын П. Муханов.

84. Н. Л. ЗАВАЛИШИНОЙ[1]

Братский острог, 2 февраля 1833

<...>* Дмитрий Иринархович[2], благодаря бога, здоров, но худ (вследствие усиления диеты). Он сделал из тюремной мрачной жизни все, что мог. Занимается чрезвычайно много языками мертвыми и живыми, западными и восточными. Особенно изучает он еврейский, со всеми его наречиями, и хотя я не судья в сем огромном его подвиге, но, имея часто с ним разговоры о Ветхом завете и иудейских древностях, я мог заметить, что он не уступает в знании тем ученым людям, с которыми я был в сношении в Петербурге. Если бы у него было более пособий и новейших книг**, то, может быть, со временем вынес он из тюрьмы своей полное знание языка, которому мало учатся в России, а между тем языка необходимого для точного изучения священных писаний...[3]

85. Н. А. МУХАНОВОЙ

Братский острог, 3 февраля 1833

С тех пор как я здесь, любезнейшая матушка, я еще не получил от вас ни одного письма. Надеюсь, что переписка

* Начало и конец письма утрачены.

** Это писано было о занятиях до 1833 года, а затем я все более и более наполнял свою библиотеку книгами, относящимися к изучению Библии. (Примеч. Д. И. Завалишина.)

наша и пересылка ваших писем ко мне скоро установится и будет так же исправна, как она была в течение пяти лет сряду. Но, будучи совершенно в стороне от почтовой дороги, не знаю, буду ли я иметь случай писать к вам так же часто, как прежде через княгиню Волконскую. Вы можете быть уверены, что я не буду пропускать ни одного предъявляющегося случая, чтобы не принести вам единственного утешения, которое вы ожидаете от меня. До сих пор со мною не произошло ничего хорошего. Я не выходил из избы, страдая ногами и горлом, и сегодня в первый раз ходил дышать на воздух, более от безделья, чем из охоты. Я еще в совершенном недоумении насчет своей жизни. Надеюсь, что причины, заставляющие вас искать и просить моего переселения в южную Сибирь, уважительны и не будут отвергнуты. Это дает мне успокоительные надежды, и покамест я живу на бивуаке, ожидая лучшего. Если же счастье будет опять неблагоприятно, вынужден буду поставить избу у леса и буду жить, как угодно богу. Просидя семь лет в тюрьме, я вышел из нее, как с того света. Не знаю ничего, что было, не знаю даже хорошенько, под каким я состою порядком, не знаю, что можно мне, чего нельзя. Признаюсь, до сих пор у меня только одно желание: это избавиться от семилетней болезни, но как достигнуть оного — это задача, которой решения я не вижу. В этом недоумении и с этим справедливым и естественным желанием я решился писать к графу Бенкендорфу[1]; но, не желая себе вредить невольным образом, я послал письмо к тетушке К. А. Бакуниной[2], предоставляя ей располагать им, судя по ее благоразумию и советам, которые может она получить от людей сведущих. Я принял с своей стороны все предосторожности, а последствия не зависят от меня. Ничего нет естественнее, как искать возвращения здоровья или, по крайней мере, стараться убавить нестерпимую боль и не имея к тому другого средства, как обратиться к начальству, я это и делаю. Но почему я не обратился к губернатору или генерал-губернатору — потому, что, кажется, они оба не в силах ничего сделать, и вам известно, что последний отказал поселение мое в южной Сибири и обнадежил меня, что одно ходатайство родственников моих может доставить мне средства, которые столь для меня необходимы. Итак, я думаю, что я поступил совершенно правильно.

Собираясь на поселение, я просил сестер, чтобы они

прислали мне некоторые вещи, которые почитал я необходимыми; но как я не в духе и не в силах ничем заниматься, прошу сообщить им, чтобы они не исполняли моего первого требования. Здесь мне действительно ничего не может быть нужно до некоторого времени. Если я принужден буду остаться в этом ужасном месте, я должен буду построить избу, и, может быть, дадут мне угол для двора и огорода; тогда попрошу вас прислать мне семена, которые купите вы у Финтельмана против большого театра, растений и овощей обыкновенных и немудреных. Касательно табаку: у меня есть достаточно — на 6 месяцев, после прошу прислать, но непременно фабрики Жукова, Суханова, Кутулы по 2 руб. фунт, а не другого, который вы и Лиза мне всегда присылаете. Белья и платья мне не нужно, кроме летней камлотовой[3] шинели. Вы знаете, что я не застенчив и буду просить вас просто о всем, в чем могу нуждаться.

Прощайте, любезная матушка, надеюсь, что при помощи божьей судьба моя будет улучшена, если же нет, то все силы, которые есть во мне, употреблю, чтобы еще бороться с бедствиями. До сих пор болезнь и праздность меня сокрушают. Увидим, что будет далее. До тех пор, пока не буду знать что-нибудь положительного, ничего не предпринимаю, ибо с малыми денежными средствами можно существовать только одною бережливостью.

Весь ваш Муханов.

86. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

Братский острог, 3 февраля 1833*

Милостивый государь граф Александр Христофорович!

Милостью государя императора, глубоко мною чувствуемою, освобожден я от каторжной работы ранее срока и сослан на поселение. Обращаюсь к вашему сиятельству, к тому доброжелательному ходатайству вашему, через которое оказана многим страждущим вся полнота монаршего милосердия. Семь лет сряду страдаю я сильнейшею цинготною болезнью и приведен ею в совершенное расслабле-

* Пометы: «Получено апреля 25, 1833»; «Отдано Бибиковым — каким образом он получил сие письмо?» (рукою А. Х. Бенкендорфа); «Также приказано оставить без производства. К делу» (рукою А. Н. Мордвинова).

ние. Восемь месяцев в году бываю я болен. Я потерял часть зубов; ноги мои сводит так, что я несколько часов сряду чувствую, что у меня есть ноги, только одною мучительнейшею болью. Я угрожаем совершенным лишением ног. Два врача, у которых я лечился, удостоверяли меня, что при лучшем климате, при обстоятельствах, способствующих к выздоровлению, и при рачительном лечении могу я получить совершенное выздоровление.

Я поселен в климате суровом, в 580 верстах от врача, не имею никакого средства получить врачебные пособия.

Испрашивая ходатайства вашего сиятельства о переселении моем в южную часть Западной Сибири и доставлении мне возможности пользовать болезнь мою там, где есть к тому необходимые средства, я прибегаю к монаршему милосердию с верою и исполнен глубочайшею благодарностью к его благодеянию.

Одно предстательство вашего сиятельства может вывести меня из угрожающей мне опасности, и я осмелился обратиться к вам, движимый уверенностью, что вы окажете мне помощь.

С совершенным почтением и глубочайшею преданностью имею честь быть, милостивый государь,

ваш покорнейший слуга Петр Муханов[1].

87. В. М. ШАХОВСКОМУ

Братский острог, 5 мая 1833

Я весьма рад, любезнейший друг, что дружба твоя ко мне оскорбилась от собирательного имени, в которое я включил твое. Я вижу, что ты любишь меня ревниво. Впрочем, ты напрасно даешь худое толкование моей ошибке; истинная причина такому смешению вас в одно была поспешность, с которой я писал первое письмо. Я не перемещу тебя с той степени, на которой поставили тебя мои чувства и твоя внимательная, заботливая, братская дружба, разве ты думаешь, что обстоятельства извели мое сердце? Иначе как могу я тебя разжаловать? Но все это многословие лишнее. Благодарю тебя за оказанные мне вновь важные услуги, об которых получил я подробные известия через других. Желаю, чтобы ваш общий труд увенчан был совершенным успехом, столь необходимым для меня. Из моих последующих писем, которые должны быть для вас не весьма приятны, ты еще мог видеть положение, в кото-

ром я нахожусь. Ты знаешь, что не только по характеру и привычкам моим, но и по долгой опытности в сем роде жизни я могу много перенести; но здесь едва ли кому достанет сил терпеть. Три месяца сряду я в болезни и в праздности. Здесь нет средства помочь первым и избавиться от последней. Перевод мой в другое место, сколько-нибудь выгоднейшее для существования, будет настоящим освобождением моим из тюрьмы и по многим отношениям не милостью, а благодеянием. Пользуясь доверием начальства, в прямом ведомстве которого я нахожусь, доверием, ежедневно внушаемым моим образом жизни, может быть, нашел бы я средства увеличить мои занятия; но все, что я могу приобрести не через письменные приказания губернатора, а от попущений, почитаю я злоупотреблением, и по тому самому я не выстрелю в утку из чужого ружья, хотя всякий день в тридцати шагах от избы моей стреляют не только уток, но и в коз и сохатых, и эта запрещенная для меня стрельба меня очень соблазняет. Я надеюсь, что такая строгая осторожность избавит меня навсегда от сибирских выдумок и клеветы. Поведение мое тем более должно быть осторожно, что мне не объявлены ни мои права, ни обязанности: я знаю только по слухам, что состою вне общего постановления о поселенцах, и от неведения сего мне трудно узнать, что действительно позволено и что запрещено. Что же касается до главной вашей заботы, т. е. до здоровья моего,— оно худо, но весна может его поправить. Впрочем, не получив до сих пор средств к лечению, несмотря на данные окружному начальнику приказания, я вынужден был вторично просить губернатора о приказании ему поступать почеловеколюбивее. Я знаю, что просьба получать от лекаря лекарства не может быть противозаконною, ибо есть постановление лечить больных поселенцев, и надеюсь, что в сем случае я не составляю исключения. Хотя действительно смешно лечиться заочно и писать о болезни и лекарствах; но я повинуюсь обстоятельствам.

Если должен я буду остаться здесь, я не имею другого занятия в виду, как завести лошадиную мукомольную мельницу и заниматься переводом книг. Писать из головы почти невозможно за неимением книг для совещания. А получив хотя очень ограниченную от худой местности свободу, я получил обязанность трудиться и стараться как можно меньше быть в тягость тем, которые семь лет содержали меня. О доставке мне плана и подробного описания

такой мельницы писал я тебе и с нынешней партией пишу А. А. Саблукову[1], который вызвался помогать мне своими знаниями. Что ж касается до второго занятия, которое может быть для меня прибыльнее, приятнее и занять более времени, то я прошу тебя посовещаться с Александром[2] и Погодиным и доставлять мне по одному тому в месяц хорошего сочинения, но стараясь, чтобы оно было не огромно. Я могу в день легко перевести один печатный лист, но с поправкой это много. Пришли мне каталоги графа[3] от 30 №. В сем случае вы будете поступать со мною коммерчески. Я знаю, что все мои намерения сего рода вам кажутся смешными, но вы должны убедиться, что при малейшей свободе человек должен действовать и приносить пользу, по крайней мере, себе. Я не думаю, чтобы дремать было честно, когда можно делать. Все, что я могу делать теперь, ничтожно с моими желаниями; но должно опять начинать жить. Я просил сестру прислать мне собрание русских законов, но как я узнал, что вышел Свод оных[4], который продается у Селивановского по сто руб., я прошу доставить мне оный переплетенным, за что вы прибавите Селивановскому деньги и попросите его переслать на имя губернатора для доставления ко мне. Я писал вам тогда, чтобы вы получили способы на покупку сию от Машеньки[5]. Из всего сказанного ты видишь, любезный друг, как я живу теперь и что намерен я делать. И поэтому я вполне удовлетворяю твое любопытство. Если по просьбе матери моей оказана будет мне милость и меня переведут на другое место (что вы уже знаете), то состояние мое весьма улучшится, ибо все отзывы моих всех прежних товарищей, которых судьба избавила Иркутской губернии, доказывают, что они блаженствуют в сравнении с нами; в противном случае, повинуясь обстоятельствам и не имея даже надежды переехать из сей волости в соседственную, гораздо выгоднейшую во всех отношениях, я поставлю избу и стану жить, как велит бог, благодаря вас за все ваши заботы и попечения, которые приносят вам много труда. Но пора мне сказать хотя два слова жене твоей. Я очень благодарен ей за ее два письма — 12 и 20 марта, обещание писать чаще и распоряжение, которое она сделала насчет отсылки моего письма матушке. Оно совершенно согласно с моими желаниями. В письме Лизы столько любви и хороших намерений, что оно вовлекло бы меня в нежности, если бы место было для оных. Если когда-нибудь сбудутся

все ее, мои желания и желания всех людей, нам близких, тогда я буду сметь радоваться с нею, но мне кажется, этот переворот в моей жизни очень неверен или далек, и заранее я не предаюсь никакой утешительной надежде. После ваших писем стал я покойнее и довольнее, ибо вижу, что вы желаете и действуете совершенно сходно с моими ожиданиями. А, признаюсь, я люблю, чтобы в важном для меня деле было совершенное согласие в наших мыслях.

Она желает знать, могу ли я ходить в церковь; в тюрьме за неимением церкви собирались мы (т. е. немногие) в общую комнату по воскресеньям и читали Завет, псалмы и проповедь. Здесь хожу я в церковь каждый воскресный и праздничный день, но с трудом, а часто не могу выстоять всей обедни. К попу и другим людям я не хожу, кроме одного очень честного и очень умного мужика, который хорошо знает здешний край и рассказывает мне свои баталии с дикими зверями. Когда хорошая погода, я сижу на берегу реки, покрытой еще льдом, и жду с нетерпением, чтобы она прошла, и тогда буду сидеть с удой. Встаю я в 5 часов утра, ложусь спать в 12 и живу без всякого дела, как будто бы у меня много дела.

Вот вам весьма откровенное письмо — впрочем, я желаю быть сколько возможно прозрачнее. Прощайте, обнимаю вас обоих.

П. Муханов.

На письма Машеньки и Лизы, которые меня обрадовали много, буду отвечать следующий раз.

88. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 1 июня 1833

После письма вашего от 20 марта, любезнейшие мои друзья, не было ни одной строки от вас. Послезавтра месяц, как о вас и всех тех, кто дорог для меня, нет вестей. Не знаю, привезет ли мне что-нибудь посыльный из волостного правления, который должен возвратиться через десять дней, я с нетерпением ожидаю одного — новостей, что вы живы и здоровы, ибо предвижу уже — об остальном не может быть более ничего радостного для меня. Теперь это одни заботы, которые огорчают меня. Никогда неведение о вас не продолжалось так долго, и, несмотря на отделение, разлуку нашу, с которой я живу осьмой год, я

попривык переносить равнодушно эту мучительную для меня неизвестность. От души желаю, чтобы новые горести не увеличивали старые, к которым мы уже несколько привыкли не от огрубелости сердца, но из благоразумия.

Благодаря человеколюбивому распоряжению губернатора, я имел свидание с лекарем и получил от него необходимые лекарства, которыми немедленно воспользовался. Две недели прилив крови к голове и невозможность пособить довели меня до ужасного состояния. Я не мог заниматься даже самыми безделками и думал, что должен буду сойти с ума. Хотел заставить коновала поставить на затылке заволоку, но, по несчастию, он тоже занемог и ему нельзя было приехать ко мне. Теперь у меня хороший запас шпанских мух, и я надеюсь избавиться от этой временной боли, мешавшей мне лечиться от постоянной крепостной моей болезни, к чему ви́на и свежие травы могли бы много способствовать. Между тем я лишился на днях 12-го зуба, так что теперь остались у меня одни парадные, а необходимых нет. Впрочем, это меня не заботит. Но боль головы, что-то постороннее под черепом, беспрерывный жар, бред и бессонница — все то, что препятствует умственному существованию,— вот что для меня нетерпимо. Надеюсь как-нибудь справиться и при помощи оставленных мне средств избавиться от ветеринарных пособий. Что же касается до нравственной части моего существования, то вы, без сомнения, вполне уверены, что я принимаю все средства пересиливать действия болезни, и чем она суровее действует, тем упорнее становлюсь я сам. Впрочем, мне приходилось очень худо. Не сообщайте ничего этого матушке, которую намерен я тешить разными рассказами, чтобы унять ее горесть. Последнее письмо ее было очень печально, несмотря на то что она не потеряла надежды в исполнении ее решений на мой счет. Вероятно, теперь ей еще грустнее. Что же касается собственно до вас, я не боюсь быть слишком откровенным с вами. Вы благоразумны и, несмотря на горячность вашей дружбы ко мне, не станете воображением увеличивать худую сторону моего существования и пугать себя. А мне нужно хотя с одними вами быть откровенным. Пишите, любезнейшие друзья, с прежнею вашей исправностью; по крайней мере, за долготерпение это получу разом несколько писем и разом за целый месяц насытю себя драгоценными известиями о вас всех. Об сестре, матери и Маше я тоже ничего не знаю уж ме-

сяц. Я пишу к вам исправно каждые две недели; последний раз за болезнью писал к одной матушке, но через вас, поэтому я успел, вероятно, удовлетворить вашу беспокойную заботливость о мне. Желаю, чтобы вы были все здоровы, целы и покойны, что касается собственно до меня, не бойтесь поразить меня апоплексическим ударом — сообщением худых известий, на которые я всегда готов; старания своего опекунства сильно могут на меня подействовать.

Из письма моего к матушке вы увидите, что я по выздоровлении, по получении решительных ваших писем и позволения губернатора намерен строить избу. Потеряв надежду и почитая неблагоразумным и непристойным искать новых средств к перемещению своему в выгоднейшие и приближеннейшие места к городу или к средствам лечебным, я вынужден заботиться о нужном своем устройстве здесь и приступаю к мере необходимой, но совершенно противной моим желаниям и скудным денежным способам. Иначе будущую зиму пришлось бы мне жить или на дворе, или в семейном курене крестьянина. Не имея средств ни к каким сельским и торговым занятиям по причинам, мною откровенно вам изложенным, я прошу вас присылать мне понемногу, но часто книг по моим запискам и по совету Александра, стараясь прекратить для сего другие ваши для меня расходы — как-то: платье, белье и проч., в чем я на два и даже на три года обеспечен. Иначе от праздности и сильных головных болей, которым я стал подвержен, я попаду в число сумашедших. За невозможностью принять важнейших мер к своему сохранению, не должно упускать маленьких, нам сподручных. Дружески кланяюсь всем общим нашим друзьям и прошу вас сообщить в особенности Машеньке известия моей дружбы и привязанности к ней. Последние известия об ней имел я тому месяц, они были от 5 апреля. Переход из живых и сладких их надежд в то состояние, в котором я давно нахожусь, должно быть для нее мучительно, и мне весьма трудно изложить вам всю благодарность мою и за ее и вашу тягостную о мне заботливость. Я живо и ясно вижу все, что ощущают ваши сердца, полные дружбы, и могу просить вас одного — стараться об успокоении вашем. В прошлом вы сами видели, как желанно отвечать мне на все ваши письма с тою откровенностью, которую они требуют, но думаю, что все ваши желания о моем счастии никогда не казались для меня сбыточными, как теперь, и все, что будет хорошо, будет вовсе

нежданным для меня. Прощайте, любезнейшие друзья мои, я стал писать вам во множественном, с тех пор как получил выговор от твоего мужа, Лиза, но в чувствах моих вы всегда для меня нераздельны. Желаю вам и детям вашим здоровья и спокойствия, обнимаю вас от всего сердца,

ваш многолюбящий брат Петр Муханов.

89. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Б[ратский] о[строг,] 15 июля 1833

Вчера получил я письма ваши от 2, 9, 16 и 24 апреля и приложенные при последнем 300 рублей ассигнациями. Я хорошо вознагражден за шестинедельное долготерпение мое, в течение которого я выходил несколько раз из терпения и всякий день толковал молчание ваше разными образами и, к счастию, невпопад. Наконец, дождавшись писем ваших и другие посылки, я вполне убедился, что вы все живы и невредимы. Признаюсь, я многим из вас из-за сердитой местности сделал худое название. Но такого промежутка между писем ваших еще никогда не бывало. Зато истечение их забавно — всего-навсего получил я 17 писем. Хорошие известия о вас из Московии — доказательства в вашей дружбе — меня обрадовали. А ваши оправдания, на которые, возможно, я сам вас вынудил, меня убедили. Но обвинения мои, сколько бы ни были строги, не должны вас вводить в подобные расчеты. В глуши, в слепоте, в грязи в состоянии моего чувства можно ошибиться и можно быть нетерпеливым, когда несколько лет я терпеливо хотел своего благополучия. Но я ошибаюсь собственно в вас, во мнении вашей ревностной дружбы, и запретить мне невозможно. Все усилия нашей доброй матери и все советы ваши не могут знать лучшего ценителя, как меня, тем более, что мне более чем комунибудь из вас известно, что успехи не зависят от причин и ревности вашего ходатайства, и я никогда не беру за основание своей надежды сравнение. Сколько же было для меня уверительных и верных советов из худого места в хорошее как для приобретения средств к исправлению здоровья, так и для уменьшения ваших средств, жертвующих для меня важными всеми удобствами и всеми своими связями. Но если это улучшение невозможно, то должно и окончиться этой суровой необходимостью, как и всем другим, ей предшествующим. Впрочем, приказание, дан-

ное врачу, о доставлении в случае необходимости лекарственных средств — важное приобретение для меня тем, что я не буду ожидать оных четыре месяца, как это случилось не однажды. Получилось облегчение, за которое я весьма благодарен. Первой выгоде я уже обязан жизнью. Два дня после отъезда лекаря застудил я голову; время было ужасное, сырой северный ветер дул резко. В 10 часов почувствовал я боль под самым черепом, которая возрастала ежеминутно и через четверть часа достигла до совершенного мучения. Самое легчайшее прикосновение к волосам заставляло меня кричать. Вспомнил смерть Керестури[1] и заметил, что первые признаки его болезни были совершенно сходны с моими. Следовательно, это — воспаление мозга. Я решился поступить отважно. Лекарь оставил мне шпанских мух. Я помазал и прилепил 4 пластыря величиною в ладонь и 3 огромных синопизма. Голова моя стала холодна, как лед, и пот горошинами катился по ней. Я хотел послать за священником, но моя стряпка спит в другом доме, хотел написать вам несколько строк, но здесь я прилепил последнюю мушку; как я потерял все силы и что было со мной, я не помню — я пришел в себя только в 4 часа поутру, когда мушка и горчица были в полном действии. Я взял 5 горячих полуванн и начал оживать, другой день был худ, на третий — я был вне опасности и вчера первый раз вышел, но по слабости должен был плыть в лодке. Если бы бог не сохранил мне присутствия духа и ума на столько времени, чтобы принять эти решительные меры, я не существовал бы более. Теперь я здоров, и, кажется, здоровее, чем был прежде. Самое трудное было для меня заживить раны, ибо за 1000 рублей нельзя здесь найти даже конопляного масла — даже в церкви не было елея. 12 суток, кроме нескольких чашек чаю, я в рот ничего не брал. Прошу вас быть совершенно покойными на мой счет. Я в совершенном выздоровлении и, по обыкновению, смотрю на прошлую опасность с удовольствием и благодарностью к всевышнему. Я уверен, что в этом сообщаемом мною известии вы найдете скорее предмет радости, чем новый случай к скорби или беспокойствам, которым вы беспрерывно предаетесь. Итак, лекарь нечаянно доставил мне средства к излечению, и что бы было, если бы мне должно было писать в уезд, из уезда к губернатору... от него в уезд, из уезда в волость. Теперь, как выражаются си-

биряки, *мало-мало лучше стало.*

Благодарю вас за деньги, на которые заведу избу, как скоро получу известия, что нет надежды построить оную в лучшем месте. Но я невольно смеюсь всем выражениям, которыми Лиза всегда сопровождает меня деньгами. Каким образом всякий раз она уверяет, что это не трудовая копейка, а манна. Спасибо вам за эту манну.

Я получил письмо от княгини Марии Николаевны, которое меня очень обрадовало, прошу тебя сообщить ей известие о мне, только не весьма хулите мой Братский острог, чтобы не отбить у них охоты на волю. Она пользуется хорошим обществом, множеством книг, искусным врачом; всего этого у них не будет здесь; но не следует марать их будущности. Нравственные наслаждения сообща для меня заменят многое, но воспоминания трех-четырех приятелей, с которыми, может быть, я расстался навсегда, часто наводят на меня грусть. Марию Николаевну я любил за отца ее, за нее самое, за мужа, которого оставил я без амуниции, ибо он все раздает бедным в тюремниках своих. Большая часть его небольшого жалованья идет на корм в тюрьме и Сибири. Скажи ей, что я желаю Мишеньке здоровья души и ума и более счастливых дней, чем она имела их в своей жизни. Обнимаю ее мужа и прошу кланяться Басаргину, Пущину [2] и Ивашеву. Да не возревнуете вы за огромное число друзей моих, которые до сих пор были нам неизвестны. Два первых исполнены таких высоких достоинств, душевных и умственных, что их нельзя мне не любить. С ними провел я всю тюремную жизнь и, признаюсь, сожалею от души, что тайное общество вывело первого, а 14-е число — второго из гражданской деятельности. Прибавлю к ним Глебова, который торгует теперь тесемочками и серьгами на поселении, и вы теперь увидите, с кем единственно провел я пять лет жизни... Кланяйтесь доброму Захару [3] — я душевно рад, что он выплыл на белый свет. После отъезда его из тюрьмы я пользовался хорошим расположением его родни. Нонушка [4], племянница его,— такой прекрасный и умный ребенок, каких я редко видел.

При сем письмо к[нягине] Маше, я имел, как вам известно, известия от нее от 14 апреля и 4 марта. Скорбь и затрудненное положение ее ни на минуту не выходят у меня из ума. Дай бог, чтобы каким-нибудь образом кончилось нерешительное это состояние, которому цену я

сколько вижу. Прощайте, обнимаю вас, любезнейшие друзья мои, и всем вашим низкий поклон.

Ваш брат Петр Муханов.

90. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 20 июля 1833

Я получил, любезнейшая Лиза, два письма твои, посланные оба по приезде твоем из Москвы от 22 и 27 мая. Благодарю тебя за хорошие известия о семействе вашем, желаю, чтобы вы никогда не могли сообщать мне других, желаю вам той неизменности в вашей судьбе, которой сохранение для вас драгоценно. И еще желаю, чтобы вы успокоились по возможности на мой счет. Успокоение это нисколько не отнимает ревности у ваших желаний моего благополучия, но они заставят вас не увеличивать худого понятия о моем теперешнем состоянии. Не имея возможности выхвалять всего, я, по крайней мере, имею обязанность как можно чаще разрушать ваши страхи за меня, которые заставят вас предполагать меня в состоянии отчаянном, мучительном, которое выводит вас из покоя и счастья, которыми вы должны наслаждаться. Права на жизнь мою всем известны, повторять вам их затруднено, с моей стороны непристойно. Кажется, они не худы, и поэтому самому я избегаю всего, что могло бы казаться самохвальством. Я не следую никакой тактике в моих письмах ни к тебе, ни к другим, я никогда не писал с хитростью. Я весь отдан на волю благополучия о несчастии, ниспосланном для меня свыше. Первое для меня неизвестно по ожиданиям, второе я всегда ожидаю без ропота ни на бога, ни на людей, но с ропотом на себя, ибо я всегда был убежден, что сами мы накликаем оное на себя. Откровенность наших предшествующих сношений вам открыта давно с точностью, повторять теперь мои убеждения для меня неприлично. Может быть, найдутся люди, товарищи моей тюрьмы, которым, по милосердию бога моего, я внушал не раз помощь в их скорби, и это самое доказывает, что скорбь моя не может меня заставить изменять и заставить жить и действовать худо. Вот, любезнейшая сестра и друг, ответ на длинные дружеские твои письма. Они коротки, но мне нет времени писать более, следующее письмо мое будет также ответом на твои письма. Дай бог, чтобы ты успокоилась на мой счет. Это ду-



В. М. ШАХОВСКАЯ, НЕВЕСТА ДЕКАБРИСТА
Художник Ф. А. Тулов. 1814 г. *ГИМ*

шевное мое желание. И я убедительно прошу вас сделать это убеждение в сердце нашей матери, которая, по несчастью, более скорбит обо мне, чем радуется о вас. Вы знаете, что писать писем сахарных, медовых, приторных я не умею и предоставляю это нашему общему другу Степану Дмитрову[1]. Но два слова мои должны быть достаточны, чтобы убедить вас, что ни тюрьмы, ни ссылка, ни Братский острог, никакие лишения в мире не могут заставить меня мучаться, роптать, негодовать, впадать в черную немощь. Все это без прежнего было бы отяготительно, но самое знание и убеждение в причине заставляет все это сносить как неминуемость.

Что же касается до ожиданий насчет исполнения единственного и многолетнего моего желания, то тут я нетерпелив и прошу вас делать все, что вы можете, для достижения цели и достигать оной скорее. Не советы и увещевания ваши меня успокаивают; но ваша ревность, деятельность благоразумия и убеждение, что в семействе нашем заодно старые и малые существа не в состоянии произнести veto против этого. Глупое свойство* наше не есть родство — многие примеры в Петербурге, Москве и в России убеждают меня, что подобные старообрядческие препятствия ныне не существуют[2]. Самая ссылка, разрушающая связи между мужем и женой, неужели не разрушает свойства и не благоприятствует совершению наших желаний?

Впрочем, если ваши отлагательства основаны на надеждах изменения моего местожительства на то, в котором справедливо блаженствует Нарышкин, то я одобряю оное. А для сведения нашего все меры самые официальные и положительные суть лучшие; но вам я не могу быть полезен даже своим благополучием и тебе предоставляю быть единственным действователем и советником ей.

Прощайте, обнимаю вас.

Петр Муханов.

91. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 6 августа 1833

Письмо ваше от 13 июня я получил на сих днях, любезнейшие друзья мои, и, несмотря на печальное и длинное вступление, которое, вероятно, Лиза сделала из шутки, оно меня обрадовало немыслимым образом: несколько часов оно было образом моей судьбы — печальная, длинная, видная из счастливого розыска.

Благодарю твоего мужа за обстоятельнейшее извещение о мерах, к которым приступает Варенька, и как скоро я узнал, что она обратилась с просьбой[1] о браке нашем к тому лицу, которое должно дать окончательное на оную позволение, я немедленно буду писать к гр. губернатору с тем же, несмотря на то, что представление, которое он должен будет сделать высшему начальству, дойдет позже в Петербург. Но я не почитаю приличным писать прежде

* В подлиннике: сватовство.

получения от нее извещения об отправлении ее письма. Не думаю, чтобы относительство ее воспрепятствовало положить окончательное решение на просьбу ее, ибо из писем моих к вам известно желание мое. Без сомнения, тут же будет письменное извещение согласия матушки, я уверен, что ее озаботит, чтобы она вовремя отправила оное куда следует.

Дай бог, чтобы дела сии кончились на радостных предчувствиях обоих наших семейств и завершением наших общих искренних и многолетних желаний, мы все с одинаковым чувством возблагодарим бога.

К этим радостным ожиданиям примешивается много опасений по части будущего ее местожительства. Все, что я писал вам на сей счет, печалило, тревожило и, может быть, и несколько вредило мне. Но повторяю, все это вы должны были знать прежде, чем принять меру, на которую она решилась. Если я теряю надежду на скорое перемещение в лучшее место, то уверяю вас, что я сохранил надежду быть перемещенным со временем. После неудачной личной моей просьбы местному начальству я имел в виду ожидать прибытия жандармского офицера, которые посещают из края лично и убеждаются в нашем положении, и человеколюбивым попечением их многие из товарищей одной со мной судьбы уже переведены в такие места Сибири, где они блаженствуют в сравнении со мною. Я сохраняю эту надежду и желаю передать оную всем тем, которые опасаются за долговременное пребывание Вареньки здесь. Письмо ее от 6 июля, подтверждающее желание ее, которое вы мне сообщили, и убеждает меня, что она вполне знает, на что она решается.

Письма ваши казались мне столь же печальными, как и вам мои. Не может быть иного при недвижении нашем и будущем и при терпеливом ожидании оного. Теперь они, кажется, изменятся — по крайней мере, я не предвижу никаких худых вестей насчет главного предмета. Остальное все второстепенное и не может возмутить нашей радости.

О себе не могу сказать ничего худого, здоровье мое поправилось, несмотря на худое холодное лето и недвижимое состояние, в котором я нахожусь. В 7 числе, т. е. сегодня, был у нас большой мороз, который уничтожил все огороды. Климат ужасный.

Обнимаю вас, любезнейшие друзья, и поручаю все ваше семейство милости божьей.

Ваш брат Петр Муханов.

Я имел известие, что Пушкин соединился с своим братом и поехал в Красноярск[2], равно два Беляева[3], которые будут жить оба в Минусинске. Я душевно рад за них. Все они прекраснейшие молодые люди и так дружны между собою, что эта временная разлука, вероятно, их сильно печалила.

92. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 1 июня 1833

Любезнейшие друзья, я получил письма ваши от 16 июля сегодня, и вы легко можете себе представить, как приятно было мне сблизиться с вами хотя сим образом в день семейного нашего праздника. Сверх этого содержание ваших писем для меня было весьма утешительно. Я рад, что вы и все ваше семейство здоровы и что, собственно, вы стали покойнее на мой счет. Я надеюсь, что все последующие мои письма еще более служили к вашему успокоению. По несчастию, в числе писем, мною полученных, не доставлено одного, которое я уже более месяца ожидаю и, несмотря на все усилия, не могу получить, почему не имею давно известия от Вареньки[1]. Последнее письмо ее было от 6 июля, и теперь мог бы я иметь письма от 10 августа. По сей самой причине я [не] попросил еще через г. губернатора позволения на брак наш, ибо, как вам уже известно, я решил ожидать извещения от нее об отправке просьбы ею. Впрочем, надеюсь, что проволочка ее не будет причиною замедления насчет разрешения просьбы ее. Дай бог, чтобы дело это увенчалось полным успехом. Впрочем, теперь нужно мне письмо ее [для] успокоения моего, ибо долгое и необыкновенное молчание ее дает мне самые неприятные заботы насчет здоровья ее.

Здоровье мое хорошо, и на сей счет вы можете быть покойны. Что я делаю — мне трудно вам сказать. Почти ничего, и весь день проходит в том, что я ищу дела. Читаю, брожу, мечтаю, надеюсь, со всем этим уж не выучусь праздности.

На днях предпринимал я маленькое путешествие на предмет закупки сена, но чтобы не лгать, из любопытства. Мне хотелось осмотреть славные опасностью здешние

пороги. Я выехал рано поутру в лодке и приплыл обратно к обеду верхом. Поездка эта мне весьма понравилась, место дико, но величественно, подобно Кавказу, пороги опасны для самого плавания, на котором и мы просидели два часа, можно было избавиться небольшим обводным каналом. От этого тридцативерстного перехода почти зависит все сибирское судоходство[2]. Прогулка эта была приятна, но я забыл взять сетку и возвратился весь в крови. Дикие пытки должен был я выдержать. Вы не можете постигнуть, какое бедствие мошка, особенно жителям, занимающимся хлебопашеством. Все они носят двойную одежду и, несмотря на это, часто бегут с полей. Вот вам мои похождения. Дай бог, чтобы вы, большие и маленькие, были здоровы, обнимаю вас, любезные друзья мои.

Ваш брат П. Муханов.

93. И. Б. ЦЕЙДЛЕРУ

[Братский острог, 31 августа 1833 г.]

Милостивый государь Иван Богданович.

Покорно прошу ваше превосходительство исходатайствовать у кого следует позволение на вступление мне в брак с девицею княжной Варварой Михайловной Шаховской по обоюдному нашему на то желанию и с единогласного согласия ее и моей матери и всех наших родственников.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства

покорнейший слуга Петр Муханов.

94. Н. А. МУХАНОВОЙ

Братский острог, 31 августа 1833

С сею почтою писал я, любезнейшая матушка, к г-ну губернатору и просил его исходатайствовать у кого следует позволение на вступление мне в брак с княжной Варварой Михайловной Шаховской.

Покорно прошу вас обратиться к тому начальству, которое должно дать окончательно приказание на сей предмет с письменным изъявлением вашего согласия на брак наш.

Если таким образом совершится семнадцатилетнее

общее желание двух наших семейств, благодарность моя к лицам, доставившим нам счастие, будет несказанно велика.

Я уверен, что одна надежда на скорое и совершенное изменение моей судьбы уже успокоила ваше сердце и совершенною радостью заменила скорбь, которая вас мучала так долго и постоянно. Дай бог, чтобы я скорей присоединился к тем детям вашим, которые доставляют вам счастливые мгновения, и тогда я забыл бы все прошлое, если бы можно бы забыть все горести, которые были нанесены мною вам, любезнейшая матушка.

Несмотря на то что я писал к вам недавно — я опять расписался. Будьте здоровы. Теперь беспокоиться вам не об чем.

Вас многолюбящий сын Петр Муханов.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее превосходительству милостивой государыне Наталье Александровне Мухановой в Волоколамске.

95. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 21 октября 1833

Ты не рассердишься, любезнейшая сестра, если я одним письмом буду отвечать на твои два от 3 и 12 сентября. Оба они были для меня приятны, несмотря на то что в первом все та же скорбь о непереводе меня в другое место выразилась так решительно, что я чуть-чуть не прослезился за вас. Но к счастью, что за сильным лирическим порывом печали последовало благоразумие. Бог даст, когда-нибудь будет и для меня лучшее. Теперь с его же помощью переживем и то, что кажется мучительным. Я удостоверяю вас всех, что ни умом, ни сердцем не состою под влиянием погоды. За хорошее благодарю бога, за худшее прошу милосердия и помощи его. И решительно подтверждаю вам для успокоения вашего, что я более двух минут никогда не имею привычки грустить. Но не дай бог, чтобы то, чего я жду с юности — лучшие мои надежды рушились.

Благодарю тебя за все твои сказания о детях. Но признаюсь откровенно, что я часто улыбаюсь, когда оба вы стараетесь меня уверить в гениальности ваших ребятишек и особенно когда я представляю себе, что на каждого из них несколько сот вершин фонтанов кругом и мер. Благо-

дарю тебя за то, что ты пожаловала меня в мусью Бульо[1], но отрекаюсь от этой чести. И главное, боюсь сказками моими сделаться для чад твоих посмешищем. Я написал было для них краткую историю русскую — но одно холодное утро подтопил ею сырые дрова. С лишком три дести славно вспыхнули — при недостатке книг, и особенно с дружбою твоею с Погодиным мне писать или продолжать писать историю было бы безрассудно. Теперь я занят очень странным делом, вообрази себе, что я из памяти, без всяких других источников, разве рассказов моей кривой кухарки, дополняю Академический русский лексикон[2]. И вот уже у меня готова шестая сотня слов, пропущенных в трудах почтенных мужей. Как скоро перепишу — пошлю тебе, чтобы ты велела их напечатать в Ученых записках[3]. Я получаю от брата письма довольно часто и весьма приятные. Я рад, что он хорошо подвизается, и в особенности занимает его важный исторический труд[4]. Попроси Погодина содействовать ему, равно пусть пришлет он мне какое-нибудь древнее сочинение иностранное о России времен Петра I или царя Грозного для перевода — я на досуге весьма рад бы заняться делом.

Смерть еще двух наших дядей[5] меня огорчила, немного стариков в нашем семействе, и я истинно желаю, чтобы молодые жили и умирали так хорошо, как они. По крайней мере, в дружбе, связывающей нас всех, детей умерших, есть что-то схожее на дружбу отцов, и прошу тебя благодарить всех наших за то, что они любят и не забывают того, кто жизнью исключен из списков живых. По крайней мере, из прежних моих товарищей тюремных суть только предметы поминовений при кутье — и по воспоминаниям. Вообрази себе нежность семейства Спиридова, которым я надоел тебе, когда был в тюрьме, братья заставляют писать к нему своих управителей вместо себя и содержат его на постной пище[6]. А Анненкова занимается притонодержательством французов и передает имение сына не детям его, а M⁰ Megron. Если бы она знала, как бедно живет он, может быть, вместо румян зарумянилась она стыдом[7]. Неужто ее никто не презирает?

Обнимаю тебя и гениальных двухлетних детей твоих. Мой дружеский поклон мужу твоему. Да хранит вас бог.

Твой преданный брат Петр Муханов.

96. Е. А. и В. М. ШАХОВСКИМ

Братский острог, 13 ноября 1833

Я давно не писал вам, любезнейшие друзья мои. Надеюсь, однако, что письмо мое к матушке доказало вам, что я жив и что ничего нового худого не приключилось мне. Не беспокойтесь, все то же — и я все такой же, нетерпеливо ожидаю одно — и теперь страшусь за то, чего ожидаю. Впрочем, для вас эта мучительная загадка уже разгадана, и дай бог, чтобы вы возвратили мне радость — а не то, чтобы довершить меня.

Я не получил от вас и вообще из Москвы писем. Вероятно, худые дороги весьма остановили почту. Но Варенька пишет мне исправно, и в письмах ее утешительны для меня одни ее намерения. Но, может быть, оба мы и вы все неутешно уповаем.

Здоровье мое кое-как — порядочно. Я стараюсь не сидеть, но боюсь утонуть в снегу. Никто не помнит такого глубокого и рыхлого снега. И Братский острог стоит также мерзок, как в тот несчастливый день, в который я с ним познакомился. Все бело в округе — все дико, но невеличественно, какая разница с Кавказом!

Будьте покойны на мой счет — в случае болезни я могу прямо писать к лекарю, теперь нет надобности в нем. По крайней мере, пусть это успокаивает матушку, для которой нужен покой. Я желал бы с вами покалякать о вас, о себе, но странен дружеский вздор в письмах, которые бредут 7000 верст.

Прошу вас, пишите мне о дяде Николае Саблукове, и, если вы услышите, что он на пути в Россию, уведомите меня. Я буду писать ему, но не имел духу писать из Сибири в Англию.

Матушка думает, что я достраиваю избенку свою. Разуверьте ее — я не начинал еще и не получил еще позволения строить — и не имею еще угла. Как скоро получу место, буду покупать лес и возить оный и строить до весны. И к тому времени узнаю, нужен ли для меня хорошенький домик или узкий гроб.

Прощайте, любезнейшие друзья мои, надеюсь, что вы продолжаете благодетельствовать, по крайней мере, это искреннее желание мое. Всем вашим мой дружеский поклон, а в Тобольск пишите, что я молю бога о скорейшем свидании нашем где-нибудь[1]. Решимость ее заставляет



П. А. МУХАНОВ
Рисунок А. Питча

меня совсем соглашаться на Братский острог. Но, может быть, ради ее — мы его избежим. Обнимаю вас и детей ваших.

Ваш многолюбящий П. Муханов.

Поделитесь письмом сим с матушкой, которой буду писать я ответ на письмо ее, мною ожидаемое. Покамест обнимаю и целую ее.

97. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 20 февраля 1834

Я получил дружеское и грустное письмо твое от 14 декабря, любезнейшая Лиза. Все, что я мог сказать тебе

о себе, должно будет увеличить твою горесть. Скорбь моя все так же мучительна, и одна мысль, что просьба наша не была доложена государю императору, оставляет из меня последнюю надежду. Что мы будем делать, я решительно не знаю. Отказом, мне объявленным, все законные пути для меня закрыты[1]. В письмах Вареньки убийственная скорбь, и к ней присоединилась новая — по случаю смерти Полиньки[2]. Дай бог, чтобы мысли мои несколько прояснились. Впрочем, все это откровение только смущает вас. Мне стало тяжело писать к тебе.

Благодарю тебя за сообщенные подробности о брате. Мне смешно, что он почитает меня таким взыскательством насчет семейного формализма. Я надеюсь, что письмо мое выведет его из заблуждения. Желая ему счастья, я нисколько не думал о другом — я слишком искренен.

Я получил печать, часы, календарь и роман Бальзака, благодарю тебя. По несчастию, часы стоят, как судьба моя, на одной точке. Буду стараться переслать их в Иркутск. Роман расшевеливает <...>* мое воображение, но я лучше желал бы, чтобы ты употребила деньги на книгу, которую можно было бы изучать. Постарайтесь прислать мне часть свода законов, в которой уголовный закон. И русский словарь Reiff[3].

Здоровье мое хорошо, зима тепла, я хожу и езжу ежедневно. Успокойте на счет сей матушку, которая почитает меня оледеневшим. Я получил позволение на постройку, не знаю, буду ли строить — цены ужасные на перевоз леса, не только что, сена вовсе нет, и кони изнурены постом. Я получил деньги, за которые благодарю[4]. Я рад, что на сей раз не вы разоряетесь. Постарайтесь, любезные друзья, помочь и исправить бывшего слугу моего Николая, о котором дошли до меня жалкие известия. У меня он был 10 лет хороший. Это доказывает, что есть надежды на его исправление. Я вижу примеры, что люди из отчаяния делаются худыми. Я взял худого работника ссыльного и стараюсь сделать из него хорошего. В этом я чувствую истинное наслаждение.

Обнимаю вас и детей ваших, а сестрам твоим мой дружеский поклон и искренняя благодарность за скорбные чувства, с которыми приняли они известия о несчастиях наших. Вас многолюбящий брат Петр Муханов.

---

* Одно слово неразб.

98. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 1 марта 1834

Письмо твое от 9 генваря испугало меня. Дай бог, любезнейшая Лиза, чтобы здоровье твое восстановилось и чтобы дочь твоя совершенно исцелилась. Мне совестно, что дружба твоя заставила тебя писать, несмотря на слабость и материнское беспокойство, длинное письмо. Желаю найти в следующем приятнейших известий. После извещения о смерти Полиньки я не имел писем от Вареньки. Это беспокоит меня. Все семейство их поражено горем. Я давно не писал ей. Мне так же мучительно тешить ее надеждами, как и говорить ей о последствиях отказа. Но как скоро прояснятся черные мысли мои, которые меня совершенно покорили, я буду писать ей. Несчастная отрада, но не вините меня. Покориться провидению легко, но покоряться монашеским причудам тягостно и невозможно с противными убеждениями. Эта жертва... всего будущего — слишком велика... И от всех надежд осталась только одна, последняя.

Вашему семейству дружески кланяюсь, а тебя, мужа и детей твоих обнимаю. Прощайте, будьте всегда хранимы милостивым богом.

Вас многолюбящий брат Петр Муханов.

99. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 1 марта 1834

Надеюсь, любезнейшая Лиза, что страх твой за дочь миновал и что к совершенному излечению есть надежда. Все ваши скорби принимаю я с тем участием, с которым вы принимаете мои, но с разностью одной — я иногда радуюсь за вас, вы же давно не имели ничего радостного от меня. Последнее письмо матушки от 14 генваря мне еще доказало, что состояние мое служит единственным поводом к нарушению ее покоя и расстройству здоровья. Старайтесь ее успокоить. Я со своей стороны не могу делать более того, что я делаю. Убедить ее, что с равнодушием моим ко всему, кроме одного, мне ничего не нужно и я решительно ни о чем не забочусь. Я желал только, чтобы вы были счастливы, и принимаю дальнейшее участие в вас; а что до меня касается, то немного лучше или немного хуже — для меня это все равно.

Я получил от Вареньки письмо от 1 февраля, в котором нет ни одного слова без скорби; сожалею, что и в самом переезде ее через Урал не будет ничего радостного собственно для нее, несмотря на окончание самовольного и великодушного ее изгнания. Что же касается до Александра, то, вероятно, друзья и недоброжелатели его примут с равными чувствами известие о перемещении его из Сибири в Россию[1]. Я с своей стороны напутствую его искренним желанием, чтобы он пробыл на новой станции менее времени, чем на предшествовавшей.

Благодарю тебя за Revue Etrangère, но лучше бы сделала, если бы вместо этого дамского журнала прислала мне Revue Britannique или Bentham[2], ибо извлечения из записок французских старух и их сплетни меня не занимают. Все это стоит дорого, а читается скоро. Пришли мне 4-й том *Полевого*[3], который давно вышел, сверх этого какую-нибудь получше политическую экономию на русском языке, кн[игу] для руководства в терминологии.

Я надеюсь летом перейти в избу, которую строит моя кухарка и которую я временно сделаю удобной, ибо необыкновенная цена на постройку собственного дома меня может расстроить в нынешний худой год. Я ограничусь заготовлением леса и будущей весною буду строить. Неурожай, недостаток сена подняли цену на все работы — и благоразумнее приготовить способы свои. А между тем если будет земля, стану пахать.

Прощай, любезнейшая Лиза, и кланяйся мужу и семейству вашему, равно и брату Павлу, о котором прошу извещать меня по-прежнему. Да хранит вас и детей ваших господь милосердием своим.

Брат ваш Петр Муханов.

Ожидаю журнала Смирдина[4] и морского романа[5], и попросите Аркадия Ал[ексеевича][6], чтобы пересылал мне Ученые записки Моск[овского] универ[ситета], которые он, вероятно, получает.

100. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Б[ратский] о[строг,] 2 апреля 1834

Благодарю за письмо твое, любезнейшая Лиза. Оно было от 13 февраля, и в нем было вложено чувство материнской радости и всей горести твоей, которой я предметом. Благодарю бога вместе с вами за сохранение жизни

вашей дочери. Желаю, что[бы] она совершенно исцелела и щечки ее опять зарумянились. Это одно чувство радости в моем сердце. Остальное для меня тяжело. Я получил вместе с письмом твоим прощальное письмо от 15 февраля от Вареньки и последнее из Тобольска. Что во мне теперь, ты догадываешься.

Что тебе сказать нового и особенно хорошего о себе? Мудрено! У нас еще зима, и во всю зиму не было столько снега, сколько его теперь; только дни с три солнце сияет на весенний лад. Год худой, совершенный недостаток в хлебе и сене, и мои приготовления к постройке прекращаются за невозможностью найти святых людей и святых коней.

Я благодаря твоим заботам получаю весьма исправно Библиотеку для чтения и Revue Etrangère. Здоровье мое, благодаря бога, порядочно, действий никаких — совершенное бездействие.

Прошу тебя кланяться своим и обнять мужа дружески — я уверен, что он разучился писать. Я также разучился писать Вареньке. С тех пор как вы возвестили мне наше бедствие, мой ум в таком тумане, что я не умею сказать ей полслова. Боюсь подавать надежду, но вы знаете, что со мною происходит. Обнимаю вас.

Вам преданный Петр Муханов.

101. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 20 мая 1834

Любезнейшая Лиза, я получил письмо твое от 18 марта. Рад, что ты возвратилась домой совершенно покойною насчет дочери твоей и что семейство ваше мало-помалу возвращается в столицу вашу. Благодарю за обещание ваших портретов, желаю, чтобы вы сдержали слово на сей раз по-прежнему и чтобы они были писаны не суздальским художником.

Я получаю благодаря канцелярии губернаторской весьма исправно журналы, доставляемые вами, из которых Смирдина читаю с удовольствием; от Revue Etrangère прошу меня на будущий год избавить, ибо записки M. de Crequis, которыми единственно они наполнены, мне тоскливы. Нельзя ли что-нибудь поголоволомнее.

Благодаря бога, я здоров, в жизни моей большая деятельность, ибо я совершенно сделался рыбаком, не схожу

с воды. Но, по несчастию, погода почти с вскрытия реки бурная. День теплый, ночи морозные, засуха, в некоторых местах опять показалась *кобылка*, род малой саранчи, и крестьяне унывают, служат молебны, пьют с горя. Я тоже посеял немного хлеба исполу — я за неимением земли, крестьяне — за неимением достаточного количества семян.

Сожалею, что брат отправляется в путь до излечения раны, до поправления своих домашних дел и до издания своих трудов. Он пишет ко мне довольно часто, но я благодарю тебя за сообщаемые новости о нем, служащие любопытным дополнением. Я давно не имел писем от Вареньки и ожидаю их с нетерпением. Не пишу тебе ничего насчет ее, ибо все, что мог бы сказать, было бы так же тяжело для тебя, как тяжелы для меня мои чувства.

Обнимаю вас обоих и всем вашим мой поклон.

Любящий вас П. Муханов.

102. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 3 июня 1834

Письмо твое от 1 апреля я получил, любезнейшая Лиза, благодарю сестру твою за участие, принятое в оном. Я давно не видел ее почерка, происшествие, равно и последнее путешествие ее препятствовали ее писать ко мне столь же часто, как прежде. Состояние, в котором находится Варенька шестой месяц, ужасно, и никто не может этого видеть яснее меня. Но не в ваших руках помощь. Радуюсь, что она могла быть некоторою отрадою сестре ее во время ее скорби. Я получил два письма от нее, и в обоих ни одной строки, которая дала бы мне одно мгновенное чувство утешения. Все худо и хуже прежнего.

Благодарю тебя за сообщенные известия об Александре. Прошу от меня поздравить его дружески. Дай бог ему счастия. Здоровье мое довольно хорошо. В жизни моей все то же. Благодаря вас читаю и стараюсь как можно долее читать одну и ту же книгу. Обнимаю тебя, мужа и детей твоих. Да хранит вас господь.

Вас многолюбящий брат Петр Муханов.

103. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Братский острог, 2 августа 1834

Я получил письмо твое от 28 мая — 28 июля. Оно почти месяц лежало в уезде. Портретов еще ожидаю, не

думаю, чтобы они столь живо представляли вас, как представляет мне память моего сердца. Рад хорошим известиям вашим и сожалею, что вы не можете сообщить мне того ж о брате Павле, но, вероятно, он получит возможность к исправлению своего здоровья.

С сей же почтой, т. е. 28 июля, я получил два письма (de Barbe)* из Вятки от 29 мая и 12 июня и несколько раз принимаюсь читать их. Они исполнены самой убийственной горести, которая самый худой врач. Я не отвечаю *ей* — у меня нет сил писать ей мыслями отчаянными и чувствами самой глубокой скорби. Я имею столь же мало средств к ее и собственному утешению, как и к достижению наших желаний. Сколь не кажется мне непристойным возобновлять просьбу мою, но я решился бы на меру сию, если бы предвидеть другой ответ. Я полагал всегда, что официальное ходатайство встретит приветствие, и эта мера была более внушением откровенного сердца, чем следствие зрелой обдуманности. Мы искали в виду множество случаев, подобных нашему, которые разрешены были только словесно, без форм законности; другие были после терпеливы. Но можем ли мы иметь еще сию меру в виду? Мы сделались бы теперь ослушниками воли нам известной, и ничтожное и простительное ослушание сего рода от людей, в других обстоятельствах находящихся, может быть для нас пагубно. *Есть ли надежда получить словесное позволение и вместе с тем убеждение, что мы не будем преследованы?* Это мера, которую я вместе с *нею* признаю единственною, но она не в силах моих, а я не могу более считать на содействие тех, которые бы прежде вызвались бы сами содействовать нашему счастию. Вот те мысли, которые беспрерывно теснятся в голове моей, и сообщать их Вареньке я не могу потому, что, будучи совершенно сходны с собственными ее мыслями и сообщенные ей, могут поставить ее в необходимость возобновить с своей стороны ходатайство, которое, судя по ответу, не может нам принести никакой пользы. Если те, которые обещали вам лично переговорить о сем предмете с графом[1], сдержат слово, тогда нечего думать ей и мне о других средствах. Дай бог, чтобы мы не потеряли сию последнюю надежду. И я повторяю вам, что получение *частного негласного* позволения есть единственное средство,

* Вареньки.

других обстоятельств сих наших зависящих я не вижу. Все они будут носить форму нарушения воли высшей, хоть ни она, ни я не имеем желания нарушить ее.

Здоровье мое хорошо, сердце печальное, жизнь праздная, и я прошу Вареньку и вас не лишать меня единственного удовольствия получать ваших писем. Пришлите мне Les devoirs de l'homme par Pellico, auteur de Mes prisons[2]. Благодарю себя за распоряжение о деньгах. Старайтесь только, чтобы я получил их к 1 мая и 1 октября — два срока, в которые проезжают через деревню нашу разные торгаши и можно купить что-нибудь. Перейдя в свою избу, которая отстраивается и истребляла до сих пор мои деньги, мне весьма опять достаточно будет вашего пансиона. Других вещей, кроме табаку и вашей дружбы, мне не нужно надолго. Обнимаю вас.

Петр Муханов.

104. Н. А. МУХАНОВОЙ

Братский острог, 7 сентября 1834

Я довольно давно лишен удовольствия читать собственноручных ваших писем, любезнейшая матушка, и душевно рад этому, если вас заставляли забыть почту радость и заботы в семействе брата. Дай бог, чтобы число их увеличивалось в разные стороны.

Состояние моего здоровья и образа жизни находится в совершенной неизменяемости. Осенняя погода и ежедневные дожди не сделали меня ни ленивее, ни ветше. Я нисколько не отсырел и продолжаю жить столько же на земле, как и на воде. В течение двух месяцев не было трех дней ясных, дождь залил нас, и по сей день не только большая часть хлеба на корню, но и сенокос еще в самой середине. Такого сумасшедшего климата я нигде не видал, хотя только один угол России мне неизвестный. В середине лета мороз, а в середине осени не пахнет зимою.

Благодарю вас за присланные рубашки. Если они работы вашей, я ими весьма доволен, в противном случае они для меня лишние. Надеюсь, что письмо сие найдет вас в столице и что пребывание в деревне было недолговременным. Надеюсь, что вы добровольно не станете долго жить вдалеке от детей ваших и обоюдно лишать себя

удовольствия, за которое я дал бы полжизни своей. Обнимаю всех с любовью и благодарностью.

Ваш сын Петр Муханов.

105. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Братский острог, 10 октября 1834

Я давно не писал к тебе, любезнейшая Лиза, я прозевал почту и с тех [пор] не могу дождаться другой. Желаю, чтобы вы, привыкнувшие к исправности моей, не похоронили меня в ваших догадках. Благодаря богу, я существую и в цветущем здравии, хотя и не знаю, для чего существую. Я получил сегодня ваши портреты и не могу прогнать ту грусть, в которую они меня вовлекли. Твой никуда не годится, похож один чепчик, зато мужнин хорош. О Наташе[1] напоминает мне кн[яжна] Кл[еопатра] М[ихайловна] в 1815 году. Мучительное впечатление еще не прошло, и от тебя я перехожу ко всем тем, которых видеть бы я хотел. Письмо Вареньки от 28 августа заставляет меня видеть все ее горести и всю опасность ее положения. Я ума не приложу, что нам делать, и не могу поверить, чтобы из сострадания, из милости, из благодеяния нельзя было бы ожидать совершения нашего ожидания. Дай бог, чтобы здоровье ее исправилось. Здоровье исправляется легче душевного расстройства, врачебное средство одно и не в нашей власти.

Благодарю тебя за усилие твое к удовлетворению сердечного моего любопытства. Сколько ни худое есть счастие, но я доволен тем, что знаю часто о состоянии ее. Обнимаю вас обоих и желаю, чтобы вы и дети ваши были здоровы и счастливы.

Радуюсь также известиям о Захаре[2]. Он будет счастливее с тою женою, на которой женится, чем с другою, которой достоинства и душа так известны мне. И я искренно радуюсь, что она не заточила себя в Моздок.

Твой брат Петр Муханов.

106. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Б[ратский] о[строг,] 1 декабря 1834

Смерть нашего брата Александра меня живейше опечалила, любезная Лиза, я ожидал известий о браке его[1]. Желаю, чтобы сестры перенесли известие сие с бодростью.

Ожидаю с нетерпением хороших вестей о тебе и желаю, чтобы бог вновь благословил вас рождением сына. Надеюсь, что пребывание ваше в Москве этим кончится и вы сохраните вкус к смиренной деревенской жизни, которая была так выгодна для вашего счастия и кармана.

Здоровье мое хорошо. Зима решительная, т. е. свыше 30°, началась сегодня. Погода стояла теплая, но вечера так длинны, что я не знаю, чем укорачивать их.

Благодарю Вареньку за письма, чувства и желания ее. Желаю ей переносить наш приговор сколь возможно терпеливее и сберегать себя. Нам худо — и, кажется, лучшего и ожидать нечего.

Прощай, обнимаю вас обоих и детей ваших. Мне слишком грустно, чтобы писать длиннее.

Твой брат Петр Муханов.

107. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Братский острог, 12 декабря 1834

Благодарю за письмо от 16 октября, любезная Лиза, я с нетерпением ожидаю известий о благополучном разрешении твоем сыном. Хоть это дело для тебя не новое, но я неспокойным сердцем ожидаю извещения о подобных ваших подвигах. Матушка, без сомнения, радуется новым внучкам, равно и вашему приезду. Если бы я был в Москве, я помер бы со скуки, не видав вас шесть месяцев сряду. В Сибири горесть, по несчастью, не так убийственна. Она не имеет этого достоинства и снисхождения. Вот скоро худое число года — и поневоле оглядываешься назад. Ни переменить, ни воротить, ни исправить. И с этим сопряжена вся судьба наша. Я называю бедствием не то, что называют тем же именем люди, желающие какого-то утопического блаженства, но только то, что имеет влияние на одно единственное мое желание. Благодаря богу, это глубокое чувство и это неопределенное и однообразное желание доставляет мне полный душевный покой со стороны всего другого. Может быть, это равнодушие

или бесстрастие усиливает одно существующее чувство и делает полнее одну горесть, но тем лучше — не достигнув долго ожидаемого счастья, ничего нельзя лучше чувствовать, как ту томительную горесть, которой предан я и к которой иногда, изредка примешиваются минутные надежды только потому, что с моими правилами нельзя отречься от веры в милость божью и сострадание людей.

Я получил два письма от Вареньки (16 и 30 ок[тября]), грустнее других я не ожидаю. Не мы одни не верим в невозможность нашего брака, ибо видим множество примеров подобных браков. Наше несчастие есть следствие судебного приговора, и из всех лишений — самое суровое есть лишение счастья. Но что делать!

Благодарю вас за известия о семействе вашем. Мне жаль ваших лошадей — сколько им работы! Никогда не были вы в таких разъездах. Беда людям, столь дружным, жить в разных губерниях. К многим желаниям присоединяется желание успеха вашей фабрике. Ваши денежные дела что-то туго исправляются. Но и, верно, по закоренелой гармонии во всем с вами — [я] тоже разладился, но надеюсь скоро привести их в порядок. Я купил три десятины *брошенной* земли, надеюсь трудом сделать из нее дельную. Итак, будущею весною буду пахать свою, не имея в виду хорошего. Читаю журналы, вами присылаемые; кроме «Пчелы»[1], которая так глупа, что я называю воровством деньги, сбираемые Булгариным. Надеюсь, вы не будете содействовать его обогащению на будущий год. Прощайте, любезнейшие друзья. Обнимаю вас любовно и желаю всем вам всегда пользоваться милостию господнею.

Ваш брат Петр Муханов.

108. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Братский острог, 26 декабря 1834

Благодарю за письма твои от 29 октября и 7 ноября, любезнейшая Лиза. Следующего буду ожидать с большим нетерпением. Оно должно быть от твоего мужа и притом рекомендательное о сыне. Я с равным удовольствием читал в письме Кат[ерины] Пав[ловны][1] все, что относится до тебя и семейства твоего,— я думаю, ты для этого и прислала его. Ожидаю известий о свидании твоем с Илюшей[2]; мы были дружны, и все, что ты говоришь о них, совершенно справедливо и меня радует. Письмо от Ва-

реньки было от 13 ноября, и я над каждой строкой плачу. Решительно я ума не приложу, как помочь ей и себе, и нахожусь в состоянии, которого описать не могу. После мер, нами принятых, самовольный приезд ее сюда невозможен. Прежде мне казалось, опираясь на бывших примерах, что возможнее получить прощение за нарушение церковного постановления, чем получить формальное позволение на сие нарушение. Но после отказа таковой поступок будет явным нарушением воли изъявленной и может подвергнуть наш брак разрыву. Одно средство — повторение прежних мер через человека, могущего сердцем постигнуть то, что сделает нам. Впрочем, для вас это так же ясно, как и для меня, и я бы желал, чтобы последние искры надежды были для нас благодатны той живой и несомненной надеждой, с которой вы меня встретили из тюрьмы.

Брату поклон, я получил повести Бестужева[3] и Масальского[4], которые читаю только оттого, что другого читать нечего. Удивляюсь выбору брата. Прощай, обнимаю матушку и вас обоих. Я здоров, но тоска хуже всякой болезни.

Твой брат Петр Муханов.

109. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 7 генваря 1835

Действительно, я получил рекомендательное письмо от мужа твоего, любезнейшая Лиза, и дополнение к твоему счастью Софьей[1] развлекло меня от множества печальных мечтаний, в которые вводят меня разные числа и прошедшего и нынешнего месяца. В лаконизме твоего мужа столько радости и счастья, что я сбросил с плеч свою грусть и приобщился к вам. Благодаря бога, мы друг за друга умеем горевать и радоваться. Желаю ребенку всех качеств предшественников его и с нетерпением ожидаю законного свидетельства в сих качествах от дяди Николая Александровича, который, вероятно, окончил смотр прибыльным. Я писал к нему сегодня и желаю, чтобы письмо его встретилось где-нибудь дорогой с моим, иначе ждать долго. Благодарите Софью Алек[сандровну][2] за письмо ее, но не за советы, которые слишком южны для меня. Я получил книгу Pellico и пробежал ее с жадностью. Ко всем достоинствам присоединяется однообразие нашей судьбы, и вы можете представить, как мне и книга, и автор по душе.

Я только не испытал чувств, с которыми въезжают на родину. Брат опять заленился, я не люблю посылок без писем. За это поручаю *вам* отблагодарить его за доставленные книги и лекарства. Последние, благодаря бога, я положил на полку, ибо здоровье мое в них не нуждается.

Я не имел писем от Вареньки и жду их с таким сердечным страхом, что для меня нет страдания выше его. Дела наши худы, очень худы. Дай бог, чтобы она сохранилась. Этих чувств не испытал Pellico в Шпильберге, а мучительнее их нет в мире ничего.

Обнимаю матушку. Я рад, что нынешнею осенью было для нее столько живых и радостных ощущений. Прощайте, мои неоцененные друзья. Да хранит вас всех милость божья. Ваш брат Петр Муханов.

110. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Братский острог, 20 генваря 1835

Благодарю за письмо твое от 11 декабря, которое, к удивлению моему, получил я 16 генваря, несмотря на все крюки и извороты его путешествия. К сожалению, оно совершенно в духе моих, то есть грустно, но вся причина твоей грусти так основательна, что стыдно было бы тебе не погрустить. Искренно сожалею о потере брата [1] — ребенок заставлял бы его более любить семейную жизнь и забывать ту, в которой ему, вероятно, более и не бывать.

Я уже уведомлял тебя о получении портретов, они украшают мою избу. Часто случалось, что приходящие ко мне почитали их за иконы и крестились. Твой чепчик играл роль венца, а слой жабо твоего мужа — омофора [2]. Вас почитают за Кирику и Улиту — двух модных здешних святых.

Несколько дней здоровье мое худо, несмотря на то что зима у нас стала потеплее и я оттаял. Сижу я почти всегда дома и перестал заводить часы, чтобы потерять размер своей трудной жизни. Но, благодаря богу, для меня трудность есть страдание, а не мать всех пороков, как написано в азбуке. Я думаю, ты пришлешь мне какой-нибудь журнал — хоть Revue <...>*, чтобы мне не вовсе одичать. Я получил табак, за который благодарю вас, но курю его всегда, рассчитывая, как дорого он стоит вам.

* Название журнала неразб.

Благодарю к[няжну] Марфу Мих[айловну][3] за письмо ее, оно доставило мне то удовольствие, которое я один понимаю. Письма из Вятки читаю я со страхом, только желаю, чтобы мне писали с обыкновенною исправностью. Отвечать я не имею возможности. Сожалею, что на сей раз внутреннее расположение мое не позволяет мне писать тебе милее. Обнимаю вас обоих и прошу обнять матушку, с которой вы, верно, делитесь моими письмами. От брата я давно не получал писем. Горесть его есть справедливое извинение его молчания. Дай бог, чтобы он утешился. Прощай, любезный друг. Желаю, чтобы дети твои были здоровы и утешали вас.

Твой брат Петр Муханов.

111. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 16 февраля 1835

Я получил письмо от матушки с твоей припиской или твоим выговором, любезная Лиза. Я пишу к тебе два раза в месяц, мне случается и пропустить почту только по причине хандры. Впрочем, тебе совершенно известно, что я не подвержен никаким бедствиям, кроме одного неизлечимого, и ты можешь быть совершенно покойна на мой счет даже и тогда, как не получишь моих писем. Благодарю бога, здоровье мое хорошо. Немного похворать для меня ничего не значит. Письма ваши доходят до меня скоро и исправно благодаря тех людей, через которых я получаю оные. За обещание доставлять журналы я благодарю и твоего мужа, и брата, только не присылайте много, но два, которые *получше*. Экстраординарная сумма, присланная братом, привела дела мои в порядок. Жаль только, что он мне не пишет. Несчастье его есть непосредственно воля божья, и должно бы перенести его с большим мужеством. Николай Алек[сандрович] прислал мне несколько вещей и между прочим фуляр [1], к которому я приступиться не смею. Кажется, я уведомил вас о получении табака и прочих вещей, присланных матушкой, за которые много благодарен. Сожалею только, что вы не прислали мне большого размера игольных уд, черных здесь достать нельзя, а для меня это лучше и приятнее фуляра.

Обнимаю тебя, мужа и детей твоих, желаю тебе здоровья и душевной радости.

Твой брат Петр Муханов.

112. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 16 апреля 1835

После письма от 1 генваря я не получал от тебя ни слова, любезная Лиза. При твоей всегдашней исправности молчание сие может несколько беспокоить меня на ваш счет. Желаю получить известия совершенно приятные. О себе не могу сообщить вам ничего доброго. У нас грязь, дождь, и поэтому я отсырел, а праздничный колокольный звон наводит на меня тоску. Надеюсь при наступлении весны заниматься прежним делом. Теперь писать вам не в духе. Желаю только, чтобы вы знали меня в живых. Матушке и всем нашим поклон, а тебя с детьми обнимаю.

Твой брат Петр Муханов.

113. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Б[ратский] о[строг], 28 августа [1835 г.]

Ты чаще меня жалуешься на промежутки времени между моими письмами. Как будто бы ты имеешь на это более причин и права. Вот с лишком месяц, как я не имею от тебя ни строки, а жалуюсь не на тебя, а на земской суд, в котором письма ваши пребывают долго, и ныне 4 из них отыскиваются окружным начальством. Надеюсь, что ты здорова, ты в собирательном имени, с мужем и детьми, составляющая полную нематематическую единицу. Дай бог, любезная Лиза, я радуюсь твоему счастию, твоему знанию, искусству бережливости в счастии и желаю от души, чтобы бог хранил вас. Удивляюсь оговоркам, с которыми ты всегда сообщаешь мне новости о жизни, счастливом житье-бытье. Напротив, это отрадное вознаграждение в горести, которое мы испытываем с другой стороны. С большим страхом ожидал я известия из Крыму [1]. И с тех пор, как кончился бред надежд, ты единая передательница всех печальных чувствований и известий. Это любопытная и самая грустная часть твоих писем, и нам остается странное желание, чтобы это горестное и тягостное состояние длилось как можно дольше. Я был несколько болен. Болели одни ноги, на которых открылись раны, лечу их домашними средствами. Да ведь я едва ли куда годен. От этого нынешнее лето проведено [плохо], ибо лето наше уже кончилось, много весьма лениво. Я не досадую. Но, заглядывая вдаль, для избежания будущего

желал бы быть покрепче. Но как угодно богу.

Хозяйство мое идет довольно хорошо. Пшеница родилась славно. Но уборка хлеба и сенокос — ибо у нас еще сенокос до 15 октября — идут худо по причине ежедневных дождей. Нынешнее лето вытерпел я два нападения беглых, которые, впрочем, поступили милостиво: они поужинали в шалаше, отнесли все съестное и пожелали нам покойной ночи.

Где ты, в Москве или в деревне вместе с сестрами? Напиши им поклон, особенно Лили, с которой я начинаю примиряться.

Прощай, обнимаю тебя.

Твой брат Петр Муханов.

[*На обороте второго листа адрес:*] Ее сиятельству милостивой государыне Елизавете Александровне Шаховской в Москве в Шереметевской больнице.

114. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Братский острог, 10 сентября 1836

Два письма (от 29 июня и 12 июля) я получил вчера, любезная Лиза, с прибавлениями комическими и поэтическими. Все это не лишнее в жизни моей, в которой так мало предметов разнообразия, занятий и вовсе нет предметов любви и страсти. Письма твои застали меня в ужасном сплине или двухнедельном припадке швейцарской болезни. Вы не понимаете эту болезнь. Это ужасная зарядка, в которой один бред родины и славы. Не знаю, болезнь ли это или добродетель, но во всяком случае определенно в двух неделях — два года жизни и без правил вам известный шаг от решительного и сумасбродного отчаяния, но, натосковавшись по вас, я опять и только сегодня принялся ловить щук и налимов и то в совершенно душевном и телесном изнеможении. Ты любишь откровенные мои письма, но может ли эта откровенность доставить тебе приятные минуты? Впрочем, тут очень много приятного и для вас. Уверенность в силе моей любви к вам, в невозможность принять сибирские нравы и обычаи и находить забвение прошлым счастьем в сибирских утешениях. В этих утешениях, к которым могут быть склонны люди не крепкие нравственностью, которые думают только об настоящем. Но мое прошлое ничто не сотрет. Ваши письма и известия из Крыму, за добросо-

вестность которых я тебе искренне благодарен, дают мне минуты страдания, столь естественные при взаимных наших отношениях. Дай бог, чтобы ты, любящая сестра, не имела других горений, кроме тех, которые причины ее и моего положения. Ожидаю с нетерпением известия об умножении твоего семейства — знаю, что этим умножится и твое счастие. Благодарю Лили за возвращение ее к прежним чувствам, которые, нечего скрывать, временно потерпели от множества горестных и радостных событий, случившихся с людьми, более ей близкими, чем я. Лишь бы только не изменились они от Доротей и Пучковых[1]. Благодарю Валентина за приписку, стараюсь не сердиться за его молчание и невнимание ко мне, как к первому члену его богадельни и опекунства. Впрочем, право этого надзора передал он тебе, и я сверх братских чувств люблю оказывать тебе все почтения моей опекунши. Не могу послать тебе лебяжьего пуху — лебеди летят высоко, и, кроме соли, мне нечем их ловить. Ружье, посланное Саблуковым в марте, ко мне не дошло. Если оно было послано в обыкновенном порядке, то оно и не дойдет. Я просил переслать через канцелярию е. и. в., имеющую авторитет, иначе и дядя и я будем без ружья. Вы должны знать, что оно подпадает под запрещенные пункты... Обнимаю тебя с потомством и желаю не более не менее счастья, как то, которым ты пользуешься. Я бы прибавил одно еще: желаю, чтобы закопать меня в церковной ограде вашей хотя бы на сотом году от моего рождения. Тебе было бы столько же приятно меня закапывать, как мне быть закопанному.

Твой брат Петр Муханов.

115. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 15 сентября 1836

Письмо твое, любезная Лиза (от 10 июня), я получил сегодня и радуюсь хорошим известиям о семействе твоем. Благодарю за приложенное письмо жены брата Павла[1]. Я могу забыть домашний быт его, во всем для меня незнакомый, я не нахожу причин сердиться на него за занятия его древностями, дружбу с типографщиками. Нежность женская, требующая от мужа преданности, есть вещь довольно смешная. Мне также смешна уверенность брата, что он хозяин и находит пользу в выгодных поезд-

ках в Нарму[2]. Письмо твое богато посторонними сведениями, и я несколько сожалею, что опрометчивость Александра препятствует ему успешно свататься...[3] Ты любишь, чтобы я с тобою поболтал о себе, но это предмет скудный. Однообразная жизнь моя и самая однообразность моих чувств делает из меня самый скучный предмет разговора. Тоска, которой я сильно страдал, прошла и от довольно странного образа лечения. Моя стряпка, подверженная запою и во время запоя ужасной злости, заставила меня с семейством, состоящим из коровы, курицы и собаки, страдать голодом и исправлять для спасения жизни все домашние требы. Если вы склонны к смеху — вас позабавит образ моей жизни. Часто сижу я на хлебе и воде, часто она на меня ревет, и единственный глаз ее блестит от злости. Хлебопашество мое идет посредственно: работа дорога, и цена хлебу будет от 25 до 30 копеек, следовательно, никакой выгоды. До сих пор я выезжал из селения только один раз; без цели поездки глупы. И что я делаю это время, я решительно не знаю. На часы и в календарь глядеть совестно. Я что-то много прожил.

Комедию прочел — слишком карикатурна и не довольно зла; можно бы воспользоваться предметом лучше.

Поклон самый дружеский всем своим, которых благодарю за их приветствия. Будь здорова.

Твой брат Петр Муханов.

116. Е. А. ШАХОВСКОЙ

Братский острог, 13 октября [1836 г.]

Два письма твои от 29 июля и 16 августа я получил вчера и, несмотря на неисправность, в которой ты меня укоряешь, я весьма исправно отвечаю тебе. Редко могу иметь причины, чтобы не писать тебе два раза в месяц и тем навлекать на себя твой могучий гнев и твои праведные укоризны и поэтому весьма редко принимаю их на свой счет. Письма твои мне во множественном числе весьма приятны подробностями и известиями о семействе нашем. Любопытство мое на этот счет весьма живо и беспокойно, что составляет нечто вроде большого несчастья. Забыть все прошлое и начать жизнь снова... До этого счастья, к которому, кажется, идут некоторые и многие из моих сотюремщиков... Я в большом удалении от вас, но не почитаю себя отделенным, брежу о вас, о тебе всегда

радостно, о некоторых с истинною скорбию, тягостью в скорбящем положении; но в каком же другом положении могу я быть. Это ответ моего благоразумия во время моей хандры.

Здоровье мое довольно хорошо; ноги, которые страдали, исправились, несмотря на частые мои прогулки по воде *аки посуху* — по случаю рыбной ловли. Ружья и газет я не получил и не знаю, получу ли. Если первое противузаконно для меня, то оно мне и не нужно — а газеты, кажется, и не были братом отправлены. Несмотря на эту неудачу, благодари за меня тетушку Ульяну Ивановну[1] за доброе ее намерение увеличить число моих сибирских удовольствий для одиночества. Я начинаю не понимать последствия за удовольствия, полученные своей скупостью, или невыгоды оного. Результаты весьма худы... Осень у нас превосходная — до сих пор нет снега. Это удивительно. А зима, вероятно, будет весьма холодна. Это враг мой. Твои бедствия и страдания во время разлуки с мужем меня позабавили, верно, не от злости, надеюсь, уже он возвратился неделею раньше срока. Обнимаю тебя, его и детей, вашим поклон. Об Еретиках я твоего мнения с прибавлением и большим прибавлением. Это более чем смешно, более чем глупо. Прощай.

Твой брат Петр Муханов.

117. Е. А. ШАХОВСКОЙ

[Братский острог,] 10 ноября [1836 г.]

На нынешней почте получил я письма твои от 15 сентября и 200 рублей, жалование или подаяние, как хочешь. Письма твои наполнены любимыми мною известиями — о твоем счастии, которое должно теперь возрасти. Спешу, только ожидаю времени поздравить с новорожденным. Удивительно, почему вы жалуетесь на лень мою, тогда как порока сего я никогда за собою не чувствовал. Думаю о вас и люблю вас беспрерывно, могу ли я лениться писать вам. Каждый пропуск [письма] был бы лишением удовольствия для меня, а удовольствие вижу я <...>*.

Я пишу почти всегда по два раза в месяц. С сею же почтою получил я официальное известие, что кто-то из родственников моих ходатайствовал о перемещении меня

* Далее неразб.

в Туринск по *неудобствам* в нынешнем моем жительстве[1]. Не знаю, благодарить ли мне вас за это внезапное ходатайство — оно ввергло меня в затруднение исчислять эти неудобства перед правительством, тогда как я нахожу удовольствие в совершенном покорении себя воле свыше, почему и не чувствую себя вправе избирать мнение своей совести. Сверх всего мне весьма затруднительно разрешить эту задачу. Худое здоровье часто требует помощи лекарской, которой здесь нет, а худое здоровье карманы наши делает неимущими. Это для вас и для меня отяготительно. Особенно при скорости, с которою всегда люди нашего сословия отправляются в путь. Конечно, мне приятно будет в Туринске: сообщество Ивашева[2], который, кажется, поселен там; особенно после четырех лет моего одиночества или сообщества с людьми самыми негодными.

Но я почел благоразумным отдать совершенно на рассмотрение окружного начальника причины, которые заставили вас желать передвинуть меня с места. И уклоняюсь из приличия от изъявления с <...>*. Я никогда не враждую с настоящим, и как бы худо мне ни было, стараюсь приноравливаться к нему. И благодарен за всякое улучшение.

Здоровье мое довольно хорошо. Обыкновенно весьма скучно, дела мало, результаты моего хлебопашества худые... Хлеба родились хорошие, по недостатку сбыта и низким ценам далеко не окупить жалованных издержков работников. Здесь решительно хлебопашество — тяжелая забава, убыточная для кармана. Землепашество мое приносит мне около трети убытку. Но делать нечего, я надеюсь этой ценою купить несколько здоровья и несколько приятных минут от <...>**. Четыре года провести в ужасной стороне и с людьми нестоящими, ни одного огромного утеса и ни одной огромной сосны, которыми я окружен, заставляют меня пренебрегать прочими раз[влечениями]. Но что угодно богу, то для моего терпения сносно. Обнимаю тебя, будь здорова — роди сына хорошего и доброго. Обнимаю еще раз.

Твой брат Петр Муханов.

---

* Далее неразб.
** Одно слово неразб.

118. [В. С. ЕВЛАТЬЕВСКОМУ][1]

Братский острог, 16 ноября 1836

Милостивый государь Владимир Сергеевич.

На объявленном мне головою Братской волости предписании вашего высокоблагородия за № 250 от 23 октября честь имею ответствовать, что родственники мои, ходатайствуя у высшего начальства о перемещении меня в город Туринск, вероятно, были движимы желанием доставить мне возможность иметь пособие врача по крайне расстроенному здоровью моему и которого пособия я в селении, удаленном от губернского и уездного городов, иметь не могу. Притом, будучи поселен один в стране совершенно дикой, неспособной к хлебопашеству, я лишен в одно время всякого стороннего пособия и занятия, возможного мне по положению моему. Впрочем, во время посещения вашем Братского острога, равно из данного волостного правления вам совершенно стало известно положение, в котором я нахожусь, я же не чувствую себя вправе избирать себе место ссылки и даже не осмеливаюсь изъявить желание во всем, что собственно до меня касается. Новую милость приму я, как и все предшествующие, с глубочайшею благодарностью.

В случае перемещения моего из Братской волости я покорнейше прошу ваше высокоблагородие испросить мне свободу и время продать дом, распаханные мною земли и другое имущество. Поспешный выезд может быть для меня и родственников моих чувствителен, ибо я, как вам небезызвестно, употреблял ежегодно получаемое от них пособие на домообзаведение и хлебопашество. С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокоблагородия покорнейший слуга

Петр Муханов.

119. В. М. ШАХОВСКОМУ

Братский острог, 1 генваря 1837*

Вчера получил два письма ваши от 16 ноября, любезный друг. Они наполнены той горестью, которой страдает

* Помета В. М. Шаховского: «Полу[чил] 19 марта 1837 в Колпи».

мое сердце, и горестью, для обоих нас неизлечимой[1]. До сих пор мысль о потере твоей для меня непонята, до такой степени я верил в одно ваше счастие. И она была так весьма молода и счастлива, что трудно было бы выдумать такое бедствие. Благодарю тебя и Лили за вашу любовь и попечения. В течение 11-летней жизни у меня не бывало таких черных дней и черных мыслей. Пишите почаще, хоть нет ничего убийственнее ваших писем. Но теперь никто не любит тебя более меня и не имеет права на излияние твоей печали. Старайся сохранить свое здоровье для семейства твоего. Надеюсь на обещание Лили — я в жизни потерял все, но я еще не чувствую свою потерю — и весь предан тебе, мой любимый друг, зная всю тяжесть этого удара. С тех пор не имею писем ни от матушки, ни от сестры Катерины. Одна стара, другая хила и при мысли о смерти не могу не страшиться о них. Не много осталось к новому году дорогих сердцу моему: один, два и только. Эти дальние похороны ужасны. Обнимаю тебя и Лили с благодарностью за вашу дружбу и надеюсь, что вы сдержите насчет переписки ваше слово. Здоровье мое незавидно, а грусть моя решительно сильна.

Не могу не сообщить вам благодарности, которой обязан г. генерал-губернатору за человеколюбие, с которым сообщены были ваши ко мне [письма]. Вы присовокупите те же чувства. Прощайте, любезные друзья.

Ваш друг и брат Петр Муханов.

[*На обороте второго листа адрес:*] Его сиятельству милостивому государю князю В. М. Шаховскому в Москве в Шереметевской больнице.

120. В. М. ШАХОВСКОМУ

Братский острог, 28 генваря 1837*

Ожидаю письма твоего, любезнейший друг, с большим нетерпением, зная, что с твоей грустью тебе никому не может быть приятно писать, как ко мне. Не думаю, чтобы ты сколько-нибудь утешился, для этого надо забыть сколько-нибудь прошлого счастья, или предвидеть его, или быть склонну к ложному, суетному счастью. Не могу понять, что ты делаешь с собою. Дай бог тебе хорошего

---

* Помета В. М. Шаховского: «Полу[чил] 28 марта 1837 в Москве».

здоровья для детей, которым ты более чем когда-нибудь нужен. Я уверен, что сестры тебе много помогают. Жена твоя имела множество таких качеств, которых редко можно найти во всякой хорошей женщине. Со своей стороны, я не ведаю, чтобы такая счастливая жена, такая хорошая мать могла бы любить так страстно своего брата и так заботиться о нем. Обыкновенно в семейном счастии забывают братьев, особенно таких, которые за 7000 верст и которые, кроме куска хлеба, не имеют признания на заботливую любовь. Я многого лишился в твоей жене, и самое большое лишение — это мысль о самом счастливом существе. Как меня радовала ваша жизнь.

Посылаю письмо к матушке. Доставь его, обними ее. Мне кажется, что скоро и ее не будет. Кто у меня останется? Здоровье мое худо, я стал очень слаб. Сердце мое исполнено уныния. Никакой помощи ни от тайных, ни от душевных болезней. Дай бог скоро добраться до конца. Обнимаю тебя и дружеский поклон Лили. Пиши, когда можешь. Это последнее удовольствие мое.

Твой брат и друг Петр Муханов.

121. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 12 февраля 1837*

Два письма ваши от 25 ноября я получил, любезный друг, и вы оба можете предугадывать всегда чувства, с которыми читаю изъявления вашей горести. Решительно печаль моя делает меня вдвое несчастливее, чем я был когда-либо со времени нашей разлуки. Попечительная заботливость ее обо мне в течение 12 лет была неимоверна, и каждое письмо ее дышало дружбой, которой мне более ни от кого не видать. Душа моя страдает более тела; беспечность к состоянию последнего весьма хороша в моем положении. День в постели или на печи, два дня в снегу, на холоде... Вот моя жизнь. Равнодушие самое холодное ко всему, совершенное отсутствие жизни. Это какая-то глупая философия, но что делать. Весною стану стрелять — получил ружье. Теперь праздность, лень. Обнимаю тебя, не думаю, чтобы я тебя любил более, чем когда ты был счастлив, но будешь любить и по-старому. Каса-

* Помета В. М. Шаховского: «Получено 6 апреля 1837. Москва».

тельно твоих забот о нуждах моих — тебе, должно быть, известна моя старинная умеренность, которую я еще умерил, и поэтому не подвергай себя малейшим лишениям. Надеюсь, что ты заботишься о матушке, которая весьма несчастлива потерей Лизы, самой любимой и счастливой из своего семейства. Дружеский поклон и благодарность истинную сестре твоей.

Твой брат Петр Муханов.

122. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 3 апреля 1837*

Сейчас получил письмо твое от 3 февраля, любезный друг. Благодарю за исправность твою и тем более потому, что исправность эта почти единственная в семействе моем. Радуюсь, что дети твои, единственное твое утешение, здоровы и несколько облегчают тебя в горести неизлечимой. Я постигаю состояние твое по собственному моему. Со времени ее смерти у меня решительно не осталось никакого приятного чувства. Дряхлость матушки угрожает мне совершенным одиночеством в мире; поэтому сибирское мое одиночество стало для меня нечувствительным. О перемещении моем в Туринск я ничего не слышу да и не думаю. Переезд сей лишит меня собственного угла и, может быть, куска хлеба. В другой раз приобретать его мне нечем. Я желал бы, чтобы это дело кончилось ничем, и особенно желаю, чтобы с вашей стороны не было никаких ходатайств. Здоровье мое, конечно, требовает помощи, но я прожил более четырех лет без оной и желаю лучше лечиться суровым образом жизни, чем микстурами, тем более и потому, что долголетие не входит в предметы моих желаний. По сию пору зима во всей форме. Приготовление к посевам, неводьбе и стрельбе. Нынешний год будет у меня 17 десятин посева — ибо надеюсь вступить во владение. Сверх этого купил и распахал все. К чему все это? Только в избежание лени.

Благодарю Лили за письмо ее, в котором, как и во всех письмах ее, много известий, но все ненужных. Я верю дружбе ее ко мне и знаю, как трудно из Москвы и при нынешних семейных занятиях ее писать часто.

---

* Помета В. М. Шаховского: «Получено 13 июня 1837 в Москве».

Просить тебя иметь попечение о матушке и ко мне не нужно — я уверен, что ты не оставляешь ее, особенно при горести и старости ее, от которых обыкновенно люди нуждаются во внимании родственном. Обнимаю тебя, будь здоров с детьми.

Брат твой Петр Муханов.

Если останусь здесь, пришли мне рисунки и маленькую модель с описанием веялки.

123. В. М. ШАХОВСКОМУ

Б[ратский о[строг,] 8 июня 1837*

Четыре письма от 17, 20, 31 марта и 14 апреля от тебя и сестер твоих доказывают, как много вы любите и помните меня, любезный друг и брат. Отвечая одним на все, я не доказываю противного; но мне вздумалось выехать прокатиться, и две недели я путешествовал около дома по всем изгибам реки. Это непозволимо мне писать к тебе. Но мои выезды так редки, что надеюсь скоро в другой раз быть неисправным. Я провел это время на воде и в дремучем лесу, с неводом и с винтовкой, в каком-то мрачном диком удовольствии и совершенном утомлении; не по силам, но для поддержания сил и развлечения своей грусти. От последнего худое лекарство. Но я пошатался, чтобы не все сидя проживать век свой. Письма твои напитаны и грустью. Желаю, чтобы заботы твои о детях развлекали тебя и здоровье твое сохранилось. Благодарю сестер твоих за дружеские письма их. Я благодарен коротенько, но какой другой ответ на их соболезнования, научите меня не думать ни взад, ни вперед.

Поздравляю к[няжну] Алек[сандру] Мих[айловну], дай бог ей узнать то счастие, с которым ты простился навсегда, а я только встретился [1].

Обнимаю тебя, любезный друг, прощай.

Твой брат Петр Муханов.

---

* Помета В. М. Шаховского: «Получ[ено] 27 июля 1837 в Москве».

124. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 12 июля [1837 г.]*

Письмо твое, любезный друг и брат, я получил. Оно было от 12 июня и дошло до меня довольно скоро. Желаю, чтобы здоровье твое исправилось от минеральных вод, которые едва ли стоят настоящих кавказских. Впрочем, этот суд может быть невежествен и носить признаки одиннадцатилетней давности. Прекрасные дети твои радуют матушку, которая в них, верно, находит удовольствие. Дай бог, чтобы они росли счастливо и составляли хотя не полное твое счастие.

Свадьба сестры твоей, вероятно, кончилась, и хотя это веселье не вовремя, но ты участвовал как добрый брат, а я как добрый друг желаю ей совершенного счастия.

Теперь просьба — ты вместе со старой исполни поскорее: крестьяне хотят строить церковь. Для оной нужно фасад и план. Нельзя ли доставить от хорошего архитектора на условиях, к проекту прилагаемых. Профили сделайте подробнее для нас, глупых. Кажется, мне доведется разбирать их.

Лили благодарю за письмо и за нежную дружбу ее. Мои короткие слова были ей худо растолкованы, о чем я сожалею, а она, верно, раскается. Я никогда не подозревал ее в холодности. Надеюсь, что все будет по-старому.

Обнимаю тебя, любезный друг и брат. Здоровье мое по-старому, через день порядочно. Грустно ежедневно. Хожу смотреть на худые хлебы... все худо.

Твой брат Петр Муханов.

125. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 28 октября [1837 г.]

Благодарю тебя и сестру твою за письма от 11 августа, любезный друг и брат. Теперь некому заменять твою исправность и дать тебе время полениться. Что делать, мой любезный друг, твоя скорбь велика, надеюсь, однако, что дети составляют половину твоего счастья. Мне со времени ее потери многого недостает, и дружба ее никем не заменима.

---

* Помета В. М. Шаховского: «Получ[ено] 3-го сентября в Колпи».

Состояние мое в той же неподвижности, да и сам я не весьма проворен; но, благодаря богу, было время привыкнуть, и я имею по состоянию своему весь нужный покой и свободу. Здесь я более не жду и ничего не желаю — вроде какого искателя мысленных приключений, и когда лес надоедает, я делаюсь рыбаком. За хлебопашество мое меня не сделают членом общества сельского хозяйства, что охраняет меня от его последнего сочленства. Я думаю, что итоги твои не веселят также и тебя. По крайней мере, [мысли] бедного Александра должны сокрушаться, имея детей, остаться без приюта довольно худо[1]. Я давно советовал всем просить для него Казенной опеки впредь до изменения его состояния.

Семейству твоему и в особенности Лили мой дружеский поклон, детям здоровья и благополучного возраста. Если увидишь Ник[олая] Мух[анова], кланяйся ему. Он так успешно занимается хозяйством, что я боюсь для него участи Николая Ильича, денег, костяшки и виста[2].

Обнимаю тебя.

Твой брат Петр Муханов.

126. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 25 марта [1838 г.]

Три письма от 22 д[екабря], 5 и 16 генваря я получил разом на сих днях, любезный друг и брат, за это я три раза благодарю тебя. Несмотря на твою лень и занятия, ты один пишешь мне, не в укор будет сказано княжне Лили. Она могла бы иногда облегчить тебя, я люблю ее письма и подробности о семействе вашем[1]. Поздравляю с прекрасной переменой судьбы Александра Муравьева[2]. Вообще со всеми я порадовался, и, несмотря на большое несходство Крыма с Архангельском, он должен быть очень доволен своим новым назначением. Тем более, что все прошлое для него смыто. Я бы полюбил и Камчатку, если бы все прошлое смыть. Известие о Софье[3] также меня порадовало, если твое сравнение верно. Хоть она и твои дети выросли не на глазах моих, но могу ли я не любить их.

Теперь прибавить надо к письму моему, что я здоров, ногами несколько разбит, волосы стали побелее, принадлежу к неудачным членам безымянного сельского общества, зато с наступлением весны, которая, к несчастию, на-

чинается с 1 мая, начнутся мои похождения в лесу и на водах. Тебя удивляют эти Делилевы[4], эти монгольские, эти тупые или как угодно наслаждения. Вам все надо для ума и сердца. Об этом у меня и в помине нет. Для сердца моего желаю твоих писем, исполненных признаками прежней твоей дружбы. Обнимаю тебя и мой дружеский поклон молчаливой Лили. Прощай.

Петр Муханов.

200 получил.

127. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 16 апреля 1839

С большим удовольствием получил письмо твое от 18 января, любезный друг; это — первое из Петербурга[1]. Я писал тебе два раза. Это очень редко для меня; но и этих двух писем ты не получил. Вероятно, они не были приятны швейцарам твоего палаццо, куда адресовал я их. Благодарю, что ты не забыл меня в Европе среди самого приятного путешествия. Как писать тебе туда из Сибири и мешать твоим чувствам, стоящим на меже прошлого несчастья и наступающего благополучия? Не думай, чтобы я из родственной ревности, из досады отравил твои намерения. Ты молод, способен к счастью; ты и дети твои совершенно оправдывают эти намерения. Дай бог тебе старого или похожего на старое счастье. Всего, что человек с сердцем и рассудком ожидает найти в браке. Одно не извиняю я, зачем переменять жизнь семейную на шумную, блестящую, которой ты вовсе не сроден и которая вовсе не соответственна твоему характеру. Служба твоя в Москве была по твоим чувствам и довольно выгодна. Но это ваше дело, и ты довольно силен в исчислениях, чтобы не терять из виду окончательное различие выгод прежних с наступающими. В моем смиренном быте я не могу оказывать предпочтение пышному и веселому существованию столицы. Благодарю тебя за доставленные деньги... Не знаю, понравится ли тебе мое предложение, но намерен сообщить его тебе. Избытков, годичных остатков в твоей кассе не будет. Род твоей жизни переменился. Не будет ли тебе в тягость продолжение этого срочного исправного вспомоществования? Дети и сестры требуют более, чем прежде; прошу тебя, сообразив все, умерить твою щедрость ко мне. Не думай нисколько отяготить... меня этим.

Соображая мои ограниченные потребности с твоими вынужденно роскошными, по праву дружбы сознаюсь тебе, что мне гораздо легче обойтись без твоих денег, чем тебе присылать их. Настолько, может быть, увеличится условное благосостояние твоих бытий и настолько, может быть, уменьшится дефицит твоей приходно-расходной книги. Один человек, лишенный всех нравственных наслаждений, что значит лишиться того, что уже сверх первых потребностей? Благодаря богу, я привык к суровой жизни, я вышел из нужды тюремной и не знаю нужд роскошной жизни. Здоровье мое, конечно, с летами и после тринадцатилетнего тяжелого перехода ослабло, но не имею надобности в дорогой починке, да не вижу и причин желать столетия. Занятия мои весьма скучны: плохое, дорогое хлебопашество, решительно не возвращающее расходы; читаю одни письма ваши. Зима препятствует даже телесным занятиям, зато летом я утомляюсь. Довольно трудно забыть в этом глухом существовании прошлое, трудно и отшибить крылья у мечты. Возможно ли ничего не помнить и ничего не желать? Но это письмо слишком длинно для новобрачного. Кн[яжне] Лизавете М[ихайловне] мой дружеский поклон. Она теперь отдыхает после своих пожертвований; благодарю ее за письма. Обнимаю тебя. Будь счастлив и здоров.

Твой друг П. Муханов.

128. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог.] 1 июня 1839 *

Два письма твои от 2 и 22 марта, одно из Москвы, другое из Петербурга, я получил с большим удовольствием. Может быть, несправедливо, но я думал, что твое счастливое положение заставит тебя реже и реже писать ко мне. Желаю ошибиться, почитав тебя лучшим другом своим, обязанный тебе за твои постоянные посылки, мне тяжело думать, что между нами может сделаться разрыв. Я нисколько не опасаюсь твоего нового союза, который даже с первого начала был мною одобрен, но эта жизнь великая, исполненная многих сует, холодящая все чувства, кроме одного тщеславия, заставляет меня подумывать о тебе и часто удивляться, как мог ты так проворно бросить службу и своих приятелей, чтобы покружить в нарядном, па-

* Помета В. М. Шаховского: «Получил 12 августа в Либаве».

радном вихре один год, едва ли достанет у тебя терпения и финансов на два или три года. Впрочем, это не мое дело.

Не знаю, сколько и кто именно из твоего семейства при тебе, кажется, Лили уехала из Архангельска[1], поэтому прошу тебя справить ей мой дружеский поклон, она писала ко мне часто, правда, в плачевном роде, но всегда с прежними искренними чувствами — дружбы и участия. Мое прошлое бродит около меня, как страшная тень, я перестал его любить и зачем любить? В сорока годах — ни одного дня счастливого. Теперь я живу как труженик. Я счастлив, если к вечеру устал и сплю спокойно. Здоровье мое плохо, постоянная боль в левом боку и худые ноги. Хлебопашество без успеха и дохода, кажется, скоро кончится. Работники стали очень дороги, кругом ищут и находят золото — хлебопашество стало в три [раза] дороже, а хотят, чтобы хлеб продавали дешево. Советую тебе рисковать 5 т[ысячами] и попробовать столь счастливо испытанную здесь золотопромышленность. Если можно, пришли мне какую-нибудь газету, чтобы не разучился грамоте, подпишись на имя г[осподина] н[ачальника] у[езда] Анатолия Васильевича Пятницкого[2] для доставки Мух[анову.]

Прощай, будь счастлив и здоров.

Твой брат П. Муханов.

129. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 16 октября [1839 г.]

Отвечаю на письмо твое от 28 июля из Либавы, любезный друг. Благодарю за продолжение прежних чувств. Письма твои освежают, дают жизнь моему сердцу, которое почти замедлило; я скоро не буду знать, есть ли оно — никого не любит, ни на кого не злится, только болит. Ожидаю, что ты когда-нибудь, также и Лили, будете мне писать повеселее, что-нибудь довольное с судьбою. Теперь ты возвратился со своего сострадательного путешествия и твоя столичная жизнь снова началась. Ужели Николай Саблуков соблазнил тебя и ты стал любить странствия. Эти странствия человеку так твердо оседлому, как я, очень странны. На худых ногах и пешеходство для меня великое предприятие.

Все мои подвиги стрельбы, рыболовные, все, что требует силы, мало-помалу прекращаются; все это делаю я через силу, из методы, чтобы не изнежиться. Хлебопашество

мое идет худо, убыточно. Что более тебе сказать о себе? Это самая мудреная статья. Мерзну во всем полном смысле слова.

Сестру твою искренне благодарю за письма, я рад видеть ее почерк и в нем остаток всех прежних чувств и нежность. Пусть она не будет взыскательна к моим ответам и не мерит их в аршин. Пустота моя сфера. Обнимаю тебя, будь здоров и сколько можно жалостлив.

Твой друг и брат Петр Муханов.

130. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 25 ноября [1839 г.]*

Я обязан отвечать на трех листах на твои три письма от 30 августа, 14 сентября и 2 октября, любезный друг; получены почти в один день. Одно было с деньгами. Боюсь оговариваться, но еще более боюсь, чтобы эта напрасная присылка не расстраивала хоть на два дни твоего существования. Жизнь твоя каждый день стоит дорого. Нынешние наулочные ухаживания покупаются недешево в вашей столице. Письма твои заставляют меня горестно думать о тебе. Нельзя жить без сравнения с прошлым. Благодарю Лили за ее письма; я рад, что она неразлучна с тобою, она составляет часть, остаток прежней чуднославной жизни вашего семейства, из которого осталась едва половина; половина разбросанная и каждая с своим горем.

О себе что могу сказать? Утешительно то, что я привык к однообразной своей жизни, в которой все так худо, но постоянно. Здоровье мое порядочно, по летам, благодаря тебе и матушке имею кусок хлеба; какая скорбная забота была бы не косить его в Сибири, сидя на месте.

Обнимаю тебя и сто поклонов Лили.

Твой брат Петр Муханов.

131. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 21 декабря [1839 г.]*

Письмо твое от 24 октября я получил, любезный друг, хотя оно пасмурно, но по искренности чувств оно для меня приятно. С моей стороны, только вспоминать твои письма, но сколь я ни желаю отвыкнуть от этих воспоминаний, я

* Помета В. М. Шаховского: «Получено 20 генваря 1840».

все как-то невольно оглядываюсь назад. Радуюсь, что твои дети милы и что ты обращаешь на них особенно внимание. Ужели к[няжна] Лили Михайловна опять на меня рассердилась, что судьба век свой мириться с нею.

Рождество у нас ужасно холодное. В моем доме не осталось ни одного стекла, которое бы не лопнуло. Хоть я и привык к холоду, но не могу хвалить его. Жизнь моя все та же. С утра не знает, что делать. Сожалею, что не умею писать поэм — славное занятие для людей, которым делать нечего. В 15 лет можно было много бумаги извести. Ссылка с прекрасной женою и библиотекой в 5 тысяч томов — это другое дело. Благодарю бога за то, что не имею никаких посторонних неудовольствий, принципов и угнетений. Периодами страдаю от тоски, которая все время навязывается, как болезнь. Будь здоров.

Твой брат Петр Муханов.

132. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 28 генваря 1840

Письмо твое от 23 ноября и другое от Лили я получил, любезный друг и брат. Я забываю твое и свое положение, когда на минуту бываю рад твоему почерку, твоим дружеским приветствиям. Оба вы поддерживаете в сердце моем способность любить, а в памяти моей способность оборачивается в прошлое, которое, увы, рождало прежде столь приятные, а теперь больные трепетания сердца. Но это кануло на дно. Дети твои милы и занимают твое существование. Дай бог тебе видеть от них одно утешение.

Я начинаю девятый год своей довольно несносной жизни, которую с помощью вас дотянул до этой поры с большим терпением. Не знаю, что я делал в этот долгий срок. Страшно думать, как можно человеку, любящему дело, ничего не делать восемь лет. Стал стар, сед и начинаю дряхлеть, ноги ходят худо, глаза стали видеть плоше. Право, пора бы и к сестре в гости.

Добрая Лили начинает ко мне прицепливаться, не знаю, какая моя вина. Проси ее постараться писать ко мне. Письма ее для меня приятны.

Нет ли Николая Александровича в Петербурге. Мне хотелось написать ему хоть две строки благодарности.

Обнимаю тебя, мой друг, будь здоров и счастлив.

Твой брат Петр Муханов.

Подари меня деревянной трубкой с чубуком карманным.

133. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 15 марта 1840

Последнее письмо твое было от 22 генваря, до него промежуток, после — остановка. Желаю, любящий друг и брат, чтобы причиною этому было не время писать, другие занятия или даже приятны развлечения. Все это не вредно для дружбы — хотя несколько для нас [не]обычно. Письма твои продолжают быть пасмурными, несмотря на то, что [ты] в центре русских удовольствий. Ужели твое сердце к ним вовсе неприкосновенно. А память [о] прошлом счастье еще мешает тебе наслаждаться существенностью в жизни — хоть в меньшей мере. Что ждать худого, если нельзя забыть 10 лет хорошего счастья, то зачем и отравлять всю жизнь свою, исполненную стольких обязанностей. Я желал бы иметь хотя бы одну, которую старался бы исполнить сердечно. Не могу терпеть. Глупая жизнь — прятать нос от мороза, всякий день, годы ничего не делать. Здоровье мое довольно хорошо, часто скука, тоска сильнейшая моя болезнь. Матушка и сестра пишут ко мне часто и беспрерывно доказывают мне свою любовь и заботливость; брат слишком занят древностями, простудами жены и свекловичным сахаром [1], чтобы писать ко мне более одного раза в два года; за это я не сержусь — верно, он очень счастлив, дай бог. Сестра твоя Лили писала мне прелюбезное письмо из Ботово 1 генваря. Если она с тобою, благодари ее. Я рад, что она меня не забывает. Я сто раз рад возвращению Александра в Ботово, которое, впрочем, не понимаю, как произошло [2]. На этот предмет письма всех вас могли бы быть подробнее. Впрочем, вы до вестей не охотники. Обнимаю тебя и целую руки доброй, всегда любезной для меня сестры твоей.

Твой брат Петр Муханов.

134. В. М. ШАХОВСКОМУ

Братский о[строг], 10 апреля 1840

Письмо твое от 4 февраля я получил, к большому удовольствию, ибо давно не имел от тебя никакого известия.

Из Москвы писем также давно не было. Для меня это печаль. Желаю, чтобы все мои были живы и не довелось бы мне пережить еще кого-нибудь. Так мало их осталось. Возвращение Лили тебя, верно, обрадовало; теперь отсутствие этого лица должно быть тебе чувствительно. Благодарю ее, она ко мне пишет, и мне весело.

О себе ничего не скажу ни нового, ни хорошего. Пустота жизни давит меня; никакой пищи ни сердцу, ни уму, никакого хотя бы глупого постоянного занятия. Что будет летом? Искать в поле, на реке. Как убить 1840 год?

Прощай, будь здоров с семейством.

Твой брат Петр Муханов.

135. В. М. ШАХОВСКОМУ

Братский о[строг]. 29 ноября 1840

Не помню, любезный брат и друг, от которого числа было твое последнее письмо, давно ты не писал. Верно, весь в суматохе городской. Я бы не знал, что ты в наследственной и любезной Колпи, если бы сестра твоя не вздумала обо мне 29 сентября. Письмо ее от этого числа я получил, оно откровенно, благодарю ее; мое любопытство давно желало многих подробностей — а теперь сердце сожалеет, что узнало их. Надеюсь, что дела по управлению сельскому развлекли тебя от излишних воспоминаний. Тяжело тебе было; испытав многое, я сам желал бы стереть многое из памяти, все, что тяготит сердце. Но как ни старайся меньше, легче страдать, несчастье берет свое. Мне скучно без твоих писем, одна сестра моя пишет постоянно, исправно. Матушка, кажется, оканчивает свое бытие — с каждой почтой ожидаю печального известия об смерти — скоро я сделаюсь еще более один в мире. Часто мое будущее встревоживает весьма ровное, плавное и одинокое мое положение. Здоровье мое сильно клонится к земле. Становлюсь слаб и стар. Ноги стали отказываться от службы — нужно бы полечиться, хотел просить позволения съездить на Забайкальские минеральные воды; но в глушь Братской волости никто не ездит, кроме разных [деревенских], так зовут здешних земских чиновников, людей особого рода, и поэтому просить не через кого. Хозяйственные дела идут плохо, хлеб худой, едва ли достанет на два, на три обеда. Занятия те же, перечиты-

ваю с зевотою Карамзина и остальное старье. Все это только для поддержания себя в знании грамоты.

Сестре твоей мой нижайший поклон, тебя обнимаю.

Твой брат Петр Муханов.

136. В. М. ШАХОВСКОМУ

Б[ратский] о[строг], 19 декабря 1840

Накануне получил письмо твое от 21 октября, любезный брат и друг. Небывалый промежуток, верно, твои сборы в путешествие причиною этому. Прощаю тебя на первый раз и надеюсь, что впредь хотя раз в месяц буду знать о твоем существовании и получу хоть одно ласковое слово. Для дружбы моей это столько же нужно, как и для воздержания меня от мизантропии. Из всех ваших осталось две-три ниточки, не дай бог дожить мне до того, чтобы и те оборвались. Мнительность часто внушает мне мысль, что я становлюсь вам в отягощение. Дружба без пользы и удовольствия. Зачем думать далеко и думать с горестью.

Очень рад, что пребывание твое в Колпи оживило тебя — по крайней мере, это полезно твоему внутреннему расположению. Но может ли это быть тебе полезно долговременно и в других отношениях. Твоя боль — вы столичные жители искусны в расчетах. Не знаю, завидовать ли мне застольникам твоего семейного круга? Мне не бывать в нем, да и быть не должно. Поклон от меня тем из них, которые меня помнят, сестре Лизавете М[ихайловне] особенно, в этой я более всех уверен.

Я по-прежнему маюсь. Здоровье плохое, дела никакого, созерцаю огромный лес косматый снегом. Всегда один, ничего не читаю и ничего не знаю вне межи деревенской. Это положение особенное. Но, благодаря бога, горесть моя не заходит за черту благоразумия. Бог терпеть учит.

Я продолжаю писать в дом графини Моден впредь до повеления. Надеюсь, что ты предуведомишь в перемене. Обнимаю тебя.

Твой брат Петр Муханов.

137. И. И. ПУЩИНУ

Иркутск, 3 мая 1841

Прошло около десяти лет, как я не писал тебе, любезный Иван Иванович. Почему — не знаю, не умею отдать

отчета. В скучной жизни своего места изгнания сохранил переписку только с семейством своим, состоящим из трех лиц. Вправду, никто и ко мне не писал — что не нужно для поддержания моих чувств к собратии нашей, но для поддержания переписки. Здесь только получил сведения об убыли и о наличном числе наших товарищей. Не знаю, кто в Сибири и где в Сибири. О смерти Ивашевых[1] — мужа и жены — мне сказали в Иркутске, и я был опечален этим известием. Здесь застал новую печаль и суматоху — Лунин[2] пустился в обратный путь — в Нерчинск, за переписку довольно странную, чтобы не сказать более, с сестрою Уваровой[3]. Это много помешало моему житью здесь, которое могло бы сделаться освещением для меня после сильно грустной и совершенно одинокой жизни в Братском остроге. Происшествие это опечалило всех наших товарищей — особенно семейных, для которых тишина, некоторые удовольствия столь необходимы. Большая часть из них очень стары, почти все белы и хворы; у всех большой запас аптекарской кухни — Поджио[4] и Вадковский[5] были в крайности.

Тебе любопытно знать, как явился я в Иркутск. Сильная боль, сжатие сердца и сверх того расслабление ног заставили меня помышлять о лечении. В первом случае я спасался натиранием сердца льдом, но много страдал. Я просил г. губернатора позволения ехать в Иркутск на три дня, но получил всемилостивое для меня позволение на военный отпуск, т. е. 28 дней. Через неделю возвращаюсь обратно — увы, опять в острог Братский.

Тебя здесь все без исключения любят. Крестник твой[6] премилейший и преразумный ребенок — стреляет уток, учится хорошо, ездит верхом решительно, справедливостью весь в тебя.

Обнимаю любезного Басаргина, желаю ему более счастия, чем он когда-либо пользовался. Прошу вас обоих писать ко мне. Обнимаю вас обоих.

Тебя многолюбящий Петр Муханов.

138. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 24 августа 1841

'Два письма твои [от] 30 мая и 25 июня я получил, любезный друг и брат. Третье было от 29 июня от доброй сестры твоей[1], которая в вихре столичной жизни не поте-

ряла память сердца. И письма ее сохранили прежний слог. Я давно не писал тебе, но вина твоя. С зимы самой во всяком письме вы только говорили об Италии и Франции [2], я думал, что вы давно уже выехали; а вы приезжали из деревни в столицу. Очень рад, что вы повеселились в Долголядье[3]. Все приятное время нашей жизни провели мы там и в окрестностях. С той поры я перестал считать прежние дни, впредь их не будет. А скорбь считается десятилетиями.

Надеюсь, что ты, любезный друг, при видении своего присутствия около винограда четыре месяца. Не смею надеяться получить писем, писанных в путешествии, из страны восхищенной, где тяжело поворачивать голову на гнусный, ледяной сосновый север. Писем ожидать буду с Невы, тогда переписка наша установится на прежнем основании.

Вся эта многолюдная прогулка станет вам очень дорого. Я привык владеть таким маленьким капиталом, что эти расходы приводят меня в ужас. Я ровно три года думаю и не решаюсь, что выгоднее — купить зонтик или шинель. Но спасибо тетушке Щербатовой [4], да здравствует она сто лет на этом свете.

Мои путешествия весьма оригинальны. Здоровье расстроено совершенно — и я не хожу, а таскаюсь кругом двора — не знаю, надолго ли, но только чтобы все это кончилось скорее, кончилось естественным образом. В молодые годы и с хорошим здоровьем эта ссылка была [бы] сносною, но теперь часто слишком тяжело.

Прошу кланяться всему семейству вашему, отсутствующему налицо от поездки.

Преданный тебе брат Петр Муханов.

139. В. М. ШАХОВСКОМУ

Б[ратский] о[строг], 4 октября 1841

Прощальное письмо твое я получил, любезный друг и брат. И странная вещь, ты успеешь вдоволь покататься по Европе, прежде чем ответ на письмо твое дойдет до нашей столицы. По расчету, оно застанет тебя уже дома. Желаю семейству твоему лечиться, вылечиться и веселиться. Тебе приятно было провести лето на море и в виноградниках юга. Несколько дорого. Не видал ли ты в ложе оперы или на водах Муханова брата с милой женою, тре-

бующей лечения? Конечно, тяжелы болезни — но зато лечение приятно. Я уже два года нахожусь в разрыве всех сношений с ним. Впрочем, я без притязаний, но благодарю бога, что после пятнадцатилетней ссылки два, три существа для меня дорогих сохранили ко мне прежние чувства и заботливость. Как много и это — и как я благодарен вам. Самая зависимость моя в пропитании тяжела для сердца. Но что делать, с летами и нужда. Здоровье стало худо, и этот образ жизни становится тягостным. Избави бог на старости остаться без призрения. Ожидаю твоих писем. Дружеские слова твои целебны в минуты моей черной грусти. Еще что во мне — остатки веры в узы дружбы. Зима началась давно, уже все кругом бело. Мое хлебопашество нынешний год весьма плохо. Трудно тебе представить мою праздность. Своего дела нет, чужим заняться нельзя. Я с торжеством провожаю старый год в Лету. Пережить — это много значит, а новый — еще жить, мысль печальная. Недостаток суетливой деятельности имеет влияние на расположение и дух.

Разошли на родину и в чужой край поклоны самые дружеские твоему семейству. Прощай.

Твой брат Петр Муханов.

140. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 31 декабря 1841

Желаю приятно кончить год, скучный и долгий, любезный друг, и, ожидая объявления о возвращении твоем с Средиземного моря на Екатерининский канал, пишу тебе. Единственное письмо твое со времени отъезда твоего из столицы нашей, написанное из Пизы, я получил. Оно меня много утешило и еще более бы утешило, если бы зависть, сродняя всем и отживающим людям, не заставила меня вдруг сравнить твое описание Пизы с моим морозом, моими болями, со снами и уже тридцать раз отмороженным носом. Я рад, любезный друг, что ты оставил семейство твое здоровым и в приятном месте. Холодная арифметика часто заставляла меня видеть минусы из наследства добра покойницы[1] от этого путешествия. Я все желал устройства твоего княжества. Но мой скупой взгляд на вашу жизнь может быть ошибочным; извини — это следствие ежедневных умствований о рубле и моем «я». При твоем письме я получил весьма приятное письмо от к[няжны]

Елизаветы Мих[айловны] и прошу тебя благодарить ее. Она по-прежнему утешает меня своею дружбою.

Состояние мое в первобытном виде. Здоровье мое порядочно, одна нога ходит хуже другой. Обещали перевести поближе к Иркутску и к добрым соседям. Рад буду этому, но как я умерен в своих желаниях, то буду рад, если позволят хоть временно отлучиться из моего острога. Вот бы заняться какой-нибудь промышленностью или частною должностью, найти кусок заработанного хлеба и избавиться от этой невольной праздности. Хлебопашество идет плохо и еще убыточно оттого, что продаю хлеб чрез людей, которые меня обманывают, не платят денег, а жалобы и тяжбы я ненавижу.

Для окончания письма берегу поздравления с новым годом. Будь здоров и счастлив. Уже не помню, который год начинаю врозь с тобою,— не занимаюсь давно летосчислением. Имею то преимущество пред тобою, что мои желания могут сбыться, а те, которые ты так сердечно мне желаешь,— едва ли когда. Но благодаря богу — от него сила сносить все и не ужасаться будущим. Обнимаю тебя — направь твою переписку со мною на прежние порядки.

Тебя любящий брат П. Муханов.

141. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог,] 3 марта [1842 г.]

Письмо твое от 7 сентября я получил довольно поздно, при письме от к[няжны] Лизаветы Михайловны от 6 октября. Благодарю тебя, что ты помнишь меня так далеко и, заглядываясь на все прелести юга, вспоминаешь о друге, давно заиндевевшем на Сибири. Рад, что тебе хорошо и весело. Я тоже собираюсь на новое место. Одиннадцатый год пошел моему пребыванию здесь. Трудно тому, кто не родился здесь. Прожить терпеливо, одиноко, со всеми прелестями ссылки и мороза так долго. Я ставлю в милость божью, что я выезжаю с тем состоянием здоровья, в котором нахожусь, и выезжаю в Усть-Куду [1], а не в бедлам.

Здесь есть старик со старухой, детьми и полной избой внучек. По этим поколениям ты можешь рассчитать, сколько ему лет. Он с юга — и когда приходит весна, с ним делается такая тоска по родине, что он уходит в поле,

лежит на земле и плачет, как ребенок. Эта сцена прекрасна была бы в Параше Сибирячке[2].

Подъем мой отсюда медлен. Мой дом — время для уничтожения моего хозяйства. И, кажется, я уеду с пустыми карманами. Что было куплено за деньги, должно бросить.

Пиши ко мне по новому адресу. Благодарю сестру твою за милое письмо, полное любопытных для меня сведений о семействе твоем. Прощай, обнимаю тебя.

Твой брат Петр Муханов.

142. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Братский острог.] 27 марта 1842

Не знаю, не складываешь ли ты, почтенный и любезный друг мой, письма в коробку под стол или в камин под дрова. Давно не отвечаешь ты на мое частое болтание. По твоим обещаниям, ты давно должен быть в доме графини Моден, куда продолжаю я адресовать свои письма. Я полагал, что ты возвестишь мне свой въезд в столицу. Но ошибся и поэтому возвестил тебе мой отъезд из Братского острога в Усть-Куду, который имеет последовать через два дни. Я убираюсь отсюда, я довольно рад этому. Мне никогда не жаль старых мест. Это одно доброе качество поселений и переселений. Жил и уехал без воспоминаний. Однако с убытком. Старое жилище стоило денег, там опять нужно жилище и деньги. Теперь конец хлебопашеству, оно меня часто оставляло без хлеба. Не знаю, чем буду заниматься.

С нетерпением ожидаю твоих писем. Надеюсь, что ты дотянешь до 25-летия свою исправность и твое дружеское участие в моих похождениях. Я ставлю сроки и дружбу твою к себе. Срок казенный. Здоровье становится худо, волосы белеют, старость. Не гожусь даже в подвижную инвалидную команду.

Где твои дети — сколько соберется твоих под твое крыло? Не верю, что Наташа уже невеста. Жалко мне, что глаза мои не видали, как она росла. Поклон душевный твоему семейству — одной сестре твоей самый дружеский и большой. Прощай.

Твой брат и друг Петр Муханов.

143. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 27 апреля 1842

Письма твои 24 ф[евраля] и 4 м[арта] встретили меня на новой квартире, любезный друг и брат, и я обрадовался, что ты не оставил за границей с рублями твои исправности в почти двадцатилетней переписке. Мне здесь веселее, но я надеюсь, что эта приятная мысль не заставит тебя замениться, минут удовольствия семейного для меня заменить нечем.

Я был встречен здесь с дружбою. И также здесь я могу увериться, что я жив, голова моя цела, что я не погиб в Братском остроге, где уже надеялся праздновать юбилей своего невыносимого существования. Перемещение это более награда, чем милость. Но, отъезжая из Братского острога, первый долг был благодарность богу — прожил более 10 лет — любого провидения.

Здесь живу у товарищей. Они приняли меня весьма гостеприимно. Избы своей нет и, кажется, не скоро заведу. Не по деньгам, дороже Москвы. Доволен пока одной комнаткой, только, говорят, холодна к зиме.

Очень рад, что путешественники твои проводят весело и здорово время под славным небом Италии[1]. Понимаю, что зажились. К[няжне] Лизав[ете] Мих[айловне] сто раз кланяйся. Она меня не забывает.

Деньги при письме получил с благодарностью. Рад был бы возвести себя в чин крестьянина, ни в какой более, кроме этого скромного звания. Оно дало бы возможность освободиться от обременительных для вас вспоможений денежных. Я все стал стыдиться на эти получения, несмотря на то что пользуюсь ими без малого 20 лет.

Обнимаю тебя, будь здоров и счастлив, пиши ко мне.

Твой брат Петр Муханов.

144. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 26 мая 1842

Отвечаю на два письма твои от 29 марта и 14 апреля, любезный друг и брат. Я часто жаловался на твое путешествие, которое оставляло меня несколько месяцев без твоих писем, но теперь истинно радуюсь, что ты с прежнею исправностью пишешь ко мне. Я так дорожу этим, что все пропуски твои считаю очень пристально. Письма

мои следовали по старому адресу, то есть в дом графини Моден, и я положил, что ты найдешь их много по возвращении твоем. Я нахожусь с апреля в Усть-Куде. Деревня маленькая, бедная, но здесь должно быть несколько теплее и гораздо приятнее, чем в Братском остроге. Здесь живут два брата Поджио и в восьми верстах Волхонские[1] и Муравьев[2]. Поэтому я могу провести время довольно приятно. Я так привык к уединению. Тюрьмы и Братский острог выучили меня, что иногда часто люблю сидеть один, что еще редко бываю в нашем большом свете.

Со стороны финансовой перемещение это меня совершенно расстроило. Доходы мои слишком ограниченны для того, чтобы я мог в одном месте бросить домик свой, а в другом строить. Ты удивишься, если узнаешь, что строить здесь очень похоже на малороссийское, худая изба мазаная, двор плетневый. Несмотря на то что куда глаз ни окинуть — все лес, но лес нигде не годный. Строение здесь дороже московского. Теперь я не имею никакой собственности.

Братья Поджио дали мне комнатку, где я живу до тех пор, пока буду в состоянии выстроить себе избу. Здоровье мое плохо. Ревматизм сильнейший, и, несмотря на теплое лето, подвиги мои еще не начинались. Известие о смерти Сергея Ильича[3] произвело на меня впечатление не весьма глубокое. Семейство его потеряло много, Варвара Дмитриевна, кажется, скоро за ним последует[4], и тогда бедные девы останутся без необходимых им пособий[5]; я думаю, Николай Алексеевич[6], как человек, много и часто ими одолженный, окажет кузинам все возможное внимание и пособие. Со времен моей ссылки мы друг о друге весьма [мало] заботились, и для меня [они] умерли до настоящей смерти. Так исчезли для меня весьма ближайшие родные — и для этого патриархального круга, о котором ты вспоминаешь, не существую я давно. Благодарю бога за сохранение матери, сестры и тебя. В вас трех вся моя семья, и сердце мое уверено, что оно может вас любить, как одних друзей неизменных, в самых бурных обстоятельствах жизни. Так рвутся все связи, и немудрено, что после двадцатилетней ссылки редко кто из нас думает о возвращении на родину. Если дядя Саблуков возвратится из Англии, дай мне об нем известия, я ему многим обязан. Где мой брат? Тяжело делать этот вопрос — пятое письмо его со времени нашей разлуки получил я тому три

года. Видишь, какая у меня будущность. Обнимаю тебя, пиши чаще. Твоя дружба разбивает черные тучи моей меланхолии. Поручаю тебе сказать к[няжне] Лизавете Ми-х[айловне] тысячу приветствий в ответном письме в Колпь. Что делают твои дети? Прощай, до свидания, говорили ли мы прежде, теперь этим словом надежды нельзя оканчивать нашего прощания.

Твой брат П. Муханов.

145. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 26 июня 1842

Письмо твое от 9 мая я получил, любезный друг и брат. Ты знаешь, как я всегда рад твоим письмам, наполненным самыми верными изъявлениями твоей дружбы ко мне. Правда, она одна уцелела от огня и полымя. Немного связей осталось с родиной, кроме той любви к ней, которая не потухает в сердце в едва живом. Трудно с летами, при обстоятельствах противных с ежедневными страданиями придешь в совершенно счастливое равнодушие, начинаешь жить весело и счастливо там, где можно заставить жить. Здоровье мое плохо, ноги очень худо служат. Делать нечего, терпение — и всяк видит, как я терплю. Поздравляю тебя с сыном [1]. Желаю ему всего доброго. Но мне не узнать только было бы, чтобы он перещеголял моих племянников, о которых Лили пишет мне большие похвалы. Благодари сестру свою за письмо от 2 мая. Она попрежнему меня любит, и письма ее всегда для меня новы известиями о семействе твоем. Тебя благодарю за деньги... Не знаю, когда прекратишь ты эту присылку. Вероятно, она при худых финансах чувствительна тебе, и когда я умножу рубли на годы моего изгнания, то сумма становится очень великой. А что впереди? Обнимаю тебя и прошу на прощание срочной почты. Неисправность в этой переписке я всегда отмечаю без пощады.

Твой брат Петр Муханов.

146. В. М. ШАХОВСКОМУ

Икугун [1], 17 июля 1842

Письмо с новым тавром может доказать тебе, что я в движении, движение может доказывать свободу, и поэтому, чтобы дать тебе ясные понятия о себе, спешу уведо-

мить, любезный друг и брат, что настоящее значение Икугун есть река, падающая в виде водопада в ущелье Саянских гор, где очутился я для купания в теплой воде. Я приехал сюда с дозволения г. губернатора[2] и живу более двух недель, пользуясь ваннами. Воды мне слабы, большой пользы и еще менее совершенного излечения не ожидаю, но боль в ногах несколько унялась. Место величественно своей дикостью, стены гранитные. Если бы Икугун был возле вашей столицы, то, вероятно бы, ваши богини и местные люди проводили бы лето на берегу его, и кисти, и карандаши — все было бы в деле. Превосходно хорошо ты видишь, что в отплату за твои берега Рейна судьба привела меня видеть величественные красоты ущелий с Монгольского или Саянского хребта. К несчастью, ноги мои совершенно неспособны предпринимать странствия на вершины, где мог бы я остаться зимовать за болезнию, но я очень мало чувствую вожделения на красоты Сибири, которая стала лучше Америки для искателей золота, вернее, агрономии и свекловичных заводов для доходов, но нестерпима для человеколюбия и для души, предпочитающей свободу изгнанию. Писем твоих давно не читал. Это большое лишение; надеюсь, возвратясь в Усть-Куду, найти несколько грамоток от тебя. Возвратно вместо дороги гористой поплыву Байкалом, что очень представляет много выгод для избежания тряски по горам и удовольствия.

Обнимаю тебя, будь здоров и прошу тебя сто раз кланяться и тысячу сказать приветствий сестре твоей Лизавете Михайловне.

Твой брат П. Муханов.

147. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 1 августа 1842

Твое письмо от 3 июня я получил, любезный брат и друг, возвратясь с вод на свое пустопорожнее место. Благодарю тебя за известие о себе и желаю тебе, чтобы семейство твое было благополучно. Ты много испытал горести, еще новых уж, право, не нужно. Боюсь я за детей твоих, которые, право, еще очень молоды, чтобы путешествовать так часто и так скоро и налегке. Извини это пристрастие к детям моей бедной неограниченно любимой мною Лизы. Я бы желал увидеть одного из них, чтобы

покрыть его лаской в память ее. Но я нарушаю приличие и закон, себе поставленный, говорить о ней и о них. Сожалею, что свежих писем от тебя не имею. Если твой банк этому причиною — то прощаю, ибо, верно, много билетов подписывать, но разгневаюсь, если ты прогуливаешь сибирскую почту на балах и в театре и, забыв свою страсть, увлекаешься с новым веселым поколением. Здоровье мое весьма мало поправилось от вод не довольно горячих и не довольно серных для меня. Но боль несколько уменьшилась, и я очень благодарен гг. двум губернаторам, давшим мне средство поехать за 200 верст лечиться после 17-летнего сильного страдания от рюматизма. И вообрази себе, какое доверие, ведь это у самой границы Монголии. Что тебе говорить о моих занятиях: их еще менее, чем в Братском остроге, где мечтал я попасть в общество агрономов. Теперь поклоняюсь я этой самолюбивой мечте. Не пашу, не сею, и вы меня, как птицу божью или как семейного инвалида, кормите. Не имею дома, ни малейшей собственности и живу и сплю не на дожде. Это очень утешительно. Когда совесть моя молчит, когда не гляжу я в счеты, не вижу суммы похищенных мною денег у детей твоих, и сестры твоей, и у бедной матушки, которая бедна, на старости лет оставлена в стесненном положении. Мои мечты высоко не залетают, не далеко, все по земле, и поэтому все это меня печалит. Пиши ко мне, обнимаю тебя. Поклон в Колпь отправь непременно. Но ты знаешь, что в дружбе, как в любви, люди не могут представляться сердцу в собирательном виде, и поэтому поклон к[няжне] Лиз[авете] Мих[айловне]. Прощай.

Твой брат П. Муханов.

148. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 10 августа 1842

Письмо твое от 3 июля я получил с тем большим удовольствием, что оно было долго ожидаемо. Принимая в расчет твою исправность, мой любезный друг и брат, следовало получить мне еще письмо новейшее. Это заставляет меня опасаться, не случилось ли в семействе твоем какого-нибудь несчастия. Не дай бог. Толкую еще иначе. Может быть, торжество и праздники заставили тебя пропустить две-три почты.

Благодарю за известия о твоих путешественницах, которые, вероятно, уже собираются домой с душевными и приятными рассказами. Не увидят ли они где-нибудь моего брата мокрого. Я боюсь, чтобы он наконец решительно не обратился в существо плавающее. Я думаю, лечиться, купаться тоже страсть, заменившая книгоделание, сахароварение, которая выгоднее чего, не умею отгадать; знаю только, что все они препятствуют ему писать ко мне... Жена да дети также охлаждают связи старейшие. Но это любопытство с моей стороны о живых родственниках иногда нескромно, а иногда может иметь вид жалобный. Где Николай и брат его Владимир[1], тоже ничего не знаю. Все это лица, близкие прежнему счастью. Но бог с ними...

Здоровье мое плохо, ноги и левое плечо болят сильнее. Начинаю после <...>* разорения строить себе избу в Усть-Куде. Средства худы; и сердце не лежит к домозаведению. Но необходимость этого требует. Кто знает нашу жизнь, имеет крышу и печь для старости.

Если финансы твои позволяют, пришли мне на новоселье литографию хорошую «Моление о чаше» Бруни[2], продаются у Прево. Это будет украшением моей кельи.

Желаю тебе встретить дочь твою здоровою и милою. Видишь ли ты когда-нибудь сыновей и что с ними делается, ты никогда не пишешь. Правда, ты мне своих писем убавляешь всякий раз. Поклон добрейшей из сестер твоих к[няжне] Л[изавете] М[ихайловне].

Прощай, будь здоров.

Твой брат Петр Муханов.

149. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 14 сентября 1842

Письма твоего насилу я дождался, любезный брат и друг. По крайней мере, благодарю за хорошие известия о семействе твоем. Ожидаю с нетерпением несколько строк от Николая Александровича. Для дел матушки и моих чрезвычайно сожалею, что приезд его был на такое малое время. Кажется, я писал тебе и просил, что[бы] ты через посредство его старался привести дела мои в порядок[1]. Это состоит в том, чтобы твои назначили мне или

* Одно слово неразб.

единовременно раз навсегда какую-нибудь сумму, или ежегодный платеж в сроки аккуратно. Николай Александрович может это сделать без стыдливости, зная стесненное положение, в котором я давно, и в особенности теперь, по переезде из Братского острога, где осталось у меня все брошенным. В мои лета скверно не знать ничего постоянного и невозможно существовать таким образом.

Здоровье мое по прежней степени, сначала купал, теперь мочу ноги. Но мне нет выгод против прежней жизни, по крайней мере, доволен товарищами моими. Хозяйства я никакого не имею. Заводить не на что. Сожалею, что стесненные и в полной степени выдуманные постановления не позволяют заниматься никакой выгодной и обеспечивающей будущность промышленностью.

Твое семейство зажилось за границей, прошу встретить твоих барышень поклоном от меня. Я уверен, что кто-нибудь из них еще меня помнит. Прощай, пиши ко мне и будь здоров.

Твой брат Петр Муханов.

Вероятно, ты видишь часто Николая Муханова — кланяйся ему.

150. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 17 октября 1842

Письмо твое от 27 августа и при нем деньги я получил, любезный брат; исправность твоя выше немецкой и никак не может сравниться с польской. Это почти одни деньги, которые служат к постоянному моему содержанию. Я сознаюсь, что почти никогда я не говорил так часто о деньгах, как здесь. Но это с первого взгляда корыстолюбие означает только нужду, в которой нахожусь я от переселения своего. Брат мой весьма мало заботится об обеспечении меня на будущее время. Я сожалею, что ты не поговорил о мне дяде Саблукову. Семнадцать лет собираюсь я писать о болях моих ему и брату, но молчал, ибо находил средства существовать постоянно присылаемым тобою пенсионом, сколь ни совестно мне всегда было получать его от тебя. Это значительная убавка от расходов детей твоих, которых требования увеличиваются. Что будет впредь, не знаю, но честно было бы подумать о существовании человека, который сам себе ничего сделать не может. Тебе я много больше всех обязан.

Благодарю об известиях о твоих странствующих. Путешествие их весьма приятно, но, вероятно, ты уже stosковался о дочери и сестрах. Ты никогда не пишешь мне о сыновьях. Надеешься ли ты, что они получат воспитание дельное, меньше бреду сделать их способными и к существенной жизни. Все думы большого порожнего моего времени о вас, которых сердце мое продолжает любить попрежнему.

Занятия мои очень скучны. Устройство избы с принадлежностями, не было средств купить готовой лачуги, цены огромны на постройку, все вдвое дороже Москвы. И к этому множество забот. Занятия прибыльного никакого нет и быть не может при положении на существование наше. Почти ни шагу из деревни, никакой свободы к производству промышленности. И, несмотря на это, я плачу государственные подати.

Книжным делом я еще мало занимаюсь. Зима, которая доходила до 18°, застала меня еще без собственной крыши, и поэтому угла для собственного занятия еще нет. Ожидать буду писем твоих, и ты всегда утешаешь меня известиями дружбы твоей.

Твой брат Петр Муханов.

151. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 21 ноября 1842

Благодарю за письмо твое от 6 октября, любезный брат и друг. Надеюсь, что твои нетерпеливые ожидания сбылись и путешественницы возвратились благополучно на родину. Я так привык к сидячей жизни, что эти продолжительные странствия, даже в стране очаровательной, кажутся мне отяготительными. Едва целым выходить из кареты в трактир, из гостиниц в карету, скучно для человека, который 17 лет сидит в клетке, под замком тюремщика, исправника и мороза. Теперь огромное различие в нравах и обычаях между нами. Странное существование, строгое и постоянное.

Жизнь моя только изменилась заботами, необходимыми для переезжего, постройки и уплаты, вот что я делаю целый день. И не знаю, будет ли время доходов. С этой стороны я много потерял переводом сюда, но я имею удовольствие быть в соседстве со всеми товарищами. Николай Александрович меня много огорчил тем, что не пишет мне

ни слова. Я извиняю это множеством работы его и кратковременным пребыванием в России. Ты, вероятно, боясь увеличить письма свои, не пишешь никогда о себе никаких подробностей; равно и о некоторых лицах, с которыми мы были в дружбе. Видишь ли ты когда-нибудь Николая Муханова, о котором я давно вести не имею. Мой брат мне тоже не пишет. Я почти остыл к отдельным лицам и ценю по справедливости сердца и чувства человеческие. Не худо было бы ему подумать о моем существовании. Я постигаю, что закон может лишить меня моего имения, но не думаю, чтобы права чести и совести могли бы заставить меня сомневаться в средствах на пропитание, тем более теперь, когда жизнь в Сибири мне упрочена, и жизнь без дозволенности и деятельности самой обыкновенной. Здоровье мое порядочно. И ты всегда доставляешь мне большое удовольствие дружескими своими письмами. Прощай. Поклон твоим сестрам и особенно Лизе.

Твой брат П. Муханов.

152. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 26 декабря 1842

Письмо твое от 15 ноября я получил, любезный друг и брат, и принял живейшее участие в твоей радости. Я постигаю, что ты провел приятные минуты в соединенном своем семействе, и между тем ты испугал меня известием о начале болезни милой к[няжны] Клеопатры Михайловны, которую я все воображаю себе имеющей достойное здоровье. Как разно мы замечаем изменения в людях. Ты едва узнал Наташу после годовой разлуки, что было бы со мною, если бы мне довелось увидеть все это семейство теперь. Сначала одна слепая радость без замечаний, там пошли бы замечания, а ведь они — боевитые люди.

Письмо твое сделало мне еще удовольствие. Вот 4 почты я не имею писем из Москвы. Хотя исправность их примерная, ты, верно, написал бы мне, если бы кто-нибудь умер в моем семействе. Я ожидаю всегда известий неприятных, и все несчастья в мире, даже громовой удар я почитаю возможным. Так жизнь и сердце ко всему подобному для меня приготовлены.

Зима у нас чудесная, не было никогда в течение всего времени моей ссылки, чтобы до 15 генваря были морозы небольшие — 17°. Здоровье тоже порядочно и несравненно

лучше прежнего. Ты видишь, что и небереженого бог бережет.

Если можешь выслать ассигнования Павла через дядю Саблукова, то сделай попытку. Если я выиграл много через переезд сюда, то это мне дорого стало — денег нет, разорен от переезда, разорение от нового поселения и неприятное чувство писать битшрифты[1] прямые и косвенные Павлу. Когда я никогда не вел с ним никаких счетов и теперь никогда бы не сделал этого, если бы был менее твердо засажен в место, где живу, которое тоже почти что фортрессия, окруженная вместо вала зеленою дубравою, к тому же еще сосновою. Все выгодные занятия и промышленности, которые могли бы заставить меня хладнокровно смотреть на длинные угнетения Павла, при неподвижности моей почти невозможны.

Жизнь созерцательна, жизнь, которой позавидуют все знаменитые люди, вот моя жизнь, но жизнь, требующая пропитания. Это положение почти общее нас всех. Но, благодаря богу, что не хуже доживаем мы до 1843 года. С ним поздравляю тебя и желаю семейного счастия и счастия всему твоему любимому семейству. Прощай.

Твой брат Петр Муханов.

153. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 7 генваря 1843

Здравствуй, любезный брат и друг. Ты теперь начинаешь год в увеличенном семействе, ибо, верно, кто-нибудь из старейших детей твоих приехал к тебе уже не в гости, а на житье. Твои путешествия заставили тебя пропустить несколько почт, и поэтому я не знаю степени твоего семейного счастия и образа твоей семейной жизни. Но я верю, что счастия и жизни в твоем дому прибыло. Давно не имею писем от матушки и сестры и начинаю думать худо... нет ли смерти. Все ожидаю, ко всему сердце мое готово; но я все желаю, чтобы вы сначала отпраздновали мою смерть, которой последствия существенно не принесут ни малейшего вреда; немного горести и уверение сладостное, что смерть — конец страданию; одна милость прямая, без хитрости в ссылке.

Провалявшись с 1-го генваря в постели, я сегодня только вступил обратно в мир божий. Кругом меня была помощь, друзья, все что-то радостное, к которому я не

привык, поили меня теплою водою, не давали есть и обвязывали в сто шалей. Видишь различие в страданиях. И сегодня я поминаю святые дни нашей молодости, пишу к тебе, верю, ты тоже встречаешь меня сердечным приветствием, вспоминаешь всех, кто нас любил, два добрейших существа в гробу, и, наконец, полицмейстера Чихачева[1], мешающего общему счастью, как во всех драмах Коцебу[2]. Все это прошло. Не много занимает места и жизнь наша. Всегда помню, ежедневно помню ангела сестру свою, но сегодня и завтра еще более. Какие сны я вижу об ней. Извини, обнимаю тебя. Живи — я отжил свой век и часто люблю рассуждать: этот труп, эта жизнь, это прошлое...

Поклон дружеский моей добрейшей Лили, которую я почитаю из вас постояннейшей в чувствах и менее развлеченной вашим блистательным и торжественным светом. Обнимаю тебя, будь здоров.

Твой брат Петр Муханов.

154. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Усть-Куда, 7 генваря 1843

Письмо это отстало от почты, и сегодня праздную я лишний годок, приставленный к моей жизни[1], — своим выздоровлением. Слег в постель в самый новый год и сегодня объявил себя здоровым. Помощь скорая, участие друзей — ходили как за ребенком — это вас порадует. День этот славный еще тем, что сегодня в 1826 году меня забрали и засадили — и то праздную, ибо, оглядываясь назад, вижу с приятным чувством: столько горестей, нужд, тюрем, страданий осталось на снятом поле, мною пройденном. Ни один волос не спал, хотя все побелели; чувствовал всевозможные страдания, но уцелел и телом, и духом, и благодарность господу богу за его милосердие, а вам, т. е. тебе, матушке, сестре в гроб и зятьям за вашу дружбу, любовь и помощь.

Но живы ли все? Твое прошедшее письмо заставляло меня бродить в пасмурном и горестном сомнении. И после не было ни строчки, чтобы растуманить меня. Матушка не сходит у меня с ума. Я верю в любовь ее, как в любовь божию; знаю, что она зрением тупа, головные боли, писать трудно, но когда твои письма неспокойны, то сожалею, что она или твой муж не выведут сердца моего

из неприятного трепетания. Шаховской тоже давно не писал со своими встречами, путешествиями и проводинами. Окончив путешествия свои путешествием в Сибирь, я стал домосед и ненавижу людей, не умеющих жить дома.

Верно, все московские ученые подносят твоему мужу экземпляры своих трудов; не худо бы, если бы ты прислала мне то, что касается до истории России. Ты знаешь, это любимое мое занятие, и по несчастию новые книги не доходят до меня, а, живя смиренно в своей каморочке, я любил бы, забывая ваше блистательное столетие, копаться в древности.

Обнимаю вас, твоего доброго мужа. Целую руки матушке. Будьте здоровы.

Твой брат П. Муханов.

Татьяне с сестрами кланяйся[2]. Что-то не отвыкло от них сердце...

155. И. И. ПУЩИНУ

Усть-Куда, 7 генваря 1843

Я думаю, ты выключил меня из списков твоих друзей только потому, что листками я гостем не являюсь часто на твой стол,— но ты знаешь, любезный Пущин, что я сам недавно увидел свет божий и хотя поздно, но сегодня посылаю тебе свою визитную карточку. Все здесь так дышит тобою: и старики, и дети — все тебя понимают. Ты то умнейший, то честнейший, то любезнейший, и все в разных видах, но всегда в превосходном наклонении. Как странно, что судьба, в прошлом тобою руководимая, не оставила тебя в этом кругу кум, кумовей и друзей: и что за желание было жить именно под носом Урала, ближе к благовониям России, чтобы месяцем раньше включить в сороковой том собрания писем листок от Annete[1],— ближе к Поджиам, и, друг всей уриковской колонии, ты немилостиво оставил ее без себя, ты тоже директор невиданный здешнего учебного заведения[2], однако друг Евгений[3] нас сбил с толку новым планом учебным. Не знаю кто, но, верно, А. Поджио возьмется преподавать еврейский язык, и я смею надеяться, что он пойдет так же удачно, как русский — все методы Язвинского[4]. Славная метода — Миша[5] мальчик понятливый, славный, только неплотно сидит на скамейке, и грудь слаба, и ноги тонки, и глаза плохи. Отец молодец, мать сильная, да в кого он

такой нежный. Неля — милейшая, резвейшая птичка; теперь они все здоровы, и у нас все тихо, счастливо и весело. Здоровье княгини[6] поправилось. Святки провели по всем обычаям русских наших дедов, только не было посиделков, ибо никого не усадишь, и для великого скандала была какая-то языческая сосна, около которой плясали; немного стали придерживаться... Теперь многие лечатся от обедов; от морозов хозяйства наши идут чудесно; я обзавелся домом во второй раз в Сибири; из первого выехал точно как после пожара московского, а теперь сижу в новом хорошеньком домике, а зубы на полке. Н[икита] Михай[лович][7] делает опыты неурожаев и невыгод ученой агрономии и, кажется, еще полагает — не время вывести верные результаты, ибо для сего, как и для другого, нужны 100-летние наблюдения. Мой друг Сергей Григорьевич, который в мое сердце переливает все горести своего, убедился решительно, что пахать и разоряться — все равно, но продолжает, чтобы доказать Муравьеву, что сибирское земледелие нисколько не лучше петровского; убедился также, что вся сиятельная родня его прибрала к рукам его наследство, но пишет буллы к ним; жаль, что не плюнет на их сиятельства. Александр толстеет и производит толщину — дети у него славные, и цифры подвигаются[8]; бедный Веденяпин[9], всемилостивейше не в пример другим назначенный в младшие писари в Военную гошпиталь, умирает с голоду, получает огорчения и рад бы вспять обратиться, да нельзя. Вот отчет о благосостоянии друзей твоих, да забыл тебе сказать, что если бы друг Евгений был здесь, то попал бы в кумовья в Оёк[10]. Там дети такие милые, но та беда, что на всех напала страсть писать, и они, миленькие, нас, стариков, очень этим обижают.

Дефициты у нас в симметрическом положении — глаз ничей не оскорбляется. Даже и барон, который раз в неделю живет дома, не может свести своих счетов[11]. Ну ты что делаешь? Счастлив, что Евгений подобрал тебя к рукам... Верно... и не дает тебе никогда гвоздем откупорить бутылку. Ужели нет таких чисел в календаре твоем, которые не требовали бы назло твоему хранителю казны и целомудрия обливаний. Ему нужен язык, а не вечеринки греческие, а не лучше ли обратное.

Сутгов[12] тебе кланяется, мы с ним на праздники поклонились s-t Estefy; добрый был святитель, что оставил по себе такой хороший поминок. Жена Сутгова[13] любит

его без памяти, и они очень счастливы, купили прекрасный домик и живут себе, как следовало бы тебе и Евгению зажить... Да, скажи, что это за туринская сирота[14], твой старый директор проболтался? Добрый старик тебя смущает, и я начинаю думать, что все кончится пеленками. О М. С. ни слуху ни духу, я уже не застал его здесь, схоронили без меня — но есть надежда, что он снесет свое положение с мужеством несомненным[15].

Прощайте, добрые друзья, велит ли бог нам, неразлучным с скамьи университетской, с первого шага в шагистике и до заводов забайкальских, еще раз увидеться. Где может быть это свидание? Мы часто гадаем, будет ли оно когда-нибудь.

Прощайте, да хранит вас милость божья.

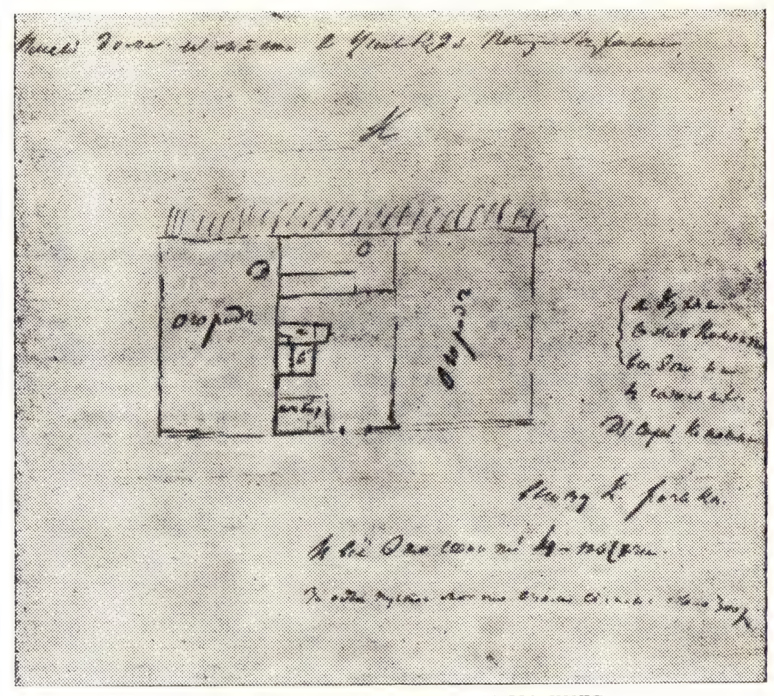
Ваш друг Петр Муханов.

156. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Усть-Куда, 29 генваря 1843

Письмо твое от 1 декабря имел утешение получить, и оно меня весьма успокоило, любезная сестра. Беспокойные догадки и пророчества мои не сбылись, и я был обрадован хорошими известиями о тебе. Письмо твое огромно и весьма приятно мне своими подробностями. Еще более утешило меня известие о тысяче похвал о твоем муже. Я рад, что здоровье матушки, несмотря на горести, заботы и несбывающиеся надежды, поддерживается. Желаю, чтобы твои дети пользовались вполне твоим попечением и вознаградили бы твои неусыпные о них труды. Я часто пишу тебе о них, но, правду сказать, ни малейшего толку не имею во всем, что касается до детей.

Ты так же ошибочно понимаешь мое положение. Одно справедливо, что я могу, если пойдет так постоянно судьба моя, как она до сих пор шла, спокойно окончить жизнь свою в Усть-Куде, к чему я все меры принимаю. На старости лет перемещение мое меня очень расстроило, но я надеюсь, что через год дела мои придут опять в порядок, и я могу иметь утешение, что буду принадлежать к числу существ избранных, не имеющих долгов,— в прежнем месте я кой-чем прибыльным занимался[1] и, получая очень мало, жил спокойно: здесь до сих пор все присылаемые вами деньги идут на постройку. Вы думаете, что у меня заводится замок или, по крайней мере, прелестный сель-



ПЛАН УЧАСТКА И ДОМА В УСТЬ-КУДЕ.

Рисунок П. А. Муханова

ский домик по рисункам из портфеля брата[2], ошибаетесь— две маленькие комнаты и при оных кухня. Но здесь все дорого, народ неверный, и при стесненном нашем положении всякое пустое дело сопровождено с мильоном затруднений. Благодарю брата за деньги и еще более за обещание дать мне удел единовременный или ежегодный. Как он хочет: первое было бы вернее и для него беззаботнее и избавило бы его от срочных обо мне воспоминаний! Хата моя очень тепла. Впрочем, и зима нынешний год вовсе не похожа на сибирскую. Только 10 или 15 дней выше 30° мороза...

Сто раз благодарю матушку за посылку. Кроме [того,] за колетовые свечи, которые мне вовсе не нужны, простое сало более мне по состоянию. На этот счет вы должны исправить свои понятия о моем житье-бытье и потребностях. Все вещи мне исправно дошли.

Брат, кажется, получил новую заботу и печаль. Пишут, что тесть его умер [3]; сколько слез тут будет и, вероятно, наследство. Обнимаю тебя и целую руки добрейшей матушке. Аркадия Александровича [4] благодарю за подарок и в особенности за дружбу его.

Твой брат П. Муханов[5].

157. Н. А. МУХАНОВОЙ

Усть-Куда, 5 февраля 1843

Матушке, при сем мех.

Пользуюсь очень соблазнительным случаем, чтобы писать к вам, любезная матушка. Катерина Дмитриевна Нивинская[1] доставит вам это письмо, по крайней мере, оно дойдет к вам поскорее, хотя особенного различия с официальным вы в нем ничего не найдете. Благодарю вас за вашу любовь, заботу, попечение обо мне, которым доказательства ежедневно имею. Сожалею только, что вы не в силах уменьшить горести вашей уверенностию, что судьба моя, столь долго не изменявшаяся, сделалась для меня совершенно сносною, и я вовсе не почитаю ее страданием. Разлука с вами — вот одно страдание. И, как кажется, страдание неисцелимое. Вы и сестра — вот одно, что еще манит меня в Москву... более ничего. Никаких выгод житейских, ни минувшего счастья, удовольствия не могу я ожидать в мои лета и в общественном положении, в котором мог бы находиться, если бы и был когда-нибудь возвращен к воле. Только вы и сестра заставляете иногда колебаться мою волю. К счастию, оно не сопровождено никакими надеждами, напротив, уверенностью, что это возвращение несбыточно. Если было бы желание сделать малейшее облегчение, то оно должно бы начаться здесь, а мы все в первобытном положении. Следовательно, для внутреннего спокойствия полезно разувериться в возможности лучшего и не смущать себя мыслью об оном — ничто так не вредит жизни, как верования в пустые обольщения. Здоровье мое хорошо, и странно, все лето я страдал ужасно ломотой в ногах и ходил с палкой, но зима меня вылечила, и теперь мне несравненно лучше. Домик мой так тепел, что я должен его освежать форточками, впрочем, зима была хороша. Я давно сбирался послать вам, любезнейшая матушка, подарок, но остатков из моих доходов никогда не являлось

к концу года: напротив, дефициты. Но вот теперь доставят вам беличий хороший мех на утренний шлафор, я думаю, что вы уже не носите узких модных капотов, а из меха сего можно сделать покойную утреннюю одежду. Часть этих зверьков убита собственными руками. Чаю хорошего думал послать вам [и] сестре, но, право, купить нечем, а когда домашние дела мои придут в обыкновенный порядок, тогда попотчеваю вас и чаем.

Обнимаю вас, любезная матушка, и желаю, чтобы вы имели какое-нибудь утешение в жизни. Жаль, что брат переехал в Варшаву[2], Валентин в Петербурге, я в Сибири, никого, кроме доброй К[атерины][3], нет из кровных нам с вами. Чрезвычайно удивлен был, когда узнал о браке Валентина на инвалиде дворцовых коридоров[4]. Мне непостижима и теперь причина этой глупости, тем более, что только и пишет мне о Лизе, о старом счастье, об уединенной несчастной своей жизни. Жениться можно три раза в жизни, за это сердиться на него нечего. Особенно обижаться неверностью его к памяти Лизы — он молод, может быть, и чувствует, что сделал глупость. Пригласите эту добрую женщину к себе в деревню, у нее родня где-то около нас!

Не присылайте мне ничего, чего я не прошу, я люблю считать и поверять наши расходы. Обнимаю вас, да хранит вас всевышний. Сто раз целую ваши руки.

Старым тетушкам по поклону.

158. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 25 марта 1843

Письмо твое от 6 февраля я получил, любезный друг и брат. Оно меня порадовало и повторением изъявления твоей дружбы, [которая] всегда дает мне приятнейшие впечатления. Это один ряд удовольствий, к которым я еще способен. Я не чувствую ни малейшей отвычки от воли... Письмо твое для меня вроде свидания с тобою... и оставляет долгое удовольствие. Жизнь моя здесь имеет более приятных развлечений, чем прежняя; но я так привык к удовольствию, что сижу дома как можно более, читаю и по несчастию занимаюсь зодчеством; повторяю — это не счастие и не страсть. Я получил здесь, и то за деньги, пустопарное место и для малого семейства моего, состоящего из меня и собаки, устраиваю постепенно, сообразно

с накопившимися рублями, хату и ограду вроде цитадели, что соответственно с здешними нравами и вкусами. Других занятий никаких нет. Сложенные руки еще не приводились в действие, полезного, по крайней мере собственному карману, карману пустому и страдающему от переезда моего, [нет].

Здоровье мое весьма поправилось, и до сих пор значительная разность в страданиях, которые прошли, с настоящими. Зима была не хуже всякой. Теперь тепло, Ангара бежит резво, и если есть снег, то луж еще более.

Благодарю за содействие твое в [переговорах] с Павлом. Я желал бы, чтобы это дело кончилось успешно; и еще приятнее было бы для меня, если бы зависимость моя от него прекратилась бы раз и навсегда. Я писал тебе, что я уже два года тому помещен в платеж государственных податей. Ожидаю, что это помещение даст мне те права, которыми законно пользуются люди податного сословия. Тогда я мог бы иметь возможность заниматься промышленностью, свойственной ей здешнею местностью. Но результатов еще нет. А когда будут, то это, без сомнения, сделает ненужными и пожертвования в мою пользу Павла. Со всеми делами, честностью и деловитостью я свободно могу найти труд, хорошо вознаграждаемый.

Благодарю Николая и Владимира[1] за их приятные для меня слова. Они так двигаются по Европе, что я едва узнал, где они теперь. Сестрам твоим большой поклон и тысячи добрых желаний. Прощай.

Твой брат Петр Муханов.

159. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 1 июня 1843

Благодарю тебя за письмо и приложенные к оному деньги, любезный друг. Мне приятны хорошие известия о семействе твоем, особенно о тебе. Не знаю, что скажу тебе нового, какие вести могут быть тебе приятны отсюда, где ничего не обновляется, где все старятся, не следуя закону полезной изменяемости.

Здоровье мое порядочно, но не знаю почему, месяц целый страдаю хандрой, которая только теперь оканчивает свой долгий на сей раз параксизм. Весна у нас странная, началась рано, но так перемешалась с зимними припадками, что еще недавно был снег почти в пол-аршина.

Я получил известие о смерти дяди Николая[1], это последний старик из нашего дома. В течение моей ссылки семейство наше значительно убыло. Не говорю, какая потеря для меня самая чувствительная. Но теперь уже нет наших длинных столов, и что странно, что в Москве не осталось никого мужеского пола,— одни женщины и вдовы.

Прошу очень дружески кланяться твоей сестре Лили, которая, вероятно, с тобою, я всегда люблю ее, несмотря на этот предположительный разрыв наших сношений, я надеюсь найти в сердце ее несколько чувств в мою пользу. Обнимаю тебя.

Твой брат Петр Муханов.

160. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

[Усть-Куда, август 1843 г.]

Что я делаю целое лето, я не знаю. Не выезжал из дому и почти целый день в хлопотах. Огород и парники, которым обязан вам, как и всем прочим, меня очень занимали. Ноги худы, сил нет далеко ходить, поэтому это занятие домашнее было для меня приятно и полезно. Каждый день — урок копать, урок поливать, и все исполнял без лени, трудолюбиво. Огурцов было у меня 7000 больших, из коих продал на 125 рублей, что очень полезно, других овощей продал рублей на 100. На эти деньги выстроил себе баню. Да за здоровье ваше съем с товарищами до 40 арбузов. Дыни были от ваших семян чудесные у моего товарища, а у меня неудачны. Но это введение только к просьбе, чтобы вы прислали семян вовремя, ибо здесь своих вывести невозможно. Сорты хорошие, и я надеюсь на будущий год, если жив буду, получить до 500 руб. дохода со своего огорода. Комнаты у меня очень теплые, даже зимою было жарко, но клопов множество, почему и намерен я ныне штукатуриться, иначе зимою жить невозможно будет, и думаю кухню свою перевести подальше, что[бы] не провонять копченой ветчиною.

Хозяйство мое очень исправно — домик маленький, но когда оштукатурю и выкрашу полы, то будет чисто и светло. Корова славная, пара лошадей, птица и множество свиней — следовательно, мужик я не худой.

Думаю, что брат сдержит слово и я буду обеспечен. Теперь прошу ничего не присылать мне — я после переез-

да был разорен, а теперь пришел в порядок. Было бы здоровье, которое часто плохо, а лечиться неохота, да притом мы здесь любим лечить таких больных, которые лежат в постели.

Со смертью Никиты[1] лишился я много удовольствия. Это любимая беседа была, ибо чувства и правила наши были вровень — только большой силы нравственной, воли он не имел и был довольно эгоист — жаль его дочь, она некрасива, неловка, застенчивая, и не будет ей большого успеха в свете, но существо очень хорошее и оригинальное. Я бы желал даже, чтобы Владимир[2] женился на ней. Не думаю, чтобы она понравилась людям большого модного света, но ему можно бы жениться, и приданого 200 тысяч.

Книг читаю мало, потому что у Муравьева одна только библиотека и та на время заперта — брат и сын умерли[3], в доме хлопоты — а жена у него немка, не стоит их далеко. Когда бывал в городе, часто ездил к архиерею, который очень умный и отлично славный человек[4].

Прошу вас прислать к будущему году, только не опоздайте, семян <...>*.

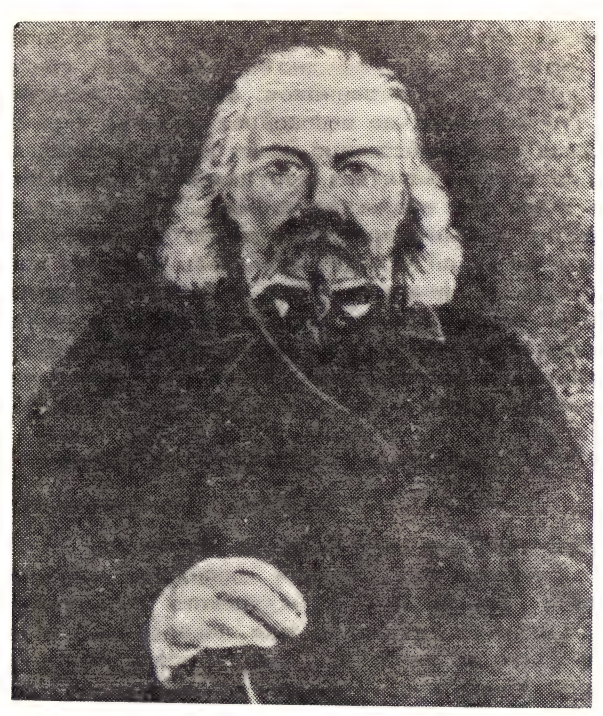
161. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 12 октября 1843

Мой любезный друг и брат, очень давно не получал от тебя писем, думаю, что путешествия твои на родину тому виною. Сестра писала мне, что ты ее видел и она очень рада была твоему посещению. От нее доверительно я знаю, что ты здоров, но она нашла на лице твоем несколько новых лишних складочек, которые несчастье называет морщинками. Сожалею, что они так рано появились. Правда, я имел письмо из Колпи [с] грустными для меня известиями, что она, как и мы, разрушается. Но много времени прошло с тех пор, как она и мы были юны. Надеюсь что, возвратясь в столицу, ты будешь по-прежнему писать мне. Я желал бы, чтобы эти письма взошли в разряд самых потребных для тебя; тем более это справедливо, что почти семейство не весьма обширно у тебя, и в случае <...>** развлечения ты всегда найдешь помощницу в добрейшей Лили, которая тебя выручит, доставит

* Далее список семян.

** Одно слово неразб.



П. А. МУХАНОВ

Фотография Я. А. Пекарского с рисунка неизвестного художника. *ИРЛИ*

мне живейшее удовольствие. Мое семейство почти уменьшилось до невозможности новых изменений. Все разрывы определены, столько лет прошло, и расстояние от России до меня, похожее на расстояние Луны от Земли, все это способствует забвению. Сибирь — чудесная могила для заблаговременных похорон. С тех пор как ты получил мое письмо, не произошло со мною ничего нового, как и с тех пор, как я подвинулся на восток к тебе. Это было такое происшествие, за которым редко могут следовать друзья, состояние распадающееся. Сегодня по всем постановлениям я живу без выезда дома и никого не вижу, даже ближайших соседей, если они вне забора моего сами. При отмежевании этой тесной границы все занятия, свойственные сельскому быту, все промыслы, законно дозволенные

поселенцам, стали для нас невозможны. Приобресть пару сапог есть вещь презатруднительная. Для спокойствия наших друзей и родственников, вероятно, приятно будет знать, что эта довольно непокойная для нас мера не была вынуждена нами собственно и, по крайней мере, я и мои соседи не могут славиться нарушениями маленьких прав, прежде всего нам предоставленных[1]... Но что делать?

Кажется, я благодарен тебе за литографию с Бруни — жаль, что от худой укладки сделалось в дороге повреждение, которое я, однако, научусь исправить. Поручаю тебе кланяться твоим сестрам, меня помнящим, и пожми руку дяде Саблукову, которого я очень люблю. Но где Николай Александрович и жена его? Давно я не имею известий. Будь здоров и счастлив. Твой брат Петр Муханов.

162. ИСПРАВНИКУ М. И. БЕРЕЗОВСКОМУ[1]

Усть-Куда, [октябрь — ноябрь] 1843

Милостивый государь Матвей Иванович.

На основании предписания господина исправляющего должность Иркутского гражданского губернатора ваше высокоблагородие объявило мне воспрещение отлучаться из мест моего водворения. Стеснительные обстоятельства, в которых я нахожусь и вполне известных вам, как лицу ближайшего надзора, коего я поручен, заставляют меня просить вашего справедливого ходатайства.

Вам известно, что я не имею никакого состояния, ни малейшего стороннего пособия; следовательно, лишать меня возможности отлучаться из селения, к которому я приписан,— значит лишать меня средств к приобретению посильными трудами моими пропитания и еще лишить меня способов к восстановлению сильно расстроенного моего здоровья.

Милосердию государя императора обязан я преждевременным назначением моим на поселение; наказание это не только по законам не влечет за собою лишения свободы, но представляет безвозбранно и даже обязует каждого сосланного на поселение заниматься сельскою промышленностию.

Притом, буквально понимая смысл закона, я полагал, что ваше в[ысоко]б[лагородие] увидит, что новое распоряжение г. губернатора, относясь только до лиц, осужденных Верховным уголовным судом, не может быть распростра-

нено на меня, ибо я никогда оным не был судим, в чем вы можете убедиться. Приговор оного высочайше утвержден 10 июля 1826 года.

Вынужден будучи представить вашему в[ысоко]б[лагородию] сие объяснение, я ищу ходатайства в[ашего] в[ысоко]б[лагородия] у кого следует о дозволении мне пользоваться свободою в той мере, какой она предоставлена законами всем ссыльным на поселение, заниматься промышленностью, не выходящею из круга действия крестьянского быта, с позволением для того отлучки хотя бы только в г. Иркутск и что в кругу оного иметь возможность лечить совершенно расстроенное в прежние годы свое здоровье...

Покуда уверен, что вы, что его превосходительство г. губернатор и что прежнее тюремное начальство, в ведении которых я состоял, по строгой справедливости не может указать хотя на один укоризненный поступок в моей 17-летней изгваннической жизни, дающий право вновь усилить строгость моего приговора, первоначальному уменьшению которого обязан воле и милосердию государя императора.

163. Н. А. МУХАНОВОЙ

Усть-Куда, 17 октября 1843

Письмо ваше, любезная матушка, от 11 сентября я получил, и оно меня очень много обрадовало. Я весьма рад, что вы приятно провели время в деревне, где, впрочем, было вам очень уединенно и где вы довольно долго зажились. Спасибо сестре, что она вас вызволила. Желал бы, чтобы вы провели время в ней вместе с одним дорогим для вас существом, которое может вам быть приятным. Желаю, чтобы здоровье ваше было хорошо, чтобы вы спокойно и сколько возможно приятнее провели зиму. Приезд тетушки Мадатовой доставит вам большое удовольствие кроме ваших родственных чувств. Это редко добрая и приятная женщина, о которой мы часто вспоминали здесь с людьми, ей знакомыми. Я не пишу ей сегодня, ибо только сейчас получил письмо ваше ко мне, обрадовался возвращению вашему в Москву.

Здоровье мое хорошо, в занятиях моих ничего нового, жизнь более чем когда-нибудь сидячая. <...>* [Ноги]

* Фраза неразб.

болят зимой, и я не только не выхожу из деревни, но и по деревне не хожу. Это весьма невыгодно и неприятно, и в течение восемнадцати лет я не подавал никогда поводу к отнятию остальных прав, каковыми предоставленных всем поселенцам. <...>* здесь с отчаяния все лето садим арбузы в своем огороде и в местах, где свободно, и благодаря богу, что очень много арбузов, также благодаря и сестре и вам за славные семена.

Княгиня Волконская проводила лето в нашей деревне в уважение того, что у нас Ангара. Но она была беспрерывно больна, и множество несчастий семейных были причиною ее грусти.

Благодарю добрейшую тетушку за деньги, ею присланные, и письмо ее, которое меня очень порадовало. Целую ваши руки, сестру и мужа ее обнимаю.

Вас многолюбящий сын Петр Муханов.

164. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Усть-Куда, 20 июля 1844

Сто лет не писал тебе, любезная сестра. Трудно узнать тебе причину этого, ибо я и сам не знаю оной. Главная: я по случаю переправки дома живу на биваке, и все мои канцелярские снаряды так глубоко спрятаны, что я не мог быть исправен. Я получил письмо от матушки, очень рад, что она сама мне писала. Не понимаю, зачем она едет в деревню скучать и быть в одиночестве. Не верю, чтобы семейные дела твои вынуждали тебя сидеть дома беспрерывно. Что за жизнь? Но все те, кто ко мне пишет, говорят, что ты сделалась невидимкою. Может быть, добрый твой муж очень счастлив от этого; но жаль, что ты забываешь своего семейства. Благодари пока сама тетушку Софью Александровну[1] за доставленные деньги, и буду благодарить ее сам, как скоро устроится мой дом. Во всех твоих письмах есть смертные случаи, и скоро исчезнет веселое то поколение, которое с детства мы любили и к которому я по обстоятельствам мог сохранить только детскую любовь.

Здоровье мое хорошо, хотя все лето наше было сыро и дождливо, барометр ни разу не подымался. Это очень скучно, когда вскоре за этой грязью последуют морозы.

---

* Начало фразы неразб.

Жизнь моя все та же... Она нарушаема выгодами в такой зависимости от властей мирских, что не может предоставить ни малейших изменений и улучшений. Плохо.

Обнимаю тебя и матушку, желаю вам всего лучшего в мире, здоровья и спокойствия.

П. Муханов.

Я произвел на свет чудесную дыню, и с величайшим почтением мы съели ее. Парники мои несколько занимают меня. Маленькие экстраординарные пособия денежные от вас и теток дали мне возможность иметь десерт. Когда недавно не было определенного обеда — карманы мои были от переедания и стеснений в беспорядке. Теперь же все это прекратилось, то есть не стеснение, а расходы выдворены.

Очень рад, что твой муж решился наконец прислать доверенность на занятие очень выгодное и избрал человека самого честного и достойного[2]. Предположения его я вполне одобряю — и ни одна копейка вашего капитала не может быть истрачена тем способом, который он вам предлагает. Много времени вы пропустили, но еще можно ожидать выгод, которые вы оцените после.

165. А. В. ПЯТНИЦКОМУ

Усть-Куда, 9 августа 1844

Милостивый государь Андрей Васильевич! Верховный уголовный суд приговорил меня после каторжной работы быть сосланным на поселение. Я нахожусь на поселении более 12 лет и несколько лет тому назад помещен в число платящих государственные подати. Статья 1698 устава о ссыльных, том 14, издания 1842 года, предоставляет поселенцам, коих поведение одобрено обществом, после 10-летней ссылки перейти в государственные крестьяне.

Обращаюсь к вашему п[ревосходитель]ству с покорнейшей просьбой доставить мне возможность воспользоваться правом означенного закона.

Смею надеяться, что поведение мое не могло заслужить от вас никакой укоризны. Хотя в уставе о ссыльных нет на сей счет никаких исключений, относящихся до государственных преступников, что ясно доказывается наложением на меня податей наравне с прочими ссыльными, но в случае каких-либо затруднений покорно прошу ваше

п[ревосходитель]ство представить просьбу мою на разрешение кому следует [1].

Примите уверения глубочайшего моего почтения и совершенной преданности, с коими честь имею быть вашего п[ревосходитель]ства покорнейший слуга

Петр Муханов.

166. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 26 ноября 1844

Твоя поездка в Москву и деревни была причиною, что я редко писал к тебе. Но, по моим расчетам времени, мое письмо должно было ожидать тебя в Петербурге. Мне весьма приятны твои жалобы на эту неисправность; не оттого, что она тешит мою недоверчивость — но ты был в кругу родных и вздумал несколько раз об лени. Признаюсь, что хандра тоже мешала мне писать. С некоторого времени она меня часто посещает — кажется, только праздность этому причина. Ты меня очень опечалил известиями о весьма плохом состоянии дел Александра. Я не могу подумать, чтобы Долголядье было продано какому-нибудь нажившемуся чиновнику или откупщику. Но не одна любовь к Долголядью заставляет меня печалиться. Мне жаль детей Александра. Ссылки, даже самые короткие, всегда навесят мешок нищего на целое семейство [1].

Артамон Муравьев иногда сообщал мне известия о ваших семейных увеселениях [2]. Некоторые известия были совершенно новы для меня.

Благодарю тебя за присланные тобою деньги. Я бы желал, чтобы ты прекратил эту очень исправную присылку. Нужды мои очень уменьшились — я, кроме пропитания, ни в чем не имею надобности, и, кажется, брат мой стал иметь об этом попечение. Я отказываюсь от твоего вспоможествования столь же просто, как я его принимал. Следовательно, ты не найдешь к этому никаких скрытых причин с моей стороны.

О себе не могу сказать тебе ничего худого. Я весьма привык к своему состоянию — в двадцать лет это немудрено. Можно привыкнуть к самой несносной жене, не только к отшельнической жизни, которая, верно, приятнее ее. С некоторого времени я свободно езжу за 14 верст, чтобы видеть своих товарищей. Но я почти всегда дома в ужасном безделии.

Прошу тебя сказать тысячу дружеских приветствий твоим сестрам. Вечно рад знать, что дети твои умны и милы и будут тебе верными надеждами. Очень благодарен за краткие известия о братьях Николае и Владимире, но память о них у меня почти изглаживается — все эти звенья давно перерублены; и после двадцатилетней ссылки человек делается совершенно свободным, одиноким и даже незнакомым со своими старыми друзьями и родными.

Прощай, твой брат и друг П. Муханов.

167. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 7 февраля 1845

Ты стал немного спесив, мой любезный друг и брат. Я верно считаю число твоих писем на большом моем досуге и, к сожалению, замечаю, что прошедшие годы были очень неблагоприятны для переписки. Прошу не принимать это за выговор, но только за сожаление с моей стороны. Заботы семейные, служба, жизнь столичная — все это должно заставить забыть дружество. Рад, по крайней мере, знать, что ты жив, здоров, что дети твои растут, хорошо учатся, милы и хороши. Я уверен, что ты делаешь все по силам своим, чтобы дать им хорошее воспитание. К чему твоя <...>* жизнь дает тебе возможность. Искренне желаю, чтобы ты вызвал и Мишу[1] из Москвы. Это странно тверезовое воспитание у дядей и теток не весьма полезно; промежутков много, ласки меньше, чем несправедливостей. Повторяю, я бы для своих детей избирал только ласку воспитаниями домашними и казенными. Говорят, что он мальчик аккуратный и бойкий, и мне трудно понять, почему ты отделил его так рано от своего родительского попечения. Не сердись за эти замечания, но дети твои и сестры моей будут для сердца моего всегда дороги, хотя бог привлек меня видеть только Наташу, и то в колыбели.

Я продолжаю существовать точно так же, как и в предшествующие годы. Увлеченный примерами, что некоторых из моих товарищей произвели в штатские и военные чины, я просил сходно и с законами о ссыльных о зачислении меня только в государственные крестьяне, но на эту просьбу милости не последовало. И я убедился, что я

* Одно слово неразб.

сделал очень глупо, что просил сего. Здоровье мое нынешнюю зиму очень посредственно. Зима до февраля была очень милостива, но теперь, к концу, начались ужасные морозы.

Кланяюсь тем из твоих сестер, которые еще меня любят. Большую способность надобно, чтобы любить людей заочно 20 лет. Обнимаю тебя.

Твой брат П. Муханов.

168. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 23 октября 1845

Благодарю тебя, любезный брат, за письма твои, чрезвычайно приятные для меня во всех отношениях. Удовольствия твоего образа жизни не мешают тебе весьма исправно писать ко мне, а я, как будто бы у меня мало времени или как будто бы лень обуяла, пишу редко. Но причина другая: то тоска, то болезнь и, может быть, дикое уединение — все это имеет вредное влияние на сообщительность. Снег и сосновая природа, люди особенной расы, жизнь заточительная... сколько обстоятельств и ежедневных забот не могут растворить сердце, а, напротив, болезненно сжимают его. Но, к счастью, верно до определенной ямы в земле менее осталось дороги, чем по сию пору пройдено.

Очень рад, что здоровье Наташи поправляется, и душевно желаю, чтобы она возвратилась с юношескою свежестью и здоровьем. Я часто имею о ней и обо всем семействе твоем косвенные известия через товарища моего Ар[тамона] Муравьева. Ты мне ничего не пишешь на сей счет, вероятно, положительно писать нечего. Бедный Артамон был при смерти болен, он упал с дрожек и сломал два ребра. На этих днях болезнь его уменьшилась, и есть надежды к выздоровлению. Впрочем, мы все стали очень ветхи, у нас все ломается и рвется.

Обними тысячу раз доброго почтенного дядю, и если еще жива моя добрейшая тетка, то поцелуй ее руки. Дружбой их ко мне я дорожу и благодарен им за участие с первого дня моего заточения и до сих пор не изменившегося. Всякое слово от него для меня утешительно. Жаль и грустно, что эта добрая чета дряхлеет. Спутникам твоим душевно кланяюсь и люблю их по-прежнему.

О себе ничего не могу сказать ни нового, ни хорошего.

Много времени пропало без событий, все тот же один год... Одни новые и частые явления — болезни, признаюсь, это большое горе или неудобство в ссылке. И от чего и к чему это лишнее страдание, я занимаю очень маленькое пространство в мире — свою двухкомнатную избу и весь белый свет в моем огороде. А я читаю сведения о быстроте твоих путешествий и описание разных природ как о нечто волшебном.

Жаль мне, что твои сыновья не помещены в учебные заведения, где, вероятно, они учились бы лучше, чем до отсутствия твоего и, вероятно, без мужского надзора.

Прощай, обнимаю тебя, помни меня.

Твой брат П. Муханов.

169. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 20 мая 1846

Давно, любезный брат и друг, не получал известий о тебе. Добрая сестра твоя пишет ко мне вместо пропущенной тобою почты или, справедливее сказать, вместо тебя; ибо она знает, как приятны ваши письма для меня все порознь. С пасхи самой со мною происходили все бедствия. Сначала сделалось воспаление мышцы в ноге, там сильный прилив крови в голову, от которого я едва отжил; а теперь разбила меня лошадь, и я с огромным фонарем на глазу сижу дома и вижу еще менее, чем прежде. Надеюсь, однако, не быть кривым.

Присоединилось к этому беспокойство о состоянии матушки, и поэтому вывод моих бедствий будет довольно значителен. Товарищи мои явились ко мне на помощь и для получения последнего целования, но оно, благодаря богу, отложено на время.

Ты очень благоразумно сделал, что помещаешь сына в училище правоведения. Желаю ему успеха. Надеюсь, что и другой пойдет той же дорогой. Ты весьма ошибаешься, отказавшись или устрашившись участвовать в золотопромышленности. Многие из жителей, и жителей знаменитейших и состоятельнейших, вашей столицы различными путями, частными и непохвальными, ищут клочка земли сибирской, чтобы копать, и промышленность эта при знании дела и употреблении честных людей очень выгодна. И ты напрасно отказался от оной, имея кому оставить наследство.

Будь здоров, кланяйся сестре Лили, которую я очень люблю.

Прощай, твой брат П. Муханов.

170. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 3 сентября 1846

Отвечаю, любезный друг, на письмо твое от 14 июня, которое было длиннее обыкновенного и поэтому <...>* и приятнее предшествующих. Здоровье мое с тех пор поправилось, и я не имел повторений, которых, вероятно, мне следует ожидать. Благодарю тебя за изъявление твоих чувств, за добрые советы — ты знаешь, что ты всегда был любимейшим существом для моего сердца, и я рад всегда малейшему слову, сказанному тобою от сердца не в минуту твоей светской рассеянности. Все, что до меня касается, остается в непоколебимости положений. Я не движим никаким пылом желаний — нахожусь в спокойствии равнодушия к некоторым способностям деятельности, но сторонюсь только приводить их в исполнение в ограде моего владения. Нынешний год был очень дождливый, поэтому большая часть моей деятельности была в сидении и проливании слез над погибающими арбузами и лимонами.

Душевно рад известиям о твоих детях и уверен, что все, что ты сделаешь для их воспитания, будет им полезно. Дружески кланяйся твоим добрым сестрам и в особенности к[няжне] Лизавете, к которой особенные чувства мои считают много времени. Матушка пишет мне, когда здоровье ей это позволяет, сестра очень аккуратно ведет свою переписку. От брата я сведений не имею. Вообще я доволен сведениями в постоянные дни и сожалею только, когда я не имею возможности проводить дни в переписке с лицами, коих сердце мое особенно любит.

Твой друг и брат П. Муханов.

171. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 8 декабря 1846

После письма твоего от августа, я получил, наконец, письмо от 23 октября, любезный друг. После двадцатилетней дружбы и попечения твоего обо мне не мог я в худую

* Одно слово неразб.



П. А. МУХАНОВ
С дагерротипа 1845 г. *ИРЛИ*

сторону толковать такие неисправности. Но у нас, столичных жителей, множество причин, вредящих обычаям дружеским. Очень рад был узнать, что ты здоров и семейство твое тоже. Дети твои растут, и попечение твое возрастает. Надеюсь, что по чувствам отеческим ты избираешь лучшее для них, в наше время казенное воспитание было очень плохо. Манежи были лучше университетов, и поэтому большая часть молодежи нашего времени в шестнадцать лет поступали в манеж.

Но теперь, если верить слухам, воспитательные заве-

дения наравне с воротниками[1], и ты, будучи в Петербурге, мог бы только езжать в лучшие из них хоть обнять своего сына — я уверен, что Александр[2] и твои сестры очень занимаются детьми твоими. Но я не весьма большого мнения о дамском воспитании и не думаю, чтобы оно могло быть полезно мальчикам. За это да не разгневаетесь вы на меня, но дети твои и сестры моей часто являются моей памяти и мечтам.

Кланяйся дружески сестрам твоим, которых я очень люблю, и желал бы, чтобы любимые писали мне иногда. Прощай, мой любезный брат. Не ленись при конце нашей жизни: изменить чувств своих ты не можешь.

Твой друг и брат П. Муханов.

172. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 24 марта 1847*

Переписка наша никогда не была так неисправна, как на двадцать второй год нашей разлуки, мой любезный друг и брат. С моей стороны, я едва было ее совершенно не прекратил. Сильная болезнь продолжается два с половиною месяца, и я начал писать тебе последнее мое письмо. Благодаря богу, я справился, хотя не совсем, но очень рад, что могу письмом своим встретить свою дружескую заботливость. Я не думаю, чтобы ты позволял себе делать какие-нибудь оскорбительные чувствам моим заключения. Благодарность моя к тебе, соединенная с моею дружбою, никогда не оставляла меня. Я имел большие утешения несколько раз прочесть письмо твоей доброй сестры. Посылая его, она не знала, что оно придет ко мне в то время, когда жизнь моя была в сомнении, и дружески напомнила мне, что ты семейный. Теперь здоровье мое поправилось, я выезжаю и выхожу в хорошую погоду. Соблюдаю эти строгие наставления медика и противодействую всеми средствами благоразумия возобновлению моей болезни.

Надеюсь иметь скоро от тебя известия и душевно желаю, чтобы они были приятными, чтобы здоровье твоей милой дочери совершенно исправилось на юге. Если будет так, то не благоразумнее тебе переехать в Одессу, в Крым,

---

* Наверху письма помета неизвестной рукой (карандашом): «22-й год разлуки».

куда-нибудь, где теплее и здоровее столицы, чтобы снова [не] дышать этим холодным и сырым воздухом.

Обнимаю тебя дружески. Теперь надеюсь писать тебе чаще. Сто раз благодарю добрую сестру твою за сохранение ее чувств ко мне и за приятные впечатления, которые делают всегда письма ее.

Твой брат П. Муханов.

173. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 8 марта 1848

Давно не имел от тебя писем, любезный друг и брат. То, которое я ожидаю, будет очень тягостно. Причину твоей горести я уже знаю[1]. Бедная дочь твоя долго страдала. Воля божья. Она имела подлинную радость земную — умереть на твоих отцовских руках. В 23 года моей ссылки семейство наше опустошено смертью, и вот еще четыре почты каждое письмо приносит смертное известие. Чувства мои остались на той же степени, как в день моего отъезда в тюрьму. С живыми я не имел времени проститься... Прощаюсь и с умирающими с конца Востока, но с чувством живой горести. Многие из живых и умерших скоро и давно меня забыли. Любить одно прошлое, одно старое; вся жизнь его осталась там. Для них — я отпет на площади и похоронен в Сибири... для меня сердце мое только ими живет. Но эти печальные известия вводят меня в сентиментальные изъявления.

Ожидаю возвращения твоего из Рима, и ты, верно, примешься с прежнею исправностью писать ко мне. Я не думаю, чтобы еще долго моя дружба к тебе и страстная любовь к покойной Лизе налагали на тебя эту обязанность.

Здоровье мое решительно расстроено... и так, что его устроить трудно, особенно при условиях моего существования. Я сожалею, что мелкие заботы жизни тягостями мешают мне доживать благоразумно. Притом я становлюсь почти слеп... Плохо, но скоро мне пора... чем кому другому.

Направь дружеские поклоны твоим сестрам, особенно к[няжне] Лизавете Михайловне. Где они — мне сообразить очень трудно.

Прощай, мой любезный друг. Вероятно, это письмо

найдет тебя в нашей столице, и, несмотря на горесть твою, ты уделишь мне несколько минут времени.

Твой брат и друг Петр Муханов.

174. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Усть-Куда, 19 мая 1848

Письмо твое от 6 апреля я получил сегодня, любезная сестра. Почта шла очень медленно по причине распутицы, разлития рек и прочих препятствий, свойственных времени года. Все, что ты в этот раз пишешь о матушке, меня много порадовало. От души желаю, чтобы здоровье ее поддерживалось. Никаких удовольствий и утешений — и ни от кого ожидать ей невозможно. События жизни ее и нашей совершенно и невозвратно определены. Одно утешение — в покорности, в промысле всевышнего и умении переносить земное горе. Как ни коротко было посещение дяди Николая Александровича, но я уверен, что оно и порадовало: день, несколько часов приятных, и этим мы должны дорожить. Очень сожалею, что почтенный Аркадий Алексеевич тужит и скучает от безделия[1], и после большого привычного и уважительного занятия не может быть иначе, и к другому образу жизни трудно привыкнуть. Впрочем, семейство ваше большое — оно может доставить ему много внутренних удовольствий и внутреннего дела для пользы его. Будущность детей есть тоже великое дело, особенно в предстоящем им потерянном веке. Я мимо твоих писем часто слышал приятные отзывы о Московском университете — и эта эпоха общего его с прежним попечительным управлением будет незабвенна в истории сей. Очень рад, что они полюбилися дядей.

Письма твои доставляют мне всегда добрый день — я несколько оживаю от твоей ласки и дружеских изъявлений. Это все так редко для меня. Я могу иметь только одни приятные минуты — это те, которые дает мне небольшое мое семейство. Кругом меня тоска, пустота, и [это] возбуждает отвратительное чувство к миру и жизни. Здоровье мое несколько сносно, но боль в желудке меняется только болью в голове. Кажется, нет сомнения, что скверно. Я получил позволение ехать на воды — горячие, серные, но нужно мне причин, чтобы исполнить это, и будет ли лучше. Этого ни один врач не обещает.

Смерть дочери Лизы, трогательно описанная ее отцом, меня очень опечалила, хотя я давно ожидал такого конца.

Отец сделал все, что было в средствах его, чтобы продлить ее жизнь. Понимаю, что матушке и тебе прискорбно, что она умерла не на ваших руках. Но пребывание ее в Палермо и Риме продлило ее жизнь. И не все ли равно для вас, где ее могила. Я пишу очень редко тетке Мадатовой. Причиной этому ее странствования по Европе. И, может быть, ей уже вздумалось съездить в другую часть света. Счастливого пути. Брату я не все пишу и предоставляю тебе давать обо мне известия, если они его интересуют. Он в горе и несчастии, я это знаю и очень соболезную ему. Верно, эта причина не позволяет писать ко мне и отвечать на маленькое письмо мое. Благодарю его за то, что он уплатил врачу за мое лечение, чего я бы сделать не мог иначе, как чувствами и картофелем. Благодарю матушку за присланные ею вещи. Но она неисправима моими просьбами. Я не терплю этих лишних расходов, вся эта лишняя собственность для меня не нужна и отяготительна. Мне нужно одно *пропитание*. И, по несчастию, оно стоит дороже, чем бы я этого желал и к чему ежегодно средства уменьшаются. Если бы я жил в городе — я бы имел один угол и пошел бы к кому-нибудь на хлебы. Хозяйство мое в деревне стоит дорого, потому что здесь все дорого, особенно люди. Содержание двух человек стоит жалованием столько, сколько содержание мое могло бы стоить. Огород мой, когда я в силах, я почти весь обрабатываю сам. Но эта мелочь моей жизни меня мучает уже. Обнимаю тебя, матушку и дружеский поклон твоему мужу.

Твой брат П. Муханов.

175. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 25 июля [1848 г.]

Бог знает, с какого времени ты мне не писал, любезный брат и друг. Не знаю, возвратился ли ты из твоего печального путешествия. Может быть, важные события Европы затруднили переписку твою с Россией и Сибирью. Душевно желаю, чтобы причиною твоего молчания была внешняя, иначе я без вины виноват. По моим расчетам, письмо это найдет тебя в отечестве, разве ты сделался коммунистом? Избави бог от этой политики.

С нетерпением ожидаю, чтобы ты был близко, под дождливым серым и огромным небом со мною, на двух

каменистых утесах утешим сердца вместе. Последнее письмо твое известило меня о смерти твоей доброй и милой дочери. Трудно тебе утешиться, но я любопытен знать твое состояние. Русские сестры твои тоже мне не пишут. Теперь на свободе холера. Это тоже страшит меня за тебя и твоих. Пиши ко мне, как скоро ты возвратишься. Не думаю, чтобы я делал тебе много работы. Здоровье мое очень плохо, и дай бог дотянуть до зимы. Вот горы видят, как я едва брожу. Я получил увольнение на воды, но до сих пор не могу его использовать и как по слабости силы, так и по другим причинам.

Сегодня провожали товарища моего Сутгова[1], товарища нашего, всемилостивейше назначенного на Кавказ, в солдаты. Не много уже остается нас здесь, около 35, большая часть устаревших и дряхлых.

Видел ли ты в Риме тетку к[нягиню] Мадатову и Римских? Наташу одну люблю я за неизменяемое участие ко мне[2]. Других люблю я по приверженности моей к покойному отцу их и к кн[ягине] Волхонской, с которой делим мы, к сожалению, 23 года одну участь. Верю, проезжая Варшаву, ты видела брата моего, очень рад [буду] через тебя узнать что-нибудь о нем. Члены мои последнее время жизни сильно болезненны. Обнимаю тебя, любезный брат. Припомни обо мне твоим сестрам и будь здоров.

Твой брат П. Муханов.

176. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Иркутск,] 18 августа [1848 г.]

Первое письмо твое по возвращении на родину я получил, любезный друг и брат. Оно меня много порадовало. Отсутствие показалось мне бессчетным. Я надеюсь, что ты взойдешь в прежние привычки исправностию и будешь мне писать. Мне было очень скорбно так долго не получать от тебя писем. Зная тебя в горести, нетерпение мое еще более увеличилось, об тебе мне никто не пишет. Никогда наше семейство в таком коротком времени не было так уменьшено смертью, как теперь. Сестра уведомляет меня (но недостоверно) о смерти сестры твоей к[няжны] К[леопатры] М[ихайловны] — желаю, чтобы слух этот был несправедлив[1]. Вероятно, ты посещаешь иногда Саблуковых. Теперь они совершенно одни и, вероятно, очень опечалены пустотой после смерти брата[2].

Здоровье мое тоже плохо, и я живу постоянно<...>* в Иркутске на лечении. Успех еще плохой, едва могу двигать рукой и пальцами. Все это при образе моей жизни и способах очень трудно и отяготительно. Болезни и дряхлость в ссылке — это самое худшее положение, которого ожидать было можно по воле божьей.

Прошу тебя дружески кланяться семейству твоему. Прощай, будь здоров.

Твой брат П. Муханов.

177. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 12 октября [1848 г.]

Наконец я получил письмо твое от 1 сентября. Это второе после твоего возвращения из путешествия. Мне очень невежливо напоминать тебе расстояние чисел, любезный брат и друг. Ты, верно, сам заметил это и потому привел в извинение холеру, как будто писать вредно для здоровья. Должно случиться, что это истекающий год, он со всеми адресами был от меня очень удален, я это чувствовал, и привыкнуть мне было невозможно.

Благодарю бога, что ты здоров, и надеюсь, что ты возвратился к прежним обязанностям дружбы. Ты ничего не писал о сыновьях своих. Мне очень любопытно знать, где они учатся и с хорошими ли успехами. Эти дети мне неизвестны, никогда не ведомы и, вероятно, не увидят моей ласки, но любовь моя к моей покойной сестре так велика, что будущность их будет всегда меня заботить. Это предмет для твоих писем, если ты вздумаешь сделать их длинными. Я провел самым неприятным образом лето. Болезнь моя была очень опасная — водяная. Но не знаю, надолго ли я опять справился и из рук врача возвратился в деревню. Величайшее бедствие — болезнь и дряхлость в ссылке. Едва в нормальном положении существовать очень тягостно. Я получил увольнение на горячие воды за Байкал, но летом не имел возможности сделать это путешествие. Вот все, что могу тебе сказать о себе. Остальное ничто не изменилось с той поры, как мы друг другу не писали.

Холера добралась только до Тобольска, и любители жизни уверены, что ей трудно будет сделать огромное

* Одно слово неразб.

путешествие до края России. Справедливо будет, если бренные жители Сибири будут избавлены хоть от этой беды.

Я с большой горестью узнал о смерти твоей сестры[1]. Надеюсь, что в будущем письме ты напишешь мне что-нибудь о к[няжне] Лизавете Михайловне, которой прошу тебя особенно кланяться. Прощай, любезный брат, желаю тебе и детям твоим всего доброго.

Твой брат Петр Муханов.

178. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 7 декабря 1848

Нельзя сказать, чтобы ты не развратился во время твоего путешествия, любезный друг и брат. Письма твои стали редки, зато удовольствие получать их стало полнее. Душевно желаю, чтобы семейные горести твои прекратились. Судя холодным рассудком, мы сами более и более приближаемся к концу жизни — и в порядке природы, чтобы кто-нибудь умер. Закон этот для сердца тяжел, но он — провидение справедливое. Эти последние дни года были очень истребительны для моего семейства. Нас очень мало осталось — особенно для меня, который считает одни убытки, будучи чуждым для нового поколения, сколь оно ни близко.

Пользуясь меньшею свободою, но большими средствами к содержанию, чем все ссыльные, нельзя не согласиться, что каждый жалеет всех людей этого бедственного сословия, очень горестного и тягостного. Истрепанное здоровье, дряхлость, болезни, одиночество — все это под старость собирается в ежедневную кару и делает существование нестерпимым. Вот наступает еще новый год этой ссылки, с геометрической прогрессией составленный с целым. За прошлое благодарю всевышнего, а к будущему являемся мы с верованием на его милосердие. Не жизнь нужна, но средства пережить год. Эти 23 года были присоединены к годам чувства дружбы и радости — сколь много ни порвалось этих связей, но сколько выдержало это сильное напряжение. Дружбу твою я дорого ценю. В последнее время заметны были промежутки, где ты жил несколько освобожденный от угнетательных условий моей дружбы. Но, к сожалению, были семейные бедствия, которые извинительны.

Несколько дружеских поклонов твоим сестрам, в особенности добрейшей к[няжне] Лилии Мих[айловне], которую я люблю всем сердцем. Меня они очень занимают, по крайней мере, ты простишь мою любознательность — из того, что мне хотелось узнать, с кем в мире ты останешься.

Обнимаю тебя, будь здоров.

Твой брат П. Муханов.

179. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Усть-Куда,] 9 марта 1849

Письма твои из разных мест я получил, любезный друг и брат. Отвечаю собирательно. То тоска, то боль какая-нибудь, все что-нибудь мешало писать к тебе. Во всех случаях я надеялся на милость твою и прощение. Благодарю тебя за твои дружеские приветствия и новости деревенские — семейные. Я очень давно не знаю ничего о сестрах твоих. Но знаю, что вы разрознились, и к этому, верно, большие причины или, лучше сказать, одна всегдашняя причина — недостаток денежных средств жить в столице. Я уверен, что ты был принят радушно и провожаем горестно. Это по сие время любимое нами место... Я бы исходил пешком на поклонение каждому кусту и не знаю, не умер бы я в первый же день от радости или от множества самых живых воспоминаний. Извини, что я позавидовал последнему твоему путешествию и несколько недоволен был, что ты так коротко писал мне оттуда.

Я продолжаю существовать в Усть-Куде, т. е. в своей каморке, и более чем когда-нибудь сижу дома, вольно и невольно. Страшная боль в голове мучает меня более недели. Притом ничто вне этой каморки не занимает. Жизнь прошла.

Благодарю за присылку известий о твоих детях. Эти славные ребята тебя уважают. Желаю, чтобы они хорошо учились. Надеюсь, что меньшего ты тоже поместишь в хорошее учебное заведение, чтобы сделать дельным и полезным человеком.

Очень благодарю сестру твою за письмо — раз в год и то хорошо, в особенности потому, что ничего не изменяет в наших чувствах.

Обнимаю тебя.

Твой брат П. Муханов.

180. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 8 августа 1849

Весьма многогрешен перед тобою, любезный друг и брат. Давно не писал тебе, зачем и почему — объяснить трудно. Тоска страшная от нестерпимой головной боли. Теперь мне легче, и голове, и сердцу. В этой жизни необходимо должны быть периоды этой черной немощи — хорошо, если они коротки.

Я был очень обрадован, узнав намерение твое отправить детей в Москву, и получил известие, что матушка не могла довольно на них наглядеться и ими налюбоваться. Сожалею только, что один из них непременно хочет попасть в моряки. На это нужно глядеть как на детскую фантазию и стараться расценить ее вовремя. В будущность его ты должен сам его направить, и плавание по Финскому заливу ничего не представляет ни блестящего, ни полезного. Славные способности мальчика еще лучше разовьются хорошим учением, и не лучше ли будет приготовить его к Генеральному штабу.

Очень сожалею, что состояние сестры твоей Клеопатры худо и тебя заботит. Когда я ее видел ребенком, я очень ее любил. Все мои чувства остались на прежней ступени, они не могли ни возрасти, ни понизиться. Я в самом неподвижном состоянии. Почти все лето я провел в самом грустном состоянии. Мало писал к вам, я был еще болен и одинок.

Обнимаю тебя, будь здоров.

Твой брат П. Муханов.

181. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Усть-Куда,] 4 октября [1849 г.]

Ты, вероятно, не возвратишься из дороги, любезный брат и друг, и во время твоего путешествия ни разу не вспомнил о дальних отсутствующих. Давно нет писем от тебя. Верно, что ты везде был встречен радостно, и немудрено, что в кругу родных забыл заглянуть на Север. Маленькая ревность моя к ним заставляет меня желать возвращения твоего на постоянные квартиры. Ты по обычаю своему направишь мне длинный и любопытный отчет о виденном.

Еще более давно не слыхал я о твоих сестрах. Надеюсь,

что ничего неприятного и горестного я не узнаю. Дети твои, ты сам, одним словом, все полное твое семейство очень обрадовало и утешило мою добрую мать, и, видно, утешение это очень живо, потому что они все время пишут об этом свидании в выражениях самых приятных. Спасибо тебе. Видал ли и другие семьи моих родных? Для меня они нераздельны в давно прошедшем, которое я люблю вспоминать, хотя для настоящего счета друг для друга во всем вероятном не существуем.

Я продолжаю без всякого изменения существование свое. Хворость моя идет вперед. Очень были обрадованы приездом И. И. Пущина, тоже больного и весьма дряхлого, приехавшего лечиться на Забайкальские минеральные воды. Но они оказались ему вредными, и теперь он лечится от воды. Ты помнишь его; он принадлежит к приятнейшему времени нашей жизни. Но как был из нас порознь занимательный субъект для врача, а в сложности чудные субъекты для клиники.

Здесь все ждут возвращения генерал-губернатора из Камчатки...[1]. Это первое путешествие правительствующего лица в этот край. Осень у нас чудная, урожай хлеба, какой давно не был — есть надежды есть дешево. И народ заметно доволен и весел после 3-летнего неурожая и чрезмерной дороговизны.

Обнимаю тебя, будь здоров и счастлив.

Твой брат П. Муханов.

182. Д. И. ЗАВАЛИШИНУ

Иркутск, 9 ноября 1849

Пришлите мне статью вашу о причинах упадка Нерчинских заводов и о способах восстановления их для передачи кому следует[1].

183. В. М. ШАХОВСКОМУ

[Усть-Куда,] 22 ноября 1849

Письма твои становятся реже и реже, и размер их уменьшается. Сегодня получил письмо твое от 8 октября, любезный друг и брат. Благодарю за маршрутные известия о твоем лице. Ты пользуешься домом благоразумно, разделяя его на зимний и летний. Верю, что сумма удовольствий и радости год от году умножается. Сыновья

твои скоро дадут тебе нового рода радость. Верю, один из них начитался Робинсона[1]. При моих сухопутных понятиях, что ни одного из них не пустил бы в море, особенно если очень ясно исторически доказано, что юному твоему моряку не видать других волн, как ботнических...[2] Впрочем, крушения морские стали безопаснеее крушений земельных.

Сожалею, что ты вовсе ничего не пишешь мне о своей семье, что-нибудь подробнее, портретнее. Я давно не имел никаких сведений о твоих сестрах.

Ты спросишь, а какая <...>* сумма моих удовольствий. Я имею только одно, поэтому по недостатку слагаемых суммы быть не может. Сожалею, что хроническое расстройство здоровья приготовляет мне докучливую жизнь. Верь, что при кажущихся условиях духа легко и весело переносить несчастие нравственно, чем неотвязчивую** болезнь. Эти склянки и микстуры составляют какую-то старушечью принадлежность, но что делать, переход был утомителен, в старухи попасть нет желания.

Стало очень холодно. От людей под разными наименованиями родных и друзей — далеко, а от морозов — недалеко. Каждый день 20 и 25 градусов, и есть надежды на повышение. Ты, верно, не знаешь понятия здешних богословов-геогностов о падении ангела. Вот оно: «Бог творил мир, в седьмой день устал и послал ангела докончить мироздание. Ангел сделал Сибирь — бог взглянул и свергнул ангела». Не правда ли, тут есть правдоподобие.

Прощай, любезный друг и брат. Теперь я смело могу адресовать письма на Фонтанку и уверен, что до вешнего солнца ты не подвинешься. А ты адресуй смело по старому адресу — в Сибирь.

Твой брат Петр Муханов.

184. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 19 декабря [1849 г.]

Надеюсь, что письмо это найдет тебя в столице возвратившимся из приятного путешествия. Я желаю, чтобы ты приобрел хороший запас здоровья. Давно, любезный брат, не имел сведений о тебе ни прямых, ни косвенных.

---

* Одно слово неразб.

** В подлиннике: неотвящевую.

Меня бы это очень печалило, если бы я не уверен был в неудобности писать на прекрасных станциях Франции, где ты, верно, заглядываешься в окна и нечасто думаешь о сестре. Теперь прошу приняться за прежнее письмоводство. Я думаю, твой банк дозволит тебе не писать одно лето в Сибирь. Лили писала мне один раз, и твои определения и отменные при назначении мест к отъезду в путешествие сбили меня с толку. Я думал, что ей надлежало тебе сопутствовать, и, к удивлению, получил письмо с берегов Осташевских прудов[1]. По возвращении из Иркутска я продолжаю здравствовать, и мои ноги направились ходить, и так хорошо ходить, что если бы я не дошел до Иерусалима, но до Москвы наверное. Надеюсь, что ты мое письмо удостоишь ответом. Обнимаю тебя.

Твой брат и друг П. Муханов.

185. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 4 апреля [1850 г.]

Твоя добрая сестра заменила очень приятно твое письмо, любезный брат и друг. Письмо ее было от 23 февраля, и она объяснила мне множество семейных подробностей о последних ваших происшествиях, о которых ты редко и мало пишешь, всегда или готовясь в банк, или придя из банка. Я желал бы, чтобы вы были все здоровы, всегда у вас кто-нибудь на галлопатии и на аллопатии. До сих пор я похвальных слов не пишу ни той, ни другой и не почитаю себя нисколько обязанным обоим. Здоровье мое плохо, но за остаток его благодарю всевышнего, и в положении моем какое счастие не поклоняться врачам, что было бы уже и невозможно, ибо это ссыльный в селении Усть-Куде, тут нет ни гомеопата, ни аллопата, а нашептывания и наговоры — больному представлено на выбор.

Я очень рад, что вы проводите время приятно и дочь твоя уже счастливей всех. Княжна всегда добавляет мне большое удовольствие, когда пишет мне дружески с теми чувствами, с которыми мы простились. Все мои верования в дружбу погибли бы, если бы это было иначе. Я тоже не готовлю в своей будущности свидания с нею, но мне прискорбно было бы подозревать в ней малейшее охлаждение. Целую руки у к[няжны] Клеопатры Михайловны и благодарю за вспоминание.

Вот письмо, которое до тебя не касается. Надеюсь, что

ты [не] рассердишься, особенно, если ты уверен в моей дружбе к тебе. Я провел месяц весьма горестно — ибо в свой дом получил известие о смерти матушки[1]. Благодаря бога, ей немного легче, и я несколько ожил.

Прощай, обнимаю тебя.

Твой брат П. Муханов.

186. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 10 июля 1850

Коротенькое, но откровенное и дружеское письмо твое от 18 апреля я получил, любезный друг. Истинная радость для меня, что в новом кругу родни, занятий и даже забав столичных ты сохранил прежние чувства и память твоя не ослабела ко мне. Выговор твой за мое молчание весьма для меня приятен, но я не писал только потому, что ты был слишком далеко и сибирским письмам непристойно залетать в такие прекрасные места, а на первые письма твои из столицы ответ не мог поспеть ранее 4 месяцев. Итак, я не винюсь, и ты не вини меня в изменении моего расположения к тебе. И только ты, сестра и мать составляют число моего семейства, моих друзей, знакомых, благодетелей: остальные все взаимно забыты. И могу ли я не дорожить вами. Но для получения подобных объяснений я ссылаюсь на предшествующие 20 лет. Как бы рад я был узнать, что [ты] счастлив, что твое счастье похоже на то, которому я был некогда свидетелем. Дай бог, чтобы это желание сбылось. Пиши ко мне, когда служба, суеты семейные, суета городская оставят тебе минуту свободную. Не гляди на мои письма — они коротки, пусты, скучны, как моя жизнь, только с малым различием, что она слишком долга. Я был болен, теперь опять здоров, опять шатаюсь по полям от безделия; сделался лентяем. Хозяйство мое плохо, работники дороги и пьяницы, хлеб худ, мороз был 8 и 9 июля. Вообще что брось, что клин. Как говорят по-русски. А загляни вперед — то пасмурно задумаешься.

Благодарю за дружеское письмо к[няжну] Лили. Она напрасно наполнила его упреками; несколько недоверчивости недостойно имени холодности, притом она вела жизнь кочевую с юга на север, была занята беспрерывно. Я продолжаю иметь к ней прежние чувства дружбы, о которых за 7 тысяч верст можно думать худо. Истинное

удовольствие, когда получаю ее письма; эти минуты, когда я не чувствую Сибири, для мени дороги, драгоценны. И лучшее мое занятие, полное сердечной жизни,— прочесть две строки, писанные рукой родных. Но пусть она не наполняет их прошедшим. Это воспоминание о мыльных пузырях и о прошлых язвах вовсе не отрадно, нисколько не лечит меня. Я надеюсь, что и это замечание не почтет она упреком. Твой друг Петр Муханов.

187. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 15 сентября 1850

Бывало, с какой радостью читал я твои письма, любезный друг. В тот день я бывал счастлив или, по крайней мере, я совершенно забывал свой собственный день, и это много. Теперь не суждено мне и это утешение. Я получил твои два письма от 25 июня и 4 июля, и в них ни слова отрадного. Не знаю, предвидишь ли ты перемену к лучшему хотя в одном отношении, но я душевно ее желаю, зная твои обычаи и привычки, твои денежные дела. Я с первого раза сожалел, что ты так опрометчиво оставляешь Москву, приятное и выгодное служебное место и близость к Колпи; но я думал, это необходимая жертва новому счастью. Теперь ты расстроился слишком много. Желаю искренно, чтобы у тебя достало довольно решимости избрать теперь же выгодный для тебя путь, не прельщаясь минутными утешениями. На сей раз Лили ко мне не пишет, несмотря на то, что могла бы наполнить письмо свое многими подробностями касательно Александра и других интересных лиц. Все, что может хоть на мгновение заставить меня забыть окружающую меня Сибирь, доставляет мне удовольствие. С прибытием долгих ночей и холодных дней эта жизнь делается еще хуже. Сидеть дома без дела и занятия почти восемь месяцев сряду невесело. Здоровье мое довольно хорошо, но лета или прошлая тяжелая жизнь много ослабили меня, и [я] стал очень склонен к усталости.

Пишите ко мне оба, когда есть время от службы и суеты столичной. Я уже не ожидаю писем на старинный лад, нужды нет, если они будут несколько суетные, модные, столичные — все для меня любопытно. Обнимаю тебя, мой любезный друг, будь здоров.

Твой брат Петр Муханов.

188. В. М. ШАХОВСКОМУ

Усть-Куда, 24 октября 1850

Давно не имел от тебя [почты] и, кажется, прежде упреков за это: сам должен извиниться в неисправности. Не знаю ей причину — времени много, лени немного, но совершенная пустота, тоска часто препятствуют переписке этой. Желаю, чтобы письмо мое застало тебя здоровым и все семейство твое счастливым. Все обстоятельства в нашей жизни переменились со времени нашей разлуки, ничто не осталось на своем месте, но люди привыкают к новой форме жизни и счастливы иметь такие же свои разные стороны. Сожалею, что ты жалуешься часто на болезнь, и не понимаю, почему ты не можешь от нее отделаться.

Существование мое в прежнем виде. Отличительное его качество — неизменяемость, что весьма удобно для жизни, будущий день так же знаком, как и все прошлые, так же тихо скучен, не слышно даже барабана, что [не] редкость в русском царстве. Трудно тебе объяснить, в чем проходит моя праздность, в чем прошли двадцать лет. Очень счастлив, когда получаю письма от сестры и тебя. Тогда убеждаюсь, что есть кроме Усть-Куды другие земли и есть другие люди, есть люди, которых любишь. Ни одной собаки своей не отдам за это человечество, которым я окружен, от которого я огражден высоким забором. Одиночество мое еще усилилось переездом к[нягини] Волхонской в город, куда уехала она лечиться. Не думаю, чтобы лечение это было для нее полезно. Много нужно кроме микстур и порошков, что вылечит человека, страдающего от жизни изгнаннической, от холода, от любви к детям.

Поручаю тебе кланяться твоему семейству, этим древнейшим моим друзьям, которых люблю за личные их достоинства и за чудные воспоминания. Очень рад, что сын твой тебя радует хорошими надеждами, и я уверен, что ты будешь стараться дать ему законченное воспитание. Николай Александрович[1] должен возвратиться в Петербург, прошу тебя нарочно увидеть его и жену его и сказать им тысячу приветствий. Я очень люблю этих почтенных людей и обязан им за дружеское их участие ко мне.

Прощай, обнимаю тебя.

Твой брат П. Муханов.

189. Е. М. ШАХОВСКОЙ

Усть-Куда, 16 октября 1850

Любезный и драгоценный друг Лили.

Смерть доброго нашего друга и брата Валентина поразила меня глубокой скорбью[1]. Вы знаете, и я могу вас уверить, что для сердца моего остаетесь двое — это только мать моя и сестра. Этим и ограничиваются не только семейные мои отношения, но и все другие связи. Вы давно мне не пишете — не упрекаю вас. Вы исполнили много светлых и высоких обязанностей. За это простительно меня забыть или справедливо забыть писать ко мне. Надеюсь, однако, что наша дружба старая, добрая и испытанная неизменна. Кажется, нет причины разлюбить человека, который так страстно был привязан к вашему семейству и имел несчастие пережить большую часть членов вашего семейства. Это воля божья. Вероятно, к стыду, скрашивал себе печаль одинокого моего существования, давно бесполезного для других и давно очень тягостного для меня. Со дня на день тягость увеличивается, и новые немощи, скорби и невзгоды прибывают, а радостей ни одних. Но я завлекся. Худо. Мое последнее желание не только не напоминать о себе, но затеряться для всех. Труд немудреный. Этих *всех* совсем мало — только два-три человека.

Прошу вас убедительно написать мне что можно о добром умершем моем брате и детях его. Их судьба меня очень занимает. Прошу вас передать на общий родственный совет мои предложения. Не пожелаете ли вы, чтобы Саша[2] вступил в службу к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву. Я полагаю, что здесь *по службе* он выиграет очень много, больше, чем где-нибудь. Сам генерал в ходу и очень скоро выдвигает тех, кто хочет служить. В нравственном отношении он выиграет, потому что худые нравственные меры не могут быть, как в Петербурге. В физическом он выиграет, потому что не смотрит в рюмку. Но тяжкость приказов и жизнь здесь менее требовательны, менее дорогих увлечений, менее соблазнительности. Мы бы жили, и я бы помогал ему в первые времена с вступления в свет и в мир. Генерал — родственник А[лександра] Н[иколаевича][3] и отлично хороший человек. Деятельности здесь много, и надежды на успех служебный больше, чем где-нибудь. Пример Корсакова[4]

и других. Есть у меня еще тайная мысль и желание. У товарища моего Трубецкого дочь 16 лет[5], красавица, живой портрет гр[афини] Потемкиной, ее тетки[6]. Когда[-то] мы в юности знавали ее. Девушка премило воспитана и добрая, и с прекрасными правилами, при этом 20 т[ысяч] годового дохода. Может быть, Саше она понравится, и я надеюсь устроить этот брак. Трубецкие восхищены вашей семьей довольно, и отношение Валентина ко мне в течение 25-летней моей ссылки только увеличило их уважение.

Не смейтесь этому предложению, подумайте хорошенько. Кроме семейных отношений, генерал для меня согласился принять Сашу на службу, и верьте, что Саша будет доволен. Не смейтесь также желанию видеть его женатым на Трубецкой. Сколько могу предвидеть, она будет жена хорошая и лучше тех, которых ищут и находят в вашем Петербурге.

Напишите мне ваши мнения и пишите мне хоть изредка, чтобы доказать мне, что я не погиб в памяти друзей моей первой жизни. Так легко, как я погиб у всех моих пречистенских родственников, которые похоронили меня с 1825 года, не прочтя даже надо мной обычной панихиды.

Сто раз целую ваши руки, добрая Лили, и поручаю вам напоминать всем вашим [о] человеке, который их очень любит.

Душой преданный вам Петр Муханов.

190. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Иркутск, [конец 1851 г.]

Я получил письмо твое, любезный друг, от 20 ноября с приложением письма от С[офьи] А[лександровны]. Последнее очень забавно, я удивляюсь, как подобные сентенции сумасшедшей женщины могут тебя тревожить. Конечно, жаль, что вместо поучений не присылает денег. Да что делать. Она жалела, что купила для тебя рояль в 2800 руб. Это некстати и глупо. Очень рад, что дела твои поправились и окончились решительно. До сих пор мне не верилось — я думал, что из трех убавится кто-нибудь. Душевно желаю, чтобы у новых детей были благодарные сердца — ума дельного и могли бы составить счастье дочерей.

Богатства все ищут, и тебе бы не найти его, но правила и способности доставляют счастие другим и дадут им возможность существовать и приобретать. Не отчаи-

вайся, может быть, сыновья получат места. Здесь люди нужны несомненно лучше, чем в России, но страшна даль и дорога жизнь.

Твои письма очень любопытны, я жду их с нетерпением. Обнимаю матушку, целую руки и ноги. Желаю ей здоровья, спокойствия духа, тишины и думаю, что она радуется твоему счастию и не слушается песен старой певицы, оставшейся в старости с одними песнями. Дела С[офьи] А[лександровны] благодаря старанию моему будут очень хороши на 1852[1]. Благодари матушку за премилое, четкое письмо и разные вещи, которые получил. Все теплые чулки мне вовсе не нужны — до 15 градусов хожу в холодной шинели, шубу надеваю в 20 град[усов] — и ничего, вреда не происходит.

Пришли мне почтой семена цветной капусты, особенно ранней.

Обнимаю тебя, любящий П. Муханов.

Кланяйся дружески Ар[кадию] Ал[ексеевичу].

191. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Иркутск, [конец августа — сентябрь 1853 г.]

Окончив первый лист, нашел я его неполным, нужно, чтобы вы знали для себя, а не для других все, что касается до брата вашего. Это очень важно, поэтому перечти это с матушкой, но внимательно и милостиво. Со всеми чувствами вашего сердца примите через меня сию откровенность — добродушно и благосклонно. С год тому, а может быть, и более у него[1] есть намерение жениться на Марье Александровне Дороховой[2] — женщине 42 лет, отлично доброй души, бывшей очень несчастливой с мужем, к счастью, убитым в прошлом году на Кавказе. Занимая место здесь, ей невозможно было выйти в отставку ранее срока, положенного для службы. Срок этот минул, и она послала просьбу об увольнении. Она пользуется самым высоким расположением верховных лиц — имеет общее уважение, место хорошее,— оставляя все это, она доказывает свою любовь и дружбу к П. А. Знает, что ожидало ее здесь и что может ожидать ее в Оглоблине[3] — она давно на все это решилась, недоставало только согласия и благословения вашей матушки — и самого дружелюбного участия твоего, двух лиц, составляющих семью вашего брата. Ты скажешь, что он стар для брака, и она не мо-

лода. Два человека эти много страдали в жизни, соединяясь вместе, они хотят отдохнуть перед концом жизни — в взаимном облегчении своего бремени. Если бог хоть ненадолго продлит их жизнь, то эта короткая частица ее заставит забыть все прошлое. Дело не в страсти пламенной, несвоевременной обоим лицам, но в тихой, смирной жизни двух пожилых людей, в общем перенесении недуга и в сердечном утешении. Она пролила более слез, чем ваш брат — и это сходство жизни, исполненной горестей и лишений, было причиною сильной их симпатии. Одним словом, между ними решено было, что в генваре брак этот должен был исполниться здесь. Он ничего не писал вам об этом только потому, что нужны были еще для нее официальные разрешения и замещение другой начальницей. Просьба ушла, и обстоятельства переменились к лучшему. Уверен, что матушка примет сие намерение с добродушием своего сердца и даст благословение свое — и напишет ей свое согласие в выражениях, внушенных ей ее чувствами. Может быть, перемещение брата вашего будет здесь получено прежде, чем она будет замещена, и ей невозможно будет выехать вместе с братом, но между ими решено, что он уедет, как скоро ему будет только возможно, чтобы днем, минутою ранее броситься облобызать ноги матери[4]. Она приедет по зимнему пути, как скоро ей будет возможно,— и мать ваша будет иметь полное утешение праздновать возвращение сына и благословить его на брак — в Оглоблине — странная судьба.

Прошу вас, чтобы вас не устрашали никакие расчеты. Одному из них нужно столько, сколько двум. Детей у них не будет, разве сестра уступит им для утешения свою дочь. Прошу вас никому не говорить об этом, никто не имеет надобности знать этого намерения, ибо оба эти лица чужды друзей и мира. Убедительно прошу вас обеим написать ласковое, от сердца слово — обе эти души много выстрадали и все переносили с молитвою и упованием на милость божию — и непомерно велика она будет, если у ног ваших они вас обнимут.

Прощайте. Письма ваши более чем когда-нибудь будут ожидаемы с нетерпением.

Вам преданный душой А. Петров.

192. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Иркутск, 7 генваря 1854

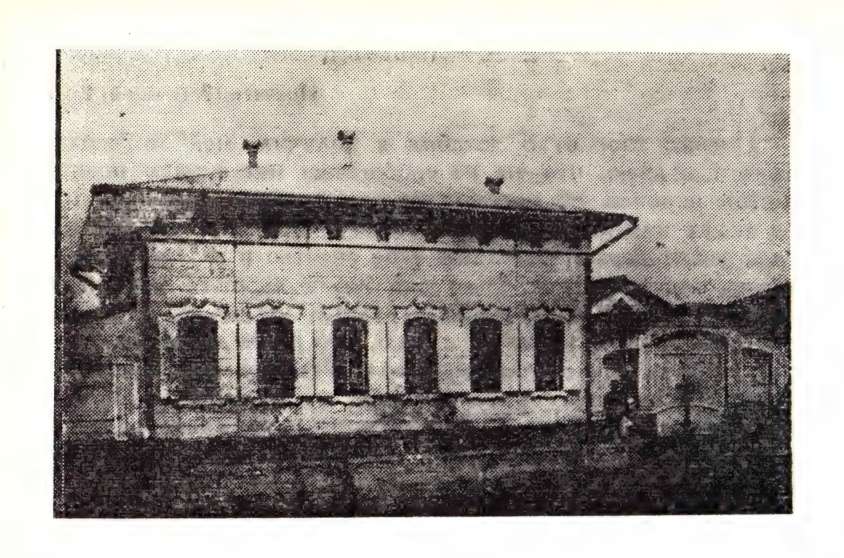
Письмо твое от 8 декабря я получил, мой любезный друг. Сожалею, что ты не сообщаешь мне ничего нового о себе, впрочем, обстоятельства твоей жизни закоренели и не могут изменяться скоро. Очень огорчен, что не все твои юные дети доставляют тебе счастье и утешение. Кажется, это немудрено было для детей хорошей натуры и воспитания, но равнодушие — лучшее утешение, надеюсь, что дочери тебя любят, и думаю, что этого довольно. При разуме беда становится вполгоря. Все, что ты пишешь о брате Павле, меня сильно огорчает, но не удивляет. В нем нет сердца. Сожалею, что мой кусок хлеба зависит решительно от него. Теперь очень тяжело, но что будет после. У меня нет ни гроша, ни фунта муки, ни фунта овса, со 2-го генваря голод. Вот что значит не выслать деньги в срок, а занять здесь нельзя 10 рублей. Цены на все страшные, мука, овес по 60 к., я не говорю о другом. Несчастие это чувствую я один — ибо всякий давно подумал, как сколько-нибудь обеспечить свою семью и особенно отсутствующих, что касается до старшего брата, то, имея об нем совершенно другое мнение, я удивляюсь, что ты полагаешь, что болезнь и бедствия его происходят от собственной вины. Я знаю, что он не может быть виновным в этом. Впрочем, ты близко к нему — ужели он ведет себя так худо, что расстроит себя, напиши мне об нем без страха меня опечалить. Что касается до меня, то я совершенно равнодушен ко всему и сто раз тебе повторяю, что покорен необходимости и без малодушья и нетерпения живу как бог велел. М[арья] А[лександровна] тебя обнимает и целует руки у матушки. Отставки нет — и это расстраивает ее до того, что занемогла.

Все праздники провел за работою для Софьи Александровны. Они утешаются, а я бедствую с ее делами. Пишешь и ничего не делают. Теперь решительно написал, что брошу все, если станут они портить мои дела. И за что это все мучение. Не думаю, что будет лучше — горбатого могила исправит.

Обнимаю вас от души. Желаю всего доброго.

Преданный тебе А. Петров.

Не спрашивай, сколько мне лет сегодня[1].



ДОМ П. А. МУХАНОВА В ИРКУТСКЕ ПО ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ УЛИЦЕ
(ныне Тимирязева, 45)

Фотография Н. Герасимова (1901 г.).
Из собрания летописей Н. С. Романова.
Публикуется впервые

193. Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Иркутск, 11 февраля 1854[1]

Четыре почты не было от тебя ни строчки, сегодня пришла от 17 генваря, и тоже нет письма. Если ты больна, то есть в доме у тебя и здоровых и грамотных, чтобы написать хоть одну строчку. Что за выгода иметь 12 человек семейства, если нельзя заставить написать одно слово вместо себя. Положение твое и матушки меня очень тревожит, и сто черных мыслей является всегда, когда нет писем. Из Петербурга никто не пишет и оставляют свои дела на произвол плутам и не получат и на будущий год дивиденда[2]. Это горестно, ни отзыва, ни чувства, ни благодарности и доверия в труде.

От брата ни гроша, и просто нечего есть, должен был продавать сани и другие вещи, чтобы кормить людей. Сахар уже 25 р. пуд, чай возвысили дороже московского 1 р. на фунт. Хлеб 60 к.* серебром и иногда 80 к. Поэтому

все возвысилось и жить нестерпимо. Будь поисправнее, никто не просит длинных писем с повторениями, но прошу два слова: я и мать здоровы.

Прощай, оставляю тебя в сильном беспокойстве и горести, от тебя зависит этого не делать. Целую руки и ноги у матушки.

Твой друг А. Петров.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. В ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ МОСКОВСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ШТАБС-КАПИТАНА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВА СЫНА МУХАНОВА

Москва, 11 октября 1824 года

Прошение

Имея желание издавать на будущий год «Военный журнал», о коем имею честь приложить программу и покорно прошу исходатайствовать, от кого следует, позволение. Обучался я в Московском университете и учебном заведении для колонновожатых. Сочинения мои: «Замечания об ошибочном изложении Смоленского боя»[1], «Сравнение Наполеона с Фридрихом Великим»[2] были напечатаны в «Сыне отечества», описание сражения при г. Нарве[3] и несколько статистических статей[4] в «Северном архиве». Военно-топографическое описание части Малороссии[5] представлено генерал-квартирмейстеру 1[-й] армии. Карта с описанием Бугского войска[6] — графу Аракчееву.

Петр Муханов.

Программа «Военного журнала»

«Военный журнал», издаваемый гвардейским офицером.

Ежемесячное издание сие будет заключать только то, что относится до войны; оно разделяется на следующие части.

1. Военная история. Древняя и современная. Описание знаменитейших походов и сражений. Биографии лучших полководцев. Совершенное беспристрастие, необходимое для пользы просвещения, будет отличать статьи сии. Издатель будет осторожен не только при изложении погрешностей полководцев, но и не станет хвалить без доказательств.

2. Военные науки. Правила стратегии и тактики. Артиллерия и инженерное искусство, о котором в отечестве нашем ничего не было написано.

3. Военные обозрения. Астрономия, геодезия, топография и военные описания.

4. Критика. Библиография и разбор лучших военных книг. Корреспонденция.

5. Смесь. Известия о состоянии армии в других госу-

дарствах. Описание военных заведений, образ войны разных народов и военные анекдоты.

6. Ученые известия. Бюллетень всех новых изобретений и исследований в Европе по части военной.

Издатель, имея целью распространение военных познаний, получает все лучшие в сем роде книги и журналы. Несколько известных военных людей обещались способствовать его предприятию. Статьи критические будут беспристрастны, без личностей и колкостей, в противном случае издатель отказывается печатать оные, соблюдая строго сии предположения. Делая хороший выбор статьям, издатель уверен, что военный журнал доставит полезное чтение г[оспода]м офицерам и заменит недостатки и ценность книг, для них нужных.

Цена первому изданию, состоящему из 12 книжек, каждая из 6 или 7 листов, с планами и картами, 50 руб. ассигнациями с пересылкою во все места.

Гвардии штабс-капитан Петр Муханов.

2. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ТРАКТАТА И. Г. ЦИММЕРМАНА «УЕДИНЕНИЕ. ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗУМ И ЧУВСТВО»[1]

Том 1.

С. 13. В уединении каждый предается своим идеям и следует безрассудно своим вкусам, темпераменту, склонностям и познаниям, без соблюдения правил и закона.

* Довольно скверная мысль.

С. 15. Даже в тюрьмах люди, лишенные навек свободы, пытаются вознаградить себя за вынужденное одиночество, предаваясь, сколько возможно, мечтаниям, доставляющим наибольшее удовольствие. Женевский философ Мишель Дюкре измерял высоты Альп, взирая на них из окон Аарбургской крепости... В Магдебургской крепости... генерал Вальраве занимался разведением кур.

* Это делает счастливым! Но я знаю крепости, откуда Альпы не видны и где кур вовсе нет.

С. 71. Кто не искал облегчения под спасительной тенью одиночества, когда выздоравливаешь от болезни или когда грустно...

* О лес... в Надеждино! А речки Корсуня и Богуслава...

---

* Отмечены пометы Муханова.

С. 79. Разве у вас нет более силы мыслить, читать, писать? Разве вам физически невозможно дать занятие способностям вашей души?

* Да, но мне это запрещают не физически, а «казематически».

С. 120—121. Одиночество дает совершенную независимость, когда заранее знают все ее преимущества и когда ее уже давно любят.

* Ничего не может быть вернее этого, но кто может предугадывать свою судьбу? Я знаю людей безрассудных, правда, но с добрым сердцем, которых не спасло уединение. Можно ли долго сопротивляться злобе, наглости и силе! Вас преследуют даже в могиле.

С. 288. ...Эпаминонд, проведший всю свою жизнь за изучением наук, смог не только ознакомиться, но и в совершенстве сразу охватить все военное искусство.

* Доказательство, что военное искусство достигается не ученьем.

С. 301. Я искренне возрадуюсь <...>, если ты меня поблагодаришь за мою книгу...

* Всем сердцем я сожалею только об одном: что я получил ее слишком поздно.

Том 2.

С. 13. У обитателей гор Швейцарии врожденное мужество. Свобода окрыляет их душу. Они попирают тиранию и тиранов. Подлинная свобода удалась только в Альпийских горах...

* Таковы черкесы, грузины и все горцы.

С. 15. Тот, кто никогда не слышал грозы в Альпах, не может составить себе представления о громовых раскатах, о блеске и продолжительности молний, о грохоте со всех сторон горизонта этих огромных гор <...>.

* Кавказ, мой дорогой Кавказ!

С. 15. Пребывание в горных областях наполняет душу возвышенными чувствами.

* Это так верно.

С. 27. С красивой мечтой можно быть счастливее в темной тюрьме, нежели без воображения в самой великолепной местности.

* Видно, что он со своим воображением не был в заключении.

С. 156. Петрарка испытал муки любви более, чем когда-либо, во время пребывания в Воклюзе. Едва он туда

прибыл, как мечта о Лауре преследовала его беспрестанно...

* Мало было смеяться над влюбленным при жизни. Нужно еще терзать его после смерти.

С. 161. Если ты любишь и являешься хозяином своей любви, сядь на берегу и считай, что любовь, как этот поток, сначала с шумом стремится, затем струится медленно и тихо по равнине, через лужайки, под мирной тенью уединенных рощ.

* Я сделаю это на берегах Байкала.

3. В. М. ШАХОВСКАЯ — А. Х. БЕНКЕНДОРФУ*

Тобольск, 12 июля 1833**

Милостивый государь.

Вы не знаете меня, я не удостоена этой чести, но вызвать благодеяние — лучшая рекомендация для благородной души; пользуясь этим правом, я осмеливаюсь обратиться к вашему сиятельству: я уверена, что, тронутый тяжкой участью несчастной, вы соблаговолите ходатайствовать о последней радости, оставшейся у этой обездоленной на земле.

Я с детства связана сердечным влечением с одним несчастным,— стечение тяжелых обстоятельств разъединило нас в продолжение всей нашей жизни. Вовлеченный в мрачные события 26 года, Муханов был осужден на 8 лет каторжных работ: так как я не была соединена с ним узами, которые позволили бы мне следовать за ним, я обещала ему, что, когда он будет ссыльнопоселенцем, я сделаю все, чтобы соединиться с ним,— и с этого мгновения в продолжение семи тяжких лет эта мысль не переставала быть единственным желанием моего сердца. Я уехала с сестрой, разделяя с ней ее добровольное изгнание и постоянно опасаясь повредить ее участи; единственно, что я позволяла себе, это те сношения с моим несчастным другом, которые были разрешены его величеством благодаря его бесконечной доброте,— он соблаговолил разрешить их тем, кто был заинтересован в участи арестованных, но, лишенная отрады его [Муханова] писем — утешения, которое

* Подлинник на франц. яз. (перевод П. Н. Попова).

** Помета: «30 ноября 1833. Доложено государю. Приказано оставить».

могли мне доставить его чувства,— я все-таки питала непреодолимое желание осуществить обещание, которое вспыхнуло в моем сердце под влиянием самой жгучей страсти.

Помилование — этот бесценный дар, коего благость навсегда запечатлелась в наших благодарных сердцах,—приближало к нам столь желанное мгновение. Муханов оказался на поселении до указанного срока — с тех пор я только и думаю о том, как попасть к нему. Лишенная возможности прибегнуть к чьим-либо советам, я вижу, что я должна на одну себя взять попечение о нашей судьбе, и вот я осмеливаюсь искать облегчение своей скорби, искать надежды на лучшую участь пред вашим сиятельством, пред благородным благодетелем, который всегда милостиво протягивает руку помощи. Удостойте, милостивый государь, о, удостойте своего сочувственного взгляда на жизнь, наполненную горестями, на жизнь, протекающую в непрерывных несчастиях, для которой только в это мгновение мелькнет несколько лучей утешения. Я не осмеливаюсь повергнуть свои мольбы к подножию трона, я чувствую, что просить за Муханова было бы слишком злоупотреблять великодушием, и вот к вам, милостивый государь, я осмеливаюсь обратиться со своей скромной просьбой, к вам — вы мне представляетесь ангелом-утешителем всех скорбей. О, не отвергайте этой мольбы, внушенной желанием, которое сердце ваше не могло бы осудить. Муханов страдает, его мать, сочувствующая нашему браку, доставляет мне эти сведения,— я знаю, что болезнь и страдания подтачивают его жизнь, что, когда сердце друга доведено до самого плачевного состояния, только ласковые заботы могут его поддержать и успокоить.

Благоволите принести к священным стопам нашего августейшего государя мою самую смиренную, самую горячую мольбу, благоволите замолвить обо мне слово и добыть единственное благо, к которому мое сердце и совесть невольно стремятся в этой жизни. Сосланная в дебри Сибири, лишенная всех услад жизни, но связанная с тем, кого избрало мое сердце, на ком почиет драгоценное благословение моей дорогой матери, последнее, увы! что я получила здесь на земле от нее,— наконец я вижу, что желание стольких лет осуществляется; вместе мы будем возносить наши горячие молитвы за благодеяние, за славу, за долголетие счастливой жизни нашего великодуш-

ного императора, того, кого милосердное небо ниспослало к нам в качестве отца, чтобы он научил нас благоговеть, как перед образом его всемогущества, перед его безмерной добротой на этой земле: он, как и всевышний человеколюбец, может одним словом повергнуть душу в радость или отчаяние. Постоянная преданность, самая полная покорность будут руководить малейшим движением нашего сердца и станут единственными двигателями нашего существования. Мы также будем молиться и за вас, ваше сиятельство,— вы своей беспримерной добротой могли бы соизволить нам помочь — молитва благодарности всегда бывает услышана тем, кто освещает милосердие,— это будет лишним цветком того бессмертного венца, который ваши добродетели вам уготовляют на небе.

Благоволите принять выражение всех чувств нашего полного уважения, с каковым имею честь, уважаемый граф, быть самой покорной и преданной слугой вашего сиятельства,

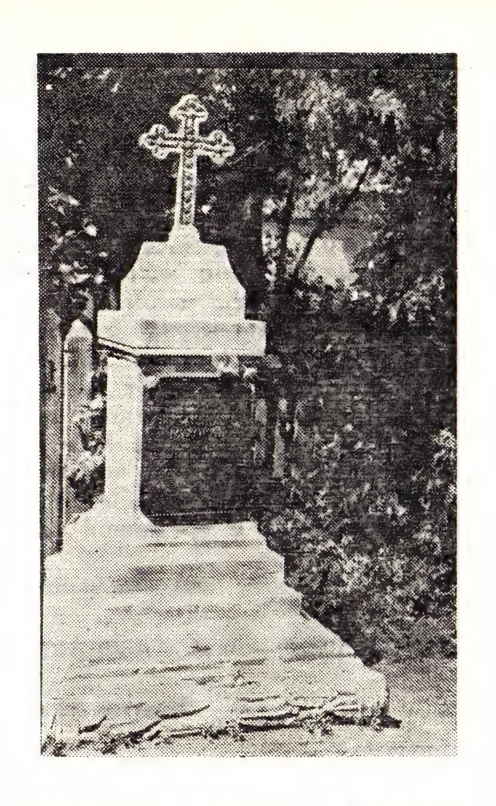
кн. Варварой Шаховской.

4. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ[1] — А. А. АЛЬФОНСКОМУ

Иркутск, 12 февраля 1854 г.

Ваше превосходительство милостивый государь Аркадий Алексеевич!

Тяжело мне быть вестником самого неприятного события, но делать нечего, зная, что известить вас отсюда некому, я имею честь уведомить вас, что почтеннейший Петр Александрович оставил жизнь временную и переселился в вечную. Над ним буквально исполнилось изречение С[вященного] п[исания]: «Вчерашний бо день беседовах с вами и внезапну найдя на мя страшный час смерти». Вчерашний день утром он был у меня, долго сидел, говорил о делах княгини Мадатовой и казался совершенно здоровым, вечером был в гостях, почувствовал себя нехорошо, приехал домой, лег спать, уснул. Сегодня в 4 часа утра услыхали, что он хрипит, пошли посмотреть и нашли его без чувств, послали за медиком, и, несмотря на медицинское пособие, в 5-ть часов он скончался. Доктор думает, что у него от судорог в животе что-нибудь лопнуло, потому что живот очень почернел. Уверен, что вы переда-



ПАМЯТНИК НА МОГИЛЕ П. А. МУХАНОВА
В ЗНАМЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ, ИРКУТСК

дите о кончине П. А. его матушке, равно и вашей достойнейшей супруге.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства милостивого государя покорнейший слуга

Андрей Белоголовый.

P. S. Петр Александрович даже сегодня утром принял капли и припарку к животу, это было в 4 часа, а в 5-ть его уже не существовало. Жаль достойнейшего, да упокоит его господь на лоне праведных и сотворит ему вечную память.

5. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ — Е. А. АЛЬФОНСКОЙ

Иркутск, 19 апреля 1854 г.

Ваше превосходительство милостивая государыня
Екатерина Александровна.

Почтеннейшее письмо ваше от 16 марта я имел честь получить.

Вполне сочувствую горести вашей о потере незабвенного братца вашего Петра Александровича. Я не смею утешать вас, становя выше человеческих утешений постигшее вас несчастие, и надеюсь, что милосердный господь, послав вам крест, пошлет и силы перенести его. Скажу вам одно, что достойнейший друг мой Петр Александрович оставил здесь по себе самую прекрасную память, никто иначе не отзовется об нем, как с сожалением и искренним уважением, ум и доброта души его создали себе самый прочный и великолепный памятник.

Ликвидацию дел его принял на себя товарищ его С[ергей] Г[ригорьевич] В[олконский], и по расчету, им сделанному, всех долгов неоплаченных остается за покойным до 4 т[ысяч] рублей сер., и если продадутся подаренные ему княгиней Софьей Александровной 7 паев в ее приисках, так суммы этой будет с преизбытком, и тогда прах покойного будет успокоен.

Тело Петра Александровича похоронено в ограде Знаменского девичьего монастыря, и над ним памятник и чугунная решетка заказаны Марьей Александровной, и она нипочему не хочет принять в этом ничьего участия, а делает все от себя, следовательно, могила его сохранится очень, очень надолго.

Осиротевший друг его Марья Александровна остается до сих пор неутешною, и горесть ее так уважительна, что если бы были у нее враги, так и те бы сочувствовали ей. Нет слов выразить сожаления и о престарелой матушке вашей, потерявшей надежду увидеться в здешней жизни с страдальцем сыном своим. Марья Александровна, устроивши здесь дела свои, намеревается уехать к вам, чтобы вместе провести остаток жизни, вспоминая незабвенного.

Душевную приношу вам благодарность за внимание и попечение ваши о сыне моем Николае[1], я ему писал, чтоб он непременно бывал у вас, он мне все отзывается занятиями, и, слышав стороною об его прилежании и поведении, я вполне доверяю ему. Но прошу вас, как мать, не

оставить его вашим снисходительным расположением, надеюсь, что он заслужит это.

Покорнейше вас прошу передать мое душевное почтение достойнейшему супругу вашему его превосходительству Аркадию Алексеевичу.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства милостивой государыни покорнейший слуга

Андрей Белоголовый.

КОММЕНТАРИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ВОЕННО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Замечания на статью «Бой под Смоленском»

Подлинник не обнаружен. Дается по единственной публикации в журнале «Сын отечества» (1823, ч. 85, № XV, 14 апр., отд. 2, Критика, с. 12—24. Подпись: П. Муханов)

[1] Сын отечества. 1823. Ч. 84. № XIII. 24 марта. С. 193—207. Подпись: Н. И. К. (Н. И. Кутузов, коллежский советник, член Союза благоденствия).

[2] *Бутурлин Дмитрий Петрович* (1790—1849), русский военный историк, ген.-майор (с 1824 г.), печатал отрывки из своего будущего труда «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г.» (Спб., 1823—1825, т. 1—2). Об одном из таких отрывков, напечатанных в «Сыне отечества» (1822, ч. 81, № XLIV, с. 159—179), и идет речь.

[3] После занятия Вильны войска неприятеля двигались тремя параллельными дорогами между 1-й и 2-й русскими армиями, не давая им соединиться. Корпус маршала Франции *Луи Никола Даву* (1770—1823) шел на Молодечно—Минск—Игумен—Могилев—Красный—Смоленск, а корпус Вестфальского короля *Жерома* (Иеронима) *Бонапарта* (1784—1860) — на Свенцяны—Дриссу—Полоцк—Бешенковичи—Красный—Смоленск. По третьей дороге во главе войск шел король Неаполитанский маршал Франции *Иоахим Мюрат* (1767—1815). Во главе 2-й русской армии, неоднократно делавшей попытки соединиться с 1-й армией для генерального сражения, стоял ген. от инфантерии, кн. *Петр Иванович Багратион* (1765—1812).

[4] 1-й армией командовал тогда военный министр, ген. от инфантерии, кн. *Михаил Богданович Барклай де Толли* (1761—1818). Армия, испытывая затруднения, маневрировала и вынуждена была отойти к Дриссе, к укрепленному военному лагерю, слабость которого была ясна обоим русским командующим. Поэтому-то Барклай, прибывший туда с армией, вынужден был дать команду на отход.

[5] При Молеве-болоте 8 авг. 1812 г. кавалерийский отряд ген. от кавалерии *Матвея Ивановича Платова* (1751—1818) наголову разбил

дивизию из корпуса генерала Франции Себастьяни.

[6] *Неверовский Дмитрий Петрович* (1771—1813), ген.-лейтенант, 14 авг. его дивизия, состоявшая всего из семи тысяч новобранцев, сутки удерживала Смоленск от главных сил французов, успешно отбив 45 атак отборной конницы Мюрата.

[7] *Раевский Николай Николаевич* (1771—1829), ген.-лейтенант, командовал 7-м корпусом. Придя на помощь Д. П. Неверовскому, еще сутки защищал корпусом Смоленск. В дальнейшем прославился на Бородинском поле защитой центральной батареи.

[8] Дарий III, последний персидский царь (336—330 до н. э.), в конце 335 г. завоевал Египет. Возглавляемая им персидская армия была разгромлена войсками Александра Македонского.

[9] *Квинт Курций Руф*, римский историк, написавший «Историю Александра Великого» в 10 книгах.

[10] Царево-Займище — селение в бывшей Смоленской губ., на Смоленской дороге, в 15 км от г. Гжатска, куда прибыл к армии назначенный главнокомандующим М. И. Кутузов и где предполагалось дать сражение французской армии.

[11] *Дохтуров Дмитрий Сергеевич* (1756—1816), ген. от инфантерии, командовал корпусом, который сменил корпус Н. Н. Раевского, а потом последним оставлял Смоленск.

[12] *Витгенштейн Петр Христианович* (1769—1843), гр., ген.-фельдмаршал (с 1826 г.), в 1812 г. командовал 1-м пехотным корпусом, прикрывавшим Петербург. Активные маневры корпуса сковывали действия сразу трех французских корпусов, чем немало помогали остальным русским войскам.

[13] 3-й (южной) армией командовал *Александр Петрович Тормасов* (1752—1819), гр., ген. от кавалерии.

Замечания на ответ господина К.

Подлинник не обнаружен. Дается по единственной публикации в журнале «Сын отечества» (1823, ч. 85, № XVIII, 5 мая, отд. 2, Антикритика, с. 161—175. Подпись: П. Муханов)

[1] Сын отечества. 1823. Ч. 85. № XVI. 21 апр. Отд. 2. Антикритика. С. 63—83.

[2] *Жомини Антуан Анри* (Генрих Вениаминович) (1779—1869), военный теоретик и историк, с 1813 г. на русской службе, ген. от инфантерии (1826).

[3] *Карл-Людвиг Иоанн* (1771—1847), австрийский эрцгерцог и полководец. В 1809 г. стоял во главе всех австрийских армий в войне против Наполеона и однажды даже одержал победу над французскими войсками при Асперне. Его сочинения представляли определенный интерес для военных историков.

[4] Выдающиеся полководцы: Древнего мира — *Александр Македонский* (356—323 до н. э.); Карфагена — *Ганнибал Барка* (247 или 246—183 до н. э.); Древнего Рима — *Цезарь Гай Юлий* (102 или 100—44 до н. э.); Монгольской империи — *Чингисхан* (Темучин) (1155—1227); Средней Азии — *Тимур* (Тамерлан) (1336—1405).

[5] На эти замечания вновь последовали «Возражения на замечания г. Муханова г. К.» (Сын отечества. 1823. Ч. 85. № XIX. 12 мая. Отд. 2. Антикритика. С. 213—231), на которые Муханов не отвечал.

История же Измайловского полка, написанная Н. И. Кутузовым, так и осталась в рукописи. Часть ее использовал А. В. Висковатов при написании «Исторического обозрения л.-гв. Измайловского полка. 1730—1850» (Спб., 1851).

СТАТИСТИКА РОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ

Новейшие статистические сведения о Курской губернии

Подлинник не обнаружен. Дается по единственной публикации в журнале «Сев. архив» (1824, ч. 10, № X, с. 187—198. Подпись: П. М.)

[1] Эта статья, как и две последующие, дана без уточнения и исправления географических и территориальных названий районов, городов, населенных пунктов в соответствии с их нынешним положением.

[2] *Зябловский Евдоким Филиппович* (1763—1846), профессор статистики в Петербургском университете, автор трудов «Статистическое описание Российской империи с обозрением Европы в статистическом виде» (Спб., 1808, 2-е изд. в 1815 г.), «Новейшее жизнеописание Российской империи» (Спб., 1807 и 1818) и т. д.

[3] Миля — единица длины, имевшая распространение в национальных неметрических единицах и применяемая ныне в морском деле. Старая русская миля равна 7, 46760 км. Ныне морская миля равна 1,852 км.

[4] *Вихман Бурхард-Генрих* (1786—1822), лифляндский дворянин, в 1814—1815 гг. секретарь и библиотекарь гр. Н. П. Румянцева; собиратель книг по истории России, путешествиям; публиковал в «Сыне отечества» статьи, содержащие описания российских областей.

[5] *Арсеньев Константин Иванович* (1789—1865), статистик, историк и географ, автор лекций «Начертание статистики Российского государства» (в 2 ч., Спб., 1818—1819); труда «Краткая всеобщая география» (Спб., 1818); «Обозрение физического состояния России и выгод, от того проистекающих, для народных промыслов, ныне существующих», и т. д.

[6] Обер-форштмейстер — должность главного лесничего при дворе.

[7] Десятина — старая русская поземельная мера. Казенная десятина равнялась 2400 квадратным саженям (1,0925 га).

[8] Четверть — старая мера объема сыпучих тел, главным образом зерна, круп, муки. Размер ее часто менялся. К концу XVIII в. она равнялась 8 пудам.

[9] В среднеземледельческом районе России одной из наиболее известных была Коренная ярмарка в Курске, длившаяся 20 дней от 9-й пятницы пасхи (примерно май — начало июня).

Новейшие статистические известия о Могилевской губернии

Подлинник не обнаружен. Дается по единственной публикации в журнале «Сев. архив» (1824, ч. 12, № 19, с. 13—23. Подпись: П. Муханов)

[1] Имеются в виду Валдайская (Алаунская) возвышенность и прилегающие к ней районы.

Новейшие статистические сведения о Тамбовской губернии

Подлинник не обнаружен. Дается по единственной публикации в журнале «Сев. архив»

(1824, ч. 12, № 23—24, с. 240—259. Подпись П. М.)

[1] Ведро — русская мера объема жидкостей, применявшаяся до введения метрической системы мер. 1 ведро равно 1/40 бочки= 4 четвертям=12,299 л.

КАВКАЗСКИЕ ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ПОВЕСТЬ

*Красный мост.— Воспоминание о Гильденштедте (Письмо к Р***)*

Подлинник не обнаружен. Дается по единственной публикации в журнале «Московский телеграф» (1825, ч. 8, отд. 2, Изящная словесность, с. 57—68. Подпись: П. Муханов)

[1] *Гильденштедт Антон Иоанн* (1744—1781), русский врач, естествоиспытатель, путешественник, академик Петербургской Академии наук (1771). Занимался изучением Кавказа. Основное сочинение: Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия академика Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 гг. Спб., 1809.

[2] *Ростан* (Ростом, 1605—1658), 12-й грузинский царь Имеретии, правил в 1634—1658 гг.

[3] Гемисфера — полушарие земли.

[4] Имеется в виду Вест-Индская компания, существовавшая с начала XVII до XIX в. Большинство владений этой компании в дальнейшем было захвачено соперниками голландцев англичанами.

[5] *Ермолов Алексей Петрович* (1772—1861), герой Отечественной войны 1812 г., ген. от артиллерии (1817), в 1816 г. назначен командиром Грузинского (позже Кавказского) корпуса и одновременно чрезвычайным и полномочным послом в Иране. С 1819 г. также главнокомандующий в Грузии, руководил завоеванием Северного Кавказа, одновременно охраняя «выгоды сей области».

[6] *Клапрот Генрих* (1783—1835), знаменитый ориенталист и путешественник.

[7] *Гумбольдт Александр* (1779—1859), немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, почетный член Петербургской Академии наук. Протеем его нередко называли за проницательность гения, предсказавшего отдельные научные открытия. В 1799—1804 гг. путешествовал по Центральной и Южной Америке. В 1829 г. совершил путешествие по России — на Урал, Алтай и к Каспийскому морю. По Омской обл. его сопровождал сосланный в Сибирь декабрист С. М. Семенов. Гумбольдт чрезвычайно высоко отозвался о знаниях своего сопровождающего.

[8] Так назывался существовавший при армии Наполеона во время ее похода в Египет Египетский институт, способствовавший вывозу оттуда культурных ценностей. В дальнейшем — один из известных научных институтов Франции. Наполеон сумел привлечь к своему делу таких ученых, деятелей науки и культуры, как *Монж Гаспар* (1783—1818), французский геометр; *Бертолле Клод Луи* (1748—1822), один из знаменитых химиков-теоретиков; *Фурье Жан Батист Жозеф* (1768—1829), известный французский математик; *Нурри Луи* (1780—1831), певец, лучший тенор времен Наполеона; *Ноэль Жан Франсуа Мишель* (1755—1841), лексикограф, автор французской грамматики; *Ларрей Доминик Жан* (1766—1842), выдающийся французский военный хирург; *Фирар Филипп Анри* (1775—1845), французский изобретатель; *Андреосси Антуан Франсуа* (1761—1828), французский генерал и дипломат, и другие.

[9] *Паллас Петр Симон* (1741—1811), естествоиспытатель, географ и путешественник, член Петербургской Академии наук (1767). Основной труд: Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1773—1788. Ч. 1—3.

[10] Академик — М. В. Ломоносов.

[11] *Лодер Иоганн*, пастор — по-видимому, отец известного в России в первой четв. XIX в. врача *Х. И. Лодера* (1753—1832).

[12] *Меккель Иоанн* (1714—1774), с 1751 г. профессор анатомии в Берлине. Известны его работы в области периферической нервной системы.

[13] *Гледич Иоганн Готлиб* (1715—1786), немецкий ботаник и лесовод.

[14] *Гмелин Самуил Готлиб-младший* (1745—1774), путешественник-натуралист, в 1768 г. предпринявший путешествие для изучения прикаспийских стран.

[15] *Ираклий II* (1720—1798), грузинский царь (с 1761 г.), при нем впервые был заключен Георгиевский трактат (1783) о покровительстве России над Вост. Грузией.

[16] *Эристов Давид Георгиевич*, кн., выехавший в Россию в 1724 г. и принявший российское подданство.

[17] *Соломон I* (ум. 1782), имеретинский царь, стоявший за присоединение Имеретии к России. При нем был заключен Кучук-Кайнарджийский мир (1774), которым кончилась война с Портой, и Россия получила влияние на Балканах.

[18] *Эйлер Иоанн-Альбрехт* (1734—1800), старший сын одного из величайших математиков Л. Эйлера, математик и астроном, с 1766 г. профессор физики и секретарь Петербургской Академии наук.

Елисаветпольская долина (Письмо из Грузии)

Подлинник не обнаружен. Дается по единственной публикации в журнале «Московский телеграф» (1826, ч. 8, отд. 1, с. 28—32. Подпись: — въ. Москва, октября 29 д[ня]). Авторство очерка установил В. А. Салинка по рукописи «Опыт словаря русских анонимов и псевдонимов» С. Д. Полторацкого (*ГБЛ*. Ф. 233, 80. 10. Л. 34)

[1] Муханов двигался к Карабаху Кура-Араксинской низменностью, примерно нынешней автомобильной дорогой Тбилиси—Ганжа. Об-

ширное безлесное пространство, которое нельзя было орошать каналами из-за высоких берегов Куры, делало эту землю мало пригодной для жизни и земледелия.

[2] Муханов говорит о Военно-Грузинской дороге и ее продолжении на юг, строительство которой возобновилось русскими войсками после присоединения Грузии к России в 1801 г.

[3] Ганжа, Гянджа — до 1804 и в 1918—1935 гг.; в 1804—1918 гг.— Елисаветполь, отсюда и Елисаветпольская долина. Город у сев.-вост. подножия Малого Кавказа на р. Гянджачай (бассейн р. Куры). Основан в V в. В 1138 г. разрушен землетрясением, после чего перенесен на новое место. В XII—XIII вв. крупный торгово-ремесленный и культурный центр Азербайджана. Неоднократно подвергался захвату и разрушению персами, турками, татаро-монголами. В XVIII в. центр Гянджинского ханства. В янв. 1804 г. присоединен к России и переименован в Елисаветполь.

[4] Ныне поселок городского типа Дзегам Шамхорского района Азербайджанской ССР.

[5] Шамхор (Шамкур, Шамкир), город, центр Шамхорского района. Древний город. В середине VII в. был взят арабскими войсками. Позднее находился под властью эмиров Гянджи. В 1235 г. был разрушен монголо-татарами. В XVI—XVII вв. находился под властью кызылбашских правителей. В 1803 г. присоединен к России.

*Взятие Ганжи (Письмо к Р***)*

Подлинник не обнаружен. Дается по единственной публикации в журнале «Московский телеграф» (1825, ч. 5, отд. 2, с. 242—250. Подпись: П. Муханов)

[1] Речь идет о *Павле Дмитриевиче Цицианове* (1754—1806), кн., ген. от инфантерии (1804). С 1786 г. командир Петербургского гренадерского полка, участник 2-й турецкой войны. В 1802 г. назначен инспектором пехоты на Кавказ, астраханским военным губернатором и главнокомандующим в Грузию. Активно участвовал в присоединении Грузии к России. Убит при осаде крепости Баку в 1806 г.

[2] Имеются в виду Азовские походы Петра I (1695—1696), в результате которых был взят Азов и Россия вышла на берега Азовского моря.

[3] Сарагосса — главный город испанской провинции в Арагонии, прославилась обороной в войне с французами (начало 1809 г.), была взята после жестоких потерь с обеих сторон.

[4] Бунчук (бунчуг, тюрк.) — длинное древко с металлическим шаром или острием, прядями конских волос и кистями на верхнем конце.

[5] *Портнягин Семен*, ген.-майор, в службе с 1773 г., до прибытия на Кавказ служил в 3-м Чугуевском регулярном казачьем войске, в 1795 г. премьер-майор кавалерийского карабинерного полка. *Карягин Петр*, полковник, в службе с 1774 г., до сражения под Ганжой командир 4-го батальона Кавказского егерского корпуса.

Ули (Восточная повесть)

Подлинник не обнаружен. Дается по единственной публикации в журнале «Московский телеграф» (1825, ч. 5, прибавление к № XVII, сент., с. 343—347. Подпись: ZZ)

[1] Тимпан — древний музыкальный ударный инструмент, предшественник литавр.

[2] Исфахан (Испагань) — древнейший город в центре Ирана, второй после Тегерана экономический центр страны. Упоминается еще у античных авторов (например, Птолемея) под названием Аспадана. Много архитектурных памятников и памятников древности.

[3] Дервиши (перс., буквально — бедняк, нищий), мусульманские мистики. Объединяются в общины и ордена.

[4] Мирза — в Иране титул членов царствующего дома.

[5] Кади — судья, судопроизводитель на Востоке.

[6] Хорассан, Карборех, Кашмир — места паломничества в Иране и Индии.

[7] Шираз — главный город персидской провинции Фарсистан, некогда богатый город, служил резиденцией персидских халифов.

МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЗАИКА

Первый выезд на бал

Подлинник не обнаружен. Печатается по единственной публикации в Прибавлении к «Московскому телеграфу» (1825, ч. 6, № VI, с. 93—97). Автор устанавливается по псевдониму ZZY и списку Муханова (*ЦГАОР*. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 1), в котором название очерка стоит под № 1

[1] Тупей (франц.) — взбитый хохол на голове. Тупейный гребень — редкий, для прически.

[2] Жонкиль (от франц. jonquille) — нарцисс.

[3] Капли Гофмана (гофманские капли), по имени известного врача середины XVIII в. Фридриха Гофмана. Имеют успокаивающий характер.

[4] Ток — женский головной убор.

[5] Венера Медицейская — статуя в Музее Уффици во Флоренции.

[6] Разбойник Шварцвальдских лесов — один из занимательных романов того времени «Разбойник поневоле или незнанию, или Ужасы лесов Шварцвальдских». Соч. Кювелье / Пер. с франц. Изд. 2-е. М., 1818.

[7] *Расин Жан Батист* (1639—1699), французский драматург. *Россини Джакомо* (1792—1868), знаменитый итальянский композитор.

Разговор двух покойников

Подлинник не обнаружен. Печатается по единственной публикации в «Московском телеграфе» (1825, ч. 1, № III, с. 210—214). Автор устанавливается по псевдониму ZZ

Женские слезы

Подлинник не обнаружен. Печатается по единственной публикации в Прибавлении к «Московскому телеграфу» (1825, ч. 1, № III, с. 39—43). Автор устанавливается по псевдониму ZZ и списку Муханова, в котором название очерка стоит под № 3

[1] Аристархить — критиковать (по имени древнегреческого критика II в. до н. э. Аристарха).

[2] Г-жи Арманд, Мегрон — владелицы модных магазинов в Москве.

[3] Селадон — герой романа д'Юрфе «Астрея», появившегося в 1619 г. Имя, сделавшееся нарицательным, означающее томящегося любовника.

Невесты

Подлинник не обнаружен. Печатается по единственной публикации в Прибавлении к «Московскому телеграфу» (1825, ч. 1, № IV, с. 59—62). Автор устанавливается по псевдониму ZZ

[1] Геба — богиня юности у древних греков. Терпсихора — муза танцев.

Светлая неделя

Подлинник не обнаружен. Печатается по единственной публикации в «Урании», карманной книжке на 1826 год для любительниц и любителей российской словесности, изданной М. Погодиным (М., 1826, с. 288—303). Автор устанавливается по псевдониму ZZ, свидетельству М. П. Погодина и списку Муханова, в котором название очерка стоит под № 4

[1] Светлая — пасхальная неделя.

[2] Знаменитые московские гуляния под Новинским монастырем (ныне район ул. Чайковского, Садовое кольцо).

[3] Гарпагон — герой комедии Мольера «Скупой», здесь — в нарицательном значении.

Три генеральши

Печатается по черновику, видимо, незаконченной рукописи из «тетради» Муханова (*ЦГАОР*. Ф. 1707, Оп. 1. Д. 2. Л. 20а, 20, 27, 28—31 об.)

[1] Киприда (Киприада) — Афродита, богиня любви в греческой

мифологии, прозванная так по острову Кипр, на котором особенно процветает ее культ и устраиваются большие праздники.

[2] Сатурн — в древнеримской мифологии бог посевов. Отождествляется с древнегреческим богом Кроносом, которого как раз и изображали, как бородатого старца.

Сборы на бал

Подлинник не обнаружен. Печатается по единственной публикации в Прибавлении к «Московскому телеграфу» (1825, ч. 1, № II, с. 17—24).
Автор устанавливается по псевдониму ZZ и списку Муханова, в котором название очерка стоит под № 8

[1] «Дамский журнал» издавался кн. П. И. Шаликовым в Москве в 1823—1833 гг.

[2] Польский — танец, которым нередко открывался бал.

[3] Весталки — жрицы богини Весты, покровительницы семейного очага.

[4] Капот — женское платье с рукавами и разрезом впереди.

[5] Флёр (нем.) — прозрачная реденькая ткань; флёровое покрывало, фата.

Дядюшка, или В наше время все было лучше

Подлинник не обнаружен. Печатается по единственной публикации в «Московском телеграфе» (1827, ч. 2, № IX, с. 18—29). Без подписи.
Принадлежность автору установлена В. А. Салинкою по списку Муханова, в котором название очерка стоит под № 9

[1] Бригадир — офицерский чин в русской армии (1722—1799), промежуточный между полковником и ген.-майором.

[2] Секунд-майор — воинский чин в русской армии (1731—1797), следовавший за чином капитана.

[3] Генеральс-адъютант — чин в русской армии, введенный Петром I для лиц, состоящих старшими адъютантами при ген.-фельдмаршалах, их помощниках и при полных генералах.

[4] *Руссо Жан Жак* (1712—1778), французский философ-просветитель, писатель, композитор.

[5] *Вольтер* (Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), выдающийся французский писатель, философ-просветитель, историк. Наряду с идеалом просвещенной монархии выдвигал идеал республики, символом которой как раз и была красная шапка.

[6] Ремонт — в кавалерии заготовка лошадей, пополнение ими полков. Здесь — привод нескольких новых лошадей.

[7] Пикинеры (копейщики) — пешие и конные воины в русском войске (XVI—нач. XVIII в.), их основное оружие — длинное (3—4 м) копье (пика).

[8] Декур-майор — воинское звание штаб-офицера в русской армии (XVII—XVIII вв.).

Визитные билеты

Подлинник не обнаружен. Печатается по единственной публикации в «Радуге», литературном альманахе на 1830 г., изд. П. Араповым и Д. Новиковым (М., 1830, с. 282—288).
Принадлежность автору установлена В. А. Салинкою по упоминанию названия очерка («Визитные карточки») в записке Муханова М. П. Погодину и по псевдониму Z

[1] Здесь иронически: Покровка (ныне ул. Б. Хмельницкого и Чернышевского) находилась в пределах бульварного кольца. Кудрино уже было почти окраиной Москвы, у границы Земляного вала (ныне Садово-Кудринская ул., часть Садового кольца), а Калужские ворота — в противоположном конце Москвы, за ее чертой.

[2] Ливрейный — лакей, одетый в специальную одежду с выпушками, шерстяными аксельбантами, иногда с гербом господина на галунах.

[3] Тюрьма, названная по соседствующей с ней Бутырской заставе. В конце XVIII в. на месте старого острога по проекту М. Ф. Казакова был сооружен Губернский тюремный замок, отсюда — Бутырский замок.

[4] Аргус — в древнегреческой мифологии многоглазый великан, которого Гера приставила стеречь возлюбленную Зевса. Здесь — в смысле недремлющего стража.

Мысли и замечания в духе Лабрюйера

Подлинник не обнаружен. Печатается по единственной публикации в «Московском телеграфе» (1825, ч. 2, № VI, с. 146—147).
Принадлежность автору установлена по псевдониму ZZ

[1] *Лабрюйер Жан де* (1645—1696), французский писатель, сатирик-моралист, саркастически изображавший людей и нравы своей эпохи.

[2] *Плутарх* (ок. 46—ок. 127 н. э.), древнегреческий писатель, историк и философ-моралист.

Письмо М. В. Ломоносова к И .И. Шувалову

Подлинник не обнаружен. Печатается по публикации в «Московском телеграфе» (1825, ч. 5, № XVIII, с. 131—136).

[1] *Шувалов Иван Иванович* (1727—1797), государственный деятель и меценат, фаворит имп. Елизаветы; пользуясь своим влиянием, содействовал М. В. Ломоносову в открытии Московского университета.

[2] О находке Муханова см. с. 193—194 наст. издания.

[3] *Цицерон Марк Туллий* (106—43 до н. э.), древнеримский политический деятель, оратор, писатель. Человеческий идеал Цицерона — «первый человек республики», «умиротворитель», «блюститель и попечитель» в эпохи кризисов.

[4] *Штелин Якоб* (1712—1785), один из крупных деятелей Петербургской Академии наук в первом периоде ее существования. Работал в области гравирования, изобретения фейерверков и иллюминаций.

[5] Проняться — здесь в смысле обойтись.

[6] В начале янв. 1855 г. Ломоносов составил и «Регламент московских гимназий», в результате чего 24 янв. того же года был опубликован указ об учреждении Московского университета и двух гимназий при нем (для дворян и разночинцев). Одним из кураторов университета стал И. И. Шувалов (Летопись Московского университета. 1755—1979. М., 1979. С. 17).

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

1

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 17—18
По содержанию можно предположить, что это отрывок из очерка (повести) «Ходок по делам»

[1] *Апостол Андрей* — первый проповедник христианства на Руси, покровитель России.

[2] Английский клуб — самый аристократический и самый старый из московских клубов, созданный в 1770-х гг.

2

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 9 об.—10.
Автограф
Наброски очерка «Журналы».

3

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 11. Автограф.
Наброски очерка «Отставные офицеры».

4

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 12. Автограф.
Отрывок может принадлежать очерку «Три генеральши».

5

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об. Автограф

6

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 14. Автограф

[1] Мериносы — порода овец с однородной тонкой шерстью.

7

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 15. Автограф

8

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 15. Автограф

[1] *Канова Антонио* (1757—1822), итальянский скульптор-классицист.

9

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 16. Автограф

10

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 2. Л. 19. Автограф

ЗАПИСКИ О СИБИРИ

Морское плавание намоллов на байдарах

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—3, без подписи.
Рукопись выполнена переписчиком неизвестной руки, набело

Этнографические заметки Муханова «Морское плавание намоллов на байдарах» и «Мамонтовая кость» (см. ниже) посвящены намоллам — азиатским эскимосам, живущим на побережье Чукотского полуострова. Муханов, по всей видимости, заимствовал сведения о них из работ Ф. П. Врангеля и Ф. П. Литке. У последнего он заимствовал и термин «намоллы».

[1] Фут — единица длины русской системы мер, отмененной в 1918 г., равна $^1/_7$ сажени = 12 дюймам = 0,3048 м.

[2] Лахтак — шкура моржа, сивуча или тюленя, снятая вместе с салом; выделанная шкура морского зверя.

[3] Бейдевинд — курс парусного судна при встречно-боковом ветре, когда угол между продольной осью судна и линией направления ветра меньше 90°.

Мамонтовая кость

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 9. Л. 1—3, без подписи.
Автограф. Рукопись не окончена.

[1] *Врангель Фердинанд Петрович* (1796—1870), русский мореплаватель, адмирал, один из учредителей Русского географического общества. В 1817—1819 гг. участвовал в кругосветном плавании В. М. Головина на шлюпе «Камчатка». Исследователь Севера, Камчатки, в 1829—1835 гг. правитель русских поселений в Америке, в 1840—1849 гг. директор Российско-Американской компании. Был противником продажи Аляски США. Именем Врангеля названы остров в Сев. Ледовитом океане, гора и мыс на Аляске. Автор книги «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (ч. 1—2, 1841 и 1848 гг. издания) и нескольких работ о народах сев.-зап. Америки, с которыми, видимо, и был знаком Муханов.

[2] *Решетников* — один из участников экспедиции 1820—1824 гг,

по изучению северо-восточной Сибири под руководством Ф. П. Врангеля.

[3] Вероятно, *Мартемьян Яковлевич Сипягин* (1737—1803), вице-адмирал, участник ряда северных экспедиций.

[4] Пироскафы — первые парусные суда с паровой машиной.

О том, чтобы не было дороговизны в хлебе, то закупать его на два или на три года

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—7, без подписи.
Автограф. Статья не окончена, без даты.
Скорее всего, написана в 1837—1838 гг.

Положение политических ссыльных в Иркутской губернии

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—4, без подписи.
Автограф. Статья не окончена, без даты.
Скорее всего, написана в 1845—1846 гг.

[1] Речь идет о приговоре Верховного уголовного суда от 10 июля 1826 г.

[2] *Колесников Василий Павлович (Петрович)* (1804—1862), портупей-прапорщик Оренбургского гарнизонного полка, секретарь Оренбургского тайного общества. Арестован, приговорен к 12 годам каторжных работ, срок сокращен до 6 лет.

О влиянии золотопромышленности на ценность хлеба, припасов съестных и работников в Восточной Сибири

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—7, без подписи.
Статья не окончена, без даты.
Скорее всего, написана в середине 1840-х гг.

Золотопромышленность, как один из способов добывания средств на жизнь, привлекала Муханова еще с конца 1830-х гг. Ею он интересовался и в последующем, когда уговаривал родственников заняться выгодным приобретением приисковых акций. Наконец, уже в конце 1840-х гг. он негласно занимался золотопромышленными делами С. А. Мадатовой.

[1] *Соймонов Федор Иванович* (1682—1780), навигатор и гидрограф. Во второй половине 1750-х гг. сибирский губернатор. Написал ряд работ о Сибири. В 1761 г. в петербургском журнале «Ежемесячные сочинения» была напечатана его статья «Сибирь — золотое дно».

Заметки о Сибири

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—2.
Черновик письма родным от 8 нояб. 1849 г. из Иркутска

[1] Кашгар — в то время небольшой купеческий городок на самом западе Китайской империи. Расположен близ границ с Россией, с которой кашгарские купцы вели активную торговлю.

Просвещение и образованность (о постановке) народного образования в Восточной Сибири)

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—26, без подписи. Статья не окончена. Муханов работал над ней, по-видимому, в конце 1840-х — нач. 1850-х гг., когда в основном перебрался на жительство в Иркутск

Вероятно, в подборе материалов для статьи Муханову способствовала начальница Иркутского женского института М. А. Дорохова.

ПИСЬМА

1. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ. Ф. 254. Кн. 12. Л. 1—2 об. Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975. Т. 1. С. 184

[1] *Муравьев Николай Николаевич* (1794—1866), второй сын ген.-майора Н. Н. Муравьева. Был членом преддекабристской организации «Священная артель». В начале 1820-х гг. полковник Муравьев находился на Кавказе, при штабе главнокомандующего в Грузии А. П. Ермолова. В 1823 г. был назначен командиром 7-го карабинерного полка. Поддерживал тесные дружеские связи со многими декабристами, противник крепостного права. В дальнейшем видный русский военный деятель, ген. от инфантерии, за взятие турецкой крепости Карс в 1855 г. получил приставку к фамилии Карский.

[2] По всей видимости, это Б.-Г. Вихман (см. примеч. 4 к с. 423 наст. изд.) и *Петр Иванович Кеппен* (1793—1864), известный этнограф и географ, с 1843 г. академик, один из учредителей Имп. географического общества.

[3] *Греч Николай Иванович* (1787—1867), беллетрист и журналист, издатель журнала «Сын отечества», вместе с Ф. В. Булгариным в 1831—1859 гг. издавал «Сев. пчелу». Был дружен со многими декабристами, но впоследствии перешел на службу реакции. Автор мемуаров.

[4] *Мейендорф Егор* (Георгий) *Федорович* (1794—1879), полковник, участник Отечественной войны, принадлежал к кругу знакомых Н. Н. Муравьева, впоследствии ген.-адъютант, ген. от кавалерии.

[5] *Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич* (1778—1852), адмирал, участник кругосветного плавания 1803—1806 гг., руководитель кругосветной экспедиции 1819—1821 гг., открывший Антарктиду. *Лазарев Михаил Петрович* (1788—1851), адмирал, командир шлюпа «Мирный» в той же экспедиции. В указанное время оба — капитаны II ранга.

[6] Книга Н. Н. Муравьева-сына «Путешествие в Туркмению и в Хиву гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева» издана в 1822 г. в Москве.

[7] *Корсаков Семен Николаевич* (1787—1853), участник Отечественной войны 1812 г., в дальнейшем чиновник Министерства юстиции и внутренних дел, автор работ, посвященных описанию рек

Европейской России. Автор записки о числе жертв 14 декабря 1825 г.

[8] В сентябре 1821 г. в Бешенковичах проходил большой смотр Гвардейского корпуса. 15-месячный «карантин» для него закончился только в мае следующего года.

[9] *Хатов Александр Ильич* (1780—1846), с 1810 г. полковник, директор училища колонновожатых в Петербурге. Гнев вызван, видимо, соперничеством между начальниками училищ.

[10] *Самойлов Николай Александрович* (ум. 1842), в 1817 г. участвовал в посольстве А. П. Ермолова в Иран. С 1821 г. флигель-адъютант.

[11] *Воейков Николай Павлович* (1800—1871), товарищ Муханова по училищу колонновожатых, затем адъютант Ермолова, штабс-капитан Московского полка. Был близок к декабристам.

[12] *Гораций* (Квинт Гораций Флакк) (65—8 до н. э.), римский поэт.

2. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 1
Сиверс. С. 154—156

[1] *Муханова Наталья Александровна* (урожд. Саблукова, 1779—1855), с 1797 г. замужем за полковником *Александром Ильичом Мухановым* (1766—1815). Письма к матери Петр Александрович всегда писал по-русски.

[2] *Шаховской Валентин Михайлович* (1801—1850). В нояб. 1817 г. окончил училище колонновожатых в Москве и произведен в прапорщики в свиту его величества по квартирмейстерской части; в чине поручика в 1823 г. переведен в л.-гв. Конно-егерский полк и назначен адъютантом к гр. М. С. Воронцову. В нояб. 1824 г. женился на *Елизавете Александровне Мухановой* (1801—1836), младшей сестре декабриста. В 1827 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана. С 1839 г. младший директор Государственного коммерческого банка; ст. сов. (1849). После смерти жены и до своей смерти был главным опекуном Муханова.

[3] *Муханова Екатерина Александровна* (1800—1876), старшая сестра декабриста, вышедшая в 1830 г. замуж за А. А. Альфонского.

[4] *Шнауберт Карл Андреевич*, профессор Московской медико-хирургической академии; *Пикулин Лука Егорович*, известный в Москве врач-практик.

[5] Речь идет о переводе Муханова в корпус Н. Н. Раевского. *Раевский Николай Николаевич (1771—1829)*, герой Отечественной войны 1812 г., ген.-лейтенант, командовал до 1824 г. 7-м пехотным корпусом, главная квартира которого находилась в Киеве. Уволен с должности 25 нояб. 1824 г. Отец М. Н. Волконской.

[6] *Муханов Павел Александрович* (1797—1871), старший брат декабриста, поручик 1-го Украинского полка, адъютант командира 5-го пехотного корпуса А. П. Толстого, впоследствии попечитель Варшавского учебного округа и главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел царства Польского, член Гос. совета (1861), председатель Археографической комиссии.

[7] Жилинские — кредиторы Муханова в Петербурге.

[8] *Дибич Иван Иванович* (1785—1831), гр. (с 1827 г.), ген.-адъютант, с 1823 г. начальник Главного штаба. *Меншиков Александр Сергеевич* (1787—1869), кн., ген.-адъютант, в начале 1820-х гг. находившийся в свите Александра I. В дальнейшем адмирал, командующий сухопутными и морскими силами в Крымской войне (1854—1855). *Закревский Арсений Андреевич* (1783—1865), ген.-адъютант, министр внутренних дел (1828—1831), в 1831—1848 гг. в отставке, московский ген.-губернатор (1848—1859), гр. (с 1830 г.). *Депрерадович Николай Иванович* (1767—1843), ген. от кавалерии, ген.-адъютант, в 1821—1839 гг. командовал 1-м резервным кавалерийским (потом гвардейским) корпусом. Перед ними в основном Муханов ходатайствовал о новой должности. Он был назначен адъютантом к Раевскому 14 апр. 1823 г.

[9] Вероятно, *Анна Петровна Майкова* (урожд. бар. Меллер-Закомельская, 1798—1875), была замужем за ген. от артиллерии *Михаилом Аполлоновичем Майковым.*

[10] Последняя фраза написана сбоку, на полях, письмо без подписи, возможно, конец утрачен.

3. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 3
Сиверс. С. 156—157.

[1] Неустановленное лицо.

[2] Пасха в 1823 г. приходилась на 22 апр., а назначение Муханов получил раньше, 14 апр.

[3] *Саблуков Александр Александрович* (1749—1828), дед Муханова по матери, был женат на *Екатерине Андреевне Волковой* (ум. 1820). Член Гос. совета, председатель Петербургского опекунского совета, действ. тайный сов. У них дети: сыновья — *Николай* (1776—1848), впоследствии кавалерии полковник, автор мемуаров о царствовании Павла I и Александра I, и *Александр* (1773—1857), впоследствии ген.-лейтенант; дочери: *Наталья* — мать декабриста. *Екатерина* (в замужестве Бакунина, 1777—1846) и *Софья* (в замужестве кн. Мадатова, 1787—1875).

4. Екатерине и Елизавете Мухановым

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 183. Л. 1—2 об.
Сиверс. С. 160—163.

[1] Слово «пустынник» было в то время модным. Черты молодых людей, так себя называвших, стали потом присущи людям типа Чацкого, Печорина и др. Оно, кстати, может в дальнейшем пролить свет на авторство рассказа-письма «Кавказский пустынник», напечатанного в «Московском телеграфе» в начале 1825 г. Вот как начинается рассказ: «Опять пустынник! — на все мода, везде подражание. За шильонским узником и кавказским пленником явилась дагестанская узница, за лондонским, парижским, русским пустынником является кавказский». Рассказ подписан псевдонимом Р***, к которому в этом же году будут обращены два путевых очерка-письма Муханова с Кавказа (см. наст. изд.).

[2] В. М. Шаховской.

[3] По-видимому, младший сын фаворита Екатерины *Василий Петрович Завадовский*, гр., служивший в л.-гв. Гусарском полку, уволен по болезни в 1822 г. поручиком (*Сиверс*. С. 162).

5. *А. О. Корниловичу*

Рус. старина. 1888. № 12. С. 589—590

[1] *Корнилович* (Без-Корнилович) *Александр Осипович* (1800—1834), товарищ Муханова по училищу колонновожатых, штабс-капитан гвардейского Генерального штаба, член Южного общества. Приговорен к 12 годам каторжных работ. Умер на Кавказе, находясь в действительной армии.

[2] А. А. Сиверс правильно предположил дату написания письма — 1823 (*Сиверс*. С. 153), а не 1824, как сделал В. Якушкин, впервые опубликовавший письмо. Поездка по смотру корпуса, который был в 1823 г., тому подтверждение.

[3] Муханов и Корнилович в тот год активно сотрудничали в «Сыне отечества». Статья пока не обнаружена, название неизвестно. В ней речь идет об Отечественной войне 1812 г.

[4] В то время Муханов получил доступ к прекрасной библиотеке Раевских. Жена Николая Николаевича Софья Алексеевна была внучкой М. В. Ломоносова, и в семейном архиве хранилось немало исторических книг и рукописей, которыми интересовался будущий декабрист.

[5] Скорее всего, канцлер *А. А. Безбородко* (1746—1799). Далее фраза оборвана.

[6] Видимо, статья А. О. Корниловича «Известия об успехах промышленности в России и в особенности при царе Алексее Михайловиче», напечатанная в «Сев. архиве» (1823, ч. 5).

[7] *Фигнер Александр Самойлович* (1787—1813), известный партизан Отечественной войны 1812 г. Муханов, интересуясь этим периодом, просит прислать ему формуляр (т. е. послужной список) Фигнера.

[8] А. О. Корнилович с 1822 г. преподавал в Корпусе топографов и в училище колонновожатых. Его опыт и понадобился Муханову при организации преподавания географии, истории, военной тактики в открывавшемся в Воронеже военно-приютском училище (Ищенко Б. А. Адъютант генерала Раевского // Коммуна (Воронеж). 1975. 23 авг.).

[9] Статью Муханова «Совет о сдаче Москвы» цензура не пропустила, и она до сих пор не найдена, так же как и «Военно-статистические записки о южных губерниях».

[10] *Булгарин Фаддей Венедиктович* (1789—1859), журналист и писатель. Совместно с Н. И. Гречем в 1822—1828 гг. издавал журнал «Сев. архив», в 1825—1839 гг.—«Сын отечества», с 1825 г.— газету «Сев. пчела». До 1825 г. дружил со многими будущими декабристами, после суда над ними скатился в лагерь реакции, стал осведомителем III отделения. Видимо, Греча и Булгарина Муханов называл «Соревущими», а также «журналистами-близнецами».

[11] Статьей «Нечто о Наполеоне и Фридрихе II» Муханов был недоволен из-за многочисленных ошибок в публикации.

6. К. Ф. Рылееву

Рус. старина. 1888. № 11. С. 327 (отрывок из письма)

[1] *Рылеев Кондратий Федорович* (1795—1826), поэт, издатель журнала «Полярная звезда», служил в Петербургской уголовной палате, потом правителем дел Российско-Американской компании. С 1823 г. член, а вскоре один из руководителей Северного общества, возглавил подготовку восстания 14 дек. 1825 г. Казнен 13 июля 1826 г.

[2] Отрывок сопровождался комментарием публикатора писем В. Е. Якушкина: «В этом письме дело идет, по-видимому, об «Е. Онегине». Сверху чьей-то рукой и другими более черными чернилами приписано начало к первой фразе, но с совершенно неверным указанием на содержание Онегина,— не умею объяснить происхождение этой приписки».

[3] Из кн.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 425: «(Декабрь 1823—1824, январь, 15). Знакомство и общение с адъютантом Н. Н. Раевского-старшего П. А. Мухановым, приезжавшим из Киева. Муханов дает читать Пушкину поэму Рылеева «Войнаровский» в рукописной копии. Пушкин читает Муханову «Евгения Онегина». Муханов получает начало «Братьев-разбойников» и первую часть «Вадима» и предлагает Пушкину издать его стихотворения».

А. С. Пушкин 19 февр. 1825 г. писал П. А. Вяземскому: «Скажи от меня Муханову, что ему грех шутить со мною шутки журнальные. Он без спросу взял у меня начало Цыганов и распустил его по свету. Варвар! ведь это кровь моя, ведь это деньги! теперь я должен и Цыганов распечатать, и вовсе не вовремя» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1937. Т. 13. С. 144).

[4] Возможно, поэт *Евгений Абрамович Боратынский* (1800—1844), активно сотрудничавший в начале 1820-х гг. с газетой «Русский инвалид» и особенно с приложением к ней — журналом «Новости литературы» (см. о том же письмо 11).

[5] Речь идет об альманахе «Полярная звезда» на 1824 г.

[6] *Бестужев Александр Александрович* (1797—1837), штабс-капитан л.-гв. Драгунского полка, писатель и критик, член Северного общества, активный участник восстания на Сенатской площади. Близкий знакомый Муханова по Петербургу. Осужден по I разряду. Погиб на Кавказе.

7. К. Ф. Рылееву

Рус. старина. 1888. № 11. С. 325—326.

[1] Альманах «Полярная звезда» на 1824 г.

[2] Контракты — зимняя сретенская «контрактовая» ярмарка в Киеве, проходившая с 5 по 25 февр. В № 25, 33 и 34 «Сев. пчелы» за 1825 г. была опубликована статья «Киевские контракты», подписанная «М. К.-ski», что, по-видимому, дало повод С. Ф. Полторацкому предположить авторство Муханова (ГБЛ. Фонд Полторацкого. 58.22. Л. 5—7).

[3] Четьи-Минеи — помесячное повествование о жизни святых.

[4] После отца, умершего в 1814 г., у Рылеева остались в Киеве

разные запутанные имущественные дела, которыми по его просьбе занимался Муханов.

[5] В «Полярной звезде» на 1824 г. напечатаны два отрывка из поэмы «Войнаровский».

[6] Муханов, видимо, с юности болел ревматизмом. Это могло давать осложнения, в частности, кожную сыпь. Лечить болезнь можно было крымскими грязями.

[7] Руководство к отысканию жилищ по С.-Петербургу издал Самуил Аллер. Спб., 1824. На с. 361; Рылеев К. Ф., артил[лерийский] подпор[учик]. Вас[ильевский] О[стров]. № 418.

8. К. Ф. Рылееву

Маслов В. И. Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912. С. 96—97

[1] Намек на дуэль, в которой Рылеев в марте 1824 г. стрелялся с кн., прапорщиком л.-гв. Финляндского полка К. Я. Шаховским и был легко ранен.

[2] *Мазепа Иван Степанович* (1644—1709), гетман Левобережной Украины в 1687—1708 гг.

[3] Видимо, А. О. Корнилович. Мнение А. С. Пушкина см. в письме 11.

[4] Могилянский — видимо, один из киевских маклеров.

9. Елизавете Мухановой

ГБЛ. Ф. 336/II, 28.9. Л. 1

[1] Письмо, написанное в шутливой форме друзьями П. А. Мухановым и В. М. Шаховским, относится ко времени сватовства последнего к сестре декабриста.

10. А. О. Корниловичу

Рус. старина. 1888. № 12. С. 583—584

[1] Муханов, видимо, имеет в виду рецензию А. О. Корниловича на книгу С. Броневского «Новейшие известия о Кавказе» (М., 1823), напечатанную в «Сев. архиве» (1823, ч. 7, № 7, с. 60—64).

[2] «Русская старина, карманная книжка для любителей отечественного на 1824 год». Второе издание, которое составлял Корнилович на 1825 г., вышло в конце 1824 г. Статья его «Известия о первых маневрах при Петре I и особенно о Кожуховском походе» напечатана в «Сев. архиве» (1824, ч. 9, № 5, с. 237—267).

[3] Речь идет о прадеде Муханова *Ипате Калиновиче* (1677—1729), контр-адмирале, действительно ставшем одним из героев повести Корниловича «О частной жизни императора Петра I», напечатанной в его «Рус. старине» (Спб., 1824).

[4] *Евклид* (Эвклид) (315—255 до н. э.), древнегреческий математик, автор первого из дошедших до нас теоретических трактатов по математике. Петр I поощрял увлечение флотских офицеров математикой и одним из самых знающих ее считал И. К. Муханова. На русском языке «Эвклидовы начала...» вышли в Петербурге в 1819 г. и ценились среди воспитанников Н. Н. Муравьева.

[5] *Бестужев Николай Александрович* (1791—1855), кап.-лейтенант 8-го флотского экипажа, член Северного общества, был уже в то время историографом русского флота и начальником морского музея. Активный участник восстания на Сенатской площади. Осужден по II разряду. Художник, автор воспоминаний, умер на поселении в Селенгинске.

[6] *Плетнев Петр Александрович* (1792—1865), поэт, критик, в 1820-е гг. активно печатался в Трудах Вольного общества любителей российской словесности, «Сыне отечества», «Сев. цветах». В 1838—1846 гг. издатель и редактор «Современника», ректор Петербургского университета (1840—1861), академик (1841).

[7] *Пушкин Лев Сергеевич* (1805—1852), младший брат поэта.

[8] *Туманский Василий Иванович* (1800—1860), литератор, служил с лета 1823 г. в канцелярии М. С. Воронцова в Одессе; *Туманский Федор Антонович* (1799—1853), троюродный брат предыдущего, поэт, чиновник в Петербурге. Оба входили в круг приятелей А. С. Пушкина.

Часть писем Муханов, вероятно, успел передать. Сохранилось письмо Пушкина брату Льву (Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 29), датированное янв. (после 12-го — началом февр.) 1824 г. Письмо можно теперь датировать от 13 до 20 янв. 1824 г., т. е. до дня отъезда Муханова в Киев. О том, что письмо уйдет именно с ним, пишет и Пушкин: «Так как я дожидался оказии, то и буду писать тебе спустя рукава <...>». А вот к А. А. Бестужеву письмо могло и не дойти. Во всяком случае в следующем письме к нему от 8 февр. Пушкин пишет: «Ты не получил, видно, письма моего <...>» (Там же. Т. 1. С. 464). Не дошло до наших дней и ни одного письма Пушкина к Муханову.

11. К. Ф. Рылееву

ГБЛ. Ф. 588, 1. 12. Л. 1—2
Рылеев К. Ф. Сочинения и переписка. Спб., 1872.
С. 337—340

[1] Имеется в виду — к А. С. Пушкину.

[2] *Орлов Михаил Федорович* (1788—1842), ген.-майор, член Союза благоденствия, до 1821 г. крупнейший деятель дворянского революционного движения. В апр. 1823 г. был отстранен от командования 16-й дивизией, жил в Киеве, занимался историей, политэкономией, литературой. 16 июня 1826 г. был отправлен под надзор в свое калужское имение. С 1831 г. жил в Москве.

[3] Впервые полностью поэма «Войнаровский» вышла в 1825 г.

[4] *Миллер* (Герард-Фридрих) *Федор Иванович* (1705—1783), историограф и академик, издавал «Санкт-Петербургские ведомости»; в 1730-х — начале 1740-х гг. объездил главные пункты Зап. и Вост. Сибири и привез оттуда много ценных архивных материалов.

[5] Рылеев охотно публиковал Е. А. Боратынского. Так, в «Полярной звезде» на 1824 г. были напечатаны «К...» (Лутковскому), «Истина». «О своенравная София!..», «Рим», «Признание».

[6] Издание Мухановым стихотворений Пушкина не состоялось (см. примеч. 3 к письму 6).

12. А. О. Корниловичу

Сев. архив. Спб., 1824. Ч. 9—10. С. 277—278
Рус. старина. 1888. № 12. С. 586

[1] Письмо, видимо, было передано Корниловичем Булгарину и опубликовано в «Сев. архиве». Печатается по тексту из «Рус. старины», как наиболее полному.

[2] К письму были сделаны три рисунка от руки, вероятно по памяти (примеч. В. Е. Якушкина), которые не сохранились.

13. Екатерине Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 1—4 об.
Сиверс. С. 164—169

[1] Время написания письма, конец которого утрачен, определяется его содержанием — оно написано вскоре после свадьбы тетки Муханова, младшей сестры его матери, С. А. Саблуковой, в середине июня 1824 г. вышедшей замуж за кн. *Валериана Григорьевича Мадатова* (1772—1829) (примеч. А. А. Сиверса).

[2] *Бакунин Александр Павлович* (1797—1860), двоюродный брат Мухановых, в 1848—1857 гг. тверской губернатор.

[3] В то время Наталья Александровна еще жила вместе с дочерьми Екатериной и Елизаветой.

[4] Спасское — имение Мухановых в Волоколамском уезде Московской губ.

[5] Видимо, здесь подразумевается Язон, мифологический герой, отправившийся во главе аргонавтов за золотым руном.

[6] Н. Н. Раевский был уволен от должности 25 нояб. 1824 г.

[7] *Рюмин Гаврила Васильевич* — богатый рязанский откупщик.

14. А. И. Михайловскому-Данилевскому

№ 127. Л. 287
ИРЛИ. Ф. 527. Архив А. И. Михайловского-Данилевского.

[1] *Михайловский-Данилевский Александр Иванович* (1790—1848), русский военный историк, ген.-лейтенант (с 1835 г.). Участник Отечественной войны 1812 г., флигель-адъютант (с 1816 г.), участник русско-турецкой войны, с 1835 г. сенатор и председатель военно-цензурного комитета, с 1845 г. главный редактор биографических очерков «Военной галереи Зимнего дворца».

15. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ. Ф. 254. Кн. 20. Л. 147—147 об., 149
Из эпистолярного наследства декабристов. Т. 1. С. 212—213

[1] *Тимковский Василий Федорович* (1781—1832), член «Беседы любителей русского слова», писатель, в 1822—1825 гг чиновник для особых поручений при А. П. Ермолове. Член предполагаемого Кавказского тайного общества. В 1826—1828 гг., бессарабский гражданский губернатор.

[2] *Бурцов Иван Григорьевич* (1795—1829), участник Отечест-

венной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., затем был переведен в гвардейский Генеральный штаб. Вместе с братьями Муравьевыми основатель преддекабристской организации «Священная артель», затем член Союза благоденствия. Занимал умеренные позиции, выступал против революционных планов Пестеля. После Московского съезда 1821 г. отошел от декабристского движения. Был арестован по делу декабристов, шесть месяцев находился в заключении в Бобруйской крепости. В чине ген.-майора погиб в бою под Байбуртом 23 июля 1829 г.

[3] *Давыдов Денис Васильевич* (1784—1839), знаменитый партизан Отечественной войны 1812 г., поэт и военный писатель, член литературного общества «Арзамас».

[4] *Бутурлин Дмитрий Петрович* (1790—1849), гр., участник Отечественной войны 1812 г., военный историк, ген.-майор (с 1824 г.). Автор трудов по истории войн России в XVIII в. и Отечественной войны 1812 г.

[5] *Муравьев Александр Николаевич* (1792—1863), старший сын ген.-майора Н. Н. Муравьева, один из основателей Священной артели, Союза спасения и Союза благоденствия. С ним Муханов из всех братьев Муравьевых был наиболее близок, помогал ему в делах, еще находясь в училище колонновожатых. И не случайно, что именно А. Н. Муравьев принял Муханова в Союз благоденствия. Потом, после установления еще более прочных родственных связей через Шаховских, между ними могла быть и переписка, по понятным причинам не сохранившаяся.

[6] *Муравьев Николай Николаевич* (1768—1840), участник Отечественной войны 1812 г. Основатель училища колонновожатых в Москве. Ген.-майор (с 1815 г.). Содержал на свои средства училище в 1815—1823 гг. Осташево — имение Муравьева в 110 верстах от Москвы (называвшееся еще Александровское), где проходила лагерная служба воспитанников училища. Последние годы жизни Муравьев занимался сельским хозяйством и умер в Москве, пережив многих своих питомцев.

16. П. М. Строеву

ГБЛ. Ф. 291, 2249. 36. Л. 186—187
Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб., 1878. С. 98.

[1] *Строев Павел Михайлович* (1796—1876), археограф и библиограф. В 1815 г. выпускал журнал «Современный наблюдатель российской словесности», в 1823 г. избран в члены Имп. общества Истории и древностей российских, наметил широкую программу выявления и описания документальных материалов.

[2] Имеются в виду «Думы» Рылеева, изданию которых вместе с «Войнаровским» содействовал Муханов в Москве и к которым П. М. Строев составлял исторические примечания.

17. Ф. В. Булгарину

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 9291/10. Л. 1—2
Рус. старина. 1888. № 12. С. 590—592

[1] *Ципульский (Цикулин) Дементий Иванович*, по словам Муха-

нова, автор «Необыкновенных похождений и путешествий русского крестьянина Дементия Ивановича Цикулина в Азии, Египте, Восточной Индии, с 1808 по 1821 г., им самим описанных» (публикация Муханова в № 8—9 «Сев. архива» за 1825 г.).

[2] Жоконд, один из персонажей поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» (1516 г.).

[3] *Слёнин Иван Васильевич* (1789—1836), петербургский книгопродавец, издатель «Полярной звезды» на 1823 и 1824 гг., «Сев цветов» на 1825 и 1826 гг. и др. В книжном магазине Слёнина продавались многие вышедшие первым изданием произведения А. С. Пушкина и будущих декабристов.

[4] *Нечаев Степан Дмитриевич* (1792—1860), литератор, археолог, член Союза благоденствия, знакомый многих членов тайных обществ, с июня 1827 г. чиновник с. е. и. в. канцелярии, в дальнейшем обер-прокурор Синода, тайный сов.

[5] *Полевой Николай Алексеевич* (1796—1846), писатель, критик, издатель «Московского телеграфа». Знакомство с Мухановым, определившее их плодотворное сотрудничество в 1825 г., произошло в нояб.—дек. 1824 г.

[6] Между москвичом Полевым и петербуржцами Булгариным и Гречем существовали частые издательские разногласия, связанные с их позициями в литературе, нередко переходившие на страницы издаваемых ими журналов.

[7] Вскоре после выхода первой части «Мнемозины» (март 1824 г.), московского литературного альманаха, издаваемого в 1824—1825 гг. кн. *В. Ф. Одоевским* (1804—1869) и *В. К. Кюхельбекером* (1797—1846), в № 15 журнала «Сын отечества», издаваемого в это время Ф. В. Булгариным, появилась критическая статья с предвзятым разбором содержания «Мнемозины». В ней особенно критиковался язык Кюхельбекера, давалась грубая рекомендация «больше вычищать и гладить слог и стихи свои». Естественно, что во второй части «Мнемозины» (июнь 1824 г.) появилась оправдательная статья Кюхельбекера; затем в № 38 «Сына отечества» критиковалась уже эта вторая часть и т. д. Возникла грубая перепалка издателей. За нее-то и корит Муханов Булгарина.

[8] Намек на неудачную поездку Кюхельбекера на Кавказ.

[9] Ссора Рылеева с Булгариным произошла в сент. 1823 г. из-за вторичной контрафакции *Александра Федоровича Воейкова* (1777—1839), издателя (с Н. И. Гречем) «Сына отечества», «Русского инвалида» и др., допустившего перепечатку из их журнала начала пушкинской поэмы «Братья-разбойники» (*ЛН*. Т. 59. С. 142).

[10] Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, изд. А. О. Корниловича — альманах, вышел в Петербурге в начале 1825 г.

[11] *Оленин Алексей Николаевич* (1763—1843), президент Академии художеств (с 1817 г.), в его петербургском доме в начале 1820-х гг. собирались многие деятели литературы, искусства, бывал Пушкин.

[12] «Тантой» в свете и в литературных кругах называли тетку жены Булгарина; «liebes Lenchen» (милая Леночка) друзья Булгарина называли его жену Елену Ивановну.

18. Екатерине Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 5—5 об.
Сиверс. С. 169—170

[1] Павел А. Муханов.

[2] А. П. Бакунин был женат на воспитаннице кн. Б. В. Голицына *Анне Борисовне Зелинской*.

19. Екатерине Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 6—6 об.
Сиверс. С. 170—172

[1] Юношеское прозвище В. М. Шаховского.

[2] *Воронцов Михаил Семенович* (1872—1856), гр., участник Отечественной войны 1812 г., с 1823 г. новороссийский ген.-губернатор и полномочный наместник Бессарабской обл. С 1844 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, ген.-фельдмаршал. В то время Шаховской был у него адъютантом.

[3] *Браницкая Александра Васильевна* (урожд. Энгельгард), племянница Потемкина, жившая в своем киевском имении Белая Церковь. На ее дочери, гр. *Елизавете Ксаверьевне Браницкой*, с 1819 г. был женат М. С. Воронцов.

20. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 3
Сиверс. С. 172—173

[1] Речь идет о пасхе, которая в 1825 г. приходилась на 29 марта.

[2] *Франк Отто-Вильгельм Германович* (1778—1844), бар., полковник л.-гв. Уланского полка, с 1822 г. адъютант М. С. Воронцова.

21. Н. Н. Муравьеву

ОПИ ГИМ. Ф. 254. Кн. 22. Л. 104—105

[1] Письма 21 и 22 публикуются по подготовленному И. С. Калантырской к изданию т. 2 «Из эпистолярного наследства декабристов».

[2] Адмирал — *Николай Семенович Мордвинов* (1754—1845), гр., морской министр (с 1802 г.), член Гос. совета. В его дочь *Наталью Николаевну* (1794—1882) с детских лет был влюблен Н. Н. Муравьев-сын, но в сватовстве ему Н. С. Мордвинов отказал. В письме речь идет, в частности, о состоявшейся 29 апр. 1825 г. свадьбе Н. Н. Мордвиновой с *Александром Николаевичем Львовым* (р. 1790), впоследствии камергером и тайным сов. Извлечения из письма, написанные по-французски *Екатериной Павловной Бакуниной* (1795—1869), двоюродной сестрой декабриста, составительницей изъяты как не представляющие интереса к отношениям Н. Н. Муравьева и Муханова.

22. *Н. Н. Муравьеву*

ОПИ ГИМ. Ф. 254. Кн. 22. Л. 136

[1] Манглис — селение примерно в 20 верстах от Тифлиса, где стоял полк Муравьева.

[2] Приютино — селение близ Манглиса.

[3] Романов — неустановленное лицо.

23. *М. П. Погодину*

ГБЛ. Ф. 231/II; 46. 40. Л. 1

[1] *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875), историк, писатель, журналист, член «Общества друзей», созданного при училище колонновожатых, которое посещал и Муханов; издатель альманаха «Урания», в котором опубликован очерк Муханова «Светлая неделя» («Москвичи в праздник»), а также письмо М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову от 19 янв. 1761 г. (письмо без подписи публиковавшего, но, по всей вероятности, оно опубликовано П. А. Мухановым, который к сент. 1825 г. имел «несколько подлинных и доныне бывших неизвестными писем и небольших сочинений Ломоносова» и спешил их издать); издатель «Моск. вестника» (1827—1830), «Москвитянина» (1841—1856), с 1833 г. профессор Московского университета, с 1841 г. академик.

[2] Эта и последующие две записки датируются предположительно окт.—нояб. 1825 г., но не позднее 26 нояб.— даты цензурного разрешения «Урании» (Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965. С. 117).

24. *М. П. Погодину*

ГБЛ. Ф. 231/II, 46. 40. Л. 2

25. *М. П. Погодину*

ГБЛ. Ф. 231/II, 46. 40. Л. 3

[1] Эта записка впервые раскрывает псевдоним автора (подпись ZZ) и дает указание на его авторство в произведениях «Новый год», «Визитные карточки», «Воскресенье» и др.

26. *Елизавете А. и В. М. Шаховским*

ГБЛ. Ф. 336/II, 28. 7а. Л. 1—2

[1] *Левашов Василий Васильевич* (1783—1848), ген.-лейтенант, ген.-адъютант, член Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов; впоследствии гр., председатель Гос. совета. К Левашову за содействием о свиданиях и передаче писем Муханову обращался В. М. Шаховской.

[2] *Сократ* (469—399 до н. э.), древнегреческий философ.

[3] Е. А. Шаховская родила первенца — дочь Наталью 19 дек. 1825 г.

[4] Екатерина Муханова.

[5] *Шаховская Варвара Михайловна* (1792—1836), княж., сестра В. М. Шаховского.

[6] *Шаховская Елизавета (Лили) Михайловна* (1797—1877), княж., сестра В. М. Шаховского.

[7] *Муханов Николай Алексеевич* (1802—1871), двоюродный брат декабриста, адъютант петербургского ген.-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова, поручик л.-гв. Гусарского полка, с апр. 1830 г. уволен от службы в связи с болезнью; впоследствии товарищ министра народного просвещения и иностранных дел. Член Гос. совета, сенатор.

[8] А. Н. Муравьев, названный Мухановым по имению Муравьева Ботово Волоколамского уезда Московской губ.

27. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 4—5 об.

[1] Свидание состоялось 2 июля.

28. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 6—6 об.
Сиверс. С. 179—180

29. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—2

[1] За Муханова пишет *Александра Васильевна Ентальцева* (урожд. Лисовская, 1790—1858), жена А. В. Ентальцева, приехавшая за ним в Читинский острог в мае 1827 г., умерла в Москве.

[2] *Ентальцев Андрей Васильевич* (1788—1845), подполковник, член Южного общества, осужден по VII разряду, с 1830 г. на поселении в Ялуторовске, где и умер.

30. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—2 об.

[1] За Муханова пишет *Елизавета Петровна Нарышкина* (1802—1867), дочь генерала П. П. Коновницына, жена М. М. Нарышкина, приехавшая к нему в Читинский острог в мае 1827 г., умерла в селе Гарни Опочецкого уезда.

[2] *Нарышкин Михаил Михайлович* (1798—1863), полковник Тарутинского пехотного полка, член Союза благоденствия и Северного общества, осужден по IV разряду, с 1832 г. находился на поселении в Кургане, в 1837 г. отправлен рядовым на Кавказ, в 1844 г. в чине прапорщика уволен из армии по болезни, умер в Москве.

[3] Salmon (Nicolas). Dictionnaire français-anglais et anglais-français... XXIV edition. Paris, 1816. 2 vol.

[4] *Боден Феликс* (Bodin) (1795—1837), известный французский историк. Упоминаемый труд: Résumé de l'histoire de France jusqu'á nos jours. Paris, 1821. 1 vol. См. ниже письмо 32, в котором Муханов вновь просит эту книгу.

[5] Точное название книги и ее автор не установлены.

[6] Возможно, речь идет о кн.: Еверс Г. Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории / Пер. с нем. [М. Погодин]. Изд. Моск. обществом любителей истории и древностей российских. М., 1825—1826. Кн. 1—2.

[7] «Слово о полку Игореве», изданное в 1800 г. стараниями А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского.

[8] *Спасский Григорий Иванович* (ум. 1864), известный историк Сибири. По образованию горный инженер, в Сибири занимался историей и археологией края, о чем поместил ряд статей в издаваемом им журнале «Сибирский вестник» (1818—1825), автор «Сибирской летописи» (1821) и других работ.

[9] *Успенский Гаврила Петрович* (ум. 1820), профессор истории, географии и статистики. Главные труды: «Опыт повествования о древностях русских» (1818), «О том, что каждому народу нужно знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других государств» и др.

[10] Н. А. Луговой — неустановленное лицо. Можно предположить, что Нарышкина описалась и вместо Н. А. Полевого написала: Луговой.

31. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 3—4 об.

[1] Е. П. Нарышкина говорит о сестрах мужа *Маргарите Михайловне Тучковой* (1782—1852) и *Евдокии Михайловне Голицыной* (1790—1862).

[2] Возможно, речь идет о дяде декабриста М. Ф. Митькова *Александре Николаевиче Соймонове* (1780—1856).

32. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 5—6 об.

[1] *В. Граев* — московский и петербургский книготорговец.

[2] *Шлоссер Фридрих Христофор* (1776—1861), историк. Книга, о которой идет речь: История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи с особенно подробным изложением хода литературы / Пер. с нем.: В 2 т., 1823.

[3] Сарториус (Georg Sartorius) (1765—1828), немецкий историк. Труд, о котором идет речь: Geschichte des Hanseat Bundes, 1802—1808 (История ганзейского союза) / Пер. с нем.: В 1 т.

[4] Sempere Y cuarinos (don Juan). Considerations sur les causes de la grandeur et de la decadence de la monarchie espagnole. Paris, 1826.

[5] *Гизо* (Франсуа-Пьер-Гильом) (1787—1874). Guizot. Histoire de la revolution d'Angleterre depuis l' avenement de Charles I jusqu'á l'avénement de Charles II. Paris, 1827—1828 (История английской революции с восшествия на престол Карла I до восшествия на престол Карла II). На рус. яз. переведена в 1860 г.

[6] *Халлам Генри* (1777—1859), французский историк и публи-

цист. Hallam H. Europe (J')au moyen âge, trad de f'angl. Paris, 1820—1822. 4 vol.

[7] Lallemet Guillause (1782—1829). Histoire de la Colombie (История Колумбии). Paris, 1826.

[8] См. примеч. 4 к письму 30.

[9] Автор неизвестен.

[10] *Пеше Жак* (1760—1830). Peuchet (Jacques). Etat des colonies et du commerce des Européens dans les deux Indes, depuis 1783 jusqu'en 1821. Paris, 1821. 2 vol. *Рейналь* (Гильон-Томас-Франсуа) (1713—1796), французский историк и философ. Raynal. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Paris, 1770 (рус. перевод Анастасевича. Спб., 1805—1811).

[11] *Тьерри* (Огюстен) (1795—1856), французский историк. Thierry. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Paris, 1825. 3 vol.

[12] Автор неизвестен.

[13] *Эпиктет* (ок. 50—ок. 138), греческий философ-стоик. Книга, которой мог интересоваться Муханов: Mannuel d'Epictete... en grec moderne, avec une taduction francause (par D. Coray). Paris, 1826.

33. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 7—8 об.

[1] *Шиллер Иоганн-Фридрих* (1759—1805), немецкий поэт, драматург, историк. Работа, о которой, по-видимому, идет речь,— первая из задуманной автором серии книг «История замечательных восстаний и заговоров»: Schiller. Geschichte des Alfall der Vereinigten Nederlanden von der Spanischen Regierung, 1788. 1 vol.

[2] Сведений о словаре не обнаружено.

[3] *Виллерс Карл* (Villers Charl) (1765—1815), историк и публицист. Работа, о которой идет речь: Essai sur l'esprit et l'influence de la Reformation de Luther. Paris, 1821. 1 vol. (Эссе о духе и влиянии реформации Лютера.)

34. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 9—9 об.

35. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 11—12 об.

[1] Осенью 1828 г. Е. А. Шаховская родила сына, которого в честь брата назвала Петром. Умер во младенчестве.

[2] *Цейдлер Иван Богданович* (1777—1853), иркутский гражданский губернатор (1821—1835), действ. ст. сов., покровительствовал А. Н. Муравьеву, бывшему в то время иркутским городничим.

[3] *Лепарский Станислав Романович* (1754—1837), ген.-майор, комендант рудников читинской и петровской каторжных тюрем. Лепарскому декабристы доверяли меньше, чем Цейдлеру.

36. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 13—14 об.

37. В. М. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 5. 18. Л. 1—2 об.

[1] Следующие письма, чередуясь с Нарышкиной, пишет за Муханова *Мария Николаевна Волконская* (1805—1863), дочь генерала Н. Н. Раевского, жена С. Г. Волконского, приехавшая за ним в Благодатский рудник в нояб. 1826 г. Автор воспоминаний. Умерла в с. Воронки, Козелецкого уезда, Черниговской губ.

[2] Двухлетний Николай, сын М. Н. Волконской, оставленный на родине, умер в янв. 1828 г.

[3] У Волконской в 1832 г. родился сын Михаил, а через три года — дочь Елена (Нелли).

[4] *Трубецкая Екатерина Ивановна* (урожд. Лаваль, 1800—1854), жена С. П. Трубецкого, приехавшая за ним в Благодатский рудник в нояб. 1826 г., умерла в Иркутске, похоронена в ограде Знаменского монастыря. В Сибири у Трубецких родились дочери Александра, Елизавета, Зинаида, Екатерина, Софья и сыновья Никита, Владимир, Иван.

[5] Е. П. Нарышкина, детей у нее в Сибири не было.

[6] *Волконский Сергей Григорьевич* (1788—1865), ген.-майор (с 1813 г.), член Союза благоденствия и Южного общества; осужден по I разряду; на каторге — на Николаевском винокуренном заводе, Благодатском руднике, в Чите и Петровском заводе; на поселении в с. Урике Иркутской губ., затем в Иркутске. Муханов «познакомился с ним в 1824 году в сентябре перед поездкой <...> на смотр, был у него раз — видал у Раевского — по возвращении в январе 1825 видал редко, ибо жена его была больна» (*ВД*. Т. 3. С. 141). Дружеские отношения с Волконским у Муханова еще более окрепли во время каторги и ссылки и не прекращались до самой смерти Петра Александровича.

[7] Гектор — собака Муханова.

[8] По-видимому, *Александра Григорьевна Муравьева* (урожд. гр. Чернышева, 1804—1832), жена Н. М. Муравьева, приехавшая за ним в Читинский острог в февр. 1827 г., умерла в Петровском заводе.

[9] По-видимому, L — Лепарский, которого декабристы в своем кругу нередко называли «Стариком», а S[on] Ex[cellence] — *Александр Степанович Лавинский* (1776—1844), ген.-губернатор Вост. Сибири (1822—1833).

[10] Возможно, дочь А. Н. Муравьева *Прасковья* (12 нояб. 1827—20 дек. 1833), которую могла взять себе на некоторое время Волконская. В этом же письме Мария Николаевна «нежно целует» лишь одну племянницу Шаховской, в то время как их было две. Вторая и могла находиться в Чите.

[11] А. Н. Муравьев.

[12] Дочь Александра Николаевича и *Прасковьи* (Полины) *Михайловны* (урожд. кнж. Шаховской, 1788—1835) Муравьевых *Софья* (1822—1851).

[13] П. А. Муханов. Писем Варвары Шаховской к Муханову и от

него к ней не сохранилось. Оттого так ценны письма Волконской, которые она писала от имени декабриста к его невесте.

38. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 15—16 об.

[1] В. М. Шаховской в 1827 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана и в 1828—1835 гг. был Волоколамским уездным предводителем дворянства.

39. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 17—18 об.

[1] Видимо, младенец Петр.

40. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 19—20 об.

[1] Дядя Муханова Н. А. Саблуков был женат (с 1803 г.) на англичанке Юлиане Ангерштин, которая временами жила в Англии.
[2] М. М. Нарышкин.

41. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 21—22 об.

42. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 23—24 об.

[1] Boiste (P. Cl. Vict.) (1765—1824). Boiste. Dictionnaire universel de la langue françause, VI-e. Paris, 1823. 2 vol. Следующее издание (нами не обнаруженное) вышло, по-видимому, после смерти составителя.

43. П. А. Вяземскому

ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2365. Л. 1

[1] *Вяземский Петр Андреевич* (1782—1878), кн., поэт, журналист и литературный критик, один из главных участников литературного общества «Арзамас», был близок к декабристским кругам; чиновник канцелярии Н. Н. Новосильцева в Варшаве (1818—1821), вице-директор департамента внешней торговли (1832—1846), впоследствии товарищ министра народного просвещения, камергер.

«Был хорош» с Мухановым, которого за цвет волос и высокий рост в отличие от его брата Павла называл «большим рыжиком». Находясь на каторге, Муханов вспоминал не раз оказывавшего ему «литературные» услуги Вяземского и мысленно уже прочил Петра Андреевича в официальные редакторы декабристского альманаха «Зарница».

А. Е. Розен, готовя к изданию сочинения А. И. Одоевского

(Спб., 1883), включил письмо в том (с. 189), приписав его поэту. Авторство было установлено И. А. Кубасовым и Д. Д. Благим (Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений и писем. М.; Л., 1934. С. 72—73) по автографу письма, его стилю и почерку, «не совсем грамотному написанию некоторых слов, которое было присуще Муханову и совершенно не свойственно Одоевскому».

[2] Вместе с письмом Муханов отправил стихи А. И. Одоевского, которые (кроме одного) с помощью П. А. Вяземского и А. А. Дельвига были анонимно напечатаны в 1830 г. в «Литературной газете» и в альманахе «Сев. цветы» на 1831 г.

[3] Гарпагон — скупой, по одноименному персонажу одной из комедий Ж.-Б. Мольера.

[4] Альманах «Зарница» так и не увидел свет.

[5] «Галатея» — еженедельный журнал литературы, новостей и мод, издававшийся в Москве С. Е. Раичем в 1829—1830 и в 1839—1840 гг. Издание не пользовалось успехом у литераторов.

[6] ZZ — псевдоним Муханова, появившийся впервые под очерком «Светлая неделя» в погодинском альманахе «Урания», о котором знал Вяземский.

44. Е. А. Мухановой

Сиверс. С. 180—182

45. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 25—26 об.

[1] Павел Муханов.

46. Е. М. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 28. 8. Л. 1—2 об.

[1] *Шаховская Екатерина Михайловна* (1791—1848), сестра В. М. Шаховского.

[2] *Шаховская Елизавета Сергеевна* (урожд. гр. Головина, ум. 1831), кн., теща А. Н. Муравьева. Ей принадлежало имение Белая Колпь в Волоколамском уезде, Московской губ.

[3] Кн. Марфа Тихоновна — родственница Шаховских.

[4] Богословы. Более известен *Иоганн Госснер* (1773—1858), прибывший в Петербург из Пруссии в 1820 г. Некоторое время был директором библейского общества.

[5] Младшие сестры Е. М. Шаховской — княжны *Александра Михайловна* (1805—1863) и *Клеопатра Михайловна* (1809—1883) *Шаховские.*

[6] Автор имеет в виду Варвару Шаховскую.

[7] Намек на близких к семейству Шаховских и Мухановых сестер Пучковых — известную в то время поэтессу *Екатерину Наумовну* (1792—1867) и *Наталью Наумовну.* Обе служили секретными агентами полиции под покровительством кн. А. Н. Голицына. Муханов, вероятно, это знал и предостерегал родственников.

[8] Богданович — неустановленное лицо.

47. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 27—28 об.

48. *Е. А. Шаховской*

ГБЛ. Ф. 326/II, 28. 6. Л. 3—5 об.

[1] Намек на Варвару Шаховскую, которая, видимо, просила Муханова только в крайних случаях лично писать родным, используя ее потайные пути.

[2] Орден св. Владимира II ст. давал право на потомственное дворянство.

[3] Дочь А. Н. и П. М. Муравьевых Прасковья.

[4] В. М. Шаховской.

[5] Свечи восковые.

49. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 29—30 об.

50. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 1—2 об.

[1] Речь идет о предстоящем браке Екатерины Мухановой и *Аркадия Александровича Альфонского* (1796—1869). Сын штаб-лекаря, он после окончания в 1817 г. курса Московского университета докторантом защитил диссертацию на степень доктора медицины, был оставлен при университете на кафедре хирургии и одновременно состоял на службе в московской больнице для бедных (впоследствии Мариинской). С 1842 г. ректор Московского университета. Выйдя в 1845 г. в отставку со званием заслуженного профессора, он затем в 1850—1863 гг. снова состоял, но уже по назначению, ректором Московского университета.

[2] Дочь Волконских Софья умерла в июле 1830 г.

51. *Е. М. и К. М. Шаховским*

ГБЛ. Ф. 336/II, 28. 7б. Л. 1—3 об.

[1] Именины Петра и Павла отмечались 29 июня.

[2] Дядя Муханова по отцу — *Сергей Ильич* (1762—1842), действ. тайный сов., кавалер ордена св. Андрея Первозванного, имел придворное звание обер-шталмейстера. Он все-таки ходатайствовал за племянника, но безуспешно (см. примеч. 1 к письму 86).

52. *В. М. Шаховской*

ГБЛ. Ф. 336/II, 5. 18. Л. 1—2 об.

[1] *Розен Анна Васильевна* (1797—1883), дочь В. Ф. Малиновского, жена А. Е. Розена, приехавшая за ним в Петровский завод в авг. 1830 г.

[2] *Якушкина Анастасия Васильевна* (урожд. Шереметева, 1807—1846), жена И. Д. Якушкина. Видимо, не четыре года (Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. М., 1986. С. 48), а гораздо меньше упорствовал Якушкин в разрешении жене приехать к нему, оставив дома сыновей. Приезд не состоялся из-за последовавшей почти через два года (в 1830 г.) резолюции царя: «Отклонить под благовидным предлогом».

[3] П. М. Муравьева.

[4] Сын А. Н. и П. М. Муравьевых Иван родился 19 авг. 1830 г.

[5] Волконская ошибается. Сам Муханов считал Петровский завод своей шестой тюрьмой после Петропавловской крепости, Свеаборга, Выборгского шлосса, Шлиссельбурга и Читинского острога.

[6] Вероятно, *Хрисанф Михайлович Дружинин*, участник Оренбургского заговора. Он прибыл из Оренбурга в Читу в сент. 1828 г., а в авг. 1830 г. его отправили в Малышевку, Иркутской губ., куда он прибыл в сент. 1830 г. Письмо было написано 27 сент. 1830 г. Таким образом, его могли видеть в Петровском заводе действительно в это время по пути в Малышевку.

[7] *Татьяна Андреевна* — видимо, будущая экономка Волконских (см. далее письмо 58).

53. В. М. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 5. 18. Л. 5—6 об.

[1] Видимо, имеются в виду книги из личных библиотек декабристов, которые доставлялись и Варваре Шаховской.

[2] *Волконская Александра Николаевна* (урожд. кнж. Репнина, 1756—1834), мать С. Г. Волконского.

54. Е. А. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 29. 5. Л. 1—2 об.

[1] Свадьба Е. А. Мухановой и А. А. Альфонского.

[2] В 1829 г. начала выходить многотомная «История русского народа» (последний, четвертый том вышел в 1833 г.) Н. А. Полевого. Его-то и просил Муханов по старой дружбе поделиться своим трудом с сибирскими узниками.

55. В. М. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 5. 18. Л. 7—9 об.

[1] *Ивашев Василий Петрович* (1794—1840), ротмистр л.-гв. Кавалергардского полка, член Южного общества, осужден по II разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, с 1836 г. на поселении в Туринске. Муханов с Ивашевым на каторге связывали тесные дружеские отношения. Еще в апр. 1828 г. он поселился с Ивашевым и Завалишиным в одном из освободившихся малых казематов Читинского острога. С Мухановым Ивашев поделился мыслью о побеге, и Петр Александрович вместе с Н. В. Басаргиным сумел предотвратить этот гибельный замысел приятеля. Через Варвару Шаховскую Муханов способствовал приезду Камиллы Ле-Дантю к

будущему мужу, которая впоследствии писала за Петра Александровича письма его родным. С Ивашевым Муханов находился в одной юрте при переезде в Петровский завод. В новой тюрьме его поселили вместе с Ивашевым, Пестовым и женатыми Волконским и Анненковым.

[2] *Ивашева Камилла Петровна* (урожд. Ле-Дантю, 1808—1839), жена В. П. Ивашева, приехавшая за ним в Петровский завод, умерла на поселении в Туринске.

[3] С. Р. Лепарский.

[4] А. С. Лавинский.

[5] *Ивашева Вера Александровна* (урожд. Толстая, ум. 1837), мать В. П Ивашева, двоюродная сестра Е. Л. Тютчевой, матери поэта Ф. И. Тютчева, и Н. Л. Завалишиной, мачехи Д. И. Завалишина.

[6] *Вольф Фердинанд Богданович* (1796—1854), штаб-лекарь 2-й армии, член Южного общества, осужден по II разряду, на поселении с 1836 г. в с. Урике, в 1845 г. переведен в Тобольск (выехал из Иркутска 20 мая), где и умер.

[7] *Анненкова Полина* (Прасковья) *Егоровна* (урожд. Гебль, 1800—1876), жена И. А. Анненкова, приехавшая за ним в Читинский острог в марте 1828 г. Автор воспоминаний, умерла в Нижнем Новгороде. *Анненков Иван Александрович* (1802—1878), поручик Кавалергардского полка, член Южного общества, осужден по II разряду, умер в Нижнем Новгороде.

[я] Так, русской буквой «л» (видимо, от франц. серебр. монеты — ливр), Волконская обозначает цену в фунтах стерлингов.

[8] Возможно, *Михаил Матвеевич Спиридов* (1796—1854), майор Пензенского пехотного полка; осужден по I разряду, вышел на поселение в 1839 г. Жил под Красноярском в дер. Дрокино, где и умер. Похоронен в с. Емельяново.

56. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 3—4 об.

[1] Имеется в виду эпидемия холеры.

[2] А. А. Альфонский.

[3] Н. Н. Муравьев (см. примеч. 6 к письму 15).

[4] *Тэер Альбрехт-Даниель* (1752—1828), знаменитый немецкий агроном, которого еще при жизни современники называли «отцом плодосеменного хозяйства». Он был большим специалистом по огородничеству, садоводству и животноводству, автором многотомного курса «Основания рационального сельского хозяйства». Перевод одного из его трудов и сделал Н. Н. Муравьев, приспособив его для сельского хозяйства России.

[5] М. М. Спиридов происходил из богатых дворян Владимирской губ., но из-за братьев, один из которых был даже начальником Сибирского таможенного округа, остался совсем без средств к существованию. Муханов и в дальнейшем, уже живя на поселении, пытался помочь в добывании средств на жизнь своему товарищу по каторге и ссылке.

57. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 6—7 об.

[1] А. А. Альфонский активно помогал пострадавшему от холеры населению.

58. В. М. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 5. 18. Л. 10—12

[1] *Свешникова Мавра Осиповна*, жена учителя военных кантонистов, была любимой горничной П. М. Муравьевой. На ее имя в основном шла тайная переписка декабристов. Потом она некоторое время жила у Фонвизиных.

[2] Окна прорубили осенью 1830 г.

[3] Этому письму, видимо, предшествовало личное письмо М. Н. Волконской к Е. А. Шаховской, в котором излагались неудобства жизни в казематах Петровской тюрьмы из-за отсутствия окон. Но письмо попало сначала к Бенкендорфу и произвело определенный эффект. Поэтому Бенкендорф переслал его Елизавете Александровне 6 дек. 1830 г. со своим ответом: «Препровождая при сем письмо от Марии Николаевны Волконской к вашему сиятельству из Петровского острога, долгом считаю уведомить вас, милостивая государыня, что его императорское величество, получив от г-на коменданта генерал-лейтенанта Лепарского рапорт об устройстве сего острога, по собственному побуждению беспредельного своего великодушия высочайше повелеть изволил, чтобы в остроге сделаны были светлые окна и проч.

При сем не могу я не заметить, что жены, разделяющие по собственному непреодолимому своему желанию участь в сем остроге несчастливых своих мужей, неумеренным ропотом своим на случайные, но необходимые неприятности оказывают неблагодарность к монарху милосердному, сделавшему уже все возможное к облегчению их прибытия и отменившему даже для их утешения некоторые постановления существующих коренных узаконений» (Декабристы. Летописи Гос. литературного музея. М., 1938. Кн. 3. С. 21—22).

Отголоски этой переписки и дошли, вероятно, до Волконской. Из письма Волконской к В. М. Шаховской ценно сведение, что к 19 янв. 1831 г. окна в казематах уже были прорублены, в то время как И. Д. Якушкин свидетельствовал, что это было сделано в апр., а Розен — даже в мае 1831 г.

[4] А. Г. Муравьева.

[5] Речь идет о Польском восстании 1830—1831 гг.

[6] *Фонвизина Наталья Дмитриевна* (урожд. Апухтина, во втором браке Пущина, 1805—1869), жена М. А. Фонвизина, приехавшая за ним в Читинский острог в марте 1828 г. Дети ее, родившиеся в Сибири, не выжили. Умерла в Москве.

[7] Одно время у А. Н. и П. М. Муравьевых жила Е. М. Шаховская.

[8] *Орлова Екатерина Николаевна* (1797—1885), старшая сестра М. Н. Волконской, с 1821 г. жена М. Ф. Орлова.

[9] Проялов — возможно, управляющий Орловых.

59. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 9—10 об.

[1] Мадам де Кампан — по-видимому, так шутливо называли в семье Шаховских гувернантку — по имени г-жи Кампан, записки которой, полные сплетен французского двора середины 1770-х гг., печатались в начале 1820-х гг. в прибавлении к «Русскому инвалиду» — журнале «Новости литературы».

60. Е. А. Альфонской

ГБЛ. Ф. 336/II, 28. 5. Л. 1—2 об.

61. Е. А. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 28. 7а. Л. 5—6 об.

[1] Возможно, *Александр Николаевич Норов*, товарищ Муханова по училищу колонновожатых. Лангерской — жаргон Муханова — лагерный, товарищ по лагерю в Осташеве.

[2] Пучковы — см. примеч. 7 к письму 46.

[3] Верещагин — московский полицейский.

[4] Е. М. Голицына.

62. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 11—12 об.

[1] Е. М. Шаховская.

63. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 13—14 об.

[1] См. примеч. 2 к письму 54.

[2] См. примеч. 4 к письму 56.

[3] Н. Н. Муравьев обещал прислать перевод труда «Основания рационального сельского хозяйства».

64. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 15—16 об.

65. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 17—18 об.

66. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 19—20 об.

[1] Имеется в виду книга Ксавье де Местра «Путешествие вокруг моей комнаты» (1794, русский перевод 1802).

67. Е. А. и В. М. Шаховским

ГБЛ. Ф. 336/II, 28. 7а. Л. 7—8 об.

[1] Речь, вероятно, идет о М. О. Свешниковой.
[2] Возможно, няня Шаховских.
[3] Видимо, так Муханов с иронией называет зятя-профессора.
[4] Е. С. Шаховская.
[5] Д. И. Барышников, родственник Н. В. Басаргина.
[6] *Басаргин Николай Васильевич* (1799—1861), питомец училища колонновожатых, поручик, член Союза благоденствия и Южного общества, осужден по II разряду, с 1836 г. на поселении в Туринске, с 1842 г. в Кургане, автор воспоминаний, умер в Москве.

68. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 17. Л. 33—34 об.

[1] *Розен Кондратий Андреевич* (1831 — не позднее 1899), бар., сын декабриста А. Е. Розена, штабс-капитан гвардейской артиллерии, назван отцом в честь К. Ф. Рылеева.
[2] *Давыдова Александра Ивановна* (урожд. Потапова, 1802—1895), жена В. Л. Давыдова, приехавшая за ним в Читинский острог в марте 1828 г. *Давыдов Василий Львович* (1792—1855), отставной полковник, член Южного общества, осужден по I разряду. Умер на поселении в Красноярске.
[3] *Коновницын Петр Петрович* (1802—1830), гр., подпоручик гвардейского Генерального штаба, член Северного общества, с конца 1826 г. рядовой на Кавказе, в 1829 г. прапорщик.

69. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 28—29 об.

[1] 11 июля 1831 г. А. Н. Муравьеву был присвоен чин ст. сов. и он был назначен председателем Иркутского губернского правления.
[2] Возможно, причиной того, что М. Н. Волконская в это время не жила в тюрьме, была ее беременность.

70. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 30—31 об.

[1] Какое несчастье случилось с Н. А. Саблуковым, выяснить не удалось.

71. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 32—33 об.

[1] Тетушка Юлия — жена Н. А. Саблукова.
[2] Госпожа Брашкова — видимо, компаньонка тетушки Юлии.
[3] Возможно, это связано с получением Е. А. Альфонской небольшого наследства, которым она хотела поделиться с братом.
[4] По аналогии с восточной сказкой Волконская, вероятно, пред-

ставляет Муханова человеком, не стремящимся взять более того, что он может унести, а проще — не хочет своими нуждами ущемлять других.

72. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 34—35 об.

73. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 36—37 об.

[1] Е. С. Шаховская скончалась 4 нояб. 1831 г.

[2] Е. М. Шаховская в это время находилась в Сибири, в семье Муравьевых.

74. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 40—41 об.

[1] У Е. А. Шаховской родился сын *Александр* (1831—1906).

[2] Смерть свекрови.

75. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 42—43 об.

[1] Речь идет о Лили и Валентине Шаховских, потерявших мать.

76. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 44—45 об.

[1] 23 янв. 1832 г. умер *Алексей Ильич Муханов*, действ. тайный сов.

[2] Е. Н. Орлова.

77. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 46—47 об.

[1] Михаил Волконский родился 10 марта 1832 г.

78. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 48—49 об.

79. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 50—51 об.

[1] *Лерминье Жан-Луи-Эжен* (1803—1859), французский юрист и публицист. Сочинение, которое просит прислать Муханов: Introduc-

tion générale a l'histoire du droit. Брюссель, 1830 (Общее введение в историю права).

[2] «Телескоп» — журнал современного просвещения, выходил в Москве в 1831—1836 стараниями Н. И. Надеждина. «Продолжение этого труда», объявленного в № 1 «Телескопа» за 1832 г.: Philosophie du droit, par M. Eugéne Lerminier. Paris, 1832. 2 vol. (Философия права, Евгений Лерминье. Париж, 1832. 2 части).

80. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 54—55 об.

[1] Н. А. Саблукову.

[2] В. М. Шаховской, служа адъютантом у М. С. Воронцова, встречался в Одессе с М. Н. Волконской (тогда еще Раевской) и с А. С. Пушкиным, с которым мог переписываться.

81. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 14. Л. 57—58 об.

[1] Розены отправились на поселение в Курган.

[2] *Глебов Михаил Николаевич* (1804—1851), коллежский секретарь, член Северного общества. Осужден по V разряду, на каторге в Чите и Петровском заводе, с 1832 г. на поселении в с. Кабанском, Верхнеудинского округа, Иркутской губ.

[3] Павел Муханов.

82. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 7—9 об. *Сиверс*. С. 183—187

[1] Речь идет о Павле Муханове, который еще после окончания училища колонновожатых резко отошел от семьи, жил отдельно.

[2] Варвара Шаховская.

83. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 11—12 об. *Сиверс*. С. 187—190

[1] Муханов, видимо, имеет в виду *Андрея Федоровича Фурмана* (1795—1835), капитана Черниговского пехотного полка, члена Общества соединенных славян, осужденного по VIII разряду, и *Федора Петровича Шаховского* (1796—1829), кн., отставного майора, члена Союза спасения и Союза благоденствия, осужденного также по VIII разряду.

84. Н. Л. Завалишиной

Рус. старина. 1881. Т. 32. Сент.—дек. С. 426

[1] *Завалишина Надежда Львовна* (урожд. Толстая, 1774—1854), вторая жена инженер-ген.-майора *Иринарха Ивановича Завалишина*, мачеха Д. И. Завалишина.

[2] *Завалишин Дмитрий Иринархович* (1804—1892), лейтенант флота, член Северного общества, осужден по I разряду, на поселении с 1839 г. в Чите, после амнистии остался в Сибири. В 1863 г. выслан в Казань «под бдительный полицейский надзор», оттуда вскоре переехал в Москву, где и умер.

[3] Письму предшествовало предисловие Д. И. Завалишина: «В бумагах, оставшихся после смерти моей сестры в 1880 году и мне переданных, я нашел письмо Петра Александровича Муханова от 2 февраля 1833 г. к моей мачехе <...>. П[етр] А[лександрович] был сам замечательный археолог. Заметим, кстати, и здесь, что письмо П. А. Муханова составляет новое обличение Петра Бартенева, отрицавшего, что еврейские книги имелись в каземате». Интересны примечания к этой публикации, сделанные примерно через год А. Ф. Фроловым (Рус. старина. 1882. Т. 34. № 6. С. 713): «Что сказать мне о письме П. А. Муханова к мачехе автора. Желая утешить ее, он передает ей слышанное им от ее пасынка об изучении еврейского и всех западных и восточных языков, сознавая при том, что он не судья в этом деле; но автор, вероятно, чтоб придать более авторитета лестному о нем отзыву, возводит его в ученую степень и провозглашает замечательным археологом. П. А. Муханов был добрый и умный человек, но простодушный, скромный, без тщеславия. От почетного звания археолога он бы, верно, отказался. Как литератор, он выказывал несомненный талант. Повести его с описанием русского быта и нравов наших представляли увлекательный рассказ, но он себя за ученого не выдавал. Не знаю, в чьих руках остались произведения его легкого и даровитого пера, но они были бы ценной находкой для любого журнала».

85. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 13—14 об.
Сиверс. С. 190—192

[1] *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844), гр. (с 1832 г.), шеф Корпуса жандармов и начальник III отделения с. е. и. в. канцелярии (1826—1844), ген.-адъютант.

[2] См. письмо 86 и примеч. 1 к нему. Е. А. Бакунина, вдова директора имп. Академии наук *Павла Петровича Бакунина* (1776—1805). Письмо с ее помощью дошло до адресата.

[3] Камлот — суровая шерстяная ткань.

86. А. Х. Бенкендорфу

ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826 г. Д. 61. Ч. 70.
Л. 5—5 об.
Сиверс. С. 192—193

[1] Не успело дойти до Бенкендорфа письмо Муханова, как в марте 1833 г. Н. А. Муханова послала по тому же адресу письмо с просьбой о переселении сына в Тюмень, Ишим или Ялуторовск — в Зап. Сибирь, «где лучше климат» (*ЦГАОР*. Ф. 109. I эксп., 1826 г. Д. 61. Ч. 73. Л. 1—2). Чуть позже, 10 июня того же года, на имя Бенкендорфа пришло ходатайство от С. И. Муханова о переводе племянника в Тюмень, Ишим или Ялуторовск. В верхнем

углу прошения рукою Бенкендорфа написано: «Ответить, что этого сделать нельзя, ибо очень дурно себя ведет и недостоин снисхождения». Рукою Мордвинова: «Ответ дан 17 июля 1833 г.» (Там же. Л. 3—3 об.). Рукою Бенкендорфа: «Генерал-губернатор Лавинский назначил поселить Муханова: Иркутской губернии Нижнеудинского округа в Братский острог, куда он уже и отправлен. Государь предпочитал поселить его Якутской области в Верхоянске» (Там же. Л. 4).

87. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 2—3 об.
Попов П. Н. П. А. Муханов в Сибири. С. 204—206

[1] *Саблуков Александр Александрович* (1773—1857), дядя Муханова по матери, ген.-лейтенант.

[2] *Муханов Александр Алексеевич* (1800—1834), полковник, адъютант гр. А. А. Закревского, двоюродный брат декабриста, состоявший в это время в ведомстве Министерства иностранных дел и служивший при Московском главном архиве.

[3] Известный археограф и историк гр. *Николай Петрович Румянцев* (1754—1826) издавал специальные каталоги своего уникального книжного собрания, среди которого были и труды, которые Муханов считал необходимым перевести на русский язык.

[4] Муханов имел в виду «Свод законов российских» издания 1832 г., о котором было возвещено высочайшим манифестом от 31 янв. 1833 г. и который вступал в силу с 1 янв.

[5] *Мария Михайловна Голынская* (урожд. кнж. Шаховская, 1790—1849).

88. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 3—4 об.
Попов П. Н. П. А. Муханов в Сибири. С. 207—209

89. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—2 об.

[1] *Керестури Франц Францевич* (1735—1811), профессор анатомии и хирургии Московского университета, с 1804 г. первый президент основанного М. Н. Муравьевым Общества соревнования медико-физических наук.

[2] *Пущин Иван Иванович* (1798—1859), судья Московского надворного суда, член Северного общества, осужден по I разряду. С 1839 г. на поселении в городах Тобольской губ.— Туринске и Ялуторовске. После амнистии поселился в подмосковном имении вдовы декабриста Н. Д. Фонвизиной, которая стала его женой. Умер в Бронницах.

[3] *Чернышев Захар Григорьевич* (1796—1862), гр., приятель Муханова по училищу колонновожатых, ротмистр Кавалергардского полка, член Южного общества, осужден по VII разряду. Сослан на поселение в Якутск. В 1829 г. переведен рядовым на Кавказ, через четыре года уволен в отставку в младшем офицерском чине. Послед-

ние годы жизни провел в Италии, умер в Риме.

[4] *Бибикова Софья Никитична* (урожд. Муравьева, 1829—1892), дочь Н. М. и А. Г. Муравьевых известна среди декабристов под именем Нонушки, автор воспоминаний об отце.

90. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 5—6 об.

[1] Степан Дмитров — возможно, С. Д. Нечаев.

[2] Речь идет о возможной женитьбе Муханова на Варваре Шаховской.

91. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 7—8 об.

[1] См. в приложении письмо Варвары Шаховской А. Х. Бенкендорфу от 12 июля 1833 г.

[2] *Бобрищевы-Пушкины* — знакомые Муханова еще по училищу колонновожатых и первым литературным занятиям в Москве. *Николай Сергеевич* (1800—1871), поручик квартирмейстерской части, член Южного общества, осужден по VIII разряду. Отправлен на поселение в Среднеколымск Якутской обл., в 1827 г. переведен в Туруханск. После лечения в енисейской больнице переведен в 1831 г. в дом умалишенных в Красноярск. *Павел Сергеевич* (1802—1865), поручик квартирмейстерской части, член Южного общества, осужден по IV разряду. В 1832 г. переведен на поселение в Иркутскую губ., а через год — к брату в Красноярск. В 1839 г. братья были переведены в Тобольск.

[3] *Беляев Александр Петрович* (1803—1867), мичман Гвардейского экипажа, осужден по IV разряду. Отбыв каторгу и поселение в Минусинске, в 1839 г. переведен рядовым на Кавказ, в 1844 г. произведен в офицеры и вскоре уволен со службы. Автор воспоминаний, умер в Москве. *Петр Петрович (ум. 1864)*, мичман Гвардейского экипажа, прошел точно такой же путь, как и брат.

92. *Е. А. Шаховской*

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—2 об.

[1] Муханов еще не знает, что по доносу Медокса в апр. 1833 г. обнаружен ящик с семенами, на дне которого были спрятаны письма к нему Варвары Шаховской. И. Б. Цейдлер докладывал об этом Лавинскому, а тот — Бенкендорфу (*Сиверс.* С. 194—195). А. Н. Муравьев вынужден был объясниться по этому поводу с шефом жандармов (Там же. С. 196—198). Вслед за письмом с просьбой разрешить брак с Мухановым и Варвара Шаховская вынуждена была писать Бенкендорфу, так объясняя свой поступок и позицию А. Н. Муравьева: «Зная о моих желаниях, он [А. Н. Муравьев.— Г. Ч.] всегда старался доказать мне все их безрассудство и неисполнимость. Он сделал все от него зависящее, чтобы заставить меня отказаться от моего решения, и я, по крайней мере, могу сказать в свое оправдание, что пока я могла опасаться, что необдуманный поступок с моей стороны мог причинить ему какой-либо вред, я не

позволила себе никакой попытки к осуществлению моих желаний. Я помнила всегда, что, уехав со своим зятем, я должна была проявлять заботу о его судьбе, и всегда я избегала всего, что могло бы его сколько-нибудь скомпрометировать. Неожиданное известие о выходе на поселение вдруг поколебало твердость моей души: убежденная, что всякие браки разрешаются в Сибири, я решила, что все препятствия теперь отпали, и, забыв всякие соображения, позволила себе увлечься и совершить поступок, имевший столь печальные последствия,— я не смогла устоять перед соблазном вступить в сношения с моим несчастным другом, но кто на свете, ощутив близость счастья, нашел бы в себе еще силы отказаться от возможности его получить, быв несчастной, как я, в течение всей моей жизни; эта надежда счастья ослепила мою душу и сделала меня непростительно виноватой» (*Сиверс*. С. 199).

[2] Муханов более чем на век предугадал устройство будущей плотины Братской ГЭС. См. подробнее: Герасимов В. Декабрист П. А. Муханов в Братском остроге // Сибирь. 1975. № 6. С. 109—117.

93. И. Б. Цейдлеру

ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826 г. Д. 61. Ч. 73. Л. 10.
Сиверс. С. 200—201

94. Н. А. Мухановой

Сиверс. С. 201

95. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 9—10 об.

[1] Видимо, ответ брата на шуточное предложение сестры стать гувернером ее детей.

[2] Скорее всего, Муханов говорит о «Словаре Академии Российской» в 6 т. (Спб., 1806—1822).

[3] «Ученые записки императорского Московского университета», которые Муханов получал через А. А. Альфонского.

[4] Павел Муханов в это время готовил сборник «Памятники XVIII в.», который вышел в Москве в 1834 г.

[5] *Мухановы Дмитрий Ильич* (ум. 25 июля 1833) и *Иван Ильич* (ум. 2 сент. 1833).

[6] См. примеч. 5 к письму 56.

[7] *Анненкова Анна Ивановна* (урожд. Якобий, ум. 1842), мать декабриста. О том, что она окружила себя роскошью и французами, см.: Воспоминания Полины Анненковой. Красноярск, 1977. С. 65. Французы за ее роскошествование прозвали ее la reine de Golconde (королева Голконды). *Мадам Мегрон* — владелица модного магазина на Кузнецком мосту.

96. Е. А. и В. М. Шаховским

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 16. Л. 3—4

[1] В это время В. М. Шаховская жила с семьей Муравьевых в Тобольске.

97. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 11—12 об.

[1] Официальный отказ на брак Муханова был получен на имя губернатора Лавинского от 6 нояб. 1833 г. за № 5076 (Попов Н. П. П. А. Муханов в Сибири. С. 214).

[2] Дочь А. Н. Муравьева Прасковья (Поленька) умерла 20 дек. 1833 г.

[3] Этимологический лексикон русского языка, удостоенный императорскую Академиею наук полной премии... Составленный Филиппом Рейфом, сочинителем русской грамматики для иностранцев и переводчиком пространной русской грамматики Н. И. Греча. Спб., [1833].

[4] Деньги на постройку избы Муханову выслал брат Павел.

98. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 13—13 об.

99. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 16. Л. 14—15 об.

[1] 21 дек. 1833 г. был издан приказ о назначении А. Н. Муравьева в г. Вятку председателем уголовной палаты. Варвара Шаховская переезжала с его семьей.

[2] «Revue Etrangère»— журнал-обозрение о литературе, науках и искусствах. Избранные статьи из лучших трудов и периодических сборников, опубликованных в Европе. Биллизар и К°, книжная торговля при дворе. Спб., 1832; «Revue Britannique»— избранные статьи, переведенные с лучших периодических изданий Великобритании о литературе, об изобразительном искусстве, о художественных промыслах, о сельском хозяйстве, географии, коммерции, политической экономии, финансах, законодательстве и т. д., и т. д. Брюссель, 1833. 3-я серия; Bentham — Бентам Иеремия. Деонтология, или Наука о морали. Посмертное издание произведения Иеремии Бентама, отредактированное и опубликованное Джоном Боурингом, переведенное с рукописи Бенджамином Ларошем. Париж, 1834.

[3] Полевой Н. А. История русского народа. М., 1829—1833. Т. 1—6.

[4] *Смирдин Александр Филиппович* (1795—1857), известный петербургский книгопродавец и издатель. С 1834 г. издавал «Библиотеку для чтения», положившую начало русским «толстым» журналам.

[5] Видимо, речь идет о «морской» повести А. А. Бестужева «Фрегат «Надежда» (Спб., 1833), сюжет которой и герои были известны Муханову. Но, прочитав ее, он разочаровался (см. письмо 108).

[6] А. А. Альфонский.

100. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 16—16 об.

101. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 18—19

102. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 20

103. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 21—22

[1] А. Х. Бенкендорф.

[2] Речь идет о произведениях *Сильвио Пеллико* (Pellico) (1789—1851), талантливого итальянского писателя, который за борьбу против австрийского правительства был арестован и посажен в крепость Шпильберг. Выпущенный на волю после долгого заключения, он опубликовал свои мемуары «Le mie prigioni» (Мои тюрьмы), которые уже в 1836 г. были переведены на русский язык. Но декабристы читали их еще в подлинниках.

104. Н. А. Мухановой

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 16. Л. 5—6

105. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 24—25

[1] Наташа — дочь Е. А. и В. М. Шаховских.

[2] З. Г. Чернышев после солдатской службы на Кавказе (1829—1833) был произведен в офицеры, получив право на отпуск, приехал на родину и в 1834 г. в Яропольце обвенчался с Е. А. Тепловой, дочерью сенатора.

106. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 26—26 об.

[1] А. А. Муханов был женихом А. К. Шернваль.

107. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 28—29

[1] После 1825 г. «Сев. пчела» (с 1831 г. ежедневное издание) становилась все более реакционным изданием, и декабристы это быстро поняли.

108. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 30—30 об.

[1] *Екатерина Павловна Бакунина*, двоюродная сестра Муханова.

[2] *Бакунин Илья Модестович* (1800—1841), ген.-майор, погиб на Кавказе. Кузен Муханова (двоюродный брат Е. П. Бакуниной).

[3] Скорее всего, речь идет о повести А. А. Бестужева «Фрегат «Надежда» (см. письмо 99).

[4] *Масальский Константин Петрович* (1802—1861), известный во второй трети XIX в. романист, ныне забытый. Возможно, Муханов читал одну из его исторических повестей времен Петра I, изданную в 1833 г.

109. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 32—33

[1] В нояб. 1834 г. у Шаховских родилась дочь Софья.

[2] С. А. Мадатова.

110. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 34—35

[1] В дек. 1834 г. у Павла Муханова умер сын-младенец.

[2] Омофор — часть архиерейского облачения.

[3] *Шаховская Марфа Михайловна* (1799—1885), с 1841 г. вторая жена А. Н. Муравьева.

111. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 36—37

[1] Фуляр — мягкая шелковая ткань полотняного (тафтяного) переплетения, шла в основном на носовые платки.

112. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 38

113. Е. А. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 28. 6. Л. 1—2

[1] С 25 мая 1835 г. А. Н. Муравьев, с семьей которого жила Варвара Шаховская, служил в Симферополе.

114. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 42—43

[1] См. примеч. 7 к письму 46.

115. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 44—45

[1] Павел Муханов был женат первым браком на гр. *Жозефине Осиповне Мостовской* (скончалась в 1846 г. в Вене), ранее бывшей замужем за бароном Павлом Моренгеймом.

[2] Нарма — имение Павла Муханова в Елатомском уезде Тамбовской губ.

[3] Возможно, речь идет об овдовевшем полтора года назад А. П. Бакунине.

116. Е. А. Шаховской

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 16. Л. 46—47

[1] Родственница Мухановых.

117. Е. А. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 28.7а. Л. 3—4

[1] В авг. 1836 г. по инициативе Н. А. Мухановой была предпринята очередная попытка перевести Муханова в более приемлемое для проживания место — Туринск. По ходатайству С. Б. Броневского в отсутствие Бенкендорфа делом занимался статс-секретарь А. Н. Мордвинов. Но прошение вновь было оставлено без ответа (ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826 г. Д. 61. Ч. 73. Л. 18).

[2] В. П. Ивашев прибыл с семьей на поселение в Тобольск в середине авг. 1836 г., а менее чем через три месяца об этом уже знал Муханов. Это говорит о большой осведомленности находящихся на поселении, изыскивающих любые возможности для связи, несмотря на все запреты цензуры.

118. В. С. Евлатьевскому

ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 315. Л. 6

[1] *Евлатьевский Владимир Сергеевич*, в 1836 г. состоявший в должности гражданского губернатора Иркутска.

119. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 4—5

[1] 23 окт. 1836 г. скончалась Е. А. Шаховская.

120. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 6—7

121. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 8—9

122. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 14—15

123. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 18—18 об.

[1] Речь идет о предстоящей свадьбе сестры Шаховского и Н. Е. Лукаша.

124. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 20—21

125. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 22—23

[1] А. Н. Муравьев, борясь с беспорядками в Крыму и столкнувшись с самим М. С. Воронцовым, вновь остался без места службы.

[2] Речь идет о Н. А. Муханове, в то время наиболее преуспевающем в жизни двоюродном брате декабриста. *Николай Ильич Муханов* — их дядя, известный среди родственников любитель карт и «корыстолюбивых расчетов».

126. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 24—25

[1] Е. М. Шаховская много сил отдавала воспитанию детей брата после смерти их матери.

[2] В нояб. 1837 г. А. Н. Муравьев был назначен архангельским гражданским губернатором.

[3] Дочь А. Н. Муравьева.

[4] *Делиль Жак* (1738—1813), французский поэт, перевел поэму Вергилия «Георгики». Многие герои его произведений — пастухи, землепашцы, садоводы и мечтатели. Был популярен в России в начале XIX в.

127. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 26—27 об.

[1] В. М. Шаховской женился вторично на гр. *Софье Гавриловне де Реймон-Моден* (1805—1884), дочери обер-егермейстера гр. *Гавриила Карловича* (1773—1833), женатого на *Елизавете Николаевне Салтыковой* (ум. 1852). В связи с этим Шаховской переехал в Петербург, поселился в доме жены и занял место младшего директора Государственного коммерческого банка. Новая должность потребовала частых поездок в Европу. Муханов, по-видимому, был недоволен этой женитьбой и жену друга за ее немолодой возраст даже прозвал «инвалидом дворцовых коридоров» (письмо 157.). Но Шаховскому он в недовольстве не признавался, поэтому дружба их от этого не пострадала.

128. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 28—29

[1] Е. М. Шаховская ездила проведать семью А. Н. Муравьева в Архангельск.

[2] *Пятницкий Андрей Васильевич* (у Муханова ошибка в имени), иркутский гражданский губернатор (1839—1848).

129. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 32—32 об.

130. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 34—35

131. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 36—37

132. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 38—39

133. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 40—41

[1] Павел Муханов одно время владел сахарным заводом.

[2] 7 июня 1839 г. А. Н. Муравьев был уволен с должности за поддержку крестьян с. Ижмы, Архангельской губ. Оставшись без службы, он и поселился с семьей в своем небольшом имении Ботово, терпя сильную нужду.

134. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 42—42 об.

135. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 44—45

136. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 46—47

137. И. И. Пущину

ГБЛ. Ф. 243, 2.32. Л. 1—2
Записки ОР ГБЛ. М., 1939. Вып. 3. С. 37—38

[1] К. П. Ивашева умерла 30 дек. 1839 г., Василий Петрович — 28 дек. 1840 г.

[2] *Лунин Михаил Сергеевич* (1787—1845), подполковник л.-гв. Гродненского гусарского полка, член Северного общества, осужден по II разряду. За написание политических статей на поселении арестован 27 марта 1841 г., доставлен в Акатуйский тюремный замок при Нерчинских горных заводах, где и умер.

[3] *Уварова Екатерина Сергеевна (1791—1868)*, сестра М. С. Лунина, адресат его «Писем из Сибири».

[4] *Поджио Иосиф Викторович* (1792—1848), отставной штабс-капитан, член Южного общества, осужденный по IV разряду, тяжело болел на поселении. К нему, жившему с 1834 г. в Усть-Куде, переехал потом и младший брат *Александр Викторович Поджио* (1798—1873), отставной подполковник, член Южного общества, осужденный по I разряду. Они-то и приютили на первое время у себя Муханова после его переезда в Усть-Куду.

[5] *Вадковский Федор Федорович* (1800—1844), прапорщик Нежинского конно-егерского полка, член Северного и Южного обществ, осужден по I разряду, умер на поселении в с. Оёк Иркутской губ.

[6] Михаил Волконский.

138. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 48—49

[1] Е. М. Шаховская.

[2] Целью поездки было лечение в Италии дочери Шаховского Наташи.

[3] Долголядье — одно из имений А. Н. Муравьева, которое перешло к нему после смерти отца в 1840 г.

[4] Возможно, кн. *Варвара Петровна Щербатова* (ум. 1843), дальняя родственница Мухановых.

139. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 50—51 об.

140. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 52—53 об.

[1] Е. А. Шаховская.

141. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 54—55

[1] В конце мая — начале июня 1841 г. Н. А. Муханова вновь начала хлопотать о переводе сына в более удобное для житья место. 20 нояб. Бенкендорф сообщил матери декабриста о том, что ему дано разрешение на переселение в Усть-Куду (*ЦГАОР*. Ф. 109. I эксп., 1826 г. Д. 61. Ч. 73. Л. 24, 26—26 об., 28).

[2] «Молодая сибирячка», или «Параша Сибирячка» — новелла на

русские темы французского писателя и ученого *Ксавье де Местра* (1763—1852), эмигрировавшего в Россию. Н. А. Полевой написал драму «Параша Сибирячка», премьера которой состоялась в Александринском театре 17 янв. 1840 г.

142. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 56—57

143. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 58—59 об.

[1] Дочь Шаховского Наташа и сестра Клеопатра Михайловна продолжали лечение в Италии.

144. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 60—61

[1] Волконские поселились в Урике в марте 1837 г.

[2] Никита Муравьев жил в Урике с 1836 г., построил там себе большой дом, занимался сельским хозяйством.

[3] С. И. Муханов умер 20 марта 1842 г.

[4] Жена С. И. Муханова *Варвара Дмитриевна* (урожд. Тургенева) умерла в 1845 г.

[5] У С. И. Муханова остались четыре дочери: *Мария* — автор «Записок» (Рус. архив. 1878. Т. 1. Ч. 1. С. 209—215; Ч. 2. С. 299—325), *Анна, Елизавета* и *Екатерина;* все были фрейлинами.

[6] Н. А. Муханов.

145. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 62—62 об.

[1] *Гавриил Валентинович Шаховской* (р. 1842), кн.

146. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 64—65

[1] Икугун — название по Икэ-Угун, реке в Иркутской губ., одному из двух значительных притоков Иркута.

[2] Хлопоты о предоставлении Муханову квалифицированного лечения начались им самим, друзьями и родственниками более чем за год до его поездки в Икугун. Интересно в этом отношении письмо С. Г. Волконского, отправленное на имя начальника 8-го жандармского округа 11 февр. 1841 г.: «Находящийся на поселении в Братском остроге Петр Александрович Муханов одержим цинготною болезнию, которая с давнего времени обратилась в хроническую и по сему самому требует просвещенного медицинского обзора и наставления искусством врачей или пользования оными.

Муханов просит при теперешнем удобном в зимнем времени переезде и свободном от сельских занятий позволения приехать на несколько недель в город Иркутск или в слободу Урику для объяснения медикам роста его болезни и личным их взглядам на оную и, наконец, получения наставления к его лечению.

Ваше превосходительство, во уважение изложенных причин не откажитесь ходатайством вашим у исполняющего должность генерал-губернатора — о дозволении Муханову на недолгое время приехать в Иркутск и Урику» (*ГАИО*. Ф. 24. Оп. 3. Д. 516. Л. 3).

147. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 66—67

148. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 68—69

[1] *Муханов Владимир Алексеевич* (1805—1876), двоюродный брат декабриста.

[2] *Бруни Федор* (Фиделио) *Антонович* (1799—1875), русский художник, итальянец по происхождению, учился в Петербургской Академии художеств (1809—1818) у А. И. Иванова. Из известных работ — романтический портрет З. А. Волконской в костюме Танкреда (1820, Рус. музей). Сюжет картины — Спаситель стоит на коленях и молит бога избавить его от чаши сей — в то время был близок Муханову, начинавшему в религии искать свое спасение.

149. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 70—71

[1] Муханов рассчитывал на дядю, Н. А. Саблукова, который мог повлиять на Павла Муханова в разделе семейного наследства, что дало бы Петру Александровичу возможность построить дом в Усть-Куде и жить без долгов.

150. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 74—75

151. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 76—77

152. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 80—81

[1] Битшрифты — послания о помощи.

153. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 82—83

[1] Полицеймейстер Чихачев — неустановленное лицо.

[2] *Коцебу Август Фридрих Фердинанд, фон* (1761—1819), не-

мецкий писатель, автор романов, рассказов и драм, написанных во вкусе немецкого мещанства.

154. Е. А. Альфонской

Сиверс. С. 206—207

[1] 7 янв. 1843 г. Муханову исполнилось 44 года.

[2] *Муханова Татьяна Алексеевна* (1799—1859) и ее сестры *Екатерина* (1804—1856), *Елизавета* (1808—1881) и *Прасковья* (1809—1894), двоюродные сестры декабриста.

155. И. И. Пущину

ГБЛ. Ф. 243, 2.32. Л. 2—4 об.
Записки *ОР ГБЛ.* Вып. 3. С. 42—43

[1] *Анна Ивановна*, сестра И. И. Пущина.

[2] Видимо, решение учить своих детей сообща возникло у урикской колонии декабристов после указа Николая I, изданного в февр. 1842 г., о детях декабристов, рожденных в Сибири. Им разрешалось получить образование в России с условием, что фамилии их будут «по отчеству», т. е. Сергеевы, Никитины, Васильевы.

[3] *Оболенский Евгений Петрович* (1796—1865), кн., поручик л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества, начальник штаба восстания, осужден по I разряду. По просьбе родных Пущина Оболенского поселили вместе с ним в Туринске, где они прожили до 1843 г., а потом их перевели в Ялуторовск.

[4] *Язвинский Александр Андреевич*, известный в 1830—1840-х годах педагог, изобретатель мнемонических методов изучения истории и других наук.

[5] М. Волконский.

[6] М. Н. Волконская.

[7] Н. М. Муравьев.

[8] *Муравьев Александр Михайлович* (1803—1853), брат Н. М. Муравьева, корнет Кавалергардского полка, член Северного общества, осужден по IV разряду, должен был выйти на поселение в 1832 г., но просил оставить его вместе с братом и три года ждал того. В 1837 г. определен канцелярским служащим в Тобольское губернское правление и в том же году женился на живущей в семье Волконских гувернантке *Жозефине Адамовне Бракман.* Их дети: *Никита* (1840—1843), *Михаил* (1842—1887), *Екатерина* (р. 1843), *Елена* (р. 1844), *Александра* (р. 1845) и *Лидия* (1847—1850).

[9] *Веденяпин Аполлон Васильевич* (1803—1872), прапорщик полевой артиллерии, член Общества соединенных славян, осужден по VIII разряду. Отбывал ссылку в Киренске, Иркутской губ., сильно бедствуя. В 1841 г. переведен в Иркутск, в 1855—1857 гг. жил в Енисейске. После амнистии возвратился в Тамбовскую губ., жил в д. Тройня, где и умер. Похоронен в с. Селищи (ныне Краснослободский р-н Мордовской АССР).

[10] В Оёке жили Трубецкие. Муханов, возможно, намекает на ожидание ими очередного ребенка. Сын Иван родился 13 мая 1843 г.

[11] Барон — лицо неустановленное.

[12] *Сутгоф Александр Николаевич* (1801—1872), поручик л.-гв.

Гренадерского полка, член Северного общества, участник восстания на Сенатской площади, осужден по I разряду. Жил на поселении в деревне Хомутово, потом в с. Оёк, близ Иркутска.

[13] *Анна Федосеевна Янчуковская*, с 1839 г. жена А. Н. Сутгофа. Происходила из семьи горного штаб-лекаря.

[14] Намек на связь И. И. Пущина с простой якутской женщиной, от которой родилась дочь *Анна* (Нина) *Ивановна* (в замужестве Палибина, 1842—1863).

[15] М. С. Лунин. Речь идет о его аресте в ночь на 27 марта 1841 г., который произошел еще до приезда Муханова в с. Усть-Куду.

156. Е. А. Альфонской

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 34—36

[1] Еще в конце 1833 г. Муханов получил разрешение от ген.-губернатора Вост. Сибири Н. А. Сулимы «продавать сельским жителям и менять на хлеб и другие припасы некоторые покупаемые им мелочные вещи, как-то: серу горючую, кремни, нашатырь, табак, соленую рыбу и соль» (*ЦГАОР*. Ф. 109. I эксп., 1826 г. Д. 61. Ч. 73. Л. 16—16 об.).

[2] Намек на труд Павла Муханова «Портфель для хозяев», вышедший впервые в Москве в 1834 г. и потом переиздававшийся. В нем описывалась преимущественно сельская архитектура.

[3] Тесть Павла Муханова гр. Тадеуш-Антуан Мостовский умер во Франции 6 дек. 1842 г.

[4] У Муханова ошибка: Альфонского звали Аркадием Алексеевичем.

[5] К письму приложен на особом листе план усадьбы: «План дома и места в Усть-Куде Петра Муханова». К плану — экспликация: «а) кухня, в) мои комнаты, все это на 4 саженях, д) сарай, конюшня, внизу к) речка. И все это стоит 4 тысячи. За одно пустое место взяли с меня около 300 руб.»

157. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 17—18 об.

[1] Нивинская Екатерина Дмитриевна — неустановленное лицо.

[2] Павел Муханов 16 мая 1842 г. был назначен вице-президентом Совета народного просвещения в царстве Польском.

[3] Е. А. Альфонская.

[4] См. примеч. 1 к письму 127.

158. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 88—89

[1] Двоюродные братья Н. А. и В. А. Мухановы.

159. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 90—91

[1] Н. И. Муханов умер 5 апр. 1841 г. Видимо, сведения в Сибирь об этом запоздали.

160. Е. А. Альфонской

Сиверс. С. 211—213

[1] Н. М. Муравьев умер в Урике 28 апр. 1843 г. после трехдневной тяжелой болезни.

[2] Возможно, В. А. Муханов.

[3] Сын А. М. Муравьева Никита умер 1 мая 1843 г.

[4] Архиепископ Иркутский *Нил* (в миру Николай Федорович Исакович), сын священника Могилевской губ., окончил Санкт-Петерб. духовную академию, был назначен в 1835 г. епископом Вятским, переведен в Иркутск 23 апр. 1838 г., возведен в сан архиепископа в апр. 1840 г., переведен в Ярославль в 1853 г.

161. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 96—97

[1] См. следующее письмо.

162. М. И. Березовскому

ЦГАОР. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—3 (черновик)

[1] *Березовский Матвей Иванович*, иркутский исправник, по-видимому, непосредственный начальник политических ссыльных и поселенцев Усть-Куды и прилегающих селений.

163. Н. А. Мухановой

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 182. Л. 19—20

164. Е. А. Альфонской

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 53—54

[1] С. А. Мадатова.

[2] Кто этот человек, установить не удалось.

165. А. В. Пятницкому

Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 151

[1] От Пятницкого прошение пошло к Руперту, который переправил его А. Ф. Орлову с объяснением, что Муханов мотивирует свою просьбу статьей из «Свода законов» изд. 1842 г. В ней говорится о лицах, сосланных в Сибирь на поселение, которые «могут причисляться в государственные крестьяне не прежде как через

10 лет по прибытии в Сибирь». Орлов не решился принять самостоятельное решение и обратился к редактору «Свода законов» Д. Н. Блудову. В результате появилась еще одна отписка: «Означенная просьба государственного преступника Муханова не подлежит удовлетворению по исключительному его пред обыкновенными поселенцами положению, которое заставляет смотреть на него как на политически умершего». В результате Руперт получил ответ Орлова: «Я имел счастье докладывать государю императору, но высочайшее соизволение на означенную просьбу Муханова не воспоследовало» (ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826 г. Д. 61. Ч. 13. Л. 6—8).

166. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 104—105

[1] А. Н. Муравьев в то время находился в крайне тяжелом финансовом положении: полученное после смерти отца наследство принесло ему лишь новые долги. Тогда-то и встал вопрос о возможной продаже имения (Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 328—330).

[2] А. З. Муравьев переписывался с сестрами Шаховскими.

167. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 106—107

[1] *Шаховской Михаил Валентинович* (с 1864 г. Шаховской-Глебов-Стрешнев, 1836—1891), кн., младший сын В. М. Шаховского от первого брака, с 1855 г. служил в Кавалергардском полку; ген.-лейтенант (1881), эстляндский (1870—1875) и тамбовский (1876—1879) губернатор.

168. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 108—109

169. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 112—113

170. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 114—115

171. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 118—119

[1] Т. е. с военными учебными заведениями.

[2] А. Н. Муравьев.

172. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 122—122 об.

173. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 124—125

[1] 10 (22) дек. 1847 г. умерла дочь Шаховского Наташа, лечившаяся в Италии.

174. Е. А. Альфонской

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 66—67 об.

[1] А. А. Альфонский с 1845 по 1850 г. находился в отставке в звании заслуженного профессора.

175. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 128—129 об.

[1] А. Н. Сутгоф был переведен в 1848 г. рядовым Кубанского полка на Кавказ.

[2] Мухановы были в дальнем родстве с Римскими-Корсаковыми, а через них с Грибоедовыми. Наташа — возможно, *Наталья Александровна Акинфиева* (урожд. Римская-Корсакова, 1792—1848).

176. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 130—131

[1] Слухи были ложными.

[2] Н. А. Саблуков умер от холеры 20 июня 1848 г.

177. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 134—135

[1] Екат. М. Шаховская.

178. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 136—137

179. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 138—139

180. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 140—141

181. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 146—147 об.

[1] *Муравьев* (Муравьев-Амурский после заключения 16 мая 1858 г. с Китаем Айгунского трактата, по которому Амур до самого устья сделался границей России с Китаем) *Николай Николаевич* (1809—1881), гр., с 1847 г. ген.-губернатор Восточной Сибири. В своей деятельности значительно расширил русские владения на Дальнем Востоке, улучшил положение ссыльных декабристов. Летом 1849 г. совершил дальнюю поездку на Восток России, посетил Камчатку.

182. Д. И. Завалишину

Рус. старина. 1881. Т. 32. Сент.— дек. С. 389

[1] Вероятно, письмо было написано Д. И. Завалишину в Читу после знакомства Муханова в Иркутске с Н. Н. Муравьевым-Амурским, который тогда занимался активной деятельностью по переоборудованию края. Оно еще раз подтверждает широкую осведомленность Муханова в делах своих товарищей-декабристов. Статья, о которой идет речь, не обнаружена.

183. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 148—149 об.

[1] Речь идет о книге *Даниеля Дефо* (1659—1730) «Робинзон», обессмертившей имя автора (ныне в многочисленных изданиях она известна под названием «Приключения Робинзона Крузо»).

[2] В конце 1840-х— начале 1850-х гг., накануне Крымской войны, подготовка офицеров для российского флота производилась в основном на Балтике.

184. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 150—151

[1] Имеются в виду пруды в усадьбе А. Н. Муравьева Осташево.

185. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 154—155

[1] Известие было ложным.

186. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 156—157

187. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 160—161 об.

188. В. М. Шаховскому

ЦГАОР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 4. Л. 164—165

[1] Видимо, Муханов ошибся в имени дяди, имея в виду А. А. Саблукова.

189. Е. М. Шаховской

ГБЛ. Ф. 336/II, 28. 8. Л. 3—6

[1] В. М. Шаховской скончался 12 июля 1850 г.

[2] А. В. Шаховской (1831—1906), впоследствии гофмейстер.

[3] Отец Н. Н. Муравьева-Амурского *Николай Назарьевич Муравьев* (1775—1845) был дальним родственником А. Н. Муравьева.

[4] *Корсаков Михаил Семенович* (1826—1871), в 1845 г. выпущен из школы гвардейских подпрапорщиков в л.-гв. Семеновский полк; в 1848 г. назначен чиновником по особым поручениям к ген.-губернатору Вост. Сибири и вскоре был командирован на Камчатку для перенесения Охотского порта в Петропавловск; в 1854 г. снарядил экспедицию на р. Амур, а в следующем году был назначен командующим амурскими войсками. В 1861—1871 гг. ген.-губернатор Вост. Сибири.

[5] *Трубецкой Сергей Петрович* (1790—1860), кн., полковник, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Осужден по I разряду На поселении Трубецкие жили с 1839 г. в с. Оёк, потом перебрались в Иркутск. В 1850 г. 16 лет исполнилось второй дочери Трубецких *Елизавете* (1834—1923 или февр. 1918), впоследствии замужем за П. В. Давыдовым.

[6] *Потемкина Елизавета Петровна* (урожд. Трубецкая, 1796—1870-е гг.), гр., сестра С. П. Трубецкого. Известна как посаженая мать со стороны жениха на свадьбе Пушкина с Н. Н. Гончаровой. С ней связано стихотворение поэта «Когда Потемкину в потемках я на Пречистенке найду...» В 1820-е гг. Потемкины были соседями с Шаховскими в Москве.

190. Е. А. Альфонской

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 76—77

[1] Муханов негласно опекал золотой прииск, которым владела его тетка С. А. Мадатова.

191. Е. А. Альфонской

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 80—81
Сиверс. С. 215—217

[1] В этом и следующем письме Петр Александрович говорит о себе в третьем лице, так как корреспонденция, скорее всего, идет по официальным каналам, отсюда и псевдоним.

[2] *Дорохова Мария Александровна* (1811—1887), двоюродная сестра декабристов Ф. Ф. Вадковского и З. Г. Чернышева. В 1830 г. вышла замуж за Р. И. Дорохова, сына известного генерала Отечественной войны 1812 г. Будучи очень несчастливой в браке, она в

конце концов разъехалась с мужем, который впоследствии был разжалован в солдаты и убит на Кавказе в Чеченской экспедиции 18 янв. 1852 г. Назначение Дороховой начальницей женского института Восточной Сибири состоялось 18 авг. 1849 г. Видимо, статьи Муханова об образовании в Сибири писались не без влияния Марии Александровны. После смерти Муханова Дорохова переписывалась с Е. А. Альфонской и даже выехала на встречу к ней. Но дружбы у них так и не получилось. 1 апр. 1855 г. она была назначена начальницей Нижегородского Мариинского института. В Нижнем Новгороде при ней жила внебрачная дочь Пущина Аннушка (см. примеч. 14 к письму 155), взятая ею на воспитание. Интересную характеристику Дороховой дает в своем дневнике Т. Г. Шевченко, который часто видел ее в 1857 г., когда жил в Нижнем Новгороде. Он написал и ее портрет, к сожалению не найденный.

[3] Оглоблино — небольшое имение матери декабриста в Коломенском уезде Московской губ.

[4] Муханов уже знает о как будто бы положительном решении царя на прошение матери о переводе сына в Россию.

192. Е. А. Альфонской

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 92—93 об.
Сиверс. С. 220—221

[1] 7 янв. 1854 г. Муханову исполнилось 55 лет.

193. Е. А. Альфонской

ИРЛИ. Отдельные поступления. № 26. 184. Л. 94—95
Сиверс. С. 227—228

[1] Письмо, написанное накануне смерти и так и не отправленное.
[2] Речь идет о делах С. А. Мадатовой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. В цензурный комитет Московского императорского университета

ЦГИА. Ф. 31. Оп. 1. Св. 12. Ед. хр. 53.
Л. 118—118 об. (копия)

Гирченко И. В. Неудавшаяся попытка издания «Военного журнала» // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 258—264

[1] Наст. изд. С. 55—60.

[2] Нечто о Наполеоне и Фридрихе II // Сын отечества. 1823. Ч. 86. № XXII. 4 июня. Отд. 3. История. С. 74—80.

[3] Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году (отрывок из истории Петра Великого, сочиненной генералом Аллартом)// Сев. архив. 1822. № 1. С. 3—25; № 2. С. 117—143.

[4] Наст. изд. С. 67—89.

[5] Не обнаружено.
[6] Не обнаружена.

2. *Заметки на полях трактата И. Г. Циммермана «Уединение. Его влияние на разум и чувство»*

Петряев Е. Д. Живая память. М., 1984. С. 71—72

[1] Книга немецкого врача и философа *И. Г. Циммермана* (1728—1795) во французском переводе (В 2 т. Париж, 1817) была подарена Мухановым И. И. Пущину с надписью по-французски на контртитульном листе: «Пущину от Муханова».

3. *В. М. Шаховская — А. Х. Бенкендорфу*

ЦГАОР. Ф. 109. I эксп., 1826 г. Д. 61. Ч. 73.
Л. 14—15 об.
Попов П. Н. П. А. Муханов в Сибири. С. 242—243

4. *А. Белоголовый — А. А. Альфонскому*

Сиверс. С. 229—230

[1] *Белоголовый Андрей Васильевич* (ок. 1804—1860), иркутский купец и золотопромышленник, друживший с декабристами и нередко помогавший им материально.

5. *А. Белоголовый — Е. А. Альфонской*

Сиверс. С. 235—236

[1] *Белоголовый Николай Андреевич* (1834—1895), сын А. В. Белоголового, известный врач, автор воспоминаний о декабристах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВД — Восстание декабристов. Документы. М.; Л., 1925—1984. Т. 1—18

ГАИО — Государственный архив Иркутской области

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР

ЛН — Литературное наследство

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

Сиверс — Сиверс А. А. П. А. Муханов: Материалы для биографии // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 1

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и органов гос. управления СССР

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив г. Москвы

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

(после фамилий указаны номера писем)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

9(С) 15
М92

М92 Муханов П. А. Сочинения и письма / Издание подготовлено Г. В. Чагиным.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991.—496 с., ил.— (Серия «Полярная звезда»).

В томе впервые собрано все известное в настоящее время литературное и эпистолярное наследие П. А. Муханова, декабриста, литератора.

М $\frac{0503020200-65}{М141(03)-91}$ 60—91 9(С)15

ISBN 5—7424—0269—4

П. А. МУХАНОВ. Сочинения и письма

Художник серии А. М. Муравьев
На обложке портрет П. А. Муханова, выполненный художником Н. П. Нератовой
На форзаце план Братского острога из книги С. Ремезова «Чертежная книга Сибири», 1701 г.
На фронтисписе портрет П. А. Муханова работы Н. А. Бестужева, 1832—1833

Редактор А. В. Глюк
Художественный редактор А. Г. Маклыгин
Технический редактор А. В. Пономарева
Корректоры В. М. Ермакова и С. Г. Калмыкова

ИБ № 1614

Сдано в набор 9.09.89. Подписано в печать 12.12.90. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура академическая. Высокая печать. Усл. печ. л. 26,14 (с фр.). Уч.-изд. л. 27,69 (с фр.). Усл. кр.-отт. 26,73. Тираж 40 000 экз. Заказ 1748. Изд. № 6345. Цена 3 р. 10 к.
Восточно-Сибирское книжное издательство Министерства печати и массовой информации РСФСР, 664000, Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», 664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

Бро

люд

р

Ока

мр

Брацкой

аски.

ди

р

Браской

Острог

3 р. 10 к.

Иркутск 1990

П. А. МУХАНОВ